

- [Мельтюхов Михаил Иванович](#)

-

- [Введение](#)
- [На пути к войне](#)
- [Политический кризис 1939 г.](#)
- [Сентябрь 1939 года](#)
- [Советский Союз и борьба за Скандинавский плацдарм](#)
- [Наращивание советского военного присутствия в Прибалтике](#)
- [Советский Союз и борьба за Балканы](#)
- [Советский Союз между Англией и Германией](#)
- [Советская разведка и проблема внезапного нападения](#)
- [Красная Армия перед войной: организация и кадры](#)
- [Советское военное планирование в 1940-1941 гг.](#)
- [Оценка советским руководством событий Второй мировой войны в 1939-1941 гг.](#)
- [Место "Восточного похода" в стратегии Германии 1940-1941 гг. и силы сторон к началу операции "Барбаросса"](#)
- [Заключение](#)
- [Приложение А](#)
- [Приложение Б](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Мельтюхов Михаил Иванович

Упущенный шанс Сталина

Михаил Иванович Мельтюхов

Упущенный шанс Сталина

Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941 гг.

(Документы, факты, суждения)

Благодарности

Автор считает своим долгом поблагодарить всех тех, кто своей бескорыстной поддержкой, дружеским участием и полемическим настроением стимулировал научные поиски, результатом которых стала эта книга. Прежде всего это относится к К.Б. Стрельбицкому, который не только стал первым читателем рукописи, но и своими конструктивными предложениями и ценными советами по военно-морской истории способствовал ее совершенствованию. Большое значение для автора имели весьма поучительные беседы с докторами исторических наук, профессорами Б.А. Томаном, В.И. Дашичевым, В.С. Лельчуком, А.П. Логуновым, В.А. Небезиным, кандидатами исторических наук Г.А. Бордюговым, В.П. Бобылевым и В.Д. Даниловым, а также предоставленные доктором Л. Самуэльсоном сведения о результатах независимой оценки шведскими военными экспертами ряда ключевых военно-исторических проблем. Искреннюю благодарность хотелось бы выразить редколлегии и редакции журнала "Отечественная история", на страницах которого впервые увидели свет отдельные части данного исследования. Свою признательность автор выражает также сотрудникам различных архивов и библиотек, всячески помогавших ему в его исследовательской работе, а также всем тем, благодаря кому стало возможным появление этой книги.

И, конечно же, особую благодарность автор выражает своей жене Елене Анатольевне, которая не только всячески поддерживала и вдохновляла его работу, но и внесла немалый вклад в существенное улучшение рукописи.

Москва.

Май 1996 г. - май 1999 г.

Главный закон Истории - не сметь лгать, второй - не бояться сказать правду.

Папа Лев XIII

В сентябре 1999 г. исполнилось 60 лет с момента начала Второй мировой войны - крупнейшего военно-политического конфликта XX века, активное участие в котором принимала и наша страна. Как и в любых других событиях человеческой истории, в истории Второй мировой войны скрыто немало тайн. Однако наибольшие дискуссии вызывает период с 1 сентября 1939 г. до 22 июня 1941 г. Это связано как со сложностью процесса формирования двух противоборствующих военно-политических группировок, так и с непрекращающимися попытками официальных историографий представить деятельность своих стран в этот период в более благоприятном свете, чем это было на самом деле. Для российского читателя этот период Второй мировой войны является предысторией другой войны - Великой Отечественной, начавшейся с трагических поражений Красной Армии и ставшей одной из самых тяжелых за всю историю Российского государства.

В течение десятилетий историки разных стран в своих трудах стремились дать ответы на вопросы о том, как возникла война, почему относительно локальный европейский конфликт перерос в мировую глобальную войну, кто и в какой степени несет ответственность за такое развитие событий. Конечно, ответы на все эти вопросы давались на основе доступных в момент написания различных работ документов, а также с учетом политической конъюнктуры. Однако источниковая база исторических исследований постепенно расширяется, становятся доступными для историков еще недавно секретные документы. Естественно, это вызывает новые попытки осмыслить появившуюся информацию, уточнить наши знания о прошлом. Ныне этот процесс идет и в российской исторической науке. Стремясь максимально полно осветить все подробности событий, приведших к трагедии 1941 г., отечественные исследователи в 1940-1980-е годы на основе доступных источников проделали большую работу. Тем не менее начавшееся с конца 1980-х гг. появление новых документов, расширение доступа к архивным фондам и освобождение историков от жесткого идеологического диктата со стороны властей поставило задачу нового осмысления этой темы.

Отечественная историческая наука не первый раз сталкивается с подобной проблемой. Схожие процессы происходили в ней в XIX - начале XX вв. применительно к исследованию истории другой Отечественной войны - 1812 года. В течение первых 50 лет изучение истории той войны велось исключительно в рамках официальной версии событий, которая подкреплялась личной близостью ведущих историков к трону. Но в 60-е годы XIX века начался процесс переоценки устоявшихся взглядов, который шел далеко не просто и не безболезненно. Как и теперь, тогда тоже хватало поспешных выводов, хлестких заявлений, превалирования эмоций над существом исторических проблем. Так, в частности, своеобразным протестом против пересмотра устоявшейся версии событий стала всемирно известная эпопея Л.Н. Толстого "Война и мир". Как бы то ни было, к 100-летию войны 1812 г. был издан новый фундаментальный труд, обобщивший итоги исследований и до сих пор сохранивший определенное научное значение. Теперь, спустя еще почти 90 лет, российская

историческая наука может по праву гордиться результатами изучения тех далеких событий, что лишней раз подтверждает всем известную истину - спокойный и беспристрастный анализ всегда предпочтительнее чрезмерно эмоциональных оценок, лишь затемняющих суть дела.

В развитии исследований истории Великой Отечественной войны, видимо, идет схожий процесс. В течение 50 лет в рамках официальной советской версии событий, сформулированной еще в 1941-1945 гг. и закреплённой в выступлениях лидеров Советского государства и Коммунистической партии, было дано описание важнейших событий войны, изданы многие документы тех лет, возникла обширная литература по различным проблемам. Однако постепенно все яснее становилось, что чем больше мы узнаем о событиях тех лет, тем сложнее сохранять в неизменном виде официальную версию. Поэтому постепенно идеологический контроль за изучением этих тем усиливался и к началу 1980-х годов подавляющее большинство исследований истории Великой Отечественной войны стали походить друг на друга как две капли воды. Естественно, это порождало чувства неудовлетворенности и недовольства у многих историков: ведь что может быть тяжелее для исследователя, чем знание, которое невозможно обнародовать, обсудить с коллегами? Это в определенной степени объясняет тот бум исторических сенсаций, который захлестнул страну во второй половине 1980-х гг.

В начале 1990-х годов процесс переоценки истории Советского Союза зашел достаточно далеко, а тезис о "сталинских ошибках", приведших к трагичному началу войны, уже стал общим местом в литературе. К этому времени были введены в научный оборот многие ранее неизвестные факты и документы, но, к сожалению, далеко не всегда уделялось должное внимание обобщению этих материалов. Этот процесс в основном развивался в исследованиях внешней политики СССР 1939-1941 годов на основе заимствования ряда характерных для западной историографии концепций этого периода. И хотя эти исследования, как правило, не использовали значительный массив источников, не связанных напрямую с внешнеполитической деятельностью СССР, их появление стало первым шагом на пути к пересмотру официальной концепции кануна Великой Отечественной войны. Уже в 1991 г. А.Г. Донгаров высказал предположение, что "за событиями первого плана осени 1939 года - лета 1941 года, как будто бы указывающими на активную подготовку к отражению возможной германской агрессии, стояли какие-то сокровенные цели и расчеты Кремля, в которых вариант нападения Германии на СССР просто не предусматривался"¹. Определенная переоценка военно-исторических проблем кануна войны была предложена в работах Б.Н. Петрова и В.Н. Киселева², опубликованных в 1991-1992 гг., которые, однако, не получили должного отклика.

С 1993 г. военно-политические проблемы кануна Великой Отечественной войны оказались в центре дискуссии, вызванной публикацией в России книг В. Суворова³. Хотя эти работы написаны в жанре исторической публицистики и представляют из себя некий "слоеный пирог", когда правда мешается с полуправдой и ложью, они довольно четко очертили круг наименее разработанных в историографии проблем. За прошедшие годы дискуссия вокруг книг В. Суворова распалась на несколько направлений. Одни авторы просто отвергают его версию. Другие отвергают ее, ссылаясь на целый ряд ошибок и неточностей автора, не имеющих, правда, принципиального значения. Третьи, учитывая спорные и слабые положения этих книг, привлекают для анализа авторской версии новые документальные материалы, которые подтверждают необходимость дальнейшей разработки

этих тем⁴. Как ни странно, в ходе дискуссии проявилось стремление ряда зарубежных историков, довольно посредственно знакомых с обсуждаемой проблематикой и советскими архивными материалами, выступить в роли менторов российской исторической науки.

Как бы то ни было, развернувшаяся дискуссия привела к выявлению новых архивных документов по истории СССР 1939-1941 гг., свидетельствующих, что советское руководство, конечно же, имело собственный взгляд на политическую ситуацию того периода и пыталось использовать ее в своих интересах. Появившиеся материалы и исследования показали, что традиционная официальная версия об исключительно оборонительных намерениях СССР становится все менее обоснованной. Естественно, новый виток дискуссии не избежал определенной политизации, что было связано прежде всего с поддержкой Суворовым старой версии германской пропаганды о "превентивной войне" Германии против СССР и возложением на советское руководство вины за развязывание Второй мировой войны. Несостоятельность этих тезисов уже была неоднократно показана в литературе⁵, но сторонники традиционной версии продолжают ссылаться на них, обосновывая этим отказ от рассмотрения варианта советских наступательных приготовлений. Например, О.В. Вишнев полагает, что "стремление доказать наличие у Советского Союза "наступательных" намерений в отношении Германии служит обоснованию старого тезиса о "превентивной войне" гитлеровской Германии против СССР"⁶. Поэтому все, что говорит в пользу варианта "наступательных" намерений Москвы, следует отрицать всегда, везде и несмотря ни на что.

По традиции в развернувшейся полемике продолжается использование ненаучных аргументов. Вместо того, чтобы представить аргументированную неизвестными ранее документами и тщательными исследованиями точку зрения на обсуждаемые проблемы, некоторые защитники традиционной версии объявляют идущую дискуссию проявлением "антинаучной тенденции" и призывают "не давать возможности" оппонентам публиковать свои исследования⁷. Это подтверждает мнение Т. Манна, что "мы чаще злимся и возмущаемся, противодействуя какой-то идее, когда сами не слишком уверены в собственной позиции и внутренне готовы принять противоположную сторону". Как правило, сторонники традиционной версии предпочитают вести полемику именно вокруг концепции В. Суворова, что довольно странно, так как в полном виде ее не поддерживает, пожалуй, никто из серьезных исследователей. В результате создается впечатление, что эти проблемы можно рассматривать только с позиций автора "Ледокола" или с точки зрения традиционной версии. Однако это не так, и ставшие доступными документальные материалы и исследования последних лет позволяют предложить и другие концептуальные подходы к обсуждаемой проблеме. Тем не менее защитники официальной версии не останавливаются перед прямой фальсификацией, лишь бы избежать обсуждения проблем 1941 года на основе доступных ныне советских документов и новейшей отечественной историографии. Так, например, поступило руководство Ассоциации историков Второй мировой войны, когда посвященный этим проблемам доклад, обсуждавшийся на заседании 30 декабря 1997 г., был при публикации изложен таким образом, чтобы из него было удалено все, что не соответствует взглядам В. Суворова. Это, видимо, должно было придать большую убедительность опровержениям оппонентов⁸.

Более того, в ход пошли и фальсифицированные документы. Так, В.А. Анфилов для обоснования своей традиционной точки зрения ссылается на опубликованные в 15 томе сочинений И.В. Сталина (М., 1997) документы: "Выступление на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) (конец мая 1941 года)" и "Беседа с А.М. Лавровым 18 июня 1941

года"9 . Первый из них должен подтвердить отсутствие у советского руководства каких бы то ни было наступательных намерений, а второй - показать, что всеведущая советская разведка докладывала в Кремль о намерениях Германии, Японии, США и других стран только самую достоверную информацию. К сожалению, оба эти документа фальшивки, автором которых, по всей видимости, является В.М. Жухрай, в чьей художественно-публицистической книге они впервые и появились¹⁰ . Анализ содержания текста первого из них показывает, что он является довольно грубой компиляцией из мемуаров Г.К. Жукова и других материалов. Относительно второго документа утверждается, что генерал-полковник А.М. Лавров был начальником разведки и контрразведки и подчинялся лично Сталину. Однако ни один исследователь истории советской разведки не знает о такой странной спецслужбе, да и о ее начальнике тоже. Кстати, генерал-полковник с такой фамилией в 1941 г. также неизвестен. Правда, В.М. Жухрай предусмотрительно пишет, что А.М. Лавров - это псевдоним, то есть перед нами еще один вариант "тайного советника вождя". Содержание его доклада, состоявшегося, по мнению В.М. Жухрая, 12 июня, показывает, что он является компиляцией из материалов современных исследований Второй мировой войны. К сожалению, некоторые авторы некритично восприняли эти "документы" на веру и, вероятно, на них еще не раз будут ссылаться для подтверждения официальной версии.

Нельзя не отметить, что в отечественной исторической литературе отсутствуют исследования, посвященные комплексному анализу событий 1939-1941 гг. Как правило, этот период рассматривается в разных трудах в качестве простой прелюдии к событиям Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Возникновению этой ситуации способствовало то, что события предыстории войны, как и большинство прочих событий советской истории, должны были рассматриваться в литературе исключительно в рамках официальной советской версии, под которую подгонялись все новые факты, накопленные за прошедшие десятилетия и отражающие разные стороны этих событий. Первоначально преобладала версия, согласно которой мирная Советская страна подверглась внезапному нападению коварного агрессора. Позднее она была дополнена указанием на то, что нападение Германии привело к столь тяжелым последствиям в силу ошибок Сталина в оценке обстановки. Соответственно, в общественном сознании преобладает мнение, что до 22 июня 1941 г. Советский Союз являлся нейтральной страной, не участвовавшей в идущей войне в Европе. Однако ставшие ныне доступными для исследователей еще вчера секретные документы показывают, что все обстояло намного сложнее. К сожалению, расширение источниковой базы не привело к появлению работ, которые бы обобщали все известные на сегодня факты и документы.

Поэтому, на наш взгляд, ведущаяся ныне дискуссия оказалась в ситуации, когда процесс введения в научный оборот новых документов необходимо дополнить их комплексным осмыслением, что требует формулирования новых концепций участия Советского Союза в событиях 1939-1941 гг. Это позволит прежде всего подвести некоторые итоги дискуссии и сделать еще один шаг в сторону более объективной картины истории нашей страны в период Второй мировой войны. Для выполнения этой задачи следует на широком историческом фоне проанализировать внешнеполитическую деятельность советского руководства в межвоенное двадцатилетие и в 1939-1941 гг., его взгляды на события европейской войны, военные приготовления СССР и содержание советской пропаганды. Только подобное комплексное исследование позволит показать, насколько обоснован пересмотр традиционной версии отечественной историографии, и дать толчок дальнейшему изучению

этих проблем. Для выполнения этой задачи следует отказаться от двойного стандарта в оценках действий участников событий кануна и начала Второй мировой войны, который исходит из пропагандистских подходов, характерных для советской исторической литературы.

В основе советской пропаганды, а вслед за ней и историографии лежала идея о том, что внешняя политика государства зависит от его внутреннего строя. Соответственно, делался вывод, что политика капиталистического государства исключительно империалистическая, а социалистического государства - сугубо миролюбивая и оборонительная. В 1920-1940-е гг., когда лишь СССР считался социалистическим государством, эта идея в целом выглядела вроде бы убедительной, но в 1950-1980-е гг., когда возникла социалистическая система, выяснилось, что далеко не все эти государства обязательно находятся в хороших отношениях между собой, случались даже войны между ними. В данном случае советская пропаганда нашла выход, объявив ряд социалистических стран, которые проводили независимую от Москвы политику, несоциалистическими (Югославия, Китай). С другой стороны, выяснилось, что огромное большинство так называемых капиталистических стран присутствует на мировой арене в качестве статистов и их просто невозможно объявить "империалистическими хищниками". Все это начисто опровергает вышеприведенный постулат о прямой взаимосвязи общественно-политического строя и внешней политики государств. Схожий тезис использует и В. Суворов, полагающий, что именно коммунистическая идеология, которой он приписывает все возможные грехи, была побудительным мотивом советской внешней политики. Чтобы убедиться в несостоятельности этого утверждения, достаточно вспомнить хотя бы такие известные фигуры мировой истории как Тутмос III, Ашшурбанипал, Рамзес II, Навуходоносор II, Кир II, Александр Македонский, Юлий Цезарь, Траян, Атила, Карл Великий, Чингиз-хан, Наполеон и т.д. Никто из них не только не являлся членом коммунистической партии, но даже не был знаком ни с одним коммунистом, что, впрочем, нисколько не мешало им создавать великие империи.

В принципе давно известно, что внешняя политика государства зависит прежде всего от того, какое место это государство занимает в мировой иерархии. У "великой державы" эта политика одна, у региональной - другая, а у малой страны - третья. Кроме того, следует учитывать и те цели, которые пытается достичь та или иная страна. Например, государство может стремиться сохранить свое положение в мире, а может пытаться повысить свой статус на мировой арене. В первом случае, как правило, преобладают оборонительные методы, а во втором - наступательные. Хотя и в данном вопросе существует определенное различие. Поскольку страны с равным статусом также соперничают друг с другом, то "великая держава" не может просто занять оборонительную позицию, ибо это станет сигналом для других "великих держав" - противник слаб и можно усилить давление на него. Поэтому, чтобы быть в безопасности, "великая держава" всегда должна демонстрировать свою силу и друзьям, и соперникам. Среди самих "великих держав" также существует определенная иерархия. Так, в 1920-1930-е годы Англия и Франция являлись сверхдержавами (хотя такого термина тогда не использовали - они просто считались ведущими странами мира). Именно такой статус этих стран был закреплен в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. В 1940-1950-е годы сверхдержавами стали США и СССР, что и отражала Потсдамская система международных отношений.

Хотя межгосударственное соперничество является системообразующим фактором

международных отношений, не следует воспринимать "великие державы" лишь в качестве "империалистических хищников", поскольку они выполняют также ряд важных функций - устанавливают и поддерживают мировой порядок, концентрируют ресурсы для кардинального улучшения окружающей среды и технологических прорывов. Как правило, сфера влияния "великой державы" является районом относительно спокойного и стабильного развития. То есть, "великие державы" выполняют функцию лидера, стимулирующего развитие как контролируемого ею региона, так и мира в целом.

Во все времена международная политика представляла собой ожесточенную борьбу за контроль над имевшимися ресурсами, которые разными способами отбирались у слабого соседа. Не стал исключением и XX век, в самом начале которого разразилась очередная схватка "великих держав" за новый передел мира и его ресурсов. К сожалению, среди победителей в Первой мировой войне не оказалось Российской империи, которая в силу ряда внутренних и внешних причин переживала острый кризис (революция и Гражданская война), что привело к ее ослаблению и снижению ее статуса на мировой арене до роли региональной державы. Хотя большевики активно способствовали развалу Российской империи, они смогли создать на ее обломках новое крупное государство - Советский Союз - перед которым стоял выбор: согласиться со статусом региональной державы или вновь вступить в борьбу за возвращения статуса "великой державы". Советское руководство в Москве выбрало вторую альтернативу и активно вступило на путь ее реализации. То, что все делалось под лозунгами миролюбия и усиления обороноспособности, вполне понятно любое умное руководство старается не афишировать свои истинные намерения.

Поэтому в своем исследовании автор стремился рассматривать советскую внешнюю политику без каких-либо пропагандистских шор, а с точки зрения реальных интересов, целей и возможностей Советского Союза. При этом речь не идет об оправдании или обвинении советского руководства, как это зачастую практикуется в отечественной исторической литературе, продолжающей морализаторские традиции советской пропаганды. Автор полагает, что каждый читатель в состоянии дать собственную оценку описываемых событий кануна и начала Второй мировой войны, исходя из личных пристрастий и этических ценностей. Этот момент следует подчеркнуть, так как в подавляющем большинстве случаев в описываемых событиях действуют две и более сторон, каждая из которых стремится достичь своих целей, отстоять свои интересы. В историографии же преобладает оценочный подход, когда историк, исходя из своих собственных симпатий-антипатий делит всех участников исторических событий на "хороших" и "плохих" ("прогрессивных" и "реакционных" и т.п.), что в итоге ведет к определенному искажению исторической перспективы. Эта ситуация связана не столько со "злонамеренностью" тех или иных исследователей, сколько с идущей из глубины веков традиционно тесной взаимосвязи историографии и пропаганды, что, в свою очередь, базируется на свойственном любому человеку эмоциональном восприятии окружающего мира.

Однако эта особенность человеческой психики является питательной почвой для возникновения и закрепления предвзятого мнения, являющегося наиболее серьезной помехой на пути развития исторической науки, которая, как и любая другая наука, основана на принципе аргументированного доказательства выводов. Поэтому речь должна идти не о разделении участников исторического процесса на "хороших" и "плохих", а о восприятии истории во всей ее полноте как великой драмы, в ходе которой действующие силы отстаивают свою собственную правду и в силу этого в определенном смысле обречены на

столкновение. Конечно, такой подход непривычен для обыденного сознания, но только так историк может приблизиться к объективному воссозданию исторической реальности. Поэтому, прежде чем давать те или иные оценки событиям 1939-1941 гг., автор попытался обобщить известные на сегодня материалы с целью предложить свой ответ на традиционный двуединый вопрос любого исторического исследования: как происходили события и почему они происходили именно так? Конечно, это вовсе не означает, что автору удалось найти окончательные ответы на все вопросы и его исследование является "истиной в последней инстанции". В силу многогранности исторического процесса появление работ такого статуса, видимо, вообще пока невозможно. Свою задачу автор видел в том, чтобы на основе обобщения суммы известных ему фактов беспристрастно проанализировать события кануна и начала Второй мировой войны на уровне взаимодействия СССР и других великих держав и на этой основе уточнить привычные взгляды на проблемы этого периода.

Великий знаток человеческой души Оноре де Бальзак утверждал, что "существуют две истории: история официальная, которую преподают в школе, и история секретная, в которой скрыты истинные причины событий". Это своего рода аксиома может быть применена практически к любому периоду человеческой истории. Не является исключением и Вторая мировая война, которая за прошедшие десятилетия, казалось бы, изучена вдоль и поперек. Однако, как только речь заходит о расчетах и намерениях власть предержащих, на всякую официальную историографию нападет какое-то странное затмение и обычно воспроизводится набор общих традиционно пропагандистских фраз. Не стала исключением и советская историография, в рамках которой возможность появления неофициальных взглядов на историю нашей страны в XX веке была полностью исключена. В результате в советской исторической литературе сложилась традиция трогательного доверия к любым официальным документам и заявлениям властей. В литературе были несчетное число раз повторены пропагандистские штампы, ставшие в общественном сознании непререкаемой истиной, и под это предвзятое мнение, как правило, подгонялось всякое новое знание.

Даже сейчас, когда, казалось бы, есть возможность более спокойно и непредвзято взглянуть на историю событий кануна и начала Второй мировой войны, инерция привычных штампов продолжает действовать. Так, публикуя наконец-то рассекреченные документы, которые опровергают устоявшуюся официальную версию событий, авторы этих публикаций рассматривают эти документы как подтверждающие ее! Таков гипноз предвзятого мнения. Однако непредвзятое рассмотрение рассекреченных и частью опубликованных документов по советской истории 1939-1941 гг. показывает, что официальная версия этих событий нуждается в коренной модернизации на основе приведения ее тезисов в соответствие с имеющимися ныне в распоряжении историков документами. Эта сама по себе непростая задача еще больше затрудняется из-за того, что представители официальной историографии продолжают доказывать, что лишь их традиционная концепция является истиной в последней инстанции, а вполне обычному в любой науке процессу уточнения знаний на основе новых фактов придается некое неестественное значение посягательства на устои.

Так, М.А. Гареев, несмотря на то, что он сам впервые опубликовал сведения о том, что еще в марте 1941 г. советское военно-политическое руководство определило ориентировочный срок начала войны - 12 июня, утверждает, что "в 1941 г. Советский Союз ни о какой превентивной войне против Германии не помышлял и не мог помышлять"¹¹. И это при том, что все очевидцы событий в один голос утверждают, что в Москве считали войну с Германией неизбежной, об этом же свидетельствуют все доступные документы того

периода. Поэтому в Москве не только могли, но и обязаны были "помышлять" о том, как создать наиболее благоприятные условия вступления в войну с Германией. В противном случае следует сделать вывод, что все советское руководство состояло из полных идиотов, которые не могли понять очевидные вещи и действовать в соответствии со своими интересами. Понятно, что подобное предположение совершенно не соответствует тому, что мы знаем о хозяевах Кремля и об их действиях в 1930-1940-е годы.

По свидетельству В.М. Молотова, который был в то время вторым человеком в советском руководстве после И.В. Сталина, подготовка к неизбежной войне с Германией, конечно же, велась. "Иначе зачем нам еще в мае месяце надо было из глубины страны перебрасывать в западные приграничные военные округа в общей сложности семь армий? Это же силища великая! Зачем проводить тайную мобилизацию восьмисот тысяч призывников и придвигать их к границам в составе резервных дивизий военных округов?" При этом сам Молотов признает, что срока германского нападения "точно не знали", но войска уже сосредотачивали. Естественно, возникает вопрос, что будет после того, как Красная Армия развернется на западных границах СССР, при том, что не ясно, нападет ли Германия в 1941 г. вообще? "Время упустили, - делает вывод Молотов. - Опеределил нас Гитлер!" (выделено мной. М.М.)¹² В чем, спрашивается, опеределил?

Определенный ответ на этот вопрос содержится в ныне доступных архивных документах идеологической и пропагандистской подготовки СССР к войне, которые свидетельствуют вовсе не об оборонительных намерениях советского руководства. Сторонники традиционной версии так и не смогли опровергнуть эти материалы, но был найден новый аргумент, чтобы не признавать очевидного. Так, Д.А. Волкогонов и А.С. Орлов утверждают, что "никому не известно о каком-либо документе, плане, которые бы подтверждали замысел Сталина совершить нападение на Германию в определенный момент"¹³. Им вторит В.Э. Молодяков, который признает, что "утвержденных идеологических документов много", но полагает, что "по-прежнему не найдено ни одного официально утвержденного плана (или хотя бы относящегося к нему документа), предусматривающего начало боевых действий советской стороной против Германии или ее союзников"¹⁴.

Действительно, многие документы до сих пор неизвестны, но не потому, что их искали и не нашли, а потому, что многие важные фонды архивов закрыты для неангажированных исследователей. Однако и известные документы советского военного планирования, которые действительно являются основным доказательством наступательных намерений СССР, позволяют усомниться в справедливости вышеприведенных высказываний. Ю.А. Горьков совершенно прав, призывая комплексно исследовать эти документы, чего, насколько нам известно, до сих пор не сделано. А поэтому его утверждение о том, что "все документы оперативного плана - от Генштаба до армий включительно позволяют сделать вывод о том, что Советский Союз не готовился к нападению на Германию первым"¹⁵, представляется преждевременным. Далее будут приведены конкретные документы, позволяющие отвергнуть эти предвзятые мнения.

Кроме того, следует помнить, что отечественная историческая наука лишь недавно приступила к изучению советской истории с использованием не только официальных документов, но и тех, что были скрыты в архивах с различной степенью ограничения их использования. Поэтому в данный момент историки не имеют возможности в полной мере реконструировать процесс принятия ключевых решений советским руководством в 1939-1941

гг., так как значительная часть соответствующих исторических источников все еще не доступна для исследования. Поэтому исследователи вынуждены скрупулезно реконструировать прошлое на основе довольно ограниченной документальной базы, которая все же значительно расширилась в последние годы, что в совокупности с другими материалами дает возможность перенести дискуссии на твердую почву фактов. Использование же широкого панорамного подхода с опорой на достижения отечественной и зарубежной историографии кануна и начала Второй мировой войны позволяет вписать новые сведения о военно-политических действиях СССР в 1939-1941 гг. в общую канву событий, расширяя наши знания об этом периоде мировой истории XX века.

В последние годы в российской литературе идет переоценка многих событий межвоенной истории XX века. Однако, к сожалению, нередко здесь основным мотивом служит не желание углубить наши знания о том периоде, а лишь стремление к огульному очернению советской внешней политики. Для этого, как правило, используются абстрактные моральные оценки, без учета конкретных исторических реалий и менталитета эпохи. Поэтому, на наш взгляд, следует попытаться непредвзято взглянуть на действия советского руководства в 1939-1941 гг. Автор полагает, что каждое государство имеет право проводить любую внешнюю политику, но это вовсе не означает, что в оценке этой политики следует исходить только из политической конъюнктуры. Более того, именно далекая перспектива позволяет более объективно оценить прошедшие события. Кроме того, не следует разрывать цепь событий, что также искажает их восприятие. Именно поэтому, по нашему мнению, важно рассмотреть разные стороны событий кануна Великой Отечественной войны в комплексе.

Таким образом, перед современной российской историографией стоит задача всестороннего изучения того пути, по которому удалось пройти Советскому Союзу от парии международного сообщества до второй сверхдержавы мира. Это позволит, с одной стороны, воздать должное нашим предкам, чьим потом и кровью был полит этот путь, а с другой стороны, даст современному российскому обществу определенные ориентиры на будущее. Конечно, решение этой задачи потребует длительных усилий и изучения как развития международных отношений на разных уровнях, так и внутренних изменений советского общества.

Данная работа подготовлена на стыке общегражданской, военной истории и историографии проблем 1939-1941 гг., что, по мнению автора, в полной мере отвечает понятию проблемного исследования. Вместе с тем попытка рассмотреть разные стороны истории этого периода предопределила некоторую мозаичность исследования, которое тем не менее, как надеется автор, не помешает целостному восприятию рассматриваемых в нем проблем. Поэтому для книги была выбрана форма очерков, каждый из которых представляет собой относительно самостоятельное и законченное произведение, посвященное той или иной стороне событий кануна и начала Второй мировой войны. Для подготовки данного исследования были использованы материалы рассекреченных ныне фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), многочисленные документальные публикации, воспоминания участников событий и посвященные периоду 1920-1940-х гг. исследования, позволившие получить широкую картину событий.

Вместе с тем хотелось бы заранее предупредить читателя, что поскольку большинство затрагиваемых в нашем исследовании проблем все еще вызывают ожесточенные споры между историками, по многим из них в общественном сознании сформированы устоявшиеся представления, в том числе и мифического характера, автор должен был подробно разбирать их с привлечением большого числа архивных документов, цифр, фактов и с учетом мнений других исследователей. Поэтому книгу вряд ли можно назвать "легким чтивом", но благодаря этому читатель получает возможность ознакомиться с современным состоянием изученности этих проблем, новыми или малоизвестными материалами. Понятно, что по теме исследования можно написать не одну книгу с подробным изложением различных сторон описываемых событий. Учитывая необходимость придерживаться более или менее приемлемого объема, автор отказался от описания тех сюжетов, которые хорошо известны не только специалистам, но и широким кругам общественности и успели уже стать общими местами любой мало-мальски популярной книги по кануну войны. В этом случае обычно следует отсылка к соответствующим работам. В отличие от некоторых публицистов автор полагает, что изучение событий 1939-1941 гг. потребует еще усилий не одного поколения историков, и всегда открыт для любой конструктивной дискуссии.

Вторая мировая война 1939-1945 гг. стала одним из важнейших событий в истории XX века, воздействие которого ощущается до сих пор. За прошедшие полвека, благодаря напряженному труду исследователей разных стран, возникла поистине необозримая мировая историография, содержащая анализ разных аспектов и событий войны. К сожалению, на процесс изучения общих проблем генезиса, хода и исхода войны определенный отпечаток наложила политическая конъюнктура времен "холодной войны", что затрудняет комплексный анализ событий 1930-х - первой половины 1940-х годов, без которого невозможно их объективное изучение. Так, в советской историографии господствовал тезис, что война была порождением капитализма, а в западной литературе сформировалась концепция, что война явилась столкновением "тоталитаризма" и "демократии", хотя ей противоречило утверждение, что СССР также был тоталитарным государством. Несмотря на то что в литературе продолжается дискуссия относительно точных определений понятий "тоталитаризм" и "демократия", ныне эту концепцию позаимствовали некоторые отечественные авторы.

Как правило, при анализе проблем генезиса Второй мировой войны предпочитают не вспоминать, что война - это один из методов взаимоотношений государств на международной арене вне зависимости от существующих социально-экономических отношений и политических режимов. Следовательно, сами по себе социально-экономические и политические различия совершенно не обязательно приводят к войнам. Значительно более важную роль в данном случае играют конкретные политические и экономические противоречия государств. Политика великих держав в 20-30-е гг. XX в., как и в любую другую эпоху, характеризовалась постоянным соперничеством и борьбой за расширение своего влияния на международной арене. Подобная политика проводится, как правило, вне зависимости от существующего политического режима, а уж влияние господствующих социально-экономических отношений вообще ощущается столь опосредованно, что не позволяет делать настолько прямолинейных выводов. В зависимости от объекта политики и общей ситуации любая великая держава применяет широкий диапазон методов от пропагандистско-идеологического влияния до прямого военного вмешательства.

Анализ ситуации межвоенного периода невозможен без рассмотрения некоторых общих проблем развития мировой экономики. Глобальное мировое хозяйство сложилось к началу XX в. в результате дополнения мирового рынка международным переплетением ссудного и предпринимательского капитала, создания колониальных империй. В начале XX в. мировое хозяйство состояло из индустриальных стран Запада и их аграрно-сырьевых приделков (колоний). Условием формирования мирового хозяйства был мировой рынок, образование которого особенно интенсивно проходило с середины XIX в., когда развитие массового машинного производства привело к перерастанию мирового рынка в мировую экономику. Наряду с обменом товарами большое развитие получили международные производственные связи, стимулируемые международной миграцией капитала. Сложившееся мировое хозяйство с установившимся международным разделением труда было подорвано в годы Первой мировой войны, что привело к переформированию мировой экономики. Основная роль в ней перешла от Англии к США, восстановление большей части Центральной и

Восточной Европы потребовало колоссальных вложений, большая часть которых досталась Германии, поскольку только она имела достаточно развитую промышленную и финансовую инфраструктуру и могла окупить вложенные средства. Малые государства Восточной и Юго-Восточной Европы могли предложить на мировой рынок лишь аграрную продукцию и сырье.

Развитие мировой экономики в 1918-1939 гг. отражало бечение двух основных тенденций. Одна из них - это идущая с XIX в. традиция либерального экономического режима, вторая - сложившаяся в годы Первой мировой войны государственно регулируемая экономика. С окончанием войны эта казавшаяся случайностью экономическая политика была отброшена. Среди великих держав превалировало стремление возродить экономический режим довоенного периода, и в 1920-е гг. казалось, что это в основном удалось. Лишь кризис 1929-1933 гг. окончательно развеял эти надежды. С целью преодоления кризиса все великие державы в большей или меньшей степени использовали государственное вмешательство в экономику. Тем самым окончательно сложилась тенденция, направленная на создание планомерно развивающейся современной системы регулируемой рыночной экономики, основанной на передовой технологии и рационализации производства, на усилении регулирующей роли государства.

Развитие мировой экономики в межвоенные годы четко распадается на два больших этапа: 1920-е и 1930-е годы, которые разделяются мировым кризисом 1929-1933 гг. В свою очередь каждый из этих этапов делится на два периода. Для 1920-х гг. это 1918-1923 гг. - включающие послевоенный бум и экономический спад - своего рода период адаптации экономики к мирному периоду и 1924-1929 гг. - период завершения послевоенного восстановления и роста национальных и мировой экономик. Англо-американское экономическое соперничество, в ходе которого США все сильнее наступали на экономические позиции Англии, пронизывает все 1920-е годы. Вслед за интенсивной американской финансовой экспансией и другие великие державы во второй половине 1920-х гг. расширили экспорт капитала, что привело к увеличению частных долгосрочных инвестиций с 41,6 млрд долларов в 1913-1914 гг. до 47,5 млрд долларов в 1929-1930 гг. Соответственно и объем мировой торговли, сократившейся с 64,8 млрд долларов в 1913 г. до 51,8 млрд долларов в 1920 г., возрос до 83,9 млрд долларов в 1929 г.¹⁶

Переместив экономический центр мира с европейского на американский берег Атлантического океана, Первая мировая война кардинально изменила систему мирового хозяйства. Наибольший выигрыш от войны получили США¹⁷, увеличившие свое национальное богатство на 40%, что сделало их потенциально господствующей силой в мире. Преодолев послевоенный экономический спад 1920-1923 гг., американская экономика стала уверенно набирать темп. До 1929 г. объем промышленного производства возрос на 26%, составив 43,3% мировой промышленной продукции. Используя свою экономическую мощь, США стремились распространить на весь мир доктрину Монро, создав под своей эгидой на основе соглашения с другими промышленными странами экономическую империю "открытых дверей и равных возможностей", которая рассматривалась в качестве панацеи от революции, что должно было сделать ее более привлекательной для будущих партнеров. Тем самым американское руководство пыталось экономическими средствами перевести потенциально господствующее положение США на мировой арене в реальное влияние.

Для ограничения экономических возможностей конкурентов США использовали вопрос о военных долгах европейских союзников, получивших кредитов на 10,6 млрд. долларов, большая часть которых приходилась на Англию, Францию и Италию. Естественно, что все

призывы Парижа и Лондона об аннулировании этих долгов вызывали резкий отпор Вашингтона. В 1923 г. Англия, а в 1926 г. и Франция были вынуждены подписать с США соглашения об уплате долгов, которые были наиболее жесткими по содержащимся в них условиям. В то же время Италия, чей долг составлял 2 015 млн долларов, должна была выплатить всего около 20% общей суммы из расчета 0,4% годовых. Тем самым проблема военных долгов стала экономическим рычагом подавления конкурентов. Добиваясь экономического внедрения в Европу, США в условиях послевоенного экономического хаоса предприняли целенаправленную финансовую интервенцию и успешно использовали проблему германских репараций. Принятие плана Дауэса (1924 г.) и широкие инвестиции в германскую экономику позволили США занять прочное место в центре Европы, а заодно создать экономический и политический противовес влиянию Франции и Англии.

Американская экономика, переживавшая во второй половине 1920-х гг. экономический бум, была кровно заинтересована в расширении экспорта и мировой торговли в целом. К концу 1920-х гг. США удалось значительно потеснить Англию на мировых рынках. Так, доля американского экспорта в Японии возросла с 16,8% в 1914 г. до 30% в 1927 г., а доля Англии сократилась соответственно с 16,8% до 7%. В Китае доля американского экспорта возросла с 6% в 1913 г. до 16,4% в 1926 г., а английского снизилась с 16,3% до 10,2%. В Латинской Америке американский экспорт возрос с 24% в 1913 г. до 38% в 1927 г., а английский сократился соответственно с 25% до 16%. Кроме того, США значительно расширили экономическое проникновение в Британскую империю и к 1929 г. американский экспорт в Канаду вырос до 68,6% по сравнению с 15% английского. В течение всех 1920-х гг. США уверено наступали на английские позиции в мировой экономике.

После Первой мировой войны Англия¹⁸ утратила роль мирового экономического и финансового центра, из кредитора превратилась в должника США. Внутри Британской империи ощутимо возросла экономическая роль доминионов. Окончание войны стимулировало экономический бум за счет перехода на выпуск гражданской продукции. Однако уже к концу 1920 г. в английской экономике наметился спад, а в 1921-1923 гг. она существовала в условиях кризиса. Стабилизируя финансовую систему и стремясь возродить веру в устойчивость фунта стерлингов, Англия была вынуждена согласиться на жесткие условия выплаты военного долга США. К 1925 г. Англии удалось восстановить "золотой стандарт", что позволило сбалансировать бюджет, но привело к сокращению социальных программ и снизило конкурентоспособность английского экспорта. К 1928 г. мировая торговля превысила уровень 1913 г. на 24%, в то время как внешняя торговля Англии была все еще на 20% ниже довоенного уровня. Соответственно и доля Англии в мировом экспорте сократилась с 12,9% в 1924 г. до 10,9% в 1929 г., поскольку ее товары вытеснялись более дешевыми американскими. 1920-е гг. были для английской экономики периодом затяжной стагнации, что объяснялось ее устаревшей структурой. Лишь в 1929 г. был достигнут довоенный уровень промышленного производства.

Франции¹⁹ удалось завершить восстановительный период к середине 1920-х гг., используя германские репарации. Восстановление северо-восточных департаментов страны стимулировало экономический бум, а на его основе происходила индустриализация промышленности, ее техническое обновление. Достигнув в 1924 г. довоенного уровня, французская экономика к 1930 г. превысила его на 40%. Однако доля Франции в мировом промышленном производстве снизилась с 7,2% в 1913 г. до 7% в 1928 г. Постоянное обесценивание франка до 1926 г. способствовало расширению внешней торговли, объем

которой возрос с 14,9 млрд франков в 1912 г. до 18 млрд франков в 1929 г. В 1926-1929 гг. Франция имела бездефицитный бюджет, стабильную валюту, ввела в 1928 г. "золотой стандарт". Вместе с тем французская экономика характеризовалась относительно низким техническим уровнем промышленности, невысокой производительностью труда и степенью концентрации производства. Попытки расширить экономическое сотрудничество с Германией во второй половине 1920-х гг. натолкнулись на ряд экономических и политических препятствий и окончились безрезультатно. В итоге, хотя промышленное производство во Франции возросло с 1920 г. до 1929 г. на 77%, ее экономика значительно отставала от экономики США, Англии и Германии.

Потерпев поражение в Первой мировой войне, Германия²⁰ оказалась в состоянии экономического краха. Территориальные потери, передача материальных ресурсов победителям в счет репараций, инфляция, политическая нестабильность вели к постоянному спаду промышленного производства. Доля Германии в мировом экспорте упала с 13% в 1913 г. до 5,8% в 1924 г. Правда, в условиях инфляции и финансовой реформы начала 1920-х гг. Германии удалось освободиться от 154 млрд внутреннего долга. Отсутствие механизма уплаты репараций вело к постоянным кризисам, которые под давлением Франции решались силой. Урегулирование проблемы репараций в плане Дауэса (1924 г.) позволило Германии получить необходимые инвестиции и на их основе модернизировать промышленность. К 1929 г. доля Германии в мировом экспорте возросла до 9,8%. Однако связанная репарациями и процентами по займам германская экономика была обречена на незначительную долю накоплений. До конца 1920-х Германии удавалось совмещать репарации, социальные выплаты и приемлемый уровень налогов, однако это равновесие было шатким из-за отсутствия финансовых резервов.

Экономическое положение Италии²¹, которая практически сразу же после окончания войны оказалась охваченной кризисом 1919-1923 гг., было сложным. Лишь в середине 1920-х гг. экономика Италии вошла в полосу подъема, чему способствовали стабилизация лиры в 1926 г. при помощи американских займов и значительные льготы по условиям выплаты военного долга США. В целом объем промышленного производства Италии возрос за 1924-1929 гг. на 19%, а ее доля в мировой промышленной продукции увеличилась с 2,7% в 1913 г. до 3,3%. В 1930-е гг. на развитии экономики Италии сказывалась ограниченность сырьевых запасов страны, что делало ее зависимой от импорта. Для экономики характерен длительный застой, сменившийся военной конъюнктурой. Прирост промышленного производства за 1929-1938 гг. составил лишь 10%, а удельный вес Италии в общем объеме мировой продукции обрабатывающей промышленности в 1930-е гг. несколько сократился.

Япония²² довольно успешно использовала Первую мировую войну для своего экономического развития, увеличив на 25% свое национальное богатство. Ослабление конкуренции великих держав на Дальнем Востоке позволило японской промышленности развиваться за счет экспорта, но восстановление довоенной ситуации привело к спаду вследствие узости внутреннего рынка. В 1920-1923 гг. японская экономика переживала кризис, осложненный землетрясением в районе Токио. Вторая половина 1920-х гг. характеризовалась умеренным промышленным подъемом, сдерживавшимся узкой сырьевой базой Японии. Объем внешней торговли вырос незначительно, с 1,9 млрд иен в 1920 г. до 2,1 млрд иен в 1929 г. В целом японская экономика была еще недостаточно развита. Хотя объем промышленного производства и возрос за 1924-1930 гг. на 28%, в 1930 г. легкая промышленность давала 61,8% продукции, а удельный вес Японии в мировом производстве

составил 2,5%.

Перед советским руководством²³ после окончания Гражданской войны стояла насущная задача восстановления экономики и нормализации жизни в стране. Снятие экономической блокады в январе 1920 г. позволило начать экономические контакты с европейскими странами, но они так и не стали прочными, поскольку на их развитии сказывалась политическая конъюнктура. Невозможность получения инвестиций на Западе без уплаты дореволюционных долгов вынудила советское руководство принять идею экономической автаркии с опорой на собственные силы. Провозглашенная в 1921 г. новая экономическая политика позволила восстановить экономику, но поставила ряд трудноразрешимых проблем. Центральной из них была проблема баланса государственного и частного секторов экономики, который так и не был найден. Применение принципов НЭПа было достаточно избирательным, порождая проблему степени государственного управления экономикой. Сформировавшийся рынок в силу вышеуказанных причин оставался неразвитым и деформированным, сохраняя высокий уровень монополизации. Сохранение высокого уровня дефицитности товарного рынка порождало периодические кризисы в 1923, 1925, 1927-1928 гг., урегулирование которых неэкономическими средствами из-за стремления сохранить политическую стабильность подрывали развитие рынка. Будучи компромиссом, НЭП не мог не закончиться кризисом, но позволил нормализовать экономическое положение в стране после Гражданской войны. В целом восстановление промышленности затянулось до 1928 г. СССР за счет экспорта сырья импортировал промышленное оборудование. Ставка на иностранные концессии как на проводников новейших технологий в целом не оправдалась, хотя и позволила получить некоторые выгоды.

"Военная тревога" 1927 г. обнажила ряд внутренних противоречий советского общества, показав, что значительная часть населения не поддерживает власть, паника обострила дефицит и привела к срыву хлебозаготовок. Советское руководство убедилось, что имеющаяся оборонная промышленность и армия не позволяют вести масштабные военные операции. Соответственно начался период планомерной подготовки экономики и армии к войне, которая была, по мнению советского руководства, неизбежна. Но развитие ВПК и армии требовало решения крестьянского вопроса и достижения морально-политического единства общества. Низкая товарность сельского хозяйства стимулировала необходимость государственного контроля за хлебным рынком, который был практически монополизирован им к 1926-1927 гг. Экономическая отсталость, характерная для дореволюционной России, не только не была устранена в 1920-е гг., но, наоборот, усугублялась, что ставило под угрозу выполнение задачи возвращения СССР в клуб великих держав. Перед советским руководством стояла дилемма: либо страна вновь станет великой державой и усилит свое влияние в мире, для чего требуется коренная модернизация экономики, либо ей придется довольствоваться ролью региональной державы с перспективой дальнейшего ослабления своего влияния. Стремление быстро поднять экономический уровень страны вело к подготовке экономического скачка, который должен был завершить начатое в конце XIX в. создание индустриальной структуры экономики.

Проблема финансирования модернизации усугублялась отсутствием свободных капиталов, что требовало от СССР получения средств из-за границы или изыскания их внутри страны. Интеграция в капиталистическую экономику была для советского руководства совершенно неприемлема, поскольку ставила проблему сохранения командных высот в экономике, а тем самым и власти в стране. Оставался лишь один путь - опора на

внутренние средства, что вело к усилению традиционного вмешательства государства в экономику, которое было единственной силой, способной осуществить аккумуляцию финансовых средств и их использование для модернизации промышленности. Убедившись на рубеже 1920-1930-х гг., что в международном плане у СССР нет серьезных проблем, советское руководство решилось на скачок. Кризис хлебозаготовок 1927-1928 гг., совпавший с подготовкой экономического скачка, обнажил проблему взаимосвязи дальнейшего развития сельского хозяйства при сохранении нэповских принципов и индустриализации. Осуществление форсированной индустриализации зависело от стабильного снабжения населения продовольствием, что требовало государственной монополии не только на хлебном рынке, как оказалось - явно недостаточной, но и во всем сельском хозяйстве. Эту проблему была призвана решить начавшаяся в 1929 г. коллективизация, которая резко подняла товарность сельского хозяйства за счет снижения жизненного уровня в деревне.

В ходе начавшейся одновременно Первой пятилетки дефицит финансовых средств стимулировал сокращение непроизводственных расходов, внеэкономическое принуждение и ударничество, которое должно было позволить преодолеть первую фазу индустриализации. В этих условиях советское руководство сделало ставку на форсированное развитие передовых отраслей тяжелой промышленности, которые могли стать базой для индустриализации других отраслей экономики. Мировой экономический кризис 1929-1933 гг. умело использовался СССР для закупок техники и технологии за рубежом. В годы Первой пятилетки около 95% советских промышленных предприятий получили западную помощь в форме техники, технологии или технической помощи. Сотрудничество с западными фирмами и использование дешевого труда советского населения позволили заложить основу современной тяжелой промышленности. Одновременно в сельском хозяйстве нарастал кризис, который привел в 1932-1933 гг. к голоду в деревне. Экстенсивное развитие в период создания основ современной индустрии в годы Первой пятилетки сменилось во Второй пятилетке более планомерным промышленным строительством, интенсивным освоением производственных мощностей и наращиванием производства. Одновременно ускоренным темпом развивался советский ВПК, общий прирост производства которого возрос за 1933-1937 гг. на 286% по сравнению с общим промышленным приростом на 120%.

Между 1928 и 1940 гг. СССР был радикально преобразован и стал могущественной военно-экономической великой державой, была создана современная тяжелая промышленность, заложены новые экономические центры. Создание современной промышленности позволило несколько повысить жизненный уровень населения и сократить закупки техники за границей. Теперь закупались лишь новейшие образцы техники и технологии, что привело к сокращению внешнеторгового оборота страны. Если в 1913 г. доля России в мировой торговле составляла 3,9%, то в 1929 г. на СССР приходилось всего 1,3%, в 1936 г. - 1,24% и в 1938 г. - 1,1%. Тем самым значительно сократилось использование страной международного разделения труда. Страна достигла высокого уровня экономической автаркии, что позволяло, наряду со стабильностью политического режима, целенаправленно готовиться к борьбе за усиление советского влияния в мире. "Единство нации укреплялось перед войной всеми возможными (и невозможными) средствами и было сильно, как никогда, в то время как весь мир, введенный в заблуждение чистками и репрессиями 1936-1938 гг., полагал, что СССР стоит на пороге краха. Только 22 июня 1941 года, когда Гитлер напал на Россию, миру открылась подлинная мощь этой страны"²⁴.

Мировой кризис 1929-1933 гг. нанес тяжелый удар по мировой экономике. Мировое

промышленное производство снизилось на 37%, сократилась емкость мирового рынка. Финансовый кризис привел к резкому сокращению экспорта капитала, который упал с 2,8 млрд долларов в 1928 г. до 344 млн долларов в 1932 г. и до 311 млн долларов в 1936 г. В индексном выражении экспорт капитала сократился со 100 в 1925-1928 гг. до 12 в 1932 г. и 10 в 1934 г. Соответственно, сократилась и общая сумма частных долгосрочных инвестиций с 47,5 млрд долларов в 1929-1930 гг. до 31,1 млрд долларов в 1938 г. Оказалась разрушенной кредитная сфера: в период кризиса 25 стран прекратили платежи на общую сумму 6,3 млрд долларов. Мировой валютный кризис привел к краху системы "золотого стандарта" и складыванию валютных блоков, что явилось попыткой защититься от девальвации валют. Стремление ведущих стран оградить свою экономику высокими таможенными барьерами в совокупности с вышеперечисленными проблемами вело к росту автаркических тенденций и формированию торговых блоков, что стимулировало атомизацию мирового рынка, усиливало двустороннюю торговлю в ущерб многосторонней. Стремление великих держав преодолеть кризис и его последствия на путях расширения экспорта усиливало рост конкуренции, государственную поддержку экспортеров и протекционизм. В результате относительно единая мировая экономика 20-х гг. оказалась в кризисе и стала распадаться на локальные экономические системы, подрывая мировую стабильность²⁵.

Кризис в наибольшей мере ударил по американской экономике²⁶. Пытаясь преодолеть кризис, американское руководство ввело в 1930 г. высокие таможенные пошлины на импорт, вызвав ответные меры, что ударило по американскому экспорту. В условиях валютного кризиса большая часть американских инвестиций в Европе, Канаде и Австралии обесценилась, а отмена долговых платежей с 1932-1933 гг. еще больше сократила заграничные инвестиции. Пытаясь надавить на отказавшихся от уплаты должников, США в 1934 г. приняли закон об отказе в кредитах этим странам, что еще больше ограничило возможности экспорта капиталов. В итоге объем внешней торговли сократился в 3,1 раза, а доля США в мировой торговле снизилась с 13,8% в 1929 г. до 10,8% в 1932 г. В течение 1930-х гг. США использовали все способы для преодоления зарубежных таможенных барьеров. К 1937 г. им удалось несколько увеличить свою долю в мировой торговле до 11,7%, но уже в 1938 г. она вновь сократилась до 10,7%. В 1930-е гг. сокращение объема внешней торговли США было более значительным, чем Англии.

Таблица 1

Индекс внешней торговли²⁷

1929 г. 1932 г. 1937 г. 1938 г.

США	100	30,5	39,2	31,1
Англия	100	39,6	48,1	42,8

Одним из наиболее заманчивых для США рынков являлась Британская империя, ставшая в 1920-е гг. объектом американского экономического проникновения. Однако кризис 1929-1933 гг. изменил ситуацию. Англия создала имперскую систему преференций. Соответственно, американский экспорт в империю сократился со 100 в 1929 г. до 26 в 1932 г. и вырос лишь до 66,9 в 1937 г. В то же время для Англии сокращение экспорта в империю было менее значительным: со 100 в 1929 г. до 50,9 в 1932 г. и 76,9 в 1937 г. Частные американские инвестиции в империю сократились с 5 164,3 млн долларов в 1930 г. до 4 165,8 млн долларов в 1938 г., а английские возросли со 2 187 млн фунтов стерлингов до 2 318 млн фунтов стерлингов (почти 11 590 млн долларов). Местом англо-американского торгового

соперничества оставалась и Латинская Америка. В годы кризиса Англии удалось улучшить там свои позиции. Ее удельный вес во внешней торговле 20 латиноамериканских стран возрос. В 1930-е гг. торговым конкурентом США стала и Германия. С 1929 г. до 1938 г. американский экспорт в Германию сократился с 401 млн долларов до 104 млн долларов, США были вытеснены с рынков Юго-Восточной Европы.

Таблица 2

Доля стран во внешней торговле Латинской Америки (%)²⁸

1929 г. 1933 г. 1938 г.

Англия	16,7	20,1	14,2
США	36,4	29,3	33,3
Германия	9,4	9,2	14,1

Международная экономическая конференция 1933 г. в Лондоне провалилась из-за позиции США по таможенным тарифам и девальвации доллара. В рамках "нового курса" было введено государственное регулирование экономики, что позволило перевести кризис в стагнацию, продолжавшуюся до 1936 г. и сменившуюся новым спадом в 1937-1938 гг. Несмотря на государственную поддержку, американская экономика развивалась в первой половине 1930-х гг. очень низкими темпами. Лишь в 1937 г. промышленность США превзошла уровень 1929 г., но уже во второй половине года наметился новый спад. Восстановление промышленности шло в США медленнее, чем в Англии, соответственно сократилась их доля в мировом промышленном производстве. Уверенное наступление США на экономические позиции Англии, успешно продолжавшееся все 1920-е гг., было прервано в условиях мирового кризиса начала 1930-х гг.

Английская экономика²⁹ ощутила воздействие кризиса с начала 1930 г. Относительно неглубокий спад производства поставил Англию в более выгодные условия по сравнению с США. В 1931 г. Англия отказалась от "золотого стандарта" и девальвировала фунт стерлингов, что вызвало снижение цен на английский экспорт, сделав его более конкурентоспособным, нежели американский. Для борьбы с американской торговой конкуренцией в 1931 г. создается Стерлинговый блок, а с 1932 г. вводятся имперские преференции. Все это позволило Англии вновь занять первое место в мировой торговле, увеличив свою долю с 13,05% в 1929 г. до 13,24% в 1932 г., тогда как доля США сократилась с 13,84% в 1929 г. до 10,8%. В условиях валютного кризиса Англия смогла сохранить относительно высокие показатели в экспорте капиталов. Так, в 1932-1938 гг. США вывезли 191,2 млн долларов, а Англия 1 млрд долларов. Борьба девальвированных фунта стерлингов и доллара велась с переменным успехом до 1936 г., когда США, Англия и Франция договорились о финансовой стабилизации на достигнутом уровне. За это время Англия значительно улучшила свои позиции.

Уже в 1934 г. английская промышленность смогла превзойти уровень докризисного 1929 г., и середина 1930-х гг. стала для Англии периодом экономического подъема. Начавшееся с 1934 г. перевооружение британских вооруженных сил и рост военных расходов стимулировали промышленное производство. Потеснив на мировых рынках американские товары, Англия столкнулась с новым конкурентом - Германией, экономическое соперничество с которой также приняло мировой характер. В 1937 г. удельный вес в мировом экспорте готовых изделий составлял для Англии - 20,8%, Германии - 20,8%, США - 18,2%, Японии - 6,7%. Благодаря более высоким темпам промышленного развития Германия

к 1938 г. обогнала Англию по доле экспорта машин - 24% к 23% соответственно. К концу 1930-х гг. изменилось положение Англии на европейских рынках. Германия стала преобладать на рынках стран Юго-Восточной Европы, которые в силу своего преимущественно аграрного развития оказались привязанными к германскому рынку промышленных изделий. Для Англии, связанной имперскими преференциями, развитие торговли с этими странами оказалось затруднено. Жесткое англо-германское торговое соперничество шло и в Латинской Америке. Экономическая экспансия Германии оживила традиционные англо-германские противоречия, которые Лондон стремился преодолеть на основе глобальной договоренности с Берлином.

Влияние кризиса, сказавшегося лишь в 1931 г., на экономику Франции³⁰ было, в отличие от других великих держав, более продолжительным. Затяжная стагнация, поразившая французскую экономику в 1930-е гг., привела к падению доли Франции в мировом промышленном производстве с 7% в 1928 г. до 5,1% в 1937 г. На протяжении большей части 1930-х гг. промышленное производство во Франции находилось на уровне ниже довоенного 1913 г., что в условиях аграрного кризиса значительно повысило социальную конфликтность в обществе. В условиях кризиса Франция также ввела протекционистские тарифы. Внешняя торговля сократилась с 18 млрд франков в 1929 г. до 10,4 млрд франков в 1936 г. и лишь немного возросла в 1938 г. - до 14,1 млрд франков, за счет увеличения торговли с колониями. Соответственно доля Франции в мировой торговле также сократилась - с 7,7% в 1913 г. до 5,1% в 1937 г. В условиях девальвации доллара и фунта стерлингов франк также был девальвирован в 1936 г. Это спровоцировало резкий рост цен и привело к тому, что с 5 мая 1938 г. франк стал денежной единицей, привязанной к фунту стерлингов. На столь сложном состоянии экономики Франции сказались узость сырьевой базы, падение объемов внешней торговли. Устарелое оборудование и узость внутреннего рынка вели к введению протекционизма, что еще более сократило связь французской экономики с мировым рынком. Политические амбиции Франции после Первой мировой войны привели к трате значительных финансовых средств на иллюзорные цели, что способствовало подрыву денежной системы и росту государственного долга.

Мировой кризис 1929-1933 гг. очень сильно проявился в Германии³¹, что было связано с репарационными обязательствами и наличием в германской экономике слишком значительной доли иностранных инвестиций. Отзыв иностранных средств в период кризиса привел к краху финансового фундамента германской экономики. Экономический кризис в Германии привел к острому политическому кризису, выход из которого был найден в передаче власти НСДАП. Соответственно резко усилилось государственное вмешательство в экономику на основе стимулирования тяжелой промышленности и милитаризации. Инвестиции в легкую промышленность возросли с 1933 до 1935 г. лишь в 1,7 раза, тогда как в тяжелую - в 4 раза. Это быстро сказалось на развитии экономики, позволив Германии усилить экономическую экспансию на мировых рынках. Цель германской внешней торговли, также полностью контролировавшейся государством, состояла в обеспечении страны стратегическим сырьем. Во внешней торговле со странами Юго-Восточной Европы Германия широко использовала клиринг, что позволяло ей, имея пассивный торговый баланс, постоянно расширять импорт сырья и продовольствия с Балкан. К концу 1930-х гг. Германия стала преобладающей силой на рынках Юго-Восточной Европы, вытеснив оттуда Англию и США. В 1930-е гг. Германия успешно внедрялась и на рынках Латинской Америки, используя ту же клиринговую систему. В экспорте готовой продукции, особенно машин, Германии

удалось внедриться и на рынки Британской империи, пользуясь относительной дешевизной своих товаров по сравнению с английскими.

Еще в 1929-1932 гг. Германия добилась снижения объема, а затем и полной отмены репараций. Однако к 28 февраля 1933 г. внешняя задолженность Германии составляла 23,3 млрд марок. Германское руководство на основе соглашения с крупными кредиторами смогло реструктурировать свои долги. В течение 1934 г. германский долг был сокращен на 97%, что только в этом году сэкономило Германии 1 043 млн марок. Даже американские банки, которым Германия была должна 1 788 млн долларов, согласились на уступки, поскольку только на размещении облигаций по планам Дауэса и Юнга они получили почти 13 млрд долларов. Тем более, что Германия гарантировала выплаты по этим займам. Англия, которой Германия должна была на 30 сентября 1933 г. 132 млн фунтов стерлингов (1 718 млн марок), заключила соглашение о невостребовании кредитов, что подтолкнуло к подобному решению и малые страны Европы. Несмотря на германские махинации с выплатой долгов по планам Дауэса и Юнга, ни США, ни Англия не применяли санкций, опасаясь краха нацистского режима и большевизации Германии.

Став в 1930-е гг. крупнейшим рынком сбыта сырья и военных материалов, Германия обеспечила себе относительно благоприятное положение в торговле с Англией и США, которые опасались, что ограничения на подобные операции могли бы привести к увеличению германского экспорта и усилить конкуренцию. Тем более что к 1935 г. Германия стала крупнейшим импортером сырья и военных материалов из США и Англии. Реэкспорт стратегического сырья Англией в Германию давал ей значительные прибыли и одновременно ограничивал германское проникновение в Британскую империю. Соответственно доля сырья в германском импорте возросла с 53,6% в 1929 г. до 61,4% в 1935 г. Умело используя англо-американскую конкуренцию, Германия постоянно закупала в Англии и США новейшие военно-технологические разработки и лицензии на производство необходимых военных приборов. Гонка вооружений, все явственнее набравшая темп во второй половине 1930-х гг., стимулировала производство и приносила крупные прибыли международным картелям, которые активно использовались Германией для получения дополнительных финансовых средств в качестве премий за неиспользование экспортных квот, что было результатом милитаризации экономики.

Под прикрытием необходимости выплаты оставшихся долгов Германия постепенно расширяла экспортные операции. Англо-германская торговля осуществлялась на базе взаимных уступок, что привело к проникновению Германии на английский рынок. Доля Англии в экспорте Германии возросла с 7,4% в 1929 г. до 9,5% в 1937 г. Платежное соглашение от 10 августа 1934 г. позволило Германии получать за свой экспорт в Англию фунты стерлингов, расплачиваясь с английскими партнерами с помощью специального счета в Рейхсбанке. Только от махинаций в торговле с Англией Германия за период с 1 октября 1934 г. до 31 марта 1939 г. получила 55,5 млн фунтов стерлингов, из которых около 20 млн пошло на уплату долгов, а остальное на развитие германской внешней торговли.

Государственное стимулирование очень скоро сказалось на темпах экономического развития Германии. Общий объем производства средств производства в Германии составил в 1938 г. 37,5 млрд марок, тогда как в Англии - 25,4 млрд марок, во Франции - 10,9 млрд марок. В 1939 г. на Германию приходилось 43% общего производства вооружения в Германии, США, Англии, СССР, Италии и Японии. Обеспеченность Германии продовольствием также возросла с 65% в 1927 г. до 83% в 1939 г. Удельный вес Германии в

мировом промышленном производстве возрос с 8,3% в 1932 г. до 13,3% в 1939 г. (в границах 1937 г.), или 15% с оккупированными территориями. Соответственно Германия и экономически связанные с ней страны образовали третий торговый блок, основанный на клиринге и двусторонних финансовых отношениях. В 1938 г. Германия прочно заняла третье место в мировом внешнеторговом обороте, в котором на ее долю приходилось 9,4%. Попытки США и Англии сепаратно договориться с Германией о разделе рынков и координации экономической политики не дали результатов, поскольку в условиях англо-американского соперничества германское руководство умело использовало его для достижения собственных целей.

Состояние японской экономики³² к началу мирового кризиса характеризовалось преобладанием в ней отраслей легкой промышленности и сельскохозяйственного производства. 1930-е гг. стали периодом индустриализации Японии и создания современной по тому времени промышленности, развитие которой опиралось на военную конъюнктуру и использование сырьевых ресурсов Китая. Уже в 1937 г. тяжелая промышленность дала 57,8% продукции промышленности. Оборот внешней торговли возрос с 2,3 млрд иен в 1931 г. до 7,1 млрд иен в 1940 г. В течение 1930-х гг. в Японии значительно усилилось государственное регулирование экономики, завершившееся принятием в 1938 г. закона о контроле за промышленностью. Пытаясь решить проблему снабжения промышленности сырьем, японское руководство усилило контроль за валютными операциями и внешней торговлей, доля которой в мировой возросла с 2,9% в 1929 г. до 3,7% в 1937 г. Япония располагала довольно ограниченным финансовым рынком, поэтому было широко распространено государственное финансирование экономики. Значительное влияние на экономическое развитие оказывала военная конъюнктура.

Американо-японские экономические связи способствовали модернизации японской промышленности и делали Японию одним из наиболее выгодных рынков для американских экспортеров на Дальнем Востоке. Кроме того, модернизация японской экономики вела к усилению японо-английской конкуренции в Азии, что также было выгодно США. Общая архаичность общественных отношений в Японии способствовала извлечению высоких прибылей крупнейшими японскими промышленными группами и их американскими партнерами. В 1930-е гг. Япония стала вытеснять английские изделия легкой промышленности с рынков Азии. Используя свое географическое и военное положение, Япония усилила проникновение капиталов в Китай. Если в 1931 г. доля Японии в иностранных инвестициях в Китае составляла 35,1%, уступая только Англии, то в 1937 г. она возросла до 41,8%. Однако, несмотря на значительные изменения, произошедшие в японской промышленности в 1930-е гг., Японии не удалось существенно увеличить свою долю в мировой продукции обрабатывающей промышленности.

Развитие мировой экономики в межвоенное двадцатилетие, как уже отмечалось, прошло два основных этапа. В 1920-е гг. существовала в целом достаточно стабильная система мирового хозяйства, что способствовало сохранению послевоенного экономического статус-кво. Кризис 1929-1933 гг. изменил экономическую ситуацию. Единая мировая экономическая система оказалась расколотой на ряд локальных экономических систем, что привело к резкому усилению конкуренции великих держав. В 1930-е гг. начался явный процесс перераспределения экономических ролей великих держав в мировой экономике и изменения экономической картины мира. США и Англия продолжали противоборство за первое место в экономической иерархии великих держав. Германия стала третьей мировой

державой, значение Франции снизилось, а Италия в целом сохранила свои позиции. Новыми промышленными державами стали СССР и Япония. Если достигнутую к концу 1930-х гг. производительность труда в Англии и Германии принять за единицу, то в США она была в полтора раза выше, во Франции ниже в полтора раза, в Италии - в два, в СССР - в три, в Японии - в шесть³³.

Англо-американское экономическое соперничество стало настолько привычным за 1920-е гг., что экономическое усиление Германии поначалу не воспринималось сторонами как серьезная угроза. Не случайно и Англия, и США способствовали развитию экономики Германии, надеясь использовать ее для давления на соперника. Используя англо-американские противоречия, Германия смогла не только значительно усилить свою экономику, но и проводить самостоятельную политику. В результате сформировалась система трояственного экономического соперничества Англии, США и Германии, что позволяло всем его участникам играть на противоречиях соперников. Правда, положение трех экономически ведущих великих держав было различным. Так, экономика США при всех сложностях затяжной депрессии все-таки обладала значительными потенциальными резервами и была заинтересована в консолидации мировой экономики, где она могла бы играть ключевую роль. Экономика Англии смогла преодолеть последствия кризиса на пути усиления экономического обособления Британской империи, но обладала ограниченными ресурсами для сохранения своего экономического положения в рамках открытой мировой экономики. Германия, сумевшая благодаря жесткому государственному контролю мобилизовать свою экономику и стать третьей экономической державой мира, вообще не обладала существенными ресурсами для долговременной экономической борьбы. Поэтому экономическая экспансия Германии сопровождалась использованием скрытой, а позднее и открытой военно-политической угрозы.

Англия стремилась не только использовать германо-американскую конкуренцию в своих интересах, но и добиться всеобъемлющего урегулирования отношений с Берлином, создав своего рода европейский политико-экономический блок, направленный против США и СССР. В середине 1930-х гг. США также осознали необходимость определенной договоренности с Германией. В конце 1936 г. Вашингтон предложил создать европейский консорциум для эксплуатации бассейна реки Конго и предоставить средства для стабилизации экономики Германии, которая в ответ прекратила бы политику вооружения и автаркии. В результате осуществления этого плана международная торговля получила бы существенный толчок, США смогли бы усилить свою экономическую экспансию в Европе и Африке. Естественно, Англия всячески способствовала срыву этого плана и с начала 1937 г. усилила политику умиротворения Германии, надеясь достигнуть с ней собственного экономического соглашения. В 1937 г. США предложили провести конференцию для выработки мер по обеспечению равного доступа к сырьевым ресурсам в духе политики "открытых дверей", что, конечно же, вызвало негативную реакцию Англии, являвшейся собственником значительной части этих ресурсов. В ответ США и Германия провели в ноябре 1937 г. переговоры в Сан-Франциско о разделе мировых рынков, но в условиях экономического спада в США и более чем щедрых английских предложений в отношении пересмотра границ в Европе Германия уклонилась от каких-либо конкретных договоренностей³⁴.

Стремясь использовать Германию против США, Англия вовсе не собиралась ухудшать свои отношения с Вашингтоном, осознавая необходимость противовеса Берлину, который

всеми способами оттягивал заключение соглашения с Лондоном. Продолжая добиваться договоренности с Германией, Англия 17 ноября 1938 г. заключила с США торговый договор, предоставив им режим наибольшего благоприятствования, что приоткрыло для американской экономики дверь в Британскую империю. Однако контакты с Германией не прерывались и 14-16 марта 1939 г. в Дюссельдорфе было заключено англо-германское картельное соглашение, которое давало возможность изменить картельную структуру мира в пользу англо-германских монополий, а отказ США присоединиться к нему мог вызвать совместные ответные действия Англии и Германии. 11 марта 1939 г. Франция также предложила Германии заключить обширное экономическое соглашение. Все это не могло не вызвать бурного недовольства в США, которые в условиях угрозы экономической консолидации Европы с облегчением восприняли начавшийся предвоенный политический кризис, означавший подрыв этой опасной для них тенденции, что способствовало сохранению раскола Европы и возникновению войны³⁵.

Прочие великие державы не имели возможности вступить в глобальную экономическую борьбу, но зачастую становились конкурентами ведущих экономических держав на региональном уровне. Япония довольно успешно играла эту роль на Дальнем Востоке, Италия - на Балканах и в Восточной Африке, Франция - в Европе и собственных колониях. Лишь СССР не участвовал в этой экономической борьбе, хотя и использовал свои внешнеторговые связи для усиления своего влияния. Распад мировой экономики на локальные экономические системы не только обострил взаимную конкуренцию великих держав, но и способствовал усилению гонки вооружений, которая рассматривалась в качестве средства стимулирования экономического подъема. В 1938 г. военные расходы Германии, Италии и Японии составляли 1 905 млн фунтов стерлингов, Англии, Франции и США - 829 млн фунтов, СССР - 924 млн фунтов стерлингов³⁶. Понятно, что милитаризация экономик Германии и СССР и развитие японской экономики в условиях военной конъюнктуры оказало определяющее влияние на их структуру. Не располагая возможностями для экономического противоборства на мировой арене, эти страны целенаправленно создавали военно-промышленный комплекс, готовясь к войне, что отражало их экономическую слабость, вынуждая ставить на первое место подготовку к деятельности в период военного времени, когда сама война рассматривается как необходимое условие для изменения своего места в мире.

Таблица 3

Военные расходы великих держав Европы (млн \$)³⁷

Год Германия Англия Франция Италия Всего

1932 253,5 (17,3%) 426,1 (29,2%) 509,2 (34,9%) 270,6 (18,6%) 1 459,4 (100%)

1936 3 600,0 (58,1%) 846,9 (13,7%) 834,4 (13,4%) 916,1 (14,8%) 6 197,4 (100%)

1939 4 500,1 (50,1%) 1 817,0 (20,2%) 1 800,2 (20%) 873,4 (9,7%) 8 990,7 (100%)

Экономическое соперничество в треугольнике Англия - США - Германия наложило на политическое противоборство великих держав на международной арене, что привело к взаимному стимулированию тех и других противоречий.

Версальско-Вашингтонская система представляла собой определенную форму политической организации международных отношений после войны 1914-1918 гг. и была закреплена в договорах и соглашениях 1919-1922 гг. Как обычно, основой системы международных отношений, важнейшим внутренним фактором ее развития являлся баланс сил, понимаемый как конкретно-историческое соотношение удельного веса и влияния

входящих в систему государств, и в первую очередь великих держав, которые по сути являлись основными системообразующими элементами. Конечно, средние и малые государства также влияли на общий баланс сил в системе международных отношений, но преимущественно на региональном уровне. Существование любой, в том числе и Версальско-Вашингтонской системы, продолжается до тех пор, пока закрепленное в ней соотношение (баланс) сил между отдельными странами соответствует реалиям процесса исторического развития государств. Определенная устойчивость, присущая системе международных отношений, зависит от степени ее равновесности, являющейся частным случаем баланса сил, при котором он соответствует как минимум балансу главных интересов великих держав³⁸.

Однако в силу внутреннего развития великих держав "интересы одной или нескольких стран начинают выходить за рамки сложившегося баланса сил, в результате чего стабильность системы нарушается. В случае, если не удастся модифицировать систему и прийти к новому консенсусу, система разрушается. Переход от одной системы к другой, как правило, сопровождается войнами. Взаимоотношения государств внутри системы международных отношений определяются в первую очередь их отношением к существующему балансу. Некоторые стремятся к его закреплению, другие - к трансформации, третьи - к разрушению. В зависимости от этого государства и строят свои отношения друг с другом как союзники, партнеры или же как противники. Страны, стремящиеся к поддержанию равновесности системы, называют государствами-балансирами. Они выступают гарантом сохранения системы международных отношений, ее адаптации к новым историческим реалиям"³⁹.

Оформление нового мирового порядка в Европе после Первой мировой войны было осложнено революцией в России и хаосом в Восточной Европе. Выработкой Версальского договора занимались только победители, которые зачастую преследовали различные цели. Для Франции основное значение имело максимальное ослабление Германии, что позволяло закрепить французскую гегемонию в Европе и обезопасить ее восточные границы. Англия и США были более заинтересованы в сохранении европейского равновесия. Для этого требовалось в большей степени учитывать интересы Германии, которую в условиях распада Австро-Венгрии, революции в России, общего национально-революционного подъема и действенной большевистской пропаганды можно было использовать в качестве стабилизирующего фактора в Центральной и Восточной Европе. В итоге Версальские договоренности были компромиссом между этими крайними позициями за счет побежденных, что предопределило революционный подъем в Венгрии, становление массовых коммунистических партий и реваншистский вектор внешней политики Германии. Англия и Франция пытались использовать новые государства, возникшие в Европе, как против большевистской революции, так и против германского реваншизма. Однако роль союзников Лондона и Парижа никогда не была слишком высока и имела тенденцию к снижению.

Гарантией прочности Версальской системы могла бы стать согласованная позиция Англии, Франции и США. Однако США по ряду причин самоустранились от политических проблем Европы, а Англия и Франция по-разному видели перспективу европейского равновесия. Германия, ставшая объектом Версальского договора, и СССР, вообще находившийся вне рамок новой системы международных отношений, вполне естественно стали ее противниками. Тем самым Версальская система оставалась неравновесной и

неуниверсальной, а ее относительно высокая степень конфликтности, несмотря на широкую пропаганду пацифизма, предопределялась сохранением деления политической карты Европы на победителей и побежденных.

Урегулирование международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе проходило в более спокойной обстановке. В ходе конференции в Вашингтоне (12 ноября 1921-6 февраля 1922 г.) было установлено новое соотношение сил на Дальнем Востоке, в основе которого лежало партнерство великих держав на базе консенсуса по военно-морским проблемам, взаимных гарантий региональных интересов и общих принципов политики в Китае. Равновесность системы закреплялась новой ролью Японии, которая хотя и была вынуждена отказаться от союза с Англией и ограничить свои притязания в Китае и России, но получила гарантии военно-морской безопасности. Таким образом, Япония оказалась в роли основного гаранта Вашингтонской системы международных отношений. Однако гарантами от японского экспансионизма могли быть только дальневосточные державы в сотрудничестве с США и Англией, но они (СССР и Китай) были либо исключены из системы международных отношений, либо являлись её объектом. Поэтому, будучи более равновесной системой, нежели Версальская, она оставалась неуниверсальной, поскольку исключила из своих субъектов СССР и Китай.

В рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений все великие державы преследовали собственные цели, колеблющиеся в диапазоне от полного изменения мирового порядка до его значительной трансформации.

Основной целью Англии было сохранение роли политического центра мира и верховного арбитра в европейских делах, что требовало прежде всего восстановления в Европе "баланса сил". Европейское равновесие при косвенном британском контроле позволило бы Англии более активно противостоять двум основным угрозам ее положению в мире, исходившим от СССР и США. Создание "баланса сил" в Европе требовало от Англии ослабления преобладающего влияния Франции за счет усиления позиций Германии, что вело к уступкам Берлину. К консолидации Европы Англию также подталкивали центробежные тенденции, все явственнее ощущавшиеся в Британской империи. Сохранение положения Англии в мире в условиях изменения соотношения сил великих держав требовало контроля за процессом модернизации Версальско-Вашингтонской системы. Отражением этой политики стало "умиротворение", сводившееся к ревизии существующего мирового порядка под контролем Англии. К концу 1930-х гг. к двум уже традиционным угрозам английским интересам со стороны СССР и США добавилась угроза со стороны Германии, что поставило Англию перед проблемой выбора будущего партнера и цены сближения с ним.

Основной целью Франции было сохранение завоеванных позиций на основе создания общеевропейской системы безопасности, что встречало сопротивление остальных великих держав. Уступки Франции в вопросе о репарациях и равенстве прав Германии в вооружениях (1932 г.) и подписание Пакта четырех (1933 г.) вели к ослаблению ее влияния в Европе. Переговоры о Восточном пакте с целью создания общеевропейской системы безопасности натолкнулось на нежелание других великих держав и ряда французских союзников сотрудничать с СССР. В этих условиях договор с СССР стал для французского руководства средством давления на Англию и Германию. Кризис 1935-1938 гг. еще больше ослабил позиции Франции в Европе и привязал ее внешнюю политику к позиции Англии, рассматривавшейся в качестве естественного союзника против Германии.

В течение 1920-х гг. Италия продолжала внешнеполитическую традицию союза с

Англией для усиления своего влияния на Балканах. Но реальное усиление позиций Италии в Восточном Средиземноморье привело с 1928 г. к охлаждению итало-английских отношений. В 1930-е гг. усиление Германии увеличивало заинтересованность Англии и Франции в сотрудничестве с Италией, что позволило последней добиться от них ряда уступок в Африке. В ходе кризиса 1935-1938 гг. Италия начала сближение с Германией, положив в основу своей внешней политики балансирование между Германией, Англией и Францией для расширения влияния в Средиземноморье, что было вполне совместимо с трансформацией существующей системы международных отношений.

Основной внешнеполитической целью Японии было расширение зоны влияния на Дальнем Востоке. В условиях гражданской войны в Китае, активного советского проникновения в Синьцзян, Монголию и Северную Маньчжурию, советско-китайского конфликта и англо-американского соперничества Япония сделала ставку на военно-политическое решение дальневосточных проблем. Использование межимпериалистических противоречий в регионе, антибольшевистская и антиколониальная пропаганда, обретение союзников в Европе позволили Японии проводить экспансионистский курс и сохранять приемлемые отношения с прочими участниками борьбы за влияние в регионе. В целом японское стремление к усилению своего влияния ограничивалось Дальним Востоком и было вполне совместимо с трансформацией существующей системы международных отношений.

Для Германии основной внешнеполитической целью была ревизия Версальского договора, а в перспективе и глобальное изменение существующей системы международных отношений. Используя противоречия между остальными великими державами, Германии удалось к концу 1932 г. устранить наиболее тяжелые последствия поражения в Первой мировой войне. Новое германское руководство успешно продолжило эту политическую линию, взяв на вооружение "политику свершившегося факта". Кризис 1935-1938 гг. усилил позиции Германии, которая нашла союзников и новые возможности для давления на Англию и Францию. Используя политику "умиротворения", свои достижения в экономике, военном строительстве, идеи антибольшевизма, пацифизма и национализма, Германия смогла с начала 1938 г. перейти к ревизии территориальных установлений Версальского договора. В итоге к концу 30-х гг. Германия значительно увеличила свой военно-экономический потенциал и влияние на международной арене.

В годы революции и Гражданской войны Советский Союз утратил завоеванные Российской империей позиции на международной арене и территории в Восточной Европе. По уровню своего влияния в Европе страна оказалась отброшенной на 200 лет в прошлое. Не случайно советское руководство взяло на вооружение концепцию "мировой революции", совмещавшую новую идеологию и традиционные задачи внешней политики по усилению влияния страны в мире. Стратегической целью внешней политики страны стало глобальное переустройство системы международных отношений, что делало основными противниками Англию, Францию и их союзников. Сделав ставку на неизбежность возникновения нового межимпериалистического конфликта, СССР стремился не допустить консолидации великих держав, справедливо воспринимая это как главную угрозу своим интересам. Советское руководство умело использовало официальные дипломатические каналы, нелегальные возможности Коминтерна, социальную пропаганду, пацифистские идеи, антифашизм, помощь некоторым жертвам агрессоров для создания имиджа главного борца за мир и социальный прогресс.

Основой внешней политики Соединенных Штатов было стремление занять место

Англии положение политического центра мира, что требовало полного переустройства системы международных отношений на основе создания глобального баланса сил великих держав под эгидой Вашингтона. Взяв на вооружение политику "изоляционизма", США положили в основу своей внешнеполитической деятельности экономическую экспансию, а экономическое соперничество с Англией вело США к поддержке Германии и Японии, экономическое усиление которых должно было осложнить положение Лондона и подтолкнуть его к уступкам Вашингтону. В 1930-е гг. при наличии сложных внутренних проблем США успешно использовали традиции английской политики "блестящей изоляции" XIX в., что позволяло им сохранять свободу рук, выжидая развития событий. Соответственно в отношении стран Латинской Америки с конца 1920-х гг. начинает проводиться политика "доброе соседство", на Дальнем Востоке - политика "непризнания", а в Европе - политика "нейтралитета". Наибольшую опасность для США представляла английская политика "умиротворения", реализация которой привела бы к сохранению основ существующей системы международных отношений. Тогда как срыв этой политики и эскалация кризиса благоприятствовали американским внешнеполитическим целям.

Говоря о развитии Версальско-Вашингтонской системы в межвоенное двадцатилетие, следует отметить наличие глобальных противоречий, оказавших первостепенное влияние на политику великих держав. Формирование послевоенной системы международных отношений проходило без учета интересов Германии и СССР, что сделало их ее противниками, и в Европе сложился политический треугольник (Англия и Франция - Германия - СССР), участники которого стремились достичь своих внешнеполитических целей, играя на противоречиях соперников. Опасаясь советско-германского сближения, Англия и Франция в середине 1920-х гг. пошли на уступки Германии, что привело к некоторому сглаживанию противоречий в Европе. Однако проблема СССР, стремившегося вернуть себе роль великой державы, так и осталась нерешенной, и в 1920-х гг. основным мировым противоречием было внешнее по отношению к системе международных отношений противоречие между СССР и мировым порядком, который в основном устраивал все остальные великие державы.

В 1930-е гг. изменение баланса сил великих держав привело к тому, что ряд держав сделали откровенную ставку на насильственную трансформацию Версальско-Вашингтонской системы, принципы которой перестали отвечать их интересам. Периферийное положение этих стран в системе международных отношений позволяло им использовать основное противоречие для улучшения своих позиций. К этому следует добавить общий рост регионализма, стремление всех великих держав использовать сложности соперников для улучшения собственных позиций. Тем самым обозначился внутренний кризис системы международных отношений, который невозможно было устранить без достижения нового баланса сил и интересов. Однако достаточно убедительные стимулы его достижения отсутствовали. Кризис мировой экономики совпал с кризисом Версальско-Вашингтонской системы, и все великие державы в той или иной степени стали на путь гонки вооружений, готовясь к новой борьбе за передел мира. Просто одни делали ставку на грубую силу, а другие - на использование ситуации в своих интересах. Таким образом в 1930-х гг. внешнее противоречие (СССР - Версальско-Вашингтонская система) было дополнено внутрисистемным, следствием чего стали кризис и крах системы международных отношений.

В результате политическая организация мира после Первой мировой войны оказалась

слишком уязвимой в силу внутренне присущих Версальско-Вашингтонской системе пороков. Крушение межвоенной системы международных отношений прошло несколько этапов. В 1920-е годы можно выделить два крупнейших кризиса Версальско-Вашингтонской системы, которые привели к ее модернизации в Европе (1923-1925 гг.) и изменению соотношения сил на Дальнем Востоке (1925-1929 гг.). В 1930-е годы кризис 1931-1933 гг. положил начало насильственной трансформации системы международных отношений, а в ходе кризиса 1935-1938 гг. обозначилось ее крушение.

Первым внешним кризисом Версальско-Вашингтонской системы стали события 1923-1925 гг.⁴⁰ в Европе и на Ближнем Востоке, связанные с установлением Версальской системы. К осени 1922 г. стало ясно, что Турция, опираясь на советскую поддержку, отстаивала свою независимость и Севрский договор требует коренного пересмотра. Новое соглашение выработывалось в ходе Лозаннской конференции (20 ноября 1922-24 июля 1923 г.), на которой кроме собственно турецкой проблемы обсуждался вопрос о режиме Черноморских проливов. Борьба Англии и СССР по вопросу о проливах привела к обострению их отношений, и, опасаясь советско-турецкого союза, творцы Версальской системы пошли на уступки Турции, получившей современные границы, а вопросы режима проливов были решены без учета советских интересов. 17 декабря 1925 г. СССР заключил с Турцией договор о дружбе и нейтралитете, гарантировав безопасность своих южных границ, а 5 июня 1926 г. была окончательно установлена турецко-иракская граница.

Тем временем многочисленные трения между Германией и ее победителями по вопросам репарационных выплат и выполнения в полном объеме Версальского договора в конце концов переросли в острый кризис. Попытка Германии добиться пятилетнего моратория на уплату репараций и получить инвестиции для экономического восстановления не встретили поддержки на Западе. Это привело к отказу Германии от уплаты очередного репарационного взноса. В ответ Франция и Бельгия 11 января 1923 г. оккупировали Рур, а германское руководство провозгласило политику "пассивного сопротивления". Германия оказалась охвачена острым кризисом, оживились сепаратистские, националистические и социальные движения. Предложение Англии выработать действенный механизм взимания репараций при финансовом содействии восстановлению германской экономики вызвало возражения со стороны Франции, а попытки германского руководства привлечь для решения этих проблем США не увенчались успехом. СССР осудил империалистический разбой Франции и решил использовать ситуацию в Германии для подготовки силами германской компартии (КПГ) революционного переворота.

КПГ развернула активную пропаганду, вынудив прочие рабочие организации ориентироваться на нее из опасения утратить влияние в массах. Это оживило сепаратистские настроения местных элит, которые боялись революции и политического хаоса. В условиях нарастания политического кризиса 27 сентября 1923 г. в Германии было введено чрезвычайное положение и заявлено об отказе от политики "пассивного сопротивления". Опираясь на рейхсвер, германское руководство начало наводить порядок. 11-16 октября в нарушение конституции были устранены рабочие правительства Саксонии и Тюрингии. КПГ не решилась на обострение обстановки, и "германский Октябрь" не состоялся. Лишь в Гамбурге, куда не успели сообщить об отмене выступления, 23-25 октября произошли уличные столкновения рабочих с войсками и полицией. На западе Германии 21 октября при негласной поддержке Франции была провозглашена Рейнская республика, но это эфемерное политическое образование так и не стало реальностью. В Баварии сепаратистские

настроения поблекли на фоне путча НСДАП 8-9 ноября, который стал последним крупным столкновением властей с политическими движениями в Германии. В начале 1924 г. политическая ситуация в стране нормализовалась, и 28 февраля чрезвычайное положение было отменено.

Обострение политической обстановки в Германии повлияло на позицию Англии и США, которые стали решительнее выступать за компромиссное решение проблемы репараций. В ноябре 1923 г. начала работу комиссия экспертов по выработке плана экономического соглашения и Германия получила первые англо-американские кредиты, а в декабре 1923 г. был подписан американо-германский торговый договор. Тем самым США начали активное внедрение на германский рынок, а Франция, оказавшись в политической изоляции и столкнувшись с рядом экономических трудностей, пошла на уступки. На Лондонской конференции (16 июля - 16 августа 1924 г.) был принят план Дауэса, вступивший в силу с 1 сентября 1924 г. Еще с декабря 1922 г. Германия предлагала гарантировать свои западные границы, а с сентября 1924 г. стала требовать места в Совете Лиги Наций. Начавшиеся в декабре 1924 г. переговоры по этим вопросам завершились выработкой в ходе конференции 5-16 октября 1925 г. и подписанием 1 декабря Локарнских соглашений. Включение Германии в Совет Лиги Наций, отложенное до сентября 1926 г., дало Берлину повод заключить 24 апреля 1926 г. договор о нейтралитете с СССР.

В итоге Версальская система была модернизирована с учетом реальной ситуации на Ближнем Востоке и в Европе. Германии удалось использовать противоречия как между западными великими державами, так и между Западом и СССР для начала ревизии Версальского договора и интеграции в существующую систему международных отношений, что не мешало развитию секретного военного сотрудничества с Москвой. Англии удалось вернуть себе роль общеевропейского арбитра, ограничить притязания Франции и укрепить свои позиции в отношении США. Франция, лишившись возможности односторонних санкций, была вынуждена ограничить свои притязания к Германии, ее восточноевропейские союзники не получили гарантий своих границ, что несколько ослабило французское влияние в регионе. Советскому руководству не удалось устроить в Германии революционный переворот, а опасения в отношении консолидации Европы на антисоветской основе были несколько смягчены дипломатическим признанием СССР со стороны Англии, Италии и Франции и заключением договора 1926 г., который рассматривался в качестве гарантии неучастия Германии в возможных антисоветских акциях Англии и Франции. США расширили свое экономическое присутствие в центре Европы, получив новый рычаг влияния. Италия, минимально затронутая кризисом, смогла сохранить свои владения в Эгейском море и, благодаря конфликту с Грецией в августе 1923 г., урегулировать спорные проблемы в отношениях с Югославией. События 1923-1925 гг. продемонстрировали малую эффективность Лиги Наций как международного органа и ее зависимость от политики великих держав.

Вторым внешним кризисом Версальско-Вашингтонской системы стали события 1925-1929 гг.⁴¹ в Китае, который являлся традиционным объектом эксплуатации великих держав. Хотя формально, согласно договору 9-ти держав, в Китае были ликвидированы сферы влияния Англии, Франции и Японии, в условиях фактического раскола страны на самоуправляющиеся регионы при сохранении номинального правительства в Пекине все великие державы поддерживали связи с теми или иными местными кликами, осуществляя через них свое влияние. Кроме того, в стране существовало два правительства: северное в

Пекине и южное в Гуаньчжоу, из которых первое признавалось на международной арене правительством единого Китая, хотя и не могло осуществлять свои функции внутри страны в полном объеме. В условиях национально-освободительного подъема, активной советской пропаганды и связей СССР с Гуаньчжоу, пекинское правительство 31 мая 1924 г. вслед за Англией и Италией пошло на нормализацию отношений с СССР. 20 января 1925 г. были нормализованы советско-японские отношения на основе признания сторонами Портсмутского мирного договора, и к 15 мая японские войска были выведены с Северного Сахалина, а за СССР была признана сфера влияния в Северной Маньчжурии. Тем самым СССР создал предпосылки для более активного вмешательства в китайские дела в процессе противостояния Вашингтонской системе международных отношений.

30 мая 1925 г. в ходе забастовки в Шанхае на японском предприятии английская полиция применила против забастовщиков оружие, что привело к взрыву возмущения в стране. Началось широкое антиимпериалистическое движение, ударившее прежде всего по позициям Англии в Китае. США и Япония постарались предоставить инициативу подавления движения Англии, исподволь укрепляя свое влияние в регионе. СССР также использовал начавшиеся события для расширения своего влияния в Китае, еще в январе 1924 г. содействовав созданию в Гуаньчжоу союза китайской компартии (КПК) и Гоминдана (ГМД), который смог отразить попытку мятежа местных милитаристов и сформировать Народно-революционную армию (НРА). На севере Китая шла борьба за Пекин между армией генерала Фэн Юйсяня, поддержанного СССР, и войсками Чжан Цзолина, которого поддерживала Япония.

Тем временем в Китае в июле 1926 г. НРА начала Северный поход, и к марту 1927 г. южная часть страны вплоть до Янцзы была подчинена правительству Гуаньчжоу. 22-23 марта 1927 г. войска НРА вступили в Нанкин и Шанхай, что резко обострило отношения с Англией и США, предпринявших обстрелы города и начавших переговоры с Чан Кайши о поддержке в случае антикоммунистического переворота. Тем временем СССР решил подтолкнуть события за счет устранения Чан Кайши и усиления влияния КПК. В Пекине 6 апреля 1927 г. части Чжан Цзолина напали на советское консульство и захватили документы о предполагавшемся аресте Чан Кайши, которые немедленно были переданы ему. 12 апреля Чан Кайши осуществил антикоммунистический переворот, разорвал союз с КПК и начал репрессии против ее членов.

С середины 1925 г. англо-советские отношения стали ухудшаться, так как английское руководство считало, что именно СССР спровоцировал волнения в Китае. В 1926 г. в условиях свертывания социальных программ в Англии начались массовые забастовки, что резко обострило внутреннюю ситуацию в стране. СССР не только использовал эти события для расширения пропаганды, но и поддерживал некоторые профсоюзы материально, что вело к еще большему охлаждению англо-советских отношений. 12 мая 1927 г. в Лондоне был совершен налет на советское торгпредство, где были обнаружены документы о помощи СССР забастовщикам, и 27 мая Англия разорвала дипломатические отношения с СССР. В тот же день японское руководство послало в Шандунь войска для прикрытия своего ставленника Чжан Цзолина в Пекине от НРА. Одновременно перед Токио встал вопрос об определении своей внешнеполитической линии в создавшейся обстановке, и в ходе Восточных конференций июня - августа 1927 г. японское руководство решило усилить экспансию в Китае. В начале сентября 1927 г. японские войска были выведены из Шандуня, а Чан Кайши совершил визит в Японию, пытаясь урегулировать отношения с этой страной в условиях

начала гражданской войны на юге Китая. Визит закончился без особых результатов, и нанкинское руководство стало ориентироваться на США, которые использовали эту возможность для усиления своих позиций в Китае.

После заключения в марте - апреле 1928 г. американо-нанкинских соглашений о будущих договорах, НРА начала поход на Пекин. Япония вновь использовала войска в Шандуне, но не смогла удержать Чжан Цзолина от вывода его войск из Пекина. Более того, многолетний японский ставленник в Маньчжурии был заподозрен в намерении договориться с Чан Кайши и США и убит во время возвращения в Мукден. Открытое вмешательство Японии привело к росту антияпонского движения в Китае. 5 июня 1928 г. НРА заняла Пекин, 25 июля правительство Чан Кайши было признано США, а 20 декабря - Англией. 29 декабря 1928 г. сын и преемник Чжан Цзолина Чжан Сюэлян признал власть ГМД над Маньчжурией. В этих условиях Япония, опасаясь ухудшить отношения с США и Англией, в мае 1929 г. вывела свои войска из Шандуня и 3 июня 1929 г. вместе с Германией и Италией признала новое правительство в Китае.

Консолидация Китая дала возможность нанкинскому правительству добиваться отмены привилегий иностранных держав. В 1928-1929 гг. Китаю удалось увеличить таможенные пошлины с 5 до 7,5% и вернуть 20 из 33 концессий. Стремясь ослабить советское влияние в Маньчжурии, китайское руководство в марте 1929 г. попыталось добиться выполнения советско-китайского соглашения о паритетном управлении КВЖД. Отказ СССР вызвал попытку Китая решить этот вопрос силой. 27 мая 1929 г. был совершен налет на советское консульство в Харбине, где были обнаружены документы о связях СССР с КПК и Фэн Юйсянем, находившемся в оппозиции к Чан Кайши, а 10-11 июля КВЖД была занята китайскими войсками. Переговоры сторон из-за неуступчивости СССР не дали результатов, что наряду с пограничными инцидентами вело к эскалации конфликта. Англия, Франция и США призвали стороны к решению проблем в рамках пакта Бриана - Келлога, но не признали самовольных действий китайской стороны, опасаясь создания прецедента. Япония и Германия заявили о своем невмешательстве. В октябре - ноябре 1929 г. Красная Армия вторглась в Маньчжурию и разгромила войска Чжан Сюэляна. Фэн Юйсянь поднял мятеж, сковав войска Чан Кайши и не позволив использовать их в Маньчжурии. Переговоры сторон при посредничестве Германии привели 22 декабря 1929 г. к урегулированию конфликта на базе восстановления статус-кво.

В итоге событий в Китае изменился баланс сил великих держав на Дальнем Востоке. В Китае возник новый центр власти, значительно более влиятельный в масштабах страны, нежели прежнее пекинское правительство. Английское влияние в Китае снизилось, а американское возросло. Япония была вынуждена считаться с новой ситуацией в Китае. Казалось, что на Дальнем Востоке создана база для укрепления Вашингтонской системы за счет поддержания баланса сил между СССР, Китаем и Японией. Однако в условиях начала гражданской войны в Китае между КПК и ГМД, разрыва советско-китайских отношений 15 декабря 1927 г. и военного конфликта в Маньчжурии отсутствовала база для сотрудничества Москвы и Нанкина, что объективно вело к дестабилизации системы международных отношений и открывало дорогу японскому экспансионизму.

Первым внутренним кризисом Версальско-Вашингтонской системы вновь стали дальневосточные события 1931-1933 гг.⁴² В условиях мирового экономического кризиса оживился японский экспансионизм. Великие державы были заняты борьбой с кризисом и с этой точки зрения не являлись угрозой для Японии. Китай и СССР после военного

конфликта 1929 г. не достигли улучшения отношений. Нанкин был занят войной с КПК на юге Китая, а СССР экономически и политически осваивал Синьцзян. Все это исключало консолидацию Москвы и Нанкина против Японии. Используя благоприятную международную обстановку, войска Квантунской армии 18 сентября 1931 г. вторглись в Маньчжурию. Вновь не получивший помощи от Нанкина Чжан Сюэлян, стремясь сохранить войска, отвел их, не ввязываясь в серьезные бои с японцами.

Обращение Китая в Лигу Наций, которая занялась изучением вопроса, продемонстрировало незаинтересованность Англии и Франции в решении этой проблемы. США посоветовали Нанкину не отвлекаться от войны с КПК. Само китайское руководство было заинтересовано в ослаблении Маньчжурской армии Чжан Сюэляна, поскольку это усиливало влияние Нанкина. Япония пропагандировала идею наведения порядка в Маньчжурии и очищения ее от коммунистических элементов. В условиях провозглашения КПК 7 ноября 1931 г. Китайской советской республики эта пропаганда встречала полное понимание на Западе. Это не мешало японскому руководству проявлять лояльность в отношении СССР и советских граждан на КВЖД. СССР со своей стороны не проявил стремления к вмешательству, хотя и осудил агрессию в прессе. В ноябре - декабре 1931 г., когда японские войска стали продвигаться в Северную Маньчжурию, считавшуюся советской сферой влияния, отношения Москвы с Токио несколько ухудшились, что породило в западном мире надежды на возникновение войны между ними. Но советское руководство решило договориться и 31 декабря 1931 г. предложило Токио заключить договор о нейтралитете на основе сохранения "свободы рук" в Китае.

7 января 1932 г. американское руководство опубликовало свою "доктрину непризнания" изменений на Дальнем Востоке, а Англия вообще официально не отреагировала на эти события. Нападение Японии на Шанхай 23 января 1932 г. обострило ее отношения с Англией, Францией и США, которые, даже предприняв военную демонстрацию, действовали несогласованно. СССР попытался использовать ситуацию и подписал с Японией соглашение о торговле бензином с Маньчжурией и разрешил ей использовать КВЖД для военных перевозок. Однако ситуация вокруг Шанхая была урегулирована, и советско-японские противоречия в Маньчжурии, где 1 марта 1932 г. было провозглашено Маньчжоу-Го, вновь оживились. СССР негласно поддерживал антияпонские восстания и действия партизанских отрядов КПК.

Осенью 1932 г. СССР пытался договориться с Японией на основе взаимного признания статус-кво и договора о ненападении, но Япония отклонила эти предложения, ибо была заинтересована в сохранении неопределенности и контролируемой конфронтации с СССР, что позволяло пропагандировать антикоммунистическую борьбу и получать поддержку западных держав. СССР, не имевший дипломатических отношений с США и Китаем и только 3 октября 1929 г. восстановивший дипотношения с Англией, был изолирован в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и Япония могла не опасаться альтернативных советских блоков. В этих условиях Китай и СССР восстановили 12 декабря 1932 г. дипломатические отношения, а на следующий день Япония официально отказалась от предложенного СССР пакта о ненападении.

24 февраля 1933 г. Лига Наций наконец-то рассмотрела Маньчжурский вопрос и, констатируя нарушение Японией договора 9-ти держав, высказалась за непризнание Маньчжоу-Го. В результате Япония 27 марта вышла из Лиги Наций. Консенсус тихоокеанских и дальневосточных держав распался, обозначив кризис системы международных отношений.

Отсутствие поддержки со стороны великих держав вынудило Китай на уступки Японии, что привело к перемирию в Таньгу 31 мая 1933 г., воспринятое в мире как завершение кризиса. Освободившись от угрозы расширения конфликта, Япония усилила давление на СССР по вопросу о КВЖД, и в 1935 г. она была продана Маньчжоу-Го. Это привело к сужению советского влияния в Маньчжурии, но позволило Москве избежать войны на Дальнем Востоке.

Тем временем в Европе во второй половине 1920-х гг. Германии удалось устранить ряд контрольных установлений Версальского договора. В 1929 г. была выработана новая система выплаты репараций в иностранной валюте при одновременном уменьшении ежегодных взносов и окончания выплат в 1988 г. (план Юнга), принятие которой Германией привело к выводу оккупационных войск из Рейнской области в июне 1930 г. В условиях мирового валютного кризиса с июля 1931 г. был введен мораторий на взаимные расчеты, и выплата репараций была прекращена. В ходе Лозаннской конференции (16 июня - 9 июля 1932 г.) германские репарации были сокращены до 3 млрд марок, которые должны были быть выплачены в течение 15 лет. На конференции по разоружению 11 декабря 1932 г. Англия, Франция, Италия и США признали за Германией равные права в деле развития вооруженных сил. Подобные уступки Германии вызвали заметное беспокойство французского руководства, которое начало искать возможности сближения с СССР. Заключение договоров о ненападении СССР с Финляндией, Эстонией, Латвией и Польшей в 1932 г. обезопасило его северо-западные границы от возможного антисоветского союза этих стран и позволило заключить 29 ноября 1932 г. советско-французский договор о ненападении. Используя выдвинутую Францией в конце 1920-х гг. идею общеевропейского союза, Англия и Италия предложили проект договора великих держав Европы, который был подписан 15 июля 1933 г., но так и не вступил в силу. Не добившись удовлетворения своих требований о довооружении, Германия покинула конференцию по разоружению и 14 октября 1933 г. вышла из Лиги Наций. Это подтолкнуло Францию продолжить сближение с СССР и привело к началу переговоров о Восточном пакте.

В итоге событий начала 1930-х гг. на Дальнем Востоке и в Европе система международных отношений дала первые трещины. Япония, используя разобщенность СССР и Запада и соперничество великих держав на Дальнем Востоке, начала насильственную ревизию Версальско-Вашингтонской системы. Однако, оказавшись перед выбором направления дальнейшей экспансии, решила не доводить дело до войны с СССР и вести осторожную политику в Китае, пытаясь расширить зону своего влияния мирными средствами и создать в Маньчжурии военно-экономическую базу для будущего. Германия смогла с согласия остальных великих держав ревизовать репарационные установления и военные ограничения Версальского договора и обеспечила себе более широкое пространство для маневра между великими державами. Англия продолжала политику консолидации Европы, что вело к новым уступкам Германии. США старались использовать создавшуюся ситуацию для осложнения положения Англии и пошли на дипломатическое признание СССР, рассчитывая использовать его в качестве противовеса Японии. Опасавшаяся за свою безопасность Франция выступила за создание европейской системы коллективной безопасности с привлечением СССР. СССР, на дальневосточных границах которого возник очаг военной напряженности, для обеспечения прочного тыла в Европе стал налаживать контакты со своими западными соседями, Францией и США, заявив о поддержке политики коллективной безопасности. Италия стремилась усилить свое влияние в Центральной

Европе (Австрия, Венгрия) и Восточном Средиземноморье.

Второй внутренний кризис Версальско-Вашингтонской системы, обозначивший ее крушение, разразился в 1935-1938 гг.⁴³ в Европе и на Дальнем Востоке. Выход Германии из Лиги Наций привел по инициативе Англии к оживленным переговорам об условиях ее возвращения в эту организацию. Английское руководство пыталось найти компромисс между требованиями Германии и интересами Франции, которая в условиях усиления угрозы ее безопасности продолжала добиваться заключения Восточного пакта. Это соглашение, зародившееся в условиях германо-польского сближения, ухудшения советско-германских отношений и развития франко-советских контактов, по разным причинам не устраивало Англию, Германию, Италию и Польшу, что сделало его заключение невозможным и стимулировало выработку советско-французского договора о взаимопомощи. Итогом переговоров о Восточном пакте стало вступление СССР по инициативе Франции в Лигу Наций в сентябре 1934 г. Одновременно в условиях угрозы независимости Австрии летом 1934 г. началось франко-итальянское сближение, завершившееся 7 января 1935 г. соглашением о содействии итальянского руководства в деле противодействия нарушению Германией версальских военных и территориальных ограничений в обмен на признание интересов Италии в Эфиопии.

1 марта 1935 г. Саар по итогам плебисцита был передан под юрисдикцию Германии, расширив ее экономическую базу. 3 февраля 1935 г. Англия и Франция предложили Германии переговоры о вооружениях и о пакте о взаимопомощи в Восточной Европе. В ответ Германия согласилась на двусторонние переговоры, чем тут же воспользовалась Англия. 4 марта 1935 г. в Англии была опубликована "Белая книга" о вооруженных силах, а во Франции 15 марта были увеличены сроки службы в армии, что дало Германии повод объявить об отказе от военных ограничений Версальского договора. 10 марта 1935 г. в Берлине было официально объявлено о создании ВВС, а 16 марта - о введении всеобщей воинской повинности. 18 марта Германия предложила гарантировать все свои границы, что было успешно использовано ею в пропаганде. 25-26 марта состоялись англо-германские, а 28-29 марта англо-советские переговоры, в ходе которых стороны обменялись мнениями соответственно о германских вооружениях и об отношении СССР к событиям в Европе.

Отказ Германии от выполнения военных ограничений Версальского договора привел к созданию англо-франко-итальянского "фронта Стрезы" 11-14 апреля 1935 г. 2 мая 1935 г. Франция пошла на подписание с СССР договора о взаимопомощи, который, однако, не был дополнен военной конвенцией, что ограничивало его значение. Незавершенность процесса создания франко-советского союза отражала необходимость для Франции сохранить своих союзников в Восточной Европе, которые были, как правило, настроены против возможного союза с СССР. Кроме того, Франция опасалась быть обвиненной в расколе Европы на военно-политические блоки и продолжала диалог с Германией в надежде на урегулирование. В ответ на заключение советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи Германия 21 мая 1935 г. потребовала пересмотра статуса Рейнской области. Создание "фронта Стрезы" не помешало Англии продолжить переговоры с Германией о военно-морских вооружениях. Заключение 18 июня 1935 г. англо-германского соглашения явилось двусторонним нарушением Версальского договора, нанесло удар по "фронту Стрезы", облегчив Германии игру на противоречиях великих европейских держав, ухудшило англо-французские отношения и стимулировало экспансионистские претензии Италии в Эфиопии. 19 июня 1935 г. было подписано франко-итальянское военное соглашение об

использовании войск сторон в Австрии и на Рейне. Англия, заинтересованная в сохранении нормальных отношений с Италией, 23 июня 1935 г. в ходе англо-итальянских переговоров об урегулировании эфиопской проблемы на основе обмена территориями молчаливо согласилась на любые действия Италии в Африке.

Нападение Италии 3 октября 1935 г. на Эфиопию и обсуждение этого вопроса в Лиге Наций в условиях предвыборной кампании в Англии привело к установлению с 18 ноября 1935 г. экономических санкций против Италии. В угоду общественному мнению Англия сосредоточила в Средиземном море Флот метрополии, не прекращая секретных поисков путей удовлетворения Италии в Африке. Столкновение с Италией или ее поражение не было целью Англии, потому что могло подорвать стабильность фашистского режима и усилить опасность создания "красной Италии". Франция отказалась поддержать военно-морскую демонстрацию Англии в Средиземном море и тайно нарушала экономические санкции. В санкциях не участвовали Германия, США, Япония, Австрия, Венгрия, Албания и ряд других стран, расширивших свое присутствие на итальянском рынке. Кризис в отношениях Италии с Англией и Францией был использован Германией для нормализации отношений с Римом. Стремление создать в Европе мощный противовес Англии, чтобы затруднить ей проведение политики экономического соперничества, определило внешнеполитическую стратегию США, которые использовали эскалацию напряженности вокруг Эфиопии для принятия закона о нейтралитете 1935 г., затруднявшего сотрудничество с другими странами в деле отпора агрессии, но не затрагивавшего экономические аспекты отношений.

В условиях охлаждения отношений между Англией, Францией и Италией Германия готовила ремилитаризацию Рейнской области, используя в качестве предлога предстоящую ратификацию советско-французского договора о взаимопомощи. Англия, Франция и США располагали сведениями о намерениях Берлина, но по разным причинам решили не противодействовать им. Англия надеялась усилить влияние на внешнюю политику Франции в условиях возрастания германской угрозы. Французское руководство, рассчитывая на поддержку Англии и Италии, не предприняло никаких самостоятельных действий, хотя согласно Локарнскому договору имело на это право. США были заинтересованы в осложнении положения Англии в Европе. Поэтому, когда 7 марта 1936 г. германские войска вступили в Рейнскую область, они не встретили отпора со стороны Франции. Лига Наций констатировала нарушение Германией Версальского и Локарнского договоров, что дало Франции формальный повод требовать помощи от Англии и Италии. Однако Италия отказалась от содействия до снятия наложенных на нее экономических санкций и признания оккупации Эфиопии, а Англия сослалась на отсутствие угрозы французской территории. Германская авантюра удалась, и Берлин тут же предложил заменить Локарнские договоры новыми соглашениями о ненападении, втянув Англию и Францию в бесперспективные переговоры. В результате бездействия Франции ее позиция в Европе и системе союзов был нанесен сильнейший удар, усиливший тенденцию "умиротворения" во французской политике.

Стремление Англии сблизиться с Турцией, которую предполагалось использовать в качестве противовеса Италии, привело к тому, что Лондон поддержал стремление Москвы и Анкары пересмотреть решения Лозаннской конференции о режиме Черноморских проливов. Италия отказалась от участия в конференции до снятия с нее экономических санкций, но и после их отмены позиция Рима осталась неизменной. В ходе конференции в Монтрё (22 июня - 21 июля 1936 г.) Англия и Франция согласились на изменение режима

Черноморских проливов с учетом интересов СССР. Начало франкистского мятежа в Испании 18 июля 1936 г. способствовало отвлечению внимания Англии и Франции от центральноевропейских проблем. Германия и Италия почти сразу же поддержали Франко, демонстрируя всему миру свою антикоммунистическую позицию, за которой скрывалось стремление усилить влияние в Испании и западном Средиземноморье. Позиция невмешательства, занятая Англией, Францией и США, как нельзя лучше соответствовала решению этой задачи. Несмотря на осложнение положения на Средиземном море, английское руководство сочло необходимым, прикрываясь пацифистской риторикой, проводить политику "невмешательства", то есть фактически поддержать Франко, в котором видели гарантию от "красной опасности", особенно в условиях расширения советского вмешательства в войну. Под нажимом Англии Франция также согласилась проводить политику невмешательства. Французское руководство не решалось на дальнейшее сближение с СССР, опасаясь ухудшения отношений с Англией и Германией и распада своих союзов в Восточной Европе, которые имели и антисоветскую направленность. Столь нерешительная политика Франции привела к отходу от нее ее прежних союзников. Применение США закона о нейтралитете в период гражданской войны в Испании было прямой поддержкой мятежников и интервентов и способствовало усилению Германии и формированию германо-итальянского союза, который рассматривался в США в качестве противовеса Англии и Франции.

Изменение ситуации в Европе стимулировало сближение Германии, Италии и Японии. Оккупация Эфиопии и прочие африканские проблемы заставляли Италию искать противовес Англии и Франции. На основе помощи Франко Италия все сильнее сближается с Германией, и 26 октября 1936 г. возникает "Ось Берлин - Рим". Вступление СССР в Лигу Наций, подписание советско-французского и советско-чехословацкого договоров в мае 1935 г. и поддержка Москвой МНР требовали от Японии поисков антисоветских союзников в Европе, поэтому в Токио благосклонно восприняли начавшиеся с мая 1935 г. германские зондажи. Осенью 1935 г. и весной 1936 г. на монголо-маньчжурской границе произошли новые столкновения, что вынудило СССР открыто заявить о своем союзе с МНР. Это, в свою очередь, ускорило заключение Германией и Японией Антикоминтерновского пакта 25 ноября 1936 г., которое было подкреплено новым столкновением на маньчжуро-советской границе у озера Ханка 26-27 ноября 1936 г. Тем самым Япония наглядно продемонстрировала всему миру антикоммунистическую подоплеку своих действий. 2 декабря 1936 г. был заключен итало-японский договор, а 6 ноября 1937 г. Италия вошла в Антикоминтерновский пакт. В рамках германо-австрийского соглашения 11 июля 1936 г. была обеспечена возможность германского влияния на эту страну. Пообещав Бельгии гарантию ее независимости и территориальной неприкосновенности, Германия добилась ее отказа от Локарнских договоренностей и провозглашения 14 октября 1936 г. нейтралитета.

Учитывая занятость Англии и Франции испанскими событиями, сотрудничество с Германией и Италией и не опасаясь вмешательства США, Япония решила перейти к активным действиям на континенте. Советско-маньчжурский инцидент на Амуре 29-30 июня 1937 г. дал Японии возможность продемонстрировать Западу неизменность своего антикоммунистического курса, а 7 июля 1937 г. Япония начала войну в Китае. Предложение Англии 12 июля 1937 г. предпринять совместный демарш в Токио и Нанкине не было поддержано США, которые, рассчитывая на обострение англо-японских отношений, 16 июля 1937 г. заявили, что не исключают возможность пересмотра итогов Вашингтонской

конференции. Соперничество Англии и США на Дальнем Востоке успешно использовалось японским руководством. Заключение 21 августа 1937 г. советско-китайского договора о ненападении ухудшило японо-советские отношения, но стороны лишь усилили пропагандистскую войну в прессе. В сентябре 1937 г. КПК и ГМД создали единый фронт, а Англия и США признали морскую блокаду китайского побережья Японией. Предложение Англии в октябре 1937 г. обсудить вопрос о бойкоте Японии не встретило поддержки США.

В создавшейся ситуации Лига Наций вновь продемонстрировала свою неэффективность. Поскольку великие державы в условиях начавшегося кризиса старались не портить отношений с Японией, поглощавшей значительную часть их экспорта, конференция стран-участниц договора 9-ти держав в Брюсселе в ноябре 1937 г. в силу общего нежелания вмешиваться в японо-китайский конфликт закончилась безрезультатно, обозначив крах Вашингтонской системы. Американское руководство, зная слабость японской экономики, совершенно не опасалось каких-либо антиамериканских военных акций с ее стороны. Англия и США больше были озабочены своими переговорами с Германией, а Япония успешно использовала жупел советской угрозы. Даже нападение японских войск на английские и американские суда вызвало со стороны Англии и США лишь дипломатические протесты. Правда, США с января 1938 г. расширили свою военно-морскую программу, но англо-американские переговоры декабря 1937 января 1938 г. о взаимодействии против Японии были прерваны, поскольку каждая сторона стремилась взвалить на партнера основное бремя действий. Отказ Японии выполнить требование совместной англо-франко-американской ноты от 5 февраля 1938 г. - прекратить начатое с 1935 г. строительство военно-морских баз на подмандатных островах, выходящее за рамки Вашингтонских соглашений, также не привел к каким-либо санкциям.

С весны 1938 г. Англия и Франция были связаны развитием событий вокруг Австрии и Чехословакии, но Япония, испытывавшая финансовый и экономический кризис, решила продемонстрировать свои хорошие отношения с Англией и США. В мае 1938 г. Англия передала Японии контроль над китайскими таможнями на оккупированной территории, а в июле начались секретные англо-японские переговоры, вызвавшие озабоченность США и обострившие англо-американские отношения. В условиях роста общественного недовольства попустительством японской агрессии и симпатий к СССР, снабжавшего Китай оружием, США были вынуждены 16 июня 1938 г. ввести "моральное эмбарго" на поставки авиационной техники в Японию, что не имело каких-либо серьезных последствий. Наступление японских войск в долине реки Янцзы потребовало от СССР определенных действий для отвлечения внимания Токио. Спровоцированный советской стороной конфликт у озера Хасан вызвал падение курса ценных бумаг на токийской бирже и позволил сторонам продемонстрировать свою непримиримость. 3 ноября 1938 г. Япония заявила о планах создания "Великой Восточной Азии". Это привело к началу англо-американских военно-морских переговоров о взаимодействии на Тихом океане, которые, правда, окончились безрезультатно. В декабре 1938 г. Англия и США предоставили Китаю займы, чтобы удержать его от капитуляции, поскольку затяжка войны сковывала Японию и была выгодна Англии, Франции, США и СССР. Захваты Японии в феврале 1939 г. в южном Китае вызвали протесты Англии, Франции и США, но предложение Вашингтона подкрепить эти протесты посылкой ВМС встретило возражение Англии.

Усиление германской экономики и начавшийся в 1937 г. новый спад производства в мире способствовали тому, что Германия все явственнее стала требовать ревизии

территориальных решений Версаля. Именно с 1937 г. во внешней политике Англии на первый план выходит идея "умиротворения" Германии за счет Восточной Европы и СССР. Удовлетворение экспансионистских претензий Германии должно было, по мнению английского руководства, привести к новому "пакту четырех". Сепаратные переговоры США и Англии с Германией в ноябре 1937 г. показали германскому руководству, что ни Англия, ни США, ни Франция не станут вмешиваться в случае присоединения Австрии, Судет и Данцига, если эти изменения не приведут к войне в Европе. С осени 1937 г. германское давление на Австрию нарастает. Во время англо-французских переговоров 29-30 ноября 1937 г. стороны договорились, что их интересы в Восточной Европе не имеют принципиального характера и не требуют проведения антигерманских акций. Попытки Австрии найти поддержку в Англии и Франции оказались тщетными, и 12-13 марта 1938 г. она была аннексирована Германией, которая значительно улучшила свое стратегическое положение в центре Европы. 17 марта 1938 г. СССР предложил созвать конференцию по борьбе с агрессией, но Англия, опасаясь раскола Европы на военно-политические блоки, высказалась против этой идеи.

Обострение ситуации вокруг Чехословакии в апреле - мае 1938 г. продемонстрировало нежелание Англии и Франции вмешиваться в дела Восточной Европы. Предложения СССР о проведении военных переговоров с Францией и Чехословакией от 27 апреля и 13 мая не были приняты, поскольку было бы "несчастьем, если бы Чехословакия спаслась благодаря советской помощи"⁴⁴. Англия пыталась возродить "фронт Стрезы" и 16 апреля 1938 г. признала захват Италией Эфиопии в обмен на сохранение статус-кво на Средиземном море, но расколоть германо-итальянскую ось не удалось. Майский кризис 1938 г. показал, что политика невмешательства чревата утратой англо-французского влияния на развитие событий, поэтому в разгар кризиса оба правительства заявили 21 мая 1938 г. о вмешательстве в случае германской агрессии, что вынудило Германию отступить. Однако вместо помощи Чехословакии Англия и Франция усилили нажим на нее в пользу передачи Германии стратегически важных приграничных районов. Английское руководство опасалось, что неуступчивость в Судетском вопросе может привести к германо-американскому сближению, а то и к краху нацистского режима, что не отвечало интересам Англии. США со своей стороны через своего посла в Лондоне 20 июля 1938 г. намекнули Берлину, что в случае сотрудничества между США и Германией Вашингтон поддержал бы германские требования к Англии или сделал бы все для удовлетворения германских требований к Чехословакии. Италия в ходе Чехословацкого кризиса старалась отвлечь Германию от Средиземноморских проблем и устранить оплот французского влияния в Центральной Европе.

Летом 1938 г. английское руководство стремилось найти новый компромисс великих держав Европы. Но вместо нажима на Германию Англия и Франция продолжали требовать от Чехословакии уступок во имя сохранения мира в Европе, поскольку война могла способствовать ее большевизации. Таким образом Чехословакия стала разменной картой в политике умиротворения Германии и базой нового компромисса. Английское руководство исходило из того, что слабая Германия не хочет, а сильная Франция не может пойти на закрепление британской гегемонии. Поэтому было необходимо усилить Германию, ослабить Францию, а заодно изолировать СССР, который 21 сентября вновь предложил провести конференцию для выработки мер против агрессии. В итоге 29-30 сентября 1938 г. в ходе Мюнхенской конференции Англия и Франция передали Германии Судеты в обмен на декларации о ненападении. Англия рассматривала Мюнхенское соглашение как

фундаментальную основу для дальнейшего англо-германского компромисса по всем кардинальным проблемам.

Эскалация кризиса и умиротворенческая позиция Англии и Франции позволили Италии сыграть роль миротворца на Мюнхенской конференции и, играя на противоречиях великих держав, к началу 1939 г. существенно повысить свою роль в европейских делах. Вместе с тем итальянское руководство было вынуждено отказаться от своих устремлений в Центральной Европе в пользу Германии. В результате Мюнхенского соглашения система военных союзов Франции распалась, а франко-германская декларация о гарантиях границ и консультациях не могла заменить ее. В декабре 1938 г. Франция признала итальянскую оккупацию Эфиопии. Это был апогей политики умиротворения, нанесшей колоссальный удар не только по влиянию Англии и Франции в Европе, но и по всей Версальской системе, которая практически прекратила свое существование.

Кризис и крах Версальско-Вашингтонской системы в течение 1930-х гг. не могли не привести к очередному столкновению между великими державами. В этом смысле можно говорить о том, что Вторая мировая война была закономерным явлением в период смены систем международных отношений и вряд ли могла бы быть предотвращена, поскольку экономические изменения в мире вели к изменению баланса сил великих держав, а достижение нового соглашения о статус-кво затруднялось сложностью определения нового соотношения сил. Великие державы по инерции продолжали строить свою политику, исходя из привычных оценок и стремясь максимально использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. США, Германия и СССР стремились к полному переустройству системы международных отношений, тогда как Англия и Франция были согласны лишь на ее частичную модернизацию, а Италия и Япония занимали промежуточную позицию, стремясь с максимальной выгодой использовать нарастающий кризис. Откладывание всеобъемлющего урегулирования вело к аккумуляции проблем и создавало еще более взрывоопасную ситуацию. Ее результатом стало возникновение Второй мировой войны, которая представляла собой совокупность войн великих держав между собой и другими странами за расширение своего влияния и пересмотр границ, сложившихся в 1919-1922 гг., и, как и предыдущие конфликты великих держав, носила империалистический характер, дополняемый освободительной борьбой оккупированных стран и территорий.

Политический кризис 1939 г.

Развитие международной ситуации в Европе в конце 1930-х годов неумолимо вело к новому вооруженному столкновению между великими державами. К концу 1938 г. Версальская система в Европе практически прекратила свое существование, а Мюнхенское соглашение значительно усилило Германию. В этих условиях германское руководство поставило перед собой новую внешнеполитическую цель - достичь гегемонии в Европе, закрепив за собой роль великой мировой державы. В результате захватнических действий Германии и Италии в марте - апреле 1939 г. в Европе начался предвоенный политический кризис - период непосредственной расстановки военно-политических сил в предвидении вероятной войны.

События 1939 г. уже свыше 50 лет остаются в центре внимания мировой и отечественной историографии. В зарубежной историографии эти события стали объектом всестороннего анализа и послужили основой для формирования различных историографических концепций. В отечественной исторической науке до второй половины 1980-х годов господствовала сложившаяся еще в 1939-1941 гг. и окончательно закреплённая в "исторической справке" 1948 г. "Фальсификаторы истории" официальная точка зрения⁴⁵. После того как в конце 1980-х годов принципиальные аспекты проблем истории предвоенного политического кризиса в Европе стали предметом бурной дискуссии, это принудительное единомыслие распалось, и в отечественной историографии возникла естественная ситуация спора точек зрения, что позволяет более объективно исследовать прошлое. Значительное количество трудов, посвященных событиям 1939 г., позволяет дать их обобщенную картину и выделить основные тенденции развития международных отношений.

Хотя Мюнхенское соглашение создало новую политическую обстановку в Европе, оно рассматривалось всеми великими державами как очередной этап их взаимоотношений. Ситуация осени 1938 - лета 1939 годов в Европе представляла собой запутанный клубок дипломатической деятельности великих держав, каждая из которых стремилась к достижению собственных целей.

Как только завершилась реализация Мюнхенского соглашения, Германия 24 октября 1938 г. предложила Польше урегулировать проблемы Данцига и "польского коридора" на основе сотрудничества в рамках Антикоминтерновского пакта. Тем самым Германия решила бы для себя задачу тылового прикрытия с Востока (в том числе и от СССР) в предвидении окончательной оккупации Чехо-Словакии, ревизовала бы германо-польскую границу, установленную в 1919 г., и значительно упрочила бы свои позиции в Восточной Европе. Тем временем Польша, продолжая свою традиционную политику балансирования между Берлином и Москвой, 21-22 октября начала зондаж СССР на предмет нормализации советско-польских отношений, обострившихся в период Чехословацкого кризиса летом 1938 г. 4 ноября Москва предложила подписать коммюнике о нормализации отношений, которое после консультаций и было подписано 27 ноября. На следующий день Польша уведомила Германию, что эта декларация распространяется лишь на двусторонние советско-польские отношения и не направлена на привлечение СССР к решению европейских проблем. Польское руководство опасалось, что слишком тесное сближение с Германией может привести к утрате независимости, поэтому, несмотря на неоднократные обсуждения германских предложений в октябре 1938 - январе 1939 г., Берлин так и не получил желаемого

ответа⁴⁶ .

Хотя при определенных условиях не исключалось создание германо-польско-японского военного союза с антисоветской направленностью, позиция Польши осложнялась наличием германо-польских проблем. Кроме того, сама Германия пока не ставила своей целью войну с СССР, а, готовясь к захвату Чехо-Словакии, была заинтересована в нейтрализации Польши и невмешательстве Англии и Франции, для воздействия на которые вновь использовалась антисоветская риторика. Не случайно Берлин санкционировал шумиху в прессе относительно планов создания "Великой Украины" под германским протекторатом, что было с пониманием встречено в Лондоне и Париже. Этой же цели способствовала франко-германская декларация от 6 декабря 1938 г. и предпринятые в январе 1939 г. новые попытки добиться положительного ответа Варшавы на германские предложения. Польское руководство было согласно на определенные уступки в вопросе о Данциге лишь в обмен на ответные шаги Германии. Неуступчивость Польши привела к тому, что германское руководство стало склоняться к мысли о необходимости военного решения польской проблемы в определенных условиях⁴⁷ .

Англия и Франция надеялись закрепить и продолжить процесс контролируемых ими изменений на континенте, чтобы на этой основе консолидировать европейские великие державы. Англо-германские и франко-германские отношения были несколько омрачены ноябрьскими еврейскими погромами в Германии и появившимися в январе 1939 г. слухами о подготовке германского удара по Голландии. Все это вынуждало Англию и Францию координировать свою политику, ускорить модернизацию своих вооруженных сил, поддерживать контакты с СССР и одновременно добиваться всеобъемлющего соглашения с Германией в духе Мюнхена. Как показали секретные экономические англо-германские переговоры в октябре 1938 - марте 1939 г., перспектива широкого экономического соглашения двух стран была вполне реальной. Особенно наглядно это проявилось в ходе экономических переговоров в Дюссельдорфе 15-16 марта 1939 г., окончившихся подписанием картельного соглашения представителями промышленности обеих стран. С октября 1938 г. Франция также активизировала процесс сближения с Германией, что было поддержано Англией. Лондон и Париж в принципе не исключали признания Восточной Европы зоной германского влияния при условии устранения для себя германской угрозы и прекращения односторонних экспансионистских действий Берлина. По мнению английского руководства, это открывало перспективу для дальнейшего движения к всеобъемлющему соглашению Англии, Франции, Германии и Италии⁴⁸ .

11-14 января 1939 г. в Риме состоялись англо-итальянские переговоры, в ходе которых обсуждался вопрос о посредничестве Италии в англо-германских отношениях. Муссолини легко обещал свое содействие, хотя был удивлен столь очевидным заблуждением английского руководства. 2 февраля Франция предложила Италии секретные переговоры по колониальным проблемам, что открывало возможность для нормализации франко-итальянских отношений и могло бы привести к некоторому охлаждению итало-германских связей. Одновременно в Берлине Франция зондировала возможность германского содействия улучшению франко-итальянских отношений. Германию это совершенно не устраивало, и информация о франко-итальянских контактах просочилась в прессу, что привело к их срыву⁴⁹ .

Рассчитывая стать лидирующей силой на континенте, Германия добивалась признания за собой статуса мировой державы со стороны Англии и Франции, что было невозможно без

демонстрации силы или даже нанесения поражения этим странам. К марту 1939 г. германскому руководству стало очевидно, что, хотя влияние Германии в Восточной Европе значительно возросло, оно все еще не стало решающим. Достижение этой цели требовало новых политических действий. Окончательное устранение Чехо-Словакии позволяло Германии продемонстрировать свою силу восточным соседям, сделав их более сговорчивыми, и значительно снизить опасность антигерманского союза в Восточной Европе. По мнению Берлина, решение чехословацкого вопроса привело бы к нейтрализации Польши, экономическому подчинению Венгрии, Румынии и Югославии. Возвращение Мемеля (Клайпеды) привело бы к контролю Германии над Литвой и усилению германского влияния в Прибалтике. Тем самым был бы обеспечен тыл для войны на Западе, которая рассматривалась в Берлине как первый этап в деле обеспечения германской гегемонии в Европе. Лишь после решения этой задачи Германия могла позволить себе антисоветский поход⁵⁰.

Исходя из этих общих соображений и продолжая политику балансирования между Западом и Востоком, германское руководство с осени 1938 г. стало постепенно добиваться нормализации отношений с СССР. 19 декабря 1938 г. без всяких проволочек был продлен на 1939 г. советско-германский торговый договор. 22 декабря Берлин предложил СССР возобновить переговоры о 200 млн кредите, намекнув на необходимость общей нормализации отношений. Опасаясь германо-польского сближения в результате визита министра иностранных дел Польши Ю. Бека в Германию 5-6 января 1939 г., советская сторона 11 января согласилась начать экономические переговоры, а на следующий день Гитлер несколько минут побеседовал на дипломатическом приеме с советским полпредом, что стало сенсацией в дипломатических кругах. Вновь не добившись ясного ответа от Польши на свои предложения, Германия санкционировала передачу Закарпатья Венгрии, что вызвало недовольство Польши, но успокоило СССР, опасавшегося, что эта территория станет зародышем "Великой Украины"⁵¹.

Подписав соглашение с Англией о поставках угля, Германия 20 января уведомила СССР о том, что в Москву 30 января прибудет германский представитель для ведения экономических переговоров. Стремясь поднять значение СССР в Европе, советская сторона 27 января инициировала проникновение сведений об этом в английскую печать. Опасаясь ухудшения отношений с Англией, Германия 28 января заявила о переносе срока переговоров. Естественно, СССР остался недоволен тем, что Германия оглядывается на Англию и Францию, поскольку это подтверждало возможность возрождения "соглашения четырех". Правда, переговоры окончательно прерваны не были и вяло продолжались в последующие месяцы. Политическая ситуация продолжала меняться. 2 января 1939 г. Польша установила консульские отношения с Маньчжоу-Го, а 12 января Венгрия заявила о готовности вступить в Антикоминтерновский пакт. В качестве контрдействия Москва 2 февраля разорвала дипломатические отношения с Будапештом, а 19 февраля был подписан советско-польский торговый договор. 24 февраля Маньчжоу-Го и Венгрия присоединились к Антикоминтерновскому пакту, 27 февраля правительство Франко в Испании было признано де-юре Англией и Францией⁵².

Уточнение тактики советской дипломатии, начавшееся с осени 1938 г., нашло свое выражение на страницах журнала "Большевик", где была опубликована статья В. Гальянова "Международная обстановка второй империалистической войны". Под этим псевдонимом скрывался заместитель наркома иностранных дел СССР В. Потемкин. Статья дает общее

представление о внешнеполитической доктрине Советского Союза, которая исходила из того, что Вторая мировая война уже началась, поскольку во второй половине 1930-х гг. был предпринят ряд военных акций, изменивших обстановку в мире. Эти события разделили главные капиталистические державы на агрессоров (Германия, Италия, Япония) и тех, кто попустительствует агрессии (Англия, Франция, США). Хотя это попустительство наносит ущерб интересам западных держав, оно является политикой, направленной на столкновение агрессоров и СССР, который представляет собой оплот революции и социального прогресса. Англия и Франция идут на уступки Германии и Италии, поскольку опасаются краха фашистских режимов, на смену которым может прийти большевизм.

Анализируя международную ситуацию, автор показывал слабость и конфликтность германо-итало-японского блока, экспансия которого идет по пути наименьшего сопротивления. Поэтому в первую очередь агрессоры угрожают интересам Англии, Франции и США, но не спешат портить отношения с СССР, хотя и ведут антисоветскую пропаганду. Германия будет и далее проводить политику шантажа и угроз, объектом которой на этот раз, скорее всего, станет Франция, сделавшая все, чтобы ослабить советско-французский договор 1935 г. Степень верности капиталистических стран своим обязательствам была продемонстрирована летом 1938 г., когда только СССР был готов оказать помощь Чехословакии. По мере нарастания кризиса капитализма происходит усиление СССР, на стороне которого находятся симпатии всего прогрессивного человечества. Дальнейшая перспектива событий рисовалась автору следующим образом. "Фронт второй империалистической войны все расширяется. В него втягиваются один народ за другим. Человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию". "Конец этой второй войны ознаменуется окончательным разгромом старого, капиталистического мира", когда "между двумя жерновами - Советским Союзом, грозно поднявшимся во весь свой исполинский рост, и несокрушимой стеной революционной демократии, восставшей ему на помощь, - в пыль и прах обращены будут остатки капиталистической системы"⁵³.

Схожие идеи прозвучали в выступлении А.А. Жданова на ленинградской партийной конференции 3 марта 1939 г., в котором он, напомнив, что СССР является "державой самой сильной, самой независимой", заявил, что в силу этого фашизм - "это выражение мировой реакции, империалистической буржуазии, агрессивной буржуазии" - угрожает главным образом Англии и Франции. В этих условиях Англии очень хотелось бы, чтобы "Гитлер развязал войну с Советским Союзом", поэтому она старается столкнуть Германию и СССР, чтобы остаться в стороне, рассчитывая "чужими руками жар загребать, дожидаясь положения, когда враги ослабнут, и забрать". По мнению Жданова, этот несложный маневр разгадан Москвой, которая будет "копить наши силы для того времени, когда расправимся с Гитлером и Муссолини, а заодно, безусловно, и с Чемберленом"⁵⁴. Эти материалы важны тем, что они дополняют характеристику международной ситуации, данную Сталиным в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии 10 марта 1939 г., в котором были сформулированы задачи советской внешней политики в условиях начала новой империалистической войны и стремления Англии, Франции и США направить германо-японскую агрессию против СССР. Советский Союз должен был "проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами; соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками; всемерно укреплять боевую мощь" своих вооруженных сил и "крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и

дружбе между народами", что позволяло и далее использовать пропаганду для поддержания имиджа "страны рабочих и крестьян". Из контекста речи становится ясно, что "поджигателями" войны являются страны, проводящие политику невмешательства: Англия, Франция и США⁵⁵. В этих условиях целью советского руководства было использовать кризис и противоречия великих держав для дальнейшего усиления своего влияния в мире с перспективой окончательного решения вопроса о существовании капиталистического общества.

В середине марта 1939 г. США, СССР, Англия и Франция располагали сведениями о подготовке Германии к оккупации Чехо-Словакии, но державы-гаранты Мюнхенского соглашения не предусматривали никаких мер противодействия. Кроме того, формально мюнхенские гарантии чехо-словацких границ действиями Германии нарушены не были. 14 марта Словакия под давлением Германии провозгласила независимость, а президент Чехо-Словакии выехал в Берлин, где в ходе "переговоров" дал согласие на политическое переустройство своей страны. 15 марта германские войска вступили в Чехию, на территории которой был создан Протекторат Богемия и Моравия. Первоначально реакция Англии и Франции была довольно сдержанной, но по мере возбуждения общественного мнения Лондон и Париж ужесточили свою позицию и 18 марта, как и СССР, выразили протест действиями Германии, из Берлина были отозваны "для консультаций" английский и французский послы. США также не признали аннексии и заморозили чехословацкие активы в своих банках. То же формально сделала и Англия, но чехословацкое золото было тайно возвращено в Прагу⁵⁶.

Тем временем в ходе продолжавшихся германо-румынских экономических переговоров англофильские круги в Бухаресте решили прозондировать реакцию Англии на вероятность дальнейшего экономического проникновения Германии в Румынию. 17 марта румынский посланник в Лондоне уведомил Форин Оффис о том, что Германия готовится предъявить Румынии ультиматум, выполнение которого поставит ее экономику на службу рейху. Это сообщение подтолкнуло Англию к активизации своей политики в Восточной Европе, и 18 марта она запросила СССР о его действиях в случае германского удара по Румынии. Аналогичные запросы были посланы Польше, Греции, Югославии и Турции. В свою очередь, эти страны запросили Англию о ее намерениях, а СССР предложил созвать конференцию с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции для обсуждения ситуации. 21 марта Англия выдвинула контрпредложение о подписании англо-франко-советско-польской декларации о консультациях в случае агрессии. В тот же день Германия вновь предложила Польше решить вопрос о передаче Данцига и "польском коридоре" в обмен на присоединение к Антикоминтерновскому пакту с перспективой антисоветских действий⁵⁷.

Обсуждение вопроса о предложенной Лондоном декларации выявило, что Польша и Румыния не хотят подписывать документ, если под ним будет стоять подпись советского представителя. В свою очередь, Москва, опасаясь толкнуть Варшаву в объятия Берлина, не собиралась подписывать этот документ без участия Польши⁵⁸. Англия столкнулась с проблемой, как обеспечить привлечение СССР к решению вопросов европейской политики, что ранее неизменно отвергалось ею, в условиях, когда многие страны, чье мнение Лондон старался учитывать, не одобряли заигрывания с Москвой. В итоге к концу марта вопрос о декларации отпал, а вышеуказанная проблема была вновь отложена на будущее. Столь же безрезультатно закончились и англо-советские экономические контакты 23-27 марта⁵⁹.

Тем временем 21-22 марта Англия и Франция договорились о начале 27 марта военных

переговоров, в ходе которых было решено, что в случае войны Англия пошлет во Францию первоначально 2 дивизии, через 11 месяцев - еще 2 дивизии, а через 18 месяцев - 2 танковые дивизии. Варианты помощи Польше даже не рассматривались. Считалось, что "судьба Польши будет определяться общими результатами войны, а последние, в свою очередь, будут зависеть от способности западных держав одержать победу над Германией в конечном счете, а не от того, смогут ли они ослабить давление Германии на Польшу в самом начале". Основным способом военных действий западных союзников должна была стать оборона и экономическая блокада Германии. Действия ВВС ограничивались только военными объектами. Исходя из этих планов, Англия и Франция были заинтересованы в затягивании войны в Восточной Европе, что связало бы германскую инициативу и позволило бы им лучше подготовиться к войне⁶⁰.

Пока же в Восточной Европе Лондон и Париж попытались создать польско-румынский антигерманский союз. Однако Польша была не склонна участвовать в этом союзе, а стремилась получить поддержку в деле ограничения германской экспансии для дальнейшего лавирования между Берлином и Москвой. Поэтому Варшава отказалась и от антисоветской, и от антигерманской комбинаций, хотя и предложила Англии 23 марта соглашение о консультациях в случае угрозы агрессии. Английское руководство, преувеличивавшее мощь Польши, решило сделать ставку на нее как противовес Германии с Востока. 21-23 марта Германия под угрозой применения силы вынудила Литву передать ей Мемельскую (Клайпедскую) область. Все надежды Каунаса на поддержку Англии, Франции и Польши оказались напрасными. Польша не собиралась ухудшать отношений с Германией, хотя была бы не прочь в будущем еще продвинуть свои границы на запад, а Англия была озабочена слухами о скором германском ударе по Польше и возможном германо-польском сближении⁶¹.

23 марта Англия попыталась через Италию добиться урегулирования на Востоке Европы, но это лишь раззадорило Рим в собственных экспансионистских намерениях. В тот же день было подписано германо-румынское экономическое соглашение, значительно укрепившее влияние Германии в этой стране, а Польша провела частичную мобилизацию. Пытаясь добиться согласия Польши на гарантию границ Румынии и сдержать германскую экспансию, Англия пошла на односторонние гарантии независимости Польши. Вопреки мнению Варшавы о сохранении их в тайне, 31 марта гарантии были опубликованы, но при этом Англия не отказалась от содействия германо-польскому урегулированию. Тем не менее Польша все же отказалась дать гарантии границ Румынии. 4-6 апреля в ходе англо-польских переговоров стороны дали друг другу взаимные гарантии, и Англия в определенной степени попала в зависимость от Польши в вопросе о вступлении в войну. Гарантии подтолкнули Германию продемонстрировать их никчемность, Польшу - к дальнейшей неуступчивости в отношении соседей, Советскому Союзу вновь продемонстрировали его "второсортность", а проблема поддержки Румынии не была решена. Вместе с тем английские гарантии могли стать для Москвы своеобразным заслоном от Германии, поддержанным Англией и Францией. 28 марта СССР заявил о своих интересах в Эстонии и Латвии⁶².

Еще 25 марта Германия не намеревалась решать польский вопрос в ближайшее время, но после того, как 26 марта Польша окончательно отказалась принять германское предложение о территориальном урегулировании, а 28 марта заявила, что изменение статуса-кво в Данциге будет рассматриваться как нападение на Польшу, чем сорвала осуществление там нацистского путча, перед германским руководством встал вопрос о подготовке войны с

Польшей. 1 апреля Берлин пригрозил расторгнуть англо-германское военно-морское соглашение 1935 г., если Лондон не прекратит политику "окружения Германии". Началось конкретное военное планирование, задачи которого были определены "Директивой о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939-1940 гг.", утвержденной Гитлером 11 апреля. Теперь германское руководство было озабочено локализацией будущего конфликта. 7-12 апреля Италия оккупировала Албанию, что нарушало англо-итальянское соглашение о сохранении статус-кво на Средиземном море. 13 апреля Англия и Франция дали гарантии Румынии и Греции, а 12 мая - Турции, что должно было не допустить сближения этих стран с Германией и поддержать англо-французский престиж. 15 апреля президент США предложил Германии и Италии дать обещание не нападать на 31 упомянутую в его послании страну в течение 10 лет в обмен на поддержку в вопросе о равных правах в международной торговле. 28 апреля Германия расторгла англо-германское морское соглашение 1935 г. и договор о ненападении с Польшей 1934 г., а 30 апреля неофициально информировала Францию, что либо Лондон и Париж убедят Польшу пойти на компромисс, либо Германия будет вынуждена наладить отношения с Москвой⁶³.

По мнению большинства исследователей, именно экспансионистские действия Германии и Италии в марте - апреле 1939 г. положили начало предвоенному политическому кризису, что вынудило Англию и Францию начать зондаж позиции СССР⁶⁴. М.Л. Коробочкин указывает, что отход от Мюнхенского соглашения в политике Германии начался еще осенью 1938 г., а действия Германии весной 1939 г. потребовали от Англии поисков союзников для сдерживания германской экспансии, но не для войны с ней, поскольку в Лондоне хотели решить эту задачу без применения силы⁶⁵. В литературе в той или иной степени признается, что с весны 1939 г. Англия и Франция стали отходить от однозначной линии на "умиротворение" Гитлера. По мнению М.И. Семиряги, с марта 1939 г. Англия и Франция решили, не теряя связи с Германией, достичь определенных соглашений и с СССР. Вслед за западной историографией автор считает, что это был "новый курс" Лондона и Парижа, поскольку были даны гарантии Польше и другим странам Восточной Европы, а Советскому Союзу было предложено заключить соглашение о взаимодействии⁶⁶.

1 апреля Москва уведомила Лондон, что, поскольку вопрос о декларации отпал, "мы считаем себя свободными от всяких обязательств". На вопрос, намерен ли СССР впредь помогать жертвам агрессии, был дан ответ, "что, может быть, помогать будем в тех или иных случаях, но что мы считаем себя ничем не связанными и будем поступать сообразно своим интересам"⁶⁷. 4 апреля, ориентируя советского полпреда в Германии об общих принципах советской политики, нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов отметил, что "задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позднее к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят"⁶⁸. 11 апреля в письме советскому полпреду во Франции Литвинов отметил, что Англия и Франция стремятся получить от СССР одностороннее обязательство защищать Польшу и Румынию, полагая, что поддержка этих стран отвечает советским интересам. "Но мы свои интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют. Зачем же нам заранее обязываться, не извлекая из этих обязательств решительно никакой выгоды для себя?"⁶⁹ Нарком выразил озабоченность английскими гарантиями Польше, поскольку они могли в определенных условиях принять антисоветскую направленность⁷⁰.

11 апреля Германия предприняла зондаж позиции СССР на предмет улучшения отношений, но советская сторона предпочла занять выжидательную позицию. В тот же день

Англия запросила СССР, чем он может помочь, в случае необходимости, Румынии. 14 апреля Франция предложила СССР обменяться письмами о взаимной поддержке в случае нападения Германии на Польшу и Румынию на основе советско-французского договора о взаимопомощи 1935 г. Одновременно Париж приглашал Москву внести собственное предложение о сотрудничестве. В тот же день Англия предложила СССР заявить о поддержке своих западных соседей в случае нападения на них. 17 апреля в ответ на предложения Англии и Франции СССР предложил этим странам заключить договор о взаимопомощи. Оккупировав Чехию, Германия стала препятствовать выполнению советских военных заказов чешскими предприятиями. Выражение Советским Союзом дипломатического протеста 17 апреля было использовано сторонами для взаимных зондажей. 25 апреля Франция предложила СССР взять на себя обязательство помочь Англии и Франции в случае их вступления в войну и обеспечить тем самым себе англо-французскую поддержку. 29 апреля Париж уточнил свое предложение в том смысле, что в случае вступления Англии, Франции или СССР в войну с Германией они обязуются помогать друг другу⁷¹. Тем временем 26 апреля Лондон неофициально уведомил Берлин, что советское предложение принято не будет⁷².

В 1939 г. именно эти апрельские контакты Англии, Франции и СССР считались началом политических переговоров между ними. Теперь же вопрос о инициаторе начала переговоров подается по-разному, при том, что авторы далеко не всегда уточняют, о каких именно событиях идет речь. Большинство исследователей называет инициатором переговоров Советский Союз⁷³, и лишь некоторые - Англию⁷⁴, что более справедливо, поскольку опирается на соответствующие дипломатические документы. При этом никто не оспаривает тот факт, что именно СССР предложил Лондону и Парижу договор о взаимопомощи.

Цели Англии и Франции в ходе начавшихся переговоров с СССР не вызывают в отечественной историографии существенных разногласий. В основном воспроизводится официальная советская версия, согласно которой Англия и Франция хотели отвести от своих стран угрозу войны; предотвратить возможное советско-германское сближение; демонстрируя сближение с СССР, достичь соглашения с Германией; втянуть Советский Союз в будущую войну и направить германскую агрессию на Восток⁷⁵. Как правило, отмечается, что Англия и Франция, стремясь сохранить видимость переговоров, в то же время не желали равноправного союза с СССР⁷⁶. Ныне эти оценки пополнились указанием на то, что Франция была заинтересована в военном соглашении и вообще Запад был более заинтересован в союзе с СССР, нежели советское руководство - в союзе с Англией и Францией⁷⁷. Правда, подобные тезисы, заимствованные из западной историографии, следовало бы доказать. Ведь реальная политика Англии и Франции, как верно отметил О.В. Вишнев, только затрудняла создание системы коллективной безопасности, поскольку это требовало признание равноправия СССР в европейских делах. Такая уступка не привлекала Лондон и Париж, опасавшихся, что в случае создания реальной антигерманской коалиции возможен крах нацистского режима в Германии и фашистского в Италии и "большевизация" этих стран. Поэтому все эти дипломатические шаги западных союзников были направлены лишь на запугивание Германии и достижение договоренности с ней⁷⁸.

Основная дискуссия продолжается по вопросу о целях СССР на этих переговорах. Как правило, считается, что советское руководство ставило перед своей дипломатией три основные задачи: 1) предотвратить или 2) оттянуть войну и 3) сорвать возможный единый антисоветский фронт⁷⁹. М.И. Панкратова, отмечая, что Англия и Франция исходили в

своих действиях из заинтересованности СССР в сохранении "санитарного кордона", указывает, что Советский Союз был заинтересован в ликвидации этого "кордона" (т.е. изменении статус-кво в Восточной Европе), поскольку его западные соседи могли, по мнению автора, стовориться с Германией на антисоветской основе⁸⁰. В.Я. Сиполс, наоборот, полностью отклоняет эту версию, заявляя, что СССР был заинтересован в сохранении положения дел в Восточной Европе⁸¹. Если сторонники официальной советской версии считают, что стратегической целью советского руководства летом 1939 г. было обеспечение безопасности СССР в условиях начавшегося кризиса в Европе⁸², то их критики отмечают, что советская внешняя политика способствовала столкновению Германии с Англией и Францией, что было необходимо для успеха дела расширения зоны "социализма", поскольку возникновение войны в Европе открывало дорогу к достижению "мировой революции"⁸³. По мнению ряда авторов, с марта 1939 г. СССР получил возможность выбирать, с кем ему договариваться, а следовательно, вовсе не находился в международной изоляции, поскольку в переговорах с ним были заинтересованы и Англия с Францией, и Германия⁸⁴.

Правда, следует помнить, что для Англии и следующей в ее фарватере Франции на переговорах с СССР речь шла прежде всего не о достижении взаимоприемлемого соглашения, а всего лишь о затяжке переговоров, что можно было использовать для давления на Германию. В отношении же Берлина Лондон и Париж то делали грозные заявления, то намекали на готовность к соглашению, убеждая тем самым германское руководство в том, что оно может не опасаться решительных действий с их стороны⁸⁵. С 13.15 до 16.50 21 апреля в Кремле состоялось совещание по проблемам советской внешней политики в условиях зондажей Германии и советских предложений Англии и Франции, материалы которого все еще остаются секретными. 3 мая, когда стало ясно, что Англия и Франция не приняли советское предложение, вместо Литвинова народным комиссаром иностранных дел был назначен В.М. Молотов, по совместительству оставшийся главой СНК СССР⁸⁶.

Западные страны не прореагировали на это событие, а Германия, убедившись, что Япония не пойдет на договор, направленный против западных держав, 5 мая заявила об удовлетворении требований СССР относительно возобновления поставок из Чехии. 10 мая в Берлине было решено активизировать зондажи СССР, но в ходе контактов 9, 15 и 17 мая советская сторона отмечала, что именно от Берлина зависит улучшение двусторонних отношений. 8 мая в Москву поступил английский ответ на советское предложение трехстороннего пакта, в котором СССР предлагалось помочь Англии и Франции, если они вступят в войну в силу взятых на себя обязательств в отношении Польши и Румынии. Английское руководство в оценке советского предложения исходило из того, что союз с СССР перекрыл бы путь к англо-германской договоренности, что могло привести к войне, а этого Лондон стремился избежать, поэтому английское предложение не содержало упоминаний о помощи Москве. 9-10 мая в ответ на советские предложения Польша заявила, что не пойдет на союз с Москвой⁸⁷.

11 мая в передовой статье газеты "Известия" анализировались изменения международной ситуации в последние недели. Газета утверждала, что остановить агрессию может только союз Англии, Франции и СССР, но эта позиция советского руководства не находит поддержки в Лондоне и Париже, которые не хотят равноправного договора с Москвой. В статье утверждалось, что СССР не имеет пактов о взаимопомощи ни с Англией, ни с Францией (?!), ни с Польшей⁸⁸. 14 мая советская сторона вновь предложила англо-

франко-советский союз, заключение военной конвенции и гарантии малым странам Центральной и Восточной Европы. В тот же день Англия неофициально предложила Германии углубить экономические переговоры⁸⁹. Вообще за последние два с половиной месяца политика западных союзников в отношении Германии развернулась на 180 градусов. Если в марте - апреле Англия и Франция делали заявления с угрозами в адрес Германии, то в первой половине мая они всего лишь демонстрировали спокойную уверенность в своих силах, а к началу июня призывали Берлин к переговорам⁹⁰.

Тем временем 14-19 мая в ходе франко-польских переговоров о военной конвенции Франция старалась уклониться от принятия на себя твердых обязательств, но вынуждена была обещать поддержать Варшаву в случае угрозы Данцигу и при нападении Германии на Польшу "начать наступление против Германии главными силами своей армии на 15-й день мобилизации". Правда, из соглашения была изъята фраза об "автоматическом оказании военной помощи всеми родами войск"⁹¹. Англо-польские переговоры 23-30 мая привели к тому, что Лондон обещал предоставить Варшаве 1 300 боевых самолетов для польских ВВС и предпринять воздушные бомбардировки Германии в случае войны. Это было заведомым обманом, поскольку никаких наступательных действий на западе Германии англо-французское командование не предусматривало вообще. Очередные англо-французские военные переговоры показали, что союзники знают о наступательных намерениях Германии на Востоке, но не знают, как долго может затянуться война в Польше. Англо-французское руководство опасалось германских ВВС, сведения о которых были чрезмерно завышенными, и считало, что союзники не готовы к войне с Германией, а поэтому было бы лучше, чтобы война в Польше продолжалась как можно дольше. Хотя английские военные сделали вывод о том, что гарантии провоцируют Германию на вторжение в Польшу, никаких мер помощи ей предложено не было. Естественно, Варшаву об этом не известили⁹².

В середине мая в Москве состоялось новое многодневное совещание, обсудившее вопросы советской внешней политики, материалы которого все еще недоступны для исследования. 20 мая германская сторона предложила СССР возобновить экономические переговоры, а советская сторона намекнула на необходимость подведения под советско-германские отношения "политической базы", то есть предложила Германии внести конкретные предложения. В тот же день Берлин получил из Лондона сведения о трудностях на англо-франко-советских переговорах, а Франция зондировала позицию Германии на предмет улучшения отношений⁹³. Поэтому 21 мая германское руководство решило не торопить события в Москве. 24 мая Англия решила какое-то время поддерживать переговоры с СССР, и 27 мая Москва получила новые англо-французские предложения, предусматривавшие заключение договора о взаимопомощи на 5 лет, консультации в случае необходимости, но упоминавшие Лигу Наций. Этот шаг Англии, в свою очередь, подтолкнул Германию 30 мая вновь попытаться уточнить в Москве, что означает фраза о "политической базе", но советская сторона предпочла занять позицию выжидания⁹⁴.

7 мая был парафирован, а 22 мая подписан "Стальной пакт" между Германией и Италией. 23 мая, выступая перед военными, Гитлер четко обозначил основную проблему германской внешней политики - стремление вернуться в число "могущественных государств", для чего требовалось расширить "жизненное пространство", что было невозможно "без вторжения в чужие государства или нападения на чужую собственность". Германии было необходимо создать продовольственную базу на Востоке Европы на случай дальнейшей борьбы с Западом. С этой проблемой был тесно связан вопрос о позиции

Польша, которая сближалась с Западом, не могла служить серьезным барьером против большевизма и являлась традиционным врагом Германии. Поэтому следовало "при первом же подходящем случае напасть на Польшу", обеспечив нейтралитет Англии и Франции. Далее Гитлер сделал обзор возможных дипломатических комбинаций и высказал общие соображения на случай войны с Западом, в которых в общем виде была сформулирована программа достижения Германией гегемонии в Европе⁹⁵.

31 мая на сессии Верховного Совета СССР в выступлении Молотова прозвучала критика позиции Англии и Франции на переговорах, которые, по мнению Москвы, лишь демонстрировали уступки и не хотели дать гарантии Прибалтийским странам. Поэтому "пока нельзя даже сказать, имеется ли у этих стран серьезное желание отказаться от политики невмешательства, от политики непротивления дальнейшему развертыванию агрессии. Не случится ли так, что имеющееся стремление этих стран к ограничению агрессии в одних районах не будет служить прикрытием к развязыванию агрессии в других районах?" СССР следовало соблюдать осторожность и не дать втянуть себя в войну. В этих условиях, отметил Молотов, "мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей" с Германией и Италией, не исключено, что германо-советские экономические переговоры могут возобновиться⁹⁶. Тем самым Москва стремилась оказать давление как на Англию и Францию, так и на Германию.

2 июня возобновились советско-германские экономические контакты, а СССР вручил Англии и Франции новый проект договора. Эстония и Латвия высказались против гарантий со стороны Англии, Франции и СССР и 7 июня заключили с Германией договоры о ненападении. 6-7 июня Англия и Франция высказались в пользу соглашения с СССР, а Германия 8 июня добилась от Москвы согласия на возобновление экономических переговоров. Советская сторона вновь намекала на необходимость создания "политической базы", ожидая, что Германия сделает конкретное предложение, но Берлин не спешил. 12 июня Москва уведомила Лондон, что без гарантий Прибалтийским странам СССР не пойдет на подписание договора. 13 июня Англия зондировала Германию на предмет переговоров по вопросам свертывания гонки вооружений, экономического соглашения и колоний⁹⁷. 14 июня в Москву прибыл У. Стрэнг, получивший задание тянуть время, избегая вместе с тем создавать впечатление, что Лондон настроен против соглашения. На следующий день СССР был передан новый английский проект, и англо-франко-советские переговоры стали более регулярными. 16 июня СССР вновь потребовал от Англии и Франции взаимности и гарантий Прибалтийским странам, или заключения простого тройственного договора без гарантий третьим странам⁹⁸.

14 июня советский полпред в Берлине в беседе с болгарским послом получил данные о тех проблемах, которые Берлин, вероятно, будет готов обсудить с Москвой. Экономические контакты 17 и 25 июня завершились неудачей, поскольку Германия посчитала советские требования слишком высокими, а СССР настаивал на принятии своих предложений. Вместе с тем выяснилось, что Германия ждет ответного жеста с советской стороны на свои предыдущие зондажи. 21 июня последовало новое англо-французское предложение СССР, в ответ на которое Москва 22 июня вновь предложила заключить простой трехсторонний договор с Англией и Францией, оставив за своими партнерами право выбора. 26 июня от Италии СССР узнал о наличии "плана Шуленбурга", предполагавшего поэтапное улучшение советско-германских отношений на основе германского содействия нормализации советско-японских отношений, заключении пакта о ненападении или гарантии Прибалтики и

заклучения широкого торгового соглашения⁹⁹. 27 июня Англия опять зондировала Германию на предмет переговоров. 28 июня Германия вновь заявила о необходимости нормализации советско-германских отношений, но Москва так и не услышала конкретных предложений, поскольку Гитлер запретил торопить события¹⁰⁰.

29 июня в газете "Правда" появилась статья члена Политбюро А.А. Жданова, в которой отмечалось, что англо-франко-советские переговоры "зашли в тупик", поскольку Англия и Франция "не хотят равного договора с СССР". Именно Лондон и Париж затягивают переговоры, что "позволяет усомниться в искренности" этих стран, не желающих дать гарантии Прибалтийским странам и стремящихся возложить на СССР "всю тяжесть обязательств". Скорее всего, Англия и Франция хотят "лишь разговоров о договоре" с тем, чтобы облегчить себе путь для сделки с агрессором. Естественно, что без учета интересов СССР Москва не пойдет на договор, поскольку "не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками"¹⁰¹. В тот же день в выступлении министра иностранных дел Англии Галифакса прозвучала мысль о возможности переговоров с Германией по вопросам, которые "внушают миру тревогу". К этим вопросам он отнес "колониальную проблему, вопрос о сырье, торговых барьерах, "жизненном пространстве", об ограничении вооружений и многие другое, что затрагивает европейцев"¹⁰².

В июне Германия все еще не получила твердого ответа на основной вопрос, что будут делать Англия и Франция в случае германо-польской войны. В Берлине опасались английских ВВС и французской армии, которые в случае своего вмешательства в германо-польскую войну могли значительно осложнить положение Германии. В начале июня англо-германские контакты показали, что Лондон выступает за компромисс и опасается германских ВВС, а Берлин уверен, что его твердая позиция влияет на Англию в нужном направлении. 15 июня Берлин намекнул Лондону, что английские гарантии Польше провоцируют Германию на применение силы и их надо отозвать. В конце июня в Берлине получили сведения, что Англия проводит некоторые меры по подготовке к войне, но правительство воевать не хочет, хотя и располагает значительными вооруженными силами, а планы крупных операций отсутствуют. Продолжая политику изоляции Польши на международной арене, германское руководство решило тщательно маскировать свои военные приготовления, чтобы не дать Англии и Франции повода для ускорения военных приготовлений. В июне в ходе очередных англо-французских военных переговоров было решено, что союзники не станут помогать Польше, постараются удержать Италию от вступления в войну и не станут предпринимать контрударов по Германии. В ходе англо-польских переговоров выяснилось, что Англия не станет поставлять в Польшу новейшую технику, а просимый Варшавой кредит был урезан с 50 до 8 млн ф. ст. Позиция Англии сводилась к тому, что Польша не получит помощи, но, когда война будет выиграна, ей возместят ущерб¹⁰³.

Здесь следует коротко остановиться на событиях, произошедших весной летом 1939 г. за пределами Европы. Внутренние трудности в США, связанные с проведением политики "нового курса", требовали отвлечения внимания общественности на международные дела. Возникновение войны в Европе рассматривалось в Вашингтоне в качестве стимулятора развития американской экономики, поэтому летом 1939 г. в США началась подготовка экономики к действиям в условиях военного времени. Внимательно следя за событиями в Европе, где возрастала угроза войны, американское руководство старалось не вмешиваться в ход событий, ограничиваясь общепацифистскими заявлениями. США знали о ходе

германских зондажей СССР и информировали об этом Англию и Францию, которые не придали значения этим сведениям (видимо, так составлялась информация). Лондон и Париж интересовали не общие фразы из Вашингтона, а то, какую помощь они могли бы получить от США в случае начала войны. В этом вопросе американское руководство занимало уклончивую позицию. С одной стороны, имели место полусекретные англо-американские и франко-американские контакты по вопросам получения американского вооружения, но с другой - в силе оставался закон о нейтралитете, затруднявший военные закупки в США. Сохранение в неизменном виде закона о нейтралитете объективно подталкивало войну в Европе, поскольку Германия считала, что США еще долго не вмешаются.

С весны 1939 г. администрация Рузвельта, стремясь облегчить себе внешнеполитическую деятельность, начала предпринимать некоторые меры по подготовке пересмотра закона о нейтралитете. Однако сторонники пересмотра закона действовали нерешительно, и после бурных дебатов 30 июня Палата представителей Конгресса США проголосовала против изменения закона о нейтралитете, а 11 июля решение этого вопроса было отложено до следующей сессии Конгресса в январе 1940 г. Это, однако, не мешало администрации и Конгрессу США в полном согласии увеличивать военные ассигнования и давать займы странам Латинской Америки, укрепляя свои позиции в регионе. Кроме того, американское руководство обещало Англии определенное содействие в войне с Германией и официально заявило о том, что США в силах защитить Новый Свет от любого посягательства извне. Вместе с тем США неоднократно заявляли Англии и Франции, что будут рассматривать новые уступки с их стороны в пользу Германии и Италии как угрозу своим национальным интересам со всеми вытекающими отсюда последствиями для Лондона и Парижа, и наоборот, "в случае неспровоцированной агрессии Америка бросится на помощь Англии и Франции". В Вашингтоне прекрасно понимали, что неуступчивость Польши приведет к кризису, в который будет вынуждена вмешаться Англия, а война в Европе позволит США окончательно решить англо-американский спор о преобладающем влиянии в мире в свою пользу¹⁰⁴.

Осенью 1938 г. оживились переговоры о военно-политическом договоре между Германией, Италией и Японией. Однако вскоре стало ясно, что стороны по-разному видят перспективы дальнейшей экспансии. Германия настаивала на том, что договор должен быть направлен как против СССР, так и против Англии, Франции и США, а Япония считала, что это должен быть исключительно антисоветский союз. Кроме того, в Берлине были недовольны тем, что Япония не спешила предоставить Германии определенные экономические преимущества в Китае. Требования Германии и Италии о подписании необходимого им договора натолкнулись на англо-франко-американский дипломатический нажим на Токио. 4 мая Япония заявила, что в данный момент не может принять германо-итальянское предложение. Со своей стороны США заявили Англии, что, пока не будет заключен англо-франко-советский договор, можно не опасаться создания германо-итало-японского блока.

11 мая начались бои на Халхин-Голе, а в конце мая Токио выдвинул идею созыва Тихоокеанской конференции с участием Англии, Франции, Германии, Италии, Японии и США для обсуждения проблем Дальнего Востока. В условиях благожелательного отношения Вашингтона Япония решила осуществить нажим на Англию, и в июне 1939 г. японо-английские отношения обострились. Начавшиеся 15 июля англо-японские переговоры вызвали озабоченность США и Франции, которые высказались против широких англо-

японских договоренностей, но Лондону не удалось ограничиться решением Тяньцзиньского вопроса. 24 июля стороны опубликовали соглашение Арита-Крейги о признании Англией японских захватов в Китае, тем самым Лондон нарушил договор 9-ти держав. 13 июня СССР предоставил Китаю 150-млн долларовый заем, что способствовало росту советской популярности. Это требовало от США контрдействий, и 26 июля они заявили о денонсации с 1 января 1940 г. торгового договора с Японией, что широко использовалось американской пропагандой для подтверждения тезиса о помощи Китаю и отпора агрессору. В этой ситуации Японии требовалась победа на Халхин-Голе, что должно было подкрепить ее авторитет и ускорить созыв конференции. Японские войска готовили наступление на 24 августа, но 20 августа в наступление перешли советские войска и к 31 августа японская группировка была разгромлена. Уже 25 августа Япония заявила, что ввиду советско-германского пакта прекращает переговоры с Германией и Италией, правительство ушло в отставку, а 26 августа было решено нормализовать отношения с США¹⁰⁵.

Но все это будет чуть позже, а пока в ходе переговоров с СССР Англия и Франция 1 июля согласились дать гарантии Прибалтийским странам, предложили перенести список гарантируемых держав в секретный протокол и дали свою формулировку "косвенной агрессии". В тот же день Москва намекнула Берлину, что "ничто не мешает Германии доказать серьезность своего стремления улучшить свои отношения с СССР"¹⁰⁶. 3 июля СССР отказался гарантировать Голландию, Люксембург и Швейцарию, поставив условием гарантий заключение двусторонних договоров с Польшей и Турцией, и выдвинул свою формулировку "косвенной агрессии". В тот же день Берлин предложил Москве договориться о будущих судьбах Польши и Литвы. 4 июля СССР информировал Италию, что пойдет на договор с Англией и Францией только тогда, когда они примут все наши условия, и вновь заявил, "что ничто не мешает германскому правительству доказать на деле серьезность и искренность своего стремления улучшить отношения с СССР"¹⁰⁷. 7 июля Германия решила возобновить экономические контакты с СССР на советских условиях, о чем 10 июля было заявлено Москве. 8 июля Англия и Франция отметили, что договор в целом согласован, но началась дискуссия по советскому определению "косвенной агрессии", которое было 9 июля еще более расширено. 10 июля Англия решила, что надо попытаться достичь компромисса с СССР на базе взаимных уступок, но "обеспечить свободу рук, чтобы можно было заявить России, что мы не обязаны вступать в войну, так как мы не согласны с ее интерпретацией фактов". В ходе переговоров выяснилось, что Москва не идет на уступки, а ждет согласия с ее позицией. Кроме того, СССР настаивал на одновременном заключении политического договора и военной конвенции, хотя и был согласен на парафирование договора¹⁰⁸.

Опасаясь англо-германо-японского сговора, СССР пошел на уступки в экономических переговорах, которые с 18 июля возобновились в Берлине. 19 июля английское руководство решило никогда не признавать советской формулировки "косвенной агрессии", но пойти на военные переговоры для того, чтобы затруднить советско-германские контакты и усилить позиции Англии в отношении Германии. Считалось, что военные переговоры позволят не допустить советско-германского сближения и затянуть время до осени, когда Германия в силу погодных условий не решится начать войну. Франция более осторожно отнеслась к военным переговорам до заключения политического соглашения. Кроме того, и Лондон, и Париж знали, что Польша и Румыния категорически возражали против пропуска Красной Армии через свою территорию. В итоге в Лондоне пока отложили решение этого вопроса, обсуждая, не прервать ли переговоры с СССР вообще. Выполняя задачу изоляции Польши,

Германия 22 июля решила возобновить политические зондажи СССР, который в тот же день заявил о возобновлении экономических переговоров с Берлином. В свою очередь, Англия и Франция, констатируя, что "уже достигли достаточного согласия по основным вопросам, чтобы перейти к изучению конкретных военных проблем", 23 июля согласились на предложенные Москвой военные переговоры, о чем и уведомили ее 25 июля¹⁰⁹.

Весной - летом 1939 г. Англия и Франция вновь старались найти приемлемую основу соглашения с Германией, используя для давления на Берлин угрозу сближения с СССР. Однако было совершенно очевидно, что они не горели желанием иметь Москву в качестве равноправного партнера - это полностью противоречило их внешнеполитической стратегии. Не случайно в конце июля Англия довела до сведения Германии, что переговоры с другими странами "являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель - соглашение с Германией"¹¹⁰. Понятно, что в этих условиях, как показали переговоры в Москве, Англия и Франция не собирались соглашаться с тем, что Советский Союз наряду с ними получит право определять, когда Германия действует как агрессор. Именно этим и объяснялась бесплодная дискуссия по вопросу об определении "косвенной агрессии". В итоге взаимной подозрительности и неуступчивости сторон англо-франко-советские переговоры к середине июля фактически провалились.

Тем временем 17-19 июля Польшу посетил английский генерал У. Айронсайд, убедившийся в том, что она не сможет долгое время сопротивляться германскому наступлению. Эти выводы не изменили позицию Лондона в отношении Варшавы, но, вероятно, подтолкнули к согласию на военные переговоры с Москвой. В ходе неофициальных контактов с Англией Германия, шантажируя Лондон угрозой войны, требовала признания себя в качестве мировой державы и решения вопроса о Данциге. 8 июля Германия согласилась на секретную встречу с англичанами, а 22-25 июля была достигнута договоренность о неофициальной встрече в Шлезвиге. 10 июля в Берлине стало известно, что английская общественность требует действий, но правительство придерживается курса на компромисс с Германией. Этот вывод подтверждался беседами Г. Вольтата с Р. Хадсоном и Г. Вильсоном 18, 20-21 июля, в ходе которых Англия предложила Германии широкую программу политического (отказ от агрессии в международных делах, взаимное невмешательство), экономического (вопросы снабжения сырьем, торговой, валютной политики и колоний) и военного (взаимное ограничение вооружений) сотрудничества, что позволило бы достичь главной цели английского руководства - умиротворить Германию и обеспечить стабильность в Европе в условиях консолидации интересов Англии, Франции, Германии и Италии¹¹¹.

Понятно, что на фоне столь щедрых английских предложений компромисса заявления Лондона о поддержке Польши в случае войны не воспринимались в Берлине всерьез. В ходе взаимных зондажей во второй половине июля Германия предложила Англии раздел сфер влияния в мире, потребовала возврата колоний и отмены Версальского договора, тоже демонстрируя готовность к переговорам. Но 21 июля об этих контактах узнала Франция и, опасаясь англо-германского сближения за свой счет, передала эти сведения в прессу. Появившиеся 24 июля публикации не добавили доверия Англии со стороны ее партнеров. Несмотря на шумиху в прессе, 29 июля Англия вновь неофициально предложила Германии раздел "сфер интересов" и невмешательство в дела друг друга. Со своей стороны Англия прекращала бы переговоры с СССР, а Германия согласилась бы на сотрудничество с Англией,

Францией и Италией, предоставление автономии Протекторату и на всеобщее сокращение вооружений¹¹². В ходе франко-германской переписки в июле 1939 г. Франция неоднократно заявляла, что поддержит Польшу в случае нападения на нее, но при этом конфиденциально проинформировала Германию, что эти заявления предназначаются лишь для успокоения французской и польской общественности¹¹³.

24 июля Германия в очередной раз зондировала СССР, предлагая учесть советские интересы в Прибалтике и Румынии в обмен на отказ Москвы от договора с Англией. 26 июля Германия предложила СССР согласовать интересы в Восточной Европе. 27 июля Англия, Франция и СССР оговорили подготовительный период для военных переговоров в 8-10 дней, но компромиссная формула по "косвенной агрессии" так и не была найдена, а СССР отказался опубликовать коммюнике о согласовании политического договора. 29 июля Москва высказалась за улучшение отношений с Германией и пожелала узнать германские предложения поподробнее. Германия, опасаясь неблагоприятного для себя исхода военных переговоров в Москве, увеличивала ставки, думая о разделе Польши и Прибалтики¹¹⁴.

Отечественная историография исходит из идеи, что англо-франко-советский союз предотвратил бы возникновение Второй мировой войны, хотя этот тезис достаточно дискуссионен, поскольку совершенно не учитывается, что англо-франко-советские переговоры были лишь одной из сторон событий 1939 г. Стремление обелить советскую внешнюю политику приводит к тому, что большинство отечественных авторов возлагает вину за срыв переговоров на Англию, Францию и Польшу. При этом основная ответственность возлагается на Англию¹¹⁵, которая вела секретные переговоры с Германией, хотя ныне известно, что Германия, СССР, Англия и Франция вели между собой тайные и явные переговоры¹¹⁶.

Ряд авторов указывает, что в ходе переговоров Англия и Франция, недооценивавшие советские вооруженные силы, должны были учитывать антисоветскую позицию соседей СССР. Кроме того, сказывалось взаимное недоверие Англии и Советского Союза, которые опасались быть обманутыми друг другом. Англия не хотела дать обещание не заключать сепаратного мира в случае войны, поскольку не верила в активность советских вооруженных сил в будущей войне. СССР, в свою очередь, был против упоминания в договоре Лиги Наций, так как опасался затяжки помощи в случае нападения на него¹¹⁷. Все это не могло не сказаться на исходе переговоров¹¹⁸. Кроме того, ряд исследователей полагает, что ни Англия, ни Франция, ни СССР не были заинтересованы в союзе¹¹⁹. По мнению С.В. Волкова и Ю.В. Емельянова, у советского руководства имелось две альтернативы: союз против Германии или договоренность с ней. Оба эти варианта, по их мнению, отдавали будущее страны в чужие руки, но иного выхода не было¹²⁰. О том, что Советский Союз пытались втянуть в войну и использовать в интересах Запада, пишут Д.А. Волкогонов и В.М. Фалин, не объясняя при этом, зачем в таком случае советское руководство пошло на переговоры и "настойчиво" добивалось этого союза¹²¹.

М.Л. Коробочкин указывает, что выдвижение советским руководством расширенной формулировки "косвенной агрессии" в момент, когда политический договор был почти полностью согласован, и его упорное нежелание идти на компромисс по этому вопросу, несмотря на уступки со стороны Англии, практически сорвало достижения соглашения. СССР не захотел принять коммюнике об урегулированности основных положений договора, а следовательно, отмечает автор, договор повис в воздухе. Таким образом точкой кризиса в переговорах следует считать выдвижение советской формулировки "косвенной агрессии",

которая не соответствовала международному праву и была совершенно неприемлема для Запада. Рассматривая политику Англии, Коробочкин отмечает, что, сохраняя возможность соглашения с Германией, Лондон делал свою политику подозрительной для партнеров, но само английское правительство определило для себя четкую границу возможных уступок - угроза независимости Польши. Вместе с тем, указывает М.Л. Коробочкин, угроза советско-германского сближения и настойчивые требования Франции заставили Англию принять советское предложение о военных переговорах, которые, однако, в силу срыва политических переговоров были лишь пустой тратой времени¹²².

Будучи вынужденными согласиться на ведение военных переговоров до заключения политического договора, Англия и Франция стремились использовать эти переговоры для дальнейшего давления на Берлин угрозой англо-франко-советского союза, чтобы склонить его к компромиссу. Не случайно состав англо-французских военных делегаций был не слишком представительным, а их инструкции предусматривали, что "до заключения политического соглашения делегация должна... вести переговоры весьма медленно, следя за развитием политических переговоров"¹²³. Все еще надеясь достичь договоренности с Германией, английское правительство не желало в результате переговоров с СССР "быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками"¹²⁴. Не случайно французская делегация имела полномочия только на ведение переговоров, а английская делегация вообще не имела письменных полномочий¹²⁵. Таким образом для англо-французской стороны речь шла о ведении бесплодных переговоров, которые было желательно затянуть на максимально долгий срок, что могло, по мнению Лондона и Парижа, удержать Германию от начала войны в 1939 г. и затруднить возможное советско-германское сближение.

Со своей стороны советское руководство, будучи в целом осведомлено о подобных намерениях англо-французского руководства, назначило представительную военную делегацию, обладавшую всеми возможными полномочиями. Были разработаны варианты военного соглашения, которые можно было смело предлагать партнерам, не опасаясь, что они будут приняты. 7 августа был разработан четкий "сценарий" ведения военных переговоров. Прежде всего следовало выяснить полномочия сторон "на подписание военной конвенции". "Если не окажется у них полномочий на подписание конвенции, выразить удивление, развести руками и "почтительно" спросить, для каких целей направило их правительство в СССР. Если они ответят, что они направлены для переговоров", то следовало выяснить их взгляды на совместные действия Англии, Франции и СССР в войне. Если же переговоры все-таки начнутся, то их следовало "свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а так же через Румынию", выдвинув этот вопрос в качестве условия подписания военной конвенции. Кроме того, следовало отклонять любые попытки англо-французских делегаций ознакомиться с оборонными предприятиями СССР и воинскими частями Красной Армии¹²⁶. Понятно, что в этих условиях военные переговоры были обречены на провал и использовались сторонами для давления на Германию.

Тем временем 2-3 августа Германия вновь предложила улучшить отношения с СССР на базе разграничения интересов сторон в Восточной Европе, но уклонилась от внесения конкретного предложения, ожидая согласия СССР на обсуждение этих проблем. По мнению

Берлина, следовало пройти несколько этапов: заключить экономическое соглашение, расширить культурно-научный обмен и перейти к дружественным политическим отношениям. Москва в целом одобрила эти идеи и 4 августа согласилась продолжить обмен мнениями с Германией, но прежде следовало подписать экономический договор. 2 августа на переговорах с Англией и Францией СССР вновь подтвердил свою неизменную позицию по "косвенной агрессии", а 7 августа Стрэнг уехал из Москвы, что означало окончание политических переговоров. 8-10 августа СССР получил сведения о том, что интересы Германии распространяются на Литву, Западную Польшу, Румынию без Бессарабии, но, в случае договоренности с Берлином, Москва должна будет отказаться от договора с Англией и Францией. 11 августа советское руководство согласилось на постепенные переговоры по этим проблемам в Москве. В тот же день в СССР прибыли военные миссии Англии и Франции, на переговорах с которыми 14 августа был поднят вопрос о проходе Красной Армии через Польшу и Румынию, и 17 августа переговоры были прерваны. 13 августа Германия уведомила СССР, что согласна вести переговоры в Москве, но просила ускорить их начало¹²⁷.

3 августа Англия вновь предложила Германии заключить договор о ненападении, соглашение о невмешательстве и начать переговоры по экономическим вопросам. При этом Германия должна была взять на себя инициативу в деле недопущения нового витка напряженности в Европе¹²⁸. Это было самое щедрое предложение Лондона, открывавшее перед Германией широкие перспективы, которое, кроме того, усилило в Берлине мнение, что Англия не выступит в поддержку Польши. В Берлине это предложение обсуждалось долго, но, посчитав, что это, скорее всего, английский блеф с целью оттянуть время, 20 августа Германия отказалась рассматривать столь широкое предложение до решения данцигского вопроса, который, как было заявлено Лондону, является "последним требованием" по пересмотру Версальского договора. Кроме того, Англии было заявлено, что "после урегулирования данцигского вопроса Гитлер намерен выдвинуть предложения по общему урегулированию, в которых он намерен пойти настолько далеко, насколько это возможно, чтобы удовлетворить желания Англии. Гитлер будет готов предложить Англии союз"¹²⁹. В ходе секретной встречи Геринга 7 августа с английскими бизнесменами Лондону было сделано предложение договориться на базе признания германских интересов на Востоке¹³⁰.

9 августа Англия уведомила Германию, что прекращение односторонних действий Берлина в Европе привело бы к успокоению общественного мнения, что позволит "обсудить проблемы умиротворения. Британское правительство имеет живейшее желание, чтобы это время наступило, и тогда оно пойдет очень далеко для достижения этой цели"¹³¹. 11 августа зондажи были возобновлены через комиссара Лиги Наций в Данциге К. Буркхарда, встретившегося с согласия Англии, Франции и Польши с Гитлером, который заявил, что польские провокации вынуждают его применить в подходящий момент силу, что германские ВВС самые сильные в Европе и что Германия требует жизненного пространства на Востоке. Она хочет мира с Англией и переговоров, но без участия Франции. Если Запад будет мешать походу в СССР, то Германии придется разбить его в первую очередь. Получив эти сведения, в Англии стали ожидать дальнейших германских предложений, которые так и не поступили, так как ставка Гитлера на войну блокировала многие выгодные Германии предложения Лондона¹³².

Новое неофициальное английское предложение, полученное в Берлине 14 августа, предусматривало раздел сфер интересов (Германии - Восточная Европа, Англии - ее

империя), решение колониального вопроса, общеевропейское урегулирование, взаимное разоружение; за это Германия должна перестать поддерживать Испанию, дать автономию Протекторату и отказаться от самостоятельной экспансии¹³³. В тот же день в ходе совещания с военными Гитлер заявил о своем решении начать войну с Польшей, поскольку "Англия и Франция не вступят в войну, если ничто не вынудит их к этому"¹³⁴. 16 августа английское министерство авиации неофициально уведомило Германию, что возможен вариант, когда Англия объявит войну, но военные действия вестись не будут, если Германия быстро разобьет Польшу, а английские ВВС не станут бомбить незащищенные города¹³⁵. Все эти английские зондажи усиливали у германского руководства уверенность в том, что Англия пока не готова к войне, и в этих условиях следует не связывать себе руки соглашением с Англией, а воевать с ней.

В это время Англия и Франция все еще не были уверены в том, что Германия будет воевать с Польшей. 18-20 августа Польша, категорически отвергавшая сотрудничество с СССР, была готова к переговорам с Германией для обсуждения германских условий территориального урегулирования, но Берлин, взявший курс на войну, уже не интересовало мирное решение вопроса. Англию тоже не устраивала перспектива перехода Польши в лагерь Германии. В итоге германо-польские переговоры так и не состоялись¹³⁶.

15 августа Германия передала Москве широкие предложения и поставила вопрос о приезде в Москву министра иностранных дел И. Риббентропа. СССР предложил Германии обсудить проблемы гарантий Прибалтийских стран, нормализации советско-японских отношений и пакта о ненападении. 17-19 августа Англия и Франция уточняли позицию Польши относительно прохода Красной Армии и пытались добиться ее согласия, но Варшава осталась при своем мнении. 17 августа Германия приняла все предложения СССР и вновь предложила ускорить переговоры путем приезда Риббентропа в Москву. Приняв к сведению это заявление Германии, СССР предложил сначала подписать экономический договор, а потом договориться о пакте и протоколе. 19 августа Германия сообщила о своем согласии "учесть все, чего пожелает СССР" и вновь настаивала на ускорении переговоров. Советская сторона настаивала на постепенном развитии событий, передала в Берлин проект пакта о ненападении и дала согласие на приезд Риббентропа 26-27 августа. В тот же день было подписано советско-германское экономическое соглашение, о чем было сообщено в прессе, поскольку этим стороны старались оказать давление на Англию и Францию¹³⁷.

Советские источники, освещающие настроения в Кремле накануне заключения пакта о ненападении с Германией, к сожалению, все еще недоступны для исследователей. Тем большее значение приобретает публикация Т.С. Бушуевой французской записи речи Сталина перед членами Политбюро 19 августа 1939 г.¹³⁸ К сожалению, вопрос об аутентичности этого документа так и не стал предметом обсуждения в отечественной историографии, но то, что его содержание корреспондирует с другими недавно рассекреченными советскими документами этого периода, позволяет использовать эту публикацию в качестве апокрифа.

Оценивая сложившуюся ситуацию, Сталин заявил, что "вопрос мира или войны вступает в критическую для нас фазу. Если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Англией, то Германия откажется от Польши и станет искать "модус вивенди" с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР. Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу, и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. В этих условиях у нас будет много шансов остаться в

стороне от конфликта, и мы сможем надеяться на наше выгодное вступление в войну". Возникновение войны в Европе открывает перед СССР "широкое поле деятельности для развития мировой революции". Поэтому "в интересах СССР Родины трудящихся, чтобы война разразилась между Рейхом и капиталистическим англо-французским блоком. Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон. Именно по этой причине мы должны согласиться на заключение пакта, предложенного Германией, и работать над тем, чтобы эта война, объявленная однажды, продлилась максимальное количество времени"¹³⁹.

21 августа в 11 часов началось последнее заседание англо-франко-советских военных переговоров, в ходе которого стало ясно, что переговоры зашли в тупик. В 15 часов Шуленбург передал Молотову телеграмму от Гитлера "господину И.В. Сталину", в которой фюрер сообщал о своем согласии с советским проектом пакта о ненападении и о готовности выработать "дополнительный протокол" в ходе визита в Москву "ответственного государственного деятеля Германии". Сославшись на угрозу германо-польского кризиса, Гитлер предлагал "принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, но не позднее среды, 23 августа. Министр иностранных дел имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол". В 17 часов Молотов передал Шуленбургу ответ Сталина "рейхсканцлеру Германии господину А. Гитлеру" с сообщением о согласии советского правительства "на приезд в Москву г. Риббентропа 23 августа". Тем не менее формально переговоры с Англией и Францией прерваны не были. 22 августа советская пресса сообщила о предстоящем визите Риббентропа в Москву для заключения пакта о ненападении, одновременно СССР информировал Англию и Францию, что "переговоры о ненападении с Германией не могут никоим образом прервать или замедлить англо-франко-советские переговоры"¹⁴⁰. В тот же день Франция попыталась вновь добиться от Польши согласия на проход Красной Армии, чтобы иметь возможность ограничить значение будущего советско-германского пакта или сорвать его подписание¹⁴¹. Одновременно глава французской военной миссии получил полномочия на подписание военной конвенции и пытался 22 августа настоять на продолжении военных переговоров с СССР. Однако глава советской военной миссии, сославшись на то, что "позиция Польши, Румынии, Англии неизвестна", предложил не торопиться с продолжением переговоров¹⁴².

23 августа в Москву прибыл Риббентроп, и в ходе переговоров со Сталиным и Молотовым в ночь на 24 августа были подписаны советско-германский пакт о ненападении и секретный дополнительный протокол, определивший сферы интересов сторон в Восточной Европе. К сфере интересов СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, территория Польши к востоку от рек Нарев, Висла и Сан, а также Бессарабия¹⁴³. В завершении беседы сторон, кратко обсудивших ряд международных вопросов, Сталин заявил Риббентропу, что "советское правительство относится к новому пакту очень серьезно. Он может дать свое честное слово, что Советский Союз никогда не предаст своего партнера"¹⁴⁴. Затем состоялся прием в Екатерининском зале Кремля. Риббентроп, войдя в зал, приветствовал присутствующих обычным фашистским жестом - выбросив вперед вытянутую руку с восклицанием "Хайль Гитлер!" Все замерли. Но Сталин улыбнулся и неожиданно ответил... книксеном. Взявшись пальцами за края своего френча, он картинно присел перед гостем. В зале раздался смех, и неловкость ситуации была сглажена. Когда прием закончился, Риббентроп покинул помещение и остались только свои, Сталин сказал: "Кажется, нам

удалось провести их"145 .

Подписав пакт о ненападении, СССР 25 августа заявил англо-французским военным миссиям, что в изменившейся ситуации военные переговоры "теряют всякий смысл"146 . Правда, в тот же день Франции было сообщено, что договор 1935 г. все еще остается в силе, а политические переговоры с Англией и Францией могли бы быть продолжены. Советское руководство было готово рассмотреть любые предложения Англии и Франции, если они согласятся на советские условия, но Лондон и Париж решили не идти на уступки СССР, который втайне от них осмелился предпочесть какие-то собственные интересы "общему делу" защиты западных демократий, и в ночь на 26 августа их военные миссии покинули Москву147 .

Заключение советско-германского пакта о ненападении является одной из ключевых тем отечественной историографии событий 1939 г., которая в последние годы обогатилась значительным количеством новых исследований. В центре дискуссии остаются причины согласия советского руководства на подписание соглашения с Германией. Сторонники официальной советской версии событий 1939 г. стараются доказать, что пакт - это вынужденный шаг Москвы. Для доказательства этого тезиса в литературе приводятся различные варианты возможных действий советского руководства, которые должны подтвердить, что иной альтернативы, кроме пакта, не было148 . Более критически настроенные исследователи, ссылаясь на свой набор возможных альтернативных шагов Москвы149 , полагают, что решение Сталина подписать договор с Германией было просчетом. Но исходя из ими же указываемых целей, которые преследовало советское руководство, это был вовсе не просчет, а желанный для него результат. Поэтому некоторые авторы считают пакт успехом советского руководства, которое смогло достичь своих целей150 .

Любопытно отметить, что ряд авторов, критикующих Сталина за согласие подписать пакт, вместе с тем пишут, что Москва проводила "курс на сближение с Германией". По их мнению, этот "курс" был взят советским руководством после Мюнхена151 , с конца 1938 г.152 , с марта 1939 г.153 или с мая 1939 г.154 . Опубликованные советские дипломатические документы позволили установить, что согласие на переговоры с Германией советское руководство дало 3-4 августа, еще раз подтвердив его 11-12 августа 1939 г., но окончательное решение о заключении пакта было принято 19-21 августа155 . Имеющиеся в распоряжении историков документы свидетельствуют не столько о наличии у Москвы "прогерманского" или "проанглийского" курса, сколько о стремлении советского руководства использовать противоречия между другими великими державами для усиления своего влияния в мире. Нарастание напряженности в отношениях между Англией и Германией вело к тому, что обе эти страны были заинтересованы в благожелательной позиции СССР, и вынуждало их идти на уступки Москве. Это требовало проведения осторожного внешнеполитического курса, гибко реагировавшего на изменения международной ситуации. В этом смысле советская внешняя политика 1939 г. дает прекрасный пример подобного лавирования в собственных интересах.

Продолжается дискуссия по вопросу о заинтересованности Германии в заключении пакта с СССР. Так, А.Н. Яковлев считает, что Германия не слишком стремилась к соглашению с СССР, так как могла выбирать между договоренностью с ним или с Англией. При этом автор отмечает неизученность вопроса о готовности Германии к войне с Советским Союзом в 1939 г.156 По мнению ряда авторов, летом 1939 г. Германия находилась

В очень сложном положении, поскольку стремилась достичь внешнеполитической изоляции Польши в предстоящей войне и получить гарантию от войны на два фронта, а значит, была заинтересована в пакте сильнее, чем Советский Союз, именно поэтому она и была инициатором соглашения с СССР, к войне с которым она была не готова¹⁵⁷. Противоположного мнения придерживается Г.Н. Севостьянов, который считает, что Германия была готова к войне с СССР, но в подтверждение приводит данные, которые, как минимум, ставят это утверждение под сомнение¹⁵⁸. Большинство авторов отмечают неготовность СССР к войне с Германией в 1939 г., что объясняется репрессиями в Красной Армии или просто "слабостью" РККА¹⁵⁹. Лишь О.Ф. Сувениров высказался в том смысле, что РККА была в 1939 г. сильнее вермахта¹⁶⁰, но этот тезис не получил поддержки. Отсутствие сопоставительного анализа вооруженных сил великих держав летом 1939 г. не позволяет однозначно решить этот вопрос, правда, данные таблицы 4 показывают, что СССР располагал достаточно мощной сухопутной армией. Некоторые авторы чрезмерно оптимистично полагают, что для СССР не существовало угрозы единого антисоветского фронта, войны с Германией или на два фронта, так как межимпериалистические противоречия между другими великими державами затрудняли какое-либо антисоветское соглашение¹⁶¹.

В отечественной историографии сохраняется разногласие в вопросе об оценках пакта о ненападении. Официальная историография продолжает подчеркивать тот факт, что он был единственно правильным шагом, показавшим миролюбие СССР и поставившим заслон на пути германской агрессии на Восток¹⁶³. Пакт являлся компромиссом агрессора и его жертвы и не противоречил союзу с Англией и Францией, которые уже имели такие же договоренности с Германией¹⁶⁴. Его сравнивают с Тильзитом и Брестом, подчеркивают его юридическую обоснованность¹⁶⁵. А.С. Якушевский утверждает, что пакт не был направлен против интересов какого-либо третьего государства и соответствовал принципам пролетарского интернационализма, классовым интересам международного коммунистического движения¹⁶⁶. В.Я. Сиполс¹⁶⁷ оценивает пакт как дальновидный и мудрый шаг, признавая при этом, что советское правительство знало о невозможности полагаться на это соглашение (?!). О.А. Чубарьян считает, что пакт не выходил за рамки однотипных соглашений, но сталинизм трактовал его по-своему¹⁶⁸. Вместе с тем некоторые авторы полагают, что пакт явился "серьезным просчетом советской" дипломатии, поскольку оказал "негативное влияние на развитие международных политических и военных событий в Европе" в 1939-1941 гг., не сопоставим с англо-германской и франко-германской декларациями о ненападении и выходил за рамки договора о ненападении, а также был несовместим с англо-франко-советским союзом¹⁶⁹.

В ходе дискуссии конца 1980-х гг. о наличии секретного дополнительного протокола, завершившейся с опубликованием подлинников этого документа в 1993 г., был сформулирован вывод о том, что протокол был естественным продолжением пакта, в котором и содержался весь его смысл¹⁷⁰, заключающийся в ограждении части Восточной Европы от германской оккупации. Изучение советских дипломатических документов показало правоту тех авторов, которые считают, что секретный протокол был инициативой СССР и уступкой со стороны Германии¹⁷¹. Целью пакта было обеспечить влияние Советского Союза в Восточной Европе, а без секретного протокола он не нужен и не имеет смысла¹⁷². Хотя протокол не являлся юридическим основанием для перекройки восточно-европейских границ, он предрешил судьбу третьих стран и свидетельствует о сотрудничестве

с Германией в пределах Восточной Европы¹⁷³. Тем более что, как отмечает С.З. Случ, для Сталина граница "сферы интересов" означала будущую границу СССР¹⁷⁴. Как полагает В.Я. Сиполс, пакт отразил взаимные интересы Германии и СССР. Первая была заинтересована в оккупации Польши до "линии 4-х рек", а второй - в остановке вермахта дальше от своих границ и в присоединении Западной Украины и Западной Белоруссии¹⁷⁵.

Вместе с тем следует помнить, что никаких реальных территориальных изменений или оккупации "сфер интересов" советско-германский договор не предусматривал¹⁷⁶. В этом и заключается его принципиальное отличие от Мюнхенского соглашения, которое прямо передавало Германии приграничные районы Чехословакии. К сожалению, теперь, зная дальнейшие события, некоторые исследователи склонны полагать, что Гитлер и Сталин уже тогда, в ночь на 24 августа, заранее знали, что именно произойдет в ближайшие 38 дней. Естественно, что в действительности этого не было. Вообще ситуация конца августа 1939 г. была столь запутанной, что политики и дипломаты всех стран, в том числе и Советского Союза, старались подписывать максимально расплывчатые соглашения, которые в зависимости от обстановки можно было бы трактовать как угодно. Более того, 24 августа никто не знал, возникнет ли вообще германо-польская война или будет достигнут какой-то компромисс, как это было в 1938 г. В этой ситуации термин "территориально-политическое переустройство" Польши и Прибалтики мог трактоваться и как вариант нового Мюнхена, то есть позволил бы Москве заявить о своих интересах на возможной международной конференции. А понятие "сфера интересов" вообще можно было трактовать как угодно¹⁷⁷. Таким образом, советско-германский пакт был соглашением, рассчитанным на любую ситуацию.

А вот мнение одного из участников событий У. Черчилля, высказанное им в своих мемуарах, написанных в начале "холодной войны", к возникновению которой он имел непосредственное отношение. Никогда не скрывавший своих антикоммунистических убеждений, Черчилль, тем не менее, не разделяет популярную ныне версию о некой предопределенности советско-германского пакта. "Невозможно сказать, - пишет Черчилль, - кому он внушал большее отвращение - Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным. Сталин, без сомнения, думал, что Гитлер будет менее опасным врагом для России после года войны против западных держав. Гитлер следовал своему методу "поодиночке". Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской дипломатии за несколько лет". Далее Черчилль, указав на жизненную необходимость для СССР улучшить свои стратегические позиции в преддверии войны с Германией, пишет совершенно "крамольные" с нынешних позиций вещи: "Им (Советам) нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной"¹⁷⁸ - то есть соответствовала реальному положению вещей. Из этого утверждения, между прочим, следует, что будь Черчилль на месте Сталина, он поступил бы точно так же.

Выступая на сессии Верховного Совета СССР по вопросу о ратификации пакта о ненападении, Молотов довольно откровенно оценил его значение: "Этот договор (равно как кончившиеся неудачей англо-франко-советские переговоры) показывает, что теперь нельзя решать важные вопросы международных отношений - тем более вопросы Восточной Европы

- без активного участия Советского Союза, что всякие потуги обойти Советский Союз и решить подобные вопросы за спиной Советского Союза должны окончиться провалом. Советско-германский договор о ненападении означает поворот в развитии Европы... Этот договор не только дает нам устранение угрозы войны с Германией... - он должен обеспечить нам новые возможности (выделено мной. М.М.) для роста сил, укрепления наших позиций, дальнейший рост влияния Советского Союза на международное развитие"179 .

В последние годы вопросы последствий пакта о ненападении стали предметом бурной дискуссии. В качестве достижений СССР воспроизводятся тезисы официальной советской версии об отсрочке войны с Германией, срыве возможного антисоветского единого фронта и устранении угрозы войны СССР на два фронта за счет ухудшения германо-японских отношений¹⁸⁰ . Вместе с тем многие авторы указывают на недостаточно удачное использование отсрочки войны¹⁸¹ . Ряд авторов отмечает, что, заключив пакт, СССР вышел из международной изоляции и показал, что способен проводить самостоятельную внешнюю политику¹⁸² , как будто ранее это было не так. Только В.М. Кулиш и В.Я. Сиполс оспаривают версию об оттяжке войны с Германией, указывая, что в 1939 г. Германия не собиралась нападать на СССР и в последующее время была занята захватом Европы, что не позволяет говорить об отсрочке войны¹⁸³ .

В литературе часто указывается на такое достижение пакта, как установление новых границ СССР, которые были отодвинуты, вермахт остановлен вдали от них (?!), а ряд соседних с Советским Союзом стран не был захвачен Германией¹⁸⁴ . По мнению М.И. Семиряги, вопрос о том, было ли выгодно передвижение советских границ на Запад, не решен, а ряд авторов говорит об обустройстве обороны на передовых рубежах¹⁸⁵ . Некоторые авторы отмечают неоднозначную реакцию военных кругов Германии на пакт, и особенно на ограничение сферы оккупации Польши, и значение экономических поставок из Германии для советской экономики¹⁸⁶ . Ныне в отечественной историографии появились упоминания о негативных последствиях пакта. К ним относят дезориентацию антифашистских сил и укрепление антисоветских тенденций на Западе, свертывание антифашистской пропаганды, получение Германией свободы маневра в Европе, снабжение Германии советским сырьем и продовольствием, притупление бдительности в отношении Германии, снижение международного престижа СССР и даже попрание "ленинских норм" внешней политики и "профашистские симпатии" сталинского руководства¹⁸⁷ . Кроме того, по мнению В.И. Дашичева, СССР к лету 1941 г. оказался в международной изоляции¹⁸⁸ .

Видимо, дискуссия по этой проблеме завершится еще нескоро. Однако уже теперь можно сказать, что благодаря соглашению с Германией СССР впервые за всю свою историю получил признание своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы. Москве удалось ограничить возможности дипломатического маневрирования Германии в отношении Англии и Японии, что во многом снижало для СССР угрозу общеевропейской консолидации на антисоветской основе и крупного конфликта на Дальнем Востоке, где в это время шли бои на Халхин-Голе с японскими войсками. Как вспоминал много позднее Молотов, "Сталин был крупнейший тактик. Гитлер ведь подписал с нами договор о ненападении без согласования с Японией! Сталин вынудил его это сделать. Япония после этого сильно обиделась на Германию, и из их союза ничего толком не получилось"¹⁸⁹ . Конечно, за это Москве пришлось взять на себя обязательства отказаться от антигерманских действий в случае возникновения германо-польской войны, расширить экономические контакты с Германией и свернуть антифашистскую пропаганду. Но, как мы увидим далее,

две последние уступки имели свои границы.

Важной проблемой историографии событий 1939 г. является вопрос о связи советско-германского пакта с началом Второй мировой войны. В этом вопросе мнения исследователей разделились. Многие авторы вслед за западной историографией, которая основывается на позиции английского руководства, сформулированной 30 августа 1939 г., что "судьба войны и мира находится сейчас в руках СССР" и его вмешательство может предотвратить войну¹⁹⁰, полагают, что пакт способствовал началу Второй мировой войны¹⁹¹. По мнению других, пакт не оказал никакого влияния на начало германо-польской войны (и Второй мировой тоже), поскольку оно было запланировано еще в апреле 1939 г.¹⁹² Р.А. Медведев полагает даже, что пакт заставил Англию и Францию объявить Германии войну¹⁹³, никак, впрочем, не аргументируя этот тезис. Чтобы дать аргументированный ответ на этот, вероятно, наиболее важный вопрос, следует обратиться к рассмотрению событий, произошедших с 23 августа по 1 сентября в Европе.

В августе 1939 г. вопрос о выяснении позиции Англии и СССР в случае войны в Польше вступил для Германии в решающую фазу. 2-3 августа Германия активно зондировала Москву, 7 августа - Лондон, 10 августа - Москву, 11 августа - Лондон, 14-15 августа - Москву. 21 августа Лондону было предложено принять 23 августа для переговоров Геринга, а Москве Риббентропа для подписания пакта о ненападении. И СССР, и Англия ответили согласием! Исходя из необходимости прежде всего подписать договор с СССР, 22 августа Гитлер отменил полет Геринга, хотя об этом в Лондон было сообщено только 24 августа. Пока же английское руководство, опасаясь сорвать визит Геринга, запретило мобилизацию. Выбор Гитлера можно объяснить рядом факторов. Во-первых, германское командование было уверено, что вермахт в состоянии разгромить Польшу, даже если ее поддержат Англия и Франция. Тогда как выступление СССР на стороне антигерманской коалиции означало катастрофу. Во-вторых, соглашение с Москвой должно было локализовать германо-польскую войну, удержать Англию и Францию от вмешательства и дать Германии возможность противостоять вероятной экономической блокаде западных держав. В-третьих, не последнюю роль играл и субъективный момент: Англия слишком часто шла на уступки Германии, и в Берлине, видимо, в определенной степени привыкли к этому. СССР же, напротив, был слишком неуступчивым, и выраженную Москвой готовность к соглашению следовало использовать без промедления. Кроме того, это окончательно похоронило бы и так не слишком успешные англо-франко-советские военные переговоры.

22 августа Гитлер вновь выступил перед военными. Обрисовав общее политическое положение, он сделал вывод, что обстановка благоприятствует Германии, вмешательство Англии и Франции в германо-польский конфликт маловероятно, они не смогут помочь Польше, а с СССР будет заключен договор, что также снизит угрозу экономической блокады Германии. В этих условиях стоит рискнуть и разгромить Польшу, одновременно сдерживая Запад. При этом следовало быстро разгромить польские войска, поскольку "уничтожение Польши остается на первом плане, даже если начнется война на Западе"¹⁹⁴. Занятый локализацией похода в Польшу, Гитлер рассматривал "договор (с СССР) как разумную сделку. По отношению к Сталину, конечно, надо всегда быть начеку, но в данный момент он (Гитлер) видит в пакте со Сталиным шанс на выключение Англии из конфликта с Польшей"¹⁹⁵. Уверенный в том, что ему это удастся, Гитлер в первой половине дня 23 августа, когда Риббентроп еще летел в Москву, отдал приказ о нападении на Польшу в 4.30 утра 26 августа.

23 августа Франция заявила, что поддержит Польшу, но Верховный совет национальной

обороны решил, что никаких военных мер против Германии предпринято не будет, если она сама не нападет на Францию. В тот же день Гитлеру было передано письмо Чемберлена, в котором Лондон извещал о том, что в случае войны Англия поддержит Польшу, но при этом демонстрировал готовность к соглашению с Германией. В Англии все еще ожидали визита Геринга, и лишь 24 августа стало ясно, что он не приедет. Получив рано утром 24 августа донесение от Риббентропа об успехе его миссии, Гитлер дал выход своим чувствам. В маниакальном исступлении он стучал кулаками по стене и кричал: "Теперь весь мир у меня в кармане!" В тот же день Германия уведомила Польшу, что препятствием к урегулированию конфликта являются английские гарантии. Опасаясь, что Варшава пойдет на уступки и сближение с Берлином, Англия 25 августа подписала с Польшей договор о взаимопомощи, но военного соглашения заключено не было. В тот же день Германия уведомила Англию, что "после решения польской проблемы" она предложит всеобъемлющее соглашение сотрудничества и мира, вплоть до гарантий существования и помощи Британской империи¹⁹⁶. Но вечером 25 августа в Берлине стало известно об англо-польском договоре, а Италия, которая и ранее высказывала опасения в связи с угрозой возникновения мировой войны, известила об отказе участвовать в войне. Все это привело к тому, что около 20 часов был отдан приказ об отмене нападения на Польшу, и армию удалось удержать буквально в последний момент¹⁹⁷.

26 августа западные союзники порекомендовали Польше дать приказ войскам воздерживаться от вооруженного ответа на германские провокации. На следующий день Лондон и Париж предложили Варшаве организовать взаимный обмен населением с Германией. Тем не менее Бек все еще был уверен, что "до настоящего времени Гитлер не принял еще решения начать войну... ни в коем случае в ближайшее время не произойдет ничего решающего"¹⁹⁸. Англия, Франция и Польша все еще не были уверены, что Германия решится воевать. 26 августа в Англии вместо 300 тыс. резервистов было призвано всего 35 тыс., поскольку считалось, что англо-польский договор удержит Германию от войны. В тот же день из Лондона в Берлин поступили сведения, что Англия не вмешается в случае германского нападения на Польшу или объявит войну, но воевать не будет¹⁹⁹. 28 августа Англия отказалась от германских предложений о гарантии империи, порекомендовав Берлину начать прямые переговоры с Варшавой. Если Германия пойдет на мирное урегулирование, то Англия соглашалась рассмотреть на будущей конференции общие проблемы англо-германских отношений. Лондон вновь предупредил Берлин, что в случае войны Англия поддержит Польшу, но при этом обещал воздействовать на поляков в пользу переговоров с Германией.

Одновременно Польше было рекомендовано ускорить переговоры с Германией. Так же Лондон просил Муссолини намекнуть Гитлеру, что "если урегулирование нынешнего кризиса ограничится возвращением Данцига и участков "коридора" Германии, то, как нам кажется, можно найти, в пределах разумного периода времени, решение без войны"²⁰⁰. Естественно, Варшава не должна была знать об этом. Если бы германо-польские "переговоры привели к соглашению, на что рассчитывает правительство Великобритании, то был бы открыт путь к широкому соглашению между Германией и Англией"²⁰¹.

Во второй половине дня 28 августа Гитлер установил ориентировочный срок наступления на 1 сентября. Используя английские предложения о переговорах, германское руководство решило потребовать "присоединения Данцига, прохода через польский коридор и референдума [подобно проведенному в Саарской области]. Англия, возможно, примет

наши условия. Польша, по-видимому, нет. Раскол!"²⁰² 29 августа Германия дала согласие на прямые переговоры с Польшей на условиях передачи Данцига, плебисцита в "польском коридоре" и гарантии новых границ Польши Германией, Италией, Англией, Францией и СССР. Прибытие польских представителей на переговоры ожидалось 30 августа. Передавая эти предложения Англии, Гитлер надеялся, что "он вобьет клин между Англией, Францией и Польшей"²⁰³. В тот же день Берлин уведомил Москву о предложениях Англии об урегулировании германо-польского конфликта и о том, что Германия в качестве условия поставила сохранение договора с СССР, союза с Италией и не будет участвовать в международной конференции без участия СССР, вместе с которым следует решать все вопросы Восточной Европы²⁰⁴.

30 августа Англия вновь подтвердила свое согласие воздействовать на Польшу, при условии, что войны не будет и Германия прекратит антипольскую кампанию в печати. В этом случае Лондон подтверждал свое согласие на созыв в будущем международной конференции. В этот день вермахт все еще не получил приказа о нападении на Польшу, поскольку существовала возможность того, что Англия пойдет на уступки и тогда наступление будет отсрочено до 2 сентября, причем в этом случае "войны уже не будет совсем", поскольку "приезд поляков в Берлин = подчинению"²⁰⁵. 30 августа Англия получила точные сведения о предложениях Германии по урегулированию польской проблемы. Однако Лондон не известил Варшаву об этих предложениях, а, надеясь еще отсрочить войну, в ночь на 31 августа уведомил Берлин об одобрении прямых германо-польских переговоров, которые должны были начаться через некоторое время. Рано утром 31 августа Гитлер подписал Директиву № 1, согласно которой нападение на Польшу должно было начаться в 4.45 утра 1 сентября 1939 г. Лишь днем 31 августа германские предложения об урегулировании кризиса были переданы Англией Польше с рекомендацией положительно ответить на них и ускорить переговоры с Германией.

В 12.00 31 августа Варшава заявила Лондону, что готова к переговорам с Берлином при условии, что Германия и Польша взаимно гарантируют неприменение силы, законсервируют ситуацию в Данциге, а Англия в ходе переговоров будет оказывать поддержку польской стороне. Однако польскому послу в Берлине было приказано тянуть время, поскольку в Варшаве все еще считали, что "Гитлер не решится начать войну. Гитлер только играет на нервах и натягивает струны до крайних пределов"²⁰⁶. В итоге в 18.00 Риббентроп в беседе с польским послом в Берлине констатировал отсутствие польского чрезвычайного уполномоченного и отказался от переговоров. В 21.15-21.45 Германия официально вручила свои предложения Польше послам Англии, Франции и США и заявила, что Варшава отказалась от переговоров. В это же время германское радио сообщило об этих предложениях по урегулированию кризиса и о польских провокациях на границе. В тот же день Италия предложила Германии посреднические услуги в урегулировании кризиса, но, получив отказ, уведомила Англию и Францию, что не будет воевать²⁰⁷. 1 сентября Германия напала на Польшу, а европейский кризис перерос в войну, в которую через несколько дней вступили Англия и Франция.

В условиях краха Версальско-Вашингтонской системы международных отношений обострилась борьба великих держав за свои интересы. К 1939 г. произошло оформление двух военно-политических блоков великих держав, в которых Англия и Франция противостояли Германии и Италии, к которым тяготела Япония. СССР и США занимали выжидательную позицию, рассчитывая использовать войну между этими блоками в своих интересах.

В условиях кризиса 1939 г. для Франции первостепенное значение имело устранение угрозы со стороны Германии, поэтому Париж более активно выступал за создание антигерманской военной коалиции с участием не только Польши, но и СССР. Правда, французское руководство стремилось возложить основную тяжесть войны на своих восточноевропейских союзников. На политику Франции значительное влияние оказывала Англия, что позволяет говорить о существенных проанглийских тенденциях французского руководства. При этом в Париже не исключали возможности достижения новой договоренности с Германией, для давления на которую использовались переговоры с Москвой.

Италия, связанная союзом с Германией, надеялась получить определенную выгоду от европейского кризиса в виде усиления своих позиций на Балканах и в Средиземноморье, но категорически отказывалась от участия в войне с неясным исходом. В целом Рим пытался играть роль посредника между Англией, Францией и Германией.

США заняли пассивную позицию в отношении европейского политического кризиса, хотя довольно хорошо представляли себе обстановку в Европе. Столь же пристально в Вашингтоне следили за развитием событий на Дальнем Востоке, но и в этом регионе пассивная политика США прикрывалась существованием закона о нейтралитете. Таким образом США продолжали занимать выжидательную позицию, готовясь участвовать в возможной войне на более поздних этапах. США также были заинтересованы в том, чтобы затруднить разрядку напряженности в Европе, поскольку только в этом случае их политический вес на континенте мог бы возрасти.

В течение 1939 г. Япония в очередной раз пыталась добиться окончания войны в Китае, продолжая вытеснять оттуда своих английских, французских и американских конкурентов, которые заняли пассивную позицию, опасаясь заключения германо-итало-японского союза. Япония рассчитывала использовать европейские противоречия для закрепления своих завоеваний в Китае и признания своей новой роли на Дальнем Востоке, что требовало продолжения лавирования между великими державами. Германо-итальянское предложение военного союза против остальных великих держав не отвечало японским интересам. В Токио охотно пошли бы на антисоветский союз, но не собирались портить отношения с Англией, Францией и США в угоду Берлину и Риму. В целом события 1939 г. на Дальнем Востоке оказывали лишь косвенное влияние на развитие европейской ситуации.

В условиях европейского политического кризиса основное значение имели цели и действия Англии, Германии и СССР.

Ощущая угрозу своему положению в мире со стороны США, Германии и СССР, Англия пыталась продолжить ставшую уже традиционной политику "умиротворения", дополнив ее с марта 1939 г. мерами военно-политического давления на Берлин. По мнению Лондона, это должно было заставить Германию воздержаться от дальнейшей экспансии и пойти на урегулирование отношений с Англией. В свою очередь, англо-германское соглашение послужило бы основой для консолидации Европы, что дало бы Англии прочный тыл в противоборстве с США и заслон от усиления советского влияния. В отдаленной перспективе европейская консолидация могла бы способствовать созданию новой системы международных отношений с участием США и Японии, но без учета интересов СССР. Английское руководство полагало, что угроза войны с Англией, наряду с щедрыми предложениями Лондона, вынудят Германию пойти на соглашения с ней. При этом Англия сама была заинтересована в том, чтобы избежать войны, которая лишь ухудшила бы ее

положение. Не случайно Лондон, предупреждая Берлин о том, что Польша получит английскую поддержку в случае войны, не готовился к осуществлению этих предупреждений.

В этих условиях переговоры с Москвой рассматривались в Лондоне лишь как средство давления на Берлин. Более того, проводя в 1920-1930-е гг. политику ограничения советского влияния в Европе, Англия в ходе событий 1939 г. столкнулась с проблемой, как привлечь СССР к обеспечению безопасности стран Восточной Европы, но при этом не толкнуть эти страны, как правило, настроенные антисоветски, в лагерь Германии. Не случайно Англия старалась прийти к максимально широкому и расплывчатому соглашению с Москвой, что не должно было затронуть интересы восточноевропейских стран. Все это еще более затрудняло англо-франко-советские переговоры, которые в итоге зашли в тупик, поскольку Англия так и не решилась заплатить за союз с СССР просимую Москвой цену. Кроме того, на исходе переговоров сказалось и то, что стороны стремились достичь разных целей: СССР нужен был союз для войны в Европе, а Англия и Франция хотели, пугая Германию призраком тройственного союза, избежать войны. Не менее уклончивую позицию Англия занимала и в отношении Польши, помощь которой, несмотря на гарантии, а позднее и союз, оказывать не собирались, ибо в Лондоне надеялись на стойкость польской армии, свои дипломатические маневры или на возможную германо-советскую войну на обломках Польши. Хотя, как показали события последней недели августа 1939 г., именно честное выполнение Англией своих обязательств перед Польшей могло остановить Германию.

В ситуации 1939 г. Германия стремилась новыми экспансионистскими мерами окончательно закрепить свое влияние в Восточной Европе, которая стала бы надежным тылом для войны с Англией и Францией за европейскую гегемонию и прикрытием против СССР. В Берлине прекрасно понимали, что без решения этих задач война с СССР невозможна, поэтому прежде следовало консолидировать Европу, но на германский манер, не на базе достижения компромисса четырех великих держав, а на основе их подчинения Германии. Достижение этой цели выводило бы Германию в разряд мировых держав и позволило бы в союзе с Японией предпринять антисоветский поход, после победного окончания которого в Евразии был бы создан единый военно-политический блок, с которым вынуждены были бы считаться США. То есть речь тоже шла о формировании новой системы международных отношений, но на германских принципах. Правда, это была еще слишком далекая перспектива, а пока, весной 1939 г., Германия столкнулась с английской политикой "окружения" и была вынуждена решать проблему локализации возможного конфликта с Польшей. Требовалось создать германо-итало-японский блок, добиться невмешательства Англии и Франции в германо-польский конфликт и воспрепятствовать созданию англо-франко-советского союза.

Первая задача была решена лишь частично, так как Япония не спешила заключать безоговорочный договор с Германией и Италией, союз которых также был непрочен. Англо-французская политика угроз и предложения уступок, проводимая в отношении Германии в течение всех 1930-х гг., породила в Берлине уверенность в том, что Англия и Франция вновь пойдут на уступки за счет Польши. Проблема срыва англо-франко-советских переговоров облегчалась тем, что стороны не спешили пойти на союз друг с другом. Весной - летом 1939 г. уверенность германского руководства в возможности договориться с СССР нередко сменялась крайним пессимизмом, а вслед за этой сменой настроений испытывала колебания и германская дипломатия, которая все-таки постепенно переходила от зондажей к более

конкретным предложениям. По мере приближения критического периода в отношениях с Польшей Германия все более повышала ставки на переговорах с СССР, и в итоге стороны подписали пакт о ненападении на основе разграничения интересов в Восточной Европе, который обеспечил не только советские интересы, но и тыл Германии, облегчив ей войну в Европе.

Одновременно Германия усиленно искала возможность компромисса с Англией, который должен был стать таким же временным, как и договор с СССР. Уверенность в том, что Англия и Франция не вмешаются в германо-польскую войну, позволила Германии установить конкретную дату нападения на Польшу, но в последний момент от нападения пришлось отказаться, так как возникла угроза англо-французского вмешательства. Лишь в ходе нового тура дипломатических контактов Германия убедилась, что решить польскую проблему без применения силы не удастся, но серьезного участия Англии и Франции в германо-польской войне опасаться не следует. Германское руководство решило рискнуть, и 1 сентября германские войска вторглись в Польшу.

К 1939 г. Советский Союз в основном решил задачу военно-экономической модернизации и консолидации советского общества и был готов более активно отстаивать свои внешнеполитические интересы. Получив в Мюнхене очередной наглядный урок, обозначивший место СССР в Европе, советское руководство было крайне заинтересовано в срыве тенденции европейской консолидации без учета советских интересов. В этом смысле продолжение германской экспансии отвечало интересам Москвы, так как резко повышало заинтересованность обеих европейских военно-политических группировок в соглашении с СССР. Обозначившейся в марте - апреле 1939 г. кризис в Европе подтвердил, что в договоренности с СССР заинтересованы и Англия с Францией, и Германия. Тем самым советское руководство могло выбирать, с кем и на каких условиях оно будет договариваться с учетом своих интересов. Договоренность с Англией и Францией требовала согласия этих стран на признание СССР европейской великой державой и усиление его влияния на континенте. Лондон и Париж оказались не способны пойти на такую уступку, и не в последнюю очередь потому, что союз с СССР означал бы окончательный раскол Европы на военно-политические блоки и, по мнению западных держав, угрожал их втягиванию в войну, которой они стремились избежать, направив германскую экспансию на Восток. Кроме того, партнеры на переговорах в Москве, видимо, не слишком опасались Германии, что тоже не ускоряло ход последних. В итоге в силу непримиримости интересов сторон переговоры зашли в тупик.

В то же время в ходе германо-советских контактов Москва, учитывая склонность Берлина к соглашению, долго не могла подтолкнуть Германию к тому, чтобы она ясно изложила свою позицию. Лишь в августе 1939 г. германское руководство решилось сделать конкретное предложение СССР, который в ходе искусно проведенных переговоров сумел заставить Берлин в максимальной степени учесть советские интересы. На фоне вялотекущих переговоров с Англией и Францией Москва сделала выбор в пользу договора с Германией, который был временным компромиссом для обеих сторон. Вместе с тем благодаря пакту СССР получил признание своих интересов со стороны великой европейской державы. Даже в этих условиях Англия и Франция не решились принять советские условия союза, сосредоточившись на поиске компромисса с Германией, что подтолкнуло ее к войне с Польшей. Начало войны в Европе позволило Москве начать реализацию своих экспансионистских устремлений пока в Восточной Европе.

Таким образом, Кремлю удалось использовать европейский кризис в своих интересах, поэтому советско-германский пакт о ненападении можно расценивать как значительную удачу советской дипломатии, которая смогла переиграть британскую дипломатию и достичь своей основной цели - остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе, более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах, и при этом свалить вину за срыв англо-франко-советских переговоров на Лондон и Париж. Не в интересах советского руководства было препятствовать войне в Европе между англо-французским блоком и Германией, поскольку только война давала ему реальный шанс значительно усилить свое влияние на континенте.

В 1939 г. Европа оказалась расколотой на три военно-политических лагеря: англо-французский, германо-итальянский и советский, каждый из которых стремился к достижению собственных целей, что не могло не привести к войне. Понятно, что каждая великая держава рассчитывала на благоприятное для себя развитие событий. Англия и Франция стремились направить германскую экспансию на Восток, что должно было привести к столкновению Германии с СССР, их взаимному ослаблению, и упрочило бы положение Лондона и Парижа на мировой арене. Естественно, Москве вовсе не улыбалась роль "жертвенного агнца", и советское руководство сделало все, чтобы отвести угрозу втягивания в возможную европейскую войну, которая должна была ослабить Германию, Англию и Францию, что, в свою очередь, позволило бы СССР занять позицию своеобразного арбитра, от которого зависит исход войны, и максимально расширить свое влияние на континенте. Со своей стороны Германия, прекрасно понимая невозможность одновременного столкновения с коалицией великих держав, рассчитывала на локальную операцию против Польши, что улучшило бы ее стратегическое положение для дальнейшей борьбы за гегемонию в Европе с Англией, Францией и СССР. Италия стремилась получить новые уступки от Англии и Франции в результате их конфликта с Германией, но сама не торопилась воевать. США была нужна война в Европе, чтобы исключить возможность англо-германского союза, окончательно занять место Англии в мире и ослабить СССР, что позволило бы стать основной мировой силой. Япония, пользуясь занятостью остальных великих держав в Европе, намеревалась закончить на своих условиях войну в Китае, добиться от США согласия на усиление японского влияния на Дальнем Востоке и при благоприятных условиях поучаствовать в войне против СССР. Так, в результате действий всех основных участников предвоенный политический кризис перерос в войну, развязанную Германией.

Неуступчивость Польши, политика "умиротворения" со стороны Англии и Франции, советско-германский пакт о ненападении привели к тому, что политический кризис 1939 г. перерос в сентябре в войну, развязанную Германией. Начало Второй мировой войны в Европе в сентябре 1939 г. до сих пор вызывает оживленные политические дискуссии, что связано со стремлением участников событий обелить себя. Доступные ныне исторические источники позволяют более объективно оценить ситуацию первого месяца войны. В историографии общим местом стало утверждение, что именно союз Англии, Франции и СССР был бы способен остановить германскую экспансию. Правда, в основном имеется в виду политический, а не военный аспект этого соглашения. Как правило, созданию англо-франко-польской коалиции уделяется гораздо меньше внимания, хотя этот союз также обладал серьезным военным потенциалом. Кроме того, в нем не существовало политических проблем, отягчавших англо-франко-советские переговоры.

В ходе политического кризиса в Европе весной - летом 1939 г. стороны начали конкретные военные приготовления. Как известно, Польша рассматривалась в Берлине в качестве потенциального противника еще в 1920-е гг., когда и были подготовлены первые планы войны с ней. В основу этих планов была положена идея нанесения концентрических ударов из Восточной Пруссии и Силезии с целью окружения и разгрома по возможности большей части польской армии, захвата экономически важных районов Западной Польши и завершения войны в максимально короткие сроки. Эти стратегические идеи легли в основу германского военного планирования в 1939 г.²⁰⁸

3 апреля 1939 г. начальник штаба Верховного Главнокомандования вермахта (ОКВ) генерал В. Кейтель известил главнокомандующих сухопутными войсками, ВВС и ВМФ о том, что подготовлен проект "Директивы о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939-1940 гг." Одновременно главнокомандующие видов вооруженных сил получили предварительный вариант плана войны с Польшей (план "Вайс"), который они должны были изучить и к 1 мая 1939 г. представить свои соображения относительно использования войск в войне против Польши, организации их взаимодействия и календарном плане мероприятий по подготовке операции. Полностью подготовку к войне следовало завершить к 1 сентября 1939 г. 11 апреля А. Гитлер утвердил "Директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939-1940 гг." Таким образом, в Германии началось конкретное оперативное планирование войны с Польшей, которая должна была остаться локальным конфликтом²⁰⁹.

В апреле - июне 1939 г. в Германии были разработаны конкретные планы использования вермахта в войне против Польши. Стратегический замысел и задачи войск в операции "Вайс" были изложены в директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию сухопутных войск от 15 июня 1939 г. Цель операции состояла в том, чтобы концентрическими ударами из Силезии, Померании и Восточной Пруссии разгромить главные силы польской армии западнее линии рек Висла и Нарев. Общая задача вермахта сводилась к тому, чтобы осуществить охват польской армии с юго-запада и северо-запада с ее последующим окружением и разгромом. С самого начала войны операции германских войск должны были развиваться стремительно, чтобы сорвать мобилизацию и развертывание польских вооруженных сил.

Для выполнения этих задач создавалось две группы армий. В Померании и Восточной

Пруссии разворачивалась группа армий "Север" (командующий генерал-полковник Ф. фон Бок) в составе 3-й и 4-й армий, ближайшей задачей которой являлось занятие "польского коридора", обеспечение связи по суше с Восточной Пруссией и нанесение смыкающихся ударов восточнее Вислы в общем направлении на Варшаву. В Силезии и Словакии сосредоточивалась группа армий "Юг" (командующий - генерал-полковник Г. фон Рунштедт) в составе 8-й, 10-й и 14-й армий, наносившая главный удар в операции "Вайс". Ближайшая задача группы армий "Юг" заключалась в том, чтобы своей ударной группировкой (10-й армией) наступать в общем направлении на Варшаву, прорвать польский фронт, выйти к реке Висла и затем во взаимодействии с группой армий "Север" уничтожить польские войска, находящиеся в Западной Польше. На 8-ю и 14-ю армии возлагалось фланговое прикрытие ударной группировки. С воздуха эти группировки должны были поддерживать соответственно 1-й и 4-й воздушные флоты. Для осуществления плана "Вайс" намечалось выделить 40 пехотных, 4 легкопехотные, 3 горнопехотные, 6 танковых и 4 моторизованные дивизии и 1 кавалерийскую бригаду²¹⁰.

Готовя операцию против Польши, германское командование исходило из того, что Англия и Франция не вмешаются в германо-польскую войну. Однако вопрос о том, будет ли вмешательство западных держав полностью исключено, так и не был решен. Поэтому были предусмотрены меры для прикрытия западной границы Германии, где планировалось развернуть группу армий "Ц" (командующий генерал В. Лееб) в составе 1-й, 5-й и 7-й армий, которая насчитывала бы 31 дивизию и, опираясь на недостроенную линию Зигфрида, должна была оборонять границу с Нидерландами, Бельгией и Францией. Таким образом, из разворачиваемых по мобилизации 103 дивизий вермахта 57 (55,3%) планировалось развернуть против Польши, 31 (30,1%) - на западе Германии, а 15 (14,6%) - в центральных районах страны.

Еще в мае 1939 г. были приведены в боевую готовность шесть армейских управлений, 11 управлений армейских корпусов и 24 дивизии. Под видом подготовки к осенним маневрам в начале августа была проведена частичная мобилизация некоторых резервных дивизий, а также частей армейского и корпусного подчинения. Предмобилизационные мероприятия начались в Восточной Пруссии с июля, а по всей территории Германии с 18 августа 1939 г. К 25 августа уже завершили мобилизацию соединения, составлявшие 35,4% состава сухопутных войск военного времени. К вечеру 25 августа против Польши было сосредоточено 16 2/3 пехотные, 4 легкопехотные, 6 танковых, 2 2/3 моторизованных дивизий и 1 кавбригада. Сигнал на проведение общей мобилизации был дан во второй половине дня 25 августа, то есть за один день до намеченного начала войны. В связи с переносом срока начала вторжения германскому командованию удалось к 1 сентября 1939 г. завершить мобилизацию и развернуть на Востоке 37 1/3 пехотных, 4 легкопехотные, 1 горнопехотную, 6 танковых и 4 2/3 моторизованные дивизии и 1 кавбригаду (82,6% запланированных сил)²¹¹. Сосредоточение и мобилизация вермахта велись с соблюдением мер маскировки и дезинформации, чтобы не вызвать ответных действий со стороны Польши. Тем не менее польская разведка в целом верно установила численность разворачиваемых на границе германских группировок. Так, в группе армий "Север" имелось 20,5 дивизий, а поляки считали, что их 20-22 дивизии, в группе армий "Юг" из 32 2/3 дивизий польская разведка установила 28 соединений²¹².

Польское стратегическое планирование против Германии основывалось в 1920-1930-е гг. на франко-польском договоре 1921 г. о взаимопомощи, предусматривавшем совместные

действия Франции и Польши. Основная идея военного планирования до середины 1930-х гг. заключалась в наступательных действиях французских и польских войск на Берлин. В 1936 г. польские вооруженные силы получили новый план войны с Германией, согласно которому они должны были оборонять германо-польскую границу и наступать против Восточной Пруссии. Но вплоть до конца 1938 г. польское командование основное внимание уделяло разработке военных планов против СССР. С конца февраля 1939 г. польское командование приступило к разработке конкретного плана войны с Германией - "Захуд". После оккупации Германией Чехии в марте 1939 г. в этот документ были внесены изменения с учетом сложившейся обстановки. Начавшееся в марте 1939 г. оформление англо-франко-польской коалиции привело к тому, что польское военное планирование основывалось на расчете, что Англия и Франция поддержат Польшу в войне с Германией. Поэтому перед польскими вооруженными силами ставилась задача упорной обороной обеспечить мобилизационное развертывание и сосредоточение своих войск, а потом перейти в контрнаступление, поскольку считалось, что к этому сроку Англия и Франция заставят Германию оттянуть свои войска на запад.

Для осуществления этого плана предусматривалось развернуть 39 пехотных дивизий, 3 горнопехотные, 11 кавалерийских, 10 пограничных и 2 бронемоторизованные бригады. Эти войска должны были быть объединены в семь армий, три оперативные группы и корпус вторжения. Против Восточной Пруссии развертывались опергруппы "Нарев" (2 пехотные дивизии, 2 кавбригады), "Вышкув" (2 пехотные дивизии) и армия "Модлин" (2 пехотные дивизии, 2 кавбригады). В "польском коридоре" сосредоточивалась армия "Поможе" (5 пехотных дивизий, 1 кавбригада), часть сил которой предназначались для захвата Данцига. На Берлинском направлении развертывалась армия "Познань" (4 пехотные дивизии и 2 кавбригады). Границу с Силезией и Словакией прикрывали армия "Лодзь" (5 пехотных дивизий, 2 кавбригады), армия "Краков" (7 пехотных дивизий, 1 кавбригада и 1 танковый батальон) и армия "Карпаты" (1 пехотная дивизия и пограничные части). В тылу южнее Варшавы развертывалась армия "Прусы" (7 пехотных дивизий, 1 кавбригада и 1 бронемоторизованная бригада). В районах Кутно и Тарнов сосредотачивались в резерве по 2 пехотные дивизии²¹³. Таким образом, польская армия должна была развернуться равномерно на широком фронте, что делало проблематичным отражение массированных ударов вермахта.

Скрытое мобилизационное развертывание польских войск, начавшееся 23 марта 1939 г., затронуло 4 пехотные дивизии и 1 кавбригаду, были усилены соединения в ряде округов и созданы управления четырех армий и оперативной группы. В основу этих мероприятий был положен мобилизационный план "W" от апреля 1938 г., предусматривавший скрытую мобилизацию в мирное время. 13-18 августа была объявлена мобилизация еще 9 соединений, а с 23 августа началась скрытая мобилизация основных сил. Перегруппировки войск, предусмотренные планом стратегического развертывания, начались 26 августа, когда войска получили приказ о выдвигении отмобилизованных соединений в намеченные районы сосредоточения. Приказ армиям и оперативным группам первого эшелона о занятии исходного положения был отдан 30 августа. Мероприятия по отмобилизованию армии польское руководство проводило в тайне и от своих англо-французских союзников, которые опасались, что эти действия Варшавы могут подтолкнуть Германию к войне. Поэтому, когда 29 августа в Польше собрались начать открытую мобилизацию, Англия и Франция настояли на откладывании ее проведения до 31 августа. Тем не менее благодаря скрытой мобилизации

к утру 1 сентября мобилизационный план был выполнен на 60%, но развертывание польских войск не было завершено - лишь 46,8% войск находилось в районах предназначения, но и они не успели полностью занять свои позиции²¹⁴. К утру 1 сентября Польша развернула 24 пехотные дивизии, 3 горнопехотные, 8 кавалерийских и 1 бронемоторизованную бригады.

Предмобилизационные мероприятия во Франции начали проводиться еще летом 1939 г., когда были призваны резервисты в 49 специальных крепостных батальонов и 43 специальные артчасти, составлявшие войска прикрытия на линии Мажино. 21 августа была приведена в боевую готовность система ПВО, а 22 августа - усилена система боевой готовности французских войск. 23 августа во Франции началась скрытая мобилизация и были введены в действие планы обеспечения безопасности Парижа и границ с Бельгией, Италией и Швейцарией. 24 августа меры по прикрытию сосредоточения были распространены на восточные районы Франции, а 26 августа - на всю территорию страны. До 27 августа было отмобилизовано 3/4 французских вооруженных сил - 72 дивизии (1 895 тыс. чел., 8 тыс. орудий и минометов, 2,5 тыс. танков и до 2 тыс. самолетов). 27 августа было призвано еще 725 тыс. человек, и вооруженные силы достигли численности 2 674 тыс. человек. 1 сентября, когда во Франции была объявлена открытая мобилизация, на ее территории находилось 72 пехотные (кадровые, резервные, североафриканские, колониальные и крепостные войска, равноценные 15 дивизиям), 3 кавалерийские, 2 легкие механизированные дивизии и 39 отдельных танковых батальонов, но никаких активных задач эти войска не имели²¹⁵.

Завершив сосредоточение и развертывание вермахта по плану "Вайс", Германия, уверенная в невмешательстве Англии и Франции, напала на Польшу²¹⁶. В 4.30 утра 1 сентября 1939 г. германские ВВС нанесли массированный удар по польским аэродромам, в 4.45 учебный артиллерийский корабль (бывший броненосец) "Шлезвиг-Гольштейн" открыл огонь по Вестерплатте, одновременно сухопутные войска Германии перешли границу Польши, стремясь осуществить стратегический замысел операции "Вайс". К 5 сентября германские войска заняли "польский коридор", частично разгромив соединения польской армии "Поможе". Войска армии "Модлин" с 4 сентября стали отходить на юг под непрерывными ударами 3-й германской армии. Для создания ударной группировки на левом крыле 3-й армии началась перегруппировка подвижных соединений группы армий "Север". Войска 4-й армии продвигались вдоль Вислы на Варшаву, а 3-я армия уже 6 сентября захватила плацдарм на реке Нарев, поставив под угрозу окружения польские войска в районе Варшавы.

На юге польские части получили 2 сентября приказ отойти на главную оборонительную позицию по рекам Варта и Видавка, но не торопились его выполнить. Пока на фронте продолжались упорные бои, части германского 16-го танкового корпуса через обнаруженную брешь между войсками армий "Лодзь" и "Краков" устремились в тыл обороняющихся. Однако подобный успех оказался неожиданным и для германского командования, которое приказало на 3 сентября остановить наступление. Все это говорит о том, что вермахт еще не овладел приемами использования "танковых клиньев", сыгравших значительную роль в последующих событиях Второй мировой войны. Вечером 2 сентября армия "Лодзь" начала отход на главную линию обороны, обнажая фланг армии "Краков", командование которой было более озабочено ситуацией на польско-словацкой границе, где германская 14-я армия успешно продвигалась вглубь польской обороны, что также вынудило поляков начать отход. В свою очередь, отвод армии "Краков" обнажил весь южный фронт польской обороны, но в

Варшаве рассчитывали, что резервная армия "Прусы" сумеет создать устойчивый фронт, не учитывая того, что сосредоточение ее соединений было еще далеко от завершения. В итоге 5 сентября германские войска прорвали польский фронт, что при отсутствии готовых резервов обрекало польскую армию на поражение.

С целью создания нового устойчивого фронта польское командование 5 сентября отдало всем войскам приказ об общем отходе за Вислу. В тот же день 14-я германская армия получила приказ наступать восточнее Вислы на Люблин, для глубокого охвата польских войск с востока. 10-я германская армия получила задачу быстрее прорваться к переправам в среднем течении Вислы, чтобы отрезать полякам пути отхода в восточные районы страны. На следующий день германское командование отдало приказ о дальнейших операциях на окружение поляков восточнее Вислы. Таким образом, германские войска сумели за 5 первых дней войны выиграть приграничные сражения, но, столкнувшись с более сильным, чем ожидалось, сопротивлением поляков, были вынуждены внести коррективы в первоначальные планы войны, увеличив глубину операции. Здесь стоит обратиться к вопросу о реакции Англии и Франции на начавшуюся германо-польскую войну.

Еще 31 августа Б. Муссолини предложил Англии и Франции созвать 5 сентября конференцию Англии, Франции, Италии и Германии для обсуждения "затруднений, вытекающих из Версальского договора". Это предложение встретило благожелательную поддержку в Лондоне и Париже, которые 1 сентября, вместо оказания обещанной помощи Польше, продолжили поиски путей умиротворения Германии. В 11.50 Франция уведомила Италию о согласии участвовать в конференции, если на нее будет приглашена Польша. Однако лишь во второй половине 1 сентября Франция решила узнать мнение Польши о намечавшейся конференции, но быстро получить ответ из Варшавы не удалось. Вечером этого же дня Англия и Франция передали Германии ноты, в которых выразили "протест" по поводу германского вторжения в Польшу, и предупреждали, что выполнят свои обязательства перед Польшей, "если германское правительство не готово... приостановить наступление... и... немедленно вернуть войска с польской территории"²¹⁷. Однако днем 2 сентября через Италию они известили Берлин, что эти ноты не следует воспринимать как ультиматум. Более того, Англия известила Германию, что в случае вывода вермахта из Польши "Британское правительство готово все забыть и начать переговоры"²¹⁸. Это усилило уверенность германского руководства в том, что союзники продолжают уклоняться от выполнения своих обязательств.

В тот же день в Париже стало известно об отрицательном отношении Варшавы к созыву конференции. Но ее союзники продолжали надеяться на эту возможность, причем, в отличие от Англии, Франция была не против оставления германских войск на польской территории. Лишь 3 сентября в 11.00 Англия, а в 17.00 Франция объявили Германии войну. На следующий день был подписан франко-польский договор о взаимопомощи. Однако это не поколебало уверенности Гитлера, который считал, что, "если они и объявили нам войну, то это для того, чтобы сохранить свое лицо, к тому же это еще не значит, что они будут воевать"²¹⁹. И действительно, после формального объявления войны на франко-германской границе ничего не изменилось. Немцы продолжали возведение укреплений, а французские войска, передовым частям которых было запрещено заряжать оружие боевыми снарядами и патронами, безучастно взирали на германскую территорию. Хотя объявление войны Лондоном и Парижем вызвало в Берлине определенное замешательство, неизменное затишье на Западном фронте убедило германское руководство в том, что реальных действий

союзники, скорее всего, не предпримут. Поэтом новая директива ОКВ №2 от 3 сентября исходила из идеи продолжения масштабных операций в Польше и пассивного ожидания на Западе²²⁰.

Польские представители в Англии и Франции столкнулись с обструкционистской позицией Лондона и Парижа. Французский главнокомандующий генерал М. Гамелен не пожелал принять польского военного атташе. Вечером 6 сентября в Париж поступила польская нота, в которой сообщалось о пессимистических настроениях германского населения в связи с начавшейся войной и предлагалось "нанести удар по моральному состоянию врага". Для этого следовало "провести против территории Германии операцию военно-воздушных сил союзников", "прорвать хотя бы в двух пунктах линию Зигфрида... провести хотя бы небольшой морской десант на германском побережье"²²¹. 7 сентября Варшава получила французский ответ, согласно которому "завтра, а самое позднее утром послезавтра будет проведена сильная атака французских и английских бомбардировщиков против Германии, которая, может быть, будет распространена даже до тыловых построений на польском фронте". Понятно, что такой ответ обнадежил поляков, которые не знали, что в действительности в Париже избегали бомбардировок территории Германии, опасаясь ответных мер люфтваффе.

В итоге 7 сентября польский военный атташе во Франции был вынужден констатировать в своем донесении в Варшаву: "на западе никакой войны фактически нет. Ни французы, ни немцы друг в друга не стреляют. Точно так же нет до сих пор никаких действий авиации. Моя оценка: французы не проводят ни дальнейшей мобилизации, ни дальнейших действий и ожидают результатов битвы в Польше"²²². Польские представители продолжали настаивать и просить французское руководство выполнить свои обязательства перед Варшавой. Это вызвало раздражение Гамелена, который писал: "Польский военный атташе продолжает нам надоедать! Я знал также, что польский посол в Париже проявлял нервозность и даже несправедливость в отношении французской армии и особенно авиации". Единственное, чего добились поляки, было обещание послать в Польшу через Румынию военное снаряжение и боеприпасы, которые так и не были посланы ввиду разгрома Польши. В середине сентября генерал Гамелен записал в дневнике, что Франция может оказать помощь Польше в 1940 г., а к наступлению на широком фронте она подготовится в 1941 или 1942 гг.

Английское правительство вело себя точно так же, как и французское. 3 сентября в Лондон прибыла польская военная миссия, но встретиться с начальником английского генштаба генералом У. Айронсайдом полякам удалось лишь 9 сентября. В ходе встречи Айронсайд стал выяснять ситуацию на фронте, а поляки с удивлением узнали, что у Англии нет никаких конкретных планов помощи Польше, поскольку этим должна была заниматься Франция. Сославшись на занятость, Айронсайд прекратил беседу, порекомендовав напоследок полякам закупить оружие в нейтральных странах. 10 сентября польскую военную миссию уведомили, что английские ВВС начали бомбардировки Германии, а в Румынию прибыл транспорт с 44 самолетами для Польши. Все это было откровенной ложью. Предложение поляков о посылке англо-французской авиации на польские аэродромы так и не было принято. 13 сентября поляки констатировали, что "Англия не сдержала, как и прежде, своих обязательств, ибо в течение 14 дней войны мы остаемся предоставленными самим себе, и помощь, которая должна была быть направлена в Польшу в результате переговоров с генералом Клейтоном, происходивших в мае в Варшаве, не была предоставлена Польше". 15 сентября в ходе последней встречи с Айронсайдом поляки

узнали, что, кроме 10 тыс. пулеметов и 15-20 млн патронов, Англия не может выделить никакого другого вооружения, да и это может поступить лишь через 5-6 месяцев. Айронсайд вновь посоветовал полякам закупить оружие у нейтралов²²³.

Каково же было состояние сторон на Западном фронте в начале германо-польской войны?

Германия развернула на своей западной границе к 1 сентября 1939 г. группу армий "Ц", на которую возлагалась задача тылового прикрытия операций в Польше от угрозы англо-французского вмешательства. Эти войска развертывались в полосе от нижнего течения Рейна до швейцарской границы и на 1 сентября насчитывали 31 2/3 пехотную дивизию, и еще 3 пехотные дивизии находились в стадии передислокации на Запад. После 3 сентября группе армий "Ц" были подчинены еще 9 пехотных дивизий, которые в основном сосредоточились к 10 сентября, увеличив общую численность группировки до 43 2/3 пехотных дивизий, из которых лишь 11 2/3 "могли быть названы полноценными, все остальные являлись новыми формированиями, совершенно не соответствовавшими по своей подготовке и техническому оснащению требованиям маневренной войны"²²⁴. К 1 сентября эти войска насчитывали около 915 тыс. человек и располагали примерно 8 640 орудиями и минометами, но не имели ни одного танка. Сухопутные войска поддерживали 2-й и 3-й воздушный флоты, в которых насчитывалось 1 094 самолета (из них 966 боеготовых), кроме того, командованию группы армий "Ц" были подчинены летные части, располагавшие 144 самолетами (из них 113 боеготовых), а морская авиация на Западе насчитывала 121 самолет (114 боеготовых). Всего на Западе находилось 1 359 самолетов (1 193 боеготовых), в том числе 421 бомбардировщик и 632 истребителя²²⁵.

Сооружение Западного вала, на который должны были опираться эти войска, еще не было завершено. "К началу войны в основном имелись только укрепленные точки для пехотного оружия, командные пункты, сеть линий телефонной связи укрепленных районов, противопехотные и противотанковые заграждения. Артиллерийских позиций в виде бронированных сооружений еще не было, как не было железобетонных или бронированных укреплений для противотанкового оружия"²²⁶. По мнению генерала Н. Формана, "Западный вал не представлял собой непреодолимого препятствия. Правда, между Люксембургом и Швейцарией, главным образом на участке между Саарбрюккеном и Карлсруэ, было некоторое количество готовых бронированных огневых точек, противотанковых рвов и прочих препятствий. Однако повсюду еще ускоренными темпами вела работу организация Тодта. Большая часть линии была еще на бумаге. О готовых сильных позициях вообще не могло быть и речи. Глубокого эшелонирования нигде не было создано"²²⁷.

Французское командование развернуло против Германии Северо-Восточный фронт в составе 1-й, Арденской, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 7-й и 8-й армий, в которых к 3 сентября насчитывалось 78 дивизий (из них 13 были крепостными, а 7 завершали формирование). В этих войсках имелось 17 500 орудий и минометов, свыше 2 тыс. танков. ВВС Франции насчитывали 1 400 самолетов первой линии и около 1 600 в резерве, кроме того, для действий во Франции можно было использовать 1 021 английский самолет. Уже 4 сентября мобилизация во Франции завершилась, а войска были развернуты на позициях. К 10 сентября французские вооруженные силы закончили развертывание по штатам военного времени и насчитывали почти 5 млн человек²²⁸.

Таблица 5

Соотношение сил на фронтах в сентябре 1939 г.

Соотнош. Франция Германия Германия Польша Соотнош.

1,8: 1 78 43 2/3 Дивизии 61 33 1,8: 1

- - - Бригады 1 13 1: 13

3,2: 1 3 253 1 000 Личный состав (тыс.) 1 800 1 000 1,8: 1

2: 1 17 500 8 640 Орудия и минометы 13 500 4 300 3: 1

- 2 850 - Танки 2 533 610 4,2: 1

1,8: 1 2 421* 1 359 Самолеты 2 231 824 2,7: 1

* С учетом ВВС Англии, но без резерва.

С 31 мая французский генеральный штаб разрабатывал план наступления на фронте между Мозелем и Рейном, который должен был стать основой военных действий против Германии и был 1 сентября 1939 г. предложен генералом Гамеленом правительству. Французские войска должны были наносить главный удар вдоль Рейна на Майнц, отрезая основную германскую группировку с тыла. Однако это предложение так и не было реализовано. Вместо него французское командование предприняло ограниченную операцию около Саарбрюккена. В ночь на 7 сентября французские поисковые группы впервые пересекли германскую границу западнее города. С 9 сентября части 9 французских дивизий 4-й и 5-й армий начали продвижение в предполье линии Зигфрида к востоку от Саарбрюккена, не встречая сопротивления германских войск, которым было приказано уклоняться от боя и отходить на линию укреплений. Заняв Варндский лес к западу от города и продвинувшись на 7-8 км между Шпихерн и Хорнбах на фронте около 25 км, французы получили 12 сентября приказ прекратить наступление "ввиду быстрого развития событий в Польше"²²⁹.

В тот же день французский главнокомандующий, который считал, что эти атаки не могут больше повлиять на события в Польше, заявил на первом заседании Высшего военного совета союзников в Абвилле: "В настоящее время больше нет необходимости немедленно обеспечить базу атаки против линии Зигфрида... Если осуществится атака противника через Люксембург и особенно через Бельгию, нам не хватит всех наших активных сил, чтобы противостать ему". Хотя Совет одобрил решение о прекращении наступления, Гамелен 14 сентября сообщил главе польской военной миссии во Франции: "Последнее заседание Верховного совета союзников определило твердую решимость Франции и Великобритании обеспечить Польше всю возможную помощь. Формы этой помощи намечены совместно с нашими британскими союзниками после тщательного анализа общей обстановки, и я могу Вас заверить, что ни одна из возможностей прямой помощи Польше и ее армии не будет оставлена без внимания"²³⁰.

Анализируя эти события, французский историк А. Гутар не без остроумия замечает: "Французы и англичане почувствовали облегчение, а так как немцы его тоже почувствовали, то можно сказать, что редко бывало, чтобы какое-нибудь решение вызвало в обоих лагерях такое единодушное облегчение"²³¹. Как справедливо отметил Ж. Мордаль, "решение, принятое в Абвилле 12 сентября 1939 г. Верховным советом союзников, было не только отказом от данного слова, это была настоящая капитуляция без боя"²³².

В то же время французская пресса начала шумную кампанию по поводу "операций против Германии", которые, как сообщалось, поставили перед ней "трудную стратегическую проблему". 14 сентября, когда продвижение войск прекратилось, в прессе сообщалось, что "военные операции на Западном фронте между Рейном и Мозелем продолжаются. Французы окружают Саарбрюккен с востока и запада". 19 сентября, когда французские части

отводились на исходные позиции, последовало сообщение, что "бои, которые ранее ограничивались районом Саарбрюккена, охватили теперь весь фронт протяженностью 160 км"²³³. 3-4 октября французские войска покинули территорию Германии, а к 16 октября передовые части вермахта вновь разместились на границе с Францией²³⁴.

Таким образом, вместо 35-40 дивизий, которые Франция обещала бросить против Германии, было использовано всего 9 дивизий. Но французское командование старательно преувеличивало масштаб этой ограниченной операции. 10 сентября Гамелен уверял польское руководство, что "больше половины наших активных дивизий Северо-Восточного фронта ведут бои. После перехода нами границы немцы противопоставили нам сильное сопротивление. Тем не менее мы продвинулись вперед. Но мы завязли в позиционной войне, имея против себя подготовившегося к обороне противника, и я еще не располагаю всей необходимой артиллерией. С самого начала брошены военно-воздушные силы для участия в позиционных операциях. Мы полагаем, что имеем против себя значительную часть немецкой авиации. Поэтому я раньше срока выполнил свое обещание начать наступление мощными главными силами на 15-й день после объявления французской мобилизации"²³⁵. Однако подобные заявления не могли, конечно, скрыть того факта, что Польша была брошена своими союзниками на произвол судьбы.

В Берлине прекрасно понимали опасность активизации англо-французских вооруженных сил, которая была тем выше, что Рурская индустриальная область находилась фактически на западной границе Германии в радиусе действия не только авиации, но и дальнобойной артиллерии союзников. Обладая на Западном фронте подавляющим превосходством над Германией, союзники имели в начале сентября полную возможность начать решительное наступление, которое, скорее всего, стало бы роковым для Германии. Участники событий с немецкой стороны единодушно утверждали, что это означало бы прекращение войны и поражение Германии. Генерал А. Йодль считал, что "мы никогда, ни в 1938, ни в 1939 г., не были собственно в состоянии выдержать концентрированный удар всех этих стран. И если мы еще в 1939 г. не потерпели поражения, то это только потому, что примерно 110 французских и английских дивизий, стоявших во время нашей войны с Польшей на Западе против 23 германских дивизий, оставались совершенно бездеятельными"²³⁶. По мнению генерала Ф. Гальдера, "в сентябре 1939 г. англо-французские войска могли бы, не встречая серьезного сопротивления, пересечь Рейн и угрожать Рурскому бассейну, обладание которым являлось решающим фактором для ведения Германией войны"²³⁷.

Как отмечал генерал Б. Мюллер-Гиллебранд, "западные державы в результате своей крайней медлительности упустили легкую победу. Она досталась бы им легко, потому что наряду с прочими недостатками германской сухопутной армии военного времени и довольно слабым военным потенциалом... запасы боеприпасов в сентябре 1939 г. были столь незначительны, что через самое короткое время продолжение войны для Германии стало бы невозможным"²³⁸. По мнению генерала Н. Формана, "если бы пришли в движение эти силы (союзников. - М.М.), имевшие чудовищное превосходство, к которым затем, вероятно, примкнули бы голландцы и бельгийцы, то война неизбежно закончилась бы. Сопротивление группы армий "Ц" могло продолжаться в лучшем случае несколько дней. Если бы даже это время использовали для переброски войск с востока на запад, то это все равно не помогло бы. В этом случае любые действия были бы бессмысленными. В Польше нужно было бы прекратить боевые действия еще до достижения решающих успехов, а на запад дивизии не

поспели бы вовремя и подверглись разгрому поодиночке - конечно, при наличии энергичного, целеустремленного руководства у противника. Самое позднее через неделю были бы потеряны шахты Саара и Рурская область, а на вторую неделю французы могли бы направить войска туда, куда они сочли бы необходимым. К этому следует добавить, что поляки тоже снова обрели бы свободу действий и привели бы в порядок свою армию"²³⁹.

Генерал-лейтенант З. Вестфаль полагал, что "если бы французская армия предприняла крупное наступление на широком фронте против слабых немецких войск, прикрывавших границу (их трудно назвать более мягко, чем силы охранения), то почти не подлежит сомнению, что она прорвала бы немецкую оборону, особенно в первые десять дней сентября. Такое наступление, начатое до переброски значительных сил немецких войск из Польши на Запад, почти наверняка дало бы французам возможность легко дойти до Рейна и, может быть, даже форсировать его. Это могло существенно изменить дальнейший ход войны... Не воспользовавшись временной слабостью Германии на Западном фронте для немедленного нанесения удара, французы упустили возможность поставить гитлеровскую Германию под угрозу тяжелого поражения"²⁴⁰. Таким образом, Англия и Франция, оставаясь верными своей политике "умиротворения" и не подготовившись к действительной войне с Германией, упустили уникальный шанс совместно с Польшей зажать Германию в тиски войны на два фронта и уже в сентябре 1939 г. нанести ей решающее поражение. Однако события развивались иначе, и в результате, "отказавшись воспользоваться сложившейся в самом начале войны обстановкой, западные державы не только покинули в беде Польшу, но и ввергли весь мир в пять лет разрушительной войны"²⁴¹.

Опасаясь отхода польских войск на восток, командование группы армий "Север" 8 сентября поставило войскам задачу ускорить наступление вдоль Вислы на Варшаву и, форсировав Нарев и Буг, обойти польскую столицу с востока. Начавшееся наступление позволило немцам уже 11 сентября выйти на Вислу от Влоцлавека до Модлина и охватить с востока район Варшавы. На юге 14-я германская армия, продолжая наступление, к 11 сентября форсировала реку Сан в среднем и верхнем течении. 10-я армия продолжала наступление в центральные районы Польши, и 8 сентября ее 4-я танковая дивизия достигла предместий Варшавы. К 11 сентября германские войска в основном достигли Вислы на фронте от Варшавы до Сандомира. 9 сентября началось сражение на Бзуре, когда части отходящих к Варшаве армий "Познань" и "Поможе" нанесли фланговый удар по соединениям 8-й германской армии, наступавшей севернее Лодзи, командование которой не ожидало, что отходящие польские войска станут ввязываться в серьезные бои. В ночь на 10 сентября 3 польские дивизии нанесли внезапный удар по противнику и отбросили его к югу. Германское командование довольно быстро смогло укрепить свою оборону и, стянув до 16 дивизий, с 13 сентября перешло в контрнаступление. В ходе упорных боев к 18 сентября польские войска были окружены и разгромлены. Чуть ранее, 13-14 сентября, 3-я армия обошла Варшаву с востока, окончательно блокировав ее гарнизон.

В Польше нарастала неорганизованность. 1 сентября столицу покинул президент И. Мосцицкий, 4 сентября началась эвакуация правительственных учреждений. 5 сентября из Варшавы выехало правительство, а в ночь на 7 сентября - и главнокомандующий Э. Рыдз-Смиглы. Ставка была перенесена в Брест, с 10 сентября - во Владимир-Волынский, с 13 сентября - в Млынов (близ Дубно), а 15 сентября - в Коломью. Днем раньше там же оказался и Мосцицкий. 9-11 сентября польское руководство вело переговоры с Францией о предоставлении убежища для правительства. 16 сентября начались польско-румынские

переговоры о транзите польского руководства во Францию, и 17 сентября правительство покинуло страну²⁴². Все это усугубило хаос и подрывало обороноспособность польских войск. Еще 10 сентября польское командование приняло решение оттягивать оставшиеся войска на юго-восток к границе с Румынией и здесь создать новый фронт. Однако обстановка коренным образом изменилась, и это решение уже не могло быть выполнено. Фланги германских войск продолжали продвижение восточнее Вислы, завершая окружение остатков польской армии. Наступавшие с севера части 3-й германской армии 15 сентября захватили Брест, 16 сентября - Белосток, а 17 сентября - Влодаву. Наступавшие с юга войска 14-й армии к 16 сентября вышли на линию Самбор Львов - Владимир-Волянский - Замосць, а войска 10-й армии, форсировав Вислу, подходили с юго-запада к Люблину.

В Москве внимательно следили за развитием событий в Европе, рассчитывая использовать их в своих интересах, которые в Восточной Европе были обеспечены договоренностью с Германией. Германское руководство, признав часть этого региона советской сферой интересов, видимо, считало, что СССР использует для ее занятия войска, что отвечало и германским интересам, поскольку в Берлине всячески подчеркивали советско-германскую "дружбу", стремясь удержать Англию и Францию от вмешательства в германо-польский конфликт. Германский МИД, обеспокоенный слухами об отводе частей Красной Армии с польской границы, 27 августа запросил свое посольство в Москве о выяснении этого вопроса²⁴³. Выполняя это распоряжение, германский посол Ф.-В. фон Шуленбург 29 августа выяснял у Молотова, правдивы ли подобные слухи, и передал пожелание Берлина об их опровержении в печати. Молотов поинтересовался, верит ли подобным слухам германское правительство, и, после отрицательного ответа Шуленбурга, согласился дать опровержение и подчеркнул серьезность, с которой советское правительство относится к пакту о ненападении²⁴⁴. 30 августа в советской прессе появилось опровержение ТАСС, согласно которому "ввиду обострения положения в восточных районах Европы и ввиду возможности всяких неожиданностей советское командование решило усилить численный состав гарнизонов западных границ СССР"²⁴⁵.

1 сентября в 11 часов в НКВД явился советник германского посольства в Москве Г. Хильгер и сообщил о начале войны с Польшей, о присоединении Данцига к Германии и передал просьбу начальника генштаба германских ВВС, чтобы радиостанция в Минске в свободное от передач время передавала для срочных воздухоплавательных опытов непрерывную линию с вкраплениями позывными знаками "Рихард Вильгельм 1.0", а кроме того, во время передач своей программы по возможности часто слово "Минск". Советская сторона согласилась передавать лишь слово "Минск", что использовалось люфтваффе в качестве радиомаяка²⁴⁶. 3 сентября в Берлине произошло вручение верительных грамот советского посла в Германии А.А. Шкварцева. На церемонии Шкварцев и Гитлер заверили друг друга от имени своих стран, что выполняют свои обязательства по договору о ненападении²⁴⁷. В тот же день германское посольство в Москве получило задание министра иностранных дел И. Риббентропа прощупать намерения СССР относительно возможного вступления Красной Армии в Польшу²⁴⁸. На этот запрос Молотов ответил 5 сентября, что советское правительство согласно, что ему в подходящее время "обязательно придется... начать конкретные действия. Но мы считаем, что этот момент пока еще не назрел", а "торопливостью можно испортить дело и облегчить сплочение противников"²⁴⁹.

Отношение советского руководства к начавшейся войне в Европе было четко выражено И.В. Сталиным 7 сентября 1939 г. в беседе с руководством Коминтерна. По его мнению,

"война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.д.) за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент - подталкивать другую сторону"²⁵⁰. Германия получала и более материальную помощь. 4 сентября все германские суда в северной Атлантике получили приказ "следовать в Мурманск, придерживаясь как можно более северного курса"²⁵¹. 6 сентября германский МИД сообщил в Москву: "Мы намереваемся и далее направлять немецкие торговые суда в Мурманск и ожидаем, что советское правительство облегчит разгрузку, погрузку и транспортировку грузов по железной дороге в Ленинград, куда будут заходить для погрузки немецкие суда". 8 сентября Москва дала разрешение на заход немецких судов в Мурманск и гарантировала транспортировку грузов в Ленинград²⁵². Всего за первые 17 дней сентября 18 германских судов нашли убежище в советском порту.

Охарактеризовав Польшу как фашистское государство, угнетающее другие народности, Сталин заявил, что "уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население"²⁵³. Соответственно и зарубежные компартии получили 8-9 сентября директиву ИККИ, в которой отмечалось, что "настоящая война - империалистическая, в которой одинаково повинна буржуазия всех воюющих государств". Поэтому "ни рабочий класс, ни тем более компартии" не могут поддерживать эту войну. Тем более "международный пролетариат не может ни в коем случае защищать фашистскую Польшу, отвергшую помощь Советского Союза, угнетающую другие национальности"²⁵⁴. Соответственно, вопреки мнению ряда авторов²⁵⁵, советское руководство 5 сентября отказало Польше в поставках военных материалов, сославшись на угрозу втягивания в войну²⁵⁶.

Естественно, советское руководство не собиралось безучастно взирать на развитие ситуации в Польше и без всяких просьб Берлина начало собственные военные приготовления. С 20 часов 2 сентября на советско-польской границе был введен режим усиленной охраны в связи с германо-польской войной. Согласно указанию начальника Пограничных войск Белорусского округа № 1720, все погранотряды были приведены в боевую походную готовность²⁵⁷. 3 сентября нарком обороны СССР маршал К.Е. Ворошилов просил ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердить задержку увольнения красноармейцев и младших командиров на 1 месяц в войсках Ленинградского (ЛВО), Московского (МВО), Калининского (КалВО), Белорусского (БОВО) и Киевского особых (КОВО) и Харьковского (ХВО) военных округов (всего 310 632 человека) и призыв на учебные сборы приписного состава частей ПВО в ЛВО, КалВО, БОВО и КОВО (всего 26 014 человек)²⁵⁸. Получив согласие правительства, нарком обороны отдал 4 сентября соответствующий приказ.

6 сентября около 23-24 часов в семи военных округах была получена директива наркома обороны о проведении скрытой мобилизации ("Больших учебных сборов", БУС), которая началась с утра 7 сентября и проходила не совсем организованно, с опозданием на 2-3 дня²⁵⁹. 7 сентября решением СНК СССР вводился в действие мобилизационный план по продфуражному довольствию РККА по ЛВО, МВО, КалВО, БОВО, КОВО, ХВО и

Орловскому (ОрВО) военному округу, утвержденный постановлением Комитета обороны (КО) № 210 от 21 июля 1939 г., и план доснабжения РККА вещевым довольствием, утвержденный постановлением КО № 50сс от 3 марта 1939 г. В округах предлагалось разбронировать мобилизационные запасы продовольствия и хлебофуража. В тот же день председатель СНК СССР В.М. Молотов направил председателям СНК ССР, АССР и облисполкомов телеграммы, в которой сообщал, что "войсковые части ЛВО, МВО, КалВО, ОрВО, БОВО, КОВО, ХВО привлекают на учебные сборы приписной состав, автотранспорт, лошадей и обоз. Вызов производится строго по повесткам без опубликования. Окажите всемерное содействие"²⁶⁰. Помимо чисто военных приготовлений соответствующие меры были приняты и по линии политорганов РККА. 9 сентября было решено увеличить тиражи красноармейских газет в округах, проводящих БУС, и центральных газет для распространения в армии²⁶¹.

В БУС приняли участие управления 22 стрелкового, 5 кавалерийских, 3 танковых корпусов, 98 стрелковые, 14 кавалерийских дивизий, 28 танковых и 3 мотострелковые бригады²⁶². Всего было призвано 2 610 136 человек, 634 тыс. лошадей, 117 439 автомашин и 18 900 тракторов²⁶³. 10 сентября нарком обороны просил разбронировать в военных округах, проводящих БУС, 50% резервов резины (около 8 тыс. комплектов) для обеспечения автомашин, поступающих из народного хозяйства²⁶⁴. Постановлением КО № 334сс/ов от 12 сентября с 18.00 этого дня для выполнения воинских перевозок на БУС вводился в действие воинский график на железных дорогах Европейской части страны. Сокращались гражданские перевозки, железные дороги получили 500 тыс. т мобзапаса угля, на ряд железных дорог назначались уполномоченные СНК по выгрузке грузов. Однако воинский график был сорван, и железные дороги работали неудовлетворительно²⁶⁵. Постановлением КО № 338сс от 17 сентября железнодорожная охрана НКВД в 7 военных округах была переведена на положение военного времени "для обеспечения бесперебойной работы железных дорог"²⁶⁶. 16 сентября нарком обороны просил разбронировать мобилизационные запасы на 275 базах железнодорожного имущества для обеспечения работ по восстановлению железных дорог на ТВД²⁶⁷.

11 сентября на базе БОВО и КОВО были сформированы и развернуты управления Белорусского (командующий - командарм 2 ранга М.П. Ковалев) и Украинского (командующий - командарм 1 ранга С.К. Тимошенко) фронтов. Витебская, Бобруйская и Минская армейские группы БОВО были 15 сентября 1939 г. развернуты соответственно в 3-ю (командующий - комкор В.И. Кузнецов), 4-ю (командующий - комдив В.И. Чуйков) и 11-ю (командующий - комдив Н.В. Медведев) армии. Кроме того, из управления МВО согласно приказу Генштаба от 9 сентября выделялось управление 10-й армии (командующий - комкор И.Г. Захаркин), передававшееся в состав Белорусского фронта, куда оно передислоцировалось 11-15 сентября, и в составе фронта формировалась Конно-механизированная группа (КМГ) (командующий - комкор В.И. Болдин). Из Житомирской, Винницкой, Одесской и Кавалерийской армейских групп КОВО в Польской кампании участвовали все, кроме Одесской. С 16 сентября Житомирская, Винницкая и Кавалерийская группы были переименованы соответственно в Шепетовскую (командующий - комдив И.Г. Советников), Волочискую (командующий - комкор Ф.И. Голиков) и Каменец-Подольскую (командующий - командарм 2 ранга И.В. Тюленев). Позднее после ряда переименований они были преобразованы соответственно в 5-ю, 6-ю и 12-ю армии. Далее мы будем обозначать эти объединения в соответствии с их нумерацией. Войска Белорусского и Украинского

фронтов 7-15 сентября в основном завершили мобилизацию и сосредоточились в исходных районах у границы с Польшей.

8 сентября германское руководство, введенное в заблуждение донесением командира 4-й танковой дивизии, заявило о взятии Варшавы. Германское посольство в Москве получило от Молотова следующую телефонограмму: "Я получил ваше сообщение о вступлении германских войск в Варшаву. Прошу передать мои поздравления и приветствия германскому правительству"²⁶⁸. Из Берлина в Москву был вызван советский военный атташе комкор М.А. Пуркаев для доклада о положении в Польше. 9 сентября Риббентроп послал Шуленбургу указание возобновить беседы "с Молотовым относительно военных намерений советского правительства" в Польше²⁶⁹. В тот же день Молотов ответил на зондаж Шуленбурга, что "советские военные действия начнутся в течение ближайших дней"²⁷⁰.

9 сентября нарком обороны и начальник Генштаба командарм 1 ранга Б.М. Шапошников подписали приказы № 16633 Военному совету БОВО и № 16634 Военному совету КОВО, согласно которым следовало "к исходу 11 сентября 1939 г. скрытно сосредоточить и быть готовым к решительному наступлению с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника". Войска Белорусского фронта получили следующие задачи. 3-я армия должна была, "отбрасывая противостоящие войска противника от латвийской границы, действовать в общем направлении на ст. Свенцяны", которой следовало овладеть к исходу 13 сентября. "В дальнейшем иметь в виду овладение Вильно". 11-й армии следовало "мощным ударом прорвать фронт противника и наступать в направлении на Ошмяны, Лида и к исходу 13 сентября выйти на фронт Молодечно, Воложин, к исходу 14 сентября овладеть районом Ошмяны, Ивье. В дальнейшем иметь в виду оказать содействие Полоцкой группе в овладении г. Вильно, а остальными силами наступать на г. Гродно". КМГ получила задачу "мощным ударом по войскам противника разгромить их и решительно наступать в направлении на Новогрудок, Волковыск и к исходу 13 сентября выйти на фронт Делятичи, Турец; к исходу 14 сентября выйти на р. Молчадь на участке от ее устья до м. Молчадь. В дальнейшем иметь в виду наступление на Волковыск с заслоном против г. Барановичи". 4-й армии следовало "действовать в направлении на г. Барановичи и к исходу 13 сентября выйти на фронт Снов, Жиличи".

Войска Украинского фронта получили следующие задачи. 5-й армии следовало "наступать в направлении на Ровно, Луцк и к исходу 14 сентября овладеть районом Ровно, Дубно; к исходу 14 сентября овладеть районом Луцк, имея в виду в дальнейшем наступление на Владимир-Волыньск". 6-я армия должна была "нанести мощный и решительный удар по польским войскам и быстро наступать на м. Трембовля, г. Тарнополь, г. Львов и к исходу 13 сентября выйти в район Езерна; к исходу 14 сентября овладеть районом Буск, Перемышляны, Бобрка, имея дальнейшей задачей овладение г. Львов". 12-й армии предписывалось "нанести мощный и молниеносный удар по польским войскам, надежно прикрывая свой левый фланг и отрезая польские войска от румынской границы, решительно и быстро наступать в направлении на Чортков, Станиславов и к исходу 13 сентября выйти на р. Стрыпа; к исходу 14 сентября овладеть районом Станиславов, имея дальнейшей задачей действия в направлении Стрый, Дрогобыч". Советским войскам не следовало "ввязываться во фронтальные бои на укрепленных позициях противника, а, оставляя заслоны с фронта, обходить фланги и заходить в тыл, продолжая выполнять поставленную задачу". Глубина действий войск фронтов устанавливалась по линии латвийской, литовской и германской границ, далее по рекам Писса, Нарев, Висла и Сан и по венгерской и румынской

Однако эти приказы не были переданы в округа, поскольку в тот же день выяснилось, что Варшава не занята немцами, на франко-германской границе началось продвижение французских войск к линии Зигфрида, а советские военные приготовления потребовали больше времени, чем ожидалось. В этой ситуации в 16 часов 10 сентября Молотов пригласил к себе Шуленбурга и заявил, что Красная Армия застигнута врасплох быстрыми успехами вермахта в Польше и еще не готова к действиям. Коснувшись политической стороны дела, Молотов заявил, что "советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белоруссам, которым угрожает Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором". Но, согласно сообщению германского агентства ДНБ, создается впечатление о возможном германо-польском перемирии, что закрывает дорогу для советских действий. Шуленбург пообещал сделать запрос относительно возможности перемирия и сказал, что действия Красной Армии в данной ситуации очень важны²⁷² . Естественно, вопрос о перемирии с поляками не ставился, о чем Риббентроп и сообщил в Москву 13 сентября²⁷³ .

В итоге советские войска получили приказ о наступлении только 14 сентября с соответствующими изменениями по времени выполнения задач. В 4.20 15 сентября Военный совет Белорусского фронта издал боевой приказ № 01, согласно которому "белорусский, украинский и польский народы истекают кровью в войне, затеянной правящей помещичье-капиталистической кликой Польши с Германией. Рабочие и крестьяне Белоруссии, Украины и Польши восстали на борьбу со своими вековыми врагами помещиками и капиталистами. Главным силам польской армии германскими войсками нанесено тяжелое поражение. Армии Белорусского фронта с рассветом 17 сентября 1939 г. переходят в наступление с задачей - содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией. Ближайшая задача фронта - уничтожить и пленить вооруженные силы Польши, действующие восточнее литовской границы и линии Гродно - Кобрин". Конкретные задачи войскам совпадали с приказом наркома обороны от 14 сентября²⁷⁴ .

14 сентября Военным советам ЛВО, КалВО, КОВО, БОВО и начальникам Ленинградского, Белорусского и Киевского пограничных округов НКВД была отправлена совместная директива № 16662 наркомов обороны и внутренних дел о порядке взаимодействия пограничных войск и Красной Армии. Согласно директиве "с момента выступления полевых войск из районов сосредоточения с целью перехода государственной границы для действий на территории противника" и до перехода войсками "государственной границы на глубину, равную расположению войскового тыла (30-50 км)", пограничные войска, "оставаясь на своих местах, переходят в оперативное подчинение Военным советам соответствующих фронтов и армий" до их особого распоряжения²⁷⁵ . Вечером 15 сентября командующий Белорусским округом пограничных войск НКВД отдал приказ № 01, определявший "основные задачи погранвойск: а) с началом боевых действий - уничтожение польской пограничной охраны на тех участках, где не будут наступать части РККА. б) с продвижением войск армии - не допускать перехода гражданского населения с нашей территории и кого бы то ни было с польской территории через существующую

государственную границу СССР. Части, подразделения и отдельных военнослужащих РККА пропускать через существующую границу СССР беспрепятственно". До 5.00 17 сентября 1939 г. пограничники должны были нести службу по охране госграницы как обычно²⁷⁶.

Еще 8 сентября согласно приказу № 001064 наркома внутренних дел Л.П. Берия началось формирование 5 оперативно-чекистских групп по 50-70 человек в КОВО и 4 групп по 40-55 человек в БОВО. Каждой группе придавался батальон в 300 бойцов из состава пограничных войск²⁷⁷. 15 сентября были определены их задачи на территории Западной Белоруссии и Западной Украины. На эти группы возлагалась организация временных управлений в занятых городах (с участием руководителей групп). Для обеспечения порядка, пресечения подрывной работы и подавления контрреволюционной деятельности следовало создать в занятых городах аппарат НКВД за счет выделения сил из состава групп. На занятой территории было необходимо немедленно занять пункты связи (телефон, телеграф, радио, почту), государственные и частные банки и другие хранилища всевозможных ценностей, типографии, где следовало наладить издание газет, государственные архивы (особенно архивы спецслужб), провести аресты реакционных представителей правительственной администрации, руководителей контрреволюционных партий, освободить политических заключенных (сохранив остальных под стражей), обеспечивать общественный порядок, не допуская диверсий, саботажа, грабежей и т.п., а также изъять оружие и взрывчатые вещества у населения²⁷⁸.

16 сентября Военный совет Белорусского фронта отдал приказ № 005, в котором отмечалось, что "польские помещики и капиталисты поработили трудовой народ Западной Белоруссии и Западной Украины... насаждают национальный гнет и эксплуатацию... бросили наших белорусских и украинских братьев в мясорубку второй империалистической войны. Национальный гнет и порабощение трудящихся привели Польшу к военному разгрому. Перед угнетенными народами Польши встала угроза полного разорения и избиения со стороны врагов. В Западной Украине и Белоруссии разворачивается революционное движение. Начались выступления и восстания белорусского и украинского крестьянства в Польше. Рабочий класс и крестьянство Польши объединяет свои силы, чтобы свернуть шею своим кровавым угнетателям... Приказываю: 1. Частям Белорусского фронта решительно выступить на помощь трудящимся Западной Белоруссии и Западной Украины, перейдя по всему фронту в решительное наступление. 2. Молниеносным, сокрушительным ударом разгромить панско-буржуазные польские войска и освободить рабочих, крестьян и трудящихся Западной Белоруссии"²⁷⁹. В тот же день Военный совет Украинского фронта директивой № А0084 поставил подчиненным войскам боевые задачи.

Прекращение французского наступления в Сааре и завершение скрытой мобилизации в СССР привело к тому, что 14 сентября Молотов заявил Шуленбургу, что "Красная Армия достигла состояния готовности скорее, чем это ожидалось. Советские действия поэтому могут начаться раньше указанного им во время последней беседы срока. Учитывая политическую мотивировку советской акции (падение Польши и защита русских "меньшинств"), было бы крайне важно не начинать действовать до того, как падет административный центр Польши - Варшава". Поэтому Молотов просил сообщить, когда можно ожидать ее падения²⁸⁰. Германское командование пока еще не имело точных данных о том, последует ли советское вмешательство, и продолжало действовать по своим планам. 12 сентября в ОКВ рассматривались варианты окончательного решения польской проблемы, один из которых предусматривал среди прочего создание независимого государства в

Галиции и Польской Украине. Для этого с помощью ОУН следовало организовать мятежи и провозглашение независимого государства в Западной Украине²⁸¹. 15 сентября командование группы армий "Север" отдало приказ передовым частям 19-го танкового корпуса выйти в район Барановичи - Слоним (50 км от советской границы)²⁸².

14 сентября "Правда" поместила подготовленную А.А. Ждановым статью, в которой главными причинами поражения Польши назывались угнетение украинского и белорусского национальных меньшинств²⁸³. Эта статья стала программным документом советской пропаганды по обоснованию действий СССР в отношении Польши, а ее идеи были немедленно положены в основу политработы в Красной Армии²⁸⁴, как, впрочем, и идея социальных движений в Польше. Так, начальник Политуправления 3-й армии Белорусского фронта бригадный комиссар Шулин в директиве № 8499сс от 16 сентября отмечал, что белорусский и украинский народы, подвергавшиеся в Польше национальному и социальному гнету, "восстали на борьбу со своими вековыми врагами помещиками и капиталистами. Народы Советского Союза не могут быть безразличными к революционно-освободительной борьбе трудящихся Польши... Бойцам, командирам и политработникам 3-й армии посчастливилось первым оказать военную помощь народам Польши в их освободительной борьбе против помещиков и капиталистов. Части РККА вступают на земли Западной Белоруссии и Западной Украины не как завоеватели, а как революционеры-освободители, выпестованные великой партией Ленина - Сталина"²⁸⁵. В директиве Военного совета и Политуправления 12-й армии указывалось, что "наша борьба с польскими помещиками и капиталистами есть война революционная и справедливая. Мы вступаем на свою землю, идем и освобождаем трудящихся от ига польского капитализма"²⁸⁶. Задача предстоящего похода, как доходчиво было разъяснено командному составу, состояла в том, что "панская Польша должна стать Советской"²⁸⁷.

В результате проведенной политработы в сосредоточенных у границы с Польшей войсках возник мощный патриотический подъем личного состава, готового "выполнить приказ об освобождении братьев украинцев и белоруссов". В частях были проведены митинги, на которых бойцы и командиры поддержали решение советского правительства об освободительном походе. Общим мнением было: "Настал час освободить трудящихся - наших братьев украинцев, белорусов от гнета польских панов. Поклянемся же товарищи, что мы будем бить врага так, как уничтожали его в годы гражданской войны". Так, красноармеец артдивизиона 3-й кавдивизии Ивашкин считал, что "мы выполним наш интернациональный долг и умножим число советских республик". Красноармеец 22-й танковой бригады Варламов заявлял: "Я готов совершить марш до самого Берлина, лишь бы освободить трудящихся от ига капитала". Как заявил, выступая на митинге в 11-й кавдивизии командир 3-го кавкорпуса комдив А.И. Еременко: "Первая Конная армия в 1920 году била польских панов, это они должны прекрасно помнить, сейчас мы должны бить в 10 раз больше и в последний раз". В войсках 23-го стрелкового корпуса раздавались голоса: "Побольше бы патронов, да пошире шаг. Нас там ждут 20 лет"²⁸⁸.

Стремясь продемонстрировать Англии и Франции, что германские действия в Польше находят поддержку со стороны СССР, Берлин продолжал призывать Москву к вводу в действие Красной Армии. В телеграмме в Москву от 15 сентября Риббентроп сообщал, что падение Варшавы - вопрос нескольких дней, еще раз подтверждал нерушимость разграничительных линий в Польше, согласованных в Москве, одобрял планируемое вступление советских войск в Польшу, что, по его мнению, освобождало вермахт от

необходимости преследования поляков до советской границы, просил сообщить день и час перехода границы советскими войсками, для координации действий войск предлагал провести встречу советских и германских офицеров в Белостоке и предложил совместное коммюнике: "Ввиду полного распада существовавшей ранее в Польше формы правления, имперское правительство и правительство СССР сочли необходимым положить конец нетерпимому далее политическому и экономическому положению, существующему на польских территориях. Они считают своей общей обязанностью восстановление на этих территориях, представляющих для них естественный интерес, мира и спокойствия и установления там нового порядка путем начертания естественных границ и создания жизнеспособных экономических институтов". Попытка же Москвы объяснить свое вмешательство германской угрозой белорусскому и украинскому населению вызвала резко негативную реакцию Берлина. В то же время, стремясь подтолкнуть советское правительство к вводу войск в Польшу, Риббентроп предложил Шуленбургу указать Молотову, что "если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создается ли в районе, лежащем к востоку от германской зоны влияния, политический вакуум", создав "условия для формирования новых государств"²⁸⁹.

Вечером 16 сентября Молотов заявил Шуленбургу, что советское правительство решило вмешаться в польские дела завтра или послезавтра, и он уже вскоре сможет точно назвать день и час. Молотов, знавший от разведки о задании Шуленбурга²⁹⁰, отклонил предложение о публикации предложенного германской стороной совместного коммюнике, которое представляло советскую сторону прямым союзником Германии, и сообщил вкратце мотивировку действий СССР, которая будет указана в прессе: "польское государство распалось и более не существует, поэтому аннулируются все соглашения, заключенные с Польшей; третьи державы могут попытаться извлечь выгоду из создавшегося хаоса; Советский Союз считает своей обязанностью вмешаться для защиты своих украинских и белорусских братьев и дать возможность этому несчастному населению трудиться спокойно"²⁹¹. В 2 часа ночи 17 сентября Шуленбурга принял Сталин и сообщил, что Красная Армия в 6 часов утра перейдет границу с Польшей, а совместное советско-германское коммюнике не может быть опубликовано ранее, чем через 2-3 дня. Сталин просил Шуленбурга передать в Берлин, чтобы немецкие самолеты не залетали восточнее линии Белосток - Брест - Львов, и зачитал ноту, подготовленную для передачи польскому послу в Москве. После некоторого уточнения ее текста, сделанного по предложению Шуленбурга, немецкий посол был удовлетворен и покинул Кремль²⁹².

В 3.15 утра 17 сентября польскому послу в Москве В. Гжибовскому была вручена нота советского правительства, в которой утверждалось, что "Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам", а также к незащитному положению украинского и белорусского населения. "Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии"²⁹³. Польский посол отказался "принять ноту, ибо это было бы несовместимо с достоинством польского правительства". В итоге нота была

передана в посольство, пока Гжибовский находился в НКВД²⁹⁴. В тот же день текст этой ноты был передан также всем государствам, которые имели дипломатические отношения с СССР, с уведомлением, что СССР будет продолжать придерживаться нейтралитета в отношении этих стран²⁹⁵. Эта аргументация советского вмешательства в события в Польше была повторена в радиовыступлении Молотова 17 сентября и в его речи на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г.²⁹⁶

Практически все современные авторы осуждают тогдашние утверждения советского руководства о распаде Польши и прекращении ее существования, но при этом некоторые из них оперируют именно этой аргументацией²⁹⁷. А.С. Орлов считает, что раз СССР ввел войска в тот момент, когда польское правительство утратило управление страной, а эмигрантское правительство еще не было создано, то международное право было соблюдено²⁹⁸. Из этих рассуждений не ясно, почему в момент смены правительства международное право не действует, а также какое отношение к этой проблеме имеет вопрос о способности правительства управлять страной? Некоторые авторы связывают момент ввода советских войск в Польшу с подписанием советско-японского соглашения о прекращении огня на р. Халхин-Гол, что, по их мнению, обеспечило СССР тыл на Востоке²⁹⁹.

К вечеру 16 сентября войска Белорусского и Украинского фронтов были развернуты в исходных районах для наступления. Советская группировка объединяла 8 стрелковых, 5 кавалерийских и 2 танковых корпусов, 21 стрелковую и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых, 2 моторизованные бригады и Днепровскую военную флотилию (ДВФ) (см. таблицу 6)³⁰⁰. Имеющиеся данные по численности этих группировок представлены в таблице 7, а ВВС фронтов с учетом перебазируемых на их территорию 1-й, 2-й и 3-й авиационных армий особого назначения насчитывали 3 298 самолетов³⁰¹. Кроме того, на границе несли службу около 16,5 тыс. пограничников Белорусского и Киевского пограничных округов³⁰². После сосредоточения дополнительных сил к началу октября фронты объединяли 60 стрелковых, 13 кавалерийских дивизий и 18 танковых бригад общей численностью 2 421 300 человек, 5 467 средних и тяжелых орудий, 6 096 танков и 3 727 самолетов³⁰³.

Для польского руководства вмешательство СССР оказалось совершенно неожиданным. Польская разведка не зафиксировала никаких угрожающих передвижений Красной Армии, а сведения, поступавшие 1-5 сентября, воспринимались как понятная реакция на начало войны в Европе. И хотя 12 сентября из Парижа были получены сведения о возможном выступлении СССР против Польши, они не были восприняты всерьез³⁰⁴. На восточной границе Польши кроме 25 батальонов и 7 эскадронов пограничной охраны (около 12 тыс. человек, или 8 солдат на 1 км границы)³⁰⁵ других войск практически не имелось, что было хорошо известно советской разведке³⁰⁶. Так, согласно данным разведки 4-й армии, "погранполоса до р. Щара полевыми войсками не занята, а батальоны КОП по своей боевой выучке и боеспособности слабы... Серьезного сопротивления со стороны польской армии до р. Щара ожидать от поляков мало вероятно"³⁰⁷. В итоге 17 сентября польское руководство оказалось поставлено перед свершившимся фактом и, исходя из заявлений советского правительства и его ноты, полагало, что Красная Армия вводится с целью ограничить зону германской оккупации. Поэтому Рыдз-Смиглы отдал приказ "с Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей. Задача для Варшавы и Модлина, которые должны защищаться от немцев, без изменений. Части, к

расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию или Венгрию"308 .

Действия СССР в отношении Польши в сентябре 1939 г. оцениваются в отечественной историографии противоречиво. Некоторые авторы полагают, что они были predetermined договоренностью с Германией о разделе сфер интересов в Восточной Европе309 . По мнению других, успешные действия вермахта в Польше и ее быстрый разгром оказались неожиданностью для советского руководства, которое было вынуждено предпринимать ответные меры310 . Возросла угроза советским границам, возникли опасения, что Германия не будет соблюдать пакт, и поэтому СССР должен был ввести войска311 . Правда, эти авторы не объясняют, почему в таком случае германское руководство так настойчиво приглашало СССР оккупировать Восточную Польшу. По мнению М.И. Семиряги, затяжка с вступлением Красной Армии в Польшу была связана с необходимостью психологической подготовки населения, опасениями столкновения с Англией и Францией, необходимостью успокоить мировое общественное мнение и ожиданием падения Варшавы. В советской прессе, отмечает автор, была развернута антипольская кампания, польские дипломаты в СССР стали объектом пристального наблюдения НКВД и 17 сентября подверглись репрессиям. По мнению некоторых авторов, 17 сентября 1939 г. Советский Союз нарушил все свои договоры с Польшей и совершил против нее агрессию312 . Указывая на военное сотрудничество вермахта и Красной Армии в Польше, ряд авторов делает вывод, что 17 сентября 1939 г. Советский Союз фактически вступил во Вторую мировую войну на стороне Германии313 . Обоснован ли этот вывод, мы увидим, рассмотрев дальнейшие события.

В 5.00 17 сентября передовые и штурмовые отряды советских армий и пограничных войск перешли границу и разгромили польскую пограничную охрану. Переход границы подтвердил данные советской разведки об отсутствии значительных группировок польских войск, что позволило ускорить наступление. К исходу первого дня операции на фронте 3-й армии 25-я танковая бригада вышла в район Глубокое, а 24-я кавдивизия и 22-я танковая бригада в район Дуниловичи - Зарежье. Несмотря на трудности со снабжением войск из-за неразвернутых тыловых частей, с утра 18 сентября войска армии продолжили наступление, и к исходу дня подвижная группа заняла Свенцяны, 25-я танковая бригада достигла района Годуцишек, а 27-я стрелковая дивизия вышла в район озер Мядель и Нарочь.

Южнее войска 11-й армии к исходу 17 сентября продвинулись до Воложина и Константиновки, подошли к Красному и передовыми частями заняли Молодечно. К исходу 18 сентября 7-я кавдивизия достигла Гольшан, а 36-я кавдивизия района Ошмяны - Курмеляны. 16-й стрелковый корпус находился в районе Глинка - Крево - Вейнюны, а 6-я танковая бригада подошла с юга к Вильнюсу и завязала бои на окраине города с польскими частями и городскими ополченцами. С утра 19 сентября подвижные части 3-й армии подошли к Вильнюсу (Вильнюсу) с запада и вместе с 6-й танковой бригадой и подошедшими передовыми частями 3-го кавкорпуса 11-й армии штурмом овладели городом, который был занят около 13 часов. В боях за Вильнюс части 11-й армии потеряли 13 человек убитыми и 24 человека ранеными, было подбито 5 танков и 4 бронемашины. Стрелковые дивизии 3-й армии вслед за подвижными частями продвигались к линии латвийской и литовской границ. 19 сентября мотомеханизированная группа 16-го стрелкового корпуса 11-й армии заняла Лиду.

Пока войска 3-й и 11-й армий занимали северо-восточную часть Западной Белоруссии, южнее перешли в наступление части КМГ. К исходу 17 сентября 6-й кавкорпус форсировал р. Ушу, а 5-й стрелковый корпус вышел на линию железной дороги Барановичи - Столбцы.

Передовой отряд 11-й кавдивизии занял Новогрудок, а 15-й танковый корпус подходил к Слониму. На следующий день 21-я танковая бригада и 6-й кавкорпус форсировали р. Молчадь и достигли района Козловщины, 15-й танковый корпус занял Слоним и продвинулся на 10-15 км западнее города, а 5-й стрелковой корпус вышел на р. Молчадь. 19 сентября 15-й танковый корпус из-за отсутствия горючего оставался в занятом районе, а 6-й кавкорпус форсировал р. Щара и двинулся в сторону Волковыска. 20 сентября 15-й танковый корпус занял Волковыск, откуда танковые бригады вместе с 4-й кавдивизией были направлены на Гродно и к вечеру заняли южную часть города. В городе разгорелись бои с польскими частями и ополченцами, продолжавшиеся весь день 21 сентября. Тем временем 2-я танковая бригада заняла Сокулку, а ее передовой отряд, обходя Гродно, двинулся на Августов. 11-я кавдивизия и 5-й стрелковой корпус продвигались на запад и юго-запад от Волковыска.

На фронте 4-й армии к исходу первого дня наступления 29-я танковая бригада заняла Барановичи и расположенный здесь же укрепленный район, который не был занят польскими войсками, а 8-я стрелковая дивизия продвинулась до Снува. К исходу 18 сентября 29-я и 32-я танковые бригады вышли на р. Щара южнее Слонима, а 8-я стрелковая дивизия прошла Барановичи. К исходу 19 сентября 29-я танковая бригада вошла в Пружаны, 32-я танковая бригада - в Миньки на шоссе Барановичи - Брест, 8-я стрелковая дивизия достигла р. Щара, а подошедшая 143-я стрелковая дивизия совершала марш южнее Барановичей. К вечеру 20 сентября 29-я танковая бригада находилась западнее Пружан, 32-я танковая бригада - в Кобрине, 8-я стрелковая дивизия - в Ружанах, 143-я стрелковая дивизия - в Ивацевичах.

С 18 сентября границу перешли и сосредоточившиеся войска 10-й армии, которые к исходу дня достигли рек Неман и Уша. Продолжая медленное продвижение во втором эшелоне Белорусского фронта, войска армии к исходу 20 сентября вышли на рубеж Новогрудок - Городище. Южнее войска 23-го стрелкового корпуса перешли границу в 16.25 18 сентября и к исходу 20 сентября продвинулись западнее Лунинца.

Войска Украинского фронта тоже 17 сентября перешли польскую границу и стали продвигаться вглубь Польши. 36-я танковая бригада 5-й армии 18 сентября заняла Луцк, а стрелковые дивизии достигли линии Рокитное Костополь - Ровно - Дубно. 21 сентября 60-я стрелковая дивизия после упорных боев прорвала Сарненский УР и заняла г. Сарны. К исходу 22 сентября войска 5-й армии вышли на рубеж Ковель - Рожице - Владимир-Волынский Иваничи.

В полосе 6-й армии в 4.00 17 сентября штурмовая группа пограничников и красноармейцев захватила Волочиский пограничный мост, по которому пошли войска. Вечером 17 сентября был занят Тарнополь и войска двинулись к Львову, который 12-18 сентября был охвачен вермахтом с севера, запада и юга. В 1.35 19 сентября передовой отряд 24-й танковой бригады вступил в город, и после переговоров началась перестрелка с поляками. Около 8.00 на восточной окраине Львова советское подразделение столкнулось с частью вермахта, которая огибала город с юго-востока. Обе стороны решили, что перед ними поляки, и открыли огонь. В ходе перестрелки немцы потеряли 3 противотанковых орудия, 3 человек убитыми и 9 ранеными, а советские части лишились 1 танка, 2 бронемашин, погибли 3 и были ранены 4 солдата. Разобравшись в ситуации, стороны начали переговоры, в ходе которых требовали друг от друга отвести войска от города и не мешать его штурму. К вечеру 20 сентября германские войска получили приказ отойти от Львова, и в ночь на 21 сентября советские войска заняли исходные позиции для атаки города, назначенной на 14.00

21 сентября. Но поляки предложили переговоры, и атака была отложена на сутки. Тем временем 14-я кавдивизия заняла северное предместье города, а в 8.00 22 сентября польский командующий генерал Лянгнер подписал акт о сдаче города, и в 14.00 22 сентября Красная Армия заняла Львов.

Войска 12-й армии в 5.00 17 сентября перешли границу и к исходу 18 сентября вышли на фронт Подгайцы - Монастыриска, а 13-й стрелковый корпус занял Коломью, отрезав Польшу от Румынии. 19 сентября войска армии вели бои с польскими войсками у Галича и заняли Станиславов. 20 сентября в районе Стрыя войска вошла в контакт с немцами, которые 22 сентября передали город Красной Армии. С 21 сентября войска 13-го стрелкового корпуса были развернуты вдоль границы с Румынией и Венгрией от Коломьи до Бескид³¹⁴.

Сразу же после вступления Красной Армии в Польшу в Москве начался новый тур дипломатических переговоров с Германией. Уже вечером 18 сентября в беседе с Шуленбургом Сталин неожиданно заявил, что "у советской стороны есть определенные сомнения относительно того, будет ли германское верховное командование придерживаться московского соглашения в соответствующее время и вернется ли на линию, которая была определена в Москве". Шуленбург ответил, что "Германия, конечно же, твердо намерена выполнять условия московских соглашений". На это Сталин заявил, что "он не сомневается в добрых намерениях германского правительства. Его беспокойство было основано на том хорошо известном факте, что все военные ненавидят возвращать захваченные территории"³¹⁵. Германские дипломаты категорически отвергли его опасения и заявили, что вермахт подчиняется распоряжениям фюрера и все соглашения с Москвой будут неукоснительно соблюдаться.

19 сентября было опубликовано советско-германское коммюнике: "Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования"³¹⁶.

Вечером 19 сентября Молотов вызвал Шуленбурга и заявил ему, что "начальник оперативного отдела вермахта Варлимонт показал вчера исполняющему обязанности советского военного атташе в Берлине карту, на которой нанесена будущая "граница рейха". Она проходит вдоль Вислы, идет через Варшаву, но дальше нанесена так, что Львов остается на немецкой стороне". Это противоречит московским соглашениям и вызывает удивление советского правительства. Шуленбург ответил, что произошло недоразумение, так как на карте, видимо, была показана временная демаркационная линия, тем не менее он запросил в Берлине инструкций³¹⁷. В тот же день Молотов заявил Шуленбургу, что обоим правительствам пора окончательно определить структуру польских территорий. Если раньше советское правительство предполагало сохранить существование остатков Польши, то теперь оно готово разделить Польшу по линии четырех рек. "Советское правительство желает немедленно начать переговоры по этому вопросу и провести их в Москве, поскольку такие переговоры с советской стороны обязаны вести лица, наделенные высшей властью, не могущие покинуть Советский Союз"³¹⁸.

Получив в 2.00 17 сентября сообщение о переходе Красной Армией польской границы,

германское командование в 7.00 отдало приказ войскам остановиться на линии Сколе - Львов - Владимир-Волынский - Брест Белосток³¹⁹ . 20 сентября Гитлер установил "окончательную демаркационную линию", на которую должны были отойти германские войска: Ужокский перевал Хыров - Перемышль - р. Сан - р. Висла - р. Нарев - р. Писса - граница рейха³²⁰ . В тот же день вечером Молотов в беседе с Шуленбургом заявил, что советское правительство не может одобрить эту линию от Перемышля до Турки и Ужокского перевала, а настаивает на линии по верховьям р. Сан. Надо учитывать, что это украинская территория. В обмен на нее советское правительство "готово уступить Сувалки и окрестности с железной дорогой, но не Августов"³²¹ . Кроме того, Молотов предложил текст советско-германского коммюнике, которое не вызвало возражений в Берлине. Германская сторона согласилась на передачу ей Сувалок в обмен на территорию вдоль верховьев р.Сан, но попыталась получить также и Августов с окрестными лесами³²² .

Германское и советское командование поддерживали контакты через военных атташе³²³ . С утра 20 сентября 1939 г. германский военный атташе в Москве генерал-лейтенант Э. Кестринг пытался урегулировать ситуацию под Львовом. Сначала германское командование заявило, что не может отвести войска, и предложило взять город совместным штурмом с Красной Армией, а затем передать его советской стороне. Однако неуступчивость Москвы привела к тому, что германское руководство решило "действовать совместно с русскими", и было решено, что "немецкие войска очистят Львов"³²⁴ . В 12.45 Кестринг прибыл к Ворошилову и сообщил, что по личному указу Гитлера вермахт будет отведен на 10 км западнее Львова. "Как было договорено в присутствии Риббентропа, линия рек Писса, Нарев, Висла, Сан никем оспариваться не будет. Карта, которую показал начальник оперативного управления Варлимонт Белякову, имела линию границы не в соответствии с договоренностью советской и германской сторон, и она не может считаться линией границы, а только лишь линией, которую должны занять германские войска.

На замечание наркома обороны, что на карте Варлимонта, которую он показал Белякову, была линия границы, проведенная от Варшавы по Висле и далее к востоку от Львова, Кестринг, явно смутившись и в шутливом тоне сказал, что Варлимонт не политик и, возможно, что он, как работник-нефтяник, соблазнился нефтью, но что из-за этого они не позволят себе нарушать достигнутое соглашение и что это был маленький инцидент. Кестрингу указано, что сегодня наши войска займут г. Гродно, Белосток, Львов, Тухловский перевал и что с этой линии немецкие войска должны быть сегодня же отведены, о чем просьба немедленно поставить в известность немецкое командование". Ворошилов обратил внимание Кестринга на недопустимость инцидентов, подобных львовскому, поскольку "это выгодно только третьей стороне и из этого всякие корреспонденты могут раздуть большую шумиху". Кестринг согласился и "просил сегодня же наметить рубежи и сроки, которые должны быть оставлены германскими войсками... Условились, что сегодня в 16 часов тов. Ворошилов примет Кестринга и прибывших офицеров для разработки рубежей и сроков отхода германской армии"³²⁵ .

20 сентября 1939 года в 16 часов 20 минут начались переговоры Ворошилова и Шапошникова с представителями Германского военного командования в лице генерала Кестринга, полковника Г. Ашенбрэннера и подполковника Г. Кребса о порядке отвода германских войск и продвижения советских войск на демаркационную линию. Первоначально предполагалось, что движение Красной Армии на запад начнется с утра 23 сентября, войска должны будут двигаться с 25-км интервалом, и к вечеру 3 октября

германские войска отойдут за окончательную демаркационную линию³²⁶. В ходе следующего раунда переговоров с 2 до 4 часов утра 21 сентября уточнялись сроки выхода на демаркационную линию и был подписан советско-германский протокол:

" 1. Части Красной Армии остаются на линии, достигнутой ими к 20 часам 20 сентября 1939 года, и продолжают вновь свое движение на запад с рассветом 23 сентября 1939 года.

2. Части Германской армии, начиная с 22 сентября, отводятся с таким расчетом, чтобы, делая каждый день переход, примерно, в 20 километров, закончить свой отход на западный берег р. Вислы у Варшавы к вечеру 3 октября и у Демблина к вечеру 2 октября; на западный берег р. Писса к вечеру 27 сентября, р. Нарев, у Остроленка, к вечеру 29 сентября и у Пултуска к вечеру 1 октября; на западный берег р. Сан, у Перемышля, к вечеру 26 сентября и на западный берег р. Сан, у Санок и южнее, к вечеру 28 сентября.

3. Движение войск обеих армий должно быть организовано с таким расчетом, чтобы имелась дистанция между передовыми частями колонн Красной Армии и хвостом колонн Германской армии, в среднем до 25 километров.

Обе стороны организуют свое движение с таким расчетом, что части Красной Армии выходят к вечеру 28 сентября на восточный берег р. Писса; к вечеру 30 сентября на восточный берег р. Нарев у Остроленка и к вечеру 2 октября у Пултуска; на восточный берег р. Висла у Варшавы к вечеру 4 октября и у Демблина к вечеру 3 октября; на восточный берег р. Сан у Перемышля к вечеру 27 сентября и на восточный берег р. Сан у Санок и южнее к вечеру 29 сентября.

4. Все вопросы, могущие возникнуть при передаче Германской армией и приеме Красной Армией районов, пунктов, городов и т.п., разрешаются представителями обеих сторон на месте, для чего на каждой основной магистрали движения обеих армий командованием выделяются специальные делегаты.

Во избежание возможных провокаций, диверсий от польских банд и т.п., Германское командование принимает необходимые меры в городах и местах, которые переходят к частям Красной Армии, к их сохранности, и обращается особое внимание на то, чтобы города, местечки и важные военные оборонительные и хозяйственные сооружения (мосты, аэродромы, казармы, склады, железнодорожные узлы, вокзалы, телеграф, телефон, электростанции, подвижной железнодорожный состав и т.п.), как в них, так и по дороге к ним, были бы сохранены от порчи и уничтожения до передачи их представителям частей Красной Армии.

5. При обращении германских представителей к Командованию Красной Армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей или банд, стоящих на пути движения мелких частей германских войск, Командование Красной Армии (начальники колонн), в случае необходимости, выделяют необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на пути движения.

6. При движении на запад германских войск авиация Германской армии может летать только до линии арьергардов колонн германских войск и на высоте не выше 500 метров, авиация Красной Армии при движении на запад колонн Красной Армии может летать только до линии авангардов колонн Красной Армии и на высоте не выше 500 метров.

По занятию обеими армиями основной демаркационной линии по р.р. Писса, Нарев, Висла, р. Сан от устья до истоков, авиация обеих армий не перелетает вышеуказанной линии"³²⁷.

21 сентября в 13.50 Отдел внешних сношений НКО посетили генерал Кестринг,

полковник Ашенбреннер и подполковник Кребс и сообщили, что ввиду еще продолжающихся боев под Варшавой и западнее Львова "Главнокомандующий генерал Браухич просит все названные сроки для отвода войск в нашем совместном протоколе от 21 сентября оттянуть на 24 часа, а на направлении Пултуск до вечера 4 октября. Это вызвано и необходимым временем для вывоза раненых и пленных. Генерал Браухич хочет отвести свои войска в возможно короткий срок, но не в ущерб организованности и порядка. В этом заинтересовано, должно быть, и Советское командование. Главнокомандующий немецкими войсками сообщил, что он принял меры к сохранению от разрушения важнейших объектов на передаваемой территории Красной Армии"³²⁸. Соответствующие изменения были внесены в протокол³²⁹.

В то же время 20-22 сентября было согласовано, а 23 сентября опубликовано советско-германское коммюнике: "Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по реке Писса до ее впадения в реку Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков"³³⁰.

В 10.30 21 сентября в штабы Белорусского и Украинского фронтов поступило приказание наркома обороны № 16693, требовавшее остановить войска на линии, достигнутой передовыми частями к 20.00 20 сентября. Перед войсками ставилась задача подтянуть отставшие части и тылы, наладить устойчивую связь, находиться в состоянии полной боеготовности, быть бдительными и принять меры для охраны тылов и штабов. Кроме того, командованию Белорусского фронта разрешалось продолжить наступление в Сувалкском выступе³³¹. В 22.15 21 сентября в штабы Белорусского и Украинского фронтов поступил приказ наркома обороны № 156, в котором излагалось содержание советско-германского протокола³³². На следующий день Военный совет Белорусского фронта отдал соответствующий приказ № 05333.

В ночь на 22 сентября польские защитники Гродно покинули город, и утром он был занят советскими частями, которым бои за город обошлись в 57 убитых, 159 раненных, было подбито 19 танков и 4 бронемашин. 6-я кавдивизия приняла у немцев Белосток, а 11-я кавдивизия достигла района Крынки-Бялостоцкие. Войска 3-й и 11-й армий продолжали нести охрану латвийской и литовской границ. На южном участке фронта войска 4-й армии приняли у немцев Брест, в котором состоялся широко известный ныне парад советских и германских войск, промаршировавших перед трибуной, на которой рядом стояли генерал Г. Гудериан и комбриг С.М. Кривошеин (будущий Герой Советского Союза, дошедший до Берлина). 23 сентября части 27-й танковой бригады заняли Сувалки. 11-я армия начала передислокацию вдоль литовской границы к Гродно, а 10-я армия продолжала продвижение на запад во втором эшелоне фронта. 25 сентября войска получили директиву наркома обороны № 011 и приказ Военного совета Белорусского фронта № 06, предупреждавшие, что "при движении армии с достигнутого рубежа Августов - Белосток Брест-Литовск на запад на территории, оставляемой Германской армией, возможно, что поляки будут рассыпавшиеся части собирать в отряды и банды, которые совместно с польскими войсками, действующими под Варшавой, могут оказать нам упорное сопротивление и местами наносить контрудары"³³⁴.

По согласованию с германским командованием войска Белорусского фронта планомерно продвигались на запад. К 26-27 сентября войска 3-й и 11-й армий закрепились

на границе с Литвой и Восточной Пруссией до Щучина. Южнее на фронте Гонёндз - Кнышин развернулись 20-я мотострелковая и 6-я танковая бригады. 6-я и 11-я кавдивизии вышли к Высоке-Мазовецке, а 13-я и 4-я стрелковые дивизии развернулись на фронте южнее Белостока до р. Нарев. 8-я стрелковая дивизия из состава 4-й армии перешла р. Западный Буг и приняла у немцев Бялу-Подляску. К 28-29 сентября войска продвинулись до линии Щучин Стависки - Ломжа - Замбрув - Цехановец - Косув-Ляцки - Соколув-Подляски Лосице - Мендзижец-Подляски.

На Украинском фронте войска 5-й армии, возобновив продвижение с 23 сентября, сломали сопротивление польских частей на р. Западный Буг у Холма и 30 сентября были остановлены на линии Пугачув - Пяски - Пиотркув Кржемень - Билгорай. Войска 6-й армии, возобновившие с 25 сентября продвижение на запад, к исходу 26 сентября вышли на фронт Рава-Русская Немиров - Яворов - Рудки. К 28 сентября войска армии вышли на среднее течение р. Сан от Билгорая до Перемышля. 24 сентября войска 12-й армии начали продвижение на запад, приняв у немцев Дрогобыч. 26 сентября передовой отряд 16-й кавдивизии прибыл на станцию Бескид, занятую, как оказалось, 23 сентября венгерскими войсками. Попытка контакта с венграми вызвала с их стороны обстрел из ручного оружия. Ответный артиллерийский огонь советских бронемашин привел к прекращению стрельбы и отходу венгерских солдат в железнодорожный туннель на границе. По сведениям местных жителей, туннель был минирован; ситуация на этом участке границы с Венгрией была нормализована после переговоров³³⁵. 27 сентября 4-й кавкорпус и 26-я танковая бригада вели бои с поляками у Журавинец. 28 сентября 5-й кавкорпус вышел к верховьям р. Сан и на границу с Венгрией.

Тем временем 23 сентября Риббентроп сообщил в Москву о готовности прибыть на переговоры и запросил удобное для этого время. Советское правительство предложило 27-28 сентября, и, учитывая настроения правящих кругов Англии и Франции относительно "линии Керзона", уже вечером 25 сентября Сталин и Молотов передали Шуленбургу предложение обсудить на будущих переговорах передачу в советскую сферу интересов Литву, а взамен они были готовы отказаться от части Варшавского и Люблинского воеводств до Буга. Сталин сказал, что если немцы согласны на это, то "СССР немедленно возьмется за решение проблемы прибалтийских государств, в соответствии с протоколом от 23 августа, и ожидает в этом деле полную поддержку со стороны германского правительства"³³⁶.

В 18.00 27 сентября в Москву прибыл Риббентроп. Первая беседа с Молотовым проходила с 22.00 до 1.00 в присутствии Сталина, Шуленбурга и Шкварцева. В ходе переговоров по вопросу окончательного начертания границы на территории Польши Риббентроп, ссылаясь на то, что Польша была "полностью разбита немецкими вооруженными силами", стремился сохранить за Германией районы нефтедобычи в верховьях р. Сан и лесные массивы у Августова и Белостока. Сославшись на опасность разделения польского населения, что могло породить волнения и создать угрозу обеим государствам, Сталин предложил оставить территорию этнографической Польши в руках Германии. Относительно германских пожеланий об изменении линии государственных интересов на юге и севере, Сталин, отведя их, предложил в качестве компенсации поставлять Германии до 500 тыс. тонн нефти в обмен на поставки угля и стальных труб. В итоге территориальный вопрос свелся к двум вариантам. Согласно первому, все оставалось как было решено 23 августа. Согласно второму, Германия уступала Литву и получала за это области восточнее Вислы до Буга и Сувалки без Августова. Кроме того, Риббентроп

настаивал на передаче Германии части территории Литвы в районе Мариамполь337 .

Докладывая в Берлин о результатах переговоров, Риббентроп, оценив варианты решения территориального вопроса, отмечал, что не может определить, какой из них более выгоден Германии. За первый вариант говорит, по его мнению, то, что, "имея в руках Литву, мы расширим на северо-востоке немецкую колонизационную зону". Против этого говорит то, что раздел польского населения может создать возможность трений между Германией и СССР. За второй вариант говорит то, что присоединение всего польского населения исключает политические интриги для нарушения германо-советских отношений и дает возможность решить национально-политическую проблему по усмотрению Германии. Против этого можно возразить, что таким образом СССР освобождается от международной польской проблемы. Риббентроп просил Гитлера до 12.00 германского времени 28 сентября сообщить ему о предпочтительном варианте, иначе он будет вынужден решать сам338 .

На следующий день с 15 до 18.30 была проведена вторая беседа в Кремле, в ходе которой выяснилось, что Гитлер в целом одобрил второй вариант решения территориального вопроса. После этого с 24.00 до 5.00 29 сентября велось конкретное обсуждение линии проведения границы. Советская сторона отказалась от территории в междуречье Нарева и Буга восточнее линии Остров - Остроленка, а германская чуть передвинула границу на север в районе Равы-Русской и Любачува. Долгая дискуссия вокруг Перемышля не привела к каким-либо результатам, и город остался разделенным на две части по р. Сан. В итоге была согласована "граница между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства", которая закреплялась в германо-советском договоре о дружбе и границе (ст. 1). Эта граница признавалась окончательной, и отвергалось вмешательство третьих держав в это решение (ст. 2); стороны должны были заняться государственным переустройством присоединенных территорий (ст. 3) и рассматривали это переустройство как "надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами" (ст. 4)339 .

Кроме договора были подписаны конфиденциальный протокол о переселении немцев, проживающих в сфере советских интересов, в Германию, а украинцев и белорусов, проживающих в сфере германских интересов, в СССР, и два секретных дополнительных протокола. В одном из них стороны брали на себя обязательства не допускать "никакой польской агитации" и сотрудничать в деле пресечения подобной агитации. В соответствии с другим протоколом, Литва отходила в сферу интересов СССР в обмен на Люблинское и часть Варшавского воеводства, передававшихся Германии. После же принятия советским правительством мер по обеспечению своих интересов в Литве часть литовской территории на юго-западе страны должна была отойти к Германии340 . Позднее, 4 октября, в Москве был подписан протокол с описанием границы от р. Игорка до Ужокского перевала341 , содержание которого было 5 октября доведено до сведения войск Белорусского и Украинского фронтов телеграммой начальника Генштаба № 090342 . Советский Союз получил территорию в 196 тыс. кв. км (50,4% территории Польши) с населением около 13 млн человек.

28 сентября оба правительства сделали совместное заявление: "После того как Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны

между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба Правительства направят свои общие усилия, в случае нужды в согласии с другими дружественными державами, чтобы возможно скорее достигнуть этой цели. Если, однако, эти усилия обоих Правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах"³⁴³. Германское руководство стремилось этим заявлением продемонстрировать советско-германскую "дружбу", оказать давление на Англию и Францию и принудить их прекратить войну, хотя было ясно, что консультации никого ни к чему не обязывают. Кроме того, Риббентроп и Молотов обменялись письмами по экономическим вопросам³⁴⁴. В 12.40 29 сентября Риббентроп вылетел в Берлин.

В новейшей отечественной историографии советско-германский договор от 28 сентября 1939 г. оценивается, как правило, резко критически. По мнению ряда авторов, поскольку договор был заключен с воюющей страной, СССР отошел от нейтралитета и стал на путь сотрудничества с Германией³⁴⁵. Другие отмечают, что, заключив пакт о ненападении в преддверии германо-польской войны, СССР поддержал агрессивные устремления Германии и вовсе не был нейтрален, а оказывал содействие Германии, помогая ей разгромить Польшу³⁴⁶. В литературе советское руководство осуждается за нарушение международного права, выразившееся в установлении советско-германской границы в Польше без ее согласия (!?), изменении территории Литвы без ее уведомления, планировании совместных антипольских акций и договоренности о насильственном переселении населения Польши³⁴⁷. В качестве положительных последствий договора многие авторы называют установление границы по "линии Керзона", получение СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, свободы рук в Прибалтике и создание предела германской экспансии на Востоке Европы³⁴⁸. Тем не менее в историографии превалирует мнение, что договор от 28 сентября 1939 г. - это политическая ошибка. Более того, А.Д. Богатуров считает, что теперь "союз между Москвой и Берлином был оформлен полномасштабным межгосударственным договором"³⁴⁹. М.И. Семиряга полагает, что СССР фактически вступил в военно-политический союз с Германией, а по мнению А.М. Некрича, советско-германские отношения с сентября 1939 г. до ноября 1940 г. представляли собой "как бы незавершенный военно-политический союз"³⁵⁰.

Прежде всего следует отметить, что ни о каком военно-политическом союзе ни "фактическом", ни "незавершенном" не было и речи. Не говоря уже о том, что ни в пакте о ненападении, ни в договоре от 28 сентября не было сказано ни слова о каком-либо советско-германском союзе³⁵¹. Ни Москва, ни Берлин никогда не рассматривали свои отношения в этом ключе, хотя и допускали такие пропагандистские заявления, которые могли быть истолкованы как определенная тенденция дальнейшего сближения между ними. Однако дальше этого дело не пошло.

Оценивая отношение Англии и Франции к событиям 17 сентября 1939 г., Л.А. Безыменский полагает, что Англия была на грани войны с Советским Союзом, а В.Я. Сиполс, отмечая резко антисоветскую реакцию англо-французской прессы, указывает, что правительственные круги Англии и Франции отнеслись к этим событиям, учитывая их антигерманскую направленность, в целом спокойно³⁵². Более того, на Западе многие считали, что СССР не участвовал в разделе Польши, так как западные районы Украины и

Белоруссии не являлись польскими территориями и проблема восстановления Польши была связана только с Германией, соответственно Англия и Франция посоветовали польскому руководству не объявлять войну СССР³⁵³.

Новая советско-германская договоренность была тут же доведена до войск, действующих в Польше. В 8.00 29 сентября штабы Белорусского и Украинского фронтов получили распоряжение № 625 об остановке войск на достигнутых рубежах не позднее 18.00³⁵⁴. В приказе войскам Белорусского фронта № 15/оп от 30 сентября 1939 г. давалось примерное описание границы, установленной договором от 28 сентября, и указывалось, что примерно с 5 октября намечается начать отвод войск, находящихся "к западу от установленной и указанной линии границы". Командующий фронтом приказывал "теперь же начать отвод всех обозов, транспортов и машин к востоку от границы, без ущерба для нормального питания войск". Разрешалось "вывести из районов, расположенных к западу от границы, военное имущество, орудия, пулеметы, винтовки, боеприпасы, а также танки, бронемашины, автотранспорт и горючее. Необходимо перегнать на восток от границы весь подвижной состав, для чего спешно погрузить в вагоны военное, подчеркиваю военное имущество и немедленно направить на нашу территорию". Требовалось наметить районы, рубежи и маршруты отвода войск и "организовать безотказную связь с отводимыми частями, с тем, чтобы всегда точно знать их положение"³⁵⁵.

Кроме того, начались новые переговоры военных представителей сторон. 2 октября 1939 года в 15 часов 50 минут состоялась беседа Народного Комиссара Обороны СССР Маршала Советского Союза тов. Ворошилова и Начальника Генерального штаба РККА Командарма 1 ранга тов. Шапошникова с представителями Германского военного командования в лице генерала Кестринга, полковника Ашенбреннера и подполковника Кребс, которые пришли к следующему соглашению:

1. Части Красной Армии, остановившиеся на линии, достигнутой к 18 часам 29 сентября 1939 года, начиная с утра 5 октября 1939 года отводятся на линию р. Игорка, Рзадовы, р. Волкушанка, д. Чарны Бруд, Щebra 1, Топилувка, далее на границе Восточной Пруссии до р. Писса, восточный берег р. Писса до ее устья, восточный берег р. Нарев до деревни Острова (у Остроленка), Трошин, Стыленги, Соколово, Ростки, восточный берег р. Буг до деревни Ростки до устья р. Солокия, южный берег р. Солокия до Поддубце, далее от Поддубце на Любыча-Кролевска, Сандст, Залуже, Воля Олещицка, Синява, далее восточный берег р. Сан до ее истоков, включая Ужокский перевал.

Все пункты, перечисленные настоящей статьей, остаются за частями Красной армии.

2. Части Красной Армии, находящиеся западнее линии, указанной в 1-м параграфе настоящего протокола, начиная с утра 5 октября 1939 года отводятся с таким расчетом, чтобы, делая каждый день переход примерно в 20 клм., закончить свой отход:

а) на государственную границу северо-западнее Гродно к 8 октября вечером;

б) г. Сувалки освободить к вечеру 5 октября и 6 октября передать его представителям местного германского командования;

в) на государственную границу северо-восточнее г. Острова к вечеру 8 октября;

г) на р. Буг западнее г. Дрогичин к вечеру 9 октября;

д) на линию р. Буг от Кристинополь до Тересполь западнее Бреста к вечеру 11 октября.

3. Движение войск обеих армий должно быть организовано так, чтобы имела между передовыми частями Германской армии и хвостом колонн Красной Армии дистанция в среднем до 25 км.

Обе стороны организуют свое движение с таким расчетом, что части Германской армии выходят:

- а) на линию р. Буг от Кристинополь до Тересполь (западнее Бреста) - к 12 октября вечером;
- б) на р. Буг западнее Дрогичин - к 10 октября вечером;
- в) на государственную границу северо-восточнее г. Острова - к 9 октября вечером;
- г) к г. Сувалки - 6 октября вечером;
- д) на государственную границу северо-западнее Гродно - к 9 октября вечером.

4. Все вопросы, могущие возникнуть при передаче Красной Армией и приеме Германской армией пунктов, городов и т.п., разрешаются представителями обеих сторон на месте, для чего на каждой основной магистрали движения обеих армий Командованием выделяются специальные делегаты.

Командование Красной Армии принимает необходимые меры в городах и местах, которые переходят к частям Германской армии, к их сохранности, и обращается особое внимание на то, чтобы города, местечки и важные военные оборонительные и хозяйственные сооружения (мосты, аэродромы, казармы, склады, железнодорожные узлы, вокзалы, телеграф, телефон, электростанции, подвижной железнодорожный состав и т.п.), как в них, так и по дороге к ним, были бы сохранены от порчи и уничтожения до передачи их представителям частей Германской армии.

5. При отводе войск Красной Армии, авиация Красной Армии может летать только до линии арьергардов колонн частей Красной Армии и на высоте не выше 500 метров, авиация Германской армии при движении на восток колонн Германской армии может летать только до линии авангардов колонн Германской армии и на высоте не выше 500 метров. По занятии обеими армиями линии, указанной в 1-м настоящего протокола, авиация обеих армий не перелетает указанной линии"356 . В 20.40 2 октября в войска поступила директива наркома обороны № 083, излагавшая советско-германский протокол, продублированная соответствующими приказами Военных советов фронтов357 .

В 23.30 2 октября командующий Белорусским фронтом Ковалев отправил в Москву следующую просьбу: "Установленная граница по р. Буг у г. Брест-Литовска крайне невыгодна для нас по следующим причинам: город Брест границей делится на две части - западный обвод фортов достается немцам; при близости границы невозможно использовать полностью богатейший казарменный фонд в г. Бресте; железнодорожный узел и сам город будут находиться в сфере пулеметного огня; переправы на р. Буг не будут прикрыты необходимой территорией. Замечательный аэродром у Малашевичи достанется немцам. Командующий фронтом просит пересмотреть границу в районе Брест-Литовска", оставив за СССР часть территории на западном берегу реки358 . На следующий день из Москвы пришел ответ, что "граница у Бреста установлена соглашением и менять ее невозможно"359 . Но, чтобы сохранить за собой всю Брестскую крепость, советские войска запрудили Буг и взорвали перемычки крепостного рва. В итоге вода пошла по обводному каналу перед Тереспольским укреплением, и этот канал советский представитель выдал немцам за русло р. Буг, по которому и была проведена граница360 .

Заключение советско-германского договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. и новое военно-политическое положение в Восточной Европе привело к новым оценкам обстановки личным составом Красной Армии. Шок от событий 17 сентября уже прошел, и теперь в среде военнослужащих стали раздаваться совершенно другие голоса. Ожидая

сведений о переговорах в Москве, бойцы высказывали следующие мысли: "жаль, если придется возвращаться - хочется идти вперед", "что будет с населением, если мы оставим эти районы", "неужели придется опять отходить к Бугу. Трудящиеся опять будут под гнетом помещиков и капиталистов и над ними будет фашистская расправа", "Варшава раньше принадлежала России и надо взять ее". Местное население в подавляющем большинстве воспринимало Красную Армию как свою освободительницу и надеялось на включение в СССР. Узнав, что скоро советские войска будут отведены на восток, местные жители западного берега Буга выражали "исключительное сожаление по поводу оставления Красной армией занятых населенных пунктов", просили: "Дорогие товарищи, вы от нас не уходите навсегда, мы сделаем все для того, чтобы вы были скоро у нас обратно". Уже с 30 сентября местные жители задавали вопросы о возможности эвакуироваться в Советский Союз. Всего только в полосах 5-й и 6-й армий было эвакуировано почти 42 тыс. человек, однако среди польского населения 28 человек изъявили желание уйти на западный берег Буга³⁶¹.

До 5 октября советские войска занимались эвакуацией трофеев с территории, расположенной западнее установленной линии. К сожалению, общие размеры этих трофеев неизвестны. Так, только войска 5-й армии вывезли за р. Западный Буг 64 паровоза, 70 пассажирских, 1 130 крытых вагонов, 534 платформы, 609 углярок, 104 цистерны и различных грузов (артимущество, сахар, овес, зерно, мука, спирт, железнодорожные материалы, конный завод, руда, железо, уголь, кокс, скот и т.п.) общим объемом 2 174 вагона³⁶². Военными трофеями Красной Армии стали свыше 900 орудий, свыше 10 тыс. пулеметов, свыше 300 тыс. винтовок, более 150 млн патронов, около 1 млн снарядов и до 300 самолетов³⁶³. Из района Красноброд, Юзефув, Томашув было эвакуировано 2 немецких и 19 польских танков и танкеток³⁶⁴. Кроме того, польский речной флот потерял на реке Припять 51 военный корабль и свыше 113 вспомогательных судов³⁶⁵. В плен было взято 454 700 польских военнослужащих (в это число вошли не только солдаты и офицеры Войска Польского, но и полицейские, жандармы и все лица, захваченные с оружием в руках), из них войска Белорусского фронта взяли в плен 60 202, а Украинского - 394 498 человек³⁶⁶.

С 5 по 12 октября советские войска были отведены за линию новой границы. Из Сувалкского выступа на демаркационную линию к 16 часам 9 октября были отведены части 16-го стрелкового корпуса. "Отвод частей корпуса проходил точно по плану", "никаких инцидентов и конфликтов с немцами за время отхода наших войск не было, кроме преждевременного прихода немцев в Сувалки и споров за отдельные населенные пункты на границе (Жилины, Чарны Бруд, Яблоньска, Иванувка), которые были ликвидированы в частных переговорах на месте и официальных переговорах в Сувалках 9.10.39". Сувалки были переданы вермахту 6 октября. Войска 10-й армии в 22 часа 5 октября двинулись на восток и к вечеру 6 октября эвакуировались за р. Западный Буг, оставив Косув и Малкина-Гурна. Дальше продолжался отвод 4-й армии: Седльце и Лукув были переданы немцам 6 октября, Бяла-Подляска 10 октября, а полностью советские войска ушли за Буг в 16 часов 12 октября. В полосе 5-й армии на Влодаву двинулись части 4-й пехотной дивизии вермахта, а 9 октября в Хелм вступили войска 27-й пехотной дивизии. Причем пока в городе не было ни советских, ни германских войск, 7 октября местные польские активисты "произвели погромы и грабежи, есть убитые из состава рабочей милиции и революционно настроенных рабочих". К вечеру 13 октября германские войска вышли к демаркационной линии на всем ее протяжении³⁶⁷.

Большая часть оказавшихся в советском плену польских военнослужащих была сразу же

распущена по домам. В лагерях НКВД оказались 125 803 человека, что привело к значительной перегруженности лагерей³⁶⁹. На основании решения Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 3 октября было решено распустить по домам оставшийся рядовой состав³⁷⁰. Согласно приказу наркома обороны № 575118 с 9 октября началось отправление эшелонов в Барановичи и Тарнополь, распускаемых военнопленных следовало обеспечить питанием и санобработкой³⁷¹. К 19 октября по месту жительства было отправлено 40 769 человек. В 1939-1941 гг. было передано Германии 43 054 человека, а немцы передали СССР 13 575 человек³⁷². Когда выяснилось, что пленных польских офицеров в подавляющем большинстве невозможно использовать в интересах СССР, 15 131 человек (в основном офицеры и полицейские) были расстреляны весной 1940 г.³⁷³ В ходе Польской кампании в Красной Армии имели место факты самоуправства, мародерства, самосуда, реквизиций и т.п. преступлений, которые, как правило, пресекались командованием. Так, с 15 сентября по 1 октября Военный трибунал Украинского фронта осудил 49 военнослужащих за контрреволюционные высказывания, грабежи, разбой, дезертирство, невыполнение приказа, мародерство, халатность, сопротивление командиру и нарушение правил караульной службы³⁷⁴.

Подводя итоги Польской кампании, Молотов заявил на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., что "правящие круги Польши не мало кичились "прочностью" своего государства и "мощью" своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем - Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора"³⁷⁵. Еще 1 октября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло программу советизации Западной Украины и Западной Белоруссии, которая стала неукоснительно осуществляться³⁷⁶. Проведенные выборы "показали, что подавляющее большинство населения этих регионов согласилось с установлением советской власти и присоединением к Советскому Союзу"³⁷⁷. Избранные 22 октября Народные собрания Западной Белоруссии и Западной Украины 27-29 октября провозгласили Советскую власть и обратились с просьбой о включении их в состав СССР. 1-2 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР удовлетворил их просьбу³⁷⁸. Территория, занятая советскими войсками, "была освобождена от помещиков и капиталистов", и ее народы "получили возможность воссоединиться с братскими народами ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ СОВЕТОВ и единой дружной семьей крепить великое дело ЛЕНИНА - СТАЛИНА, дело построения коммунизма"³⁷⁹. Этими событиями завершилось решение польского вопроса в 1939 году.

Начало войны в Европе в сентябре 1939 г. оправдало самые худшие опасения Кремля. Оказалось, что Англия и Франция не готовы к реальному столкновению с Германией, и вместо быстрого поражения Германии, при фактическом невмешательстве западных союзников, была разгромлена Польша. Политика "умиротворения" принесла свои неизбежные плоды, продемонстрировав неспособность Лондона и Парижа отстаивать свои собственные интересы. Можно по-разному объяснять позицию Англии и Франции, но никуда не уйти от того факта, что союзники бросили Польшу на произвол судьбы. Причем, как теперь известно, эта позиция Лондона и Парижа не была какой-то импровизацией, возникшей под влиянием событий. Нет, это была заранее сформулированная и неуклонно проводимая в жизнь стратегическая линия англо-французских союзников, определявшаяся политикой "умиротворения" Германии. Поэтому трудно понять позицию исследователей, считающих, что союз с Англией и Францией отвечал интересам СССР, которому в этом случае пришлось бы вступить в войну с Германией на территории Польши при полном

бездействии союзников на западе³⁸⁰ .

Добившись обеспечения своих интересов в Восточной Европе благодаря пакту о ненападении, Советский Союз внимательно следил за развитием событий в Европе, готовясь использовать их к своей выгоде. Пассивная позиция Англии и Франции, имевших возможность разгромить Германию уже в сентябре 1939 г., позволила советскому руководству активизировать свою политику в отношении Польши, которая в течение большей части межвоенного периода рассматривалась Москвой как враг № 1, и приступить к ревизии границ, навязанных ему в 1920-1921 гг. в результате польской агрессии. Германское руководство стремилось вовлечь СССР в войну с Польшей, чтобы продемонстрировать германо-советский "союз", но Москва успешно избежала этой опасности. В основу советской пропаганды с объяснением причин вмешательства в германо-польскую войну были положены идеи обеспечения государственных интересов СССР и защиты украинского и белорусского народов в условиях распада Польши. Советскому руководству удалось совместить эту антигерманскую по сути пропаганду и сотрудничество с Германией в разделе Польши.

В результате удалось добиться того, что Лондон и Париж рассматривали действия СССР как меньшее зло по сравнению с германской оккупацией всей польской территории. Это вынужденное признание прозвучало 1 октября 1939 г. в радиовыступлении У. Черчилля, заявившего, в частности, что "для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует, и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть"³⁸¹ . Подобный намек на трусость Берлина открыл новую главу английской политики по провоцированию германо-советской войны.

Ответ на вопрос, вступил ли СССР во Вторую мировую войну, зависит от того, какие именно события мы считаем Второй мировой войной? Если под Второй мировой войной подразумевается война между Англией, Францией, Польшей, с одной стороны, и Германией - с другой, то в эту войну Советский Союз не вступал, подтвердив свой нейтралитет в отношении Лондона, Парижа и Берлина. Причем следует помнить, что Германия, Англия, Франция и Польша по тем или иным причинам фактически признали за Советским Союзом статус "неучаствующего в войне" государства³⁸² . Поэтому действия Красной Армии в Польше могут рассматриваться в соответствии с современной терминологией как миротворческая операция. Но если рассматривать Вторую мировую войну как процесс смены систем международных отношений, включающий в себя совокупность войн великих держав между собой и другими странами за расширение своего влияния и пересмотр границ, сложившихся в 1919-1922 гг., то в этом случае Советский Союз, конечно же, вступил во Вторую мировую войну, но не на стороне Германии, как полагают некоторые исследователи, а в качестве третьей силы, действующей в собственных интересах.

Это особенно наглядно проявилось в ходе советско-германских переговоров 27-28 сентября 1939 г. Советскому руководству удалось полностью обеспечить свои интересы в Прибалтике и, учитывая настроения на Западе, избавиться от решения судьбы подавляющего большинства польского народа, переданного в сферу интересов Германии. Репрессивная германская политика в отношении поляков на оккупированных территориях стимулировала антигерманское движение, которое являлось потенциальным союзником СССР в случае войны с Германией. Как отмечает изучавший ситуацию в Польше после сентября 1939 г. Я. Гросс, "при советской оккупации отсутствовало чувство всепроникающего

дискриминационного презрения сверхлюдей, которое так энергично излучали немцы. [...] С Советской властью было легче сотрудничать, при нацистском правлении легче было встать на путь подпольной борьбы"³⁸³ . Трудно не согласиться с мнением У. Ширера, считающего, что "Гитлер развязал войну против Польши и выиграл ее, но куда в большем выигрыше оказался Сталин, войска которого вряд ли произвели хоть один выстрел. Советский Союз получил почти половину Польши и взялся за Прибалтийские государства. Это, как никогда ранее, отдалило Германию от ее основных долговременных целей: от украинской пшеницы и румынской нефти, остро ей необходимых, чтобы выжить в условиях английской блокады. Даже польские нефтеносные районы Борислав, Дрогобыч, на которые претендовал Гитлер, Сталин выторговал у него, великодушно пообещав продавать немцам эквивалент годовой добычи нефти в этих районах"³⁸⁴ .

Советский Союз и борьба за Скандинавский плацдарм

С началом Второй мировой войны Скандинавский полуостров приобрел важное стратегическое значение, определявшееся его геополитическим положением на стыке трех военно-политических лагерей, на которые оказалась расколота Европа. В 450 км западнее Скандинавии находится Англия, южнее расположена Германия, а с востока примыкает СССР: все они могли бы использовать ее как непотопляемый авианосец на Севере Европы и базу для военно-морских операций, что было важно для достижения преимуществ в борьбе за господство в Европе. Овладев Скандинавией, англо-французские союзники могли бы создать серьезную угрозу германскому флоту и важным военно-экономическим центрам северной Германии, а также держать под угрозой северо-западные районы СССР и контролировать выход советского ВМФ из Баренцева и Балтийского морей в Атлантический океан. Со своей стороны Германия получила бы возможность обеспечить свою промышленность поставками шведской железной руды, создать выгодную базу для военно-морской блокады своих западных противников, использовать Скандинавию как плацдарм для удара по северо-западным районам СССР и контролировать морские торговые пути между Англией и СССР. Советский Союз мог бы использовать Скандинавию в качестве базы для давления на Германию с севера и для действий на море против Англии и Франции.

Хотя вооруженные силы скандинавских стран были невелики (см. таблицу 9) и не рассматривались противоборствующими сторонами как серьезный противник, географические и климатические условия Скандинавского полуострова создавали существенные трудности для действий войск и требовали значительной подготовки. В военно-экономическом плане определенное значение для Англии и Германии имел экспорт леса и целлюлозы из Норвегии, Швеции и Финляндии, а также торговый флот Норвегии, Швеции и Дании, составлявший 11,1% мирового торгового флота. Вместе с тем, в отличие от Германии, которая была в определенной степени привязана к поставкам шведской железной руды, для Англии, Франции и СССР экономическая ценность Скандинавии была менее значима. Поэтому определяющим для противоборствующих сторон было важное стратегическое положение полуострова, сулившее каждой из них большие преимущества в ведении войны. Однако специфика Скандинавского театра военных действий (ТВД) делала его районом периферийной борьбы, что в определенной степени сказывалось на действиях сторон³⁸⁵.

Положение скандинавских стран в межвоенный период определялось их вхождением в стерлинговый блок, тесными экономическими связями с Англией, Германией и США и традиционным нейтралитетом. В 1920-е гг. скандинавские страны были больше озабочены внутренними проблемами и взаимными спорами, и лишь в первой половине 1930-х гг. постепенно стала преобладать тенденция регионального сотрудничества. Общественно-политические симпатии скандинавских стран, в которых у власти с 1929-1935 гг. находились социал-демократические правительства, были на стороне Англии, а фашизм рассматривался как меньшее зло по сравнению с коммунизмом. По мере нарастания европейского кризиса скандинавские страны все больше замыкались в политике нейтралитета, к которой с декабря 1935 г. примкнула и Финляндия, отклоняя все предложения участия в коллективных действиях. Эта позиция вызывала недовольство СССР, одобрение Германии и использовалась Англией для обоснования ее политики умиротворения Берлина. В апреле - июле 1938 г.

Норвегия, Швеция, Дания и Финляндия открыто заявили о своем неучастии в санкциях Лиги Наций. Несмотря на провозглашенную политику нейтралитета, "Финляндия опасалась России, Дания - Германии; Швеция не могла решить, кого же она больше должна опасаться; а Норвегия считала свое положение достаточно прочным, чтобы вообще кого-либо бояться"³⁸⁷.

Конечно, в Москве основное внимание уделялось отношениям с Финляндией, которые развивались очень непросто и во многом определялись недавней историей. Гражданская война на территории бывшей Российской империи, которая развела Москву и Хельсинки по разные стороны политических баррикад, и борьба за Карелию, затянувшаяся до февраля 1922 г., несмотря на заключение Тартуского мирного договора 14 октября 1920 г., привели к тому, что Финляндия стала северным звеном антисоветского "санитарного кордона". Вместе с тем с лета 1922 г. началась общая нормализация советско-финляндских отношений, и в дальнейшем они "напоминали холодный мир", хотя в целом были вполне корректными³⁸⁸. По мере изменения международной ситуации Финляндия пошла 21 января 1932 г. на подписание с СССР договора о ненападении, продленного 7 апреля 1934 г. до 1945 г. Тем не менее советско-финские отношения характеризовались обоюдной подозрительностью, обе стороны создали серьезные оборонительные рубежи вдоль границы, особенно мощные на Карельском перешейке. Финляндия постоянно демонстрировала нежелание сотрудничать с СССР даже в рамках Лиги Наций, рассматривая своего восточного соседа как потенциального врага № 1. Со своей стороны Москва укреплялась во мнении, что Финляндия проводит, хотя и скрытно, антисоветский курс, что делало ее одним из потенциальных противников и возможным плацдармом антисоветской войны. Симпатии к Германии, как реальному противовесу СССР, делали финский нейтралитет довольно подозрительным как для Москвы, так и для скандинавских стран³⁸⁹.

В 1938 - начале 1939 г. Москва неоднократно предлагала Финляндии расширить договор о ненападении или каким-то иным способом гарантировать невозможность использования ее территории в качестве плацдарма для действий против СССР, но финское руководство постоянно отказывалось, стараясь в то же время добиться согласия СССР на демилитаризацию Аландских островов, демилитаризованный статус которых регулировался Аландской конвенцией 1921 г.³⁹⁰ Когда в январе 1939 г. Швеция и Финляндия обратились к странам-участникам конвенции и СССР с предложением ее пересмотреть и санкционировать шведско-финские планы демилитаризации островов, СССР запросил конкретные данные о намечаемых мерах, и отказ Хельсинки предоставить эту информацию стал удобным поводом для заявления в мае 1939 г. о негативной позиции Москвы по этому вопросу, что привело к отказу Лиги Наций от его рассмотрения. Летом 1939 г. Финляндия с одобрения Швеции отклонила предложение СССР о совместной советско-шведско-финской обороне Аландских островов. Весной - летом 1939 г. Норвегия, Швеция и Финляндия отказались как от англо-французских гарантий, так и от предложения Германии заключить договоры о ненападении. С одобрения скандинавских стран финское руководство также негативно отнеслось к возможности получения англо-франко-советских гарантий, полагая, что они приведут к предоставлению Москве свободы рук в отношении Финляндии, и шантажировало Англию тем, что в случае предоставления гарантий оно станет на сторону Германии. 7-12 августа 1939 г. в Финляндии были проведены крупнейшие в истории страны военные маневры на Карельском перешейке, на которых отрабатывалась операция по отражению наступления на "линию Маннергейма" и на которые были приглашены все

военные атташе, кроме советского³⁹¹ .

Отказ от всякого сотрудничества с Москвой, демонстрация лояльного отношения к Германии и явно антисоветские военные приготовления создавали у советского руководства устойчивое впечатление, что в случае участия СССР в войне в Европе Финляндия "наверняка будет в стане наших противников"³⁹² . К середине 1939 г. советское руководство убедилось в невозможности вовлечь Финляндию в "орбиту Советского Союза" дипломатическим путем, и в Москве стали задумываться о военном решении финской проблемы. Благодаря советско-германской договоренности 23 августа 1939 г. Москва получила свободу рук в отношении Финляндии, которая продолжала пребывать в уверенности, что Германия окажет ей поддержку в случае конфликта с СССР. Правда, договор от 23 августа вызвал в Финляндии обиду на "продавшую" ее Германию, но и Берлин, и Москва уверили Хельсинки, что никаких договоренностей, затрагивающих Финляндию, достигнуто не было. Хотя Берлин признал сферу интересов СССР в Восточной Европе, Москве следовало создать более серьезные гарантии обеспечения своих интересов в регионе³⁹³ .

С начала войны в Европе скандинавские страны провозгласили нейтралитет, надеясь избежать вовлечения в войну. Англия и Франция, установившие экономическую блокаду Германии, были заинтересованы в привлечении к этой блокаде максимального количества стран. Однако малые страны Европы, в том числе и скандинавские, не спешили сблизиться с воюющими сторонами. Попытки дипломатического влияния не давали быстрых результатов, и военно-морские командования воюющих стран стали задумываться над подготовкой операций на Севере Европы. Англо-французские союзники были заинтересованы в том, чтобы пресечь поставки в Германию шведской железной руды, и уже в сентябре 1939 г. английское адмиралтейство предложило заблокировать Нарвик и оказать нажим на Швецию, чтобы она сократила поставки руды в Германию. Однако политическое руководство не спешило соглашаться на столь резкие действия, намереваясь продолжить дипломатический диалог со скандинавскими странами. Со своей стороны командование германских ВМС 3 октября занялось изучением возможности занятия опорных пунктов в Норвегии и Северной Дании. Причем примерно до декабря 1939 г. эти разработки были обусловлены в основном необходимостью приобретения баз для операций флота в морской войне против Англии. Позднее стала актуальной проблема обеспечения поставок шведской руды³⁹⁴ .

Помимо изучения военного аспекта проникновения в скандинавские страны воюющие стороны вели и политическую борьбу в регионе, сводившуюся прежде всего к использованию или ограничению нейтралитета этих стран, который в значительной степени способствовал преодолению Германией англо-французской экономической блокады. Поэтому Англия и Франция требовали ограничения прав нейтралов, а Германия занимала позицию защитника их интересов. В этой борьбе принял участие и Советский Союз, который 25 октября и 10 декабря 1939 г. заявлял свой протест против методов военно-морской блокады со стороны Англии и Франции. Скандинавские страны с началом войны вышли из стерлингового блока и стремились проводить политику экономической поддержки друг друга и сохранять хорошие отношения со всеми воюющими державами, которые предложили им переговоры о торговле на период войны. 11 ноября 1939 г. было заключено англо-норвежское соглашение о фрахте Англией большей и лучшей части норвежского торгового тоннажа до конца войны, однако торговые переговоры затянулись из-за чрезмерных претензий Англии. В лучшем положении оказалась Швеция, которая 7 декабря подписала торговый договор с Англией, в частности, предусматривавший фрахт 50%

шведского торгового тоннажа до конца войны, а 22 декабря - с Германией, обеспечив ей гарантированные поставки железной руды³⁹⁵.

Осенью 1939 г. скандинавские страны стали проявлять заинтересованность в расширении экономических связей с СССР³⁹⁶, но политические изменения в Восточной Европе давали их прессе пищу для антисоветских высказываний. Кроме того Финляндия была озабочена начавшейся 7 сентября в СССР мобилизацией и приведением в боевую готовность войск Ленинградского военного округа (ЛВО), Краснознаменного Балтийского и Северного флотов. 11 сентября Финляндия выразила готовность вести переговоры о торговом соглашении с СССР, урегулировать вопрос об Аландских островах и попыталась уточнить причины проведения частичного призыва в Красную Армию³⁹⁷. Получив ответ, что он вызван современной международной обстановкой, финское руководство решило начать призыв резервистов в армию и провести с их участием маневры на Карельском перешейке. Все это создавало напряженную атмосферу, тем более что финская пресса проявляла лояльность в отношении Германии. Вступив на территорию Польши, СССР 17 сентября заявил о своем нейтралитете в отношении Финляндии, а 19 сентября выразил готовность возобновить экономические переговоры с Хельсинки³⁹⁸. На фоне переговоров СССР со странами Прибалтики Англия уже 27 сентября советовала Финляндии противостоять "нажиму с востока". В то же время Финляндия заявила Германии, что не пойдет на соглашение с СССР как Эстония³⁹⁹. Постепенно с октября 1939 г. основное внимание участников политической борьбы в регионе было привлечено к советско-финским переговорам.

Присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии, заключение договоров с прибалтийскими странами значительно улучшали советские позиции в Восточной Европе и, видимо, породили у советского руководства надежду на столь же благоприятное решение финского вопроса. В отношении Финляндии первоначально намеревались действовать по прибалтийскому образцу, предложив ей договор о взаимопомощи. Вместе с тем не исключалось, что Финляндия вновь займет неконструктивную позицию, и 5 октября Краснознаменный Балтийский флот (КБФ) получил приказ разработать план захвата островов в Финском заливе (в том числе и о. Бьерке)⁴⁰⁰. Как и другие граничившие с СССР государства, Финляндия считалась в Москве потенциальным противником, и советское военное руководство периодически готовило планы на случай войны на Северо-Западе. К сожалению, этот вопрос практически не исследован, и в историографии преобладает точка зрения, что готовиться к войне с Финляндией советская сторона начала только в 1939 г. Однако доступные документы показывают, что реальность была несколько иной. Только в 1930-е гг. советский Генштаб разработал несколько вариантов боевых действий на северо-западе СССР. Правда, поначалу советские военные планы в отношении Финляндии имели в основном оборонительную направленность, и лишь в плане 1936 г. войска получили активные наступательные задачи, которые затем постоянно уточнялись. Соответственно возрастало и количество войск, привлекаемых для операции. Так, если в планах 1932-1935 гг. предусматривалось иметь от 4 до 6 стрелковых дивизий и 1 стрелковую бригаду, то в плане 1936 г. речь шла об использовании 7 стрелковых дивизий и 2 танковых бригад, а в плане 1937 г. - о 10 стрелковых и 1 горнострелковой дивизиях, 2 танковых бригадах и 3 артполках РГК⁴⁰¹.

19 апреля 1939 г. в штабе ЛВО была подготовлена записка по плану боевых действий Северо-Западного фронта, развертывавшегося по мобилизации на базе ЛВО, против

Финляндии и Эстонии в условиях войны СССР с Германией и союзной ей Польшей. Против Финляндии предполагалось развернуть 14-ю армию (6 дивизий и 3 танковые бригады) на Карельском перешейке и 17-ю армию (5 дивизий) от Баренцева моря до Ладожского озера. Предусматривался захват Петсамо, наступление на Каяни и Нурмес, а главные силы 17-й армии должны были наступать на Сортавалу и далее выйти в тыл финским войскам на Карельском перешейке. 14-я армия с 4-го дня мобилизации переходила в наступление на Карельском перешейке и должна была выйти на фронт Тайпаленйоки - Рауту - Кивеннапа - Каунис, а с окончанием сосредоточения основных сил на 10-й день мобилизации наступать на Выборг с целью разгрома противника, овладения его укрепленным районом и во взаимодействии с войсками 17-й армии районом Кексгольм - Сортавала - Выборг⁴⁰². Таким образом, войска ЛВО постоянно отрабатывали варианты боевых действий в случае войны. В январе - марте 1939 г. высший командный состав войск округа изучал вопросы начального периода войны, встречных сражений, обороны с последующим переходом в наступление и наступления на обороняющегося противника. Как правило, вероятный противник (Финляндия) предпринимал враждебные действия под давлением других западных государств⁴⁰³.

В марте 1939 г. новый командующий войсками ЛВО командарм 2 ранга К.А. Мерецков получил приказ наркома обороны проверить готовность войск "на случай военного конфликта" с Финляндией⁴⁰⁴. Во исполнение директивы наркома обороны № 500165 Военный совет ЛВО провел 19-25 апреля 1939 г. двустороннюю военную игру на картах с участием командного состава войск Уральского военного округа и КБФ. Согласно оперативному замыслу игры, "западные" под давлением и при поддержке фашистских государств начали от мобилизацию и сосредоточение своих войск к границам "восточных". На отдельных участках фашистские отряды "западных" пытались нарушить госграницу "восточных" с целью втянуть их в войну, измотать их силы на оборонительных рубежах, а затем с подходом экспедиционных войск нанести им решающее поражение и овладеть Ленинградом. "Восточные", втянутые в войну и зная, что "западные" без поддержки "черных" продолжительное время сопротивляться не в состоянии, поставили своей целью разгром армии "западных" до подхода на помощь к ним экспедиционных войск. В дальнейшем, действуя вдоль побережья Финского залива во взаимодействии с КБФ, "восточные" должны были занять наиболее важные порты на побережье Ботнического и Финского заливов и этим предотвратить всякую возможность переброски экспедиционных войск на территорию "западных".

Для выполнения поставленных задач "восточные", развернув по одной армии на Карельском перешейке и восточнее Ладожского озера, перешли в наступление, рассчитывая, что, обойдя с севера Ладожское озеро и выйдя в тыл оборонительных укреплений на Карельском перешейке, одна из армий окажет поддержку другой в их преодолении. Игра проходила в условиях лета и показала, что наступающие слишком увлекаются и завышают темп продвижения войск, не учитывая сложностей ТВД и сопротивления войск противника. Выступая на разборе игры, Мерецков отметил новизну разыгрывавшейся обстановки, поскольку ранее изучался вариант, когда противник "от мобилизовывался и сосредоточивался раньше нас, вторгался на нашу территорию, а потом только мы собирали наши силы, переходили в наступление и били противника". Отметив вредность этой "теории", командующий заявил, что "в тот момент, когда наши противники будут от мобилизовывать свои армии, повезут свои войска к нашим границам, то мы не будем сидеть и ждать! Наша

оперативная подготовка, подготовка войск должны быть направлены так, чтобы обеспечить на деле полное поражение противника уже в тот период, когда он еще не успеет собрать всех своих сил". В качестве примера была приведена прошедшая игра, в ходе которой, получив сведения о мобилизации и сосредоточении войск противника к границе, "красные немедленно вторглись на территорию противника с задачей уничтожить вначале его части прикрытия, а затем и нанести поражение главным силам"⁴⁰⁵.

25-29 июня 1939 г. Военный совет ЛВО провел оперативную поездку на Карельском перешейке, в ходе которой проигрывалась операция, когда "северные", поощряемые "коричневыми", спровоцировали пограничный конфликт, а "южные" 25 июня начали военные действия, имея превосходство в воздухе⁴⁰⁶. Таким образом, подготовка боевых действий на границе с Финляндией велась в соответствии с планами боевой подготовки Красной Армии, а основные идеи советского военного плана формировались и проверялись на учениях в течение, видимо, нескольких лет. В историографии сложилось мнение, что в июне - июле 1939 г. на Главном Военном Совете (ГВС) обсуждался оперативный план войны с Финляндией, в ходе которого обнаружились расхождения в оценках между Генштабом и штабом ЛВО. К сожалению, никаких документов, отражающих эту ситуацию, не публиковалось, и остается неясным, имели ли место эти события, а если да, то когда именно. Во всяком случае, противоречия в мемуарах К.А. Мерецкова и А.М. Василевского не позволяют однозначно решить вопрос о времени заседания ГВС⁴⁰⁷. К тому же вряд ли оперативное планирование в Генштабе и штабе ЛВО шло без всякой координации.

Как бы то ни было, идея взаимодействия войск, действующих на Карельском перешейке и севернее Ладожского озера, была положена в основу планирования в штабе 8-й армии⁴⁰⁸. В разработанном командованием 56-го стрелкового корпуса 23 сентября плане операции также предусматривалось овладение Сортавалой и наступление в тыл войск противника, действующих на Карельском перешейке. Считалось, что для выхода к Сортавале потребуется 5 суток, к Нурмесу - 6-7 суток, а к Каяне - 10-11 суток. Правда, в документе сделана оговорка, что "этот расчет взят, исходя из благоприятных условий обстановки и отсутствия сколько-либо серьезного сопротивления со стороны противника"⁴⁰⁹. Эти же идеи были заложены в "План операции против Финляндии" от 29 октября 1939 г., для осуществления которой предполагалось иметь в составе Мурманской армейской группы 2 стрелковые дивизии, на Кемском и Ребольском направлениях - отдельный стрелковый корпус (3 дивизии), в 8-й армии - 7 стрелковых дивизий, а в 14-й армии на Карельском перешейке - 8 стрелковых дивизий и 3 танковые бригады. Войска должны были иметь 1550 орудий, 989 танков и 1581 самолет⁴¹⁰. Видимо, этот план и был сочтен в Москве излишне оптимистичным, и в итоге численность войск ЛВО, привлекаемых для операции, была несколько увеличена.

В середине сентября 1939 г. началось сосредоточение войск ЛВО по планам прикрытия. Согласно директиве наркома обороны № 16659 от 11 сентября было приказано перебросить в Мурманск управление 33-го стрелкового корпуса, 14-ю стрелковую дивизию и артполк РК, на базе которых приказом НКО № 0052 от 16 сентября 1939 г. была сформирована Мурманская армейская группа, получившая задачу развернуть войска на границе к 1 октября⁴¹¹. 14 сентября ЛВО получил директиву № 16669, согласно которой на границе с Финляндией развертывались: на Ухтинском направлении 54-я горно-стрелковая дивизия, в Карелии - 168-я, 18-я стрелковые дивизии и 314-й артдивизион большой мощности (БМ), на Карельском перешейке - 19-й и 50-й стрелковые корпуса (16-я, 24-я, 43-я, 70-я, 90-я стрелковые дивизии), 1-я, 20-я, 35-я танковые бригады, 6 артполков и 3 артдивизиона БМ⁴¹².

5 октября СССР пригласил Финляндию на переговоры относительно улучшения советско-финских отношений с учетом нынешней ситуации в Европе, выразив надежду на получение ответа из Хельсинки "не позднее, чем сегодня вечером, или завтра утром"⁴¹³. Получив приглашение, финское руководство немедленно обратилось за поддержкой к Германии, Англии, Франции, США и Швеции. Германия, связанная соглашением с СССР, дала общий совет не обострять отношений с Москвой, а Англия, Франция и США посоветовали финскому руководству занять неуступчивую позицию, надеясь, что осложнение советско-финских отношений спровоцирует противоречия между Москвой и Берлином. Стокгольм, не желая вмешиваться, занял уклончивую позицию. Стремясь заручиться поддержкой великих держав и завершить сосредоточение войск на Карельском перешейке, Финляндия не торопилась с ответом. Это вызвало недовольство Москвы, и 7 октября Молотов поинтересовался у финского посла А.С. Ирве-Коскинена "почему до сего времени нет ответа финляндского правительства" на предложение о переговорах. Советская сторона увязывала экономические и политические проблемы, заявляя, что "надо спешить с вопросом улучшения отношений между странами"⁴¹⁴. Соответствующую задачу получил и советский полпред в Хельсинки В.К. Деревянский, который 8 октября поставил этот вопрос перед финским министром иностранных дел Э. Эркко, но финская сторона заявила, что "если Советский Союз попытается оказать давление, то получит сильный отпор", а финская делегация приедет в Москву лишь после согласования позиции правительства и парламента⁴¹⁵.

В Финляндии 6 октября было решено усилить войска резервистами, а 5 и 9 октября они получили приказ на подготовку к обороне и действиям в районе Реболы на советской территории. 8 октября Финляндия заявила, что не пойдет на заключение договора по типу стран Прибалтики. В итоге финская делегация получила крайне ограниченные инструкции и могла обсуждать вопрос только о трех островах в Финском заливе, что практически исключало компромисс на будущих переговорах. Финская пресса развернула антисоветскую кампанию, чему способствовало нарушение воздушного пространства Финляндии 9 октября советскими самолетами⁴¹⁶. 8 октября Военный Совет ЛВО отдал боевой приказ № 1, согласно которому к утру 10 октября к границе на Карельском перешейке должны были быть сосредоточены 50-й (90-я, 142-я стрелковые дивизии, 35-я танковая бригада) и 19-й (24-я, 43-я, 70-я стрелковые дивизии, 20-я танковая бригада) стрелковые корпуса, туда же перебрасывалась 40-я танковая бригада и артдивизион БМ⁴¹⁷. 12 октября в Финляндии была объявлена всеобщая мобилизация и эвакуация гражданского населения из крупных городов. 13 октября советские самолеты вновь вторглись в воздушное пространство Финляндии. Обе стороны вели разведку над Финским заливом и обвиняли друг друга в нарушении воздушного пространства. Советские дипломаты докладывали в Москву о ведущихся финнами консультациях с Англией, которая рекомендовала не "идти ни на какие уступки, вплоть до вооруженной борьбы, не считаясь ни с какими жертвами", и о начавшихся военных приготовлениях в Финляндии⁴¹⁸.

11-12 октября Норвегия, Дания, Швеция и США обратились к СССР с просьбой не предъявлять Финляндии требований, которые затрагивали бы ее независимость и нейтралитет. В ответ советская сторона заявила о своей дружественной позиции в отношении Финляндии и о нежелании затрагивать ее независимость, поскольку переговоры "имеют целью улучшение дружественных отношений между Финляндией и СССР". Вместе с

тем Молотов отметил, что "данные вопросы будут урегулированы, поскольку Финляндия будет проводить по отношению к СССР политику дружбы и добрососедских отношений"⁴¹⁹. Конечно, западные демарши были расценены в Хельсинки как поддержка правильности неуступчивой позиции финнов. Со своей стороны, используя дипломатические каналы, Москва демонстрировала готовность к компромиссу, но предупреждала, что если Финляндия "будет упорствовать в своей непримиримой позиции и отвечать на наши миролюбивые предложения бряцанием оружием и чуть ли не мобилизацией своих вооруженных сил, это может закрыть путь к нашему мирному соглашению с финляндским правительством и создать нежелательные осложнения во взаимоотношениях этой страны с Советским Союзом"⁴²⁰.

12 октября в Москве начались советско-финские переговоры. Когда финская делегация отказалась от обсуждения вопроса о заключении договора о взаимопомощи, советская сторона предложила проект договора о совместной обороне Финского залива по типу планировавшегося финско-шведского соглашения об обороне Аландских островов. Но и это предложение было отклонено финнами без обсуждения. Тогда советская делегация предложила следующий вариант:

1. Финляндия сдает в аренду СССР на 30 лет порт Ханко "для устройства морской базы с береговой артиллерийской обороной, могущей вместе с береговой артиллерией на другом берегу Финского залива у Балтийского порта перекрыть артиллерийским огнем проход в Финский залив. Для охраны морской базы разрешить Советскому правительству держать в районе порта Ханко один пехотный полк, два дивизиона зенитной артиллерии, два полка авиации, батальон танков - всего не более пяти тысяч человек";

2. Советскому флоту предоставляется "право на якорную стоянку в заливе Лаппвик";

3. Финляндия передает СССР острова Гогланд (Суурсари), Сейскари, Лавенсаари, Тюттерсаари (малый и большой), Бьерке, а также часть Карельского перешейка от села Липпола до южной оконечности города Койвисто, равно как западную часть полуостровов "Рыбачий" и "Средний" (всего 2761 кв. км);

4. Со своей стороны СССР передает Финляндии территорию в районе Ребола и Поросозеро (5529 кв. км);

5. Существующий советско-финляндский пакт о ненападении дополняется статьей "о взаимных обязательствах не вступать в группировки и коалиции государств, прямо или косвенно враждебные той или другой договаривающейся стороне";

6. Стороны разоружают свои укрепления на Карельском перешейке;

7. СССР обещает "не возражать против вооружения Аландских островов" собственными силами Финляндии⁴²¹.

Не имея полномочий для обсуждения этих предложений, финская делегация 14 октября выехала в Хельсинки для консультации, что было, видимо, неожиданностью для советской стороны, рассчитывавшей на быстрое достижение соглашения. Четыре дня потребовалось финскому руководству, чтобы согласовать свою позицию на переговорах с СССР, поскольку в правительстве оказались сторонники определенных уступок восточному соседу. Для преодоления таких настроений 18-19 октября президент и министр иностранных дел Финляндии в ходе встречи руководителей скандинавских стран в Стокгольме попытались добиться поддержки своих соседей в случае обострения отношений с СССР. Однако скандинавские страны уклонились от каких-либо конкретных обещаний, что не помешало Эркко обмануть своих коллег по кабинету, сообщив им о готовности Швеции оказать

дипломатическую поддержку Финляндии. В финском руководстве возобладало сформулированное Эркко мнение, что "Советский Союз блефует" и по отношению к нему надо проводить "твердую линию"⁴²².

Тем временем в Финляндии продолжалась обработка общественного мнения в духе недопустимости уступок СССР, начались аресты членов левых общественных организаций, было запрещено издание ряда газет и журналов. 17 октября маршал К.Г. Маннергейм был назначен главнокомандующим, а на следующий день была создана его ставка. В состав финской делегации на переговорах был включен В. Таннер, который должен был контролировать склонного к компромиссу главу делегации Ю. Паасикиви. Понятно, что все эти явно враждебные действия Финляндии, о которых в целом было известно в Москве, вызвали столь же негативную реакцию советской стороны. 19 октября советские ВВС провели масштабную воздушную разведку Карельского перешейка и финской Карелии⁴²³. Таким образом, к определенному военно-политическому давлению в ходе переговоров прибегали обе стороны.

23 октября переговоры в Москве возобновились. Финляндия выразила готовность передать СССР расположенные в Финском заливе острова Сейскари, Пенисаари, Лавансаари, Тютерсаари (малый и большой) и обсудить вопрос о передаче острова Суурсари. Относительно границы на Карельском перешейке финское руководство соглашалось перенести границу на 10 км западнее вдоль побережья Финского залива, но отклонило советское предложение о предоставлении в аренду Ханко и права на якорную стоянку в заливе Лаппвик, поскольку размещенные там войска могли бы быть использованы "для нападения против Финляндии". Хельсинки соглашались на уточнение соответствующей статьи советско-финляндского договора о ненападении. Все остальные советские предложения были отклонены, хотя с удовлетворением отмечалось согласие СССР на ремилитаризацию Аландских островов⁴²⁴. Советская сторона отметила, что переданные предложения были минимальными, и заявила, что она не может отказаться от предложения о создании в Ханко советской военно-морской базы, хотя и ограничила численность своих войск 4 тыс. человек, а срок аренды временем европейской войны. Советская делегация выразила готовность несколько отодвинуть к востоку линию будущей границы на 10-20 км южнее города Койвисто, но настаивала на передаче СССР острова Бьерке. Было принято финское предложение о соответствующем усилении существующего договора о ненападении. Все остальные предложения СССР остались в силе⁴²⁵. Не имея полномочий обсуждать эти предложения, финская делегация 24 октября вернулась в Хельсинки для новых консультаций.

Столь неудачный ход переговоров убедил советское руководство, что Финляндия пытается затянуть время и отказаться от какой-либо договоренности. Поэтому следовало подготовиться к более решительным действиям. В Москве знали о моральной поддержке Финляндии со стороны Англии, Франции и США, но были уверены в том, что дальше этого ни Лондон, ни Париж, ни Вашингтон не пойдут. 24 ноября Англия намекала СССР, что не станет вмешиваться в случае конфликта, в то же время Финляндии заявлялось, что следует занимать твердую позицию и не поддаваться советскому нажиму. Таким образом, речь шла о провоцировании войны с целью использовать Финляндию "для того, чтобы причинить как можно больше вреда России, не считаясь даже с тем, если в конечном счете финны потерпят крах перед лицом ее превосходящей мощи"⁴²⁶. Однако в Хельсинки призывы западных стран пали на благоприятную почву, и финское руководство стало еще более оптимистично смотреть на вероятность конфликта с СССР, которого, как полагали многие, просто не

произойдет. Трезвые голоса Паасикиви и Маннергейма, выступавших за достижение компромисса, не были услышаны. Жесткая позиция правительства в отношении руководителей парламентских фракций привела к тому, что они в целом поддержали его позицию. То есть на возможности соглашения был поставлен крест.

Тем временем Финляндия завершила мобилизацию и провела в конце октября маневры. 25 октября финские территориальные воды были объявлены опасными для плавания из-за минных постановок в районе Аландских островов и у границ СССР. Финские войска были развернуты в приграничной зоне, основные силы заняли оборонительные рубежи на Карельском перешейке. Советское руководство довольно болезненно отнеслось к инициированным Хельсинки слухам о том, что финская делегация больше не поедет в Москву, а переговоры будут вестись по дипломатическим каналам. 28 октября советские дипломаты в Хельсинки получили задачу уточнить, не означает ли задержка с возвращением делегации разрыв переговоров⁴²⁷.

В Москве практически не оставалось надежд на мирное решение вопросов с Финляндией. Молотов полагал, что "ничего другого не остается, как заставить их понять свою ошибку и заставить принять наши предложения, которые они упрямо безрассудно отвергают при мирных переговорах... Пока переговоры не прерваны. На днях ждут возвращения делегации финнов в Москву с ответом самого финляндского правительства на новые наши уступки им. Но дальше мы не пойдем"⁴²⁸. Советское руководство считало, что сможет быстро заставить Хельсинки принять свои предложения. Согласно приказу Генштаба № 0145 от 24 октября на Карельский перешеек перебрасывались 49-я, 75-я и 123-я стрелковые дивизии, а в Карелию направлялись 138-я, 155-я и 163-я стрелковые дивизии и 2 артполка⁴²⁹. 25 октября нарком обороны разрешил перебросить в Петрозаводск управление 8-й армии с эстонской границы⁴³⁰. 29 октября Военный совет ЛВО представил наркому обороны "План операции против Финляндии", согласно которому советские войска должны были вторгнуться на территорию Финляндии по пяти направлениям с целью "расташить" группировку сил противника и во взаимодействии с авиацией за 10-15 суток нанести решительное поражение финской армии⁴³¹. Однако советское руководство, видимо, еще надеялось на то, что сможет оказать давление на Финляндию и достичь своих целей, не доводя дело до войны.

Прежде всего Москва попыталась нейтрализовать антисоветскую пропаганду финской прессы. Выступая на сессии Верховного Совета СССР, Молотов 31 октября довольно подробно остановился на ходе советско-финских переговоров. Отметив "влияние со стороны третьих держав" на Хельсинки и выразив надежду, что "со стороны Финляндии будет проявлено должное понимание" проблемы обеспечения безопасности СССР на северо-западных границах в условиях европейской войны, он опроверг слухи о покушении СССР на финский суверенитет, о его требованиях передачи Выборга и районов севернее Ладожского озера, Аландских островов или о претензиях к Швеции и Норвегии. Довольно подробно изложив советские предложения, Молотов выразил надежду на то, "что, при наличии доброй воли, Финляндское правительство пойдет навстречу нашим минимальным предложениям, которые не только не противоречат национальным и государственным интересам Финляндии, но укрепляют ее внешнюю безопасность и создают широкую базу для дальнейшего широкого развития политических и хозяйственных отношений между нашими странами" и что в Хельсинки "не поддадутся какому-либо антисоветскому давлению и подстрекательству со стороны кого бы то ни было" и не станут "искать повода к срыву

предполагаемого соглашения", что, "конечно, нанесло бы серьезный ущерб Финляндии"⁴³² .

Поскольку финское правительство не информировало в полной мере о советских предложениях даже парламент, опасаясь, что это вызовет раскол и ослабит единство нации, в Хельсинки это выступление было воспринято с раздражением. 1 ноября Эркко заявил, что предложения СССР диктуются "русским империализмом"⁴³³ . 2 ноября Швеция передала советской стороне просьбу не выдвигать на переговорах с Финляндией такие требования, которые препятствовали бы достижению взаимоприемлемого соглашения. В ответ Молотов справедливо заявил, что подобные шаги Швеции только поддерживают неуступчивость Финляндии⁴³⁴ . 3 ноября начался последний раунд переговоров. Финская делегация подтвердила свою позицию по островам Финского залива и согласилась перенести границу на Карельском перешейке до форта Инно, но категорически отказалась от предоставления в аренду СССР полуострова Ханко и других советских предложений⁴³⁵ . 4 ноября Сталин вновь доказывал финской стороне необходимость создания советской военно-морской базы на северном побережье у входа в Финский залив, предложив расположить ее на близлежащих островах в районе Ханко или продать эту территорию СССР. В итоге финская делегация решила запросить в Хельсинки согласие на передачу под советскую базу острова Юссарё, но финское руководство уже закусило удила. Вместо рассмотрения компромиссного предложения делегации было предложено либо добиться соглашения на финских условиях, либо вернуться в Хельсинки. 9 ноября состоялось последнее заседание делегаций, в ходе которого стало ясно, что стороны остались при своем мнении, и 13 ноября финская делегация покинула Москву⁴³⁶ .

При пересечении финской делегацией границы финская пограничная стража открыла огонь по советским пограничникам. В Хельсинки исход переговоров в Москве был воспринят как значительная победа неуступчивой дипломатии Эркко. Поэтому возобладало мнение, что советское руководство блефует и войны не будет, а генштаб финской армии занялся разработкой планов демобилизации призванных резервистов. Военные аналитики не допускали возможности сосредоточения крупных сил Красной Армии, рассчитывая, что финская армия сможет противостоять 15-17 советским дивизиям в течение 6 месяцев, а за это время будут найдены союзники или достигнут приемлемый компромисс. Несмотря на поступавшие сведения о развертывании советских войск, 25 ноября был сделан вывод, что войны не будет. Финские военные переоценивали собственные оборонительные возможности и надеялись на поддержку со стороны Норвегии и Швеции. Соответственно совершенно недооценивалась Красная Армия. Еще 28 октября финский генштаб сделал вывод, что "Красная Армия не станет эффективным средством ведения войны", а поэтому, "принимая во внимание внутривнутриполитическую ситуацию в СССР, советское правительство не начнет войну, хотя бы и против численно слабейшей армии"⁴³⁷ . Более того, в случае советского нападения предусматривалось перейти границу и занять ряд территорий в Карелии, что позволило бы создать базу для антибольшевистского движения в СССР.

Разрыв финской стороной переговоров спровоцировал Москву на военное решение проблемы. 3 ноября КБФ получил задачу подготовить план войны с Финляндией, который был утвержден 22 ноября. С 5 ноября на финскую границу выдвигались еще 4 дивизии. 15 ноября ЛВО получил директиву наркома обороны № 0200/оп, согласно которой Мурманская армейская группа переименовывалась в 14-ю армию, требовалось перебросить в северную часть Карелии управление 47-го стрелкового корпуса, сформировать управление 9-й армии сокращенного состава, перебросить в 8-ю армию управление 1-го стрелкового корпуса и одну

танковую бригаду, а на Карельский перешеек перебросить управление 7-й армии⁴³⁸. 17 ноября нарком обороны отдал директиву № 0205/оп, которая требовала "закончить сосредоточение и быть готовым к решительному наступлению с целью в кратчайший срок разгромить" противника и содержала конкретные задачи всем армиям ЛВО, но без указания времени начала операции⁴³⁹. На основании этой директивы Военный совет ЛВО своей директивой № 4715сс/ов от 21 ноября поставил конкретные боевые задачи армиям и флотам, отметив, что срок начала операции будет указан дополнительно. Вероятно, трудности с сосредоточением и развертыванием войск заставили советское командование отложить начало войны с Финляндией до конца ноября. 28 ноября подводные лодки КБФ вышли на позиции⁴⁴⁰.

Тем временем 17 ноября в Москву поступила докладная записка советского полпреда в Хельсинки, в которой он предлагал ряд мер для оказания давления на Финляндию. Следовало "создать обостренно напряженную обстановку на советско-финляндской границе", широко освещаемую в советской прессе, организовать демонстрации населения в Ленинграде и других городах. "Если после этих мероприятий финляндское правительство не удовлетворит наших требований, то ближайшей мерой должен явиться разрыв пакта о ненападении со всеми вытекающими последствиями, применение которых по времени должно быть осуществлено в зависимости от международной обстановки"⁴⁴¹. Начавшаяся в начале ноября антифинская кампания в прессе стала постепенно нарастать. 23 ноября Политуправление ЛВО разослало в войска директиву, в которой отмечалось, что "финляндское правительство, являясь игрушкой в руках английских империалистов, ведет линию на развязывание войны против СССР", отказалось заключить с ним договор, мобилизовало армию, ведет антисоветскую кампанию и занимается провокациями на границе. Получив независимость благодаря социалистической революции в России, Финляндия ныне использует ее "для нападения на СССР, превращая страну в плацдарм для антисоветских авантюр". Требовалось разъяснить личному составу, что "с провокаторами войны пора кончать", разоблачить ложь о стремлении СССР к советизации Финляндии, поскольку "мы идем не как завоеватели, а друзья финского народа. Красная Армия поддержит финский народ, который стоит за дружбу с Советским Союзом и хочет иметь свое финляндское подлинно народное правительство"⁴⁴².

26 ноября ТАСС сообщило, что в 15.45 финская артиллерия обстреляла советскую территорию у деревни Майнила на Карельском перешейке, в результате чего было убито 4 и ранено 9 советских военнослужащих⁴⁴³. До сих пор в историографии продолжается дискуссия относительно фактической стороны этих событий. Ныне официальную советскую версию, которая рассматривала этот инцидент как финскую провокацию, открыто поддерживают лишь отдельные авторы⁴⁴⁴. Некоторые исследователи не определяют своей позиции, ограничиваясь лишь пересказом событий⁴⁴⁵, другие осторожно предполагают, что этот инцидент могла организовать советская сторона⁴⁴⁶, а многие считают, что это был повод к войне, созданный советской стороной⁴⁴⁷.

Как бы то ни было, вечером 26 ноября Финляндии была вручена советская нота, в которой заявлялось, что "сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу Ленинграду, но и представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам". Для предотвращения новых провокаций Москва требовала отвода финских войск на 20-25 км от границы⁴⁴⁸. Эта нота вновь поставила перед финским правительством вопрос о политике в отношении СССР. В

принципе отвод войск на Карельском перешейке не нарушал бы финскую систему обороны, но это означало поддаться на советский нажим, к чему политическое руководство Финляндии было не готово. Кроме того, в Хельсинки эти советские действия воспринимались всего лишь как "война нервов", затеянная Москвой. 27 ноября советскому руководству была передана ответная финская нота, в которой отрицалась причастность финских войск к упомянутому инциденту, предлагалось создать совместную советско-финскую комиссию для его расследования и "приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы"⁴⁴⁹. Таким образом, ответ Хельсинки подтвердил, что Финляндия продолжает занимать неуступчивую позицию, а предложение об отводе советских войск от границы вызвало в Москве резкое недовольство. Советская нота от 28 ноября квалифицировала финскую позицию как глубоко враждебную к СССР и нарушающую требования пакта о ненападении. Поэтому "Советское правительство считает себя вынужденным заявить, что с сего числа оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении"⁴⁵⁰. Безусловно, подобная форма денонсации договора являлась нарушением предусмотренной в его тексте процедуры.

В тот же день на границе имели место новые инциденты в Карелии и Заполярье⁴⁵¹, которые были использованы 29 ноября советской стороной для разрыва дипломатических отношений с Финляндией. В этот день, выступая по радио, Молотов возложил ответственность за создавшееся положение на финляндское правительство, опроверг слухи о посягательстве СССР на суверенитет и независимость Финляндии и вмешательстве в ее отношения с другими странами и заявил, что СССР считает Финляндию независимой страной и готов "оказать помощь финляндскому народу в обеспечении его свободного и независимого развития". Стремление обеспечить безопасность СССР и Ленинграда, которую нельзя ставить "в зависимость от злой воли нынешних финляндских правителей", вынуждает советское правительство решать эту задачу "в дружественном сотрудничестве с финляндским народом"⁴⁵². Тем временем в Хельсинки решили вновь прибегнуть к тактике проволок, и финский посол в Москве получил от своего правительства ноту, содержащую согласие на переговоры об одностороннем отводе финских войск от границы и предложение передать возникший конфликт на решение нейтрального арбитра. Видимо, 29 ноября было последним днем, когда Финляндия еще могла бы путем серьезных уступок СССР избежать войны, но в Хельсинки подобный вариант даже не обсуждался. Более того, там продолжали считать, что положение на границе "не очень напряженное". Таким образом, мнение А.Г. Донгарова, рассматривающего вышеуказанные события 26-29 ноября 1939 г. в качестве советского ультиматума Финляндии, который был ею принят, но уже после разрыва дипломатических отношений, что дало Москве формальный повод не принимать этот ответ во внимание⁴⁵³, не соответствует действительности.

Планируя молниеносный поход против Финляндии, советское руководство намеревалось решить вопрос ее послевоенного устройства созданием просоветского марионеточного правительства, которое, как первоначально предполагалось, возглавит находившийся в Стокгольме секретарь финской компартии А. Туоминен, вызванный в Москву 13 ноября. Однако Туоминен уклонился от этой "чести", и во главе "народного правительства", которое, по мнению Москвы, должно было довольно скоро обосноваться в Хельсинки и возглавить "руководство будущей народной власти на освобожденной (от тогдашних финских властей) территории"⁴⁵⁴, был поставлен секретарь Исполкома Коминтерна О.В. Куусинен. Кроме председателя и министра иностранных дел Куусинена в состав "народного правительства"

входили Маури Розенберг (заместитель председателя и министр финансов), Аксель Анттила (министр обороны), Тууре Лехен (министр внутренних дел), Армас Эйкия (министр земледелия), Инкери Лехтинен (министр просвещения) и Пааво Прокконен (министр по делам Карелии). Считалось, что использование в пропаганде факта создания "народного правительства" и заключения с ним договора о взаимопомощи, свидетельствующего о дружбе и союзе с СССР при сохранении независимости Финляндии, позволит оказать влияние на финское население, усилив разложение в армии и в тылу.

С 11 ноября 1939 г. началось формирование первого корпуса "Финской народной армии" (первоначально 106-я горно-стрелковая дивизия), который укомплектовывался финнами и карелами, служившими в войсках ЛВО. К 26 ноября в корпусе насчитывалось 13 405 человек, а в феврале 1940 г. 25 тысяч военнослужащих, которые носили свою национальную форму, но так и не приняли участие в боях. 13 декабря 1939 г. был готов текст "Военной присяги народной армии Финляндии", составленный А.А. Ждановым по тексту присяги РККА455. Эта "народная" армия должна была заменить в Финляндии оккупационные части Красной Армии и стать военной опорой "народного" правительства. В Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был подготовлен проект инструкции "С чего начать политическую и организационную работу коммунистов (это слово зачеркнуто Ждановым. - М.М.) в районах, освобожденных от власти белых", в которой указывались практические меры по созданию народного фронта на оккупированной финской территории456. В декабре 1939 г. эта инструкция применялась в работе с населением финской Карелии, но отход советских войск привел к свертыванию этих мероприятий457.

Согласно советскому оперативному плану, на Крайнем Севере действовала 14-я армия, имевшая задачу при поддержке Северного флота занять полуострова Рыбачий и Средний и район Петсамо и, создав оборону на случай высадки десанта на Мурманском побережье и учитывая возможность участия в войне Норвегии, в дальнейшем продвигаться на Рованиemi. В Беломорской Карелии были развернуты войска 9-й армии, целью которой было стремительным ударом рассечь Финляндию в наиболее узком месте страны и, действуя через Кемиярви и Суомуссалми, выйти на побережье Ботнического залива от Кеми до Оулу. В Приладожской Карелии действовала 8-я армия, имевшая целью за 10 дней выйти на линию Йоэнсуу - Тохмаярви - Сортавала и затем ударом в тыл финским войскам на Карельском перешейке оказать содействие войскам 7-й армии в их разгроме. В последующем предусматривалось наступление на Миккели и Куопио. Основные советские силы были развернуты на Карельском перешейке в составе 7-й армии, перед которой стояла задача разгромить противостоящие войска, во взаимодействии с 8-й армией прорвать оборонительную линию финнов и выйти на фронт Хиитола - Антреа - Выборг с последующим наступлением на Хельсинки, Лахти, Хювиния. В ночь на 29 ноября штаб ЛВО получил приказ с утра 30 ноября ввести в действие директиву наркома обороны от 17 ноября и начать вторжение в Финляндию458.

Таблица 10

Соотношение сил к 30 ноября 1939 г.459

Финская армия Красная Армия Соотношение

Дивизии расчетные 14 24 1: 1,7

Личный состав 265 000 425 640 1: 1,6

Орудия и минометы 534 2 876 1: 5,4

Танки 26 2 289 1: 88

Главным операционным направлением стороны считали Карельский перешеек, на котором было сосредоточено 46,2% советских и 50,2% финских войск⁴⁶¹. Превосходство советских войск на Карельском перешейке, где финские войска занимали укрепленные позиции линии Маннергейма, которую, по мнению главнокомандующего английскими вооруженными силами генерала Керка, "никакая армия не в состоянии разбить"⁴⁶², составляло всего 63 тыс. человек, что было недостаточно для успешного наступления. Тем не менее советские войска имели задачу за 8-10 дней разгромить противника на Карельском перешейке и севернее Ладожского озера и создать условия для наступления на Хельсинки и оккупации всей страны. В 8.00 30 ноября советские войска, развернутые на границе с Финляндией, начали артиллерийскую подготовку и полчаса спустя перешли границу. Военный Совет ЛВО был "твердо уверен, что войска... с честью выполнят свой священный долг перед Родиной, полностью уничтожат белофинскую армию и тем самым навсегда закроют поджигателям войны доступ в Финский залив и к городу Ленинграду"⁴⁶³. Однако все эти оптимистичные расчеты были опрокинуты вследствие слабой подготовки советских войск к действиям на Финляндском ТВД и успешными действиями противника. В результате вместо молниеносного 15-дневного похода Красной Армии пришлось вести затяжную 105-дневную войну, которую традиционно делят на три периода.

30 ноября - 26 декабря 1939 г. проходило первое наступление советских войск⁴⁶⁴. На Карельском перешейке войска 7-й армии попали в полосу обеспечения линии Маннергейма, где немногочисленные финские отряды наносили внезапные удары, отходя от одного рубежа к другому. Лишь 4-10 декабря советские войска вышли к главной полосе линии Маннергейма на всем ее протяжении от Ладожского озера до Финского залива. 2-5 декабря советское командование требовало прорвать финские укрепления на Тайпаленйоки и создать условия для ввода в прорыв 10-го танкового корпуса для действий в тылу противника. Однако предпринятое без должной подготовки наступление привело лишь к захвату небольшого плацдарма перед финскими укреплениями. 7 декабря Мерецков был назначен командующим 7-й армии, и войска получили приказ о прорыве укреплений противника на левом фланге в районе Сумма. Тем временем правофланговая группа комкора В.Д. Грендаля 15-17 декабря предприняла попытку прорвать укрепления противника на Вуоксе, но успеха не добились. 17-21 декабря войска 7-й армии предприняли операцию по прорыву к Выборгу в районе Сумма и Ляхде, но хорошо оборудованные позиции финнов устояли, несмотря на активную артиллерийскую и авиационную подготовку. В Финляндии эти бои, которые способствовали укреплению моральной стойкости войск, окрестили "чудом Суммы", а финские войска на перешейке даже предприняли 23-24 декабря контратаку, но здесь сказались их слабая подготовка к масштабным маневренным действиям и общее превосходство в огневой мощи советских войск. Последней попыткой прорыва стала безуспешная атака группы Грендаля через озеро Суванто 25-27 декабря, а намеченная операция "Ладога" по прорыву на Выборгском направлении была 28 декабря отложена. В итоге позиционная борьба на Карельском перешейке стала фактом. 26 декабря на базе группы Грендаля была создана 13-я армия.

На фронте 8-й армии советские войска начали продвижение в Финляндию по нескольким относительно изолированным дорогам и до 8 декабря продвинулись на 50-85 км

от границы. Финское командование не могло допустить утраты этого важного района и, пользуясь медленным продвижением 7-й армии на Карельском перешейке, перебросило сюда дополнительные силы, из которых была сформирована группа полковника П. Талвела, ветерана боев 1919-1922 гг. в Карелии. 13-24 декабря в районе Толваярви финны дерзкими и умелыми действиями остановили и вынудили отступить более чем на 50 км 139-ю и 75-ю советские дивизии, после чего этот участок фронта стабилизировался до конца войны. Во второй половине декабря противник предпринял ряд атак против наступавших вдоль берега Ладожского озера 18-й и 168-й советских дивизий, которые были вынуждены прекратить наступление и перейти к обороне. 28 декабря эти советские части были блокированы с тыла. Таким образом, использовать войска 8-й армии для выхода в тыл финским войскам на Карельском перешейке не удалось.

Севернее, на фронте 9-й армии, на Кухмониemi наступала 54-я горно-стрелковая дивизия, продвинувшаяся к 6 декабря до Расти. Во второй половине декабря противник предпринял ряд контратак и, отбросив советские части, начал операцию по окружению дивизии. Севернее 163-я стрелковая дивизия 8 декабря достигла Суомуссалми, но 11 декабря противник перерезал ее коммуникации. Тогда командование 9-й армии двинуло на помощь только что прибывшую с Украины 44-ю стрелковую дивизию, которая продвигалась довольно медленно, а вскоре и совсем остановилась. На Кандалакшском направлении 122-я стрелковая дивизия к 16 декабря продвинулась на 200 км в глубь Финляндии и вышла на подступы к Кемиярви. 17-19 декабря финны нанесли контрудар, вынудив советские части отойти на 20 км до Саллы, где фронт стабилизировался.

На самом северном участке фронта советские войска 2 декабря захватили Петсамо и стали продвигаться на юг. К 18 декабря 52-я стрелковая дивизия продвинулась до 110 км Рованиемского шоссе, где и закрепились.

30 ноября - 3 декабря десанты КБФ захватили острова Сейскари, Пенисари, Лавансари, Нарви, Сурсари, Тютярсари. 6 декабря Финляндия и Швеция объявили о совместном минировании вод Аландского архипелага, а СССР с 9 декабря ввел военно-морскую блокаду Финляндии. 10 декабря советские подводные лодки потопили эстонское судно "Кассари" и германское "Больхайм". 17 декабря Шуленбург попытался узнать, не действия ли советского ВМФ стали причиной его гибели, и просил "гарантировать безопасность плавания германских судов", но Молотов заявил, что КБФ к этому не причастен. Со своей стороны Шуленбург предостерег СССР относительно опасностей плавания к берегам Англии, а Молотов отметил опасности плавания в Финляндию⁴⁶⁵. Тем не менее советское военно-морское командование 18 декабря отдало приказ не нападать на германские суда в зоне блокады. 28 декабря было потоплено финское судно "Вильпас"⁴⁶⁶.

Начало советско-финской войны приковало внимание великих держав к Северу Европы. В прессе была развернута мощная антисоветская кампания, которая активно использовала идею опасности "мировой коммунистической революции". 2 декабря 1939 г. США ввели "моральное эмбарго" на поставки в СССР авиационной техники и технологии. 3 декабря 1939 г. Финляндия обратилась в Лигу Наций, которая решила 9 декабря созвать заседание Совета Лиги для обсуждения факта советского нападения на Финляндию. СССР как член Совета был приглашен на это заседание 4 декабря, но, сославшись на отсутствие войны и дружественные отношения с "правительством Финляндской Демократической Республики", которое признавалось им в качестве единственного законного правительства Финляндии, советское правительство отказалось от этого приглашения. Тем временем созданная

Ассамблея Лиги Наций создала Комитет по финляндскому вопросу, который 12 декабря призвал СССР и Финляндию "прекратить военные действия и начать при посредничестве Ассамблеи немедленные переговоры для восстановления мира". В отличие от финского правительства, советское правительство в тот же день отклонило это предложение. В итоге 14 декабря 1939 г. под давлением США и Франции СССР был исключен из Лиги Наций.

Естественно, Москва осудила это решение Лиги Наций, которое к тому же было принято с нарушением процедуры голосования в Совете Лиги, и заявила, что СССР "избавлен теперь от обязанностей нести моральную ответственность за бесславные дела Лиги Наций", "не связан с пактом Лиги Наций и будет иметь отныне свободные руки"⁴⁶⁷. 16 декабря Лига Наций приняла резолюцию, призывавшую членов этой организации оказать помощь Финляндии, что позволило западным союзникам развернуть подготовку военных действий против СССР. Правда, в Лондоне и Париже сомневались, что они успеют оказать реальную помощь, поскольку считалось, что СССР быстро оккупирует Финляндию. Однако упорное сопротивление финских войск и трудности ТВД привели к тому, что война затянулась, и Англия и Франция получили возможность снабжать финнов вооружением и развернуть подготовку к вторжению в Скандинавию.

19 декабря по настоянию Франции Верховный совет союзников обсудил идею оккупации Скандинавии для пресечения поставок руды в Германию и оказания помощи Финляндии. Кроме того, считалось, что действия союзников на Севере Европы спровоцируют Германию на ответные меры, и это позволит втянуть ее в борьбу на периферийном ТВД и затруднить наступление против Франции весной 1940 г. Однако предложение Франции разорвать дипломатические отношения с СССР не было поддержано Англией, которая сочла его "преждевременным", рассчитывая на то, что Москва сама сделает этот шаг. Однако советская сторона не собиралась раздувать конфликт с Англией и Францией, ограничившись пропагандой с осуждением их враждебной позиции. Западные союзники развернули подготовку военного вмешательства в советско-финскую войну, надеясь, что это позволит им втянуть СССР в войну "в худшем случае на стороне Германии, в лучшем случае... один на один против всего буржуазного мира, включая Германию"⁴⁶⁸.

Из скандинавских стран наибольшую помощь Финляндии оказывала Швеция, предоставившая военной, экономической и гуманитарной помощи на 490 млн крон (19,6% бюджета), что было вполне понятно, учитывая ее географическое положение. Вместе с тем уже 4 декабря Швеция предложила свое посредничество в советско-финских отношениях, но Москва, уверенная в скорой военной победе, отклонила его. Норвегия предоставляла лишь экономическую помощь и транзит для военных материалов. Хотя 7 декабря министры иностранных дел скандинавских стран решили добиваться прекращения советско-финской войны по линии Лиги Наций, они воздержались при голосовании вопроса об исключении из нее СССР. 9 декабря ТАСС официально опроверг слухи о намерении СССР распространить военные действия на территорию других скандинавских стран⁴⁶⁹.

Позиция Германии в советско-финской войне была достаточно осторожной и определялась нежеланием вмешиваться в конфликт и стремлением использовать ухудшение отношений между СССР и англо-французскими союзниками. Официально Германия не оказывала никакой поддержки Финляндии, однако неофициально уведомила Швецию, что ее вмешательство в советско-финскую войну не станет поводом для германского вторжения, но вмешательства Англии и Франции Германия не допустит. 10 декабря Гитлер разрешил поставлять оружие Швеции, которое должно было компенсировать ей вооружение,

переданное Финляндии, что было оформлено соглашением от 27 января 1940 г. 9 декабря Молотов передал Шуленбургу выражение озабоченности советского правительства относительно транспортировки через Германию 50 истребителей из Италии в Финляндию, заявив, что поведение Италии "вызывающе" и "возмутительно" и что советское правительство не может понять содействие Германии в этом вопросе⁴⁷⁰. 11 декабря Германия ответила, что она занимает строго нейтральную позицию и никакого транзита не было. 10 декабря командование КБФ обратилось к Германии с просьбой выделить вспомогательные суда для организации снабжения советских подводных лодок для действий в Ботническом заливе, и, хотя германское руководство выразило согласие, 17 декабря Молотов заявил, что подобная просьба не была официальной⁴⁷¹.

19-22 декабря Англия и Франция призвали скандинавские страны к расширению помощи Финляндии, обещая им поддержку в случае осложнений с Москвой. В то же время английское адмиралтейство начало разработку планов минирования норвежских территориальных вод и высадки десанта в Нарвике. 27-28 декабря союзники вновь предложили Норвегии и Швеции выступить в поддержку Финляндии и обещали помощь против СССР и Германии. 31 декабря английское военное руководство представило правительству меморандум о военных последствиях вмешательства в советско-финскую войну. В качестве достойной цели для действий союзных войск на севере Европы назывались шведские железорудные разработки в Елливаре и провоцирование Германии на ответные меры для создания нового фронта, который должен был приковать значительные силы германской армии. Поддержка финнов была бы побочным эффектом операции, которую можно было бы провести в конце марта 1940 г.⁴⁷²

В англо-французской прессе началось обсуждение планов действий в Скандинавии. Понятно, что 2-4 января 1940 г. Германия заявила Норвегии и Швеции, что она против англо-французских планов втягивания нейтралов в войну. В этих условиях 3 января Швеция ответила союзникам, что ее помощь и содействие транзиту военных грузов в Финляндию не выходят за рамки нейтралитета и она не собирается вмешиваться в европейскую войну. 6 января СССР передал Норвегии и Швеции ноты, в которых, указав на факты поддержки ими Финляндии, заявил, что такие действия не только противоречат их нейтралитету, "но и могут привести к нежелательным осложнениям" в отношениях с СССР. 6 января Норвегия, а 10 января Швеция ответили, что перечисленные в советской ноте действия вызваны частной инициативой, а не являются политикой правительства, и заверили Москву, что они сохраняют и будут сохранять нейтралитет⁴⁷³.

Со своей стороны Германия учитывала возможность мирного проникновения в Скандинавию с помощью "пятой колонны" Квислинга, который 10-18 декабря 1939 г. посетил Берлин, где вел переговоры с германским руководством, убеждая его ускорить занятие Норвегии частями вермахта. В итоге 13 декабря Гитлер дал указание о предварительной проработке операции против Норвегии. 10 января 1940 г. штаб ОКВ начал разработку операции, хотя даже в среде германского военно-морского руководства не было полной уверенности в целесообразности ее проведения. 27 января для разработки операции при ОКВ был создан рабочий штаб, который 21 февраля возглавил генерал Н. фон Фалькенхорст. 29 февраля он представил Гитлеру план операции по захвату Дании и Норвегии, и 1 марта фюрер подписал директиву на проведение операции "Везерюбунг". Для ее осуществления выделялась 21-я армейская группа (7 пехотных, 2 горнопехотные дивизии и 1 мотопехотная бригада) и основные силы флота. С воздуха войска должен был

поддерживать 5-й воздушный флот, имевший до 1000 самолетов.

В ходе разработки операции главнокомандующий германским флотом Редер предлагал превратить базу "Норд" под Мурманском в главный плацдарм по захвату Нарвика. Первоначально предполагалось, что в базу будут направлены "транспорты с матчастью, а возможно, и с войсками", так как оттуда "путь для перехода к району операции короче", чем из Германии. Затем этот план был изменен, и из базы "Норд" вышел лишь танкер "Ян Веллем", который 8 апреля прибыл в Нарвик и обеспечил горючим германские корабли, высадившие десант, тогда как два танкера, шедшие из Германии, были потоплены англичанами. Этот прорыв танкера с севера сыграл важную роль в действиях германских ВМС у Нарвика. Причем советские власти выпустили танкер из Мотовского залива лишь с условием, что он не возвратится обратно⁴⁷⁴.

Тем временем на советско-финском фронте наступил период позиционной войны, продолжавшийся примерно с 27 декабря 1939 г. до 31 января 1940 г.⁴⁷⁵ Советское командование продолжало усиливать войска, действовавшие в Финляндии, совершенствовало организационную структуру, оснащение и подготовку войск. 7 января 1940 г. действовавшие на Карельском перешейке войска были объединены в Северо-Западный фронт, где было сосредоточено 26 советских дивизий. Командование фронта решило наносить главный удар в направлении Выборга, войска учились блокировать и уничтожать вражеские опорные пункты, выявляли систему обороны противника. 16 января Ставка утвердила план операции по прорыву к Выборгу, определила состав фронта и время наступления 4-6 февраля 1940 г.

В Приладожской Карелии было сосредоточено 15 советских дивизий, что в условиях слабого развития путей сообщения в этом районе само по себе было известным достижением. Однако боевые действия сторон развивались относительно вяло, попытки наступления советских войск не давали существенного успеха. Финны продолжали блокировать 18-ю и 168-ю советские дивизии, а командование 8-й армии периодически бросало вновь прибывающие войска на деблокаду этих частей. Однако в силу плохой организации контратаки обычно заканчивались лишь напрасными жертвами.

Севернее, на фронте 9-й армии, продолжались бои в районе Раата Суомуссалми, где финны, получив подкрепления, 27 декабря атаковали главные силы 163-й дивизии и вскоре в основном разгромили их, затем блокировали, а к 8 января 1940 г. разгромили и 44-ю советскую дивизию. После чего основные силы 9-й финской дивизии были брошены на борьбу с 54-й советской дивизией в районе Кухмо, где она была 29-31 января 1940 г. окончательно блокирована. Севернее 122-я стрелковая дивизия 11-16 января отошла на восток до Меркьярви, но сумела избежать окружения, продолжая маневренную войну с отрядами финских лыжников. В Заполярье 52-я стрелковая дивизия продолжала занимать оборону, а у противника не было сил для более серьезных действий, нежели диверсии на ее коммуникациях.

Затяжка войны наряду с широкой популяризацией лозунга "освободительной миссии" РККА породили в советских войсках немало "нездоровых" и "антисоветских" настроений. Если накануне и в первые недели войны преобладали шапкозакидательские настроения и ожидания быстрой победы, то с конца декабря 1939 г. Особые отделы отмечали резкое усиление отрицательных настроений в Действующей армии. Красноармеец Цепленков заявил: "С момента сближения с Германией для меня стала окончательно понятна политика Советской власти. В общем мы заделались "освободителями" и переносим революцию на

шпыках за границу". Красноармеец 554-го стрелкового полка 138-й стрелковой дивизии 7-й армии Веселов считал: "Подаем финнам братскую руку, а у нас в деревнях сидят без хлеба. Только начали войну, а уже хлеба нет. Освобождаем финский народ, которого нет. Война завязалась потому, что наши захотели просто захватить Финляндию". По мнению красноармейца 2-й роты 205-го стрелкового полка В.С. Передченко: "Наш Советский Союз влез не туда и Финляндию не победить. Только хвалятся, что в СССР много техники. Прошел месяц, а финны не поддаются. Думают, что здесь, как в Польше, забывая, что Польшу разбил немец. Мы здесь все пропадем и всех нас перебьют". Красноармеец разведроты 217-го стрелкового полка член ВЛКСМ П.П. Льяковский полагал: "Да, 11 миллионов украинцев и белорусов освободили, но такое же количество наших людей ляжет на территории Финляндии. СССР ведет войну не с целью освобождения финского народа, а с целью захвата Финляндии. Эти действия Советского правительства никак нельзя считать правильными. Это политика захвата"476 .

Помощник начальника 4-й части штаба 4-й стрелковой дивизии 13-й армии Морозов задавался вопросом: "Я не понимаю, зачем наше правительство продолжает вести войну с финнами, мы ведь достигли линии намеченной границы и опасность для Ленинграда устранена и на этом можно войну прекратить". Техник-интендант 1-го ранга 204-го противотанкового дивизиона 163-й стрелковой дивизии 9-й армии Устинов считал, что "СССР исключили из Лиги Наций. Против СССР организовалось 12 государств, все они помогают Финляндии. Положение тяжелое, положат нас всех здесь, для чего это нужно было делать, ведь теперь нашу агрессию ничем не прикроешь". Командир отделения 173-го стрелкового полка 90-й стрелковой дивизии Кривилев полагал, что "договор с народным правительством Финляндии есть только ширма, при помощи которой Советский Союз обрабатывает общественное мнение, а там, когда окончим войну, тогда восстановит Советскую власть и дело кончено"477 .

Красноармеец 54-го отдельного разведывательного батальона 8-й армии Симоненко считал: "Затеяли войну, не могли договориться мирным путем с Финляндией, нашли какое-то Народное правительство, которое ни кто не видел и не знает, возможно оно и не существует, и заключили с ним договор. Помогают рабочим и крестьянам Финляндии, которых мы также не видели. Они от нас бегут. Только народ губят. Сколько уже наших убито и ранено". По мнению красноармейца 302-го гаубичного артполка 123-й стрелковой дивизии Кузнецова, "Советский Союз хочет установить советскую власть в Финляндии, поэтому пошел на нее войной. После Финляндии очередь за Швецией. Нашим правителям понравилось забирать чужое. Польшу взяли, Эстонию и Латвию тоже, а на Финляндии подавились". Командир отделения 2-й пулеметной роты 128-й стрелковой дивизии Уральского военного округа Мокрынский считал, что "у Советского Союза политика такова, что чужой земли не хотим, но на деле стараемся всячески присвоить чужие земли. Польшу забрали, Финляндию заберут, а потом и с Турцией воевать будут"478 . В итоге Политуправление РККА своей директивой № 29 от 4 февраля 1940 г. поставило перед политорганами задачу разъяснить личному составу, что целью Красной Армии является "обеспечить безопасность наших северо-западных границ" и Ленинграда, "ликвидировать плацдарм для войны империалистов против СССР"479 .

Тем временем Англия 6 января уведомила Норвегию и Швецию, что расширение германских операций на море может потребовать от союзников действий в их территориальных водах. 7 января обе скандинавские страны просили Лондон не допускать

таких действий. 9 января Швеция довела до сведения союзников, что будет защищать свой нейтралитет, а 11 января схожую позицию заняла и Норвегия. В результате 12 января эти английские планы были отложены. В ответ на требования Англии о сокращении шведских поставок руды в Германию Швеция 23 января дала согласие на тайный транзит английских добровольцев в Финляндию. В тот же день Англия предложила Норвегии либо минировать свои территориальные воды, либо закрыть часть из них для иностранного судоходства. Естественно, норвежское правительство постаралось уклониться от столь крутых мер. Неуступчивая позиция Норвегии и Швеции заставила Англию и Францию разрабатывать иные варианты. К 16 января во Франции был разработан план десантной операции в Петсамо, который после обсуждения его Верховным советом союзников 5 февраля, несмотря на скептическое отношение к нему Англии, был принят за основу дальнейшего военного планирования. К 15 февраля был подготовлен конкретный план операции в районе Петсамо, которым предусматривалась высадка десанта и захват порта в 20-х числах марта с последующим наступлением на территорию СССР с целью захвата Кандалакши и Мурманска.

Однако английское командование было больше заинтересовано в использовании территории Норвегии и Швеции, чтобы нанести ущерб интересам Германии. Правда, английскому руководству приходилось учитывать негативные последствия нарушения нейтралитета скандинавских стран, поэтому военная подготовка велась под видом помощи Финляндии. В итоге в Лондоне был разработан план высадки десанта в Нарвике, занятия территории Норвегии и Швеции с последующей помощью Финляндии войсками союзников, которые действовали бы под видом "добровольцев". Таким образом, приняв решение оказать прямую военную помощь Финляндии примерно с 20 марта 1940 г., Англия и Франция в начале марта были готовы к отправке войск на север. Об этом были уведомлены Хельсинки, Стокгольм и Осло, и союзники ждали лишь официального обращения финнов о помощи и согласия шведов и норвежцев на пропуск войск⁴⁸⁰.

Завершение подготовки нового наступления Красной Армии ознаменовало вступление войны в решающий этап: 1 февраля - 13 марта 1940 г.⁴⁸¹ С начала февраля советское командование приступило к прорыву обороны финнов на Карельском перешейке. 1-3 февраля в районе Суммы после массированной артиллерийской и авиационной подготовки советские войска штурмовали линию Маннергейма, но существенных успехов не достигли. В ходе боев 5 февраля после многочасовой артподготовки значительная часть финских укреплений была уничтожена, хотя фронт и не был прорван. 6 февраля атаки продолжались, и лишь ввод в действие тактических резервов финнов позволил им удержать фронт. 7 февраля бои затихли, и советская сторона ограничилась лишь артобстрелом противника. Генеральное наступление войск Северо-Западного фронта началось 11 февраля с почти 3-х часовой артиллерийской и авиационной подготовки. Советские войска наносили главный удар на фронте Сумма - Ляхде, хотя бои шли почти по всему фронту. Уже в первый день наступавшим удалось вклинуться в финскую оборону на 1-1,5 км. Через три дня глубина прорыва достигла 4 км, и советское командование решило нарастить силу удара. К вечеру 14 февраля в обороне финнов была пробита брешь в 4 км по фронту и в 8-10 км в глубину. 15 февраля Маннергейм отдал приказ отвести войска на вторую оборонительную линию, а советские части продолжали расширять прорыв. 14-16 февраля войска 13-й армии также прорвали фронт, и центральная часть линии Маннергейма была преодолена.

В ночь на 17 февраля финские войска начали отход, а темп продвижения советских

частей возрос до 6-10 км в сутки. К 21 февраля советские войска вышли ко второй полосе линии Маннергейма и захватили город Койвисто и побережье Выборгского залива. На второй позиции фронт временно стабилизировался, и 26 февраля финны решились бросить в контратаку 15 своих танков, большая часть которых была потеряна без всякого результата. В итоге финское командование решило вновь отвести войска на тыловой рубеж. 28 февраля советские войска возобновили наступление по всему фронту и начали продвигаться вслед за отходящим противником к Выборгу, на подступы к которому они вышли к 3 марта. Войска 7-й армии охватывали Выборг с двух сторон. Обходивший город с востока 50-й стрелковый корпус в районе Сайменского канала попал в зону загопления, которую пришлось форсировать, прежде чем войска приблизились к финским укреплениям. С запада действовали войска 28-го и 10-го стрелковых корпусов, которые 4-8 марта по льду перешли Выборгский залив и, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, захватили плацдармы на берегу и перерезали шоссе Выборг - Хельсинки.

Тем временем восточнее Ладожского озера противники также активизировали свои операции. Усиление советских войск привело к созданию 12 февраля еще одной - 15-й - армии из соединений южной группы 8-й армии. Эти войска вновь получили приказ прорваться к Сортавала, но эта задача так и не была выполнена. Попытки деблокады 18-й и 168-й стрелковых дивизий также не удалась. 18-29 февраля финны разгромили 18-ю дивизию, хотя часть личного состава пробилась к своим. Несмотря на некоторое продвижение вперед советским войскам не удалось нанести противнику решительное поражение. Севернее 54-я дивизия продолжала сражаться в окружении до конца войны, к 122-й стрелковой дивизии подошла 88-я дивизия, а 52-я дивизия 7 марта заняла Наутси.

Но главные события происходили на Карельском перешейке, где войска 7-й армии 7-9 марта прорвались к окраинам Выборга и к 12 марта заняли часть города. Тем временем войска 13-й армии к 11 марта форсировали реку Вуоксу и создали угрозу тылу финских войск, развернутых вдоль Тайпаленйоки и Суванто. Финская армия стояла перед угрозой полного разгрома, о чем Маннергейм 9 марта доложил правительству. Все это ускорило решение финского руководства согласиться на советские условия мира. 13 марта в Выборге шли ожесточенные бои, продолжавшиеся еще 2 часа после вступления в силу соглашения о прекращении огня, но центр города так и не был взят советскими войсками.

По мере расширения советского наступления Финляндия 1, 5 и 13 февраля просила Швецию о помощи войсками и военными материалами, но шведское руководство отказалось посылать на фронт войска. 16 февраля Швеция официально заявила, что не пошлет свои войска в Финляндию и не пропустит через свою территорию иностранные войска. Эта позиция вызвала одобрение СССР и недовольство Финляндии. Норвегия также заняла выжидательную позицию, опасаясь втягивания в европейскую войну, тем более что в этот день английские ВМС захватили германское судно снабжения "Альтмарк" в норвежских территориальных водах. Швеция служила и каналом дипломатических зондажей между Москвой и Хельсинки. Еще 24 декабря шведы предложили свое посредничество, и 27 декабря советская сторона в целом поддержала эту идею. Однако Финляндия не была склонна использовать этот канал, полагая, что большее значение могло бы сыграть посредничество США или Германии. Однако в течение января 1940 г. выяснилось, что ни Берлин, ни Вашингтон не смогут взять на себя эту миссию, к тому же Москва вплоть до конца января 1940 г. отказывалась вести какие-либо переговоры с законным правительством Финляндии. Лишь после официального обращения Финляндии с просьбой о посредничестве

к Швеции, которое последовало 24 января 1940 г., советское руководство 29 января изъявило готовность вступить в переговоры об условиях достижения мира. Правда, этот зондаж не дал никаких ощутимых результатов. Новый раунд переговоров начался лишь в конце февраля, когда обстановка изменилась⁴⁸².

СССР пытался дипломатическими мерами воздействовать на Англию, не допустить ее вмешательства в советско-финскую войну. 30 января английскому МИДу было предложено "локализовать" финскую проблему в советско-английских отношениях, однако стороны по-разному понимали эту идею, и она не была претворена в жизнь⁴⁸³. Поскольку англо-французские союзники рассматривали советско-финскую войну как первый шаг СССР в направлении усиления своего влияния в Скандинавии, Москва 22 февраля 1940 г. довела до сведения Лондона, что не собирается затрагивать Норвегию и Швецию, если они не вмешаются в войну. Одновременно СССР предлагал Англии выступить посредником между ним и Финляндией для заключения мира на условиях передачи СССР всего Карельского перешейка с Выборгом и северного побережья Ладожского озера с Сортавалой и сдачи в аренду Ханко. При этом СССР был согласен оставить Петсамо за Финляндией⁴⁸⁴. В тот же день Финляндия просила Англию и Францию оказать давление на СССР, склонив его к началу мирных переговоров, но эта просьба была оставлена без последствий. 24 февраля английское правительство, одоблив советскую позицию в отношении Норвегии и Швеции, отказалось выступить посредником в советско-финских отношениях, поскольку было "не согласно с данными условиями мира"⁴⁸⁵, а главное, было не заинтересовано в прекращении войны. Понятно, что такая позиция Лондона не улучшила советско-английских отношений.

Тем временем 21 февраля Финляндия просила Швецию о посредничестве, а так как Англия отклонила аналогичную советскую просьбу, Москва согласилась на посредничество шведов. Правда, финское руководство все еще не было готово обсуждать мир на советских условиях и 23 февраля просило Швецию о посылке войск и разрешении транзита англо-французского экспедиционного корпуса, но Стокгольм обещал пропускать только добровольцев. 25 февраля Норвегия, Дания и Швеция заявили о необходимости окончания советско-финской войны. 26 февраля из Хельсинки вновь пришла просьба о разрешении транзита иностранных войск, но Швеция, сославшись на германскую угрозу, отклонила ее. Более того, Финляндии было заявлено, что если союзники попытаются самовольно высадиться на шведской территории, то Швеция выступит на стороне СССР. Поражения на фронте и жесткая позиция Швеции заставила финское руководство задуматься о мире, о чем 29 февраля была уведомена Англия. В этих условиях западные союзники вновь заверили Финляндию, что войска придут вовремя, и 1 марта финны решили не спешить с переговорами с СССР. Это вызвало раздражение Швеции, которая 1-3 марта вновь оказала давление на Хельсинки. 2 марта Англия и Франция обратились к Норвегии и Швеции за разрешением транзита войск, если будет официальная просьба Финляндии. Сроки высадки ориентировочно намечались на 20 марта, и была обещана помощь против Германии, но 3-4 марта Швеция и Норвегия вновь дали отрицательный ответ⁴⁸⁶.

Узнав о неуступчивой позиции скандинавских стран, в Хельсинки 5 марта решили отложить обращение к Англии и Франции на неделю. Согласие Финляндии с выдвинутыми СССР условиями мира позволило советскому правительству 6 марта заявить о готовности к мирным переговорам, и 7 марта финская делегация вылетела в Москву. В ходе переговоров в Москве 8-12 марта 1940 г. финская делегация, используя обычные дипломатические ухищрения, всячески старалась смягчить выдвинутые советской стороной условия мира.

Естественно, Англия и Франция своими обещаниями неограниченной помощи старались заставить Хельсинки отказаться от принятия советских предложений. 11 марта Финляндия запросила Норвегию и Швецию об их отношении к транзиту войск союзников и к оборонительному союзу с Финляндией после войны. Обе страны ответили отрицательно на первый и положительно на второй вопрос. 12 марта Англия и Франция вновь просили Норвегию и Швецию о транзите и снова получили отрицательные ответы. В тот же день по настоянию Франции союзники решили 20 марта высадить войска в Нарвике и Тронхейме, но известие о советско-финском мирном договоре привело к отмене этого решения⁴⁸⁷.

В условиях резко возросшей угрозы вмешательства в войну Англии и Франции советское руководство было вынуждено пойти на переговоры и заключение мира с законными финскими властями. Со своей стороны финское руководство, учитывая расплывчатые обещания союзников, неуступчивость Швеции и Норвегии в вопросе транзита иностранных войск и угрозу краха финского фронта под натиском Красной Армии, было вынуждено принять советские требования, и в 2.00 13 марта 1940 г. мирный договор между СССР и Финляндией был подписан. В этих условиях для Финляндии решающим было стремление сохранить армию ценой утраты территорий, чтобы в дальнейшем иметь возможность вернуть утраченное. В ходе войны советские войска потеряли 131 476 человек убитыми и пропавшими без вести, 264 908 человек ранеными и больными, безвозвратные потери составили 406 самолетов, 653 танка и 422 орудия и миномета. Общие затраты на войну превысили 7,5 млрд рублей. Серьезные потери понесли и финские войска, потерявшие убитыми и пропавшими без вести 22 830 человек, ранеными 43 557 человек, 62 самолета, 500 орудий и минометов, 50 танков⁴⁸⁸. Советско-финский договор лишил Англию, Францию и Германию удобного предлога для вмешательства в Скандинавии, но, по оценке начальников штабов английских вооруженных сил, дал "СССР возможность доминировать в Финском заливе и укрепить свои стратегические позиции в Ботническом заливе и в Прибалтике против Германии"⁴⁸⁹. 31 марта Карельская АССР была преобразована в Карело-Финскую ССР, а 9 апреля советские войска эвакуировались из Петсамо⁴⁹⁰.

Заключение мира с Финляндией 12 марта 1940 г. на фоне всеобщей радости и облегчения тем не менее также дало всплеск "нездоровых" настроений в Красной Армии. Младший командир 3-го батальона Военно-медицинского училища Добромыслов считал, что "неправильно сделало наше правительство, заключая договор с Финляндией, нужно было бить финляндскую белогвардейщину до конца". По мнению техник-интенданта 2-го ранга 39-го стрелкового полка Ясинова, "нужно было войну продолжать; заключение договора с Финляндией для нас политически невыгодно. Сколько воевали, сколько жертв понесли, а такой малой страны не могли взять". Техник боепитания 113-го артполка 8-й армии задавался вопросом: "Зачем было заключать договор, ведь мы потеряли столько людей, а теперь кончаем войну. С белофиннами рано или поздно воевать все равно придется". Красноармеец штабной батареи 113-го артполка Тихонович: "Как же так? Воевали, воевали, теряли людей, тратили средства, а теперь заключили мир. Ведь белофинны нас могут обмануть. Заключат договор, укрепятся еще сильнее, а потом опять будут провоцировать войну". Красноармеец 1-го инженерного батальона 14-й армии Очкин считал, что "наше правительство испугалось англо-французского блока, поэтому заключило договор". По мнению помощника начальника строевого отдела штаба армии капитана Тригуба, "война не выиграна, победы в этом нет. Что писалось и говорилось - все ерунда. Сделали вовсе не то, что собирались сделать и чтобы избежать дальнейших потерь вынуждены были закончить

войну. И потерь у нас больше, чем у финнов в несколько раз". Красноармеец 5-й батареи 150-го гаубичного артполка 23-го стрелкового корпуса Гребельников считал, что "это для нас позор, войну начали, а до конца не довели, значит наше правительство трусило и заключило договор"⁴⁹¹.

В начале 1940 г. норвежские территориальные воды стали местом постоянных стычек английского флота и германских судов, что вызывало протесты Германии в адрес Норвегии, а та, в свою очередь, пыталась протестовать против действий английского флота. 23 февраля был подписан норвежско-германский, 11 марта 1940 г. - норвежско-английский, а 2 апреля англо-датский договоры о торговле, в целом отражавшие временный компромисс Англии и Германии, которые готовились к оккупации Скандинавии. Начало советско-финских переговоров заставило Германию форсировать военные приготовления, поскольку прекращение войны в Финляндии могло привести к отказу Англии и Франции от высадки экспедиционного корпуса в Скандинавии, что лишало германское командование благовидного предлога для оккупации Норвегии. 7 марта ОКВ издало директиву о стратегическом развертывании сил для намеченной операции. 12 марта, в день подписания советско-финского мирного договора, войска 21-й группы были приведены в боевую готовность, однако неблагоприятные погодные условия и изменение политической обстановки не позволили начать операцию⁴⁹².

Хотя во второй половине марта 1940 г. непосредственная угроза англо-французского вторжения в Скандинавию значительно снизилась, германское руководство прекрасно понимало, что Англия не даст немцам пользоваться норвежскими территориальными водами для транспортировки руды в Германию, и 26 марта в Берлине было решено захватить Данию и Норвегию 8-10 апреля. В ночь на 3 апреля из германских портов вышли первые суда с вооружением и войсками, направившиеся в Северную Норвегию. Утром 7 апреля германский флот вышел к берегам Норвегии. Со своей стороны Франция 23 марта предложила активизировать действия в Скандинавии или на Кавказе. 28 марта Верховный совет союзников решил предупредить Норвегию и Швецию о возможных мерах против германского судоходства в их территориальных водах. Было решено минировать 5 апреля норвежские воды и подготовиться к срыву поставок шведской железной руды из Лулео. Для действий в Скандинавии в Англии были разработаны план "R-4", предусматривавший захват Нарвика примерно 10 апреля, и план "Стрэтфорд", рассчитанный на захват Ставангера, Бергена и Тронхейма примерно 6-9 апреля и дальнейшее усиление сил союзников. 1 апреля была утверждена директива по операции "R-4", которую следовало проводить в ответ на действия Германии или опасность таковых. Союзники стремились спровоцировать Германию на активные действия, что позволило бы им опередить ее и самим захватить опорные пункты в Скандинавии⁴⁹³.

5 апреля 1940 г. Англия и Франция вручили Норвегии и Швеции ноты, в которых утверждалось, что СССР планирует вновь напасть на Финляндию и создать на норвежском побережье базы для своих ВМС, и сообщалось о намечаемых действиях союзников в норвежских территориальных водах, в ответ на угрозу со стороны Германии. 6 апреля в Лондоне были утверждены директивы командованию экспедиционных отрядов в Норвегии и Северной Швеции, однако решение об их высадке все еще не было принято. 7-8 апреля английский флот начал выдвигаться к берегам Норвегии. Утром 8 апреля английские корабли приступили к минированию территориальных вод Норвегии у Нарвика. Поступавшие в Лондон и столицы скандинавских стран сведения о германских военных приготовлениях в

целом не воспринимались всерьез, поскольку чрезмерное значение придавалось английской военно-морской мощи. Правда, основное внимание англичане уделяли контролю за выходом в Атлантику, в результате чего в зоне Северного и Норвежского морей к 8 апреля соотношение военно-морских сил было лишь 1,4: 1 в пользу Англии, что позволило Германии пойти на оправданный риск и совершить высадку в Норвегии. Даже после того, как днем 8 апреля польская подводная лодка потопила германский транспорт и солдаты, спасшиеся с него, заявили, что их везли в Берген, союзники еще не сделали вывода о намерениях Германии⁴⁹⁴.

7 апреля Швеция отклонила англо-французский демарш от 5 апреля и заявила, что окажет сопротивление нарушению своего нейтралитета. 8 апреля Норвегия заявила протест Англии по поводу минирования ее территориальных вод, но решила не оказывать сопротивления союзникам. В тот же день Дания договорилась с Германией, что в случае германского вторжения она будет протестовать, но не будет сопротивляться, а советская пресса посочувствовала нейтралам. В ночь на 9 апреля германские войска вторглись в Данию и Норвегию. Германский МИД подчеркнул мирный, дружественный и вынужденный характер этого шага, предпринятого с целью упреждения англо-французского вторжения. Норвегия отклонила германскую ноту и обратилась за помощью к Англии, что, однако, не помешало норвежскому правительству вести переговоры с Германией о перемирии. Однако Германия выдвинула в ходе переговоров кандидатуру Квислинга на пост норвежского премьера, что сделало достижение соглашения невозможным. Норвегия решила обороняться, и с 12 апреля норвежские войска начали более организованное сопротивление. Как показала практика, "народные правительства" слишком негативно воспринимались в тех странах, которым их хотели навязать.

Высадка немцев в Норвегии удалась, английский флот на подходе к Бергену попал под удары люфтваффе и был вынужден отойти. В силу господства германских ВВС в воздухе морское превосходство Англии у побережья Южной Норвегии было нейтрализовано, и 9-14 апреля вермахт захватил основные центры страны. Датское правительство согласилось на капитуляцию, и оккупация страны прошла практически без единого выстрела. 12-13 апреля Англия заняла Фарерские острова, а США 12 апреля заявили о распространении доктрины Монро на Гренландию. Англия воздержалась от ее оккупации, но 10 мая заняла Исландию. Тем временем, союзники откликнулись на норвежский призыв о помощи и выделили для действий в Норвегии 8 бригад английской, французской и польской армий. 12 апреля из Англии вышли первые корабли с десантом, который был высажен 14 апреля в Соланген-Харстад. Высаженные 17 апреля в Ондальснесе 2 английские бригады должны были нанести удар через Домбос на Тронхейм, однако от Домбоса части были повернуты на юг и 21-22 апреля у озера Мьёса столкнулись с германскими войсками и были отброшены. Относительно планомерное отступление англичан сменилось 25 апреля беспорядочным бегством. В качестве подкрепления союзники высадили 23 апреля в Ондальснесе 15-ю бригаду, которая смогла лишь прикрыть отход разгромленных частей.

Высадившаяся 17 апреля в Намсусе 146-я английская бригада до 22 апреля продвигалась в сторону Тронхейма, но маневренные действия противника заставили англичан отступить. Не исправив положения и прибывшая 19 апреля в Намсус 5-я французская полубригада. Учитывая превосходство противника в воздухе, Англия смогла после ожесточенных дебатов 26-27 апреля убедить Францию начать эвакуацию из Центральной Норвегии. Получив 28 апреля соответствующий приказ, войска союзников 30 апреля - 2 мая покинули Ондальснес,

а 1-4 мая - Намсус. Южная и Центральная Норвегия оказались оккупированы Германией. Теперь союзники решили сосредоточить усилия в Северной Норвегии у Нарвика, где 28 апреля и 6 мая были высажены новые войска. 12 мая союзники начали наступление на Нарвик, который был взят лишь 28 мая. В условиях начала кампании в Западной Европе и неудач союзников во Франции 23 мая было решено эвакуировать Нарвик. В первых числах июня союзники продолжали наступление на противника, но после получения приказа об эвакуации 5 июня Нарвик покинули французские части, а 7-8 июня английские. Вся Норвегия была оккупирована Германией. В ходе Норвежской операции Германия потеряла убитыми и ранеными 5 296 чел., Норвегия - 2 500 чел., союзники - 3 761 чел., люфтваффе лишились 242 самолетов, а ВВС союзников - 112. Потери на море были более значительными. Англо-французские ВМС лишились 1 авианосца, 1 крейсера, 1 крейсера ПВО, 9 эсминцев, 6 подводных лодок, не считая более мелких единиц, а Германия потеряла 3 крейсера, 10 эсминцев, 4 подводные лодки, артиллерийское учебное судно и 10 малых судов⁴⁹⁵.

Подписав мирный договор с Финляндией, согласно которому не только устанавливалась новая граница, но стороны брали на себя обязательство воздерживаться от нападения друг на друга и не участвовать во враждебных друг другу коалициях, советское руководство внимательно следило за ситуацией в Скандинавии. Идея норвежско-шведско-финского оборонительного союза вызвала недовольство Москвы, которая 20 и 29 марта заявила о несовместимости этого союза с советско-финским договором от 12 марта 1940 г. Настораживали СССР и высказанные 24 марта обещания английского руководства пересмотреть условия советско-финского договора после победы союзников. Поэтому СССР первоначально воспринял германское вторжение в Норвегию как меньшее зло по сравнению с англо-французским десантом, что грозило финским реваншем, но по мере развития событий позиция Москвы делалась все более осторожной. 12 и 14 апреля ТАСС опровергло слухи о том, что "большинство германских войск, которые захватили Нарвик, прибыло по железной дороге через Ленинград и Мурманск"⁴⁹⁶, а 15 апреля - слухи о том, что Германия просит разрешения перебросить войска в Норвегию через территорию СССР⁴⁹⁷. В мае 1940 г. СССР поддержал выдвинутую Швецией идею нейтрализации Северной Норвегии, но эвакуация войск союзников сделала этот вопрос неактуальным.

В ходе боев в Норвегии Швеция, получив от Германии заверения, что не станет объектом военных действий, если не нарушит своего абсолютного нейтралитета, 11 апреля минировала свои западные территориальные воды и 12 апреля запретила вход в них кораблям воюющих стран. Англия и Франция пытались добиться от Швеции, чтобы она оказала помощь Норвегии, но Стокгольм уклонился от этого шага. 13 апреля Швеция запретила транзит и экспорт военных материалов по своей территории в Норвегию, а Москва просила Берлин не нарушать нейтралитет Швеции. В апреле - мае 1940 г. Швеция использовалась для транзита раненых и интернированных из Норвегии в Германию и Англию. Но в целом в вопросах транзита Швеция занимала неуступчивую позицию и даже сбивала германские самолеты, вторгавшиеся в ее воздушное пространство. 21 апреля германские и шведские военные согласовали вопросы режима норвежско-шведской границы, что способствовало общей нормализации обстановки. По мере роста успехов Германии Швеция занимала позицию все более благожелательного нейтралитета и 18 июня ответила согласием на германскую просьбу о транзите военных материалов, что привело к подписанию 8 июля соответствующего соглашения. Англия и Норвегия заявили протест, который был отклонен

Швецией. С сентября 1940 г. Германия все более увеличивала требования по транзиту, и 5 декабря было подписано новое расширенное соглашение⁴⁹⁸.

Разгром Франции и оккупация Скандинавии изменили стратегическую обстановку в Европе. Англия оказалась в блокаде и для ее облегчения стремилась создать напряженность в Норвегии для отвлечения германских ВМС. Уже в сентябре 1940 г. Англия принялась распускать слухи о подготовке десантной операции в Скандинавии. Понятно, что Германия укрепляла свою оборону, и 17 августа - 25 сентября 1940 г. на Север был переброшен горно-пехотный корпус "Норвегия". Весной 1941 г. английские и норвежские войска заняли остров Ян-Майен. 9 апреля 1941 г. было подписано американо-гренландское соглашение об обороне острова американскими войсками, в котором признавался датский суверенитет над Гренландией. 4 марта и 4 апреля 1941 г. англичане произвели высадку диверсионных групп на Лофотенских островах, что породило в Берлине опасения, что Англия готовит серьезную десантную операцию. В Лондоне действительно разрабатывались планы высадки в Ставангере и удара на Осло, а к 1 июня 1941 г. был разработан план высадки в Нарвике силами 3 пехотных дивизий и 1 танковой бригады для давления на Швецию и отвлечения германских ВМС на Север. Для оккупации Норвегии Германия использовала 3 армейских корпуса и 12 пехотных дивизий (около 150 тыс. чел.), но значение Скандинавии в военно-морской войне снизилось в связи с захватом французских портов в Бискайском заливе и нехваткой кораблей⁴⁹⁹.

Германия стремилась использовать военно-экономический потенциал Скандинавии, закупая там цветные металлы, электроэнергию и продовольствие. Расширяя торговлю с Германией, Швеция старалась сохранить свои экономические связи с Англией. 16 мая 1940 г. было подписано дополнительное англо-шведское соглашение об использовании шведского тоннажа на Западе. В начале июля было подписано шведско-германское торговое соглашение, и в 1940 г. поставки шведской руды покрыли 84% импорта руды в Германию. Стороны закупали друг у друга вооружение. 2 августа 1940 г. Швеция предложила Англии и Германии посредничество, но они отказались. 14-16 декабря 1940 г. было заключено новое экономическое соглашение с Германией на 1941 г. 7 февраля и 7 марта 1941 г. были подписаны германо-шведское и англо-шведское соглашения об океанской торговле Швеции, благодаря которым до конца года в Швецию поступило 23% импорта и 14% экспорта⁵⁰⁰.

Внимание советского руководства в Скандинавии в новых условиях было обращено в основном на Швецию и Финляндию, но прерывать отношений с Данией и Норвегией СССР не стал. 17 мая 1940 г. Дания предложила расширить экономические связи с СССР, что вызвало благоприятную реакцию Москвы. 18 сентября было подписано советско-датское соглашение о товарообороте и платежах, а 10 октября Дания просила СССР учесть ее экономические интересы в Прибалтике. В марте 1941 г. Москва предложила Копенгагену представить список претензий, значительная часть которых была учтена в подписанном 21 мая 1941 г. дополнительном протоколе к советско-датскому торговому договору. 2 июля 1940 г. СССР выразил готовность поддерживать дипломатические отношения с норвежским правительством в эмиграции. Вместе с тем советское полпредство в Осло было по просьбе Германии преобразовано с 15 июля в генеральное консульство. В дальнейшем официальные советско-норвежские отношения развивались при посредстве Германии, с которой 10 апреля 1941 г. было подписано советско-норвежское соглашение о товарообороте и платежах. 8 мая 1941 г. СССР прекратил дипломатические отношения с Норвегией⁵⁰¹.

Швеция также была заинтересована в расширении экономических связей с СССР. В

результате переговоров летом 1940 г. было установлено регулярное воздушное сообщение на линии Москва - Стокгольм и открыта пароходная линия Ленинград - Стокгольм - Штеттин. Шведская сторона передала СССР сведения о минных полях в стокгольмских шхерах. Вместе с тем 15 июня ТАСС опровергло слухи о том, что СССР "обещал оказать помощь Швеции в случае нападения на нее"⁵⁰². 7 сентября был подписан советско-шведский договор о торговле и кредите, согласно которому Швеция предоставила СССР кредит в сумме 100 млн крон на 5 лет из расчета 4,5% годовых. Импорт из СССР в Швецию возрос в 1940 г. по сравнению с 1939 г. в 2,5 раза, а советские инженеры получили возможность посещать шведские предприятия. 10 августа Швеция де-факто признала присоединение Прибалтики к СССР, но настаивала на удовлетворении своих экономических интересов в регионе. 11 октября СССР предложил Швеции компенсацию за Прибалтику, намекнув на то, что, поскольку Германия окружила Швецию, то ей следует дружить с Москвой. Начавшиеся в феврале 1941 г. в Москве переговоры завершились 30 мая подписанием советско-шведского соглашения об урегулировании имущественных претензий в отношении Прибалтики. В ноябре 1940 г. Швеция просила разрешение открыть консульства в Ленинграде, Риге и Владивостоке, но 11 апреля 1941 г. эта просьба была отклонена⁵⁰³.

Однако первостепенное значение для СССР имело урегулирование отношений с Финляндией. 29 апреля был подписан советско-финский протокол с описанием новой границы, демаркация которой была завершена 16 октября 1940 г. 4 мая 1940 г. ТАСС опровергло слухи о том, что СССР предложил Финляндии обменять некоторые территории на Аландские острова и Петсамо, а 10 мая - слухи о советско-финско-шведских переговорах о договоре взаимопомощи. В ходе выработки советско-финского торгового договора советская сторона 23 июня поставила вопрос о получении концессии на никелевые рудники южнее Петсамо или организации смешанного советско-финского общества для их разработки. Финляндия, которая в это время вела экономические переговоры с Германией, сослалась на невозможность расторжения концессии Англо-канадского АО, но выразила готовность продавать СССР 50% добычи никеля, сообщив, что в его закупке заинтересована и Германия. Советско-германская конкуренция по вопросу о никелевых рудниках дала Финляндии возможность лавировать между Москвой и Берлином, а советско-финский торговый договор и германо-финское торговое соглашение были подписаны соответственно 28 и 29 июня 1940 г. 23 июля Англия довела до сведения СССР свое согласие на приобретение Москвой концессии на эти рудники, но финское руководство продолжало ссылаться на неуступчивую позицию Лондона по этому вопросу и 27 июля заключило соглашение о поставках 60% добычи никеля в Германию, а 1 октября в обмен на поставки вооружения Германия фактически получила монополию на финский экспорт⁵⁰⁴.

Другой важной для СССР проблемой был вопрос о статусе Аландских островов. Зная о стремлении Финляндии вооружить их, Москва 27 июня 1940 г. заявила о своей готовности принять участие в этом процессе или, если финны откажутся от их милитаризации, иметь возможность контролировать положение на островах. Уже 3 июля Финляндия заявила о готовности сохранить демилитаризованную зону на Аландских островах, а СССР предложил организовать там советское консульство. Советское предложение о совместном с Финляндией и Швецией укреплении Аландских островов было отклонено. Дальнейшие переговоры показали, что Финляндия не была готова сотрудничать с СССР в этом вопросе, и стремилась интернационализировать эту проблему. Москва же настаивала на заключении соглашения, не связанного с конвенцией 1921 г., которое в итоге и было подписано 11

октября 1940 г., определив границы демилитаризованной зоны и право СССР через советское консульство контролировать режим островов⁵⁰⁵.

Создание советской военно-морской базы на Ханко требовало урегулирования вопроса о сухопутном транзите из СССР различных военных грузов. В результате переговоров 9 сентября 1940 г. было подписано советско-финское соглашение о транзите на Ханко, и 25 сентября начались переброски советских войск. 9 декабря 1940 г. заместитель командующего войсками ЛВО генерал-лейтенант Чибисов в своем доклад об итогах командировки на Ханко так оценивал стратегическое значение полуострова: "Ханко с прилегающими к нему островами, отошедшими к нам по договору вооруженный мощной береговой артиллерией, вместе с укрепленным районом Таллин прикрывает Ленинград с моря и закрывает прорыв морских сил противника в Финский залив. Район Ханко одновременно может быть использован как плацдарм для нанесения удара вглубь Финляндии. Роль Ханко становится еще более значительной при владении нами Аландскими островами, позволяющими запретить Ботнический залив и служить плацдармом для удара не только на восток по промышленному району Финляндии, но по обстановке и на запад. Крупное оперативное значение полуострова Ханко как Советского Гибралтара требует прочного обеспечения его от вторжения противника, как с суши, так и с моря"⁵⁰⁶.

Для обороны Ханко была сформирована 8-я отдельная стрелковая бригада, переданная с 1 декабря 1940 г. из состава КБФ в состав ЛВО. На 1 января 1941 г. бригада насчитывала 10 710 человек, 428 пулеметов, 189 гранатометов, 166 орудий и минометов, 49 танков, 5 бронемашин. Обороняя полуостров, бригада должна была не допустить на него и прилегающие острова войска противника, не дать возможности высадки внезапного морского и воздушного десанта и обеспечить сосредоточение и высадку подходящих советских частей в порту Ханко⁵⁰⁷. В январе 1941 г. Москва, раздраженная позицией Финляндии по никелю, отозвала полпреда из Хельсинки и увеличила численность войск на Карельском перешейке, а штаб ЛВО подготовил план новой операции против Финляндии, но до лета 1941 г. соглашение так и не было достигнуто⁵⁰⁸.

Скандинавские страны оказали значительную экономическую помощь Финляндии, которая, утратив 10% территории, была вынуждена заниматься расселением ранее проживавших там 12% населения. Война и послевоенные социально-экономические трудности способствовали усилению в руководстве Финляндии авторитарных тенденций. Оккупация Германией Норвегии, отрезавшая Финляндию от прямых связей с Англией и Францией, привела к оживлению в Хельсинки надежд на сближение с Берлином, которые еще больше усилились после капитуляции Франции. Со своей стороны Германия была заинтересована в том, чтобы использовать Финляндию как канал для снабжения своих войск в Северной Норвегии и возможный плацдарм для войны с СССР. Довольно хорошо зная о реваншистских настроениях финского руководства, Германия осторожно, но настойчиво предлагала Финляндии свои услуги для ее защиты от советской угрозы. В августе 1940 г. проходили германо-финские переговоры о транзите германских войск через территорию Финляндии и о поставках ей германского вооружения. 12 сентября было подписано соглашение о разовом транзите 5,5 тыс. военнослужащих, которое было 22 сентября официально закреплено путем обмена нотами. 21 сентября первые части вермахта высадились в Финляндии и начали продвижение в Норвегию. В сентябре 1940 г. между Берлином и Хельсинки была достигнута договоренность о координации деятельности генеральных штабов и разведок против СССР. Финляндия увеличивала военные расходы,

модернизировала армию⁵⁰⁹ .

Швеция и Финляндия настороженно восприняли события в Прибалтике в июне - августе 1940 г., а также проведенную в это же время войсками ЛВО сплошную рекогносцировку советско-финляндской границы⁵¹⁰ , что стимулировало тенденцию их взаимного сближения. В августе 1940 г. состоялись шведско-финские военно-морские маневры, в ходе которых в качестве потенциального противника рассматривался СССР. С осени 1940 г. Швеция разрабатывала планы действий на случай новой войны между СССР и Финляндией, предусматривавшие переброску 1-2 дивизий в северные районы Финляндии. Обе стороны рассматривали Германию в качестве противовеса СССР, а Финляндия связывала с Германией надежду на реванш. Во второй половине 1940 г. по предложению Германии Швеция минировала свои территориальные воды. В октябре 1940 г. Финляндия предложила Швеции обсудить вопрос о союзе, который был бы потенциально направлен как против СССР, так и против Германии. Но в декабре Москва и Берлин негативно отреагировали на эту идею, поскольку Германия надеялась поодиночке втянуть Швецию и Финляндию в войну, а СССР стремился иметь на своей границе нейтральные и разобщенные страны. По мере укрепления германо-финского союза Финляндия перестала интересоваться союзом со Швецией, и высказанное в апреле 1941 г. согласие СССР на этот союз уже не могло заинтересовать Хельсинки. 21 апреля 1941 г. Швеция была в принципе ориентирована о возможной войне Германии против СССР, и часть военных выступала за тесное сотрудничество с рейхом, но правительство решило выжидать. Уже в начале мая 1941 г. Финляндия заявила Швеции, что в случае германо-советской войны не останется нейтральной⁵¹¹ .

Понятно, что проникновение Германии в Финляндию беспокоило Москву, поэтому финский вопрос стал предметом обсуждения на переговорах в Берлине в ноябре 1940 г. Советское руководство стремилось добиться того, чтобы Германия подтвердила отнесение Финляндии к советской сфере интересов "на основе советско-германского соглашения 1939 г., в выполнении которого Германия должна устранить всякие трудности и неясности (вывод германских войск, прекращение всяких политических демонстраций в Финляндии и в Германии, направленных во вред интересам СССР)"⁵¹² . В ходе обсуждения финского вопроса на переговорах в Берлине Германия, подтвердив прошлогоднее соглашение и заявив о своей политической незаинтересованности в Финляндии, обратила внимание СССР на важность финского экспорта леса и никеля для германской экономики и необходимость недопущения нового конфликта на Балтийском море. Чтобы финский вопрос не мешал более широкому советско-германскому соглашению, советская сторона 25 ноября внесла следующее компромиссное предложение. Германские войска должны быть выведены из Финляндии, которая является сферой интересов СССР на основании соглашения 1939 г., а СССР обязуется "обеспечить мирные отношения с Финляндией, а также экономические интересы Германии в Финляндии (вывоз леса и никеля)"⁵¹³ . Но ответа на это предложение не последовало.

В Финляндии велась антисоветская и реваншистская пропаганда, поддерживалось принудительное единомыслие. Деятельность созданного 22 мая 1940 г. Общества мира и дружбы с СССР, которое к декабрю объединяло до 40 тыс. человек, всячески преследовалась финскими властями, и в декабре оно было запрещено. В это же время Германия и Финляндия достигли договоренности о совместных действиях на случай войны с СССР, и генштаб финской армии приступил к отработке конкретных военных планов. Военные контакты Германии и Финляндии расширились в первой половине 1941 г., и в ходе военных

переговоров 15-28 мая и 3-6 июня Финляндия была информирована о германских намерениях в отношении СССР, причем стороны согласовали планы военных операций. 30 мая Сталин принял финского посла в Москве и завел речь о дружественных советско-финских отношениях, которые он намеревался подкрепить поставкой 20 тыс. тонн зерна, но это уже не могло изменить позицию Финляндии, где 1 июня началась частичная мобилизация. 17 июня Финляндия официально вышла из Лиги Наций, а 18 июня начала всеобщую мобилизацию. С 7 июня началось сосредоточение германских войск в Норвегии и Финляндии для нападения на СССР. Вечером 21 июня финские подводные лодки вместе с германскими начали минировать советские территориальные воды в Финском заливе. 21 июня финские войска были приведены в состояние полной боевой готовности и утром заняли демилитаризованные Аландские острова, а германские войска заняли область Петсамо⁵¹⁴. Таким образом, стремясь использовать советско-германскую войну для осуществления своих реваншистских намерений, Финляндия примкнула к Германии в ее "Восточном походе", хотя формально, чтобы не испортить отношений с Англией и США, финское руководство не подписывало никаких документов о сотрудничестве с вермахтом и активно пропагандировало идею некой "параллельной" войны на Востоке, которую оно вело якобы совершенно самостоятельно, а не в союзе с Германией⁵¹⁵.

Скандинавия, традиционно считавшаяся периферийным регионом Европы, с началом Второй мировой войны привлекла внимание великих держав в силу своего выгодного стратегического положения. Первоначально экономическая борьба за влияние в Скандинавии развернулась между Германией и Англией, которые довольно быстро убедились в недостаточности только мирных средств влияния на скандинавские страны и начали прорабатывать варианты прямого военного вмешательства. Со своей стороны Советский Союз, добившись признания Германией сферы своих интересов в Восточной Европе и удовлетворительно для себя решив польскую и прибалтийскую проблемы, надеялся довольно быстро усилить свое военное присутствие в Финском заливе и влияние в Финляндии. Однако финское руководство, и так предубежденное в отношении СССР и получившее моральную поддержку других стран, заняло бескомпромиссную позицию. В итоге советско-финские переговоры окончились провалом, и перед советским руководством встала проблема "сохранения лица". Следовало либо признать невозможность повлиять на Финляндию, что могло негативно сказаться на поведении прибалтийских стран и сделать СССР объектом насмешек в мировой прессе, либо заставить финнов признать Советский Союз великой державой и принять советские предложения. Понятно, что демонстративная неуступчивость Финляндии и развернутая в мировой прессе кампания поддержки ее позиции не оставляла Москве иного выбора, кроме войны.

В принципе в возникновении советско-финской войны в той или иной степени были заинтересованы как Англия с Францией, так и Германия. В Лондоне и Париже советско-финский кризис рассматривался как возможность оживить советско-германские противоречия, а в Берлине надеялись на ухудшение советско-английских и советско-французских отношений. При этом никто не сомневался, что СССР быстро разгромит Финляндию, но события приняли неожиданный оборот и война затянулась. Это позволило Англии, Франции и Германии в декабре 1939 - марте 1940 г. параллельно разрабатывать планы обеспечения своих интересов в Скандинавии военным путем. Однако скандинавские страны, напуганные угрозой втягивания в войну, заняли позицию отстаивания своего нейтралитета, что, особенно после завершения советско-финской войны, ставило Англию и

Францию в сложное положение, поскольку они не желали явно нарушать международное право. Поэтому союзники сделали ставку на провоцирование Германии на действия в Скандинавии, что дало бы им прекрасный повод для собственного вторжения. Однако в Берлине понимали, что дальнейшее использование нейтралов в интересах Германии все более ограничивается Англией и Францией, и, использовав шумиху в западной прессе насчет военных планов союзников, первыми нанесли удар. К июню 1940 г. Германия оккупировала Данию и Норвегию, что дало ей прекрасную базу для развертывания военно-морских операций, хотя сил германского флота для борьбы с английским флотом было недостаточно.

Оставшиеся вне большой войны Швеция и Финляндия стали объектом военно-политической борьбы Германии и Советского Союза. В итоге Стокгольм и Хельсинки, поставленные перед выбором, предпочли ориентацию на Берлин. Правда, если Швеция все же старалась сохранить видимость нейтралитета, то Финляндия сделала ставку на поддержку Германии в попытке реванша за войну 1939-1940 гг. Версия о том, что именно советско-финская война толкнула Финляндию к сотрудничеству с Германией, не учитывает того, что политика Финляндии и до этого была антисоветской, а оккупация Германией Норвегии ставила Хельсинки перед выбором: союз с СССР или с Германией. Ясно, что Москву финны не выбрали бы никогда! Поэтому советско-финская война была лишь удобным поводом для сотрудничества с Германией. Таким образом, СССР не удалось добиться расширения своего влияния в скандинавских странах, которые были либо оккупированы Германией, либо занимали прогерманскую позицию. В этих условиях только сокрушение Германии открыло бы Москве путь к господству в Европе.

Наращивание советского военного присутствия в Прибалтике

Проблемы истории Прибалтики 1939-1941 гг. традиционно рассматривались в отечественной историографии в русле официальной позиции советского руководства, в наиболее полном виде закреплённой в исторической справке "Фальсификаторы истории". В последние годы характерное для предыдущих десятилетий официальное единомыслие сменилось выработкой альтернативных взглядов, чему способствовало расширение источниковой базы исследований⁵¹⁶. В литературе получили значительное освещение вопросы политической истории Прибалтики, но большая часть военно-исторических проблем осталась неизученной. Доступные архивные материалы позволяют устранить этот пробел и, опираясь на достижения новейшей отечественной историографии, дать комплексную оценку событий в Прибалтике на рубеже 1930-1940-х гг.

В течение межвоенного двадцатилетия Эстония, Латвия и Литва были объектами борьбы великих держав Европы за влияние в регионе. Англо-французское влияние в Прибалтике, характерное для 1920-х - начала 1930-х гг., все более ограничивалось ростом влияния Германии. В силу стратегической важности региона советское руководство также стремилось усилить там свое влияние, используя как дипломатические средства, так и активную социальную пропаганду. К концу 30-х гг. основными соперниками в борьбе за влияние в Прибалтике оказались Германия и Советский Союз. Будучи буферной зоной между Германией и СССР, прибалтийские государства оказались связаны с ними системой экономических соглашений и договоров о ненападении от 1926, 1932 и 1939 гг. Советский Союз рассматривал Эстонию и Латвию как сферу своих национальных интересов, о чем было недвусмысленно заявлено в нотах от 28 марта 1939 г. Эту же позицию советские представители отстаивали на переговорах с Англией и Францией весной - летом 1939 г. В ходе обсуждения вопросов о гарантиях прибалтийским странам и "косвенной агрессии" советское руководство убедилось, что Англия и Франция не пойдут на удовлетворение советских требований в отношении Прибалтики. Не желая связывать себе руки, в условиях отказа Франции и Англии от подобной уступки советское руководство вступило в переговоры с Германией, достижение договоренности с которой позволяло добиться усиления советского влияния в Прибалтике.

В ходе советско-германских переговоров 23 августа 1939 г. в Москве германское предложение о разделе Прибалтики на сферы интересов по линии реки Даугава натолкнулось на жесткое советское требование о признании всей Латвии зоной советских интересов. Германское руководство, слишком заинтересованное в нейтрализации СССР в предстоящей войне с Польшей, было вынуждено пойти на удовлетворение советских претензий в Прибалтике. В секретном дополнительном протоколе к советско-германскому пакту о ненападении было записано: "В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия и Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами"⁵¹⁷. Тем самым СССР добился признания своего преимущественного влияния в Эстонии и Латвии, хотя, конечно, реализовать эту договоренность можно было лишь в определенных условиях.

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, 3 сентября Англия и Франция объявили

войну Германии, а 17 сентября Красная Армия перешла советско-польскую границу. В ноте, врученной в тот же день государствам, состоявшим в дипломатических отношениях с СССР, в том числе и прибалтийским, подчеркивалось, что "в отношениях с ними СССР будет проводить политику нейтралитета"⁵¹⁸. После разгрома и раздела Польши между Германией и СССР произошло продвижение советских границ на Запад, была создана советско-литовская граница и продемонстрирована невозможность англо-французского вмешательства в дела Восточной Европы. Военно-политическое положение Прибалтики изменилось, что побудило Германию и СССР приступить к реализации своих договоренностей. 20 сентября 1939 г. в Берлине был составлен проект договора с Литвой, превращавший ее в германский протекторат, но германо-литовские переговоры так и не состоялись. 25 сентября А. Гитлер подписал директиву № 4, согласно которой следовало "держаться в Восточной Пруссии наготове силы, достаточные для того, чтобы быстро захватить Литву, даже в случае ее вооруженного сопротивления"⁵¹⁹. В тот же день в ходе начавшихся советско-германских контактов об урегулировании польской проблемы СССР предложил обменять территорию Варшавского и Люблинского воеводств на Литву и сообщил о желании заняться решением проблем Прибалтики⁵²⁰.

Для новейшей отечественной историографии характерна дискуссия о заключении договоров о взаимопомощи между СССР и прибалтийскими странами. Сторонники официальной версии продолжали утверждать, что с началом Второй мировой войны в этих странах обострилась классовая борьба, возросла угроза их захвата Германией, а следовательно, им не оставалось другого выхода, кроме заключения договоров о взаимопомощи с СССР, на которые их правительства пошли под давлением населения⁵²¹. Как правило, отвергается всякая связь этих договоров с советско-германской договоренностью о разделе сфер интересов в Восточной Европе⁵²². Лишь А.С. Орлов отмечает, что по договору от 28 сентября 1939 г. СССР получил свободу рук в отношении Прибалтики и, для того чтобы создать предполье, обезопасить себя от вторжения Германии и задержать вермахт вдали от своих границ, заключил с прибалтийскими государствами договоры о взаимопомощи⁵²³. Сами договоры оцениваются как вполне законные (что это означает, похоже, не ясно самим авторам) и выгодные обеим сторонам⁵²⁴. Но есть и более критические оценки, согласно которым советско-германские договоренности предопределили судьбу стран Прибалтики и положили конец их независимости; переговоры велись советской стороной с позиции силы под угрозой военного вторжения, что и привело к подписанию договоров о взаимопомощи⁵²⁵. Чья же точка зрения наиболее убедительна? Для ответа на этот вопрос подробно рассмотрим ход событий

В Прибалтике начало войны в Европе усилило опасения быть втянутыми в события и побудило ввести в действие законы о нейтралитете. Одновременно эти страны стали рассматривать возможность экономического сближения с СССР, предложив, со своей стороны, переговоры о расширении товарооборота, что было положительно оценено Москвой. Появившиеся слухи о советско-германском разделе Прибалтики вызвали озабоченность у руководства этих стран, которое обратилось за разъяснениями в дипломатические представительства Германии и СССР. Дипломаты обеих стран сделали ряд общих заявлений, более или менее уверенно отрицая наличие такой договоренности. В частности, советские полпреды ссылались "на выступления руководства и печати Советского Союза, на мирные традиции нашей внешней политики, на постоянное стремление Советского Союза помочь малым странам сохранить свое самостоятельное и независимое

существование"526 . В прибалтийских странах наблюдались противоречивые настроения: часть правящих и состоятельных кругов была согласна продолжать сближение с Германией, значительная часть населения придерживалась антигерманской ориентации и видела реальную возможность для сохранения национального существования в опоре на СССР, а часть левых кругов не исключала возможности присоединения к Советскому Союзу.

Пока 13-21 сентября шли советско-эстонские экономические переговоры, советское руководство тщательно готовилось к решению политических проблем. Бегство интернированной польской подводной лодки 18 сентября из Таллина вызвало недовольство Москвы, опасавшейся ее действий против советского судоходства. 19 сентября В.М. Молотов заявил эстонскому посланнику, что СССР возлагает ответственность за это происшествие на Эстонию и советский Краснознаменный Балтийский флот (КБФ) будет искать эту лодку по всему Финскому заливу. Тем самым была установлена морская блокада, сопровождавшаяся вторжением советских кораблей в территориальные воды Эстонии и обстрелом ее побережья. 24 сентября для подписания договора о торговле эстонский министр иностранных дел К. Сельтер выехал в Москву, где в 21 час начались его переговоры с Молотовым. От обсуждения экономических проблем Молотов перешел к проблемам взаимной безопасности и предложил "заключить военный союз или договор о взаимной помощи, который вместе с тем обеспечивал бы Советскому Союзу права иметь на территории Эстонии опорные пункты или базы для флота и авиации". Сельтер пытался уклониться от обсуждения договора, ссылаясь на нейтралитет, но Молотов заявил, что "Советскому Союзу требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море. Если Вы не пожелаете заключить с нами пакт о взаимопомощи, то нам придется искать для гарантирования своей безопасности другие пути, может быть, более крутые, может быть, более сложные. Прошу Вас, не принуждайте нас применять силу в отношении Эстонии".

В ответ на замечание Сельтера о том, что возможно недовольство Германии и необходимо информировать правительство и парламент, Молотов заявил, что "это дело срочное. Советую вам пойти навстречу пожеланиям Советского Союза, чтобы избежать худшего. Не принуждайте Советский Союз применять силу для того, чтобы достичь своих целей. Рассматривая наши предложения, не возлагайте надежд на Англию и Германию. Англия не в состоянии что-либо предпринять на Балтийском море, а Германия связана войной на Западе. Сейчас все надежды на внешнюю помощь были бы иллюзиями. Так что Вы можете быть уверены, что Советский Союз так или иначе обеспечит свою безопасность". После некоторого перерыва эстонской делегации был вручен проект договора о взаимопомощи, а подписание договора о торговле было отложено до следующего визита Сельтера в Москву с ответом на советское предложение. Вернувшись 25 сентября в Таллин, Сельтер информировал о советских предложениях германского посланника и попытался получить поддержку Финляндии и Латвии, которые решили не вмешиваться, а Германия посоветовала удовлетворить советские требования527 .

Тем временем на границе Эстонии и Латвии создавалась советская военная группировка. Еще 13 августа 1939 г. в Ленинградском военном округе (ЛВО) приказом наркома обороны маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова № 0129 была сформирована Новгородская армейская группа, преобразованная 14 сентября в 8-ю армию, управление которой дислоцировалось в Пскове. В Калининском военном округе (КалВО) по мобилизации была развернута 7-я армия, которая согласно директивам наркома обороны №

16664 и 16668 от 14 сентября была с 15 сентября передана в оперативное подчинение Военного Совета ЛВО. Директивой № 16669 от 14 сентября нарком обороны определил состав войск прикрытия территории ЛВО на Кингисеппском (11-я стрелковая дивизия, 447-й корпусной артполк) и Псковском (управление 1-го стрелкового корпуса, 49-я, 56-я и 75-я стрелковые дивизии) направлениях. Согласно директиве наркома обороны № 030 от 25 сентября, войска 7-й армии приступили к сосредоточению на латвийской границе, а управление армии передислоцировалось в Идрицу. С 25 сентября начались разведывательные полеты советских самолетов над Эстонией. 26 сентября в штабе ЛВО была получена директива наркома № 043/оп, согласно которой требовалось "немедленно приступить к сосредоточению сил на эстоно-латвийской границе и закончить таковое 29 сентября 1939 г." Между Финским заливом и Чудским озером разворачивался Отдельный Кингисеппский стрелковый корпус, южнее Псковского озера - войска 8-й армии, а в районе Себеж, Юхневичи, Клястицы соединения 7-й армии, в состав которой была включена часть войск 3-й армии Белорусского фронта, сосредоточенных на левом берегу Западной Двины 26-29 сентября.

Войскам была поставлена задача "нанести мощный и решительный удар по эстонским войскам, для чего: а) Кингисеппской группой быстро наступать на Везенбург, Тапе, Таллин; б) 8-й армии разбить войска противника и наступать на Юрьев [Тарту] и в дальнейшем - совместно с Кингисеппской группой на Таллин, Пернов [Пярну], выделив для обеспечения своего фланга одну танковую бригаду и 25-ю кавдивизию в направлении на Валк. В случае выступления латвийских воинских частей на помощь эстонской армии [наступать] в направлении от Валка на Ригу; в) 7-й армии - прикрыть операции ЛВО со стороны латвийской границы. В случае выступления или помощи латвийской армии эстонским частям, 7-й армии быстрым и решительным ударом по обеим берегам реки Двины наступать в общем направлении на Ригу". КБФ получил задачу "уничтожить эстонский флот", нанести "удар по морским базам" Эстонии и "содействовать наступлению сухопутных войск ЛВО". Нарком обороны требовал подготовить к 27 сентября план операции и предупредил, что "о времени перехода в наступление будет дана особая директива". В 17.45 28 сентября нарком обороны сообщил командующему ЛВО об утверждении представленного плана операции против Эстонии. "Начало операции по особому моему указанию. Продолжать срочным порядком сосредоточение войск, подвоз горючего, боеприпасов и организацию связи и управления войсками. При постановке задач частям избегать разрушения железнодорожных мостов. Балтфлоту поставить задачей не уничтожение флота противника, а захват его, приняв меры к недопущению ухода его в нейтральные воды Финляндии или Швеции" 528 .

В тот же день командующий ЛВО отдал соответствующие приказы войскам. Отдельному Кингисеппскому стрелковому корпусу приказом № 4413 предписывалось к утру 29 сентября закончить сосредоточение на границе. "По получении особого приказа корпусу перейти в наступление с задачей во взаимодействии с КБФ захватить переправы через р. Нарова, уничтожив Нарвскую группу противника, овладеть Везенбург, имея конечной задачей занять Таллин". 8-я армия получила задачу разбить Изборско-Печерскую группу противника и, наступая на Юрьев, совместно с Кингисеппским стрелковым корпусом овладеть Таллин, Пернов. КБФ было приказано к утру 29 сентября быть в полной боевой готовности для того, чтобы, получив приказ, нанести удар по военно-морским базам Эстонии, захватить ее флот, не допустив его ухода в нейтральные воды Финляндии и Швеции, поддерживать артогнем сухопутные войска на побережье и иметь в виду высадку 4-

тыс. десанта по особому приказу. В случае выступления Латвии следовало захватить и ее флот⁵²⁹.

В 1.00 29 сентября командующий ЛВО приказал 7-й армии: "Сосредоточение войск... к латвийской границе на фронте Красный, Себеж, оз. Освейское, Придруйск закончить к исходу 29.09, имея их в полной боевой готовности... Задача 7-й армии прикрыть операции ЛВО против Эстонии со стороны латвийской границы. В случае выступления или помощи Латвийской армии эстонским частям, 7-й армии, по особому приказу быстрым и решительным ударом по обоим берегам р. З. Двина, наступать в общем направлении на Рига." Справа действуют войска 8-й армии, чей левый фланг "в сторону Валк обеспечивается 1-й тбр и 25-й КД, усиленных двумя СП на автомашинах, которые в случае выступления или помощи Латвийских воинских частей Эстонской армии, действуют в направлении Рига. [...] О времени перехода в наступление будет дана особая директива... Всю подготовку и занятие исходного положения провести скрытно, в исходном положении войска должны быть замаскированы"⁵³⁰.

Таблица 12

Советская группировка на 28 сентября - 6 октября 1939 г.⁵³¹

* Включен в состав армии с 12.00 6 октября.

Таблица 13

Численность и вооружение войск на 28 сентября - 6 октября 1939 г.

Войска Личный состав Орудия Танки Бронемашины Автомашины

ОСК 35 448 402 243 14 1 473

8-я А 100 797 1 133 1 075 142 6 296

7-я А 169 738 1 225 759 87 7 538

3-я А 193 859 1 378 1 078 197 9 011

Итого* 437 235 3 635 3 052 421 21 919

* Общий итог выведен без учета двойного счета войск 4-го СК.

Со своей стороны эстонская армия также провела ряд мероприятий на случай войны, завершив к 27 сентября все предмобилизационные приготовления. Оказавшись перед дилеммой: договор или война, эстонское руководство в итоге сделало выбор в пользу соглашения, и 27 сентября эстонская делегация вновь вылетела в Москву. В тот же день в газете "Известия" появилась официальная информация о советско-эстонских переговорах, а советское радио сообщило о потоплении в Финском заливе неизвестной подводной лодкой советского судна "Металлист". В ходе начавшихся в 20.30 27 сентября переговоров Молотов, ссылаясь на потопление "Металлиста", выдвинул требование "в течение нынешней войны в Европе держать в разных" местах Эстонии 35-тысячный гарнизон советских войск. Эстонская делегация отказалась, и тогда в переговорах принял участие Сталин, который назвал цифру в 25 тыс. человек минимально необходимой, используя в качестве аргумента следующее соображение: "Не должно быть слишком мало войск - окружите и уничтожите". В ответ Сельтер, отстаивавший цифру в 15 тыс. человек, заявил: "Это оскорбительно. Мы заключаем союзный договор, а Вы говорите так, будто мы злейшие враги, которые все время должны опасаться нападения друг друга".

Выработка договора и споры о местах базирования советского флота в Эстонии продолжились на следующий день, и поздно вечером 28 сентября договор о взаимопомощи сроком на 10 лет, предусматривавший ввод 25 тыс. контингента советских войск, был согласован и подписан. После обмена ратификационными грамотами 4 октября 1939 г. он

вступил в силу. Одновременно было подписано Соглашение о торговом обороте между СССР и Эстонией на период с 1 октября 1939 г. до 31 декабря 1940 г. Сталин добродушно "поздравил" Сельтера: "Могу Вам сказать, что правительство Эстонии действовало мудро и на пользу эстонскому народу, заключив соглашение с Советским Союзом. С Вами могло бы получиться как с Польшей"⁵³².

Интересно отметить, что сведения о советском военном нажиме на Эстонию были известны уже в то время. Так, преподаватель Военно-медицинского училища батальонный комиссар Г.М. Иконников, читая в начале 1940 г. лекции студентам 5 курса Ленинградского автодорожного института, излагал эти события следующим образом: "На Эстонию с нашей стороны был оказан военный нажим с предоставлением нескольких часового ультиматума, что если не примет предложение Советского правительства, то по истечении установленного срока наша Красная Армия оккупирует эстонскую территорию. После такого ультиматума министр иностранных дел Эстонии Сельтер прилетел на самолете в Москву для подписания пакта. Ввод наших частей Красной Армии в Прибалтийские государства аналогичен такому примеру, как пустить приятеля в свою квартиру, который сначала заняв одну комнату, затем захватит всю квартиру и выживет из нее самого хозяина". За подобную информацию Иконников был 24 марта 1940 г. исключен из членов ВКП(б), а его делом занялся Особый отдел ГУГБ НКВД⁵³³.

Любопытно, что эта оценка будущих последствий ввода Красной Армии в Прибалтику не сильно расходилась с ныне известным мнением Сталина, высказанным 25 октября 1939 г. секретарю ИККИ Г. Димитрову: "Мы думаем, что в пактах о взаимопомощи (Эстония, Латвия и Литва) нашли ту форму, которая позволит нам поставить в орбиту влияния Советского Союза ряд стран. Но для этого нам надо выдержать - строго соблюдать их внутренний режим и самостоятельность. Мы не будем добиваться их советизации. Придет время, когда они сами это сделают!"⁵³⁴

Тем временем в Москве 27 сентября в 22.00 начались переговоры с Германией, на которых затрагивались и прибалтийские проблемы. Министр иностранных дел Германии И. Риббентроп, зная от германского посланника в Таллине о советских предложениях Эстонии и полагая, что "это, очевидно, следует понимать как первый шаг для реализации прибалтийского вопроса", просил советское правительство сообщить, "как и когда оно собирается решить весь комплекс этих вопросов". Выслушав заявление Сталина о намерении СССР создать военные базы в Эстонии "под прикрытием договора о взаимной помощи", Риббентроп спросил, "предполагает ли тем самым Советское правительство осуществить медленное проникновение в Эстонию, а возможно и в Латвию, Сталин ответил положительно, добавив, что, тем не менее, временно будут оставлены нынешняя правительственная система в Эстонии, министерства и так далее. Что касается Латвии, Сталин заявил, что Советское правительство предполагает сделать ей аналогичные предложения. Если же Латвия будет противодействовать предложению пакта о взаимопомощи на таких же условиях, как и Эстония, то Советская Армия в самый краткий срок "расправится" с Латвией. Что касается Литвы, то Сталин заявил, что Советский Союз включит в свой состав Литву в том случае, если будет достигнуто соответствующее соглашение с Германией об "обмене" территорией". Оценивая позицию стран Прибалтики, Сталин полагал, что "с их стороны в настоящее время не предвидятся никакие эскапады, потому что все они изрядно напуганы". В итоге переговоров польская и литовская проблемы были решены на основе взаимных уступок сторон, и в соответствии с подписанным 28

сентября советско-германским договором о дружбе и границе и секретным дополнительным протоколом Литва была передана в сферу интересов СССР⁵³⁵.

Латвийское руководство, заинтересованное в расширении экономических отношений с СССР, внимательно изучало эстонский опыт и, учитывая рост советского влияния в Восточной Европе, было согласно договориться на условиях, аналогичных эстонским. 2 октября Латвийское Телеграфное Агентство сообщило, что "Латвия готова приступить к пересмотру своих внешних отношений, в первую очередь с СССР. Правительство поручило министру иностранных дел Мунтерсу немедленно направиться в Москву, чтобы войти в прямой контакт с правительством СССР". В тот же день в 21.30 в Кремле началась первая беседа В. Мунтерса с советским руководством, от имени которого Молотов предложил упорядочить советско-латвийские отношения, поскольку "нам нужны базы у незамерзающего моря". Его поддержал Сталин, заявивший, что "если мы достигнем соглашения, то для торгово-экономических дел имеются очень хорошие предпосылки". Обосновывая позицию СССР, Молотов указал, что "то, что было решено в 1920 г., не может оставаться на вечные времена. Еще Петр Великий заботился о выходе к морю. В настоящее время мы не имеем выхода и находимся в том нынешнем положении, в каком больше оставаться нельзя. Поэтому хотим гарантировать себе использование портов, путей к этим портам и их защиту". Попытки Мунтерса отклонить советские претензии вызвали довольно откровенную реплику Сталина: "Я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся... если не мы, то немцы могут вас оккупировать. Но мы не желаем злоупотреблять... Нам нужны Лиепая и Вентспилс..."⁵³⁶

Выработка условий договора проходила при настойчивом давлении советской стороны и медленных уступках латвийской делегации. Тем временем 1 октября начальник Генштаба РККА своим приказом № 074 внес изменения в директиву наркома № 043/оп, распорядившись перегруппировать основную часть войск 8-й армии к югу от реки Кудеб на границу с Латвией. В тот же день по приказу наркома обороны была произведена воздушная разведка латвийской территории. В итоге переговоров 5 октября был подписан договор о взаимопомощи сроком на 10 лет, предусматривавший ввод в Латвию 25-тысячного контингента советских войск. Договор вступил в силу 14 октября после обмена ратификационными грамотами. 18 октября было подписано советско-латвийское торговое соглашение на период с 1 ноября 1939 г. по 31 декабря 1940 г.⁵³⁷

Как только СССР и Германия договорились о передаче Литвы в сферу советских интересов, Молотов 29 сентября вызвал ее посланника в Москве Л. Наткевичуса и заявил ему, что следовало бы начать прямые переговоры о внешнеполитической ориентации Литвы. Уже 1 октября литовское правительство согласилось делегировать в Москву министра иностранных дел Ю. Урбшиса. На начавшихся в 22 часа 3 октября переговорах Сталин сообщил литовской делегации о советско-германском соглашении относительно раздела Литвы. Протест Урбшиса приглушался желанием получить Вильнюс, который советская сторона предложила как приманку в обмен на договор о взаимопомощи. Делегации были переданы советские проекты документов, и 4 октября она возвратилась в Каунас. Литовское правительство решило отказаться от размещения советских войск, но выразило готовность иметь тесное сотрудничество с Москвой в военной области. На новых переговорах выяснилось, что СССР настаивает на размещении войск, намекая, что в противном случае Вильнюс может быть передан Белорусской ССР⁵³⁸.

В качестве дополнительного аргумента на границах Литвы была развернута 3-я армия Белорусского фронта. Перед литовским правительством встал вопрос: подписать требуемый

СССР договор с размещением гарнизонов и получить Вильнюс и Виленскую область или не подписывать договор, не получить Вильнюса и вступить в конфликт с СССР. Убедившись в невмешательстве Германии, литовское руководство решило принять советское предложение, и 10 октября был подписан "Договор о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой" сроком на 15 лет, предусматривавший ввод 20-тысячный контингента советских войск. 15 октября было подписано советско-литовское торговое соглашение на период с 1 ноября 1939 г. по 31 декабря 1940 г.⁵³⁹

Таким образом, договоренности с Германией о разделе сфер интересов и война в Европе стали теми необходимыми условиями, при которых советское руководство могло достаточно свободно действовать в отношении Прибалтики. Советский Союз приступил к реализации своих прав на сферу интересов с заключения договоров о взаимопомощи, пользуясь традиционной практикой военно-политического давления и посулов в зависимости от конкретной обстановки применительно к каждой прибалтийской стране. Лишенные поддержки великих держав Европы, прибалтийские страны оказались один на один с требованиями советского руководства. Поэтому трудно не согласиться с мнением С.В. Волкова и Е.В. Емельянова, полагающих, что "разумеется, эти договоры не были бы подписаны правительствами Эстонии, Латвии и Литвы, если бы они не знали, что Германия отказалась от своей гегемонии в Прибалтике". Однако мнение авторов о том, что "в реальной обстановке 1939 г. другой альтернативой договорам, заключенным в Москве с 28 сентября по 10 октября, могла стать лишь оккупация прибалтийских республик германскими войсками"⁵⁴⁰, представляется надуманным и противоречит реальным фактам. Как мы видели, реальной альтернативой этим договорам могла стать оккупация Прибалтики Красной Армией, и именно эта угроза вынудила правительства Эстонии, Латвии и Литвы подписать договоры о взаимопомощи, которые расценивались ими как меньшее из зол. С 10 октября 1939 г. советско-германская договоренность по Прибалтике была подтверждена соответствующими договорами. В этих условиях руководящие круги прибалтийских государств старались не обострять отношения с СССР, надеясь в будущем избавиться от обременительной советской опеки.

Теперь Москве следовало реализовать полученное право на ввод войск в Прибалтику. На основании директивы наркома обороны № 071 от 30 сентября была образована военная комиссия под председательством командующего войсками ЛВО командарма 2 ранга К.А. Мерецкова, целью которой было "совместно с представителями Правительства Эстонии установить пункты размещения и обсудить вопросы устройства частей Красной Армии". Директива устанавливала примерные районы дислокации войск и сроки работы комиссии. Переговоры военных делегаций сторон завершились 11 октября подписанием соглашений о размещении войск и базировании флота в районах Палдиски, Хаапсалу, на островах Эзель и Даго. В Хаапсалу советские войска размещались на время войны в Европе, но не более чем на 2 года, а КБФ на период сооружения баз получил право в течение 2 лет базироваться в Роукюла и Таллине. Был оговорен порядок снабжения и посещения судами третьих стран районов базирования флота, причем полностью сохранялся суверенитет Эстонии, но учитывались и интересы советского флота. В соответствии с этими договоренностями в 8 часов утра 18 октября 1939 г. начался ввод в Эстонию частей Красной Армии. В Эстонию вводились части 65-го особого стрелкового корпуса (ОСК) и Особой группы ВВС, общей численностью 21 347 человек, 283 танка, 54 броневедомома и 255 самолетов⁵⁴¹.

Сходным порядком началась реализация договора с Латвией. В данном случае председателем комиссии Красной Армии был назначен командующий войсками КалВО комкор В.И. Болдин. Военные комиссии сторон к 23 октября выработали ряд соглашений по размещению советских войск, пунктами базирования которых становились Лиепая, Вентспилс, Приекуле и Питрагс. Ввод морских сил должен был начаться 23 октября, а сухопутных войск в район Вентспилс - Питрагс - 29 октября, в район Лиепая - 30 октября. 23 октября в Лиепая прибыл крейсер "Киров" в сопровождении эсминцев "Сметливый" и "Стремительный". В 11 часов утра 29 октября на станцию Зилупе прибыл первый эшелон советских войск. Согласно договоренности, в Латвию прибыли части 2-го ОСК и 18-й авиабригады, в которых насчитывалось 21 559 человек⁵⁴².

Согласно директиве наркома обороны № 3427сс от 15 октября 1939 г. военную комиссию на переговорах с Литвой возглавлял командующий войсками Белорусского фронта командарм 2 ранга М.П. Ковалев. Советская делегация намеревалась вести переговоры о размещении войск в Вильнюсе, Каунасе, Шауляе, Укмерге и Алитусе, но литовская сторона категорически отказалась обсуждать такую дислокацию советских войск, предлагая разместить гарнизоны ближе к германской границе. Переговоры с Литвой завершились 28 октября подписанием соглашения о размещении советских войск в районах Новая Вилейка, Алитус, Приенай, Гайжуны. ВВС должны были разместиться в Алитусе и Гайжунах и, кроме того, получить ряд оперативных аэродромов. Войска, расположенные в Новой Вилейке и Порубанке, считались уже введенными, а остальные должны были быть введены 3 ноября. Но церемония ввода войск состоялась лишь в 10 часов 15 ноября и носила чисто символический характер, поскольку советские войска уже находились в Вильнюсе, т.е. на территории Литвы. 15-17 ноября большая часть войск была выведена из Вильнюса в места постоянной дислокации. В Литве разместились части 16-го ОСК, 10-й истребительный и 31-й среднебомбардировочный отдельные авиаполки, общей численностью 18 786 человек. Окончательно советские войска покинули Вильнюс 15 декабря 1939 г.⁵⁴³ Общее руководство всеми советскими войсками в Прибалтике согласно приказу наркома обороны № 0187 от 27 ноября 1939 г. был возложен на его заместителя командарма 2 ранга А.Д. Локтионова⁵⁴⁴.

Заключение договоров с СССР и ввод частей Красной Армии в Прибалтику породили у некоторых слоев местного населения радикальные "советизаторские" настроения, которые в определенной степени нашли отклик у советских дипломатов в Таллине, Риге и Каунасе. Советское руководство, как уже говорилось, всеми силами стремившееся избежать нежелательного впечатления от договоров, прореагировало достаточно быстро и жестко. 14 октября 1939 г. Молотов указал полпреду в Каунасе Н.Г. Позднякову: "Всякие заигрывания и общения с левыми кругами прекратите". 21 октября нарком иностранных дел еще раз напомнил, что "малейшая попытка кого-либо из вас вмешаться во внутренние дела Литвы повлечет строжайшую кару на виновного... Следует отбросить как провокационную и вредную болтовню о "советизации" Литвы". 20 октября недовольство Москвы вызвала корреспонденция ТАСС из Таллина, и полпред К.Н. Никитин получил указание давать твердый отпор любым действиям, которые можно истолковать как намерение "советизировать" Эстонию. 23 октября Молотов обязал Никитина "пресекать всякие разговоры о "советизации" Эстонии, как выгодные и удобные в данный момент лишь провокаторам и врагам СССР" и не вмешиваться во внутренние дела Эстонии⁵⁴⁵.

Командование 65-го, 2-го и 16-го особых стрелковых корпусов получило 25 октября приказы наркома обороны №№ 0162, 0163, 0164 соответственно, согласно которым войска

не имели права вмешиваться во внутренние дела Эстонии, Латвии и Литвы, а "настроения и разговоры о "советизации", если бы они имели место среди военнослужащих, нужно в корне ликвидировать и впредь пресекать самым беспощадным образом, ибо они на руку только врагам Советского Союза" и прибалтийских стран⁵⁴⁶ .

Выступая 31 октября на сессии Верховного Совета СССР, Молотов заявил, что "особый характер указанных пактов взаимопомощи отнюдь не означает какого-либо вмешательства Советского Союза в дела Эстонии, Латвии и Литвы, как это пытаются изобразить некоторые органы заграничной печати. Напротив, все эти пакты взаимопомощи твердо оговаривают неприкосновенность суверенитета подписавших его государств и принцип невмешательства в дела другого государства. Эти пакты исходят из взаимного уважения государственной, социальной и экономической структуры другой стороны и должны укрепить основу мирного, добрососедского сотрудничества между нашими народами. Мы стоим за честное и пунктуальное проведение в жизнь заключенных пактов на условиях полной взаимности и заявляем, что болтовня о "советизации" Прибалтийских стран выгодна только нашим общим врагам и всяким антисоветским провокаторам"⁵⁴⁷ . В итоге первоначальные опасения части общественности прибалтийских государств в отношении намерений СССР постепенно отступали на задний план.

Как справедливо отмечают А.Г. Донгаров и Г.Н. Пескова, политика полного невмешательства СССР во внутренние дела прибалтийских стран объяснялась нежеланием обострять отношения с Англией и Францией и неясностью перспектив войны в Европе⁵⁴⁸ . Строго придерживаясь своей линии на полное невмешательство во внутренние дела Эстонии, Латвии и Литвы, советское руководство внимательно следило за ситуацией в Европе и Прибалтике. По мере выполнения договоров о взаимопомощи перед сторонами возникали все новые и новые проблемы, для решения которых с ноября 1939 г. по май 1940 г. неоднократно велись переговоры разного уровня и были заключены соглашения, конкретизирующие отдельные стороны пактов. Ими регулировались вопросы аренды, железнодорожных перевозок, организации строительства, связи, санитарного обеспечения и юридического положения военнослужащих, о военторгах, о порядке въезда и выезда комсостава и их семей и т.п. Для контроля за реализацией условий пактов и разрешения спорных вопросов были созданы смешанные комиссии. Постепенно советские войска обживались в прибалтийских гарнизонах⁵⁴⁹ .

В историографии вопрос о выполнении договоров вызывает разногласия. Большинство авторов отмечает, что, несмотря на определенные трения, стороны в целом соблюдали условия договоров⁵⁵⁰ . Вместе с тем отношения сторон были далеки от идиллических. Советские представители на местах дружно отмечали, что со стороны прибалтийских стран речь шла скорее о формальном выполнении договоров и стремлении нажиться на поставках советским войскам необходимых товаров и услуг. Власти прибалтийских стран стремились свести к минимуму контакты советских военнослужащих с местным населением. Угроза вмешательства Англии и Франции в советско-финскую войну подогривала в правящих кругах стран Прибалтики настроения, направленные на освобождение от навязанных СССР договоров. По мнению А.С. Орлова, С.В. Волкова и Ю.В. Емельянова, хотя размещенные войска открыто и не вмешивались во внутренние дела этих государств, они самим фактом своего присутствия оказывали определенное влияние на внутривнутриполитическую обстановку, давая импульс борьбе с профашистскими режимами⁵⁵¹ .

Объясняя действия СССР в отношении прибалтийских стран летом 1940 г. некоторые

авторы указывают на активизацию антисоветских действий правительств Эстонии, Латвии и Литвы, которые заключались в посылке добровольцев в Финляндию, создании тайного военного союза - Балтийской Антанты, - издании журнала "Revue Baltique", затяжке переговоров о размещении войск, поддержании связей и подготовке союза с Германией, на которую в первой половине 1940 г. приходилось до 70% их сельскохозяйственного экспорта, похищении советских солдат в Литве, арестах обслуживающего советский гарнизон персонала. Тем самым воспроизводится полный набор советских обвинений 1940 г. в адрес этих стран. А.С. Орлов пишет о сосредоточении вермахта у границ Литвы 16-17 июня 1940 г., а по мнению ряда авторов, в Прибалтике на 15 июня готовились профашистские перевороты. Естественно, что подобные "действия прибалтийских стран являлись нарушениями договоров о взаимной помощи", и это, по мнению И.Н. Венкова, привело к тому, что 16 июня 1940 г. советское руководство предложило странам Прибалтики строго соблюдать договоры и настаивало на вводе дополнительного контингента войск, на что под давлением местного населения и было получено их согласие. Правда, С.В. Волков и Ю.В. Емельянов отмечают, что эти действия СССР незаконны, хотя и были продиктованы его заботой о своей безопасности⁵⁵². Доступные ныне документы позволяют критически отнестись к вышеизложенным версиям и показать, как же в действительности развивались события.

За прошедшие десятилетия так и не было доказано наличие антисоветского военного союза прибалтийских стран и его идентичность с Балтийской Антантой. Соглашение о сотрудничестве Эстонии, Латвии и Литвы - Балтийская Антанта - было подписано 12 сентября 1934 г., вызвав осуждение Германии и одобрение СССР. Обязательства о сотрудничестве не распространялись на польско-литовские отношения, соответственно Литва осталась за рамками эстонио-латвийского военного союза. В сентябре 1939 г. Сталин информировал эстонскую делегацию о том, что "мы не против этого. Этот договор может остаться". Проведение X (7-8 декабря 1939 г.) и XI (14-16 марта 1940 г.) конференций Балтийской Антанты вызвало настороженное отношение советских дипломатов, с неудовольствием констатируя самостоятельность прибалтийских правительств и выражавших надежду, что они "должны прийти к убеждению консолидации своей внешней политики со своим четвертым могучим партнером - СССР - и внешнеполитические проблемы в будущем обсуждать совместно"⁵⁵³. XI конференция породила слухи о присоединении Литвы к эстонско-латвийскому военному союзу, который, по мнению советских дипломатов, был направлен против СССР. Проверкой этих данных занимался советский полпред в Литве, 2 апреля известивший Москву, что "слухи о присоединении Литвы к военному союзу пока не подтверждаются". Правда, 23 апреля, сообщая о назначении в Литву эстонского военного атташе, он отмечал, что "этот зигзаг явно указывает на то, что у Литвы появились какие-то обязательства в отношении Латвии и Эстонии"⁵⁵⁴.

2 июня ответственный руководитель ТАСС Я. Хавинсон направил Молотову письмо, в котором предлагал "обратить самое серьезное внимание на деятельность так называемой Балтийской Антанты", ориентирующейся на Англию и Францию. Автор письма, ссылаясь на слухи, обвинял Эстонию, Латвию и Литву в создании тройственного военного союза, в стремлении к хозяйственному и государственному объединению. "Для каких иных целей, кроме как не для целей антисоветской возни, существует в настоящее время Балтийская Антанта?" [...] "Не может быть никаких сомнений в том, что Балтийская Антанта является легальной формой англо-французского влияния в Прибалтике, что и в настоящее время Балтийская Антанта занята закулисной антисоветской возней. Не исключено, что, учитывая

происшедшие изменения в международной обстановке, Балтийская Антанта может попытаться (если уже не пытается) "переориентироваться" на Германию". Констатировав наличие специального журнала "Revue Baltique" и нелояльную к СССР позицию прибалтийской прессы, Хавинсон ставил вопрос: "Не назрело ли время принять с нашей стороны реальные меры для ликвидации Балтийской Антанты?" Это письмо интересно тем, что многие его положения позднее были использованы в заявлениях советского правительства и в пропаганде⁵⁵⁵.

Таким образом, как справедливо отмечают М.И. Семиряга, А.Г. Донгаров и Н.Г. Пескова, исследователи до сих пор не располагают конкретными фактами об антисоветской деятельности Балтийской Антанты. Оценки советской стороны основывались лишь на предположениях дипработников СССР в Прибалтике. Вместе с тем нельзя не отметить, что советское руководство и не нуждалось в каких-либо точных данных, поскольку создались благоприятные условия для устранения самостоятельности прибалтийских правительств. Если в период "странной войны" независимая Прибалтика вполне соответствовала советским намерениям, то победы Германии на Западе позволяли окончательно решить Прибалтийскую проблему. Для вмешательства во внутренние дела прибалтийских стран были нужны предлоги, в качестве которых использовались судьбы красноармейцев и вопрос о Балтийской Антанте⁵⁵⁶.

С другой стороны, оценка советским руководством настроений правящих кругов Прибалтики была в целом верна. Недовольные навязанными СССР договорами, они делали ставку на Англию и Францию, надеясь после войны освободиться от советской опеки. В условиях разгрома Франции и ослабления влияния Англии в Европе руководство прибалтийских государств, учитывая вероятность советско-германской войны, стало склоняться к расширению тайных контактов с Германией. Как справедливо отмечают Р. Мисиунас и Р. Таагепера, "Советы, очевидно, понимали, что в случае любого военного конфликта они не могут полагаться на балтийские государства как на своих союзников"⁵⁵⁷. Со своей стороны советское руководство, готовясь к войне с Германией, стремилось окончательно укрепиться в стратегически выгодном регионе на границе Восточной Пруссии, устранить малейшую возможность антисоветских действий прибалтийских стран, а заодно и расширить зону "социализма", "освободив" трудящихся Прибалтики от капиталистического гнета. Таким образом, общая обстановка в Европе и собственные цели советского руководства диктовали необходимость присоединения Прибалтики к СССР.

Советские представители в Прибалтике отмечали факты военного сотрудничества Эстонии, Латвии и Литвы, рассматривая их как доказательство некой скрытой от СССР деятельности. В частности, в ноябре 1939 - мае 1940 г. состоялись взаимные визиты представителей высшего командования вооруженных сил прибалтийских стран. Вместе с тем, как признает В.Я. Сиполс, достоверных данных о характере их военного сотрудничества не имеется. За прошедшие десятилетия в литературе появились лишь упоминания о разработке в октябре - ноябре 1939 г. штабом латвийской армии мобилизационного распределения № 5, которое исходило из возможности войны с СССР⁵⁵⁸. К сожалению, вопрос о состоянии и планах вооруженных сил прибалтийских государств весной 1940 г. в отечественной литературе практически не исследовался.

Имеющиеся данные показывают, что армии Прибалтийских стран были невелики⁵⁵⁹. Так, вооруженные силы Эстонии состояли из трех родов войск: сухопутных сил, ВВС и военно-морского флота. Главнокомандующим был генерал-лейтенант Й. Лайдонер,

подчинявшийся военному министру генерал-лейтенанту Н. Рееку (начальник штаба - генерал-майор А. Янсон), который ведал вопросами снабжения, и премьер-министру Ю. Улуотсу, осуществлявшему общее руководство. Войска комплектовались на основе всеобщей воинской повинности. Сухопутные войска имели территориально-кадровую структуру: территория Эстонии была разделена на 8 военных округов, которые были попарно подчинены 4 пехотным дивизиям и занимались мобилизационно-снабженческой деятельностью и работой среди населения. 1-я пехотная дивизия дислоцировалась в районе Раквере - Нарва между Чудским озером и Финским заливом. 2-я пехотная дивизия дислоцировалась в районе Тарту - Выру - Петсери на юго-востоке страны. 3-я пехотная дивизия дислоцировалась в районе Таллина и островов Моонзундского архипелага. 4-я пехотная дивизия дислоцировалась в районе Пярну - Валга Вильянди. Кроме того, в состав сухопутных войск входили полк бронепоездов, автотанковый полк, караульный и саперный батальоны, батальон связи и химическая рота. ВВС (командующий генерал-майор Томберг) состояли из 3 отдельных авиадивизионов, авиабазы и прожекторной команды (из 3 рот). В каждый авиадивизион входило три отряда и аэродромная команда. В стране было построено 12 аэродромов (еще 5 строились) и 8 посадочных площадок. Военно-морские силы (командующий - капитан-майор И. Сантпанк) включали гидроавиаотряд, морской дивизион, Чудскую флотилию, учебную роту и морские крепости "Сууропи", "Аэгна" и "Найссаар". В составе морского дивизиона находились миноносец "Сулев", подводные лодки "Лембит" и "Калев", 2 канонерские лодки, 2 минных заградителя, 3 тральщика, 4 сторожевика, 7 вспомогательных судов и 5 ледоколов. Чудская флотилия состояла из 3 вооруженных буксиров и 5 моторных катеров. Кроме того, в Эстонии существовала военизированная организация "Кайтселийт", состоящая из 15 дружин.

Главкомандующим вооруженными силами Латвии являлся президент К. Ульманис. Непосредственное руководство армией осуществлял военный министр генерал К. Беркис (начальник штаба - генерал П. Розенштейн), которому подчинялись сухопутные войска (в их состав входили ВВС) и военно-морские силы. Армия состояла из 4 пехотных и технической дивизий. 1-я Курземская пехотная дивизия дислоцировалась в районе Елгава - Салдус - Талси. 2-я Видземская пехотная дивизия дислоцировалась в районе Риги. 3-я Латгальская пехотная дивизия дислоцировалась в районе Цесис - Резекне. 4-я Земгальская пехотная дивизия дислоцировалась в районе Даугавпилса. Как и дивизии, носившие названия провинций, их полки носили названия уездов. Техническая дивизия объединяла автотанковую бригаду, тяжелый артполк, саперный, зенитно-артиллерийский полки, полк бронепоездов, батальон связи и авиаполк и дислоцировалась в Риге. Авиаполк состоял из 6 отрядов: 4 разведывательных и 2 истребительных. Латвия располагала 16 аэродромами и 10 посадочными площадками. Военно-Морской флот состоял из дивизиона подводных лодок "Спидола" и "Ронис", дивизиона тральщиков "Вирсайтис", "Иманта", "Виестурс" и гидроавиадивизиона из 5 самолетов. Основными базами флота являлись Рига, Вентспилс и Лиепая, на которую базировалась и морская авиация. Кроме того, в Латвии существовала военизированная организация "Айзсардзе", подразделявшаяся на 19 уездных, 1 железнодорожный и 1 авиационный полки.

Вооруженные силы Литвы состояли из сухопутной армии и авиации. Командование армией осуществлял генерал В. Виткаускас (начальник штаба генерал Пундзявичус), подчинявшийся военному министру бригадному генералу К. Мустейкису. Призыв в армию осуществлялся на основе всеобщей воинской повинности. Сухопутная армия состояла из 3

пехотных дивизий, 1 кавалерийской бригады и технических частей. 1-я пехотная дивизия дислоцировалась в районах Вильно - Расейняй - Паневежис-Купишкис. 2-я пехотная дивизия дислоцировалась в районах Каунас - Ионава - Шауляй Мариамполь. 3-я пехотная дивизия дислоцировалась в районах Шауляй Плунге - Таураге. Отдельные части кавбригады располагались в Каунасе, Вильнюсе, Таураге и Вилькавишкис. В составе армии имелись инженерный батальон, батальон связи, бронеполк, автополк, а также военно-учебное судно "Президентас Сметона". ВВС Литвы (командующий - бригадный генерал Густайтис) включали 4 авиагруппы, зенитный дивизион, прожекторную роту, 5 рот ПВО, роту звукоулавливания, батальон охраны аэродромов и роту постов наблюдения. В республике имелось 7 аэродромов (еще 5 строилось) и 4 посадочные площадки. Кроме того, в Литве существовала военизированная организация "Шаулю Саюнга", подразделявшаяся на 20 отрядов (полков или батальонов).

Располагая столь незначительными вооруженными силами, отрезанные от любой помощи извне, прибалтийские государства, естественно, старались по возможности не обострять отношений с СССР. Экономические трудности, вызванные войной, вели к росту недовольства населения, особенно в городах, все более сужая социальную базу правящих авторитарных режимов. Надежды на политические перемены все глубже проникали в прибалтийские общества. Наступление Германии на Западном фронте и прорыв вермахта к Ла-Маншу 20 мая 1940 г. значительно изменили стратегическую обстановку в Европе. Среди некоторых слоев населения Прибалтики вновь оживились опасения: после победы на Западе Германия возобновит экспансию на Восток, что сделает эти страны театром военных действий. Часть правящих кругов Эстонии, Латвии и Литвы стремилась ценой переориентации на Германию избавиться от советской опеки. В этой ситуации события мая - июня 1940 г. оказались для них полной неожиданностью.

К лету 1940 г. в Прибалтике размещались следующие советские войска. В Эстонии находилось управление 65-го ОСК, 123-й отдельный батальон связи, 11-й корпусной зенитный артдивизион, 16-я стрелковая дивизия, 18-я легкая танковая бригада, 5-й мотомеханизированный отряд, 414-й, 415-й автотранспортные батальоны, Особая группа ВВС в составе 35-го, 52-го среднебомбардировочных, 7-го, 53-го дальнебомбардировочных, 15-го, 38-го истребительных авиаполков и другие части. В Латвии были развернуты управление 2-го ОСК, 10-й отдельный батальон связи, 86-й корпусной зенитный артдивизион, 67-я стрелковая дивизия, 6-я легкая танковая бригада, 10-й танковый полк, 18-я авиабригада в составе 31-го среднебомбардировочного, 21-го и 148-го истребительных авиаполков, 640-й автотранспортный батальон и другие части. В Литве располагались управление 16-го ОСК, 46-я отдельная рота связи, 19-й корпусной зенитный артдивизион, 5-я стрелковая дивизия, 2-я легкая танковая бригада, 54-й среднебомбардировочный и 10-й истребительный отдельные авиаполки, 641-й автотранспортный батальон и другие части. Всего войска насчитывали 66 946 человек, 1 630 орудий и минометов, 1 065 танков, 150 бронемашин, 5 579 автомашин и 526 самолетов.

23 апреля 1940 г. в войска была направлена директива наркома обороны № 177122, в соответствии с которой требовалось с 1 по 15 июня 1940 г. произвести смену войск, находящихся в Прибалтике с осени 1939 г. Нарком обороны маршал Советского Союза С.К. Тимошенко 2 мая 1940 г. докладывал в ЦК ВКП(б) и Комитет Обороны при СНК СССР о переносе срока смены войск на период с 1 по 15 июля и называл конкретные готовящиеся на смену части. Предполагалось направить в Эстонию 90-ю стрелковую дивизию, 13-ю

танковую бригаду, 77-й отдельный механизированный отряд, 23-й отдельный батальон связи, 38-й корпусной зенитный артдивизион, 11-й дальнебомбардировочный, 10-й среднебомбардировочный и 7-й истребительный авиаполк, 420-й и 470-й автотранспортные батальоны. В Латвию - 48-ю стрелковую дивизию, 1-ю танковую бригаду, 8-й танковый полк, 54-й отдельный батальон связи, 12-й корпусной зенитный артдивизион и 633-й автотранспортный батальон. В Литву 27-ю стрелковую дивизию, 27-ю танковую бригаду, 30-й отдельный батальон связи, корпусной зенитный артдивизион, 31-й истребительный авиаполк и автотранспортный батальон⁵⁶².

5 мая 1940 г. начальник Политуправления Красной Армии армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис направил начальникам Политуправлений ЛВО, КалВО и Белорусского особого военного округа (БОВО) "План политзанятий с красноармейцами и младшими командирами в частях, предназначенных для отправки в Прибалтийские страны", к выполнению которого следовало приступить немедленно. В докладе начальника политуправления ЛВО дивизионного комиссара Горохова от 27 мая сообщалось о ходе подготовки войск, которая в основном должна была завершиться к 1 июня⁵⁶³.

Тем временем 24 мая 1940 г. советский полпред в Литве сообщил в Москву, что 24 апреля и 18 мая из советских частей, расположенных в Литве, сбежало два красноармейца: Носов и Шмавгонец, которые разыскивались по линии военного командования. Уже на следующий день Молотов вызвал литовского посланника в Москве Натквичуса и заявил ему, что "исчезновение этих военнослужащих организуется некоторыми лицами, пользующимися покровительством органов Литовского правительства". Обвинив литовское правительство в провокациях, Молотов потребовал прекратить их, разыскать пропавших солдат и вернуть в части, выразив надежду советского правительства, что Литва "пойдет навстречу его предложениям и не вынудит его к другим мероприятиям". Литовская сторона серьезно отнеслась к демаршу советского руководства и уже 26 мая выразила "готовность немедленно произвести самое подробное расследование", для облегчения которого просила советское правительство сообщить "имеющиеся в его распоряжении данные". 27 мая стало ясно, что Шмавгонец и Писарев уже вернулись в части, но предложение литовской стороны об их совместном допросе для ускорения расследования было отклонено советской стороной под предлогом истощения обоих военнослужащих⁵⁶⁴.

Официально советская сторона заявила о похищении 4 солдат: Бутаева, Шутова, Писарева и Шмавгонца. Собственно, эта тема никогда в отечественной историографии не изучалась, что дало повод ряду авторов совершенно справедливо указать на недоказанность официальной советской версии⁵⁶⁵. Ныне стали доступны материалы следственных органов НКВД и Главной военной прокуратуры, занимавшихся расследованием этих случаев, позволяющие установить, что же именно произошло. Как установило следствие, Г.А. Бутаев прибыл в 336-й стрелковый полк 5-й стрелковой дивизии в октябре 1939 г. и сообщил, что он является младшим командиром, хотя документов, подтверждающих это утверждение, он не имел. Тем не менее командование полка утвердило его младшим командиром. После этого Бутаев "стал просить командира, комиссара полка и начальника штаба, чтобы его назначили помощником коменданта полка, приказа по полку о назначении его пом. коменданта нет, но с ноября месяца по февраль 1940 г. Бутаев работал пом. коменданта полка. Получив беспрепятственный выход с территории полка, Бутаев ежедневно находился в гор. Вильно и окрестностях, посещал притоны, пьянствовал у литовских граждан, рекомендовал себя работником НКВД.

После его дезертирства найдены письма от литовских граждан, в которых они просили Бутаева принять их на работу в НКВД в качестве агентов. Для того чтобы сгладить свои поступки, Бутаев часто информировал Военкома полка т. Яблокова о поведении комсостава в городе, кто с кем пьянствует и в какие притоны ходит. Этим самым завоевал себе доверие и только после неоднократного появления в пьяном виде в расположении полка с должности помощника коменданта был снят". 4 февраля 1940 г. после беседы с прокурором, которого Бутаев просил не отдавать его под суд, он дезертировал. 12 мая 1940 г. при попытке задержания его сотрудниками литовской полиции Бутаев застрелился. При обыске трупа было найдено письмо Бутаева к брату, в котором он писал: "Я удрал из Красной Армии и нахожусь в буржуазном государстве и что ты мне больше не брат, т.к. я фашист, а ты большевик". Военный прокурор 16-го ОСК военный юрист 1 ранга Дроздов, принимавший участие в расследовании этого дела, полагал, что литовские власти убили Бутаева, опасаясь, что его поимка разоблачит их. Правда, никаких доказательств этого предположения в документах не приведено⁵⁶⁶.

В ночь на 25 апреля 1940 г. с поста сбежал с винтовкой красноармеец 2-й танковой бригады П.И. Шутов. Расследованием было установлено, что Шутов, будучи недисциплинированным и, видимо, неуравновешенным человеком, еще ранее высказывал намерения дезертировать, но никаких мер к нему принято не было. Шутов до 14 июня так и не был найден⁵⁶⁷. 18 мая из 41-й отдельной роты исчез Н.З. Шмавгонец, который объявился 26 мая и сообщил, что был похищен литовскими гражданами в Вильно. Однако в ходе дальнейшего следствия Шмавгонец рассказал, что он дезертировал и спрятался у своей знакомой Ю. Савицкой, которая познакомила его с неким Гарлиным, предложившим Шмавгонцу сотрудничать с некой антисоветской организацией. Согласившись на это, Шмавгонец попытался ответить на вопросы Гарлина о советских войсках, но не смог, так как ничего не знал. Тогда Гарлин предложил ему вернуться в часть и разузнать интересующие его сведения. В качестве легенды он предложил Шмавгонцу сообщить командованию о его "похищении"⁵⁶⁸. К сожалению, документов, проливающих свет на случай с Писаревым, найти пока не удалось.

Таким образом, доступные ныне документы свидетельствуют, что Бутаев, Шутов и Шмавгонец не являлись жертвами "похищений", а дезертировали из Красной Армии. Проверка партийно-политической работы в частях 16-го ОСК с 27 по 30 мая 1940 г. показала, что дисциплина во вспомогательных частях 16-го ОСК находилась на низком уровне: нередко были пьянки среди старшего и среднего комсостава, "элементарный списочный учет людей в ротах отсутствовал. Командный состав в поверках людей не участвовал"⁵⁶⁹. Все это способствовало различным дисциплинарным нарушениям.

Так, помимо вышеуказанных случаев, имели место и другие самовольные отлучки. Например, начальник продовольственного снабжения 641-го автобата техник-интендант 1 ранга М.Е. Мармылев с 5 по 8 февраля 1940 г. находился в самовольной отлучке на территории Литвы и пьянствовал⁵⁷⁰. 15 февраля дезертировали из расположения части красноармейцы Кузьмадемьянов и Щукин, которые были прикомандированы к штабу дивизии и работали в столовой комсостава, где были замечены в воровстве. Их сняли с работы и отправили обратно в расположение 190-го стрелкового полка, "но так как приказа об откомандировании не было, в полку их не приняли и указанные красноармейцы до 3 марта неизвестно где находились и вспомнили о них лишь после того, когда красноармейцы, видевшие Кузьмадемьянова и Щукина в м. Алитус доложили об этом. 3-го марта

Кузьмадемьянов и Щукин допрашивались прокуратурой, после чего сбежали из расположения части и явились только 5 марта, после чего были арестованы⁵⁷¹. 12 июня 1940 г. из 5-й стрелковой дивизии исчез младший командир В.Т. Головин. Он обменял обмундирование на гражданский костюм и стремился остаться в Литве, всячески скрываясь от розыска. 17 июня он был задержан литовской полицией, передан советским властям и 21 июня осужден к высшей мере наказания за измену Родине⁵⁷².

Как бы то ни было, 30 мая 1940 г. в газете "Известия" было опубликовано "Сообщение НКВД о провокационных действиях литовских властей", в котором перечислялись случаи исчезновения красноармейцев из расположенных в Литве частей и вся ответственность за это возлагалась на литовскую сторону. 1 июня литовский посланник в Москве вновь пытался склонить советскую сторону к тщательному расследованию этих обвинений, но Молотов опять не поддержал эту идею. Советское полпредство в Литве 2-3 июня обращало внимание Москвы на стремление литовского правительства "предаться в руки Германии", активизацию "деятельности пятой германской колонны и вооружение членов союза стрелков", подготовку к мобилизации. Все это разоблачает "подлинные намерения литовских правящих кругов", которые в случае урегулирования конфликта лишь усилят "свою линию против договора, перейдя к "деловому" сговору с Германией, выжидая только удобный момент для прямого удара по советским гарнизонам"⁵⁷³.

По мере развития дипломатического конфликта начались и прямые советские военные приготовления, которые, видимо, обсуждались 5 и 7 июня (с 22.40 до 1.00 и с 19.20 до 20.20 соответственно) в Кремле с участием Сталина, Молотова, Ворошилова, наркома обороны маршала С.К. Тимошенко, начальника генштаба маршала Б.М. Шапошникова, его заместителей генерал-лейтенанта И.В. Смородинова и командарма 2 ранга А.Д. Локтионова, назначенного командующим войсками БОВО генерал-полковника Д.Г. Павлова и командующего ЛВО командарма 2 ранга К.А. Мерецкова⁵⁷⁴. Согласно приказу наркома обороны № 0028 от 3 июня 1940 г., войска, размещенные на территории Прибалтики, с 5 июня исключались из состава ЛВО, КалВО и БОВО и переходили в непосредственное подчинение наркома обороны через его заместителя Локтионова. В тот же день был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому "в связи со сложной международной обстановкой" предписывалось "задержать в рядах Красной Армии красноармейцев 3-го года службы до 1 января 1941 г." и "до особого распоряжения призванный... командный и начальствующий состав запаса". 4-7 июня 1940 г. войска ЛВО, КалВО и БОВО были подняты по тревоге и начали под видом учений сосредоточение к границам прибалтийских государств, одновременно в состоянии боевой готовности были приведены советские гарнизоны в Прибалтике. 8 июня Локтионов получил приказ подготовить дислоцированные в Прибалтике советские авиачасти к возможным боевым действиям, усилить охрану аэродромов и подготовить их к обороне и приему посадочных десантов. Авиаполки должны были быть готовы к действиям по аэродромам и войскам противника и к перегруппировке на более защищенные советскими войсками аэродромы⁵⁷⁵.

Вечером 8 июня в городе Лида состоялось секретное совещание командного состава поднятых по тревоге войск БОВО, на котором заместитель командующего войсками округа генерал-лейтенант Ф.И. Кузнецов (он же командующий 11-й армией) информировал собравшихся о "возможных действиях против Литвы". Там же 11 июня с 13 до 16 часов проходило новое совещание с участием накануне вступившего в командование войсками

БОВО генерал-полковника Д.Г. Павлова, изложившего план боевых действий и задачи войск, которые должны были нанести стремительное поражение литовской армии, не допустить ее отхода в Восточную Пруссию и за 3-4 дня занять Литву. Согласно боевому приказу № 002/оп от 12 июня, войска 11-й армии совместно с частями 16-го ОСК должны были окружить и уничтожить противника в районе Каунаса. Расквартированному в Литве 16-му ОСК ставилась задача удержать районы своей дислокации, захватить основные мосты на реках Неман и Нярис и обеспечить высадку 214-й воздушно-десантной бригады в 5 км южнее железнодорожной станции Гайжуны, где предполагалось десантировать 935 человек. Совместно с частями 16-го ОСК десантники должны были захватить основные объекты Каунаса, на аэродром которого было бы переброшено еще 475 десантников. Подготовку операции предполагалось завершить к утру 15 июня. 13 июня для подготовки места десантирования около Гайжун была выброшена парашютная группа в 7 человек, а с 21.30 14 июня радиостанции дислоцированных в Прибалтике советских войск должны были работать только на прием, ожидая условного сигнала о начале операции 576 .

У юго-восточных границ Литвы и Латвии сосредоточивалась 3-я армия в составе 4-го, 24-го стрелковых и 3-го кавалерийского корпусов, управление которой из Молодечно 10 июня передислоцировалось в Поставы. 11-я армия, управление которой находилось в Лиде, состояла из 10-го, 11-го стрелковых и 6-го кавалерийского корпусов и развертывалась на южной границе Литвы. Войска ЛВО и КалВО, выделенные для операции, развертывались у восточных границ Эстонии и Латвии. Между Финским заливом и Чудским озером сосредоточились части 11-й стрелковой дивизии. Южнее Псковского озера были развернуты войска 8-й армии (управление в Пскове) в составе 1-го, 19-го стрелковых корпусов и Особого стрелкового корпуса из состава войск КалВО. Для усиления войск указанных округов с 8 июня началась переброска частей 1-й мотострелковой, 17-й, 84-й стрелковых дивизий и 39-й, 55-й легких танковых бригад из Московского, 128-й мотострелковой дивизии из Архангельского и 55-й стрелковой дивизии из Орловского военных округов. На границах Литвы войска завершили сосредоточение и развертывание в исходных районах к 15 июня, а на границах Латвии и Эстонии - к 16 июня. Всего для проведения Прибалтийской кампании было выделено 3 армии, 7 стрелковых и 2 кавалерийских корпуса, 20 стрелковых, 2 мотострелковые, 4 кавалерийские дивизии, 9 танковых и 1 воздушно-десантная бригады. Кроме того, войска НКВД выделили для операции один оперативный полк и 105-й, 106-й, 107-й погранотряды, сосредоточенные в Гродно.

Таблица 15

Советская группировка на 15-16 июня 1940 г. 577

Таблица 16

Численность и вооружение войск на 15-16 июня 1940 г. 578

Войска Личный Орудия и Танки Броне- Авто- Самолеты

состав минометы машины машины

ЛВО 122 981 2 946 347 106 7 080 673

КалВО 15 876 186 161 60 349 182

БОВО 221 260 2 946* 1 565 245* 11 860* 1 140

Итого 360 117 6 078 2 073 411 19 291 1 995

* По 11-й Армии данные расчетные.

Всего советская военная группировка на границах Прибалтики (с учетом развернутых в Литве, Латвии и Эстонии корпусов) насчитывала около 435 тыс. человек, до 8 000 орудий и

минометов, свыше 3 000 танков, более 500 бронемашин. Группировка выделенных для операции ВВС включала 18 среднебомбардировочных, 3 дальнебомбардировочных, 5 тяжелобомбардировочных, 3 легкобомбардировочных, 2 штурмовых и 16 истребительных авиаполков и насчитывала 2 601 самолет⁵⁷⁹. Как докладывал Военному Совету БОВО командующий 3-й армии, в ходе маршей отрабатывались вопросы их организации, разведки, управления и охранения, по возможности велась боевая подготовка. "Политико-моральное состояние частей 3-й армии здоровое. Весь личный состав в полной решимости готов выполнять любые задания партии и правительства"⁵⁸⁰.

Советское руководство не исключало вероятности ведения полномасштабных военных действий, поэтому ЛВО, КалВО и БОВО было приказано развернуть сеть госпиталей. Согласно телеграмме начальника Генерального Штаба № 16284/Ш от 8 июня 1940 г. предписывалось "свертывание эвакупунктов и госпиталей и перевода их на штаты мирного времени до особого распоряжения не проводить. Госпиталя содержать в состоянии готовности". Было прекращено увольнение в запас из этих учреждений. 14 июня 1940 г. начальник Генерального штаба телеграммой № ОМ/952 распорядился к 24.00 16 июня призвать весь личный состав и автомашины для укомплектования эвакуогоспиталей и военно-санитарных поездов, отобилизовать которых требовалось закончить 17 и 20 июня соответственно. Всем мобилизуемым следовало объявлять, что это обычный учебный сбор. В округах развертывались тыловые части и учреждения, необходимые для обеспечения полноценной боевой деятельности войск⁵⁸¹.

Сосредоточивавшиеся войска соблюдали меры маскировки и вели наблюдение за сопредельной литовской территорией. 14 июня 1940 г. была установлена воздушная и морская блокада Прибалтики, которую осуществлял Отряд легких сил КБФ (крейсер "Киров", 2 лидера, 3 миноносца, 10 подводных лодок, 2 тральщика и канонерская лодка). В тот же день командующий войсками БОВО издал приказ об обращении с военнопленными, согласно которому их передача НКВД должна была осуществляться на границе на станциях Бигосово и Свенцяны для 3-й армии, Солы и Марцинканцы для 11-й армии. Определялись нормы довольствия военнопленных, запрещалось изъятие личных вещей (кроме оружия), а на реквизируемые ценности следовало выдавать квитанции⁵⁸². Органы НКВД готовили лагеря для приема 50-70 тыс. пленных, а погранвойскам НКВД было приказано обеспечить переход границы частями Красной Армии, для чего предусматривалось создание ударных и истребительных групп. В их задачу входило ведение разведки и рекогносцировки, выбор места перехода границы, подготовка переправ и плавсредств, а после начала боевых действий уничтожение штабов и подразделений пограничной службы противника, средств связи, заграждений, минных полей и т.д. Так, например, 8 июня командующий ЛВО отдал приказ начальнику погранвойск НКВД Ленинградского округа: "Перед общим переходом частями Красной Армии госграницы с Эстонией и Латвией погранчастям НКВД, расположенным на границе, совместно с подразделениями Красной Армии внезапным и смелым налетом захватить и уничтожить эстонские и латвийские погранкордоны..."⁵⁸³

15 июня 1940 г. повышенная нервозность на границе привела к следующим событиям. "14 июня начальником 10-го погранотряда т. Инечкиным был получен приказ командира 28-го (Особого) стрелкового корпуса, в оперативном подчинении которого с 12 июня с.г. находится данный погранотряд, - о занятии к 3 часам 15 июня исходного положения частями корпуса и погранотряда. На основании этого приказа начальник погранотряда т. Инечкин приказал вывести истребительные группы пограничников на заданное направление вблизи

границы, одновременно указав о том, чтобы все командиры ожидали особого приказа о начале действий. В 3 часа 30 минут 15 июня начальник истребительной группы от 14-й заставы 10-го погранотряда лейтенант Комиссаров самовольно перешел советско-латвийскую границу, разгромил и сжег латвийский кордон Масленки и, захватив 5 пограничников, 6 мужчин, 5 женщин и 1 ребенка, вернулся на нашу территорию. На участке этой же заставы начальник 2-й истребительной группы политрук Бейко, услышав стрельбу и взрывы гранат, также перешел границу в Латвию и произвел нападение на латвийский кордон Бланты и, захватив 1 сержанта, четырех пограничников и пять детей, вернулся на нашу территорию. Лейтенант Комиссаров и политрук Бейко с границы сняты и конвоируются, по распоряжению начальника штаба войск округа т. Ракутина, в штаб погранотряда. Расследование ведет начальник штаба войск округа т. Ракутин. Захваченные на латвийских кордонах находятся на нашей территории"584 .

Для обеспечения политической работы в период подготовки операции Мехлис 13 июня 1940 г. утвердил план рассылки книг об Эстонии, Латвии и Литве в ЛВО (соответственно 20 тыс., 20 тыс., 2 тыс.), БОВО (2 тыс., 2 тыс., 20 тыс.) и КалВО (4 тыс., 4 тыс., 4 тыс.). Военные Советы и начальники Политуправлений ЛВО и БОВО получили директиву Политуправления Красной Армии № 5258сс о политработе во время похода в Прибалтику, в которой следующим образом истолковывалась необходимость советских действий: "Незадачливые правители Прибалтийских государств, не желая добросовестно выполнять договор с Советским Союзом, встали на путь провокаций в отношении нашей Родины и частей Красной Армии, расположенных в Эстонии, Латвии и Литве.

Советское правительство, идя навстречу литовскому народу, передало Литовскому государству г. Вильнюс и Виленскую область. Несмотря на это, в силу антисоветской ориентации литовского правительства, за последнее время в Литве имел место целый ряд случаев похищения красноармейцев и их истязаний с целью добыть "языка" о наших частях. После протеста Советского Правительства, литовские власти, под видом расследования и принятия мер в отношении виновных расправляются с друзьями СССР.

В период войны с белофиннами правительства Эстонии, Латвии и Литвы, подстрекаемые Англией и Францией, вели между собой переговоры о нападении на советские корпуса, дислоцированные в Прибалтике. Они мечтали сбросить части Красной Армии в море. В районах расположения советских войск насаждаются шпионские гнезда. Под флагом свободы печати, в газетах и по радио ведется разнузданная антисоветская пропаганда, в то же самое время преследуются граждане за чтение газеты "Известия"...

Вся провокационная деятельность эстонского, латвийского и литовского правительств преследует цель срыва договоров о взаимопомощи, заключенных с Советским Союзом. Тем самым они подчеркивают свою готовность превратить Прибалтику в плацдарм войны против нашей Родины.

Наша задача ясна. Мы хотим обеспечить безопасность СССР, закрыть с моря на крепкий замок подступы к Ленинграду, нашим северо-западным границам. Через головы правящей в Эстонии, Латвии и Литве антинародной клики мы выполним наши исторические задачи и заодно поможем трудовому народу этих стран освободиться от эксплуататорской шайки капиталистов и помещиков".

От политорганов требовалось "всей партийно-политической работой создать в частях боевой подъем, наступательный порыв, обеспечивающий быстрый разгром врага... Задача Красной Армии, как указано выше, - защита границ Советского Союза, захват плацдарма,

который империалисты хотят использовать против СССР. На своих знаменах Красная Армия несет свободу трудовому народу от эксплуатации и гнета. Рабочие будут освобождены от капиталистического рабства, безработице будет положен конец, батраки, безземельные и малоземельные крестьяне получают помещичьи земли. Налоги будут облегчены и временно совсем сняты. Литва, Эстония и Латвия станут советским форпостом на наших морских и сухопутных границах. Подготовка наступления должна проводиться в строжайшей тайне. Решительно бороться с болтливостью. Каждый должен знать лишь ему положенное и в установленный срок".

Были предусмотрены меры по работе среди войск противника, основная цель которой "сводится к тому, чтобы быстро разложить его армию, деморализовать тыл и, таким образом, помочь командованию Красной Армии в кратчайший срок и с наименьшими жертвами добиться полной победы". Требовалось "на конкретных фактах показывать тяжелое положение трудящихся масс воюющей против нас страны, террор и насилие, царящие в тылу... Показывать счастливую и радостную жизнь рабочих и крестьян в СССР. Разъяснять, как рабочие и крестьяне СССР управляют государством без капиталистов и помещиков. Противопоставлять этому бесправное положение рабочих и крестьян в капиталистических странах. Показать принципиальную разницу между царской Россией - тюрьмой народов и Советским Союзом братским союзом освобожденных народов... Политработники держат серьезный экзамен. Они должны оправдать огромное доверие, которое оказала им партия, правительство, товарищ Сталин"585 .

Для пропагандистского воздействия на военнослужащих и население противника были разработаны листовки, которые предполагалось разбросать над территорией Прибалтики в первый день военных действий. В них в духе вышеприведенной директивы излагались нарушения прибалтийскими правительствами договоров о взаимопомощи, благодаря которым СССР спас Эстонию, Латвию и Литву от втягивания в войну, а "части Красной Армии, расположенные... в отдельных пунктах" этих стран, являлись "надежной защитой и лучшей гарантией свободы и независимости" их народов. Нарушения договоров вынуждает Красную Армию "положить конец антисоветским провокациям". "Советский Союз не допустит, чтобы была сорвана вековая дружба советского и (прибалтийских) народов, чтобы (Прибалтика) была превращена империалистами в плацдарм для нападения на Советский Союз, а (прибалтийские народы) ввергнуты в горнило кровавой империалистической бойни". "Красная Армия берет под свою могучую и верную защиту независимость и свободу" народов Прибалтики, "освободит вас от капиталистов и помещиков"586 . В силу мирного решения конфликта эти листовки так и не были использованы.

Тем временем 7 июня премьер-министр Литвы А. Меркис прибыл в Москву, где начались советско-литовские переговоры. Молотов обвинил литовское правительство в нелояльном отношении к СССР, что выразалось, по его мнению, в похищении красноармейцев и других провокациях, затягивании расследования, арестах литовского обслуживающего персонала в советских гарнизонах, чрезмерно частых сборах шаулистов. Любые оправдания Меркиса без рассмотрения отметались Молотовым, считавшим, что во всем виновата литовская политическая полиция. Предложение Меркиса создать режим полной изоляции советских войск от населения во избежание новых проблем было отвергнуто Молотовым, предложившим литовской стороне самой определить меру наказания за свое враждебное поведение. В то же время советское руководство подчеркнуто лояльно вело себя по отношению к Латвии и Эстонии. С Таллином 8 июня было подписано

соглашение об общих административных условиях пребывания советских войск.

В ходе беседы 9 июня новая просьба Меркиса о совместном расследовании инцидента была отвергнута Молотовым, который перешел к теме Балтийской Антанты, охарактеризовав ее как антисоветский военный союз, скрываемый от СССР. Возражения Меркиса, основанные на отсутствии каких-либо доказательств, отводились Молотовым, считавшим, что это не юридический, а политический вопрос, требующий ответа. 10 июня в Москву прибыл Урбшис, 11 июня вместе с Меркисом принявший участие в переговорах. Все предложения литовской стороны договориться и урегулировать инцидент отклонялись Молотовым, требовавшим принять меры по претензиям СССР, уволить министра внутренних дел К. Скучасу и начальника департамента политической полиции А. Повилайтиса. 12 июня советское полпредство в Литве сообщило в Москву о действиях литовской комиссии, саботирующей изучение деятельности охраны. 14 июня Молотов уведомил полпредов СССР в Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве об отношении к Балтийской Антанте, которая "носит на деле антисоветский характер" и является "нарушением пактов, которыми запрещено участие во враждебных Договаривающимся сторонам коалициях"⁵⁸⁷.

В тот же день в 14 часов заместитель наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозов принял Урбшиса, который, сообщив об отставке Скучасы и Повилайтиса, вновь отрицал причастность литовских органов к исчезновениям советских солдат и антисоветский характер Балтийской Антанты. Казалось, ничто не предвещало резких изменений хода переговоров, но в 23.50 14 июня Урбшиса вызвал Молотов и вручил ему ультиматум советского правительства (опубликован 16 июня в "Известиях"), согласно которому следовало предать суду Скучасу и Повилайтиса, создать правительство, которое честно выполняло бы договор о взаимопомощи, и пропустить на территорию Литвы дополнительные части Красной Армии. Разъяснив, что предполагается дополнительно ввести 3-4 корпуса (9-12 дивизий) во все важные пункты Литвы, Молотов обещал, что войска не будут ни во что вмешиваться, но новое правительство должно быть просоветским. Чтобы успокоить литовцев, им было заявлено, что это временные меры, хотя это "будет зависеть от будущего литовского правительства". Молотов предупредил, что, если требования не будут приняты, войска все равно будут введены немедленно. Срок ультиматума истекал в 10.00 15 июня. Получив советский ультиматум, президент Литвы А. Сметона настаивал на сопротивлении Красной Армии и отводе литовских войск в Восточную Пруссию, но генерал Виткаускас, выражавший интересы антигермански настроенных офицеров, отказался. В итоге в 9.45 утра Урбшис сообщил Молотову об удовлетворении советских требований и составе нового правительства во главе с генералом Раштикисом. В ответ Молотов заявил, что вопрос о составе правительства будет решаться в Каунасе, куда прибудет советский представитель⁵⁸⁸.

14-16 июня советские полпреды в Латвии и Эстонии информировали Москву о необходимости усиления бдительности на советских военно-морских базах, о подозрительных учениях латвийских частей, неприязненном отношении правящих кругов Латвии к СССР и о мобилизации в Эстонии. 16 июня Молотов пригласил в 14.00 латвийского посланника Ф. Коциньша, а в 14.30 эстонского посланника А. Рея и вручил им советские ультиматумы, в которых оценивалась деятельность Балтийской Антанты и содержалось требование сформировать просоветские правительства, допустить размещение дополнительных войск Красной Армии. Ввод войск (2 корпуса в Латвию и 2-3 корпуса в Эстонию) Молотов вновь представил как временную меру. Как он пояснил, новые

правительства будут сформированы при участии советских представителей в Риге и Таллине. Коциньш уведомил об инциденте на советско-латвийской границе 15 июня, и Молотов пообещал разобраться. Рей обратил внимание собеседника на то, что осенью 1939 г. Балтийская Антанта не вызвала возражений СССР, и пытался смягчить условия ультиматума, поскольку никаких провокаций не было, но Молотов не стал обсуждать эти вопросы. Срок ультиматумов истек для Латвии в 23.00, а для Эстонии в 24.00 16 июня⁵⁸⁹.

Получив советский ультиматум, Ульманис обратился к германскому посланнику Г. фон Котце с просьбой разрешить правительству и армии эвакуироваться в Восточную Пруссию, но получил отказ. В 19.45 Коциньш, а в 23.00 Рей вновь посетили Молотова и сообщили о согласии своих правительств удовлетворить советские требования. Стороны согласовали кандидатуры военных представителей для решения практических вопросов. В 22.40 Коциньш вновь посетил Молотова, проинформировав об отставке правительства. Молотов сообщил, что в Ригу поедет заместитель председателя СНК СССР А.Я. Вышинский. В 1.00 17 июня Молотов уведомил Рея о времени (5.00) и местах перехода границы советскими войсками и о том, что в Таллин будет командирован А.А. Жданов. Спустя 10 минут Молотов сообщил Коциньшу, что Красная Армия перейдет границу в 5 утра, а в районе Ново-Александровск и Янишки в 8 утра⁵⁹⁰. Соответственно, в 2.55 17 июня командующие БОВО и ЛВО получили приказ начальника Генштаба: "1. Переход латвийской границы советскими войсками начинается в 5 часов утра 17 июня... 2. Отдельные части перешедших границу советских войск вступят в города Рига, Митава, Даугавпилс, Резекне, Крейбург...". Войскам 2-го ОСК была поставлена задача в 8.00 выступить для занятия Митавы и Тукумса⁵⁹¹.

Пока шли дипломатические переговоры, войска 11-й и 3-й армий в течение 14 июня завершили сосредоточение и к утру 15 июня "заняли исходные позиции, ожидали сигнала" на начало вторжения. Но в 7 часов приказом командующего БОВО проведение операции было приостановлено. В 8 часов утра на станции Гудогай начались переговоры генерала Виткаускаса и командующего БОВО генерал-полковника Д.Г. Павлова, завершившиеся в 23.10 подписанием "Соглашения о дополнительном размещении войск Красной Армии", в котором были указаны 11 районов временной дислокации войск, порядок перевозок по железной дороге, найма рабочей силы, закупок фуража в Литве для советских войск⁵⁹².

Поступившая 13-14 июня в войска директива ПУР № 5258 сс была отменена, и находившийся в Минске Мехлис подготовил новую директиву политорганам БОВО и ЛВО. Теперь основой политработы должно было стать сообщение ТАСС с советским ультиматумом; требовалось добиться политического подъема и одобрения личным составом мудрой сталинской внешней политики и всех мероприятий, направленных "к обеспечению наших западных и северо-западных границ". Следовало разъяснить, что согласие литовского правительства на ввод войск не решает всех проблем, существуют антисоветские элементы, которые вооружены и выжидают. Поэтому необходимо проявлять бдительность и соблюдать воинскую дисциплину, нарушения которой следует карать по законам военного времени. Политорганам следовало обеспечить хорошее отношение населения к частям Красной Армии, которые, "вступая в Литву, выполняют исторические задачи нашей социалистической родины. Мы обеспечиваем безопасность советских северо-западных границ, выходим на выгодный стратегический рубеж, который позволит народам Советского Союза продолжать свой мирный труд, охраняя первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян от всяких любителей чужого добра". В беседах с личным составом требовалось разъяснить, что "всякая война, которую ведет государство рабочих и крестьян,

является войной справедливой, войной освободительной"593 .

Мирное решение советско-литовского конфликта потребовало переориентации развернутых у границ Прибалтики войск с подготовки боевых действий на беспрепятственное занятие территорий. Пока шли переговоры, войска БОВО получили боевой приказ № 2, которым устанавливались время (15.00) и места перехода границы Литвы. Командование 11-й и 3-й армий своими приказами поставило перед войсками задачу на продвижение по территории Литвы, которое началось в 15.15 15 июня. 16-й ОСК получил задачу занять Каунас и мост у Ионавы и удерживать их до подхода основных сил 11-й армии. Несмотря на соглашение сторон и приказ генерала Виткаускаса о лояльном отношении к советским частям, при переходе границы советскими войсками имели место отдельные стычки с литовскими военнослужащими, которые были либо подавлены, либо разрешены в ходе переговоров. Отмечались случаи превышения полномочий красноармейцами, сводившиеся к разоружению и пленению литовских солдат. Так, разведгруппа 185-й стрелковой дивизии, направленная на погранзаставу, перешла границу и захватила литовскую заставу, зарубив 1 солдата. Командование и политорганы пресекали подобное самоуправство и разъясняли личному составу его права и обязанности594 .

15-16 июня советские войска заняли большую часть территории Литвы. 16 июня советские войска получили задачу вступить на территорию Эстонии и Латвии. В 9.00 17 июня военные уполномоченные сторон Й. Лайдонер и К.А. Мерецков (с 9 июня заместитель наркома обороны СССР) встретились в Нарве, а Д.Г. Павлов и полковник О. Удентыньш - на станции Ионишкис. Переговоры завершились соответственно в 15.00 и в 13.00 подписанием соглашений о вводе дополнительных войск, в которых были указаны места временной дислокации советских войск (9 дивизий в Латвии и 12 в Эстонии) и оговаривались хозяйственные вопросы595 . Войска 8-й армии, развернутые на границе в боевых порядках "в готовности для наступления", были вынуждены за 1-2 часа перейти в походное положение и, получив задачу занять важнейшие пункты, в 5.00 17 июня начали продвижение в Эстонию и северо-восточные районы Латвии. Части 65-го ОСК в 13.15 вместе с десантом КБФ, под прикрытием ставшего на рейде линкора "Октябрьская революция", 4 сторожевиков и 2 миноносцев, заняли крепости "Сууроупи", "Найссаар", "Аэгна" и Таллин. Десантная операция в Гайжунах была отменена, и 16 июня 720 десантников из состава 214-й воздушно-десантной бригады на 63 самолетах ТБ-3 были переброшены на аэродром Шауляя, где они были в качестве танкового десанта приданы 2-й и 27-й танковым бригадам 3-й армии, сосредоточившимся к исходу дня в районе Ионишкис. В тот же день в районе Риги с парашютом был высажен начальник парашютно-десантной службы ВВС БОВО капитан Старчак. В 10.20 утра 17 июня танковые бригады и части 121-й и 126-й стрелковых дивизий перешли латвийскую границу и около 13.00 заняли Ригу. Остальные войска 3-й армии заняли юго-восточные, а части 2-го ОСК западные районы Латвии. В последующие дни войска продолжали занятие Прибалтики, которое в основном завершилось к 21 июня 1940 г. Несмотря на мирное продвижение, войска имели потери, которые по неполным данным составили 58 человек убитыми (самоубийств - 15, погибло - 28, утонуло - 15) и 158 человек ранеными596 .

С 21 июня управление 8-й армии разместилось в Тарту, 3-й армии - в Риге, а 11-й армии - в Каунасе. Соответственно было проведено реформирование армий. На командиров корпусов возлагалась ответственность за порядок, сохранность военных объектов, взаимоотношения с вооруженными силами республик, но им запрещалось вмешиваться в

политику. Войскам было приказано "в разговорах с населением и местными властями... уважать самостоятельность литовского государства и объяснять, что Красная Армия выполняет лишь мирный договор о взаимопомощи"⁵⁹⁷. Началось свертывание тыловых частей, сформированных для Прибалтийской операции. 21 июня 1940 г. был отдан приказ о расформировании к 26 июня 1940 г. эвакогоспиталей и санитарных поездов. Части связи из Идрицы согласно приказу Генерального штаба № ОМ/755 от 26 июня 1940 г. отправлялись в распоряжение Киевского особого военного округа, куда еще 21 июня была переброшена 214-я воздушно-десантная бригада⁵⁹⁸.

Таблица 17

Группировка войск в Прибалтике на 21 июня 1940 г.⁵⁹⁹

Войска еще продолжали марши, а нарком обороны Тимошенко 17 июня 1940 г. направил Сталину и Молотову докладную записку № 390 сс: "В целях обеспечения скорейшей подготовки Прибалтийского ТВД считаю необходимым немедленно приступить, на территории занятых республик, к осуществлению следующих мероприятий:

1. Границу с Восточной Пруссией и Прибалтийское побережье немедленно занять нашими погранвойсками для предотвращения шпионской и диверсионной деятельности со стороны западного соседа.

2. В каждую из занятых республик ввести по одному (в первую очередь) полку войск НКВД для охраны внутреннего порядка.

3. Возможно скорее решить вопрос "с правительством" занятых республик.

4. Приступить к разоружению и расформированию армий занятых республик. Разоружить население, полицию и имеющиеся военизированные организации.

5. Охрану объектов, караульную и гарнизонную службу возложить на наши войска.

6. Решительно приступить к советизации занятых республик.

7. На территории занятых республик образовать Прибалтийский Военный Округ со штабом в Риге.

Командующим войсками округа назначить командующего САВО генерал-полковника Апанасенко.

Штаб округа сформировать из штаба 8-й армии.

8. На территории округа приступить к работам по подготовке ее как театра военных действий (строительство укреплений, перешивка железных дорог, дорожное и автодорожное строительство, склады, создание запасов и пр.).

План подготовки ТВД представлю дополнительно"⁶⁰⁰.

Более радикальное предложение сделал командующий БОВО, направивший 21 июня наркому обороны записку: "Существование на одном месте частей литовской, латвийской и эстонской армий считаю невозможным. Высказываю следующее предложение. Армии всех 3 государств разоружить и оружие вывезти в Советский Союз. Или после чистки офицерского состава и укрепления частей нашим комсоставом допускаю возможность на первых порах в ближайшее время использовать для войны части литовской и эстонской армий вне БОВО, примерно - против румын, турок, афганцев и японцев. Во всех случаях латышей считаю необходимым разоружить полностью. После того как с армиями будет покончено, немедля (48 часов) разоружить все население всех 3 стран. За несдачу оружия расстреливать. К выше перечисленным мероприятиям необходимо приступить в ближайшие дни, чтобы иметь свободу рук для основной моборганизационной подготовки округа"⁶⁰¹. Правда, столь грубые меры не нашли поддержки в Москве и советское руководство решило реализовать

предложение наркома обороны.

Прежде всего, 17-21 июня при помощи советских эмиссаров были созданы "народные" правительства, началось разоружение населения и военизированных организаций, у которых к 15 июля 1940 г. только в Латвии и Литве было изъято 36 214 винтовок и карабинов, 21 250 пистолетов, 433 легких и 17 станковых пулеметов, 4 654 единицы холодного оружия, 2 835 гранат, 608 толовых шашек, 1 танк и 5 510 013 патронов⁶⁰². 20 июня 1940 г. было утверждено постановление Комитета обороны при СНК СССР № 267 сс/ов "Об утверждении организации КБФ и мероприятий по усилению обороны западных районов Финского залива", которым устанавливалось "место постоянного пребывания Военного Совета КБФ порт Палдиски" и намечались меры "для создания организации ПВО на полуострове Ханко и обеспечения строительства береговой обороны на островах Эзель, Даго и южном побережье Ирбенского пролива"⁶⁰³.

30 июня начальник Генштаба представил наркому обороны проект директивы о дислокации Красной Армии, составленный с учетом создания Прибалтийского военного округа (ПрибВО), в котором предлагалось развернуть 10 стрелковых, 2 танковые, 1 моторизованную, 2 кавалерийские дивизии и 1 танковую бригаду⁶⁰⁴. 4 июля нарком обороны и начальник Генштаба в докладной записке в Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР окончательно сформулировали идеи военно-территориальной структуры Прибалтики и уточнили состав будущего округа, который должен был включать 11 стрелковых, 2 танковые, 1 моторизованную дивизии и 9 арtpолков⁶⁰⁵. После утверждения этих предложений постановлением СНК № 1193-464 сс от 6 июля 1940 г. нарком обороны отдал 11 июля приказ № 0141, в котором ставилась задача к 31 июля сформировать на территории Литвы, Латвии и западных районов Калининской области ПрибВО. КалВО расформировывался, а его управление обращалось на формирование управления ПрибВО в Риге. Территория Эстонии включалась в состав ЛВО, восточные районы Калининской области в МВО, а Смоленская область в БОВО, который переименовывался в Западный ОВО. Командующим войсками ПрибВО был назначен генерал-полковник А.Д. Локтионов, начальником штаба генерал-лейтенант П.С. Кленов, командующим ВВС округа генерал-лейтенант Г.П. Кравченко, а командующим 8-й армией ЛВО был назначен бывший командир 65-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант А.А. Тюрин⁶⁰⁶. Следует отметить, что все эти организационные меры проводились до формального включения прибалтийских стран в состав СССР.

Одновременно с передачей войск в создававшийся ПрибВО в июле 1940 г. для усиления обороны Моонзундских островов была сформирована 3-я отдельная стрелковая бригада. Согласно приказу НКО № 0190 от 17 августа 1940 г. в состав ПрибВО передавалась территория Эстонии и округ переименовывался в Особый (ПрибОВО), а западные районы Калининской области отходили МВО. В тот же день был отдан приказ о реорганизации армий прибалтийских республик в территориальные стрелковые корпуса Красной Армии, согласно которому правительства этих стран впервые ставились "в известность об образовании" военного округа на их территориях⁶⁰⁷.

Таблица 18

Наращивание сил ПрибОВО⁶⁰⁸

1 августа 1940 г. 20 октября 1940 г. 22 июня 1941 г.

Корпуса 5 9 10

Дивизии 15 23 25

Бригады 3 4 4

Личный состав 173 014 295 907 396 702

Орудия и минометы 3 242 6 345 7 019

Танки 1 025 1 558 1 549

Бронемашины 257 434 394

Автомашины 8 883 16 202 19 111

Самолеты 675 1 316 1 344

Говоря о реакции великих держав на эти события, А.Г. Донгаров, Н.Г. Пескова и М.И. Семиряга отмечают, что Англия была занята проблемами войны в Западной Европе, а США не признали территориальных изменений в Прибалтике, но не предприняли никаких серьезных мер противодействия⁶⁰⁹. Позиция Германии, сформулированная 17 июня 1940 г., сводилась к тому, что события в Прибалтике "касаются только России и прибалтийских государств. Поэтому, ввиду наших неизменно дружественных отношений с Советским Союзом, у нас нет никаких причин для волнения, каковое нам открыто приписывается частью зарубежной прессы". В тот же день Молотов официально информировал германского посла в Москве о причинах и ходе событий в Эстонии, Латвии и Литве. 23 июня было опубликовано сообщение ТАСС, в котором опровергались слухи о сосредоточении 100-150 советских дивизий у границ Восточной Пруссии и указывалось, что в Прибалтике находится всего 18-20 дивизий, не имеющих цели оказывать "давление" на Германию, хорошие отношения с которой не удастся поколебать столь вздорными слухами⁶¹⁰. В последующие полгода велись советско-германские переговоры относительно юго-западной части территории Литвы, которые трактуется С.А. Горловым как борьба советского руководства за ее территориальную целостность⁶¹¹. Подобная реакция великих держав позволила провозгласить в Прибалтике советскую власть и присоединить ее к СССР.

Освещая дальнейшие политические события в Прибалтике в июне - августе 1940 г., некоторые авторы утверждают, что там произошли народные революции, порожденные внутренними процессами⁶¹². А.С. Орлов и Н.П. Шуранов полагают, что роль Красной Армии свелась лишь к политическому давлению на правящие круги этих стран с целью не допустить подавления выступлений населения, что обеспечило мирный характер событий, а присоединение к СССР позволило им сохранить свою государственность и самобытность⁶¹³. С.В. Волков и Ю.В. Емельянов считают, что местные компартии действовали вопреки указаниям из Москвы, что и привело к революции и созданию народных правительств. Демократические выборы 14-15 июля 1940 г. дали власть сторонникам объединения с СССР, что и было сделано, но вместо социализма эти страны получили сталинизм, и лишь после немецкой оккупации 1941-1944 гг. поняли, что и это хорошо⁶¹⁴. Д.А. Волкогонов признает⁶¹⁵, что в этих событиях нашли применение сталинские методы, но в незначительных масштабах (?!).

Более критически эти события освещают М.И. Семиряга, Д.В. Блейере и И.Р. Шнайdere, указывающие, что все делалось по указке эмиссаров Москвы, выборы проходили с нарушением внутреннего законодательства и без альтернативных кандидатов, в предвыборной платформе не было сказано о присоединении к СССР⁶¹⁶. А.Г. Донгаров и Н.Г. Пескова также связывают внутривнутриполитические изменения в Прибалтике с вводом дополнительных сил Красной Армии и отмечают, что отношения этих стран с СССР уже в июне 1940 г. утратили характер межгосударственных, хотя и сохраняли форму таковых⁶¹⁷. Начались социалистические преобразования, сопровождавшиеся репрессиями, что позволило Р.А. Медведеву сделать вывод о небескровном характере революций в

Прибалтике⁶¹⁸. М.И. Семиряга, склонный к поиску альтернатив, считает, что следовало провести в этих странах референдумы и создать народно-демократические республики (?), состоящие в конфедерации с СССР, хотя подобный вариант явно не учитывает исторических реалий. По его мнению, неясно, можно ли обозначить эти события термином "оккупация", поскольку не существует ее четкого определения, но аннексия этих стран Советским Союзом - налицо⁶¹⁹.

Говоря о последствиях этой акции СССР, большинство авторов считает ее антигерманской⁶²⁰. А.С. Орлов видит в ней стремление создать предполье против Германии и угрозу Восточной Пруссии, но полагает, что включение этих стран в состав Советского Союза было политическим просчетом советского руководства, ибо осложнило отношения с Англией и США, не устранив угрозу со стороны Германии. И.Н. Венков акцентирует внимание на защите этого региона от германской экспансии, а Р.А. Медведев считает, что, хотя советские границы и были отодвинуты, крепкого тыла не получилось⁶²¹.

Введение в последние годы в научный оборот значительного количества документального материала поставило исследование проблем советской политики в отношении Прибалтики на твердую почву фактов, и проблемы советско-прибалтийских отношений получили в отечественной историографии радикальную переоценку. Сегодня совершенно ясно, что исторический миф, закреплённый в официальной советской версии, не соответствует историческому прошлому. Даже сторонники этой версии не в состоянии привести сколько-нибудь серьезных аргументов в ее поддержку и стали акцентировать внимание на различных оправдательных моментах действий тогдашнего советского руководства. Однако, как указывают С.В. Волков и Ю.В. Емельянов, хотя "суверенный статус многих стран мира, располагавшихся в пределах различных стратегических рубежей, охранялся международным правом", но "на практике же эти правовые положения игнорировались" в условиях Второй мировой войны всеми ее главными участниками, в том числе и СССР⁶²². Но если подобные действия были правилом в период войны, неясно, нужны ли в этом случае какие-либо оправдания.

Действия СССР в отношении Прибалтики, в отличие от мер по присоединению других территорий Восточной Европы, считавшихся советской "сферой интересов", дают пример сложной, многоходовой комбинации. Признание Германией Эстонии, Латвии и Литвы зоной советских интересов и война в Европе позволили СССР навязать этим странам договоры о взаимопомощи, что дало Москве легальный рычаг влияния в регионе, признанный Англией и Францией как меньшее зло по сравнению с германской оккупацией. Сделав первый шаг по пути проникновения в Прибалтику, советское руководство демонстративно не вмешивалось во внутренние дела этих стран, терпеливо ожидая своего часа. Разгром Франции и изгнание английской армии с континента открыли дорогу к присоединению Прибалтики. Дипломатический конфликт, созданный СССР, и угроза военного вторжения поставили прибалтийские правительства перед выбором - борьба или капитуляция. Учитывая бесперспективность военного сопротивления и незаинтересованность великих держав Европы в делах Прибалтики, было решено капитулировать, и советское руководство, нарушив тем самым все свои договоры с Эстонией, Латвией и Литвой, ввело войска и начало целенаправленную советизацию региона. Таким образом, использовав англо-франко-германские противоречия, СССР удалось вернуть контроль над стратегически важным регионом, усилить свои позиции на Балтийском море и создать плацдарм против Восточной Пруссии.

Советский Союз и борьба за Балканы

Балканы традиционно являлись объектом борьбы великих держав за влияние, в которой принимал участие и Советский Союз, заинтересованный как в обеспечении безопасности своих юго-западных границ, так и в усилении своего влияния в Юго-Восточной Европе. Ранее в отечественной историографии действия СССР на Балканах в 1939-1941 гг. скупы излагались в духе подбора отдельных фактов для иллюстрации борьбы советской дипломатии за сохранение мира на Балканах и ограждение их от германской экспансии. В последние годы появились новые источники и исследования, позволяющие более объективно рассмотреть вопросы балканской политики СССР. Однако до сих пор не появилось комплексного исследования, освещающего участие Москвы в борьбе за влияние на Балканах. К сожалению, состояние источниковой базы не позволяет сегодня дать ответы на все возникающие вопросы и полностью охватить все аспекты этой сложной темы. Вместе с тем думается, что дальнейшее изучение балканской политики СССР с учетом событий начала Второй мировой войны и позиций других заинтересованных сторон позволит понять цели, которые преследовало советское руководство, и методы их достижения.

После Первой мировой войны изменилась политическая карта Юго-Восточной Европы. Югославия, Румыния и Греция, ориентировавшиеся на Англию и Францию, что позволяло им противостоять попыткам усиления влияния Италии, стремились к сохранению сложившегося статус-кво, тогда как Венгрия и Болгария были заинтересованы в ревизии Версальских соглашений. К середине 1930-х гг. Германия вернула утраченные после Первой мировой войны экономические позиции в Юго-Восточной Европе, что в условиях самоустранения Англии и Франции от балканских проблем вело к возрастанию политического влияния Берлина. СССР, поддержавший Турцию в противостоянии с Западом, стремился использовать общую нестабильность и революционные движения на Балканах для возвращения утраченных после 1917 г. позиций. В дальнейшем проводниками советского влияния стали местные компартии, имевшие в силу ряда социально-политических проблем в своих странах определенную поддержку населения. Советско-французский диалог и переговоры о Восточном пакте позволили СССР в 1934 г. установить дипломатические отношения с Венгрией, Болгарией и Румынией. Как правило, консервативные правящие элиты стран Юго-Восточной Европы были настроены антикоммунистически и не стремились к сближению с Москвой. С началом Второй мировой войны страны Юго-Восточной Европы провозгласили нейтралитет, заняв выжидательную позицию между двумя военно-политическими блоками, что привело к усилению дипломатической борьбы за влияние в Юго-Восточной Европе. Не остался в стороне и СССР.

Стремясь удержать Турцию от обозначившегося с 1936 г. сближения с Англией и Францией, СССР использовал начавшиеся в августе 1939 г. советско-турецкие переговоры о пакте взаимопомощи. Одновременно Турция вела переговоры о союзе с Англией и Францией, которые были заинтересованы в благожелательной позиции Анкары для обеспечения выполнения своих гарантий Греции и Румынии, что требовало сохранения благоприятного режима Проливов. В этой ситуации Анкара заявила Москве о нежелании вступать в конфликт с Англией и Францией, а западным союзникам было сообщено, что турки не возьмут на себя никаких антисоветских обязательств. Тем самым возможные договоры должны были быть направлены против Германии и Италии, что отвечало

интересам Англии и Франции, стремившимся ухудшить советско-германские отношения. В этих условиях советское руководство 16 октября выдвинуло в качестве условий заключения договора с Турцией оговорку о его ненаправленности против Германии и протокол о режиме Проливов. Анкара отказалась от рассмотрения этих условий, а Москве не удалось повлиять на позицию Турции в отношении соглашения с Англией и Францией, которое было заключено 19 октября 1939 г. и предусматривало взаимную помощь сторон в случае начала войны в Восточном Средиземноморье. При этом Турция сделала оговорку о том, что она не станет предпринимать никаких мер, направленных против СССР. 28 октября 1939 г. СССР заявил об отказе от дальнейших переговоров с Турцией⁶²³, а в советской прессе появились материалы, осуждавшие Турцию за союз с Англией и Францией и отказ от "укрепления дружбы с Советским Союзом"⁶²⁴.

Одновременно СССР попытался расширить возможное соглашение с Турцией за счет привлечения к нему Болгарии, которая рассматривалась как страна, занимавшая ключевую позицию на Балканах. Проникновение в Болгарию позволило бы СССР зажать Румынию в тиски двух фронтов, получить военно-политическую базу для борьбы за Проливы и проникновения в Югославию и Грецию. С лета 1939 г. Москва расширила свои экономические связи с Софией и заявляла о поддержке болгарских территориальных притязаний к Румынии и Греции, но болгарское руководство опасалось политического сближения с СССР. 15 сентября 1939 г. Болгария заявила о своем нейтралитете в войне, отметив при этом свое стремление к мирной ревизии Нейского договора. Военные меры, предпринятые Турцией в районе Проливов, привели к тому, что Болгария решила прозондировать позицию СССР⁶²⁵. В ходе советско-болгарской зондажей 20 сентября - 3 ноября 1939 г. Москва пыталась добиться согласия Софии на заключение договора о взаимопомощи. Однако дальше этих зондажей дело не пошло, поскольку Болгария, испытывавшая дипломатическое давление со стороны Германии, Италии и англо-французских союзников, которых объединяло нежелание допустить советско-болгарское сближение, предпочитала сохранять нейтралитет⁶²⁶.

В Москве стало ясно, что проект создания советско-турецко-болгарского альянса провалился, и 12 ноября Молотов сообщил в Софию, что, "пожалуй, болгары правы, говоря об опасностях для Болгарии, связанных в данный момент с заключением пакта взаимопомощи. Что же, можно с этим подождать". Тем не менее следовало заявить Кьосеиванову, что Болгария может рассчитывать на поддержку СССР, который при необходимости "будет готов оказать им эффективную помощь"⁶²⁷. В конце ноября в ходе советско-болгарских переговоров о заключении воздушного соглашения и о закупке Болгарией советских самолетов советская сторона вновь заговорила о возможности создания в Болгарии базы советских ВВС и о праве прохода Красной Армии через болгарскую территорию в случае возможного конфликта с Турцией. Однако София промолчала⁶²⁸. В дальнейшем СССР старался укреплять свое влияние в Болгарии через культурные связи, использовавшиеся для пропаганды социализма и советско-болгарской дружбы. Эта работа велась и через БРП, которая организовала движение населения за сближение с СССР. 5 января 1940 г. был подписан советско-болгарский договор о торговле и мореплавании, вступивший в силу 13 февраля после обмена ратификационными грамотами. Со своей стороны Англия и Франция в ноябре 1939 г. расширили торговлю с Болгарией, что оживило англо-франкофильские круги, но экономическая привязанность к Германии оказалась сильнее. Стараясь воспрепятствовать усилению советского влияния в Болгарии, Англия в

апреле 1940 г. высказалась за передачу Болгарии Южной Добруджы при условии заключения румыно-болгарского договора о взаимопомощи⁶²⁹ .

Изменение политической ситуации в Европе привело к корректировке внешней политики Югославии, которая осенью 1939 г. была близка к установлению дипломатических отношений с СССР, но опасения ухудшить отношения с Италией, Англией и Францией и советско-финская война привели к тому, что этот шаг так и не был сделан. К весне 1940 г. югославское руководство стало склоняться к нормализации отношений с СССР, опасаясь нападения Италии. 9 февраля 1940 г. начались советско-югославские экономические переговоры, завершившиеся подписанием 11 мая договора о торговле и мореплавании, который вступил в силу с 1 июня 1940 г. В ходе переговоров выявилась заинтересованность Югославии в советских военных поставках, и советская сторона выразила готовность изучить этот вопрос. В мае Югославия решила прозондировать позицию СССР относительно поддержки против возможного нападения Италии и Германии. Москва выразила готовность обсудить интересующие проблемы, но после установления дипломатических отношений, которое и произошло 24 июня 1940 г.⁶³⁰ По мнению ряда исследователей, Англия и Франция одобрили этот шаг Югославии, Италия выразила недовольство, а Германия, не определяя своего отношения, усилила экономическое проникновение в Югославию, стремясь затруднить советско-югославскую торговлю и возможное дальнейшее сближение с СССР⁶³¹ .

Отношения с Румынией, единственной граничившей с СССР балканской страной, были омрачены наличием нерешенного Бессарабского вопроса, возникшего в 1918 г., когда Румыния в условиях развала Российской империи оккупировала и, вопреки собственным обещаниям, аннексировала Бессарабию. Естественно, ни РСФСР, ни УССР, ни позднее СССР не признали эту румынскую акцию. Более того, Румынии не удалось добиться признания де-юре присоединения Бессарабии и со стороны великих держав, которые, как правило, ограничивались признанием де-факто. Сложности в отношениях с СССР заставили Румынию в 1921 г. подписать с Польшей оборонительный союз против Москвы. Со своей стороны СССР неоднократно настаивал на возвращении оккупированных территорий, а при восстановлении дипломатических отношений оговорил, что не признает Бессарабию частью Румынии. В 1935 г. румынское руководство было готово подписать с СССР даже договор о взаимопомощи при условии, что СССР признает границу по Днестру.

Положение Румынии осложнялось тем, что определенные территориальные претензии к ней имели еще Венгрия и Болгария. Поэтому румынское руководство делало ставку на поддержку Англии и Франции⁶³² . Однако по мере нарастания противоречий между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией и Италией - с другой, Румыния как и большинство малых стран Европы стала проводить политику балансирования между ними. 23 марта 1939 г. было подписано румыно-германское экономическое соглашение, расширившее германское экономическое присутствие в Румынии. Стараясь удержать Румынию от сближения с Германией, Англия и Франция 13 апреля 1939 г. дали ей гарантии независимости⁶³³ . Начало войны в Европе, успехи Германии в Польше и бездеятельность Англии и Франции усилили стремление Румынии дистанцироваться от них, и 8 сентября она объявила о своем нейтралитете. Вступление Красной Армии в Польшу привело к тому, что Бухарест вопреки действующему польско-румынскому договору заявил 18 сентября о своем нейтралитете в происходящих событиях и активизировал поиски союзника против Москвы среди великих держав. Для этого румынское руководство постоянно напоминало всем

заинтересованным сторонам, что на Днестре оно защищает от большевизма не только себя, но и всю европейскую цивилизацию. Но поскольку и Англия с Францией, и Германия с Италией заняли уклончивую позицию, румынское руководство продолжило свою политику балансирования⁶³⁴.

С октября 1939 г. стала обсуждаться идея создания блока нейтральных государств на Балканах под эгидой Италии. Англия и Франция рассматривали эту инициативу как возможность сохранить статус-кво в Юго-Восточной Европе, не допустить усиления там влияния Германии и СССР и попытаться переманить Италию на свою сторону. В Москве к этой идее отнеслись с недовольством, а в Берлине более спокойно, поскольку рассчитывали использовать возможное объединение в своих интересах. В этих переговорах приняла активное участие Румыния, заинтересованная в нейтрализации Венгрии, СССР и Болгарии. Хотя в октябре 1939 г. Румынии удалось несколько улучшить отношения с Венгрией, 21 ноября Будапешт заявил, что не станет участвовать в блоке нейтралов до полного решения спорных вопросов с Румынией. Болгарское руководство сделало схожее заявление. После заключения англо-франко-турецкого договора от участия в блоке отказалась Италия, а Германия по дипломатическим каналам уведомила балканские страны о нежелательности их участия в этом начинании. Кроме того, оживившиеся противоречия на Балканах не позволили достигнуть соглашения, и к декабрю идея блока оказалась окончательно похороненной⁶³⁵.

Анализируя ситуацию на Балканах, аппарат ИККИ подготовил к 28 сентября 1939 г. записку "Империалистическая война и Балканы", в которой отмечалось, что обе воюющие группировки будут стремиться втянуть в начавшуюся войну нейтральные балканские страны. В этих условиях задачи компартий на Балканах заключались в том, чтобы "бороться против империалистической войны, против вмешательства в войну, против поджигателей войны", которыми, по тогдашней советской терминологии, были Англия и Франция, представлявшие с точки зрения Москвы основную преграду усилению советского влияния в Юго-Восточной Европе. В своей работе коммунисты должны были разоблачать политику правящих кругов балканских стран, бороться за дружбу балканских народов и "всеми силами добиваться установления и укрепления дружественных связей с великим Советским Союзом и объединения балканских стран вокруг Советского Союза. Этим они будут способствовать также ограничению театра войны и быстрой ликвидации последней". Компартиям следовало учитывать обострение социальных проблем и разъяснять трудящимся их революционные задачи. "Популяризируя грандиозный опыт СССР, они должны указывать трудящимся, что лишь низвержение капиталистических правительств, лишь установление рабоче-крестьянского правительства и присоединение к Советскому Союзу на основе равноправия и взаимности, лишь осуществление социализма обеспечит трудящимся балканских стран национальное равноправие, свободную и счастливую жизнь"⁶³⁶.

Внимание румынского руководства привлекла статья Б. Стефанова в журнале "Коммунистический Интернационал", в которой утверждалось, что Англия и Франция стремятся втянуть угнетающую нацменьшинства Румынию в войну, но "интересы народов Румынии, их мирное и свободное развитие и лучшее будущее невозможны без немедленного заключения пакта о взаимопомощи с СССР подобно договорам между Советским Союзом и прибалтийскими государствами"⁶³⁷. Румыния немедленно заверила СССР, что не собирается нарушать нейтралитет и проявляет заботу о своих нацменьшинствах⁶³⁸. Одновременно румынское руководство усилило поиски союзника против Москвы, чему

способствовало начало советско-финской войны. 3 ноября Румыния вновь пыталась выяснить у Англии и Франции, распространяются ли их гарантии на Бессарабию, шантажируя их возможностью сближения с Германией⁶³⁹.

14 декабря Англия заявила, что гарантии распространяются на Бессарабию в том случае, если Румынии немедленно поможет Турция и если Италия не будет препятствовать этой помощи. В этом случае новая ситуация будет "рассмотрена" совместно с французским правительством, чтобы определить вклад, который Англия и Франция способны "внести в защиту Румынии". Франция присоединилась к такому ответу. В тот же день Румыния на 15% подняла курс немецкой марки к румынскому лею, уведомив Германию, что ждет от нее помощи против СССР, так как делает это вопреки мнению Англии и Франции. Вместе с тем 15 декабря Румыния просила Англию сохранить ее ответ в тайне, поскольку его разглашение могло бы толкнуть СССР на насильственное решение Бессарабского вопроса. Попытки Румынии получить гарантированную поддержку против СССР со стороны соседей также не принесли результатов. Союзники по Балканской Антанте не были заинтересованы втягиваться в советско-румынский конфликт. Венгрия и Болгария стремились реализовать собственные территориальные претензии к Румынии. Италия рассчитывала продолжить сближение с Венгрией и ограничилась общими обещаниями. В ответ на постоянные запросы румынского руководства относительно возможности советской агрессии, Германия, добивавшаяся стабилизации цен на нефть, 8 февраля 1940 г. ответила, что положение Румынии ее не беспокоит, поскольку она не предвидит никакой русской агрессии⁶⁴⁰.

29 марта 1940 г. В.М. Молотов на сессии Верховного Совета СССР заявил, что "у нас нет пакта о ненападении с Румынией. Это объясняется наличием нерешенного спорного вопроса о Бессарабии, захват которой Румынией Советский Союз никогда не признавал, хотя и никогда не ставил вопрос о возвращении Бессарабии военным путем"⁶⁴¹. Это заявление вызвало в Румынии определенное беспокойство. Уже 30 марта румынский премьер-министр Г. Татареску уведомил Германию о необходимости дальнейшего перевооружения румынской армии и просил повлиять на Москву, чтобы она не претендовала на Бессарабию. На это был получен ответ, что отношения с Румынией будут зависеть от выполнения ею своих экономических обязательств перед Германией. Новые румынские запросы показали, что в Берлине не верили в скорую возможность советской инициативы в решении территориального вопроса. 9 апреля 1940 г. СССР направил Румынии меморандум о 15 случаях обстрела советской территории с румынской стороны и проблеме минирования мостов через Днестр. Румынская сторона, естественно, отрицала свою вину и выдвинула контрпретензии⁶⁴². Распространение войны на Скандинавию и пассивная позиция Англии и Франции вели к снижению их влияния на Балканах. С учетом развития событий в Европе Кароль II высказал 15 апреля 1940 г. мнение, что Румыния должна присоединиться к "политической линии Германии", и предложил в переговорах в Берлине руководствоваться этими намерениями. 19 апреля 1940 г. Коронный совет Румынии высказался против добровольной уступки Бессарабии СССР, предпочитая пойти на военный конфликт⁶⁴³.

Война в Западной Европе потребовала от Румынии пересмотра внешней политики в пользу большего сближения с единственным возможным в то время противником СССР - Германией. Уже 28 мая 1940 г. между Румынией и Германией был подписан новый торговый договор, согласно которому предполагалось увеличить поставки нефти Берлину на 30% в обмен на обеспечение румынской армии современным вооружением. Румынское руководство стало настойчиво предлагать Германии сотрудничество в любой области по ее

желанию. На новые румынские запросы о действиях Германии в случае "агрессии советской России", 1 июня 1940 г. последовал ответ, что проблема Бессарабии Германию не интересует - это дело самой Румынии⁶⁴⁴. В тот же день Румыния предложила СССР расширить товарооборот, но советская сторона не поддержала это предложение. Одновременно был улажен инцидент с советским самолетом, залетевшим в воздушное пространство Румынии на 62 км⁶⁴⁵. 20 июня германскому посланнику в Бухаресте было передано заявление румынского правительства, в котором отмечалось, что "идентичность интересов, которая связывала оба государства в прошлом, определяет также сегодня и определит еще сильнее завтра их взаимоотношения и требует быстрой организации этого сотрудничества, которое предполагает сильную в политическом и экономическом отношении Румынию, ибо только такая Румыния явится гарантией того, что она сможет выполнять свою миссию стража на Днестре и в устье Дуная"⁶⁴⁶. Однако Берлин не торопился с ответом.

С апреля 1940 г. началась переброска советских войск с финского фронта к местам постоянной дислокации. Одновременно происходило усиление Киевского особого (КОВО), Одесского (ОдВО) и Закавказского военных округов (ЗакВО). Эти передислокации были замечены германскими дипломатами в Москве, о чем 21 мая 1940 г. было доложено в Берлин⁶⁴⁷. 11-14 мая оперативный отдел штаба КОВО приказал военно-топографическому отделу начать набор мобилизационных комплектов карт пограничной зоны Румынии⁶⁴⁸. 25 мая германский посол в Москве граф Ф.В. фон Шуленбург обратился к Молотову за разъяснением слухов о концентрации советских войск на границе с Румынией. "Молотов ответил, что все эти слухи лишены оснований, - докладывал Шуленбург в Берлин. Несомненно, пожалуй, что советские войска в южной части России, в Крыму и на Кавказе усиливаются", но эти меры не выходят за рамки оборонительных⁶⁴⁹. Расширение войны в Западной Европе в мае-июне 1940 г. позволило СССР активизировать свою политику в отношении Прибалтики и Румынии.

К сожалению, подавляющая часть документов о подготовке и осуществлении Бессарабской кампании Красной Армии все еще секретна, поэтому невозможно всесторонне исследовать эти проблемы. Однако доступные материалы позволяют все же рассмотреть эти события более подробно.

Конкретные советские военные приготовления к решению Бессарабского вопроса начались 9 июня 1940 г., когда Военные советы КОВО и ОдВО получили директивы наркома обороны ОУ/583 и ОУ/584, согласно которым им была поставлена задача привести войска в состояние боевой готовности по штатам мирного времени без подъема приписного состава, сосредоточить их на границе с Румынией и подготовить операцию по возвращению Бессарабии. Для руководства операцией на базе управления КОВО было создано управление Южного фронта (командующий - генерал армии Г.К. Жуков, член Военного совета - корпусной комиссар В.Н. Борисов, начальник штаба генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин), включавшего 5-ю (командующий на время операции - генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко), 12-ю (командующий генерал-майор Ф.А. Парусинов) армии КОВО и 9-ю армию (командующий генерал-лейтенант И.В. Болдин), сформировавшуюся из войск ОдВО.

13 июня с 13.20 до 14.30 часов в Кремле состоялось совещание высшего военно-политического руководства, на котором присутствовали Сталин, Молотов, нарком обороны маршал С.К. Тимошенко, начальник Генштаба маршал Б.М. Шапошников, его заместитель генерал-лейтенант И.В. Смородинов, начальник Политуправления армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис, командующие войсками и члены Военных советов КОВО - генерал армии

Г.К. Жуков, корпусной комиссар В.Н. Борисов и ОдВО - генерал-лейтенант И.В. Болдин и корпусной комиссар А.Ф. Колобняков, нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов, начальник Главного морского штаба адмирал Л.М. Галлер и командующий Черноморским флотом контр-адмирал Ф.С. Октябрьский⁶⁵⁰. К сожалению, материалы этого совещания все еще секретны, однако совершенно очевидно, что речь на нем шла о подготовке операции против Румынии. В частности, был решен вопрос о создании оперативного объединения Черноморского флота на реке Дунай - Дунайской флотилии, создание которой началось четыре дня спустя.

К 17 июня Военный совет Южного фронта разработал план операции, который был 22 июня представлен на утверждение наркому обороны. 19 июня в Проскурове были проведены специальные занятия с Военными советами армий и командирами корпусов с целью ознакомить их с характером и планом операции. Были даны указания об особенностях боевой подготовки войск и тылов к предстоящей операции. 22-23 июня Военные советы армий проработали на местности с командирами корпусов и дивизий вопросы занятия исходного положения, организации предстоящего наступления, взаимодействия родов войск, управления, связи, устройства тыла и действий на ближайший этап операции. С остальным комначсоставом эти вопросы были проработаны за день до начала операции.

Для выполнения правительственного задания было разработано два варианта операции. Первоначально оперативный план предусматривал ситуацию, когда Румыния не пойдет на мирное урегулирование территориального вопроса и потребуются ведение полномасштабных военных действий. На этот случай предполагалось нанесение охватывающих ударов войсками 12-й армии из района севернее Черновиц вдоль реки Прут на Яссы и 9-й армии из района Тирасполя южнее Кишинева на Хуши с целью окружения румынских войск в районе Бельцы Яссы. Для завершения окружения и дезорганизации тылов противника предусматривалось во взаимодействии с ВВС и Конно-механизированной группой (КМГ) использовать 201-ю, 204-ю и 214-ю воздушно-десантные бригады, из состава которых предполагалось высадить 2 040 человек в районе Тыргу-Фрумос. Десантированию с 120 самолетов ТБ-3 под прикрытием 300 истребителей должен был предшествовать авиаудар по аэродромам и войскам противника. Задачи по борьбе с румынским флотом получил приведенный 15 июня в состояние боевой готовности Черноморский флот. Позднее был разработан второй вариант оперативного плана, предусматривавший мирное разрешение конфликта. В этом случае отход румынских войск на реку Прут должен был сопровождаться быстрым выходом подвижных советских частей на новую границу и контролем за эвакуацией Бессарабии.

Войска были приведены в боевую готовность и 10 июня получили директивы по сосредоточению, которое началось под видом учебного похода с 11 июня и должно было завершиться 24 июня. Однако этот процесс встретил ряд трудностей. Серьезной проблемой для войск стало приведение их в боевую готовность без призыва приписного состава, что потребовало перераспределения военнотрудовых для формирования необходимых тыловых и вспомогательных частей. Для этого привлекалось почти 35 тыс. солдат из строевых частей, слабо подготовленных к выполнению возложенных на них новых обязанностей. Нехватка начальствующего состава тыловых специальностей и медицинского персонала восполнялась их призывом из запаса. Было сформировано 16 полевых госпиталей, 6 отделений полевых эвакуационных пунктов, 4 инфекционных госпиталя, 2 автосанроты, 5 автохирургических отрядов, 12 санитарных поездов, к приему раненных были подготовлены госпитали в Львове,

Тарнополе и Проскурове. Для обеспечения боевых операций войск было развернуто 34 различных склада, 5 хлебопекарен, 7 полевых подвижных госпиталей, 3 эвакуационных и 8 полевых ветеринарных лазарета, 9 рабочих рот. Недостаток транспорта привел к тому, что выступившие в поход войска не имели возможности сразу взять необходимое вооружение и имущество, что приводило к задержке сосредоточения, ибо требовало нескольких рейсов имевшихся автомашин. Для пополнения на случай убыли имелось 17 маршевых батальонов, назначенных Генштабом, 10 маршевых батальонов, сформированных в КОВО и ОдВО, 5 запасных саперных рот и 225 танковых экипажей.

Все эти трудности привели к тому, что войска не успели сосредоточиться к 24 июня, а завершили развертывание только к 27 июня. Войска 12-й армии, находившиеся в Предкарпатье, были развернуты на юго-восток. Штаб армии передислоцировался из Станислава в Коломыю, где ему были подчинены 8-й, 13-й, 15-й, 17-й стрелковые корпуса и Армейская кавгруппа (командующий генерал-лейтенант Я.Т. Черевиченко) в составе 2-го и 4-й кавкорпусов. Часть войск 5-й армии, развернутой на Волыни, была переподчинена 6-й и 12-й армиям. Штаб 5-й армии был переброшен из Луцка в Дунаевцы, где он объединил 36-й и 49-й стрелковые корпуса. Из войск ОдВО, пополненных за счет КОВО, ХВО и СКВО, была развернута 9-я армия (штаб в Гроссулово - ныне: Великая Михайловка) в составе 7-го, 35-го, 37-го, 55-го стрелковых и 5-го кавалерийского корпусов. Часть войск перебрасывалась по железной дороге, часть - пешим порядком. Причем определенные трудности возникли при железнодорожных перевозках войск, поскольку отсутствовал план перевозок. Распоряжение Генштаба о перевозках было получено только в 18.30 12 июня, хотя перевозки должны были начаться с 18.00 этого дня. Несогласованная работа Управления военных сообщений и НКПС привела к тому, что вместо необходимых 709 эшелонов войска получили примерно на треть меньше. Но, несмотря на все эти трудности, к началу операции все войска были подтянуты и развернуты в соответствии с планом 651.

Таблица 19

Группировка войск Южного фронта на 27 июня 1940 г.

В состав войск Южного фронта входили 32 стрелковые, 2 мотострелковые, 6 кавалерийских дивизий, 11 танковых и 3 воздушно-десантные бригады, 14 корпусных артполков, 16 артполков РКК и 4 артдивизиона большой мощности. Общая численность группировки составляла до 460 тыс. человек, до 12 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. танков. Группировка ВВС фронта объединяла 21 истребительный, 12 среднебомбардировочных, 4 дальнебомбардировочных, 4 легкобомбардировочных, 4 тяжелобомбардировочных авиаполка и к 24 июня насчитывала 2 160 самолетов 652.

21 июня 1940 г. начальник Политуправления Красной Армии армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис направил Военным советам и начальникам Политуправлений КОВО и ОдВО директиву № 5285сс о политработе в период Бессарабской кампании, в которой следующим образом объяснялись действия СССР: "В 1918 году, воспользовавшись гражданской войной в СССР и интервенцией англо-французских империалистов, Румыния воровски захватила у нас Бессарабию. Наши братья живут в Бессарабии в ужасающей нищете и влачат жалкое существование", что подтверждалось выдержками из румынской прессы.

"Правительство королевской диктатуры дополняет экономический гнет народных масс Бессарабии политическим и национальным. Этнографически Бессарабия не имеет никакого отношения к Румынии. Там проживает не более 9,1% румын. Все остальное население - это русские, украинцы и молдаване. Русским, украинцам и молдаванам под страхом суда

запрещается разговаривать на родном языке. Их культурные учреждения и школы разгромлены.

Особенно жестоким издевательствам румынские капиталисты и помещики подвергают русское и украинское население в Бессарабии. Они бьют и уничтожают всех, кто в какой-то мере симпатизирует Советскому Союзу.

Стремление бессарабского населения освободиться от румынского гнета сказывается в массовых революционных выступлениях и восстаниях, которые на протяжении всех 22 лет оккупации Бессарабии жестоко подавлялись. Так, были потоплены в крови трудящиеся Хотинское (1919 г.) и Татарбунарское (1924 г.) вооруженные восстания. Бессарабские тюрьмы переполнены политическими заключенными и крестьянами.

Советский Союз никогда не признавал захвата боярской Румынией Бессарабии. 5 марта 1918 г. Румыния по Ясскому мирному договору с Советской Россией обещала в 2-месячный срок очистить Бессарабию от своих войск и вернуть ее нашей Родине. Этот договор Румыния, при поддержке Англии и Франции, не выполнила.

Настал момент вырвать из воровских рук боярской Румынии нашу землю, выволить из румынского плена наших братьев и граждан. Уворованная Бессарабия должна быть и будет возвращена в лоно своей матери-Родины Союзу Советских Социалистических Республик.

В целях подготовки войск к предстоящим военным операциям Политуправление Красной Армии" обязывало политорганы "разъяснить всему личному составу внешнюю политику СССР, разоблачить Румынию, захватившую воровским путем нашу советскую землю. Мы идем освобождать наших единокровных братьев украинцев, русских и молдаван из-под гнета боярской Румынии и спасти их от угрозы разорения и вымирания. Вызволяя советскую Бессарабию из-под ига румынских капиталистов и помещиков, мы защищаем и укрепляем наши южные и юго-западные границы. (Сделать это вечером накануне выступления)..."

Требовалось "всею партийно-политической работой создать в частях боевой подъем, наступательный порыв, обеспечивающий быстрый разгром врага (захват в плен его основных сил и очистку Бессарабии)... Задача Красной Армии, как указано выше, - вернуть Бессарабию к нашей Родине и выволить из боярского плена наших единокровных братьев и граждан. На своих знаменах Красная Армия несет свободу трудовому народу от эксплуатации и национального гнета. Рабочие будут освобождены от капиталистического рабства, безработные получают работу, батраки, безземельные и малоземельные крестьяне получают земли румынских помещиков, налоги будут облегчены и временно совсем сняты. Будет положен конец дикой системе "румынизации" русских, украинцев и молдаван. Население Бессарабии получит возможность строить свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию. Бессарабия станет советским форпостом на нашей южной и юго-западной границе... Подготовка наступления должна проводиться в строжайшей тайне. Решительно бороться с болтливостью. Каждый должен знать лишь ему положенное и в установленный срок... Тексты листовок к солдатам и населению даст Политуправление Красной Армии. Их надо будет разбросать по всей Бессарабии самолетами в первый день наступления..."

Чтобы не допустить возможного мародерства и "барохолизма", требовалось "проинструктировать личный состав об отношении к мирному населению" и запретить "совершать какие бы то ни было личные покупки в магазинах всем военнослужащим, не взирая на лица".

Были предусмотрены меры по работе среди войск противника, основная цель которой "сводится к тому, чтобы быстро разложить его армию, деморализовать тыл и, таким образом, помочь командованию Красной Армии в кратчайший срок и с наименьшими жертвами добиться полной победы". Требовалось "на конкретных фактах показывать тяжелое положение трудящихся масс, особенно батраков и малоземельных, в Бессарабии, террор и насилие в тылу со стороны полицейско-жандармского аппарата... Разъяснять румынским солдатам несправедливость и безнадежность войны против СССР и задачи Красной Армии. Разоблачить произвол офицеров на фронте, капиталистов, помещиков, чиновников и полицейских в тылу... Пропагандировать переход солдат на нашу сторону и антивоенные настроения в армии противника. Широко пропагандировать каждый факт поражения румынских войск. Показывать счастливую и радостную жизнь рабочих и крестьян в СССР. Разъяснять, как рабочие и крестьяне СССР управляют государством без капиталистов и помещиков. Противопоставлять этому бесправное положение рабочих и крестьян в Румынии. Показать принципиальную разницу между царской Россией - тюрьмой народов и Советским Союзом - братским союзом освобожденных народов... Политработники держат серьезный экзамен. Они должны оправдать огромное доверие, которое оказала им партия, правительство, товарищ СТАЛИН"653 .

Политработа согласно этой директиве, полученной в войсках 25 июня, вела не только к "правильному" пониманию событий личным составом, но и породила ряд негативных настроений. Так, например, красноармеец 36-й танковой бригады Соколовский заявил: "Опять война, опять протягиваем братскую руку помощи. А сами говорим, что у нас нет империалистической захватнической политики". По мнению красноармейца 335-го гаубичного артполка РКК Федотова, "у нас только говорят против войны, а сами воюют, в результате чего уже погибло до 200 тыс. человек и еще готовим войну, чтобы убивать людей, это преступно"654 . Естественно, что с такими настроениями политорганы боролись особенно активно. В период сосредоточения войск имели место факты дезертирства красноармейцев. Так, только в войсках 12-й армии с 11 по 28 июня было задержано 138 дезертиров, 71 из которых был осужден (в том числе 5 к расстрелу). К 26 июня политорганы разработали план действий на первые дни операции655 . Для воздействия на войска противника было отпечатано 6 млн листовок, которые 27 июня были загружены в самолеты и подготовлены к применению656 .

Военная подготовка решения Бессарабского вопроса сопровождалась соответствующей дипломатической деятельностью Москвы. 21 июня 1940 г. советский полпред в Бухаресте в беседе с румынским министром иностранных дел в ответ на реплику последнего о путях улучшения советско-румынских отношений заметил, что в первую очередь следует урегулировать нерешенные политические вопросы, в частности вопрос о Бессарабии. Однако румынская сторона не стала развивать эту тему. Вступление Италии 10 июня 1940 г. в войну усилило ее заинтересованность в демонстрации сотрудничества с СССР, который тоже был заинтересован в определении позиции Германии и Италии в отношении Балкан и возможности решения Бессарабского вопроса. 20 июня итальянский посол в Москве А. Россо заявил Молотову о стремлении итальянского правительства развивать отношения с СССР в духе договора о дружбе, ненападении и нейтралитете 1933 г. и помочь урегулированию спорных вопросов на Балканах мирным путем. В ответ Молотов заявил, что СССР стоит за урегулирование Бессарабского вопроса "мирным путем, если, конечно, он не будет затягиваться без конца"657 . Эта беседа стала первым намеком для германского

посольства в Москве на возможные действия СССР в отношении Румынии⁶⁵⁸ .

В беседе с Молотовым 23 июня Шуленбург подтвердил, что, по мнению Германии, "соглашение о консультации" согласно пакту о ненападении "распространяется и на Балканы". Выяснив, что Германия подтверждает прошлогоднее соглашение о Бессарабии, Молотов сообщил Шуленбургу решение советского правительства по Бессарабскому вопросу. "Советский Союз хотел бы разрешить вопрос мирным путем, но Румыния не ответила" на советское заявление от 29 марта 1940 г. Теперь советское правительство "хочет поставить этот вопрос вновь перед Румынией в ближайшее время. Буковина, как область, населенная украинцами, тоже включается в разрешение Бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем... Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение Бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой. Советский Союз долго и терпеливо ждал разрешения этого вопроса, но теперь дальше ждать нельзя"⁶⁵⁹ . Шуленбург указал на важность для Германии экономических поставок из Румынии и просил советское правительство не предпринимать никаких решительных шагов, пока не будет обозначена позиция Германии. Молотов еще раз подчеркнул срочность вопроса и заявил, что советское правительство ожидает поддержки со стороны Германии. Со своей стороны СССР обеспечит охрану экономических интересов Германии в Румынии⁶⁶⁰ .

23 июня вечером Молотов уведомил Шуленбурга, что "советское правительство будет ожидать ответа германского правительства до 25 июня включительно"⁶⁶¹ . 24 июня Риббентроп составил для Гитлера меморандум, в котором указал, что в соответствии с секретным протоколом от 23 августа 1939 г. Германия декларировала свою политическую незаинтересованность в Бессарабии, относительно экономической заинтересованности Германии на Юго-Востоке Европы советское правительство было должным образом уведомлено⁶⁶² . В тот же день Риббентропу были переданы соображения статс-секретаря германского МИДа Э. фон Вайцеккера, который предложил приложить усилия для мирного урегулирования вопроса в смысле удовлетворения претензий СССР, потребовав взамен удовлетворить следующие пожелания: "1. Не переходить в Бессарабии участок р. Прут и нижнего течения Дуная, чтобы не подвергать опасности наши интересы в районах нефтедобычи; 2. Обещать соблюдать права и интересы граждан рейха; 3. Обещать охрану интересов фольксдойче способом, который будет установлен позднее; 4. В случае военного столкновения не бомбить районы нефтедобычи"⁶⁶³ . Румынии же необходимо указать, что Германия поддержит советские требования.

25 июня советская сторона предприняла более конкретный дипломатический зондаж в отношении Италии. В ответ на предыдущий запрос итальянского посла Молотов заявил ему, что СССР "не имеет никаких претензий к Венгрии" и "считает претензии Венгрии к Румынии имеющими под собой основания". "С Болгарией у СССР хорошие, добрососедские отношения. Они имеют основание стать более близкими. Претензии Болгарии к Румынии, как и к Греции, имеют под собой основания. Основные претензии СССР к Румынии известны. СССР хотел бы получить от Румынии то, что по праву принадлежит ему, без применения силы, но последнее станет неизбежным, если Румыния окажется несговорчивой. Что касается других районов Румынии, то СССР учитывает интересы Италии и Германии и готов договориться с ними по этому вопросу"⁶⁶⁴ . 26 июня в беседе с советским полпредом в Риме министр иностранных дел Италии Г. Чиано, сославшись на сведения о намерениях СССР "разрешить военным путем вопрос о Бессарабии",

информировал Москву, что Италия "целиком признает права СССР на Бессарабию", но заинтересована в мирном решении этого вопроса. При этом итальянская сторона выразила готовность вместе с Германией "посоветовать Румынии принять советские предложения"⁶⁶⁵. 27 июня Москва дала согласие на это итальянское предложение⁶⁶⁶.

В 21.00 25 июня Шуленбург сообщил Молотову следующий ответ Берлина: "1. Германское правительство в полной мере признает права Советского Союза на Бессарабию и своевременность постановки этого вопроса перед Румынией. 2. Германия, имея в Румынии большие хозяйственные интересы, чрезвычайно заинтересована в разрешении Бессарабского вопроса мирным путем и готова поддержать Советское правительство на этом пути, оказав со своей стороны воздействие на Румынию. 3. Вопрос о Буковине является новым, и Германия считает, что без постановки этого вопроса сильно облегчилось бы мирное разрешение вопроса о Бессарабии. 4. Германское правительство, будучи заинтересованным в многочисленных немцах, проживающих в Бессарабии и Буковине, надеется, что вопрос об их переселении будет решен Советским правительством в духе соглашения о переселении немцев с Волыни". Германия высказала заинтересованность в недопущении "превращения Румынии в театр военных действий"⁶⁶⁷. Молотов выразил признательность германскому правительству за его понимание и поддержку советских требований и заявил, что СССР также желает мирного решения вопроса; пожелания Германии относительно проживающих там немцев будут учтены, так же как и экономические интересы рейха. По вопросу о Буковине Молотов заявил, что она "является последней недостающей частью единой Украины и что по этой причине советское правительство придает важность решению этого вопроса одновременно с бессарабским"⁶⁶⁸, но, как отметил Шуленбург, вполне возможно некоторое изменение советских требований.

26 июня Молотов вновь беседовал с Шуленбургом и заявил, что советские требования "ограничиваются северной частью Буковины с городом Черновицы", и добавил, что советское правительство ожидает поддержки Германией этих требований. Когда Шуленбург заметил, что вопрос решился бы легче, если бы СССР возвратил Румынии золотой запас румынского Национального банка, вывезенный в Москву в 1915 г., Молотов ответил, что об этом не может быть и речи, так как Румыния достаточно долго эксплуатировала Бессарабию. Относительно дальнейших действий Молотов сообщил, что он передаст требования СССР румынскому посланнику в Москве в ближайшее дни и ожидает от Германии поддержки в удовлетворении этих требований, если Румыния не хочет войны⁶⁶⁹.

В Румынии еще не знали, что судьба Бессарабии уже практически решена. 25 июня румынский премьер-министр интересовался у германского посланника в Бухаресте, нет ли ответа на румынское заявление от 20 июня. Получив сведения о сосредоточении Красной Армии к Днестру, Татареску заявил, что "румынское правительство и король полны решимости скорее воевать, чем просто уступить", если СССР потребует передачи Бессарабии. Столь же воинственные заявления выслушивали 24-26 июня от румынских коллег американские дипломаты⁶⁷⁰. Правда, в Бухаресте росли опасения в связи с тем, что неоднократные тревожные обращения в Берлин натыкались на стену молчания. На советско-румынской границе была развернута крупная группировка румынских войск. В полосе от Валя-Вишеуляй до Сокиряны располагались войска 3-й армии (штаб - Роман) в составе мехкорпуса (1-я, 4-я мехбригады), 8-го и 10-го армейских корпусов (5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 29-я, 34-я, 35-я пехотные и 2-я кавалерийская дивизии). Вдоль р. Прут от Сокиряны до Черного моря были развернуты войска 4-й армии (штаб - Теуч) в составе 1-го, 3-го, 4-го и 11-го армейских

корпусов (2-я, 11-я, 12-я, 13-я, 14-я, 15-я, 21-я, 25-я, 27-я, 31-я, 32-я, 33-я, 37-я пехотные, 3-я, 4-я кавалерийские дивизии). Обе армии, входившие в состав 1-й группы армий, объединяли 60% сухопутных войск Румынии и насчитывали около 450 тыс. человек⁶⁷¹.

26 июня в 22.00 Молотов вручил румынскому посланнику Г. Давидеску ноту советского правительства. В ней было заявлено, что "в 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории - Бессарабию... Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а сложившаяся международная обстановка требует быстрее разрешения... нерешенных вопросов..." советское правительство предложило Румынии: "1. Возвратить Бессарабию Советскому Союзу. 2. Передать Советскому Союзу северную часть Буковины в границах согласно приложенной карте". Одновременно Москва выразила надежду, что Румыния "примет настоящее предложение СССР и тем даст возможность мирным путем разрешить затянувшийся конфликт". Ответ румынского правительства ожидался в течение 27 июня⁶⁷². Попытка румынского посланника оспорить приведенную в ноте аргументацию ссылками на историю Бессарабии и событий 1918 г., естественно, не нашла отклика у Молотова, который заметил, что они "не соответствуют ни историческому развитию, ни реальной ситуации". Так же не удалась попытка продлить срок для ответа из Бухареста, поскольку советское правительство уже "ждало 22 года" и поэтому "надеется, что ответ будет дан без опозданий, и если он будет положительным, то вопрос будет решен мирным путем"⁶⁷³.

О предпринятых шагах Молотов 27 июня известил Шуленбурга⁶⁷⁴, который пытался уточнить, "как понимать требование советского правительства, что румынский ответ должен поступить еще сегодня". На это ему разъяснили, что "советские войска завтра утром перейдут румынскую границу, если румынское правительство еще сегодня не даст положительный ответ на советские требования"⁶⁷⁵. Получив советскую ноту, румынское правительство обратилось за поддержкой к Италии, Германии и союзникам по Балканской Антанте. Кроме того, от Рима и Берлина требовалось оказать сдерживающее влияние на Венгрию и Болгарию. С утра 27 июня в Румынии была объявлена мобилизация, а в 10.30 Риббентроп передал в Бухарест инструкцию своему послу, в которой предлагал заявить министру иностранных дел Румынии: "Советское правительство информировало нас о том, что оно требует от румынского правительства передачи СССР Бессарабии и северной части Буковины. Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить требованиям советского правительства"⁶⁷⁶. Схожие ответы были получены от Италии и стран Балканской Антанты. Обсуждая варианты действий в данной ситуации, в Бухаресте решили попытаться затянуть время, вступив в переговоры с СССР.

В 23.00 27 июня в Москве был получен ответ Бухареста, в котором румынское правительство заявляло, "что оно готово приступить немедленно, в самом широком смысле к дружественному обсуждению, с общего согласия, всех предложений, исходящих от Советского правительства". Румыния просила "указать место и дату" будущих переговоров, делегаты на которые с румынской стороны будут назначены после ответа из Москвы. В ноте выражалась надежда, что "переговоры... будут иметь результатом создание прочных отношений, доброго согласия и дружбы между СССР и Румынией". Выслушав столь обтекаемый ответ, Молотов заявил, что "не видит в сделанном заявлении согласия на

советские предложения и что он полагает, что завтра же советские войска должны вступить на территорию Бессарабии и Северной Буковины". Давидеску заверил его, что румынское правительство согласно с советскими предложениями, но следует договориться о "процедуре и юридических формах осуществления данных мероприятий". Однако все попытки румынского дипломата договориться о будущих переговорах были безуспешны, поскольку, как заявил Молотов, "сейчас речь идет о вопросах политических, а не технических". Советская сторона предложила немедленно подписать соглашение о том, что 28 июня "советские войска должны занять определенные пункты" и за 3-4 дня занять всю остальную территорию. Соответственно, Румыния должна гарантировать сохранность предприятий, железных дорог, аэродромов, телеграфа и телефона, государственного и частного имущества, а позднее "советско-румынская комиссия сможет договориться о деталях реализации намеченных мероприятий"⁶⁷⁷.

Давидеску отказался подписывать соглашение, сославшись на отсутствие у него необходимых полномочий. Тогда несколько позднее ему была передана новая советская нота, в которой отмечалась неопределенность ответа румынского правительства, "ибо в нем не сказано прямо, что оно принимает предложения Советского правительства о немедленной передаче Советскому Союзу Бессарабии и северной части Буковины". Однако, принимая во внимание разъяснения румынского посланника в Москве, советское правительство предложило: "1. В течение 4-х дней, начиная с 2 часов дня по московскому времени 28 июня, очистить румынским войскам территорию Бессарабии и северной части Буковины. 2. Советским войскам за этот же период занять территорию Бессарабии и северной части Буковины. 3. В течение 28 июня советским войскам занять пункты: Черновицы, Кишинев, Аккерман. 4. Королевскому правительству Румынии взять на себя ответственность за сохранность и недопущение порчи железных дорог, паровозного и вагонного парка, мостов, складов, аэродромов, промышленных предприятий, электростанций, телеграфа. 5. Назначить комиссию из представителей" сторон "для урегулирования спорных вопросов по эвакуации румынских войск и учреждений". Ответ Румынии должен был поступить в Москву не позже 12.00 28 июня⁶⁷⁸.

В Бухаресте продолжали обсуждение сложившейся обстановки, не исключая и возможности военного сопротивления СССР. Однако поздно вечером 27 июня, реально оценив военные возможности Румынии и опасаясь социальных потрясений в случае войны с СССР, Коронный совет 27 голосами против 11 решил согласиться на уступку требуемых СССР территорий. Как позднее заявил в парламенте Татареску, "мы решили отступить из Бессарабии и Верхней Буковины, чтобы спасти сегодня румынское государство и уберечь от опасности будущее румынской нации"⁶⁷⁹. В 11.00 28 июня румынское правительство заявило, что, стремясь "избежать серьезных последствий, которые повлекли бы применение силы и открытие военных действий в этой части Европы, видит себя обязанным принять условия эвакуации, предусмотренные в советском ответе". При этом Румыния просила продлить срок эвакуации, "принимая во внимание, что эвакуацию территории было бы крайне трудно осуществить в течение четырех дней вследствие дождей и наводнений, которые испортили пути сообщения". Решением этого вопроса могла бы заняться смешанная советско-румынская комиссия⁶⁸⁰. Вместе с тем, как справедливо отметила М.Д. Ерещенко, Румыния формально согласилась не на возвращение территории Советскому Союзу, а всего лишь на "эвакуацию румынских войск" из Бессарабии и Северной Буковины⁶⁸¹, что в дальнейшем использовалось Бухарестом для обоснования своих притязаний на эти

территории.

Поскольку советско-румынский конфликт был разрешен мирным путем, войска Южного фронта получили приказ осуществить операцию по второму варианту плана. В Бессарабию и Северную Буковину вводилась лишь часть сосредоточенных войск: от 12-й армии - 4-й кавкорпус с 23-й танковой бригадой, 2-й кавкорпус с 5-й танковой бригадой (1-й эшелон), 60-я, 58-я, 131-я стрелковые и 192-я горнострелковая дивизии (2-й эшелон). От 5-й армии - 36-я, 49-я танковые бригады (1-й эшелон), 80-я, 169-я стрелковые дивизии (2-й эшелон). От 9-й армии - 5-й кавкорпус, 4-я танковая бригада, 15-я мотострелковая дивизия (1-й эшелон), 95-я, 25-я, 74-я, 140-я стрелковые дивизии (2-й эшелон). Кроме того, предусматривалось использование 201-й и 204-й воздушно-десантных бригад фронтового подчинения. Все остальные войска оставались на старой границе в полной боевой готовности⁶⁸². 28 июня войска получили указание Политуправления Красной Армии, которое требовало разъяснить всему личному составу, что, "благодаря мудрой сталинской внешней политике, мы избавили от кровопролитной войны трудящихся Бессарабии и Северной Буковины и решили вопрос о возвращении Бессарабии в могучую семью Советского Союза мирным путем"⁶⁸³. Войскам приказывалось сохранять бдительность и вести активную политработу среди местного населения.

В 14.00 28 июня войска Южного фронта перешли старую границу и в тот же день заняли Черновицы, Хотин, Бельцы, Кишинев и Аккерман. Советские войска продвигались практически вслед за арьергардами румынских войск, а подвижные соединения обогнали их и раньше них вышли к реке Прут. Форсирование нижнего течения Днестра войсками 9-й армии заняло слишком много времени, поскольку понтоны оказались слабо обученными. Задержка с продвижением войск в юго-западные районы Бессарабии и поступившие сведения о мародерстве эвакуированных румынских частей привели к тому, что было решено высадить десанты в южной части Бессарабии. 29 июня в районе Болград было десантировано 1 372 бойца 204-й воздушно-десантной бригады. В 4.55 утра 30 июня был отдан приказ о переброске в Измаил частей 201-й воздушно-десантной бригады, и в 9.35-12.15 44 самолета ТБ-3 с 809 десантниками на борту взяли курс на цель. Первоначально предполагалось, что самолеты приземлятся на измаильском аэродроме, но оказалось, что аэродром слишком мал для столь крупных самолетов, и после посадки 12 ТБ-3 было решено остальной десант выбросить на парашютах. Всего было высажено 240 и десантировано с парашютами 509 человек, а из трех самолетов десантирование не было произведено. К вечеру десантники заняли Измаил и взяли под охрану границу. В ходе этих десантных операций погибли 3 человека, 7 получили переломы, а 25 - легкие травмы. По мнению командования Южного фронта, десанты "полностью себя оправдали и заставили румынские части считаться с соглашением"⁶⁸⁴.

Несмотря на столь высокую оценку действий десантников, командование воздушно-десантных бригад было настроено в отношении проведенной операции достаточно критично. Как сообщал в своем донесении от 19 июля 1940 г. Военному совету КОВО и Управлению боевой подготовки РККА командующий 204-й бригадой полковник Губаревич, 28 июня 1940 г. бригада была приведена в состояние боевой готовности и в 20.00 через командира 29-й тяжелобомбардировочной авиабригады получила боевую задачу, поскольку штаб фронта всю подготовку перепоручил штабу ВВС. С 4.00 утра 29 июня личный состав бригады был выведен к самолетам и находился там до отлета, имея на себе один боекомплект патронов и две сутодачи мясоовощных консервов, концентратов и сухарей. Подготовка

операции командованием ВВС фактически не производилась: не была осуществлена разведка места выброски, отсутствовала организация связи, а подготовка авиаполков для десантирования оказалась низкой, что привело к рассеянию десанта на большой территории. В 8.00-9.30 был произведен вылет 99 самолетов ТБ-3, а в 12.30-14.30 десантирование в 10 км севернее Болграда. Полностью бригада сосредоточилась к 16.30, но еще до этого два батальона были отправлены в Болград и на станцию Троянов вал, которые они заняли в 18.30. В 18.15 был получен приказ Южного фронта о занятии городов Рени и Кагул, находящихся в 40-50 км от места выброски десанта. В ночь на 30 июня рота десантников на автомашинах заняла Рени, где произошла перестрелка с румынами. Рано утром 1 июля был занят Кагул. Появление десантников приостановило грабеж населения румынскими солдатами. К 4 июля подошли части 25-й стрелковой дивизии. 204-я бригада была отведена в Болград, оттуда по железной дороге перебросена в Бендеры, где и оставалась до 16 июля 1941 г.

Начальник Управления боевой подготовки Красной Армии генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов, докладывая 24 июля 1941 г. наркомму обороны о ходе воздушно-десантной операции в Бессарабии, отметил, что она была "выполнена исключительно плохо", поскольку "отсутствовала всякая подготовка к операции".

"Выброска 204-й бригады 29 июня, - читаем в его докладной, - была совершена с запозданием на 1 час 30 минут вследствие несвоевременной отдачи распоряжения о вылете. Вылет 201-й бригады вместо 9.00 был произведен в 14.00 30 июня по той же причине, а также из-за необеспеченности бензозаправщиками аэродрома Скоморохи. Воздушная переброска десанта проводилась по мирному - без прикрытия боевой авиации и предварительной разведки района выброски (высадки). Строи и высота полета не соблюдались. Выброска проводилась неорганизованно, на различных высотах и очень растянуто. В результате этого бригады разбрасывались на площади 10 x 10 км, а сбор после приземления производился в течение двух часов, что для боевой обстановки недопустимо. Полет десанта проходил днем, в условиях наибольшей болтанки в воздухе, отсюда лишь в одной 204-й бригаде было возвращено на аэродромы вылета 50 человек, оказавшихся не в состоянии прыгать (укачало). Воздушные бригады выбрасывались и высаживались, не имея никаких задач и указаний о характере действий. Пункты выброски командование десантных бригад стали известны лишь от командиров летных частей. Со стороны штабфронта никакого руководства бригадами не было и лишь спустя 5 часов после выброски в 204-ю бригаду прибыл представитель фронта с весьма общим распоряжением о занятии новых пунктов, но опять-таки без упоминания о характере действий бригад.

При использовании бригад не учитывалась степень их состояния и подготовленность". Так, 204-я бригада, имевшая 42,2% "состава из людей, прибывших в бригаду в июне месяце и наспех совершивших 1-3 прыжка, была сброшена на парашютах в сложных условиях при ветре 8-9 м/с. В то же время наиболее подготовленная для парашютной выброски 214-я бригада не была использована совсем. Время на подготовку к операции от момента получения распоряжения и до вылета исчислялось 4-мя часами, и то за счет лишения необходимого отдыха личного состава бригады. Пополнение выброшенных бригад огнеприпасами и продовольствием по воздуху, а также эвакуация раненых и больных предусмотрена не была. После многих запросов лишь 5 июля (спустя пять дней) в распоряжение 204-й бригады прибыл санитарный самолет. Перечисленные недочеты в боевой обстановке неизбежно привели бы к провалу воздушно-десантной операции и к

напрасной гибели людей и самолетов"686 .

29 июня войска первых эшелонов вышли на реку Прут, где заняли переправы и установили порядок осмотра отходящих румынских частей с целью изъятия захваченного имущества местного населения. Эти меры, наряду с активной политической пропагандой, личное участие в которой приняли прибывшие в Бессарабию С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, Л.З. Мехлис и первый секретарь ЦК КП(б)У Н.С. Хрущев, поддерживали энтузиазм населения в связи с приходом Красной Армии. В ходе Бессарабской операции для издания газет и листовок на русском, украинском и румынском языках использовался поезд-типография, общий объем продукции которого составил 2 120 тыс. экземпляров. Газеты, изданные в уездах, позволили широко охватить прессой местное население, для развлечения которого привлекались киноустановки и театры УССР и КОВО. Общий объем отпечатанных книг, брошюр, листовок, карт и т.п. составил 2 539 тыс. экземпляров687 . В ходе занятия Бессарабии советскими войсками имели место факты "барахольства" - покупок советскими военнослужащими различных промтоваров, что активно пресекалось командованием и политорганами.

К исходу 1 июля новая граница была полностью занята войсками, а с 14.00 3 июля граница была закрыта, и не успевшие переправиться румынские военнослужащие были разоружены и задержаны. Тем самым "войска Южного фронта выполнили поставленную перед ними задачу и обеспечили нашему Правительству возможность мирным путем освободить БЕССАРАБИЮ и БУКОВИНУ и своими действиями быстро закрепили их за СССР.. Граница надежно обеспечена. Главные силы приступили к нормальной боевой учебе в занимаемых ими районах"688 . С 5 июля 1940 г. войска были переведены в состояние обычной готовности мирного времени, и с 8 июля началось их рассредоточение по местам постоянной дислокации. 7 июля было расформировано управление Южного фронта, а 10 июля - управление 9-й армии689 . Отсутствие боевых действий не исключало мелких стычек румынских и советских войск, потери Красной Армии в которых, а также от несчастных случаев за период с 11 июня по 6 июля 1940 г., по неполным данным, составили 119 человек (убито - 29, самоубийств 12, ранено - 69, членовредительство - 6, утонуло - 3)690 .

В ходе Бессарабской кампании советские войска захватили значительные трофеи. К 14 июля 1940 г. они насчитывали: 52 796 винтовок и карабинов, 4 480 пистолетов, 1 автомат, 1 071 ручных пулеметов, 326 станковых пулеметов, 149 малокалиберных винтовок, 1 080 охотничьих ружей, 6 зенитных пулеметов, 40 минометов, 258 орудий, 14 296 183 патронов, 54 309 гранат, 1 512 противотанковых мин, 16 907 минометных мин, 79 320 снарядов, 15 грузовых автомашин, 38 легковых, 2 автобуса, 3 трактора, 4 мотоцикла с коляской, 17 велосипедов, 125 телефонных аппаратов, 1 радиоустановка, 117,5 км телефонного кабеля, 21 064 противогАЗа, 545,2 тонны ГСМ, санитарное, инженерное, обозно-вещевое имущество, 141 паровоз, 1 866 крытых вагонов, 325 полувагонов, 45 платформ, 19 цистерн, 31 классный вагон, 2 багажных вагона, 10 137,8 тонн продфуража, 36 бочек масла, 98 600 банок и 40 ящиков консервов, 3,5 вагона вина, 103 вагона сена, 1 176 лошадей, 60 голов крупного рогатого скота, 220 овец, 70 поросят691 . СССР получил территорию площадью 50 762 кв. км с населением 3 776 тыс. человек, и 2 августа Верховный Совет СССР принял закон об образовании Молдавской ССР и включении в состав УССР Северной Буковины и трех уездов Бессарабии на черноморском побережье.

Передачей СССР требуемых им территорий не завершилось урегулирование спорных вопросов. С 29 июня 1940 г. в Одессе начала работу советско-румынская правительственная

комиссия по урегулированию спорных вопросов и эвакуации румынских войск и учреждений из Бессарабии и северной части Буковины (с советской стороны председатель генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, с румынской - дивизионный генерал А. Алдя). Советская сторона требовала, чтобы Румыния возвратила угнанный подвижной состав железных дорог и передала техническую и картографическую документацию новых советских территорий. 31 июля 1940 г. было подписано советско-румынское соглашение о передаче СССР к 25 августа 175 паровозов и 4 375 вагонов⁶⁹². Со своей стороны СССР отказался рассматривать контрпретензии Румынии по военному имуществу, оставленному в Бессарабии, на основании заявления румынской делегации, что имущество расхитили дезертиры. Правда, позднее (20 сентября - 15 ноября 1940 г.) большая часть военных трофеев Красной Армии была возвращена Румынии, которая получила 51 644 винтовок, 1 080 ручных и 130 станковых пулеметов, 4 648 пистолетов, 36 минометов, 157 орудий, 16 270 453 патронов, 20 878 гранат, 115 138 снарядов⁶⁹³.

2 сентября начала работу советско-румынская техническая комиссия по определению убытков и разрушений, нанесенных румынской армией при отходе из Бессарабии и Северной Буковины (с советской стороны председатель полковник В.В. Болознев, с румынской - генерал Карлаонц), которая занималась проверкой предъявленных документов через свидетелей или с выездом на место. Члены комиссии побывали в Кишиневе, Рени, Бельцах, Черновицах и Липканах. В ходе переговоров советская сторона требовала от Румынии возмещения ущерба и оплаты всевозможных документов финансового характера за май-июнь 1940 г. на общую сумму 2 601 млн лей. Проверки на местах показали, что претензии советской стороны были, как правило, завышены и во многих случаях не подтверждались. Румынская сторона, как правило, указывала на завышенность или необоснованность советских претензий и выдвигала собственные контрпретензии. 22 ноября 1940 г. техническая комиссия прекратила свою работу. В ходе переговоров была достигнута договоренность о сумме ущерба, нанесенного жителям Бессарабии, в 265 703 807 лей, но 28 ноября 1940 г. Румыния отказалась его возмещать, сославшись на то, что СССР не требовал этого в своих нотах⁶⁹⁴.

Поражение Франции привело к нарушению сложившейся системы влияния великих держав и обострило борьбу за Балканы. Первым новую ситуацию использовал СССР, добившись разрешения Бессарабского вопроса. Венгрия и Болгария решили, что настало время осуществить их собственные территориальные претензии к Румынии. Опасаясь своих соседей, румынское руководство приняло решение ускорить сближение с Германией, что должно было помочь избежать новых территориальных уступок. 1 июля Румыния отказалась от англо-французских гарантий 1939 г. и на следующий день просила Германию о расширении сотрудничества и посылке в страну военной миссии. Однако в Берлине не спешили отвечать на румынские предложения, поскольку перед Германией стояла задача подчинить своему влиянию все Балканы, а для этого следовало использовать противоречия стран региона. В июле 1940 г. Германия отказалась от румынского предложения о гарантии границ Румынии и от роли арбитра в урегулировании территориальных вопросов, потребовав от нее договориться с соседями, учтя их требования. Такую же позицию заняла и Италия. В этих условиях в августе 1940 г. Румыния была вынуждена пойти на прямые переговоры с Венгрией и Болгарией⁶⁹⁵.

В июле 1940 г. Германия, Италия и СССР, стремившиеся усилить, и Англия, пытавшаяся сохранить свое влияние в регионе, поддержали территориальные претензии Болгарии к

Румынии. 19-21 августа состоялись румыно-болгарские переговоры в городе Крайове, в результате которых 7 сентября было подписано соглашение о передачи Болгарии территории Южной Добруджи площадью в 5 672 кв. км и населением 386 231 человек. 21 сентября соглашение было ратифицировано, и болгарские войска вступили в Южную Добруджу, а к 2 октября вся процедура была завершена⁶⁹⁶. Со своей стороны Венгрия еще 28 июня уведомила Берлин, что в создавшейся ситуации она не исключает возможности решения вопроса о Трансильвании военной силой. В то же время она готова увеличить свои сельскохозяйственные поставки в Германию и предоставить ей право пользования венгерскими железными дорогами. 29 июня венгерские войска начали сосредоточение у румынской границы⁶⁹⁷. Одновременно Венгрия пыталась выяснить позицию других великих держав.

В июле-августе 1940 г. Москва неоднократно заявляла, что считает свои отношения с Венгрией нормальными и не имеет к ней никаких претензий. В то же время "советское правительство считает, что претензии Венгрии к Румынии имеют под собой основания", и СССР будет придерживаться этой позиции "в случае созыва международной конференции, на которой эвентуально будет стоять вопрос о притязаниях Венгрии к Румынии". Попытки Венгрии получить обещания более конкретной помощи не увенчались успехом⁶⁹⁸. Англия и США также поддержали венгерские претензии. За этой позицией Москвы, Лондона и Вашингтона без труда угадывалось стремление использовать венгеро-румынский конфликт для того, чтобы поссорить возможных союзников Германии и причинить ей экономические трудности.

Со своей стороны Германия и Италия, отметив справедливость венгерских претензий, в начале июля 1940 г. посоветовали Венгрии воздержаться от применения силы и попытаться решить вопрос дипломатическим путем. Начавшиеся по инициативе Румынии 7 августа контакты с Венгрией переросли 16 августа в прямые переговоры в городе Турну-Северине. Однако кардинальное расхождение позиций сторон и отсутствие даже намека на взаимные уступки привело к тому, что 24 августа переговоры окончательно провалились, и в Будапеште решили с утра 28 августа начать войну с Румынией. 27 августа Венгрия уведомила Германию, что срыв переговоров заставляет ее рассмотреть возможность военного решения вопроса⁶⁹⁹. Естественно, в Берлине не собирались допускать венгеро-румынского конфликта, и с удовлетворением восприняли высказанное 27 августа согласие Румынии на международный арбитраж. 29 августа в Вене делегации Венгрии и Румынии были уведомлены о необходимости сохранения мира и готовности Германии и Италии решить спорный вопрос. На следующий день было оформлено решение Второго Венского арбитража, согласно которому Венгрии передавалась территория Северной Трансильвании площадью в 43 492 кв. км с населением в 2 667 тыс. человек, а Румыния получила гарантию своих новых границ. Такое решение Трансильванского вопроса в наибольшей степени устраивало Германию, которая, пообещав сторонам возможность его пересмотра, получила дополнительный рычаг воздействия на обе стороны⁷⁰⁰.

Для успокоения населения румынское руководство использовало факты инцидентов на советско-румынской границы, раздувая версию о советской угрозе, которая заставила пойти на принятие решения Венского арбитража. Для этой цели использовался факт подписания 3 сентября советско-венгерского договора о торговле и мореплавании, рассматривавшийся в Бухаресте как основа возможного антирумынского советско-венгерского союза, что было 9 сентября опровергнуто в "Правде"⁷⁰¹. 6 сентября 1940 г. король Кароль II отрекся от

престола в пользу сына Михая I, а главой румынского правительства стал генерал И. Антонеску. Новое румынское руководство решило форсировать сближение с Германией, и уже 15-17 сентября в Берлин была передана просьба о направлении в Румынию военной миссии. В первой декаде октября в Румынию прибыли германские войска общей численностью в 22 430 человек⁷⁰². 16 октября 1940 г. СССР заявил, что не был информирован о целях и количестве германских войск в Румынии, которая в тот же день согласилась примкнуть к Тройственному пакту. Экономическое сотрудничество с Румынией Советскому Союзу наладить не удалось из-за нежелания Бухареста и преобладающего экономического влияния Германии. Однако, чтобы не ухудшать и без того холодные советско-румынские отношения, румынское руководство в декабре 1940 г. согласилось начать экономические переговоры, которые завершились 26 февраля 1941 г. подписанием договора о торговле и мореплавании и соглашения о товарообороте и платежах, но это не повлияло на антисоветскую позицию Румынии⁷⁰³.

Изменившаяся обстановка на Балканах потребовала уточнения тактики местных компартий. Уже 20 августа 1940 г. ИККИ утвердил резолюцию о положении в Венгрии и задачах КПВ, согласно которой основной угрозой являлось сближение Венгрии с Германией на основе ревизии венгерских границ. Перед венгерской компартией ставилась задача бороться за независимую внешнюю политику страны и сохранение мира, что было возможно только на "основе добрососедских, честных и безусловно дружественных отношений с великой соседней социалистической державой, Советским Союзом"⁷⁰⁴. 5 сентября 1940 г. в ИККИ была выработана директива румынской и венгерской компартиям по Трансильванскому вопросу, в которой Венский арбитраж прямо назывался империалистическим диктатом. Перед компартиями ставилась задача активизировать борьбу с реакционными правящими режимами, за пролетарскую солидарность трудящихся обеих стран и за сближение с СССР⁷⁰⁵.

Решения Венского арбитража вызвали недовольство в Москве, и, когда 31 августа Шуленбург уведомил Молотова об их содержании, последний указал, что Германия своими действиями нарушила статью 3 договора о ненападении, "не проконсультировавшись с советским правительством в вопросе, который не может не затрагивать интересы СССР, т.к. дело идет о двух пограничных Советскому Союзу государствах". Кроме того, по мнению Молотова, эти действия Германии противоречат ее заявлению от июня 1940 г., что "вопросы Балкан и Юго-Востока Европы должны совместно разрешаться СССР, Германией и Италией". Шуленбург обещал передать это заявление в Берлин, предположив, что "отсутствие консультации с СССР в данном вопросе может быть объяснено только большой поспешностью в его решении"⁷⁰⁶.

9 сентября Шуленбург передал Молотову ответ германского правительства, согласно которому, поскольку ни в ходе Московских переговоров, ни позднее СССР не ставил Берлин в известность об имеющихся интересах относительно Венгрии и других территорий Румынии, кроме Бессарабии, то "о существовании обоюдных интересов в смысле Московского пакта о ненападении говорить не приходится". Выдвинув контрпретензии относительно советских действий в ходе присоединения Прибалтики и Бессарабии, Германия указала, что тем не менее поддержала советские требования к Румынии. Германское правительство заявляло, что его действия "в отношении Румынии и Венгрии были направлены на сохранение мира в Дунайском регионе, чему серьезно угрожала имевшаяся напряженность между обеими странами, что было возможно лишь при быстром дипломатическом вмешательстве", поэтому

времени для извещения Москвы не осталось⁷⁰⁷. Выслушав это сообщение, Молотов заявил, что позднее передаст послу письменный ответ советского правительства, а пока он лишь констатирует, что "точка зрения советского правительства расходится с точкой зрения германского правительства", и вновь повторил свои доводы относительно нарушения Германией статьи 3 договора о ненападении. Кроме того, Молотов отметил, что вопрос о Южной Буковине остался открытым и германские "гарантии Румынии расходятся с этим пожеланием" СССР, и вновь настаивал на необходимости консультаций⁷⁰⁸.

21 сентября Молотов передал Шуленбургу ответную памятную записку советского правительства на германский меморандум от 9 сентября, в которой указывалось, что своими действиями в Вене Германия все же нарушила статью 3 договора о ненападении, так как не подлежит "сомнению, что принятые в Вене решения о передаче значительной части Трансильвании и о гарантиях со стороны Германии и Италии государственной территории Румынии относятся именно к тем вопросам, которые затрагивают общие интересы наших стран и в силу этого обязывают к консультации, предусмотренной в ст. 3 Договора от 23 августа 1939 г." СССР оказался поставлен перед свершившимся фактом, а германские гарантии новых границ Румынии дают повод для утверждений, что они направлены против СССР. Этого можно было бы избежать, если бы оба правительства заранее проконсультировались. Советское правительство "подтверждает свои заявления о признании особых экономических интересов Германии в Румынии, особенно в области нефтяных и зерновых поставок", но отмечает, что заявление германского правительства о том, что после решения Бессарабского вопроса СССР признает исключительные интересы Германии в Румынии, неправильно. Советское правительство отвело упреки Германии относительно отсутствия консультаций по вопросам Прибалтики и Бессарабии, указав на их необоснованность.

Кроме того, было указано, что вопросы территориального урегулирования между Румынией и Венгрией ранее обсуждались на переговорах в Зальцбурге, и, следовательно, германское правительство имело достаточно времени, чтобы вступить в контакт с СССР. Поэтому спешка не может служить оправданием невыполнения германским правительством ст. 3 договора о ненападении, точное выполнение которого и является условием для умиротворения Дунайского бассейна. В заключение советское правительство предлагало, "если ст. 3 Договора о ненападении представляет с точки зрения Германского правительства известные неудобства и стеснения, Советское правительство готово обсудить вопрос об изменении или отмене этой статьи Договора"⁷⁰⁹. 13 октября в своем письме Сталину Риббентроп объяснял действия Германии в венгеро-румынском споре необходимостью недопущения расширения сферы войны на Балканы и утверждал, что германо-итальянские гарантии Румынии вовсе не направлены против СССР. При этом он вновь сослался на нехватку времени для консультаций с Москвой и сообщал, что посланная несколько дней назад в Румынию германская военная миссия имеет целью помочь обучению румынской армии и охранять нефтяные источники от возможных действий Англии⁷¹⁰.

Усиление германского и ослабление английского влияния на Балканах привело к тому, что по инициативе Германии было созвано совещание экспертов по определению режима судоходства на Дунае в обход существовавших Дунайских Комиссий. Не будучи приглашенным на это совещание, СССР 9 сентября обратился к Германии с уведомлением о своей заинтересованности в его работе. Германия попыталась отклонить советские претензии, ссылаясь на то, что предстоящее совещание намерено сосредоточиться на

рассмотрении вопроса судоходства в районе Железных Ворот. В этом духе был выдержан и официальный ответ из Берлина от 12 сентября, в котором отмечалось, что Германия признает "вступление СССР в Европейскую Дунайскую Комиссию... само собой разумеющимся". Этот ответ не удовлетворил Москву, и 13 сентября в прессе было опубликовано сообщение, что СССР "надеется получить от германского правительства соответствующую информацию о совещании экспертов в Вене по международным дунайским вопросам"⁷¹¹. 14 сентября советская сторона заявила, что одобряет ликвидацию Международной и Европейской Дунайских Комиссий и выступает за создание новой Дунайской Комиссии и заинтересована в разрешении вопросов судоходства на Дунае от Братиславы до его устья⁷¹².

13 октября Германия обещала учесть советские пожелания в вопросах о режиме Дуная, а 17 октября уведомила СССР о согласии с его предложением "об образовании единой Дунайской Комиссии, но считает необходимым участие Италии в этой комиссии". Советская сторона указала на необходимость обсуждения этого вопроса⁷¹³. 15 октября СССР опроверг слухи о том, что он ведет переговоры с Англией, Югославией, Грецией и Турцией "по вопросу о продвижении Германии на Восток"⁷¹⁴, а 19 октября выразил готовность "впредь до образования указанной Дунайской Комиссии присоединиться к "Временному соглашению" от 12 сентября 1940 г." и "принять участие в совместных переговорах между уполномоченными экспертами СССР, Германии, Румынии и Италии в г. Бухаресте для рассмотрения, в порядке временного решения, тех задач, которые до сих пор выполняла Европейская Дунайская Комиссия"⁷¹⁵. 28 октября начались переговоры по проблемам режима устья Дуная, но Румыния с молчаливого согласия Германии и Италии заняла столь непримиримую в отношении СССР позицию, что в итоге 21 декабря 1940 г. бесплодные переговоры были отложены на неопределенный срок. Со своей стороны, Англия 29 октября обратилась к СССР с нотой, в которой квалифицировала советское участие в работе этой конференции как нарушение нейтралитета. 2 ноября СССР отклонил английскую ноту и указал, что участие в конференции является лишь восстановлением исторических прав СССР⁷¹⁶. 1 ноября ТАСС опровергло слухи о поставках советских военных самолетов Греции⁷¹⁷.

Еще одним дестабилизирующим фактором в Юго-Восточной Европе стало нападение 28 октября 1940 г. Италии на Грецию, которая обратилась к Англии с просьбой о поддержке в силу английских гарантий 1939 г. 1 ноября 4 английские эскадрильи прибыли на Крит, а 12 ноября английская авианосная авиация нанесла удар по итальянскому флоту в Таранто. События на итало-греческом фронте развивались вяло, уже 7 ноября итальянское наступление заглохло, а 14 ноября греки нанесли по противнику контрудар и вынудили его с 21 ноября начать отступление. Активизация Англии в Восточном Средиземноморье потребовала от Германии создания гарантий безопасности нефтеносных районов Плоешти и военной безопасности на Балканах. Хотя самодеятельность Италии вызвала недовольство Берлина, Германия не могла допустить поражения союзника, и 12 ноября 1940 г. Гитлер подписал директиву № 18, предусматривавшую подготовку к тому, "чтобы в случае необходимости наступлением с территории Болгарии овладеть континентальной Грецией севернее Эгейского моря". Это позволило бы германским ВВС действовать в Восточном Средиземноморье и отразить угрозу английских налетов на румынские нефтепромыслы. Соответственно, требовалось привлечь Болгарию на свою сторону и нейтрализовать Турцию⁷¹⁸.

В этих условиях возросло значение мирной экспансии Германии на Балканах, которая стремилась консолидировать балканские страны в интересах борьбы против Англии, а в будущем и против СССР. Инструментом подчинения балканских государств должны были стать не только двусторонние соглашения, но и Тройственный пакт - военно-политический договор Германии, Италии и Японии, заключенный 27 сентября 1940 г., к которому уже 20 ноября присоединилась Венгрия, а 23 ноября - Румыния. 23 ноября СССР опроверг слухи о том, что Венгрия присоединилась к Тройственному пакту с согласия Москвы. Подготовка операции против Греции требовала от Германии решить вопрос о позиции Болгарии, в отношении которой следовало использовать вызванное итало-греческой войной оживление болгарских территориальных претензий к Греции относительно Западной Фракии. В результате Болгария оказалась в эпицентре борьбы Англии, Германии и СССР. 16 октября 1940 г. Германия официально пригласила Болгарию вступить в Тройственный пакт, обещая поддержку ее территориальных претензий, но в Софии опасались осложнить отношения с Югославией, Грецией, Турцией, Англией и СССР, поэтому 21 октября болгарский царь Борис III просил Гитлера отсрочить этот шаг, ссылаясь на сложности внешнеполитического характера⁷¹⁹.

Со своей стороны советское руководство, недовольное сближением Венгрии и Румынии с Германией, что создавало барьер советскому проникновению на Балканы, решило обсудить балканские проблемы на предстоящих переговорах с Германией в Берлине. Так, в директивах советской делегации от 9 ноября 1940 г. предусматривалось добиваться в ходе переговоров, чтобы на Балканах "к сфере интересов СССР были отнесены" район устья Дуная и Болгария. Причем последняя, как "главный вопрос переговоров, должна быть, по договоренности с Германией и Италией, отнесена к сфере интересов СССР на той же основе гарантий Болгарии со стороны СССР, как это сделано Германией и Италией в отношении Румынии, с вводом советских войск в Болгарию". Следовало "сказать также о нашем недовольстве тем, что Германия и Италия не консультировались с СССР по вопросу о гарантиях и вводе войск в Румынию", и заявить о своей заинтересованности в дальнейшей судьбе Венгрии, Румынии и Турции и необходимости советского участия в решении этих вопросов⁷²⁰.

В ходе переговоров в Берлине Молотов заявил Гитлеру, что "Советское правительство выразило свое недовольствие тем, что без консультации с ним Германия и Италия гарантировали неприкосновенность румынской территории. Он считает, что эти гарантии были направлены против интересов Советского Союза". Гитлер ответил, что "Германия на определенное время не считает возможным отказаться от этих гарантий". Далее Молотов, используя германскую идею об английской опасности на Балканах, спросил Гитлера, "что скажет Германское правительство, если Советское правительство даст гарантии Болгарии на таких же основаниях, как их дала Германия и Италия Румынии, причем с полным сохранением существующего в Болгарии внутреннего режима". Отвечая Молотову, Гитлер заявил, что германо-итальянские "гарантии были единственным, что склонило Румынию уступить России Бессарабию без борьбы", обратил его внимание на экономическую важность румынских запасов нефти для Германии и Италии и отметил, что "само румынское правительство просило Германию взять на себя" защиту нефтеносных районов от Англии на время войны. "Запрашивала ли о таких гарантиях сама Болгария?" - поинтересовался Гитлер и отказался определять свою позицию до консультаций с Италией⁷²¹.

Несмотря на столь неудачное окончание переговоров по этому вопросу, 25 ноября 1940 г. СССР выразил свою готовность принять проект пакта Четырех держав при условии

заклучения советско-болгарского пакта о взаимопомощи и строительства советской военной базы в районе Босфора и Дарданелл. Не дожидаясь ответа Германии, Москва решила еще раз предложить Болгарии сближение. Со своей стороны, Германия также решила уточнить позицию Болгарии, и 14 ноября в Берлин был приглашен болгарский царь, который, посетив 17 ноября Германию и заверив Гитлера в своем согласии присоединиться к Тройственному пакту, настоятельно просил не торопить события. В тот же день, 17 ноября 1940 г. Молотов дал задание советскому полпреду в Софии "намекнуть", что СССР "способен гарантировать безопасность Болгарии" при сохранении "ее нынешнего режима и удовлетворении ее исторических требований". На следующий день Молотов лично уведомил болгарского посланника в Москве, что "если Болгария нуждается сейчас в какой-либо гарантии, то такую гарантию ей дал бы сейчас СССР", при сохранении внутреннего режима. 24 ноября в Москву был отправлен отрицательный ответ на это предложение⁷²².

Прибывший в Софию генеральный секретарь НКВД А.А. Соболев 25 ноября 1940 г. встретился с премьер-министром Б. Филовым и царем Борисом III, уведомив их о предложении СССР заключить договор о взаимопомощи, "который поможет Болгарии в осуществлении ее национальных устремлений не только в Западной, но и в Восточной Фракии", и осуществить поставки вооружения. "При условии заключения пакта о взаимопомощи с СССР отпадают возражения против присоединения Болгарии к известному пакту трех держав. Вполне вероятно, что и Советский Союз в этом случае присоединится к Тройственному пакту"⁷²³. Борис заявил Соболеву, что "сейчас Болгария не чувствует" угрозы своей безопасности, и высказался за сохранение дружественных советско-болгарских отношений "без специальных демонстраций в этом направлении"⁷²⁴. Одновременно СССР предложил Греции поставки вооружения и намекнул на готовность оказать поддержку Турции, стремясь удержать их от вмешательства в случае принятия Болгарией советского предложения⁷²⁵.

Важное значение, придававшееся советским руководством этому демаршу, видно из зафиксированных в дневнике Г. Димитрова высказываний Сталина, который, объясняя секретарю ИККИ политику СССР в Болгарии, заявил 25 ноября, что "при заключении пакта о взаимопомощи мы не только не возражаем, чтобы Болгария присоединилась к Тройственному пакту, но тогда и мы сами присоединимся к этому пакту... Главное теперь Болгария. Если такой пакт будет заключен, Турция не решится воевать против Болгарии и все положение на Балканах будет выглядеть иначе. Предложение болгарскому правительству сегодня передано... Нужно, чтобы это предложение знали в широких болгарских кругах"⁷²⁶. Руководствуясь указанием из Москвы, БРП развернула широкую кампанию по пропаганде среди населения советского предложения и его принятия. Хотя эта кампания первоначально носила узкоклассовый характер, она имела значительный резонанс и продолжалась вплоть до марта 1941 г. 30 ноября Болгария официально отклонила советское предложение, уведомив Москву, что еще до его выдвижения она начала переговоры с Германией о присоединении к Тройственному пакту. 7 декабря СССР сузил свои предложения до гарантий территориальной целостности Болгарии и ее интересов, но и это предложение было отвергнуто⁷²⁷.

Англия и США одобрили отказ от советских предложений и продолжали давление на Болгарию, надеясь удержать ее на позициях нейтралитета. Со своей стороны Германия также усилила нажим на Софию, и 4 января 1941 г. в ходе германо-болгарских переговоров Берлин обещал обеспечить неучастие Болгарии в войне и согласие СССР на ее сближение с

рейхом⁷²⁸ . С 5 января 1941 г. в Румынию стали прибывать немецкие войска, предназначенные для операции против Греции. Это сосредоточение вызвало шумиху в иностранной прессе, которая предполагала, со ссылкой на болгарские источники, что вермахт перебрасывается уже и в Болгарию с ведома и согласия СССР. 13 января было опубликовано заявление ТАСС, в котором отмечалось, что ни германское, ни болгарское правительства не обсуждали этих вопросов с СССР, и если эти слухи верны, "то все это происходило и происходит без ведома и согласия СССР"⁷²⁹ . На следующий день Берлин и София официально опровергли слухи о переброске вермахта в Болгарию, при этом Германия заявила, что никаких разногласий с СССР по болгарскому вопросу нет. Одновременно БРП получила из Москвы задачу вести активную работу против политики сближения с Германией, что было хорошим поводом для дискредитации правительства⁷³⁰ .

Тем не менее советское правительство решило уточнить этот вопрос. 17 января 1941 г. Молотов вызвал Шуленбурга и заявил ему, что, согласно имеющимся в Москве сведениям, германские войска, сосредоточенные в Румынии, вступят в Болгарию, Грецию и оккупируют проливы. Но Англия может попытаться упредить их, и это превратит Болгарию в театр военных действий. Советское правительство неоднократно заявляло правительству Германии, что "оно считает территорию Болгарии и обоих Проливов зоной безопасности СССР, ввиду чего оно не может остаться безучастным к событиям, угрожающим интересам безопасности СССР". Поэтому "советское правительство считает своим долгом предупредить, что появление каких-либо иностранных вооруженных сил на территории Болгарии и обоих Проливов оно будет считать нарушением интересов безопасности СССР"⁷³¹ . В тот же день аналогичное заявление было сделано в Берлине советским послом В.Г. Деканозовым.

22 января Вайцеккер принял советского посла в Берлине и сообщил ему ответ германского правительства. В нем германская сторона отвергала намерение Англии оккупировать проливы, но выражала уверенность, что Лондон намерен получить плацдарм на греческой территории. Это создает угрозу интересам Германии, которая решила препятствовать подобным попыткам Англии, о чем Гитлер говорил Молотову еще в ноябре 1940 г. Германия не намерена нарушать суверенитет Турции и интересы безопасности СССР. Для этой операции Германия концентрирует войска, но выведет их "после завершения своих операций на Балканах". Относительно советских предложений, переданных в ноябре 1940 г. в Берлин, было заявлено, что они изучаются странами Оси и Японией и в ближайшем будущем по этим вопросам будет возобновлен контакт с советской стороной⁷³² . Деканозов при этом пытался узнать, "когда можно ожидать прохода германских войск через Болгарию в Грецию" и "является ли это решение окончательным", но ясных ответов не получил⁷³³ . 23 января аналогичное заявление было передано Шуленбургом Молотову, который заявил, что это сообщение следует понимать так, что "вопрос о проходе германских войск через Болгарию сам по себе решен окончательно, но осуществится только в том случае, если Англия расширит свои военные операции на греческой территории до больших, чем в данный момент, масштабов". Далее Молотов повторил довод советского правительства о зоне безопасности СССР⁷³⁴ .

В январе-феврале 1941 г. СССР неоднократно напоминал Болгарии, что его предложения все еще остаются в силе. Болгарское руководство понимало, что сближение с Англией означает втягивание в войну, а сближение с СССР чревато социальными переменами. Тем самым, по мнению Софии, вступление в Тройственный пакт представлялось меньшим из

зол. 15 января Германия согласилась удовлетворить болгарские требования о получении выхода к Эгейскому морю, и 20 января Болгария решила присоединиться к Тройственному пакту на условиях невмешательства в англо-германскую войну и содержания Германией своих войск на болгарской территории. Однако под германским нажимом 2 февраля Болгария согласилась взять на себя расходы по содержанию частей вермахта, и в тот же день было подписано военное соглашение, по которому болгарская армия фактически ставилась под германский контроль. Однако, опасаясь ответных мер со стороны Англии, Болгария не спешила объявлять о своих намерениях. В середине февраля в Болгарии началась скрытая мобилизация и сосредоточение войск у югославской и греческой границ⁷³⁵.

Тем временем ситуация в Средиземноморье изменилась. 9 декабря 1940 г. английские войска разгромили итальянские части, вторгшиеся в Египет, и, практически не встречая сопротивления, начали продвижение в Ливию. 13 декабря 1940 г. Гитлер утвердил директиву № 20, предусматривавшую захват Греции (план "Марита"). В конце декабря 1940 г. Германия предложила Греции не допускать расширения английского присутствия, но попытки Афин добиться германского посредничества в отношении Италии не удалось. Согласно указанию ОКВ от 21 декабря 1940 г., для объяснения мер по сосредоточению германских войск на юге Румынии на ожидавшиеся запросы СССР "нужно давать ответ, что Германия не может согласиться на присутствие англичан и их закрепление на Балканах и что, кроме того, в связи с присоединением Румынии к тройственному пакту, она обещала встать на ее защиту. По этой причине созданная концентрация сил ни в коем случае не направлена против России; об этом свидетельствует уже само сосредоточение войск исключительно в Южной Румынии". Следовало также заявить, "что Германия не имеет никаких намерений против Югославии или Турции"⁷³⁶. 7 января Турция предложила Болгарии переговоры о взаимном ненападении и непропуске иностранных войск, но болгарское руководство затягивало определение своей позиции, ожидая указаний из Берлина. 11 января 1941 г. Гитлер подписал директиву № 22, которой предусматривалось оказать содействие боевым действиям Италии переброской германских войск в Ливию и Албанию. 21 января в этот план были внесены изменения, и отправка германских войск в Албанию была отложена на неопределенный срок за счет ускорения переброски войск в Ливию⁷³⁷.

Англия, стремившаяся удержать Грецию в войне, потребовала согласия греческого правительства на создание авиабаз в Северной Греции и начала проработку плана высадки войск на Балканах. Стремление Англии создать югославско-греческо-турецкий блок вынуждало ее активизировать свою политику в Юго-Восточной Европе. Однако в ходе англо-греческих переговоров 14-16 января 1941 г. греки потребовали высадки 8-9 английских дивизий. Когда же выяснилось, что Англия предполагает использовать 2-3 дивизии, греческое руководство, не желая раздражать Германию, 18 января отказалось от этого предложения, уведомив об этом Берлин. Столь же сдержанную позицию относительно английских предложений заняли Югославия и Турция. Со своей стороны СССР 4 февраля опроверг слухи о заключении тайного советско-турецкого соглашения, "по которому СССР обязался снабжать Турцию вооружением для противодействия возможной активности Германии на Балканах, и что в связи с этим в Москву выезжает турецкая комиссия для покупки оружия"⁷³⁸. Новая попытка Англии расширить свое присутствие на Балканах была предпринята 8 февраля, когда вопрос о высадке английских войск вновь был поставлен перед Грецией. Хотя греческая позиция не изменилась, 10 февраля английское руководство приняло решение приостановить наступление в Ливии и начать подготовку войск к

переброске на Балканы. В тот же день германские войска начали высадку в Триполи, а Англия разорвала дипломатические отношения с Румынией и предупредила Бухарест и Софию, что если вермахт вступит на территорию Болгарии, то английские ВВС нанесут удары по районам нефтедобычи, мостам и железным дорогам этих стран⁷³⁹.

Тем временем Турция довела до сведения Германии, что не станет вмешиваться в балканские события, если ее интересы не будут затронуты. Формально Турция была связана обязательствами взаимопомощи с Грецией и Югославией в силу участия в Балканской Антанте, но согласно этому договору поддержка предусматривалась только в случае нападения балканской державы. Германия дала согласие на завершение болгаро-турецких переговоров, и 17 февраля 1941 г. была подписана болгаро-турецкая декларация о дружбе и ненападении. В прессе тут же появились слухи, что это соглашение подготовлено при советском участии, что было 23 февраля опровергнуто ТАСС. 19 февраля 1941 г. германское командование установило срок начала наводки мостов через Дунай (28 февраля) и вступления вермахта в Болгарию (2 марта)⁷⁴⁰. В этой ситуации Англия решила проявить твердость, опасаясь, что ее пассивная позиция приведет к потере влияния в Греции, Югославии и Турции и вызовет неодобрение США. 21 февраля было решено высадить английские войска в Греции, согласия которой удалось добиться в ходе переговоров 22-23 февраля. Англо-турецкие переговоры 25-28 февраля 1941 г. показали, что Анкара продолжает уклоняться от участия в войне. Такую же позицию заняла и Югославия⁷⁴¹.

Тем временем переговоры Болгарии с Германией и Италией подходили к концу. Вечером 28 февраля Шуленбург сообщил Молотову, что 1 марта Болгария подпишет протокол о присоединении к Тройственному пакту. Выслушав сообщение, Молотов заявил, что германское правительство знало позицию СССР относительно Болгарии, а подобные действия идут вразрез с этой позицией⁷⁴². 1 марта в 19.45 в Вене был подписан протокол о присоединении Болгарии к Тройственному пакту⁷⁴³. Уже с 28 февраля германские войска наводили мосты через Дунай и в 6.00 2 марта вступили в Болгарию⁷⁴⁴. Вечером 1 марта Шуленбург уведомил советское правительство, что, ввиду опасности высадки английских войск в Греции, германская армия вступает в Болгарию. Германское правительство обещало уважать суверенитет Турции и вывести свои войска после устранения британской опасности на Балканах⁷⁴⁵. В ответ Молотов "выразил глубокую озабоченность тем, что в вопросе, представляющем для Советского Союза такое значение, германское правительство приняло решение, противоречащее мнению советского правительства об интересах безопасности СССР". Далее Молотов тут же набросал от руки ноту, в которой отмечалось прискорбие советского правительства по поводу того, что "германское правительство сочло возможным стать на путь нарушения интересов безопасности СССР и решило занять войсками Болгарию", поэтому Советский Союз не поддерживает эти мероприятия. Шуленбург лишь повторил инструкции Берлина⁷⁴⁶. 3 марта 1941 г. в ответ на сообщение Болгарии о вступлении германских войск на ее территорию СССР заявил, что не считает правильной позицию, занятую болгарским руководством, поскольку она "ведет не к укреплению мира, а к расширению сферы войны и к втягиванию в нее Болгарии", и поэтому не может "оказать какую-либо поддержку болгарскому правительству в проведении его нынешней политики"⁷⁴⁷.

4 марта началась переброска английских войск в Грецию, а Гитлер личным письмом заверил президента Турции, что Германия не собирается нападать на Турцию, а действует лишь против Англии. Анкаре было предложено развивать экономические связи и не

провоцировать Берлин. В тот же день США заморозили болгарские счета, а 5 марта Англия разорвала дипломатические отношения с Болгарией. 9 марта СССР заявил Турции, что если она "действительно подвергнется нападению со стороны какой-либо иностранной державы и будет вынуждена с оружием в руках защищать неприкосновенность своей территории", то она "может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет Советского Союза". 10 марта СССР сообщил об этом шаге Англии. 18-19 марта Англия вновь пыталась добиться участия Турции в антигерманском блоке на Балканах, но уклончивая позиция Анкары осталась неизменной. 20 марта СССР передал Венгрии венгерские знамена, взятые русскими войсками при подавлении национально-освободительного восстания в 1849 г., что оказало заметное воздействие на общественное мнение страны. 25 марта в Москве было опубликовано вышеуказанное советское заявление в адрес Турции, подтверждавшее, что "полное понимание и нейтралитет СССР"⁷⁴⁸ будут обеспечены ей только в случае внешней агрессии, а не при вмешательстве в войну по собственной инициативе.

Усиление германского влияния на Балканах поставило в сложное положение Югославию. В Белграде понимали, что сила на стороне Германии, но симпатии населения были в основном на стороне Англии. Часть правящих кругов считала необходимым сближение с СССР, что, по их мнению, было более безопасным, поскольку он был нейтральной страной. Советская сторона, стараясь не обострять отношений с Германией, заняла выжидательную позицию, ограничившись выражением сочувствия Югославии в борьбе за ее "политическую и экономическую независимость" и согласившись рассмотреть вопрос о продаже оружия для югославской армии на обычной коммерческой основе. Вместе с тем еще 15 сентября 1940 г. КПЮ получила задачу решительно бороться "за дружбу и тесный союз между народами Югославии и Советского Союза"⁷⁴⁹. 28 ноября 1940 г. Германия предложила Югославии заключить пакт о ненападении. В ответ на согласие Белграда 22 декабря из Берлина последовало предложение присоединиться к Тройственному пакту. Ранее Германия дала согласие на заключение венгеро-югославского договора о мире и вечной дружбе, что должно было служить для Югославии дополнительным стимулом сближения с державами Оси⁷⁵⁰.

Приближения срока осуществления плана "Марита" требовало от Германии определить позицию Югославии. 14 февраля 1941 г. в ходе новых германо-югославских переговоров в качестве территориальной компенсации Югославии за присоединение к Тройственному пакту был предложен греческий порт Салоники. В этих условиях югославское руководство активизировало свои контакты с великими державами, стараясь использовать их противоречия в своих интересах. Еще 8 февраля Югославия просила СССР предпринять какой-либо шаг в поддержку ее позиции. В конце февраля в Москву с секретной миссией приехал Б. Симич. К сожалению, до сих пор неизвестна цель этого визита, но, исходя из дальнейших событий и данных югославских историков о том, что Симич придерживался славянофильских идей и был связан с патриотической организацией сербских военных "Черная рука", а также с советской разведкой, можно предположить, что в Москве он обсуждал вопросы заключения военного союза⁷⁵¹. В то же время в ответ на запрос Англии Югославия заявила, что окажет сопротивление в случае нападения на нее или попыток транзита иностранных войск через ее территорию, но не может взять на себя каких-либо обязательств в отношении Греции⁷⁵².

Тем временем Германия усилила нажим, и 7 марта 1941 г. Югославия согласилась вступить в Тройственный пакт при условии неучастия в войне, недопущения транзита

германских войск через свою территорию и получения Салоник после войны. Однако внутривластная борьба на этом не завершилась. 13 марта было решено запросить СССР о возможности заключения военного союза. Продолжались и контакты с Англией, стремившейся добиться от Белграда поддержки Греции. Принятие Германией выдвинутых Югославией условий привело к тому, что 20 марта югославское правительство решило присоединиться к Тройственному пакту, что вызвало министерский кризис. Тем не менее 25 марта в Вене был подписан протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту. Это вызвало в стране массовые выступления протеста, 27 марта в Белграде при поддержке английской и советской разведок произошел государственный переворот: на престол был возведен Петр II и сформировано правительство генерала Д. Симовича. Узнав об этом, Гитлер в тот же день подписал директиву № 25 о нападении на Югославию одновременно с вторжением в Грецию. Хотя новое югославское правительство, стремясь выиграть время, не заявило о расторжении протокола о присоединении к Тройственному пакту, Берлин теперь рассматривал Югославию как противника. Началось сосредоточение вермахта у югославских границ⁷⁵³.

Мартовские события вызвали определенную эйфорию в руководстве КПЮ, которое 28 марта сообщало в Москву о поддержке антигерманского и антианглийского курса нового правительства, склоняющегося к союзу с СССР. 31 марта ИККИ указал КПЮ на необходимость сохранения и накопления партийных сил и тщательной подготовки к грядущим классовым боям⁷⁵⁴. 28 марта Югославия обратилась к СССР с просьбой о продаже военных материалов, что вызвало положительную реакцию Москвы. 30 марта Югославия уведомила СССР о намерении защищаться от возможного германского нападения, о нежелании принимать помощь от Англии, опасаясь втягивания в войну, о стремлении получить советское вооружение и о желании заключить "военно-политический союз на любых условиях, которые предложит советское правительство, вплоть до некоторых социальных изменений, осуществленных в СССР". Кроме того, югославское руководство интересовало возможность советского заступничества в Берлине⁷⁵⁵. 31 марта Югославия уведомила СССР, что протокол о присоединении к Тройственному пакту остался в силе. В тот же день Москва ответила согласием на предложение переговоров о союзе, а 1 апреля одобрила югославскую позицию в отношении Германии. В то же время проходившие 31 марта - 1 апреля англо-югославские переговоры о сотрудничестве Югославии и Греции, как и англо-югославско-греческие военные переговоры 3 апреля, не привели к подписанию каких-либо документов⁷⁵⁶.

На советско-югославских переговорах, начавшихся 3 апреля в Москве, югославская сторона предложила свой проект договора о дружбе и союзе, дав согласие на ввод советских войск. Оценивая ситуацию в Югославии, советский НКВД полагал, что югославское руководство "серьезно готовится дать отпор немецким притязаниям, не останавливается даже перед войной для защиты своей независимости". Поэтому "политическая поддержка Югославии со стороны СССР в ее борьбе за сохранение своей государственной независимости соответствовала бы нашим государственным интересам. Разумеется, тот или иной соответствующий шаг с нашей стороны не явится абсолютной гарантией того, что Югославия не подвергнется нападению со стороны держав "оси", но сам факт нашей поддержки будет иметь огромное политическое значение для Югославии и в то же время в серьезной степени укрепит наши позиции на Балканах"⁷⁵⁷. 4 апреля советская сторона предложила свой проект договора о дружбе и ненападении. Югославия согласилась, но

просила убрать из договора фразу о сохранении нейтралитета в случае нападения на одну из договаривающихся сторон и ускорить советские военные поставки.

4 апреля Молотов вызвал Шуленбурга и заявил ему, что в соответствии с советско-германским договором советское правительство информирует германское правительство, что югославское правительство предложило СССР заключить договор о дружбе и ненападении и СССР принял это предложение. По мнению советского правительства, это не идет вразрез со стремлением Германии бороться против расширения войны. Советское правительство выразило надежду, что Германия сделает все, чтобы сохранить мир с Югославией. Шуленбург ответил: он сомневается, что момент для подписания договора выбран удачно. К тому же "само заключение договора создаст в мире нежелательное впечатление". Политика Югославии не ясна, а ее отношение к Германии "просто вызывающе". На это Молотов ответил, что Югославия подписала с Германией протокол о присоединении к Тройственному пакту, и югославский посол в Москве заверил советское правительство, что Югославия продолжает поддерживать этот протокол. Исходя из этого, советское правительство и решило подписать договор, что произойдет сегодня или завтра. Шуленбург ответил, что Югославия до сих пор не подтвердила свое вступление в Тройственный пакт, и выразил сомнение в доброй воле югославского правительства. Заявив, что "он убежден в мирных намерениях югославского правительства", Молотов закончил беседу утверждением, что советское правительство хорошо "обдумало свой шаг и приняло окончательное решение", и еще раз настоятельно просил германское правительство сделать "все возможное для сохранения мира на Балканах"⁷⁵⁸.

5 апреля СССР заявил Югославии, что не против ее сближения с Англией и даже считает это "целесообразным". Как справедливо указывает Л.Я. Гибианский, цель Кремля "заключалась в том, чтобы Югославия, очевидно, в купе с Грецией образовали при возможно более деятельном участии Англии антигитлеровский фронт на Балканах, который был бы способен на какое-то время приковать к себе достаточно значительные силы Германии". Со своей стороны Москва была готова тайно поддерживать этот фронт⁷⁵⁹. 6 апреля в 2.30 в ходе последних согласований Сталин решил вычеркнуть из договора упоминание о "нейтралитете", и около 3 часов ночи договор был подписан, хотя и датирован 5 апреля. Но Германия не собиралась считаться с подобными демонстрациями. Рано утром 6 апреля люфтваффе бомбили Белград и другие города, вермахт перешел границу Югославии и Греции. В тот же день в 16.00 Шуленбург информировал Молотова о начале войны на Балканах. Эти действия Германии объяснялись угрозой англо-югославско-греческой военной акции против Германии и Италии. Германское правительство заявляло, что оно не имеет на Балканах "совершенно никаких интересов, политических или территориальных, и выведет войска с Балкан после выполнения своей задачи". На все это Молотов заявил, что очень печально, что расширение войны все же оказалось неизбежным⁷⁶⁰. Вместе с тем 12 апреля СССР решительно осудил участие Венгрии в войне против Югославии⁷⁶¹.

События в Восточном Средиземноморье и на Балканах развивались стремительно. Еще 31 марта германские войска в Ливии перешли в наступление и к 15 апреля отбросили английские части к египетской границе. 17 апреля Югославия капитулировала, а 23 апреля прекратила сопротивление и Греция. Английские войска были вынуждены эвакуироваться на Крит. Хотя фронт в Ливии стабилизировался, 28 апреля обострилась ситуация на Ближнем Востоке, когда Ирак отказался пропустить через свою территорию английские войска, следующие из Индии. Англия решила подавить сопротивление силой, а иракское руководство

2 мая запросило у Германии помощи вооружением. 5-6 мая по просьбе Германии Франция дала согласие на передачу Ираку 3/4 оружия, находящегося в Сирии, а германские ВВС получили разрешение использовать сирийские аэродромы. Это усложнило положение Англии, и 14 мая английские ВВС получили приказ действовать против германской авиации в Сирии. Тем временем Германия подготовила и 20 мая - 1 июня провела воздушно-десантную операцию по захвату Крита, создав важный плацдарм в Восточном Средиземноморье. В это время Англия разгромила иракские войска и утвердила 31 мая 1941 г. дружественное правительство в Багдаде. 8 июня английские войска вторглись в Сирию, а 15-18 июня предприняли неудачное наступление в Ливии⁷⁶².

В условиях войны на Балканах советское руководство продемонстрировало подчеркнuto лояльную позицию в отношении Германии. 8 мая СССР разорвал дипломатические отношения с Югославией, а 3 июня - с Грецией, 13 мая заявил об установлении дипломатических отношений с Ираком, но 17 мая ТАСС опровергло слухи о том, что "советское правительство разрешило вербовку добровольцев среди пилотов для поступления на службу в иракскую воздушную армию". В ходе проходивших в мае 1941 г. в Анкаре советско-германских консультаций по Ближнему Востоку советская сторона подчеркнула готовность учитывать германские интересы в этом регионе⁷⁶³. Дальнейшее втягивание Германии в войну на Ближнем Востоке было на руку Москве, поскольку любое германское наступление в этом регионе, во-первых, поставило бы почти непреодолимый барьер на пути возможного сговора Лондона и Берлина и, во-вторых, увело бы наиболее боеспособные силы вермахта из Восточной Европы. 10 апреля румынская компартия получила задачу усилить борьбу против вовлечения Румынии в войну и за дружбу с СССР, что должно было затруднить деятельность правительства и действия Германии⁷⁶⁴. В конце мая 1941 г. Москва довела до сведения румынского правительства, что "готова решить все территориальные вопросы с Румынией и принять во внимание определенные пожелания относительно ревизии [границ], если Румыния присоединится к советской политике мира", т.е. выйдет из Тройственного пакта⁷⁶⁵. Правда, ответа из Бухареста не последовало.

Балканы традиционно являлись в Европе регионом, где сталкивались интересы практически всех великих держав континента. С новой силой борьба за Балканы вспыхнула с началом Второй мировой войны. Уже в 1939 г. Советский Союз предпринял новую попытку расширить свое влияние в Юго-Восточной Европе, попытавшись создать советско-турецко-болгарский блок в августе - октябре 1939 г. Вместе с тем заключение советско-германского пакта о ненападении и начавшаяся война в Европе позволили СССР добиться признания Германией советских интересов относительно Бессарабии и несколько нейтрализовать германское противодействие советскому проникновению на Балканы, для чего использовались экономические и культурные связи, а также местные компартии. Изменение стратегической ситуации в Европе в мае-июне 1940 г. позволило СССР активизировать свою политику на Балканах. С согласия Берлина и Рима был решен Бессарабский вопрос, и Москва поддержала венгерские и болгарские претензии к Румынии. Однако перемещение центра военно-политических событий в Средиземноморье поставило Балканы в эпицентр дипломатической борьбы Германии, Италии, Англии и СССР.

Действия советской дипломатии на Балканах исходили из необходимости для СССР остаться вне воюющих группировок, осторожного противодействия дальнейшему усилению Германии, руками которой ослаблялись позиции Англии, расширения влияния местных компартий и Советского Союза. Активное использование СССР местных компартий привело

к тому, что правящие элиты, опасаясь социальных перемен, стали постепенно склоняться в сторону Германии. К марту 1941 г. стало ясно, что правительства балканских стран не станут сближаться с СССР, поэтому обострение обстановки на Балканах отвечало советским интересам. В своих оценках советское руководство исходило из важности продолжения англо-германской войны, поэтому начало войны на Балканах тут же изменило позицию СССР, который стал усиленно демонстрировать лояльность Германии. Хотя к лету 1941 г., как отмечается в отечественной историографии, Советскому Союзу не удалось усилить свое влияние на Балканах, оказавшихся захваченными Германией и ее союзниками, не следует забывать, что германская оккупация вела к расширению антигерманских настроений, создававших благоприятную обстановку для усиления влияния местных компартий, а через них и для советского проникновения, которое теперь должно было принять иные формы.

Советский Союз между Англией и Германией

Отношения Советского Союза с европейскими великими державами в начале Второй мировой войны определялись расколом Европы на три военно-политических лагеря: англо-французский, германо-итальянский и советский, каждый из которых стремился к достижению собственных целей. В основу советского внешнеполитического курса были положены следующие расчеты, сформулированные И.В. Сталиным 7 сентября 1939 г. в беседе с руководством Коминтерна: "Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.д.) за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент - подталкивать другую сторону"⁷⁶⁶. Таким образом, советское руководство собиралось в полной мере использовать выгоды позиции "наблюдателя в войне двух империалистических группировок"⁷⁶⁷.

Начавшаяся война в Европе и действия Красной Армии в Польше после 17 сентября 1939 г. не улучшили советско-английских и советско-французских отношений, ухудшившихся после подписания договора о ненападении с Германией, который был воспринят английским и французским руководством как поражение их внешнеполитической стратегии. Вместе с тем, не желая подтолкнуть СССР к дальнейшему сближению с Германией, Англия и Франция не стали обострять проблему советского вмешательства в германо-польскую войну, а попытались уточнить советскую позицию относительно войны в Европе. Уже 18 сентября французский премьер-министр Э. Даладьё спрашивал у советского посла, берет ли СССР украинское и белорусское население под свой вооруженный протекторат временно, или Москва намерена присоединить эти территории к СССР⁷⁶⁸. В Англии и Франции было широко распространено мнение, что ввод советских войск в Польшу имеет антигерманскую направленность, и это может привести к усилению напряженности в советско-германских отношениях. В Лондоне опасались, что Москва может вступить в войну на стороне Берлина, поэтому советское заявление о нейтралитете в европейской войне было воспринято там с удовлетворением.

18 сентября на заседании английского правительства было решено, что, согласно англо-польскому соглашению, Англия связана обязательством защищать Польшу только в случае агрессии со стороны Германии. Поэтому было решено "не посылать России никакого протеста". И хотя англо-французская пресса позволяла себе довольно резкие заявления, официальная позиция Англии и Франции свелась к молчаливому признанию советской акции в Польше⁷⁶⁹. Тем не менее западные союзники попытались получить более подробный ответ из Москвы о намерениях СССР. 20 сентября Франция повторила свой запрос⁷⁷⁰. 23 сентября 1939 г. Лондон запросил советское правительство, готово ли оно ответить на английское предложение о торговых переговорах или его соглашение с Германией "делает такие переговоры вообще бесцельными". Английское руководство также интересовалось, "как мыслит себе Советское правительство будущее Польши? В частности, является ли существующая демаркационная линия временной военной мерой или же имеет

более постоянное значение?", а также насколько изменились принципы советской внешней политики⁷⁷¹ .

27 сентября, в день, когда в Москву вновь прибыл Риббентроп, до сведения английского руководства был доведен ответ из Москвы, согласно которому СССР соглашался на ведение торговых переговоров с Англией. Относительно судьбы Польши советское руководство считало, что "нынешняя демаркационная линия не представляет, конечно, государственной границы между Германией и СССР. Судьба Польши зависит от многих факторов и противоположных сил, учесть которые в настоящее время нет пока возможности". Естественно, Москва подчеркнула, что принципы советской внешней политики не изменились, а советско-германские отношения "определяются пактом ненападения"⁷⁷² . Случайно ли, что подписанный в ночь на 29 сентября советско-германский договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., как справедливо отметил В.Я. Сиполс⁷⁷³ , вопреки своему названию определил не границу между Германией и СССР, а границу между их "обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства"? Не исключено, что ни Берлин, ни Москва не хотели подписывать официальный документ, в котором был бы зафиксирован раздел Польши между ними.

Это позволило показать Англии и Франции, что СССР не претендует на национальные польские территории, а его действия носят потенциально антигерманский характер. В целом Англия приняла советскую позицию, и 17 и 27 октября до сведения СССР было доведено, что Лондон хочет видеть этнографическую Польшу скромных размеров и не может быть никакого вопроса о возврате ей Западной Украины и Западной Белоруссии⁷⁷⁴ . Вообще на Западе многие считали, что СССР не участвовал в разделе Польши, так как западные районы Украины и Белоруссии не являлись польскими территориями, и проблема восстановления Польши была связана только с Германией. Соответственно Англия и Франция посоветовали польскому правительству в эмиграции не объявлять войну СССР⁷⁷⁵ . В Лондоне и Париже обозначилось два внешнеполитических курса в отношении Москвы. Один из них рассматривал СССР как главного противника западных союзников, для нанесения ущерба которому были хороши все средства, а второй исходил из необходимости первоначального разгрома Германии, что требовало привлечения Москвы к антигерманскому фронту любыми возможными способами. В любом случае западные союзники были заинтересованы в провоцировании напряженности в советско-германских отношениях, для чего использовались, например, советско-турецкие переговоры 25 сентября - 17 октября 1939 г. о договоре о взаимопомощи. Кроме того, англо-французская пропаганда активно использовала тезис о "красной опасности" для Европы⁷⁷⁶ .

Помимо пропагандистского нажима на СССР, Англия и Франция, сделавшие ставку на экономическое удушение Германии за счет пресечения ее внешней торговли, стали отказываться от выполнения советских заказов вплоть до конфискации уже готовой продукции. По мнению Лондона и Парижа, это должно было затруднить советское экономическое содействие Германии, а кроме того, как справедливо отметил в выступлении на 6-й сессии Верховного Совета СССР В.М. Молотов, "у англо-французских правящих кругов сорвались расчеты насчет использования нашей страны в войне против Германии и они ввиду этого проводят политику мести в отношении Советского Союза"⁷⁷⁷ . 6 сентября Англия объявила список предметов торговли, которые она будет рассматривать как контрабанду, а 11 сентября заявила о намерении досматривать суда нейтральных стран с целью поиска контрабанды в Германию. Понятно, что задержки и аресты советских и

зафрахтованных СССР судов не способствовали улучшению англо-советских отношений. В ответ на торговую дискриминацию СССР также сократил свои поставки в Англию и Францию. Однако Англия, заинтересованная в получении советского леса, 18 сентября предложила обменять его на задержанные советские заказы. В итоге 11 октября было заключено советско-английское соглашение об обмене советского леса на каучук и олово⁷⁷⁸.

Намереваясь достичь торгового соглашения с нейтральными странами на период войны, Англия в начале октября зондировала СССР на предмет начала торговых переговоров. 25 октября СССР направил Англии ноту, в которой констатировал нарушение ею международного права и заявлял, что не признает правомерности блокадных мероприятий и "оставляет за собой право требовать от Британского Правительства возмещения убытков", наносимых этими английскими мерами⁷⁷⁹. В Лондоне эта нота была воспринята с неудовольствием, но английское правительство старалось не толкнуть СССР к сближению с Германией и 26 октября вновь предложило начать торговые переговоры⁷⁸⁰. 11 ноября 1939 г. СССР заявил, что сочувствует намерениям некоторых членов английского правительства в желании "улучшения англо-советских политических и торговых отношений", но "не видит в данный момент благоприятных перспектив в этом деле", поскольку Англия занимает враждебную позицию в отношении СССР, а "улучшение отношений между СССР и Англией требует, чтобы подобная политика английских властей была изменена в лучшую сторону"⁷⁸¹. Это не помешало Англии 27 ноября вновь поинтересоваться у Москвы, желает ли она торговых переговоров, поскольку, по мнению Лондона, никаких враждебных актов по отношению к СССР не предпринималось⁷⁸².

28 ноября Англия законодательно оформила запрет на германскую торговлю и право западных союзников досматривать все суда на предмет поиска товаров для Германии. 30 ноября Германия попросила СССР заявить Англии протест по вопросу ужесточения мер экономической войны⁷⁸³. 10 декабря СССР направил Англии ноту, в которой протестовал против таких мер экономической войны, нарушающих международное право, и оставлял "за собой право требовать возмещения понесенных убытков"⁷⁸⁴. В условиях обострения отношений СССР с Англией и Францией в связи с началом советско-финской войны вопрос о торговых переговорах отпал. Помимо пропагандистской и торговой войны, в Англии и Франции не исключали применения и число военных мер против СССР, который рассматривался ими в качестве невоюющего союзника Германии. Уже в конце сентября 1939 г. началась разработка планов боевых действий против Советского Союза с использованием его восточноевропейских соседей, а также против кавказских нефтепромыслов.

В ходе начавшейся войны на море английские ВМС быстро выяснили, что часть германских судов укрылась в Мурманске. Понятно, что вскоре в Баренцевом море появились и английские корабли, имевшие целью перехватить немецкие в момент их выхода в нейтральные воды. Однажды командир одной из береговых батарей советского Северного флота открыл огонь по 2 английским эсминцам, которые, по его мнению, находились в советских территориальных водах. Поставив дымовую завесу, эсминцы вышли из-под огня советских дальнобойных орудий в открытое море. Впрочем, никакой ноты протеста со стороны Англии не последовало: видимо, корабли и в самом деле зашли в советские территориальные воды или же находились буквально на их кромке. Кроме того, советское военно-морское командование опасалось появления англо-французской эскадры в Черном море. Поэтому Черноморский флот вел напряженную разведку на подступах к Одессе и

Севастополю. Помимо воздушной разведки на подступах к этим советским портам, румынскому порту Констанца, болгарским Варна и Бургас, у о. Змеиный и у входа в Босфор 17 сентября были развернуты на позициях советские подводные лодки. Всего в море выходили 10 подводных лодок, но никакого реального противника у моряков-черноморцев так и не появилось⁷⁸⁵.

Совершенно иначе в отношении СССР вела себя Германия. Уже 6 сентября с германской стороны было заявлено о необходимости расширения экономических отношений с СССР, а "существующее товарно-кредитное соглашение будет соблюдаться Германией в точности, несмотря на войну"⁷⁸⁶. События 17 сентября - 12 октября на территории Польши дали пример успешного советско-германского сотрудничества. В ходе второго визита Риббентропа в Москву 28 сентября между ним и Молотовым произошел обмен письмами, в которых стороны подчеркнули свою готовность "всемерно развивать экономические отношения и товарооборот", чтобы он "по своим размерам достиг высшего объема, достигнутого в прошлом". Одновременно СССР дал согласие на организацию германской транзитной торговли с третьими странами⁷⁸⁷.

Кроме обсуждения политических вопросов Восточной Европы и экономических проблем советско-германских отношений, Риббентроп высказал пожелание устроить в Мурманске ремонтную базу для немецких кораблей и подводных лодок. 5 октября Молотов заявил Шуленбургу, что "Мурманск недостаточно изолирован для этой цели", и предложил взамен бухту Териберка, расположенную восточнее Мурманска. 15 октября Германия обратилась к советской стороне за разрешением использовать советские порты (Мурманск, Владивосток и др.) и верфи для снабжения и ремонта германских кораблей и с просьбой организовать снабжение германских рейдеров и подводных лодок в море советскими судами. Однако германский военно-морской атташе в Москве капитан 1 ранга фон Баумбах сообщил в Берлин, что на положительное решение всех этих вопросов рассчитывать не приходится, так как порты Мурманск и Владивосток слишком открыты для иностранных судов, посещения которых могут затруднить сохранение тайны и создадут угрозу нейтралитету СССР, а бухта Териберка не подходит для базирования флота, потому что недостаточно защищена от непогоды⁷⁸⁸.

В результате переговоров, как доложил Гитлеру 16 октября командующий германскими ВМС гросс-адмирал Э. Редер, "русские предоставили в наше распоряжение хорошо расположенную базу западнее Мурманска, где можно будет расположить плавучую мастерскую". Этой базой "Норд" стала бухта Западная Лица на южном побережье Мотовского залива, переданная в распоряжение немцев с ноября 1939 г., которую первоначально предполагалось использовать в качестве секретного пункта снабжения и ремонта подводных лодок и рейдеров. Однако в действительности в этом качестве она никогда не использовалась, хотя там находилось 6 судов снабжения, одно из которых было задействовано в период Норвежской операции. С середины сентября в Мурманске укрылся от английского флота германский лайнер "Бремен", при отходе которого 6 декабря советские власти на 3 суток задержали в порту все другие суда, чем облегчили его переход в Германию, куда он прибыл 12 декабря⁷⁸⁹.

23 октября в Кольский залив прибыл пароход "Сити оф Флинт", захваченный в Атлантике германским линкором "Дойчланд" с грузом стратегического сырья. В тот же день советские власти интернировали немецкую команду. 25 октября в ответ на запрос Германии о судьбе парохода советская сторона заявила, что вынуждена соблюсти формальности⁷⁹⁰.

Однако уже 26 октября интернирование было отменено, так как выяснилось, что пароход прибыл для ремонта машин, о чем было сообщено Германии, а 28 октября после проверки груза и ремонта машин "Сити оф Флинт" покинул Мурманск. Одновременно советская сторона указала, что намечаемое развертывание германского флота для контроля за морской торговлей в устье Финского залива не отвечает советским интересам и создает впечатление, что Берлин действует в поддержку Финляндии, ведущей переговоры с Москвой⁷⁹¹. 27 октября Германия согласилась отнести зону контроля до меридиана 21 градуса в.д., но и это решение не устраивало СССР, поскольку на этом меридиане находилась Лиепая, ставшая базой КБФ⁷⁹². Германии пришлось учесть советские пожелания.

Кроме того, советское руководство, демонстрируя советско-германскую дружбу, согласилось на публикацию совместного советско-германского заявления о необходимости скорейшего окончания войны⁷⁹³. Соответствующие изменения были внесены в советскую пропаганду⁷⁹⁴, а 30 ноября, в день начала советско-финской войны, в "Правде" было опубликовано интервью Сталина, в котором он заявил, что "не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну; после открытия военных действий Германия обратилась к Франции и Англии с мирными предложениями, а Советский Союз открыто поддержал мирные предложения Германии, ибо он считал и продолжает считать, что скорейшее окончание войны коренным образом облегчило бы положение всех стран и народов; правящие круги Англии и Франции грубо отклонили как мирные предложения Германии, так и попытки Советского Союза добиться скорейшего окончания войны"⁷⁹⁵.

Важным инструментом влияния СССР были коммунистические партии европейских стран, которые переживали нелегкое время в связи с внешнеполитическими зигзагами Москвы. Будучи слишком сильно связанными с антифашистской борьбой, компартии не сразу смогли приспособиться к ситуации, возникшей после пакта о ненападении. Кроме того, 26 августа 1939 г. во Франции была запрещена коммунистическая печать, что ударило по возможностям крупнейшей коммунистической организации в Европе. Тем не менее первоначально компартии заняли в начавшейся войне антифашистские позиции, хотя, как правило, оговорили условность своей поддержки собственных правительств. Но 8-9 сентября из Москвы последовало указание положить в основу коммунистической пропаганды тезис об империалистической войне, в возникновении которой виновата буржуазия всех стран. Поэтому перед компартиями ставилась задача бороться против поджигателей войны, каковыми в тот момент считались Англия и Франция, за "подлинный мир", который "бывает лишь тогда, когда устранены причины империалистической войны: капиталистическая система, империалистическое угнетение"⁷⁹⁶. Вместе с тем компартиям не следовало делать акцент на революционной борьбе во избежание репрессий со стороны властей и изоляции от населения. Тем самым деятельность Коминтерна сосредоточилась на борьбе против влияния Англии и Франции, что в определенной степени было на руку Германии, но в большей степени отражало интересы СССР, поскольку должно было сбросить в ходе войны власть "английского империализма"⁷⁹⁷.

По прибытии в Москву германской экономической делегации 8 октября 1939 г. начались советско-германские экономические переговоры, на которых Германия старалась добиться увеличения советских поставок сырья сверх соглашения от 19 августа 1939 г. для возмещения потерь от англо-французской экономической блокады. Германия надеялась, что компенсация с ее стороны за это сырье примет форму долгосрочных программ по поставкам товаров и

капиталовложениям на срок до 5 лет, то есть предполагалось побудить Советский Союз делать опережающие поставки. Однако быстро выяснилось, что СССР не собирается выполнять желания Германии в ущерб собственным интересам. 20 октября советская сторона передала немцам программу военных заказов и закупок в Германии, включавшую самую современную технику. Для ознакомления с закупаемыми товарами 26 октября в Германию прибыла советская экономическая делегация, которая посетила германские предприятия. По распоряжению Гитлера советским представителям было показано все серийное производство вооружений, кроме опытных или засекреченных разработок. Такой подход произвел на советскую делегацию "в общем благоприятное впечатление"⁷⁹⁸.

Относительно быстро был решен вопрос о германских транзитных перевозках по территории СССР и о льготных тарифах по перевозке некоторых грузов для Германии с Дальнего Востока: тарифы были временно снижены на 50%. 30 ноября Германия настаивала на 50% снижении и всех прочих транзитных тарифов, тогда как СССР был согласен лишь на 20% скидку⁷⁹⁹. 11 декабря Германия заявила, что СССР хочет получить слишком много военных заказов, которые трудно выполнить ввиду военного времени⁸⁰⁰. Но новый тур переговоров, начавшийся 19 декабря, показал, что, по мнению советского правительства, "лишь осуществление поставок по всем перечисленным в списке наименованиям явится достаточным эквивалентом для поставок сырья, которое на сегодня еще не закуплено для Германии на мировом рынке"⁸⁰¹. 22 декабря Шуленбург заметил Молотову, что "программа советской стороны слишком велика, и Германское правительство, находясь в состоянии войны, не может выполнять этих заказов". В ответ советская сторона согласилась сократить количество заказов, но настаивала на снижении цен германской стороной⁸⁰². 23 декабря было подписано советско-германское соглашение об организации грузового железнодорожного сообщения, а 28 декабря о воздушном сообщении между Германией и СССР⁸⁰³. 31 декабря было продлено до конца 1940 г. торгово-платежное соглашение от 1 марта 1938 г.⁸⁰⁴

Основным вопросом на переговорах была проблема взаимосвязи советских и германских поставок. В ходе переговоров в ночь на 1 января 1940 г. Сталин, указав, что СССР своими поставками оказывает помощь Германии, согласился сократить объем советских заказов, но настаивал на ежеквартальной балансировке взаимных поставок, поскольку "советская сторона не обязывалась давать Германии кредита". В ответ на возражение германской делегации Сталин согласился на полугодовую балансировку поставок, но все попытки немцев отсрочить выполнение советских заказов наталкивались на твердый отказ⁸⁰⁵. В ходе очередной встречи со Сталиным 29 января германская делегация вновь настаивала на отказе от взаимного балансирования поставок, указав, что "кредитом это назвать нельзя, так как Советский Союз получает за это марки, которые он может положить в банк и получать проценты". На это Сталин посоветовал германской стороне не считать "русских дураками. В Западной Европе считали русских медведями, у которых плохо работает голова. Все, кто держался такого мнения, ошибались. Русские не глупее других. Советская сторона знает, что Германия нигде сейчас не покупает зерно, нефть, руду, хлопок на марки, а платит за это валюту", поэтому советские поставки являются экономической помощью. Из-за этого СССР "немало нажил себе врагов", но ни Англия, ни Франция не могут столкнуть его с пути дружбы с Германией⁸⁰⁶.

5 февраля 1940 г. в Москву поступило письмо Риббентропа Сталину, в котором германский министр иностранных дел, ссылаясь на политические и военно-экономические

уступки Германии в пользу СССР, настаивал на получении от советского правительства поддержки "в нашей войне с Англией и Францией путем возможно быстрых и объемлющих поставок сырья", опережающих ответные германские поставки, в обмен на предоставление германского технического опыта в военной области⁸⁰⁷. Сталин согласился учесть пожелания Риббентропа и 8 февраля в качестве компромиссного решения предложил срок выполнения советских поставок в 18 месяцев, а для германских - 32 месяца. При этом на первом году действия соглашения следовало балансировать поставки каждые 6 месяцев, а на втором году - каждые 3 месяца⁸⁰⁸. Это предложение послужило основой компромисса, и 11 февраля 1940 г. в Москве было подписано Хозяйственное соглашение между СССР и Германией.

Соглашение охватывало период в 27 месяцев, причем советские поставки должны были быть выполнены за 18 месяцев и полностью покрывались германскими в следующие 9 месяцев. Каждые 6 месяцев должна была осуществляться взаимная балансировка поставок на основе точно определенных коэффициентов (50% советских - 40% германских через полгода, 100% советских - 80% германских через год). Если германские поставки не поспедали за коэффициентом советских поставок, то СССР имел право приостановить поставки до восстановления баланса. С учетом импорта в Протекторат советские поставки должны были составить 650 млн марок. Кроме того, СССР предоставил Германии право транзита в и из Румынии, Ирана, Афганистана и стран Дальнего Востока. К тому же Советский Союз дал обещание закупить для Германии сырье в нейтральных странах, что значительно сужало возможности англо-французской экономической блокады Германии. Это хорошо понимали экономические представители Германии в Москве. Так, в меморандуме о германо-советском торговом соглашении советник Шнурре отмечал, что это "соглашение означает широко открытую дверь на Восток. Закупки сырья в СССР и в странах, с ним граничащих, все еще могут быть существенно увеличены. Но крайне важно выполнять германские обязательства в пределах требуемого. Ввиду большого объема это потребует особых усилий. Если мы преуспеем в увеличении и расширении экспорта на Восток до требуемого объема, то эффект английской блокады будет существенно ослаблен будущим притоком сырья"⁸⁰⁹.

Вместе с тем соглашение о балансировании взаимных поставок давало СССР возможность задерживать свои поставки при нарушении графика немецких. Это произошло уже в конце марта 1940 г., когда немцы задержали поставки каменного угля, а СССР в ответ с 1 апреля прекратил поставки зерна и нефти. 5 апреля Германия просила возобновить поставки, обещая выполнить свои, но СССР отклонил эту просьбу⁸¹⁰. Однако не исключено, что в данном случае речь шла не столько об экономических, сколько о политических причинах.

Снабжение Германии сырьем, пропаганда советско-германской дружбы, осуждение Англии и Франции как поджигателей войны и пацифистская пропаганда через Коминтерн, естественно, раздражали западных союзников и подогревали нетерпение сторонников объявления войны СССР. Начавшаяся советско-финская война давала западным союзникам прекрасный повод для нанесения ущерба как Германии, так и СССР. Оккупация Скандинавии Англией и Францией ослабила бы стратегические позиции Германии, лишив ее поставок шведской железной руды, а вмешательство в советско-финскую войну позволило бы втянуть СССР в войну "в худшем случае на стороне Германии, в лучшем случае... один на один против всего буржуазного мира, включая Германию"⁸¹¹. Уже 2 декабря 1939 г. США

ввели "моральное эмбарго" на поставки в СССР авиационной техники и технологии. Под давлением США и Франции 14 декабря 1939 г. СССР был исключен из Лиги Наций, а 16 декабря была принята резолюция, призывавшая членов этой организации оказать помощь Финляндии, что позволило западным союзникам полным ходом развернуть подготовку военных действий против СССР⁸¹².

5 февраля 1940 г. Верховный совет союзников принял решение послать в Финляндию экспедиционный корпус через норвежские порты, и в тот же день в Париже был совершен полицейский налет на советское торгпредство, но Москва ограничилась протестом⁸¹³. Советско-германский торговый договор от 11 февраля 1940 г. вызвал в Англии и Франции новые опасения относительно возможного советско-германского союза и всплеск антисоветских публикаций. Однако советское руководство не собиралось пускать события на самотек, а решило использовать высказанную 30 января заинтересованность Англии в точном выяснении характера советско-германских отношений⁸¹⁴. 16 февраля в Москве в ходе беседы с членом британской палаты общин С. Криппсом Молотов заявил, что "если бы Английское правительство действительно хотело бы иметь с нами хорошие отношения, то мы с готовностью пошли бы этому навстречу"⁸¹⁵. В тот же день Англия запросила СССР, не означает ли новое советско-германское экономическое соглашение оформления союза между Москвой и Берлином⁸¹⁶.

22 февраля 1940 г. СССР уведомил Англию, что советское руководство считает "смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже простое предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией". Экономическое соглашение с Германией "есть всего лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 миллионов марок, причем договор экономически выгоден СССР, так как СССР получает от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже чего нам неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции". Заверения, что Советский Союз продолжает сохранять нейтралитет в европейской войне, были с "удовлетворением" восприняты в Англии⁸¹⁷. 27 февраля Москва уведомила Лондон, что "СССР, как нейтральная страна, вел и будет вести свою внешнюю торговлю как с воюющими, так и с нейтральными странами, исходя из своих потребностей". Советско-германское торговое соглашение является его "внутренним делом, а не предметом переговоров с третьими странами". Упрекнув Англию в нарушении торгового соглашения с СССР осенью 1939 г., советское правительство согласилось "восстановить торговые отношения" с ней для ввоза товаров в СССР, а не для реэкспорта их в другие страны, но при этом подобное соглашение было бы заключено не в ущерб "торговых обязательств каждой из сторон в отношении других стран". Лучшим условием для начала торговых переговоров советская сторона считала освобождение задержанных англичанами советских судов "Селенга" и "Маяковский"⁸¹⁸.

Угроза англо-французского вмешательства в советско-финскую войну заставила советское руководство, с одной стороны, ускорить завершение войны с Финляндией, а с другой - продемонстрировать равный нейтралитет в отношении участников европейской войны. Поэтому в конце февраля - начале марта 1940 г. ощущалось некоторое охлаждение советско-германских отношений. Все началось с мелочей. Сначала возникли трудности с визами для немцев, потом задержки в передаче немцев, находящихся в советских тюрьмах, в Германию, и, наконец, 5 марта советская сторона заявила, что использование базы "Норд" затруднено до конца финских событий⁸¹⁹. В то же время Германия информировала СССР о

своих переговорах с Италией, а Москва уведомила Берлин о ходе переговоров с Финляндией, но отказалась предоставить Германии базы для флота на Камчатке⁸²⁰ .

Начало советско-финских переговоров о мире привело к тому, что антисоветские настроения на Западе лишились важного источника подпитки, а это было на руку СССР. 18 марта Англия вновь декларировала свое желание возобновить с СССР торговые переговоры, но продолжала задерживать советские суда, особенно на Дальнем Востоке⁸²¹ . 19 марта Франция потребовала отзыва советского полпреда, который был 26 марта отозван в Москву⁸²² . 27 марта СССР выразил готовность начать торговые переговоры с Англией при условии освобождения задержанных судов и отказа от задержания советских судов впредь. Но позиция Англии по вопросу торгового судоходства осталась неизменной⁸²³ . Тем не менее внешне в советско-английских отношениях наступила определенная нормализация⁸²⁴ , тем более что СССР еще раз публично опроверг слухи о более тесном сближении с Германией и о скорой поездке Молотова в Берлин. Впервые Германия пригласила Молотова посетить Берлин 17 октября для церемонии обмена ратификационными грамотами к договору от 28 сентября 1939 г., но советская сторона, ссылаясь на занятость председателя Совнаркома, отклонила это приглашение, пообещав, что "для поездки будет выбран более подходящий момент"⁸²⁵ . В марте 1940 г. Германия вновь решила вернуться к этой идее, и 29 марта Шуленбург получил задание затронуть в беседе с Молотовым вопрос о его возможном визите в Берлин. Как и предполагал Шуленбург, советское правительство уклонилось от обсуждения этого вопроса, и МИД Германии дал своему послу в Москве указание не проявлять дальнейшей инициативы⁸²⁶ .

Однако англо-советские контакты экономического характера не мешали западным союзникам продолжать разработку антисоветских военных планов⁸²⁷ . К началу марта 1940 г., как отмечает В.Я. Сиполс, "английскими и французскими военными органами были разработаны общие стратегические планы нападения на СССР с юга. Но согласованного английского и французским правительствами принципиального политического решения о нападении не было"⁸²⁸ . Несмотря на прекращение советско-финской войны, подготовка нападения на СССР продолжалась. Это лишний раз доказывает, что эти англо-французские разработки имели довольно относительную связь с конфликтом на Севере Европы, а исходили из их долгосрочной военной стратегии. Стремясь удушить Германию экономической блокадой, Англия и Франция продолжали подготовку к установлению контроля над Скандинавией и разрушению советских нефтепромыслов на Кавказе. Одновременно они пытались получить от Турции, Ирана и Японии согласие на участие в антисоветской войне.

28 марта Англия и Франция вновь обсудили свою военную стратегию и решили минировать норвежские территориальные воды, чтобы затруднить доставку в Германию шведской железной руды. Однако по вопросу о бомбардировке Баку мнения сторон разошлись. Если Франция настаивала на ускорении этой акции, то Англия заняла более уклончивую позицию, опасаясь советско-германского союза. Кроме того, на позицию Англии влияло то, что Турция и Иран уклонились от вмешательства в борьбу великих держав, а СССР, зная об общих намерениях западных союзников, предложил 27 марта улучшить отношения с Лондоном. В итоге было принято решение продолжить подготовку к авиаудару по Кавказу, с тем чтобы "операция могла быть осуществлена без задержки, если будет принято соответствующее решение"⁸²⁹ . Следовало усилить блокаду СССР, особенно на Дальнем Востоке, и затягивать ответ на советское предложение торговых переговоров до

решения вопроса о бомбардировке Баку.

Хотя Москва и не знала всех деталей подготовки англо-французских действий на Кавказе, имевшаяся информация позволяла отметить нарастание угрозы южным границам СССР. Поэтому 29 марта, выступая на заседании Верховного Совета, Молотов заявил, что "всякие попытки такого рода вызвали бы с нашей стороны ответные меры против агрессоров, причем опасность такой игры с огнем должна быть совершенно очевидна для враждебных СССР держав и для тех наших соседей, кто окажется орудием этой агрессивной политики против СССР"⁸³⁰. Кроме этих достаточно серьезных предупреждений, советской стороной были приняты и конкретные военные меры. Еще 31 декабря 1939 г. нарком обороны приказал усилить войска Закавказского военного округа (ЗакВО) путем призыва резервистов сверх штатов мирного времени⁸³¹. 10 января 1940 г. в Баку была переброшена 31-я стрелковая дивизия из Северо-Кавказского военного округа (СКВО)⁸³². С 20 февраля командование советских ВВС занималось выработкой мер по усилению ПВО Баку⁸³³.

С 25 по 29 марта с высшим и старшим комначсоставом ЗакВО была проведена двусторонняя оперативная игра на картах на территории Восточно-Анатолийского и Передового иранского ТВД, в ходе которой разыгрывался следующий сценарий: "Черные", продолжая вести войну с "Коричневыми" на Западном фронте, совместными действиями с "Синими" и "Зелеными" решили перейти к открытым действиям против "Красных". Согласно замыслу игры, "Синие" к середине июня сосредоточили к границе войска и с утра 16 июня вторглись на территорию "Красных", а "Зеленые" попытались 19 июня сделать то же самое, но были отброшены. В этой обстановке Закавказских фронт "Красных" получил задачу с утра 25 июня перейти "в решительное наступление с задачей выхода на фронт Эрзерум, оз. Ван, Тавриз". Следовало, взаимодействуя с Черноморским флотом, "не допустить противника на восточное побережье Черного моря от Батуми до р. Псоу и нападение его ВВС на базы Потти, Батуми". Каспийская военная флотилия получала задачу "набегами операциями на базы противника во взаимодействии с ВВС фронта уничтожить морские силы противника и важнейшие объекты военного значения", а 3-й корпус ПВО должен был "не допустить нападения ВВС противника на Баку". Розыгрыш действий флотов "Черных" и "Синих" против Потти и Батуми показал, что высадка вражеского десанта на побережье затруднена, а возможна лишь успешная высадка мелких групп диверсантов⁸³⁴.

2 апреля было принято решение сформировать редакцию и типографию газеты на английском языке и увеличить штаты газет на турецком и иранском языках для разложения войск противника⁸³⁵. В начале апреля в Закавказье стали прибывать войска с финского фронта. Согласно директиве наркома обороны № 0/2/104044сс от 10 апреля к 27 апреля в состав ЗакВО включались управления 3-го и 23-го стрелковых корпусов, 4-я, 136-я и 138-я стрелковые, 24-я кавалерийская дивизии, 116-й, 547-й, 136-й, 350-й гаубичные артполки, 40-й отдельный артдивизион особой мощности, 335-й, 18-й зенитные артполки, 7-й, 9-й отдельные прожекторные дивизионы, 153-й, 157-й, 171-й, 184-й, 201-й, 216-й, 211-й дивизионы малокалиберной артиллерии, 24-й отдельный батальон ВНОС, 380-й дивизион ПВО, 388-й зенитный артдивизион, 97-я рота и 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й взводы крупнокалиберных пулеметов, тыловые и санитарные части. Кроме того, в округе следовало к 25 мая сформировать 17-ю и 41-ю легкие танковые бригады⁸³⁶. В итоге количество частей и подразделений зенитной артиллерии округа возросло с 6 до 37 единиц⁸³⁷. 15-22 мая войска ЗакВО провели полевые поездки на Ахалцихском, Ахалкалакском и Ленинканском направлениях на тему "Сосредоточение и развертывание усиленного стрелкового корпуса на

широком фронте в начальный период войны в горной местности с последующим переходом в наступление"838 .

Еще 4 марта командование ВВС Красной Армии получило указания Генштаба, что "САВО, ЗакВО и ОдВО приобретают особое важное оперативное значение", и стало готовить обеспечение этих округов необходимыми материально-техническими средствами и боеприпасами "на 1 месяц боевой работы"839 . До апреля 1940 г. ВВС ЗакВО состояли из 60-й авиабригады (36-й, 45-й, 50-й истребительные авиаполки), 5-й дальнеразведывательной эскадрильи, 6-й разведэскадрильи и 30-го отдельного отряда ПВО. В апреле мае 1940 г. в округ были переброшены управления 3-й, 17-й и 64-й авиабригад и 9 авиаполков: 25-й, 68-й истребительные, 18-й, 41-й среднебомбардировочные, 6-й, 42-й дальнебомбардировочные с Северо-Западного фронта, 35-й истребительный - из БОВО, 133-й истребительный - из МВО, 12-й дальнебомбардировочный - из СКВО. Кроме того, в ЗакВО были сформированы управление 45-й авиабригады, 82-й, 84-й истребительные и 83-й дальнебомбардировочный полки. Соответственно ВВС округа увеличились с 246 самолетов на 1 марта до 1 023 на 1 июня840 .

В соответствии с распоряжением наркома обороны и начальника Генштаба командующий ВВС приказал 9 и 11 апреля дальнебомбардировочным авиаполкам ЗакВО и ОдВО "приступить к изучению Ближне-Восточного ТВД, обратив особое внимание на следующие объекты": Александрия, Бейрут, Хайфа, Александрета, Порт-Саид, Никосия, Ларнака, Фамагуста, Алеппо, Суэцкий канал, Стамбул, Измид, Синоп, Самсун, Трапезонд, Мудания, Смирна, Галлиполи, Анкара, Кырыкале, проливы Босфор и Дарданеллы. Следовало в строгой тайне проработать возможные маршруты, бомбовую нагрузку и провести по 2 учебных полета над своей территорией с дальностью и навигационными условиями, соответствующими Ближне-Восточному ТВД, включая бомбометание и воздушные бои с встречающимися истребителями841 . 7 апреля командование ВВС просило Разведуправление НКО передать штабу ВВС материалы по району Мосул - Керкук, в том числе и те, которые можно достать в Берлине через военно-воздушного атташе. 23 апреля в штаб ЗакВО из 5-го Управления НКО были высланы разведматериалы "по объектам Турции, Ирана, Ирака и Палестины для тщательного изучения летным составом" частей. Переданные 25 мая в штаб ВВС округа, эти материалы содержали карты, планы, схемы, фотоснимки районов Стамбула, Тавриза, Казвина, Багдада, Мосула, Хайфы842 .

В результате всех этих мероприятий штатная численность войск ЗакВО возросла с 15 февраля по 1 июля 1940 г. в 3,2 раза. Списочная численность войск округа, составлявшая на 1 апреля 86 771 человек, увеличилась к 1 мая до 307 961 человек, а к 1 июня до 320 128 человек843 .

В это время Англии и Франции провели аэрофотосъемку районов Баку и Батуми и завершали разработку конкретных военных планов для действий на Кавказе. Намечалось подготовить единый англо-французский план, который следовало передать на рассмотрение правительств. Однако вторжение Германии в Данию и Норвегию 9 апреля в определенной степени связало руки западным союзникам, поскольку наличные силы ВВС не позволяли усилить авиагруппу на Ближнем Востоке. В 10.30 9 апреля Шуленбург посетил Молотова и передал ему, что Германия для обеспечения своей безопасности решила упредить Англию и Францию и занять Данию и Норвегию. Берлин обещал, что "территории Швеции и Финляндии нашей акцией затронуты ни в коем случае не будут". Молотов ответил, что советское правительство понимает "действия Германского правительства, так как, видимо,

Англия слишком далеко зашла в отношении нарушения нейтралитета Норвегии и Дании. Не исключено, что Англия действительно готовилась к занятию побережья Норвегии и Дании. Поэтому меры Германии в отношении Норвегии и Дании следует считать вынужденными". На вопрос Шуленбурга, "верны ли слухи о торговых переговорах" СССР с Англией, Молотов, сославшись на факты задержания западными союзниками советских судов, ответил отрицательно⁸⁴⁴.

Начало боев в Скандинавии устранило кризис, возникший в советско-германских отношениях. 9 апреля Молотов заявил, что "хозяйственные органы СССР несколько перестарались, приостановив отправку товаров в Германию, в частности нефти и зерна". Хотя Германия сама задержала обещанные СССР поставки, но заверения Геринга о том, что "задержки будут устранены", позволяют советской стороне возобновить свои поставки. Кроме того, был урегулирован и ряд более мелких вопросов. "Господин Молотов был сама любезность, - докладывал в Берлин Шуленбург. - Я должен признаться, что абсолютно поражен такой переменной"⁸⁴⁵. Видимо, начало боев в Норвегии убедило советское правительство, что никакого сговора Германии и Англии не будет, а западные союзники связаны боями в Скандинавии. Следовательно, снизилась угроза вовлечения СССР в войну, что позволило нормализовать отношения с Германией. Вместе с тем Молотов 13 апреля заявил Шуленбургу, что советское правительство "определенно заинтересовано в сохранении нейтралитета Швеции" и "выражает пожелание, чтобы шведский нейтралитет не был нарушен". Германия, которая не планировала оккупацию Швеции, ответила, что также не заинтересована в нарушении шведского нейтралитета⁸⁴⁶.

Тем временем 19 апреля 1940 г. Англия выразила желание возобновить торговые переговоры с СССР при условии учета военных интересов Лондона и гарантий против реэкспорта английских товаров в Германию⁸⁴⁷. 23 апреля Верховный военный совет союзников, вновь рассмотрев проблему авиаудара по кавказским нефтепромыслам, констатировал, что "угроза нападения является реальностью и поэтому представляет собой средство для давления" на СССР. Было решено завершить подготовку нападения как можно скорее (ориентировочная дата конец июня - начало июля) и усилить давление на Турцию, чтобы склонить ее к участию в антисоветском походе⁸⁴⁸. 26 апреля Германия запросила СССР, верны ли слухи о "ведущихся по инициативе Советского Союза советско-английских торговых переговорах". В ответ Молотов достаточно откровенно обрисовал сложившуюся ситуацию⁸⁴⁹. 29 апреля СССР согласился вести переговоры с Англией на условиях взаимности, но указал, что лучшим условием их начала было бы освобождение задержанных советских судов⁸⁵⁰. 8 мая 1940 г. Англия вновь подняла проблему возможного советского реэкспорта английских товаров в Германию и попыталась уточнить характер советско-германских торговых отношений⁸⁵¹. Тем временем Франция сообщила Англии о том, что уже 15 мая можно будет начать операцию против Баку, но 10 мая Германия перешла в наступление на Западном фронте, и у союзников возникли более насущные проблемы.

10 мая Шуленбург известил Молотова о начале операций "на Западе, к которым Германия была принуждена англо-французским продвижением через Бельгию и Голландию в район Рура". На это Молотов ответил, что "не сомневается в том, что германские войска сумеют защитить Германию. Союзники окажутся в трудном положении"⁸⁵². Изменение стратегической ситуации в Западной Европе привело к тому, что Англия решила прозондировать позицию СССР "по возникающим торговым и другим вопросам"⁸⁵³, рассчитывая тем самым создать напряженность в советско-германских отношениях. 20 мая

1940 г. советской стороне было сообщено о намерении направить в Москву с "исследовательской" миссией "специального уполномоченного" С. Криппса. Кроме того, в СССР намечалось назначить нового английского посла взамен уехавшего еще 2 января 1940 г. в "отпуск" У. Сидса⁸⁵⁴.

Но теперь советское руководство могло занять более твердую позицию и 21 мая заявило, что не собирается подчинять свою торговую политику "военным интересам того или иного иностранного государства", поскольку "имеет право вести свою внешнюю торговлю как с воюющими, так и с нейтральными странами на принципах равенства сторон и взаимности обязательства". Москва вновь заверяла Лондон, что собирается закупать английские товары для собственных нужд и не намерена обсуждать с Англией вопросы советско-германских торговых отношений. Отметив, что Англия нарушила свои торговые обязательства в отношении СССР, а продолжающееся затягивание разрешения вопроса о задержанных советских судах "не свидетельствует о наличии желания" у Англии облегчить торговлю с СССР, Москва заявила о согласии "на ведение торговых переговоров на принципах равенства и взаимных обязательств без какого-либо прямого или косвенного подчинения торговых переговоров военным целям, находящимся в противоречии с политикой нейтралитета Советского Союза"⁸⁵⁵.

22 мая было опубликовано сообщение ТАСС, в котором кратко излагалась история предварительных переговоров между СССР и Англией по вопросу о торговых отношениях и содержался вышеуказанный ответ советского правительства. В сообщении констатировалось, что факт выдвижения Англией "на обсуждение вопросов, относящихся исключительно к компетенции советского правительства, не свидетельствует о желании английского правительства вести торговые переговоры с СССР"⁸⁵⁶. Естественно, Англия выразила недовольство публикацией такого сообщения и заявила, что до решения вопроса о поездке в Москву С. Криппса переговоров не будет⁸⁵⁷. 23 мая Англия отозвала все свои предыдущие предложения относительно торговых переговоров и просила ускорить ответ из Москвы относительно миссии Криппса⁸⁵⁸.

Однако все попытки Англии добиться, чтобы Москва приняла чрезвычайного и полномочного посла со специальной миссией оказались напрасными, поскольку советское руководство не собиралось давать повода для разговоров "о каком-то несуществующем повороте в отношениях между Англией и СССР"⁸⁵⁹. Поэтому советское руководство сообщило Германии свою позицию относительно назначения Криппса новым английским послом в Москве, отметив, что это никак не может отразиться на советско-германских отношениях⁸⁶⁰. В итоге Англии пришлось учесть позицию СССР, и Криппс был аккредитован в Москве как обычный посол⁸⁶¹. В первой половине июня Англия и Франция пытались втянуть СССР в обсуждение проблемы нарушенного победами Германии европейского равновесия, но Москва сослалась на свой нейтралитет и вновь подняла вопрос о задержанных союзниками советских судах⁸⁶².

Тем временем СССР 15-17 июня ввел свои войска в Эстонию, Латвию и Литву. 17 июня Шуленбург уведомил Молотова о франко-германских мирных контактах, а Молотов, поздравив посла с "победами германской армии", сообщил ему о развитии событий в Прибалтике⁸⁶³. 22 июня Франция капитулировала, что еще больше осложнило положение Англии, которая оказалась перед трудным выбором. Соглашение с Германией было бы явной уступкой Берлину и окончательно свело бы на нет мировую роль Англии. Продолжение войны требовало создания новой антигерманской коалиции, но большинство малых

европейских стран спешили дистанцироваться от Лондона, а США и СССР заняли выжидательную позицию, поскольку, как и Германия, оспаривали ведущую роль Англии на мировой арене. Поэтому создание новой антигерманской коалиции требовало от Англии прежде всего демонстрации своей способности продолжать войну с Германией, а также уступок своему будущему партнеру. Понятно, что английское руководство было совершенно не готово обсуждать эту проблему применительно к СССР. Более спокойно в Лондоне относились к союзу с США, но Вашингтон в преддверии президентских выборов, хотя и согласился 12 июня расширить военные поставки в Англию, категорически отказался вступить в войну с Германией⁸⁶⁴.

Стремясь добиться охлаждения советско-германских отношений, Англия решила использовать новые контакты с Москвой, поводом к которым послужило личное послание У. Черчилля Сталину. Написанное в пафосных тонах, послание Черчилля призывало к улучшению советско-английских отношений и предлагало "консультироваться друг с другом в отношении тех дел в Европе, которые неизбежно должны интересовать нас обоих. В настоящий момент перед всей Европой, включая обе наши страны, встает проблема того, как государства и народы Европы будут реагировать на перспективу установления Германией гегемонии над континентом"⁸⁶⁵. 26 июня Криппс просил приема у Сталина и обещал сохранить этот факт в тайне⁸⁶⁶. Советское руководство, зная о намерении Англии продолжать войну, что было в интересах СССР, решило удовлетворить эту просьбу. Беседа Криппса со Сталиным, состоявшаяся 1 июля 1940 г., подробно рассмотрена в работах В.Я. Сиполса на основе английских и советских документов⁸⁶⁷. Английский посол заявил о стремлении Англии к нормализации отношений, в том числе и торговых, с СССР и стабилизации "положения на Балканах под эгидой СССР". Там следовало создать некую группировку балканских стран, которая бы послужила буфером между Германией и Ближним Востоком, находящимся под контролем Англии.

Этот балканский план не заинтересовал Сталина, но он высказал готовность принять помощь Англии в улучшении советско-турецких отношений. Подтвердив, что между СССР и Германией нет соглашения о войне против Англии, а их отношения регулируются только пактом о ненападении, Сталин не поддержал высказываний Криппса относительно германского господства в Европе и стремления Германии к господству над миром. Заметив, что он "не всегда верит тому, о чем так много кричат", тем более что у Германии "нет сил для господства во всем мире", Сталин указал на то, что положение Германии в Европе сложно, поскольку Англия продолжает господствовать на морях. Советский лидер откровенно признал, что СССР не является сторонником восстановления прежнего европейского равновесия, которое было направлено против его интересов, и Криппсу пришлось заявить, что Англия "не считает возможным восстановление старого равновесия", а прежде всего заинтересована в недопущении господства какой-то одной державы.

Говоря о проблеме торговых переговоров, Криппс вновь обратил внимание Сталина на заинтересованность Англии в недопущении реэкспорта ее товаров в Германию. В ответ Сталин уведомил собеседника о некоторых общих принципах советско-германской торговли и заявил, что "договор, заключенный с Германией или с кем-либо еще, мы нарушать не можем, и при переговорах англичане должны учесть указанное обстоятельство". Криппс обещал уточнить позицию своего правительства и выразил надежду на скорое начало советско-английских торговых переговоров⁸⁶⁸. Оценивая беседу в донесении в Лондон, Криппс отметил потенциально антигерманский курс СССР, который, тем не менее, "не

сделает ничего такого, что могло бы в настоящее время открыто вызвать резкое недовольство Германии, и не будет разрывать свое соглашение с ней"⁸⁶⁹ . 3 июля Черчилль принял советского посла в Лондоне и заявил ему о намерении Англии продолжать войну, подчеркнув, что разгром Англии развяжет Германии руки для похода против СССР⁸⁷⁰ .

Некоторые авторы полагают, что СССР следовало летом 1940 г. принять английское предложение и начать сближение с Англией⁸⁷¹ , но при этом совершенно не учитывается реальная обстановка и цели советского руководства. Представляется, что более справедлива позиция В.Я. Сиполса, который пишет, что "для СССР в тех условиях не стоял вопрос о серьезном улучшении отношений с Англией. Главное заключалось в том, чтобы избежать полного разрыва контактов, сохранив их в своего рода тлеющем состоянии, чтобы иметь возможность оживить отношения, если и когда в этом будет возможность и необходимость"⁸⁷² . Хотя эти контакты и были определенной моральной поддержкой Англии в ее стремлении продолжать войну, но СССР не собирался отказываться от своей нейтральной позиции, которая уже дала столь большие выгоды. Тем более что Англия, стремясь ухудшить советско-германские отношения, допустила утечку информации об англо-советских контактах в Москве. В это же время Германия опубликовала трофейные секретные документы англо-французских союзников осени 1939 - весны 1940 г., содержащие их антисоветские планы, что дало Москве прекрасный повод занять в отношении Англии более прохладную позицию. 13 июля СССР уведомил Германию о встрече Сталина с Криппсом, передав ей сведения об общем содержании беседы⁸⁷³ . Этот факт традиционно рассматривался в западной, а затем и в отечественной историографии как пример тесного советско-германского сотрудничества, однако В.Я. Сиполс убедительно показал, что это сообщение являлось тонкой дезинформацией Германии советским руководством⁸⁷⁴ , продолжавшим лавировать между воюющими сторонами.

Во второй половине 1940 г. советско-английские отношения продолжали оставаться прохладными. Политика Англии в отношении СССР определялась стремлением добиться, как минимум, ухудшения советско-германских отношений, как максимум, - вступления СССР в войну против Германии. Как и прежде, Англия намеревалась использовать торговые переговоры с СССР с тем, чтобы побудить его сократить или вообще прекратить торговлю с Германией, что должно было создать очаг напряженности в Восточной Европе. Со своей стороны СССР был заинтересован в продолжении войны на Западе и продолжал поддерживать общие контакты с Англией, но при этом Москва не собиралась действовать по указке Лондона, который, как обычно, предпочитал не признавать советские интересы. Более того, Англия и США заняли явно враждебную СССР позицию по вопросу включения в его состав Прибалтийских стран, а любые контакты с Москвой немедленно раздувались английской прессой в чуть ли не переговоры о союзе. В этих условиях советское руководство старалось ограничиться самыми минимальными контактами, отклоняя все английские предложения о консультациях⁸⁷⁵ .

Тем временем продолжалось советско-германское военно-морское сотрудничество. База немецких ВМС "Норд" после оккупации Норвегии была перенесена из бухты Западная Лица в бухту Иоканга восточнее Мурманска у мыса Святой Нос. Еще в феврале - марте 1940 г. советское правительство согласилось на проводку по Северному морскому пути германского транспорта. Им стал теплоход "Эмс", переоборудованный в рейдер и получивший новое имя "Комет". Командовал кораблем известный арктический гидрограф капитан 1 ранга Р. Эйссен. 6 июля рейдер из Бергена отправился вдоль норвежского побережья на север, маскируясь под

советский ледокольный пароход "С. Дежнев", и в конце июля стал на якорь у о. Колгуев. В советских документах он значился как "германский транспорт "Донау" с военной командой". 18 августа рейдер вышел из Печорской губы к проливу Маточкин Шар, где 25 августа встретился с ледоколом "Ленин", который провел его через Карское море и пролив Вилькицкого в море Лаптевых, где эстафету проводки принял ледокол "И. Сталин". У Медвежьих островов рейдер встретил ледокол "Л. Каганович", который провел его через Восточно-Сибирское море. 5 сентября "Комет" вышел через Берингов пролив в Тихий океан. За 17 месяцев плавания он потопил 9 судов водоизмещением 65 тыс. тонн и захватил голландское судно с грузом каучука и олова, направив его в оккупированный Бордо. 30 ноября 1941 г. "Комет" вернулся в Гамбург. За проводку рейдера Москва запросила 950 тыс. марок. 9 сентября 1940 г. Шуленбург передал "глубокую благодарность и признательность Советскому правительству за предоставленные опорные пункты на Мурманском побережье. От этих баз Германия получила громадную пользу. В настоящее время базы больше не нужны, и мы пока отказываемся от их использования"⁸⁷⁶. Командующий германским флотом гросс-адмирал Э. Редер со своей стороны направил благодарственное письмо наркому ВМФ адмиралу Н.Г. Кузнецову.

Разгром Франции не привел к окончанию войны в Европе, поскольку Англия продолжала сопротивление. Поэтому в Берлине исходили из того, что "Англии мы должны будем, вероятно, еще раз продемонстрировать нашу силу, прежде чем она прекратит борьбу и развяжет нам руки на Востоке"⁸⁷⁷. Считалось, что если Англия не согласится на переговоры о мире, то следовало принудить ее к этому путем военно-морской блокады и бомбардировок Английских островов или, в крайнем случае, осуществить высадку десанта в Англии. Но в это время обозначилась определенная раздвоенность германской стратегии, поскольку, как отметил 3 июля в своем дневнике начальник генштаба германских сухопутных сил генерал Ф. Гальдер, "в настоящее время на первом плане стоят английская проблема, которую следует разрабатывать отдельно, и восточная проблема. Основное содержание последней: способ нанесения решительного удара России, чтобы принудить ее признать господствующую роль Германии в Европе"⁸⁷⁸.

Стремясь воспрепятствовать появлению у Англии новых союзников, Германия тщательно отслеживала дипломатические маневры Лондона. Американская поддержка Англии не была ни для кого секретом, как и то, что ее размер летом 1940 г. оставался более чем скромным, а главное - США не собирались немедленно вступать в войну, да и не могли бы предпринять каких-либо действий против Германии, кроме как на морских коммуникациях. Поэтому гораздо большее внимание в Берлине уделяли позиции СССР, не исключая возможности англо-советского сближения на основе уступок Англии на Ближнем Востоке⁸⁷⁹. Обсуждая ситуацию в Европе, 13 июля Гитлер отметил "стремление России не допустить слишком большого усиления Германии" и высказал идею о том, что Англия не ищет мира с Германией потому, что "еще надеется на Россию"⁸⁸⁰. В июле Германия перебросила на Восток 15 дивизий, уведомив 9 июля Москву об этом факте⁸⁸¹. Еще в конце июня 1940 г. западная пресса много писала о том, что восстановление дипломатических отношений между Югославией и СССР может привести к созданию советско-болгаро-югославского блока, который заставил бы считаться с собой потенциального агрессора. Эта версия, которая также активно использовалась и английской разведкой, была воспринята в Берлине, где полагали, что хотя "во время переговоров Сталина с Криппсом Сталин официально воздержался от сближения с Англией", на Балканах он призывает к совместной

борьбе против Германии⁸⁸² .

16 июля Гитлер подписал директиву № 16, содержащую план высадки в Англии (операция "Морской лев"), а 19 июля публично предложил Англии мир без всяких условий. 21 июля германское руководство вновь обсуждало сложившуюся ситуацию, и Гитлер опять назвал причинами "продолжения войны Англией" надежды на союз с США или СССР. По его мнению, сложившемуся, видимо, с учетом сообщения из Москвы о приеме Сталиным Криппса, "Англия, очевидно, рассчитывает на возможность вызвать с помощью России беспорядки на Балканах и тем самым отнять у нас источники горючего и парализовать этим нашу авиацию. Аналогичную цель преследуют ее попытки восстановить Россию против нас". Имеющиеся материалы показывают, что в это время Гитлер еще не сделал окончательного вывода об отношениях с СССР. С одной стороны, он высказался за привлечение Москвы к антианглийской коалиции, а с другой заявил, что "Сталин заигрывает с Англией с целью заставить ее продолжать войну и тем самым сковать нас, чтобы иметь время захватить то, что он хочет захватить, но не сможет, если наступит мир. Он стремится к тому, чтобы Германия не стала слишком сильной. Однако никаких признаков активного выступления России против нас нет". Тем не менее германское командование получило приказ начать подготовку плана операции против СССР, чтобы "разбить русскую сухопутную армию или по крайней мере занять такую территорию, чтобы можно было обеспечить Берлин и Силезский промышленный район от налетов русской авиации"⁸⁸³ .

22 июля английское руководство отклонило мирное предложение Берлина⁸⁸⁴ . Таким образом, перед Германией встала задача добиться выведения Англии из войны, но по мере разработки операции "Морской лев" все яснее становилось, что вермахт не располагает возможностями для ее осуществления. Высадка в Англии ставилась в зависимость от завоевания люфтваффе господства в воздухе над Ла-Маншем и южными районами страны, что было еще раз отмечено Гитлером в ходе совещания 31 июля, на котором был назначен предварительный срок начала операции - 15 сентября. Далее Гитлер впервые изложил генералам в качестве допущения вариант новой стратегии Германии. "Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению... Надежда Англии - Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии... Если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия. Вывод: В соответствии с этим рассуждением Россия должна быть ликвидирована. Срок - весна 1941 г."⁸⁸⁵ Как видно, в Берлине воспринимали операцию против СССР с точки зрения войны с Англией, и хотя подготовка похода на Восток началась, это не мешало осуществлению операции "Морской лев" в 1940 г. 5 августа началось воздушное наступление на Англию.

По мере расширения войны в Европе стала меняться позиция Коминтерна. Уже в апреле 1940 г. в пропаганде вновь возникла идея народного фронта, как оплота борьбы населения оккупированных Германией стран за свободу и независимость. Соответственно, компартии должны были возглавить эти народные фронты и бороться не только против англо-французского влияния, но и против германского господства. В июне 1940 г. коммунистическая пропаганда была дополнена идеей ответственности Англии и Франции за расширение масштабов войны, а также необходимости борьбы с оккупантами, что должно было расширить и укрепить влияние компартий в массах. От компартий требовалось избегать любых действий, которые можно было бы истолковать как сотрудничество с

оккупантами. Особую актуальность эта проблема приобрела в связи с попытками германских властей использовать ФКП в своих интересах. Компартии должны были разъяснять населению, что именно они выражают интересы народа и борются за национальные интересы. Ибо только "рабочий класс под руководством коммунистической партии способен добиться объединения нации в мощный фронт, способный защитить ее жизненные интересы и бороться против иностранного ига за действительно свободную и независимую Францию"⁸⁸⁶.

С лета 1940 г. в деятельности Коминтерна явно усиливается антигерманская направленность, и компартии получают задачу бороться с пособниками захватчиков, не допускать никакой поддержки оккупантов и осторожно использовать недовольство населения. Вместе с тем компартии в Англии и США продолжали работу против собственной буржуазии, в поддержку населения колоний и зависимых стран. В декабре 1940 г. Компартия Чехословакии получила задачу пропагандировать национальное и социальное освобождение, независимость и социализм. В апреле 1941 г. была окончательно сформулирована идея национального антифашистского фронта, которой должны были руководствоваться компартии в оккупированных странах. Антифашистский фронт должен был прежде всего завоевать национальную независимость, а затем решить вопрос о социальном устройстве и в условиях эйфории победы устранить собственную буржуазию. Соответственно, с мая 1941 г. европейские компартии начали работу по воплощению в жизнь этой идеи.

Советское военное командование в глубокой тайне продолжало разработку плана войны с Германией и ее возможными союзниками. Введение в научный оборот документов советского военного планирования показало, что Германия продолжала рассматриваться как вероятный противник № 1, несмотря на имитацию сближения с ней. Любопытно отметить, что некоторые авторы, активно клеймившие Сталина за его политику в отношении Берлина, удивлены тем, что "пакт 23 августа 1939 г. не привел к изменениям в стратегическом планировании СССР, сформулированном еще в 1938 г."⁸⁸⁷ Это лишний раз доказывает, что в 1939-1941 гг. речь шла не о прогерманском внешнеполитическом курсе Москвы, столь часто критиковавшемся в последние годы, а всего лишь о тактическом маневре советского руководства, служившем прикрытием для его целей.

Тем временем постепенно в советско-германских отношениях стали возникать определенные проблемы. Получив сведения о подготовке включения Прибалтийских государств в состав СССР, Риббентроп 9 июля просил Шуленбурга сообщить Молотову, что германское правительство намеревается заняться переселением немцев из Литвы, после завершения переселения из Эстонии и Латвии. Эта переселенческая акция "исключает полосу территории, которая будет присоединена к Германии при изменении германо-литовской границы по Московским соглашениям от сентября 1939 г." Берлин, как это было оговорено ранее, оставил "за собой определение момента присоединения этой территории к Германии" и рассчитывал, что военные меры СССР не распространятся на эту территорию. Одновременно внимание Москвы было обращено на важность для Германии экономических связей с Прибалтикой и необходимость учета интересов проживающих там немцев. Относительно перевода в рейх имущества переселенцев, германская сторона предлагала оставить его в Прибалтике, а возмещение получить поставками товаров из СССР⁸⁸⁸.

13 июля Молотов заявил Шуленбургу, что притязания Германии на полосу литовской территории и обязательство СССР уступить ее остаются в силе, но, учитывая теперешнюю

ситуацию, это было бы затруднительно. Поэтому Сталин и Молотов "просят германское правительство обсудить, не может ли оно найти возможность отказаться от этого небольшого куска территории Литвы"⁸⁸⁹. Передавая в Берлин эту просьбу, Шуленбург предлагал использовать ее для реализации германских экономических и финансовых требований к прибалтийским государствам. 14-15 июля в Прибалтике прошли выборы, а 21-22 июля была провозглашена советская власть и начались экономические преобразования, но 29 июля Молотов заверил Шуленбурга, что будут учтены интересы проживающих в Прибалтике немцев, к их собственности не будет применяться закон о национализации. Кроме того, Молотов сообщил, что "Советский Союз в общем берет на себя ответственность за Прибалтийские страны, поскольку они в недалеком будущем войдут в СССР", и просил все вопросы, интересующие Германию в Прибалтике, обсуждать в Москве⁸⁹⁰.

7 августа Шуленбург информировал Молотова, что "германское правительство приняло к сведению желание советского правительства о том, чтобы Германия оставила за Советским Союзом часть Литвы, закрепленную за Германией московскими соглашениями. Это представляет собой существенное изменение московского договора в невыгодную для Германии сторону. Поэтому перед тем, как германское правительство детально рассмотрит этот вопрос, нам было бы интересно узнать, что предложит советское правительство взамен"⁸⁹¹. Молотов заявил, что "Советское правительство не отказывается обсудить вопрос о компенсации" и вскоре сообщит свои предложения⁸⁹². Тем временем 3-6 августа Литва, Латвия и Эстония вошли в состав СССР. 12 августа в беседе с Шуленбургом Молотов заявил ему, что "территориальная компенсация для СССР неприемлива, но выразил готовность выплатить за удержание Советским Союзом этой территории 3 860 000 золотых долларов в течение двух лет, золотом или товарами по выбору Германии"⁸⁹³. 10 сентября германское правительство выразило готовность за соответствующую компенсацию отказаться от полосы литовской территории, но предложенная компенсация ее не устраивала, и в Берлине начали разрабатывать контрпредложения⁸⁹⁴. Вопрос пока был отложен.

Тем временем возникла проблема Литовской свободной зоны Мемельского порта, которая была создана на 99 лет по германо-литовскому соглашению от 20 мая 1939 г. Германия рассчитывала, что с вхождением Литвы в состав СССР деятельность зоны будет свернута, и 27 августа ввела в нее войска, прекратила деятельность таможи и предложила вывезти все литовские грузы. Все это затрагивало интересы Литовской ССР и вызвало негативную реакцию в Москве. 29 августа Молотов вручил германскому послу вербальную ноту, в которой указал, что "за Литовской ССР сохраняются все те права и льготы, которые обусловлены указанным выше германо-литовским договором с обменом письмами между г-ном Шнурре и г-ном Норкайтисом от того же числа и которые не могут прекратить свое действие на основании одностороннего акта". От положительного решения этого вопроса, по мнению советского правительства, зависели нормальные экономические отношения Германии с Прибалтикой⁸⁹⁵. 6 сентября Риббентроп указал Шуленбургу, что германское правительство "не может уступить зону свободного порта в Мемеле советскому правительству. Этот вопрос будут обсуждаться с советским правительством отдельно"⁸⁹⁶.

Гораздо серьезнее были разногласия по Балканским проблемам, проявившиеся в связи с Вторым Венским арбитражем, переговорами относительно переселения немцев из Бессарабии, стремлением Москвы принять участие в работе Дунайской комиссии. Дипломатические дискуссии по этим вопросам привели к тому, что 19 сентября 1940 г.

Гитлер "решил не предоставлять России больше ни одной европейской области"⁸⁹⁷. Кроме того, Москву беспокоило оживление германо-финских связей, приведшее к подписанию 23 сентября соглашения, согласно которому, в обмен на поставки оружия, Финляндия согласилась пропустить через свою территорию германские войска в северную Норвегию. Поскольку в это время стороны выясняли вопрос о соответствии действий Германии в период Второго Венского арбитража договору о ненападении, Берлин заранее не сообщил Москве о соглашении с Финляндией, хотя первоначально это планировалось сделать. Начавшиеся с июня 1940 г. японо-германские переговоры об укреплении "антикоминтерновского" пакта, прерванные в августе 1939 г., и германо-итальянские переговоры привели к подписанию 27 сентября договора о экономическом и военно-политическом союзе Германии, Италии и Японии (Тройственный пакт).

Вечером 26 сентября Молотову было передано сообщение германского правительства о предстоящем подписании Тройственного пакта, направленного "исключительно против демократических поджигателей войны" для того, чтобы "образумить элементы, стремящиеся к удлинению и расширению войны". Страны-участницы договора условились, что он не затронет их отношений с СССР, включив в договор специальную статью, говорящую "о том, что политический статус, существующий между каждой из трех договаривающихся держав и Советским Союзом, этим договором не затрагивается". Кроме того, сообщалось о намерении Риббентропа "обратиться с личным письмом к господину И.В. Сталину", в котором будет изложена точка зрения Германии на современное политическое положение и будет содержаться приглашение Молотова в Берлин для переговоров. Со своей стороны Молотов, сославшись на ст. 4 Договора о ненападении о неучастии сторон во враждебных друг другу коалициях, "выразил пожелание ознакомиться с текстом самого договора и дополнительными секретными статьями его, если таковые имеются". Далее, сославшись на сведения о подписании германо-финского соглашения и о высадке германских войск в Финляндии, советская сторона заявила о желании "получить информацию об этом договоре, о его целях, а также полный текст его и дополнительные секретные статьи, если таковые имеются"⁸⁹⁸.

Тем временем 30 сентября в газете "Правда" была опубликована написанная Молотовым передовая статья "Берлинский пакт: о Тройственном союзе", в которой констатировалось оформление двух воюющих группировок (Германия, Италия, Япония - Англия, США) и дальнейшее расширение войны "с превращением ее во всемирную империалистическую войну". В статье выражалось сомнение, "удастся ли участникам пакта реализовать на деле" произведенный раздел между ними сфер влияния. Это "будет зависеть от реального соотношения сил воюющих сторон, от хода и исхода настоящей, все более обостряющейся войны". Понятно, что Молотов с удовлетворением отметил "уважение со стороны участников пакта к той позиции нейтралитета, которую Советский Союз проводит с первых дней войны", и "подтверждение силы и значения" советско-германского и советско-итальянского пактов о ненападении. Одновременно подтверждалось стремление СССР, "поскольку это будет зависеть от него", сохранить свою политику мира и нейтралитета⁸⁹⁹.

4 октября Германия уведомила СССР, что никаких секретных договоренностей между участниками Пакта трех не существует, а германо-финское соглашение является чисто военно-техническим транспортным вопросом, не имеющим никакого "политического значения". 10 октября Берлин сообщил Москве о посылке германской военной миссии с учебными частями в Румынию⁹⁰⁰. Тем временем воздушное наступление люфтваффе на

Англию провалилось. 14 сентября Гитлер был вынужден констатировать, что, "несмотря на все успехи, предпосылки для операции "Морской лев" еще не созданы" и начало операции было перенесено на 27 сентября. 17 сентября операция была отложена на неопределенное время, а 12 октября окончательно перенесена на весну 1941 г., если "вновь появится намерение осуществить высадку в Англии". Таким образом, постепенно операция "Морской лев" стала средством "военно-политического давления на Англию"⁹⁰¹. Пока же логика расширения войны в Средиземноморье требовала от Берлина создания антианглийского континентального блока на основе Тройственного пакта, к которому в той или иной степени следовало привлечь Испанию, Францию, СССР и малые страны Юго-Восточной Европы. Соответственно в октябре - ноябре 1940 г. Германия провела переговоры с Испанией, Францией и добилась присоединения к Тройственному пакту Венгрии, Румынии и Словакии. В одном ряду с этими событиями стоят и советско-германские переговоры в Берлине в ноябре 1940 г.

17 октября в Москву поступило письмо Риббентропа Сталину от 13 октября, в котором он, обратив внимание советского руководства на то, что "последовательное продолжение политики добрососедских отношений и дальнейшее укрепление политического и экономического сотрудничества будут способствовать в будущем еще большим выгодам двух великих народов", сделал обзор событий за год. Возлагая ответственность за развязывание и расширение войны на Англию и Францию, Риббентроп утверждал, что "Германия намерена вести войну против Англии и ее империи до окончательного разгрома Британии" и что война "уже выиграна". В письме содержалось успокоительное разъяснение смысла германских мероприятий в Скандинавии и на Балканах, где продолжают учитываться советские интересы, и заключения Тройственного пакта. В заключение Риббентроп заявлял, что европейские державы Оси, Япония и СССР вполне могут создать единую политическую коалицию, что было бы крайне выгодно всем заинтересованным державам. Поэтому "историческая задача Четырех Держав заключается в том, чтобы согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов". Германское правительство приглашало Молотова прибыть в Берлин для переговоров. Риббентроп также выражал надежду, что ему еще удастся побывать в Москве, "чтобы совместно с Вами, мой дорогой господин Сталин, подвести итог обмену мнениями и обсудить, возможно - вместе с представителями Японии и Италии, основы политики, которая сможет всем нам принести практические выгоды"⁹⁰².

Вечером 19 октября Шуленбургу было сообщено, что ответ Сталина будет передан, видимо, 21 октября, вопрос же о поездке Молотова в Берлин, которая будет предпринята по приглашению германского правительства, "решится сразу после советских государственных праздников, которые приходятся на 7 и 8 ноября"⁹⁰³. Вечером 21 октября Молотов вручил Шуленбургу письмо Сталина Риббентропу. В своем ответе Сталин благодарил германского министра иностранных дел за доверие и за содержащийся в его письме "поучительный анализ последних событий". Сталин поддерживал точку зрения Риббентропа о том, что "вполне возможно дальнейшее улучшение отношений между нашими государствами, опирающееся на прочную базу разграничения своих интересов на длительный срок". Советское правительство принимало приглашение Молотова в Берлин, куда он мог бы прибыть 10-12 ноября, и выражало надежду, что желание Риббентропа вновь посетить Москву будет вскоре выполнено. Обсуждение вопросов совместно с Японией и Италией

Сталин считал преждевременным⁹⁰⁴ .

Со своей стороны Англия и США пытались заблокировать наметившееся с лета 1940 г. улучшение советско-японских отношений, но, естественно, Москва не собиралась действовать в ущерб своим интересам. Столь же серьезно в Лондоне восприняли создание германо-итало-японского союза и попытки Германии расширить его за счет других европейских стран, в том числе и СССР. Советское руководство, недовольное действиями Германии в Румынии, 16 октября предложило Англии значительно более широкое торговое соглашение, чем обсуждавшееся до сих пор, а 19 октября опровергло слухи о подготовке в Москве созыва конференции СССР, Германии, Италии и Японии. В ответ английское руководство, стремившееся удержать СССР от возможного сближения с Германией, одобрило идею Криппса о предложении Москве "широкого" соглашения. 22 октября Криппс передал советской стороне коммюнике английского правительства, в котором сообщалось, что вторжение Германии сорвано и английские войска сами намереваются активизировать боевые действия, но общая обстановка такова, что не исключено расширение войны на новые территории. Поскольку Англия уверена в своей конечной победе, она заинтересована в выяснении характера нейтралитета других держав, учитывая, что "благожелательный нейтралитет может быть почти столь же ценным, как вооруженная помощь", и позволит английскому правительству "высказать свою признательность по окончании войны тем", кто оказывал ему содействие, и привлечь их к участию в выработке нового послевоенного международного порядка.

Англия обращала внимание СССР на факты, доказывающие, что Германия и ее союзники уже теперь не считаются с советскими интересами и вряд ли станут это делать в случае их победы. Отмечая, что английское правительство не просит у СССР вступить в войну на его стороне, Англия предложила договориться о тайном сотрудничестве. СССР обязался бы соблюдать благожелательный нейтралитет по отношению к Англии, Турции и Ирану, продолжать помощь Китаю, не заключать с Японией соглашения, которое развязало бы ей руки в расширении войны на Тихом океане, заключить с Англией торговое соглашение, а затем и пакт о ненападении. Со своей стороны, Англия брала бы на себя обязательства консультироваться с СССР по вопросам послевоенного устройства, "по окончании войны не организовывать или не вступать в какой-либо союз, направленный против" него, признать де-факто советскую власть на территориях, вошедших в состав СССР в 1939-1940 гг., развивать англо-советскую торговлю и оказать содействие экспертами для усиления обороноспособности СССР и гарантировать безопасность советских границ с Турцией и Ираном⁹⁰⁵ . Конечно, вскоре сведения об этом предложении попали в английскую прессу, что позволило Москве дать 11 ноября отрицательный ответ⁹⁰⁶ . В дальнейшем англо-советские отношения вновь приняли характер взаимных зондажей общего характера.

Основное внимание в историографии уделяется выяснению вопроса о целях сторон на переговорах в Берлине. Большая часть авторов считает, что Германия рассчитывала добиться нейтралитета СССР при подчинении Балкан и усыпить бдительность советского руководства в преддверии войны, втянув его в переговоры о Тройственном пакте⁹⁰⁷ . Но существует мнение, что Германия действительно стремилась привлечь СССР к антианглийской коалиции⁹⁰⁸ , поскольку германское руководство еще не сделало окончательного вывода о перспективах германо-советских отношений и Гитлер надеялся, что "ему удастся привлечь Россию к единому антианглийскому фронту"⁹⁰⁹ . Кроме того, Германия рассчитывала прояснить вопросы, связанные как с общей политикой в мире, так и с отношениями СССР с

Афганистаном и Ираном; британские попытки сближения с СССР; финские и румынские проблемы. В экономическом плане предполагалось коснуться хода советско-германских экономических переговоров, ведущихся в Москве; вопросов литовской территории и зоны свободного порта в Мемеле. Причем в первом случае требовалась экономическая компенсация, а во втором - признание СССР упразднения этой зоны. Германское правительство намеревалось выяснить затруднения в переговорах о компенсациях переселенцам из Прибалтики и Бессарабии и рассчитывало досрочно свернуть деятельность дипломатических миссий в Каунасе и Таллине, но добиться сохранения в Риге постпредства, тем более что СССР все еще не отозвал свои консульства из Осло и Брюсселя⁹¹⁰.

В историографии существует устойчивое мнение, что советская сторона пыталась использовать переговоры для того, чтобы заявить о своих интересах и оттягивать вступление в войну⁹¹¹. Однако введение в научный оборот текста "Директив" советской делегации на переговорах показывает, что основной целью переговоров советское руководство считало выяснение действительных намерений Германии и ее союзников в создании "Новой Европы" и "Восточно-Азиатского пространства", уточнение характера, этапов и сроков осуществления этих планов, перспектив присоединения других стран к Тройственному пакту и место СССР в этих планах. Кроме того, следовало "подготовить первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе, а также в ближней и средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Германией... но не заключать какого-либо соглашения... на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риббентроп в ближайшее время". Следовало добиваться, чтобы к сфере интересов СССР были отнесены Финляндия, устье Дуная, Болгария, заявить о наличии советских интересов на Шпицбергене, в Швеции, в отношении Балтийских проливов, в Венгрии, Румынии, Турции, Иране. Требовалось уточнить вопрос о наличии англо-германских контактов, о возможном советском посредничестве в японо-китайской войне, о судьбе Польши и экономических проблемах. Если бы переговоры развивались в духе советских пожеланий, следовало "предложить сделать мирную акцию в виде открытой декларации 4-х держав... на условиях сохранения Великобританской Империи (без подмандатных территорий) со всеми теми владениями, которыми Англия теперь владеет, и при условии невмешательства в дела Европы и немедленного ухода из Гибралтара и Египта, а также с обязательством немедленного возврата Германии ее прежних колоний"⁹¹².

Думается, что более правы авторы, считающие, что переговоры рассматривались обеими сторонами в качестве политических зондажей⁹¹³, которые могли в зависимости от позиции сторон принять более серьезный характер⁹¹⁴. Во всяком случае, директива № 18, утвержденная Гитлером 12 ноября 1940 г., которая обычно рассматривается как доказательство дезинформационного характера переговоров со стороны Германии, показывает, что германское руководство в тот момент было озабочено несколькими военно-политическими проблемами. Оно намеревалось привлечь Францию к антианглийской коалиции, вовлечь в войну Испанию и Португалию (операции по захвату Гибралтара и по защите Канарских и Азорских островов), поддержать итальянское наступление в Северной Африке, подготовить операцию против Северной Греции (через территорию Болгарии, которую следовало привлечь к Тройственному пакту), продолжать разработку плана войны с СССР и быть готовым к возможному осуществлению операции "Морской лев" весной 1941 г.⁹¹⁵ То есть в этот момент германская стратегия явно находилась на распутье.

Ход переговоров 12-14 ноября 1940 г. достаточно хорошо известен по германским и

советским документам и неоднократно описывался в исследованиях⁹¹⁶, что позволяет ограничиться их общей характеристикой. Первоначально у советской делегации сложилось впечатление, что можно в общем договориться с Германией, но в дальнейшем выяснилось, что по конкретным вопросам Восточной и Юго-Восточной Европы интересы сторон диаметрально противоположны. В историографии стало традицией утверждать, что Германия предложила СССР присоединиться к Тройственному пакту, но, как показал В.Я. Сиполс, речь шла о заключении нового четырехстороннего соглашения между Германией, Италией, Японией и СССР. Правда, то, что в итоге эту идею было предложено обсуждать по обычным дипломатическим каналам, а не, как первоначально предполагалось, во время возможного визита в Москву Риббентропа, свидетельствовало об определенном недовольстве германской стороны ходом переговоров. Но официально стороны продолжали демонстрировать дружбу⁹¹⁷. До сведения Москвы 19 ноября было доведено, что Гитлер доволен переговорами и идея соглашения с СССР вполне реальна⁹¹⁸.

Учитывая, что Англия опасалась дальнейшего советско-германского сближения, СССР 16 ноября публично опроверг заявления американской прессы о том, что Япония предложила СССР "всю или часть Британской Индии, если Советский Союз присоединится к коалиции трех держав"⁹¹⁹. 17 ноября Москва уведомила своего посла в Лондоне, что "вопросы о разграничении сфер интересов между СССР, Германией и другими странами, а также вопросы о присоединении СССР к пакту трех держав в Берлине не решались", "никакого договора в Берлине не было подписано". Кроме того, сообщалось, что СССР не станет взаимодействовать с Германией на Ближнем и Среднем Востоке⁹²⁰. Это заявление несколько сгладило английские опасения относительно создания германо-советского союза.

После обсуждения итогов переговоров советское руководство 25 ноября уведомило Берлин о согласии принять проект пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи на следующих условиях, которые должны были быть зафиксированы в секретных протоколах. Во-первых, германские войска должны немедленно покинуть Финляндию, а СССР гарантирует мирные отношения с этой страной и защиту германских экономических интересов. Во-вторых, в ближайшее время должен быть заключен договор между СССР и Болгарией о взаимопомощи и созданы военно-морские базы с гарнизонами в районе Босфора и Дарданелл для размещения советских войск. В-третьих, зона к югу от линии Баку - Батуми "в сторону Персидского залива признается центром территориальных устремлений" СССР. В-четвертых, Япония должна отказаться от своих прав на нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине. Также предлагалось изменить проект секретного протокола относительно Турции. В случае, если она присоединится к Пакту Четырех держав, Германия, Италия и СССР гарантируют ее суверенитет и территориальную целостность. Если же она откажется это сделать, то эти страны "совместно выработают и практически применят военные и дипломатические санкции". Молотов выразил надежду на скорый ответ германского правительства⁹²¹.

Большинство исследователей считает, что поскольку эти советские условия были неприемлемы для Германии, они являлись завуалированным отказом советского руководства от соглашения⁹²². По мнению В.К. Волкова, советское руководство поверило, что "Германия не питает агрессивных замыслов против СССР", и, решив осуществить замысел Пакта четырех держав, "Сталин предложил Гитлеру победу" в войне, выдвинув довольно скромные, по сравнению с выигрышем войны, требования⁹²³. Правда, эта довольно смелая гипотеза не подтверждается какими-либо документами. Скорее всего, выдвигая свои условия, советское

руководство стремилось проверить готовность Германии к реализации ее собственного предложения, что должно было показать действительные намерения Берлина в отношении Москвы. Это подтверждается прямым указанием Молотова: "На этом мы должны были их испытать, хотят ли они действительно с нами улучшить отношения, или это сразу наткнется на пустоту, на пустые разговоры. Выяснилось, что они ничего не хотят нам уступать... Мы, со своей стороны, должны были прощупать его (Гитлера) более глубоко, насколько с ним можно серьезно разговаривать. Договорились выполнять - не выполняют. Видим, что не хотят выполнять. Мы должны были сделать выводы, и они, конечно, сделали выводы"... "Он (Гитлер) хотел втянуть нас в авантюру, но, с другой стороны, и я не сумел у него добиться уступок по части Финляндии и Румынии"⁹²⁴.

С точки зрения германского руководства, цена сотрудничества с СССР была слишком велика. По мнению Гитлера, "Сталин умен и коварен. Он требует все больше. С точки зрения русской идеологии, победа Германии недопустима. Решение: разгромить Россию как можно раньше. Через 2 года англичане могут иметь 40 дивизий. Это может побудить Россию к совместным действиям с Англией"⁹²⁵. По справедливому мнению ряда авторов, ответом на это советское предложение стало утверждение Гитлером 18 декабря директивы № 21 "План Барбаросса"⁹²⁶, которым предусматривалось напасть на СССР 16 мая 1941 г. и молниеносно разгромить его.

В конце 1940 г. СССР активизировал свои отношения с Италией, чтобы, с одной стороны, попытаться использовать трения между Римом и Берлином для расширения советского влияния на Балканах, а с другой стороны, проверить честность Гитлера, ссылавшегося на необходимость учета мнения Муссолини в отношении Балканско-Черноморских проблем. Однако советско-итальянские контакты декабря 1940 - февраля 1941 г. показали, что Италия не играет самостоятельной роли в германо-итальянском союзе и сыграть на их противоречиях не удастся, и подтвердили, что советские интересы на Балканах и далее будут учитываться лишь на словах⁹²⁷. В ноябре 1940 - марте 1941 г. советско-германские противоречия явно обозначились на Балканах. Хотя официального ответа из Берлина на советское предложение не последовало, своеобразной "лакмусовой бумажкой" действительных намерений Германии стала ситуация, сложившаяся вокруг Болгарии. Несмотря на прямые заявления Москвы о советских интересах, Германия игнорировала их, добившись присоединения Болгарии к Тройственному пакту. Видимо, это наглядно показало советскому руководству, что его интересы в Европе не признаются Берлином, и 11 марта 1941 г. в новом оперативном плане Красной Армии на случай войны с Германией был установлен конкретный срок ее начала - 12 июня 1941 г. Это, однако, не мешало Москве продолжать дипломатическую борьбу на Балканах и в то же время демонстрировать нормальные отношения с Берлином. Так, 21 марта - 17 апреля 1941 г. германской военно-технической делегации было показано несколько советских авиазаводов, что должно было продемонстрировать, с одной стороны, доверие, а с другой - силу СССР⁹²⁸.

На советско-германских переговорах о заключении договора о границе в Прибалтике возникла проблема советской компенсации Германии за отказ от полосы литовской территории. В качестве компенсации Берлин настаивал на дополнительных советских поставках цветных металлов, но Москва, хотя и удвоила ранее предложенную сумму компенсации до 31,5 млн марок, заявила, что "уже обещанные в экономическом соглашении цветные металлы должны будут браться из национальных резервов, а поставка еще большего числа будет затруднительна". Тем не менее германское правительство старалось добиться

единовременной поставки цветных металлов или было согласно принять половину этой суммы в золоте, а вторую - поставками цветных металлов. 8 января советская сторона предложила два варианта решения вопроса о компенсации. Первый вариант предусматривал уплату всей суммы в золоте, путем взаимных расчетов с вычетом из суммы германских платежей. Второй вариант предусматривал поставки цветных металлов на 1/8 суммы в течение 3 месяцев и плату 7/8 суммы золотом через расчет из немецких платежей. В итоге Берлин согласился на второе решение, и 10 января Шуленбург и Молотов подписали в Москве договор о советско-германской границе от р. Игорка до Балтийского моря, который подтверждал передачу Мемеля Германии⁹²⁹.

В тот же день было подписано расширенное экономическое соглашение, регулировавшее товарооборот между СССР и Германией до 1 августа 1942 г., согласно которому взаимные поставки должны были составить 620-640 млн марок, в том числе 141,33 млн марок по советским военным заказам. Германские поставки вновь начинались не одновременно с советскими, а с 11 мая 1941 г. В ходе экономических переговоров, начавшихся 28 августа 1940 г., выяснилось, что советская сторона, используя факт отставания германских поставок от советских, отказалась от некоторых своих заказов с длительными сроками поставки. В основном СССР стремился ограничиться заказами, которые могли быть выполнены в течение 8-10 месяцев, то есть до июля 1941 г. Здесь следует остановиться на проблемах советско-германских экономических отношений 1939-1941 гг., которые регулировались соглашениями от 19 августа 1939 г., 11 февраля 1940 г. и 10 января 1941 г., расширявшими и дополнявшими друг друга⁹³⁰. В последние годы отечественная историография не критично восприняла версию западных исследователей о том, что в начале Второй мировой войны советские поставки являлись чуть ли не единственной опорой германской экономики. Однако введенные в последние годы в научный оборот материалы показывают, что эти соглашения были выгодны для обеих сторон.

Таблица 20

Доля великих держав в советской внешней торговле (%)⁹³¹

Конечно, внешняя торговля СССР претерпела более существенные изменения, чем германская, но это было связано не столько с намерениями Москвы, сколько с дискриминационными действиями Англии, Франции, а позднее и США. Это в определенной степени предопределяло советскую заинтересованность в развитии торговли с Германией, откуда советская промышленность получала большой ассортимент станков, оборудования и других промышленных товаров, что позволяло укреплять и модернизировать советскую промышленную базу. Из Германии поступали и сельскохозяйственные поставки, такие как племенной скот, семена высокоурожайных культур. К сожалению, до сих пор не опубликованы сводные данные о товарных поставках в СССР. По данным историков из ФРГ, немецкие поставки покрывали советские лишь на 57-61%. Не были полностью выполнены поставки комплектующих металлоизделий, машин, электротехнических приборов и т.п. Вообще доля германских поставок в СССР в общем объеме германского экспорта в 1940 г. составляла 4,5%, а в первой половине 1941 г. - 6,6%⁹³². Тем не менее в 1940 г. из общего советского импорта черных металлов на Германию приходилось 83,7%, каменного угля - 100%, машин и оборудования - 41,7%, металлорежущих станков - 51,9%, кузнечно-прессового оборудования - 14,7%, энергетического и электротехнического оборудования - 29,8%, дробильно-размольного и обогатительного оборудования - 58,8%, оборудования связи - 54%, тракторов и запчастей к ним - 79,9%, химических продуктов - 59,5%, судов и судового

оборудования - 25,9%, подшипников - 24,3%, средств для железных дорог 100%, автотранспорта - 51,3%⁹³³.

В натуральном выражении советский импорт из Германии вырос в 1940 г. по сравнению с 1939 г. в 28,9 раза. Германские поставки включали промышленные товары, промышленную технологию и установку оборудования, а также военные материалы. Согласно договоренности до 11 мая 1941 г. СССР должен был получить для своего ВМФ тяжелый крейсер "Лютцов" с достройкой немецкими материалами, чертежи линкора "Бисмарк" и эсминца типа "Нарвик" с 150-мм орудиями, 365 тонн электродов, 31 тыс. тонн бронелистов для кораблей, 2 628 тонн различных труб для корабельных машин, более 1 тыс. штук электроаппаратуры и оборудования, 331-мм спаренные корабельные артиллерийские установки, 6 перископов и 2 88-мм антикоррозийные пушки для подводных лодок, по одному комплекту чертежей трехорудийной башни для 406-мм и 208-мм корабельных орудий, минно-торпедное оружие, гидроакустическую аппаратуру, гидрографические и оптические приборы. Для советских ВВС было закуплено 10 самолетов Хе-100, 5 Ме-109, 6 Ме-110, 2 Ю-88, 2 До-215, 3 Бю-131, 3 Бю-133, 5 ФВ-58В13, 2 ФВ-266 и 1 Ме-209, авиационные моторы, оборудование, бомбы, снаряжение, запчасти, радио-, телефонная и телеграфная аппаратура и детали к ней. В интересах сухопутных сил Красной Армии было закуплено 5 10-тонных и 2 20-тонных прицепа, 1 танк Т-III, химические материалы для ведения войны (искусственный каучук буна С и СС, Х и ХХ), 308 машин различных типов, два комплекта тяжелых 211-мм полевых гаубиц, батарея 105-мм зениток, различные виды стрелкового вооружения, боеприпасы, приборы управления огнем и многое другое⁹³⁴. Однако в продаже такого нового оружия, как магнитные мины, было отказано⁹³⁵.

В соглашении было оговорено, что "1. Переданные из Германии в СССР методы будут держаться в секрете; 2. Советская сторона товарами, которые будут производиться с помощью переданных приспособлений, установок и предметов, не будет конкурировать с германскими фирмами на мировом рынке"⁹³⁶. Это относилось и к вывозу специальных машин, поставлявшихся в рамках переданных технологий и производившихся тогда только в Германии. Советское руководство видело в торговом соглашении средство укрепить промышленную базу СССР за счет новых технологий и оборудования. Как отмечают германские историки, "по всей видимости, Сталин со своей стороны намеревался извлечь максимальную выгоду из экономических отношений и заставить германскую военную экономику в значительном объеме работать на СССР. Это, без сомнения, отвечало его интересам в затяжной войне на истощение крупных капиталистических государств"⁹³⁷. Экономические связи с Германией позволяли также форсированно готовиться к войне и наращивать советское производство вооружений посредством "целенаправленного освоения экспорта технологии из Германии"⁹³⁸. При том, что подобные товары практически не продавались Советскому Союзу Англией, Францией и США, германские поставки, более 1/5 которых было оплачено германским же кредитом 1939 г., играли важную роль в развитии советского ВПК. Вместе с тем советская сторона покупала в Германии только те товары, в которых действительно нуждалась, что было условием советских поставок в рейх. Советские закупочные комиссии достаточно хорошо изучили германское производство, что позволяло не только делать более выгодные заказы, но и получать общее представление о германском военно-экономическом потенциале.

На Германию приходилось в 1940 г. 52,2% советского экспорта, в том числе 49,9% всего советского экспорта фосфатов, 77,7% - асбеста, 62,4% хромовой руды, 40,7% - марганцевой

руды, 75,2% - нефти, 79,6% хлопка-сырца и 77,2% -зерна⁹³⁹ . Хотя германская торговля с СССР также возросла почти в 10 раз, доля советского импорта в 1940 г. составляла всего 7,6%, а в первой половине 1941 г. - 6,3% общего германского импорта⁹⁴⁰ . Поэтому мнение К. Хильдебранда, что "главным образом русские военные (? - М.М.) поставки в Третий рейх помогли преодолеть внешнюю зависимость Германии от сырья и продовольствия"⁹⁴¹ , не соответствует действительности. Гораздо большее значение для Германии имел транзит товаров через советскую территорию на Ближний и Дальний Восток. Так, в апреле - декабре 1940 г. через СССР прошло 59% германского импорта и 49% экспорта, а в первой половине 1941 г. соответственно 72% и 64%⁹⁴² .

Основной проблемой в историографии считается вопрос о том, кому были более выгодны советско-германские экономические связи. В литературе приводятся разные данные на этот счет (см. таблицу 21), а выводы исследователей колеблются в диапазоне от утверждения, что СССР вложил в экономику Германии более 200 млн марок, до вывода о том, что СССР оказался должен более 100 млн. марок. Как бы то ни было, следует учитывать, что в отличие от сырьевых поставок в Германию, которые довольно быстро расходовались в том числе и на выполнение советских заказов, СССР получал технику, оборудование и технологии, то есть товары длительного пользования, которые использовались все годы войны 1941-1945 гг. Поэтому трудно не согласиться с утверждением В.Я. Сиполса, что более выгодными экономические связи оказались "тому, кто одержал победу в войне"⁹⁴³ .

Таблица 21

Размеры взаимных поставок (в млн марок)⁹⁴⁴

Еще одной популярной в историографии темой стали утверждения, что весной 1941 г., вопреки свертыванию германских поставок, СССР аккуратно выполнял свои торговые обязательства. Однако Г. Швендеманн, изучивший германскую экономическую статистику, показал, что в это время обе стороны исправно выполняли программу поставок, поскольку "Гитлер и руководство вермахта решились поддерживать видимость нормы в торговых отношениях перед началом военных операций, чтобы замаскировать подготовку к войне и обеспечить как можно дольше поставки советского сырья"⁹⁴⁵ . Более того, в марте - июне 1941 г. обе стороны активизировали свои поставки, и на 2 квартал 1941 г. пришлось 63,1% советских и 68,5% германских поставок первого полугодия⁹⁴⁶ . По этому вопросу в историографии сложилось устойчивое мнение, что с германской стороны речь шла о дезинформации СССР в преддверии нападения, а с советской - о экономическом "умиротворении" Германии⁹⁴⁷ . Однако известные ныне данные показывают, что в действительности речь шла о взаимной дезинформации сторон.

Тем временем Англия продолжала попытки создавать трения в советско-германских отношениях, используя для этого пропаганду и новое обсуждение вопроса о торговле с СССР. Но Москву больше интересовал вопрос о признании Англией присоединения прибалтийских стран к СССР и связанные с этим экономические проблемы. 24 февраля 1941 г. Криппс зондировал мнение советского правительства о желательности и возможности встречи Сталина с новым министром иностранных дел Англии А. Иденом в Москве. Но эта идея не нашла поддержки ни в Лондоне, ни в Москве, где Криппсу было заявлено, что "сейчас еще не настало время для решения больших вопросов путем встречи с руководителями СССР, тем более что такая встреча политически не подготовлена"⁹⁴⁸ . Правда, во второй половине марта Москва как бы демонстрировала "желание подготовить почву для сближения" с

Лондоном⁹⁴⁹, что в условиях нарастания кризиса на Балканах усилило заинтересованность Англии в привлечении СССР к поддержке Греции и Югославии. Именно эту цель преследовало известное "предупреждение" Черчилля Сталину, основанное на недостоверной информации⁹⁵⁰. В итоге СССР ограничился заключением договора о дружбе и нейтралитете с Белградом, который был воспринят в Берлине с явным неудовольствием. 11 апреля 1941 г. в разгар боев на Балканах Криппс предложил СССР оказать прямую военную поддержку противникам Германии, а 18 апреля вновь предложил советской стороне начать сближение с Англией, угрожая в противном случае вероятностью достижения англо-германского соглашения, что развязало бы руки Германии на Востоке. В ответ советская сторона заявила, что именно Англия виновата в нынешнем состоянии англо-советских отношений⁹⁵¹.

Тем временем в результате дипломатической борьбы на Балканах в марте начале апреля 1941 г. атмосфера советско-германских отношений резко ухудшилась. Подготовка к войне с Югославией и Грецией потребовала от германского командования отсрочить нападение на СССР. В условиях начала войны на Балканах и первых успехов вермахта советское руководство предприняло целый ряд демонстраций с целью показать свою лояльную Германии позицию. 13 апреля был подписан советско-японский договор о нейтралитете, который, с одной стороны, давал определенные гарантии безопасности СССР на Дальнем Востоке, а с другой - демонстрировал отсутствие у Москвы намерений "заключать сделки с какой-либо англо-саксонской державой" и ее готовность "к широкому сотрудничеству с участниками Тройственного пакта"⁹⁵². Вечером того же дня Сталин и Молотов разыграли на вокзале целый спектакль советско-японско-германской дружбы, а 15 апреля СССР пошел на уступки Германии по вопросу о границе в Прибалтике⁹⁵³. Вместе с тем 21 апреля Германии была вручена вербальная нота, в которой "содержалось требование безотлагательно принять меры против продолжающихся нарушений границы СССР германскими самолетами". Как указывалось в ноте, в марте 1940 г. нарком обороны СССР сделал исключение для германских самолетов, отдав приказ не открывать по ним огня, пока их перелеты не станут слишком частыми, а с 27 марта по 18 апреля произошло 80 подобных случаев. Поэтому советское правительство выражало надежду, что германское правительство сделает все, чтобы предотвратить подобные инциденты в будущем⁹⁵⁴.

30 апреля Гитлер утвердил новый график сосредоточения войск на Востоке и новый срок начала операции против СССР - 22 июня⁹⁵⁵. Тем временем вернувшийся из Берлина в Москву Шуленбург предпринял ряд неофициальных шагов, стремясь нормализовать советско-германские отношения, а заодно выполнить распоряжение германского МИДа о борьбе со слухами о скорой войне на Востоке. Введенные в научный оборот документы бесед Шуленбурга с В.Г. Деканозовым - советским послом в Берлине, находившимся в Москве, - 5, 9 и 12 мая 1941 г. показывают, что германский посол стремился побудить советскую сторону инициировать переговоры с Германией, которые могли бы, по его мнению, нормализовать двусторонние отношения. Поскольку в Москве эти высказывания Шуленбурга, видимо, первоначально восприняли как официальный германский зондаж, советское руководство согласилось на обмен письмами с Берлином, что позволяло начать прямые переговоры и отвечало советским интересам. Но 12 мая выяснилось, что Шуленбург вел предыдущие беседы по личной инициативе, не имея полномочий от своего правительства, которые он вряд ли получит. Поэтому советской стороне следовало проявить инициативу в этом вопросе⁹⁵⁶.

Москва продолжала демонстрировать лояльность Германии. 6 мая в Москве было объявлено о вступлении Сталина в должность председателя СНК СССР, что использовалось советской стороной для распространения слухов о готовности Москвы улучшить отношения с Берлином. 8 мая были отозваны советские послы из ряда стран, оккупированных Германией. 9 мая появилось заявление ТАСС, опровергавшее слухи о "концентрации крупных военных сил" Красной Армии на западных границах СССР, которое некоторые авторы почему-то рассматривают как подтверждавшее (!?) эти слухи⁹⁵⁷. В середине мая советская сторона намекала Берлину, что для урегулирования советско-германских отношений и присоединения СССР к Тройственному пакту в Германию готов прибыть Сталин⁹⁵⁸. Видимо, германское посольство в Москве воспринимало эту информацию как достоверную, и Шуленбург неоднократно сообщал в Берлин о готовности Сталина "принять личное участие в сохранении и развитии добрых отношений между Советским Союзом и Германией". Однако в Берлине не верили сообщениям Шуленбурга, считая, что все эти меры Москвы преследовали единственную цель - втянуть Германию в переговоры, чтобы выиграть время и лучше подготовиться к войне. Поэтому германское руководство стремилось не дать СССР такого шанса⁹⁵⁹.

10 мая события приняли неожиданный оборот - заместитель Гитлера по национал-социалистической партии Р. Гесс вылетел в Англию. 12 мая в ходе беседы с Деканозовым Шуленбург, видимо, без всякой задней мысли сказал, что "недалеко то время, когда они (воюющие стороны) должны прийти к соглашению и тогда прекратятся бедствия и разрушения, причиняемые" войной в Европе⁹⁶⁰. То, что вечером того же дня стало известно о полете Гесса в Англию, видимо, усилило опасения советского руководства относительно возможного англо-германского сговора. Как вспоминал много позднее Молотов, "когда мы со Сталиным прочитали об этом, то прямо ошалели! Это же надо! Не только сам сел за управление самолетом, но и выбросился с парашютом, когда кончился бензин. Его задержали близ имения какого-то герцога... и Гесс назвал себя чужим именем. Чем не подвиг разведчика?! Сталин спросил у меня, кто бы из наших членов Политбюро мог решиться на такое? Я порекомендовал Маленкова, поскольку он шефствовал от ЦК над авиацией. Смеху было! Сталин предложил сбросить Маленкова на парашюте к Гитлеру, пусть, мол, усостыжит его не нападать на СССР! А тут как раз и Маленков зашел в кабинет. Мы так хохотали, будто умом тронулись..."⁹⁶¹

Но смех смехом, а ситуация становилась все более запутанной; для того, чтобы разобраться в ней, требовалось время. Вероятно, именно в эти критические дни в Кремле было решено отложить советское нападение на Германию, запланированное на 12 июня 1941 г. Вместе с тем полностью прекратить военные приготовления было, скорее всего, невозможно, не ломая полностью все расчеты и планы. Поэтому начавшееся 13-22 мая сосредоточение советских войск на западной границе было замедлено и проходило при сохранении мирного графика работы железных дорог. В то же время были отданы приказы, запрещавшие передвижения войск в западных приграничных округах и активизировавшие инженерную подготовку ТВД. 17 мая в СССР был введен запрет на поездки по стране и особенно в западные районы зарубежных дипломатов и журналистов. Тем самым советское руководство пыталось скрыть масштаб ведущихся военных приготовлений, но не отрицало факт наличия крупной военной группировки на западе, что объяснялось неясностью германских намерений⁹⁶².

Тем временем Англия, опасавшаяся, что Германия и СССР ведут секретные переговоры,

которые могли бы привести к новому соглашению между ними, а это было бы ударом по английским позициям на Ближнем Востоке, использовала сведения о полете Гесса с целью удержать Москву от возможного дальнейшего сближения с Берлином. Обращение Криппса, поражения Англии на Балканах и в восточном Средиземноморье, довольно пессимистические настроения в Лондоне порождали в Москве опасения, что Англия действительно согласится на прекращение войны. Правда, сведения, поступавшие в Москву от советского посла в Лондоне во второй половине мая, показывали, что немедленного выхода Англии из войны не произойдет, а сведения советской разведки рисовали картину относительно вялых контактов англичан с Гессом⁹⁶³. С другой стороны, 20 мая началась высадка германских войск на Крите, бои в Ираке и Атлантике показывали, что война продолжается. К тому же США все сильнее втягивались в необъявленную войну против Германии⁹⁶⁴. Видимо, у советского руководства сложилось мнение, что летом 1941 г. СССР имеет шанс вступить в войну с Германией, пока еще продолжается англо-германская война и значительная часть вермахта скована в Восточном Средиземноморье и в Западной Европе. 24 мая в Кремле состоялось совещание советского военно-политического руководства, на котором, скорее всего, был установлен новый срок завершения советских военных приготовлений к нападению на Германию⁹⁶⁵.

Поражения Англии на Балканах и в Северной Африке давали Германии реальный шанс захватить Ближний Восток, но 14 мая германское командование решило отказаться от наступательных операций в Средиземноморье до осени 1941 г., когда, как указывалось в директиве № 30 от 23 мая, после разгрома СССР следовало возобновить операции на Ближнем Востоке⁹⁶⁶. Пока же Германия завершала последние военные приготовления для нападения на СССР и вела массированную дезинформационную кампанию относительно советско-германских отношений. 22 мая железные дороги Германии были переведены на график ускоренного движения, и на Восток устремилась основная часть войск, необходимых для выполнения плана "Барбаросса". 30 мая Гитлер подтвердил, что операция "Барбаросса" начнется 22 июня, а 10 июня вермахт получил приказ о начале войны с СССР 22 июня, в котором, тем не менее, предусматривалась возможность переноса срока вторжения, и войска стали подтягиваться в приграничную полосу⁹⁶⁷.

10 июня Москва уведомила Лондон о том, что никаких переговоров с Берлином не ведется, а Англия обещала СССР помощь против Германии. 12 июня английская разведка сделала вывод о подготовке германского военного нажима на СССР, и комитет начальников штабов Англии решил предпринять меры, которые бы позволили без промедления нанести из Мосула удары по нефтеочистительным заводам Баку. Создав угрозу кавказской нефти, Англия рассчитывала оказать давление на СССР, чтобы он не уступил возможным немецким требованиям. Комментируя приезд английского посла в Москве в Лондон, английская пресса распространяла слухи о возможном союзе с СССР. 13 июня Иден заявил советскому послу, что если вскоре начнется война между СССР и Германией, то Англия готова оказать полное содействие СССР своей авиацией на Ближнем Востоке, послать в Москву военную миссию и развивать экономическое сотрудничество⁹⁶⁸. Таким образом, вплоть до 22 июня Англия не была уверена в том, что советско-германская война все-таки начнется, и всеми силами стремилась к тому, чтобы СССР не поддался германским угрозам, а занял твердую позицию, что стимулировало бы напряженность в Восточной Европе и облегчило бы положение Англии.

13 июня Шуленбургу было вручено заявление ТАСС, переданное в 18.00 по радио и

опубликованное 14 июня в прессе, которое опровергало слухи о "близости войны между Германией и СССР"⁹⁶⁹. Этот документ традиционно рассматривается в историографии как приглашение Германии на переговоры⁹⁷⁰. В.Я. Сиполс полагает, что это было то самое обращение советского руководства к Германии, которое предлагал Шуленбург Деканозову в начале мая⁹⁷¹. Во всяком случае в нем содержалось опровержение слухов о близкой советско-германской войне по инициативе Германии или СССР, о ведущихся советско-германских переговорах и одновременно решалась задача маскировки советских военных приготовлений, которые 12-15 июня вступили в заключительную стадию. Все более явное стремление Москвы инициировать переговоры с Берлином зачастую рассматривается в историографии как свидетельство "о полном отрыве советского руководства от реальной действительности"⁹⁷². Но если посмотреть на эти его действия с другой стороны, то они окажутся полностью логичными и обоснованными. Готовясь к нападению на Германию, советское руководство не могло не задумываться над пропагандистским обоснованием этого своего шага. Почему бы не предположить, что советско-германские переговоры были нужны Москве не для их успешного завершения или затягивания, а, во-первых, для маскировки последних военных приготовлений и, во-вторых, для их последующего срыва, что дало бы Москве хороший предлог для начала военных действий. Подобное предположение подкрепляется схожими действиями СССР в отношении своих западных соседей в 1939-1940 гг.

Но в Берлине были озабочены тем, чтобы "не дать Сталину возможности с помощью какого-либо любезного жеста спутать нам в последний момент все карты"⁹⁷³, поэтому Германия не отреагировала на это заявление. 14 июня в Берлине состоялось последнее большое совещание у Гитлера перед походом на Восток, в ходе которого военные доложили, что все намеченные мероприятия будут завершены к вечеру 21 июня, и было уточнено время начала наступления. 17 июня приказ о нападении был разослан в войска⁹⁷⁴. Со своей стороны советское руководство продолжало попытки втянуть Германию в переговоры. 18 июня в Берлин было передано предложение о новом визите Молотова, 21 июня советская сторона по дипломатическим каналам старалась выяснить причины "недовольства Германии"⁹⁷⁵. Но все было напрасно - Берлин упорно молчал, а в 3.15 утра 22 июня Германия внезапно напала на Советский Союз.

Взаимоотношения СССР с великими державами Европы в 1939-1941 гг. напоминают классический треугольник, каждая из вершин которого (Лондон, Берлин и Москва) стремилась к использованию в своих целях противоречий соперников. В начале Второй мировой войны советскому руководству удалось использовать экспансионистские устремления Германии для ослабления позиций Англии и Франции в Европе, что рассматривалось в Кремле как важная предпосылка для советской экспансии. Изучение событий 1939-1941 гг. показывает, что речь шла не о "сговоре" СССР с Германией и не о "близорукой" политике Кремля. Как справедливо отметил П.П. Севостьянов, "не Советский Союз "использовался" Германией, как изображает дело большинство буржуазных (а теперь и отечественных. - М.М.) историков, а наоборот, имело место мастерское использование советской дипломатией империалистических противоречий в большом историческом масштабе"⁹⁷⁶. Кроме того, тяготы войны создавали в оккупированной Европе устойчивые антигерманские настроения, что открывало новые возможности для расширения деятельности компартий и усиления советского влияния. За свою довольно ограниченную поддержку Германии, не переходившую границ благожелательного нейтралитета, Москва

добилась признания Берлином советской сферы влияния в Восточной Европе.

Улучшение отношений с Германией привело к ухудшению англо-советских и франко-советских отношений, которые особенно обострились на рубеже 1939-1940 гг., когда Англия и Франция готовились начать войну с СССР. Ныне наиболее крайнюю позицию в оценке отношений между Москвой, Лондоном и Парижем осенью 1939 - зимой 1940 г. занял С.З. Случ, полагающий, что "Советский Союз в одностороннем порядке осуществлял активную поддержку и помощь Германии и уже в силу этого не был нейтральным государством, что создавало совершенно легитимную основу для Англии и Франции... предпринять в отношении СССР адекватные ответные действия, в том числе бомбардировку нефтепромышленных районов на Кавказе, посылку войск на помощь Финляндии и другие акции, включая объявление войны". По его мнению, лишь опасения, что это может подтолкнуть Москву к дальнейшему сближению с Берлином, удержало западных союзников от реализации этих мер⁹⁷⁷. Наверное, с точки зрения юридических положений о нейтралитете подобное мнение имеет определенные основания, но оно совершенно не учитывает, что реальная международная обстановка всегда сложнее строгих юридических формул. Если встать на приведенную точку зрения, то СССР должен был полностью изолироваться от внешнего мира и никак не реагировать на события, происходившие у его границ. Тем самым, следует отказать Москве в праве иметь и отстаивать собственные внешнеполитические интересы.

Понятно, что своими действиями Кремль ущемлял интересы других стран, но, как бы то ни было, это является аксиомой внешнеполитической стратегии любого государства. Почему же лишь Советскому Союзу подобные действия ставят в вину? Не говоря уже о том, что вышеприведенный тезис можно с таким же успехом применить и к западным союзникам. Разве не Англия и Франция "в одностороннем порядке осуществляли активную поддержку и помощь Германии" на протяжении всех 1930-х гг., что, видимо, создавало для СССР "совершенно легитимную основу предпринять адекватные ответные действия" в отношении этих стран. И удержало советское руководство от этого лишь опасение, что это может подтолкнуть Англию и Францию к дальнейшему сближению с Берлином. К тому же, как мы видели, ни о какой "активной поддержке и помощи Германии" со стороны СССР не было и речи. В любом случае, Италия или, например, Швеция в гораздо большей степени поддерживали и помогали Германии, но к Риму или Стокгольму со стороны Лондона и Парижа претензий не возникало. Не говоря уже о том, что экономическая блокада Германии и претензии на досмотр судов нейтральных стран со стороны западных союзников были откровенным нарушением прав и интересов этих стран. В этом смысле трудно однозначно определить, кто именно являлся большим агрессором в отношении этих нейтральных государств, Германия или Англия и Франция.

Возвращаясь к тезису С.З. Случа, следует отметить, что не столько опасения относительно советско-германского сближения, сколько германские операции в Скандинавии и Западной Европе устранили всякую угрозу СССР со стороны Англии и Франции. Однако изменение соотношения сил в англо-германо-советском "треугольнике" по мере роста военных успехов Германии вело к изменению советской позиции. Уже весной 1940 г. были внесены существенные коррективы в коминтерновскую пропаганду. Москва все более активно отстаивала свои интересы в Восточной Европе и на Балканах, советское военное командование завершало разработку плана войны с Германией. Английское руководство, хотя и опиралось на растущую экономическую поддержку США, понимало, что

выиграть войну с Германией без активного участия в ней СССР невозможно, и поэтому вплоть до 22 июня 1941 г. стремилось любыми средствами ухудшить советско-германские отношения, чтобы отвлечь германские войска на Восток. Со своей стороны германское руководство, освободившись от сухопутного фронта в Европе, но не сумев вывести Англию из войны, было заинтересовано в том, чтобы не допустить объединения Лондона и Москвы, устранить потенциальную угрозу с Востока и овладеть сырьевой базой СССР для дальнейшего ведения войны.

Так же как и война между Англией и Германией, война между Германией и СССР была порождена борьбой за господство в Европе, ускорили же ее столкновения советских и германских интересов по конкретным политическим вопросам. Если в 1939 г. Берлин и Москва смогли согласовать свои территориальные устремления и к осени 1940 г. в основном осуществить эти договоренности, то с конца 1940 г. экспансионистские устремления Германии и Советского Союза пришли в столкновение, и урегулировать их на основе компромисса не удалось. Советско-германские переговоры в ноябре 1940 г. продемонстрировали, что наиболее остро интересы обеих стран сталкивались на Балканах, в Финляндии и на Ближнем Востоке. Германия, победив Францию, считала себя гегемоном Европы и не собиралась идти на уступки. Со своей стороны СССР, легко присоединив новые территории, считал Финляндию, Балканы и черноморские проливы теми регионами, где он имеет преимущественные интересы, и тоже не уступал. Компромисс был затруднен тем, что стороны уже не нуждались в нем, рассчитывая достичь своих целей военными средствами. С ноября 1940 г. советско-германские отношения вступили в новую фазу - фазу непосредственной подготовки к войне. Весной 1941 г. обе стороны стремились создать наиболее выгодные условия для ведения войны и обеспечить проведение последних военных приготовлений в тайне от противника, чтобы нанести внезапный удар и захватить стратегическую инициативу с самого начала войны.

Советская разведка и проблема внезапного нападения

Деятельность разведывательных органов СССР всегда была окружена завесой секретности, и их история тоже остается тайной. Накануне войны, как утверждает отечественная историография, несмотря на ослабление репрессиями, советская разведка располагала многими ценными сведениями о намерениях Германии и о подготовке нападения на СССР. Однако И.В. Сталин не верил этой информации, поскольку верил Гитлеру и в силу договора о ненападении, стремился оттянуть войну, которую боялся, не давая Германии повода для нападения. В результате советское руководство не смогло правильно определить сроки возможного нападения, что и привело к трагедии 1941 г.⁹⁷⁸ Исследователи дружно осуждают Сталина, пренебрегшего важной развединформацией, однако только В.М. Кулиш поставил вопрос, почему же Сталин ошибался, если ему все это было известно⁹⁷⁹. Ответ на него, как правило, давался, исходя из политической конъюнктуры. Для "хрущевского" периода характерно возложение вины за это на Сталина, а для "брежневского" - на наличие противоречивых разведданных, которые дезориентировали Сталина. До сих пор доступные исследования, как правило, посвящены судьбам отдельных разведчиков или эпизодам разведывательной работы. Любые общие вопросы истории советской разведки все еще остаются в тени.

Ныне стало известно, что в СССР разведывательной деятельностью занимались минимум 5 ведомств - наркомат обороны (НКО), наркомат военно-морского флота (НКВМФ), наркомат внутренних дел (НКВД) (с февраля 1941 г. наркомат государственной безопасности (НКГБ)), наркомат иностранных дел (НКВД) и Коминтерн. В их деятельности имела своя специфика, а история их разведок известна лишь в самых общих чертах. Военная разведка, созданная в 1918 г., после череды организационных изменений с 1939 г. называлась 5-м управлением НКО, начальником которого с апреля стал комдив И.И. Проскуров. Судьба этого человека известна недостаточно, даже по вопросу о времени его отставки с поста начальника военной разведки в литературе имеются разногласия. Так, Л.А. Безыменский и А.Г. Павлов пишут, что это произошло в июле, а И.В. Успенский - что в мае 1940 г. 26 июля 1940 г. 5-е управление НКО в качестве Разведуправления было включено в состав Генерального штаба и его начальником назначен генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, ставший одновременно заместителем начальника Генерального штаба. Разведка НКВД, созданная в 1920 г., также претерпела ряд организационных изменений и с июля 1939 г. называлась 5-м отделом Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД, а с февраля 1941 г. была преобразована в 1-е управление созданного НКГБ. Руководителем этой разведслужбы с мая 1939 г. был П.М. Фитин. Военно-морской разведкой занималось 1-е управление НКВМФ, которое накануне войны было включено в структуру Главного Морского штаба. Ее начальником был контр-адмирал Н.И. Зуйков⁹⁸⁰.

В литературе получил некоторое освещение вопрос о структуре разведки НКВД. Как указывает А.С. Феклисов, в 1940 г. в 5-м отделе ГУГБ существовали следующие отделения: три европейских, американское, дальневосточное, ближневосточное, информационно-аналитическое, оперативно-техническое, кадровое, финансовое и хозяйственное⁹⁸¹. Внутренняя структура Разведуправления Генерального штаба⁹⁸² к началу 1940 г. показана на рисунке (с. 242). Вопросы же непосредственной деятельности разведорганов никогда не поднимались в отечественной литературе, и, видимо, это произойдет еще не скоро, что,

впрочем, вполне понятно, ибо многие из этих методов применяются и сегодня. Сведения об агентурной сети советской разведки накануне войны, несмотря на публикации последних лет⁹⁸³, все еще остаются фрагментарными.

Довольно распространенной в историографии является версия о кризисе разведки в период репрессий 1937-1938 гг., но, к сожалению, этот вопрос все еще не достаточно исследован. П.А. Судоплатов отмечает, что, хотя разведке был нанесен ущерб в связи с устранением многих опытных работников, контакты с агентами в основном были сохранены и в 1940-1941 гг. еще больше расширились. Созданные в 1930-е гг. разведгруппы и каналы получения информации продолжали исправно функционировать. Правда, с ноября 1938 по март 1939 г. поступление развединформации резко сократилось, потом же положение вновь стабилизировалось⁹⁸⁴, но неясно, на каком уровне. Видимо, в большей степени репрессии сказались на судьбах советских нелегальных агентов за границей, многие из которых были отозваны в Москву и репрессированы. Оценить же состояние центрального аппарата разведорганов из-за отсутствия необходимых материалов не представляется возможным.

Советская разведка добывала сведения не только через агентов и информаторов, но и посредством радиоразведывательной деятельности, которая, по оценке К. Эндрю и О. Гордиевского, осуществлялась на очень высоком уровне. Существовавшее в 1930-е гг. совместное подразделение радиоразведки НКВД и НКО осенью 1938 г. было расформировано. Специалисты по радиоразведке НКВД занялись перехватом и дешифровкой дипломатической документации иностранных посольств в Москве. В феврале 1941 г. группа дешифровки вошла в состав 5-го (шифровального) управления НКГБ, серьезным успехом которой стала дешифровка японских дипломатических кодов⁹⁸⁵.

Деятельность аналогичного подразделения военной разведки не отражена в доступной литературе. К. Эндрю и О. Гордиевский, ссылаясь на официальный источник, пишут, что подразделения войсковой радиоразведки - радиобатальоны СПЕЦНАЗ - были созданы в конце 1942 г. Однако радиодивизионы особого назначения (ОСНАЗ) существовали еще до войны. Например, в октябре 1939 г. в составе Украинского фронта имелось 4 радиодивизиона ОСНАЗ (368-й, 370-й, 372-й, 592-й), которые были развернуты в приграничной полосе от Любомля до Карпат и занимались радиоперехватом на территории Южной Польши. В советском гарнизоне в Приенай (Литва) в ноябре 1939 г. был развернут разведпункт 363-го радиодивизиона ОСНАЗ, входящего в состав Белорусского фронта и осуществлявшего разведку на территории Восточной Пруссии и северо-восточнее Варшавы. Такие же радиодивизионы имелись и в других приграничных округах. К началу Великой Отечественной войны существовало 16 радиодивизионов ОСНАЗ. Кроме того, имелась радиобригада Главного Командования в составе 6 радиодивизионов и радиополка, которая вела радиоразведку в более чем 1000-км полосе⁹⁸⁶. К сожалению, материалы о результатах деятельности этих частей не публиковались. Из доступных документов следует, что они занимались радиоперехватом, пеленгацией штабов войск противника, прослушиванием телефонных разговоров и постановкой радиопомех в приграничной полосе, их деятельностью руководило Разведуправление через разведывательные отделы военных округов.

Имеющиеся в отечественной историографии данные о состоянии советской разведки накануне войны слишком фрагментарны. Несколько больше известно о результатах деятельности разведорганов. Правда, анализ документальных публикаций последних лет⁹⁸⁷ свидетельствует об их определенной тенденциозности. Как правило, подбираются те

документы, которые содержат сведения, подтвержденные последующими событиями и послевоенными исследованиями. Опубликованные разведдонесения служат иллюстрацией тезиса о том, что разведка честно делала свое дело. Эти материалы в свое время появились для подтверждения версии о вине Сталина, не реагировавшего на тревожные донесения, и до сих пор используются для этой цели. Однако в момент получения этих данных все было не столь однозначно. Трудно не согласиться с П.А. Судоплатовым, который пишет, что "руководство страны не смогло правильно оценить полученную по разведывательным каналам информацию, но надо сначала разобраться с вопросом, что представляла собою эта информация"⁹⁸⁸. В историографии отсутствуют исследования самих разведданных с точки зрения их достоверности и объективности, а выборочная публикация искажает картину предвоенных разведывательных материалов, так как менее достоверные сведения остаются неизвестными. Кроме того, и опубликованные материалы далеко не всегда соответствовали действительности и содержали взаимоисключающую информацию. Поэтому прежде всего следует оценить имеющиеся в нашем распоряжении разведданные с точки зрения их достоверности.

В литературе можно встретить утверждения, что "материал об основных положениях плана "Барбаросса", утвержденного Гитлером 18 декабря 1940 г., уже через неделю был передан военной разведкой в Москву"⁹⁸⁹. К сожалению, это не соответствует действительности. 29 декабря 1940 г. советский военный атташе в Берлине генерал-майор В.И. Тупиков доложил в Москву о том, что "Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года. Дано задание о проверке и уточнении этих сведений". Естественно, что, получив это донесение, Москва потребовала "более внятного освещения вопроса". 4 января 1941 г. из Берлина пришло подтверждение достоверности этой информации, основанной "не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам". Однако источник не видел этого документа и в его сообщении содержались следующие сведения: "Подготовка наступления против СССР началась много раньше, но одно время была несколько приостановлена, так как немцы просчитались с сопротивлением Англии. Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на востоке". К тому же в повторном сообщении речь шла уже не о марте, а о весне 1941 г.⁹⁹⁰

Сам по себе этот факт является крупной удачей советской разведки, но следует отметить, что эта информация была неточна. 18 декабря Гитлер не отдавал приказа о подготовке войны с СССР (он сделал это еще в июне - июле 1940 г.), а подписал стратегический план войны с СССР - основной документ дальнейшего военного планирования. Сведения о возможном начале войны в марте 1941 г. после вывода из войны Англии были безусловной дезинформацией, так как в директиве № 21 "Барбаросса" был указан примерный срок завершения военных приготовлений - 15 мая 1941 г. и подчеркивалось, что СССР должен быть разгромлен "еще до того, как будет закончена война против Англии"⁹⁹¹. Таким образом, советской разведке удалось получить сведения о том, что Гитлер принял какое-то решение, связанное с советско-германскими отношениями, но его точное содержание осталось не известным, как и кодовое слово "Барбаросса". Поэтому более правы авторы, просто пересказывающие донесение советского военного атташе.

Имеющиеся материалы не подтверждают версию о том, что советской разведке "удалось раскрыть замысел германского командования" и "своевременно вскрыть политические и стратегические замыслы Германии"⁹⁹². Как правило, для обоснования этой версии

цитируют те положения доклада начальника Разведуправления от 20 марта 1941 г. "Высказывания, оргмероприятия и варианты боевых действий германской армии против СССР", где сказано, что "из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимание следующие: Вариант № 3, по данным... на февраль 1941 года "... для наступления на СССР, написано в сообщении, создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта - в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба - в направлении Киева. Начало наступления на СССР - ориентировочно 20 мая"". Далее со ссылкой на донесение военного атташе указывалось, что "начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года".

Правда, при этом забывают о выводах, которые сделаны в этом докладе: "1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира. 2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки". Как правило, исследователи, вслед за Г.К. Жуковым, осуждают Голикова, лишь В. Сахаров отмечает, что вывод о том, что весной войны не будет, оказался совершенно правильным⁹⁹³. Ныне, когда этот доклад опубликован, стало ясно, что он представляет собой подборку имевшихся разведданных. При этом составители документа отмечали, что "большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 года, исходит из англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией", хотя и признавали необходимость учета некоторых сведений. Приведенные в докладе материалы давали слишком мозаичную и противоречивую картину, а сведения о англо-германских переговорах, казалось бы, подтверждали вышеприведенный вывод Голикова⁹⁹⁴. Зная дальнейшее развитие событий, современные исследователи могут точно указать, какие сведения соответствовали действительности, а какие - нет, но в момент составления этого документа советская разведка не обладала такими знаниями и в силу своих возможностей старалась из всего потока информации выявить достоверную.

До 1998 г. исследователи были вынуждены пользоваться цитатами из мемуаров Жукова, который почему-то забыл упомянуть, что, когда в 1965 г. этот документ ему показал В.А. Анфилов, маршал заявил, что впервые его видит, поскольку Голиков "не подчинялся мне" и "докладывал непосредственно Сталину, а иногда и Тимошенко. Но об этом документе он, по-видимому, наркома не информировал, потому что тот делился со мной основными сведениями разведки, полученными от Голикова"⁹⁹⁵. Довольно странное заявление, если учесть, что Голиков был заместителем начальника Генерального штаба и в силу своего служебного положения был вполне подотчетен Жукову. Кроме того, как отмечает П.И. Ивашутин, "тексты почти всех документов и радиোগрам, касающихся военных приготовлений Германии и сроков нападения, докладывались регулярно по следующему списку: Сталину (2 экземпляра), Молотову, Берии, Ворошилову, наркому обороны и начальнику Генерального штаба"⁹⁹⁶. Доклад от 20 марта 1941 г. также был направлен Сталину, Молотову и Тимошенко⁹⁹⁷. Помимо этого, будучи структурным подразделением Генерального штаба, Разведуправление регулярно доводило до сведения начальников других

подразделений наиболее важную информацию о потенциальных противниках.

Возвращаясь к приведенной цитате из доклада Голикова, следует отметить, что эта информация отразилась в телеграмме английского посла в Москве С. Криппса в Лондон от 24 марта 1941 г. Среди прочего в ней отмечалось, что "вторжение будет осуществлено тремя большими армиями: первой, базирующейся в Варшаве под командованием Бека (? - М.М.), второй, базирующейся в Кенигсберге, третьей, базирующейся в Кракове под командованием Листа". В Лондоне эту информацию расценили как часть "войны нервов" против России, чтобы заставить ее еще теснее объединиться с Германией, "а соответственно, данная информация распространяется с целью заставить советское правительство с помощью угроз заключить с Германией союз"⁹⁹⁸. Как видим, оценки в Москве и Лондоне совпали.

В литературе часто цитируется докладная записка наркома ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова от 6 мая с сообщением военно-морского атташе в Берлине со слов немецкого офицера, что "немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах". "Полагаю, - делал вывод Кузнецов, - что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы дошли до нашего Правительства и проверить, как на это будет реагировать СССР". Авторы, считающие, что эти сведения "имели исключительную ценность", а выводы их дезавуировали, не желают признать, что это сообщение, как справедливо показал В. Сахаров, было дезинформацией, и вывод адмирала был совершенно правилен. Ныне, когда этот документ опубликован полностью, выяснилось, что сведения были получены от советского подданного Бозера, которому они стали известны со слов германского офицера, причем "попытка выяснить первоисточник сведений и расширить эту информацию пока результатов не дала, т.к. Бозер от этого уклонился. Работа с ним и проверка сведений продолжаются". Следовательно, вывод адмирала был вполне обоснован⁹⁹⁹.

В итоге, советской разведке не удалось раскрыть стратегический замысел германского командования. Сведения о направлениях наступления вермахта были слишком противоречивы и далеко не всегда соответствовали действительности. Готовясь к использованию основных сил в Белоруссии, германское командование было заинтересовано в ослаблении противостоящей группировки Красной Армии. Для этого распространялись слухи о возможном ударе по Украине или Прибалтике. Более того, советская разведка не имела точных сведений о возможном характере боевых действий против СССР. Как отмечает П.А. Судоплатов, все предвоенные оценки исходили из идеи затяжной войны, тогда как Германия делала ставку на "блицкриг"¹⁰⁰⁰. Причем эта уверенность Москвы поддерживалась поступающей развединформацией.

Одной из целей советской разведки накануне войны было выявление военных приготовлений Германии, сосредоточения войск на границах СССР и определение их количества. Опубликованные в последние годы материалы позволяют в целом проследить результаты этой работы.

В работе советской разведки большую роль играли оценочные данные о германском военном потенциале. К сожалению, они, как правило, были значительно завышены. Так, в конце 1938 г., по оценке Разведуправления, вермахт располагал 7 300 танками и 5 160 самолетами. В действительности, на 1 сентября 1939 г., т.е. спустя 8 месяцев, германские вооруженные силы насчитывали 3 474 танка и 4 288 самолетов. Ставшие основой дальнейших расчетов, эти завышенные оценки постоянно возрастали. Так, по последующим

оценкам, самолетный парк германских ВВС достиг к октябрю 1939 г. 5 500-6 000 самолетов, хотя в реальности на 1 октября люфтваффе насчитывали всего 4 756 самолетов. Производственные же мощности германской авиапромышленности, наоборот, занижались. Например, среднемесячная производительность в 1939 г. по этим оценкам составляла 330-350 самолетов, вместо действительных 690 самолетов¹⁰⁰¹.

В марте 1940 г. появились новые оценки германских ВВС, которые исходили из расчета, что на 1 сентября 1939 г. германский самолетный парк составлял 13 900 самолетов и оставался таковым до лета 1940 г., поскольку ежемесячное производство 600-700 самолетов восполняло потери. В реальности, в ВВС Германии на 1 мая 1940 г. насчитывалось 5 895 самолетов, а среднемесячное производство в 1940 г. составляло 902 самолета¹⁰⁰². Оценивая развитие вооруженных сил Германии, Разведуправление в докладе от 11 марта 1941 г. отмечало, что она способна ежегодно производить 25-30 тыс. самолетов и 18-20 тыс. танков. На самом деле эти показатели были достигнуты по самолетам в 1943 г. (произведено 24,8 тыс.), а по танкам в 1944 г. (произведено 18,3 тыс.)¹⁰⁰³.

Столь же завышенными были и оценки германских вооруженных сил, причем активные боевые действия Германии в Скандинавии и Западной Европе способствовали еще большему их увеличению. Результаты деятельности советской разведки по установлению численности германских вооруженных сил представлены в таблице 22 (цифры в скобках - реальное положение). Согласно общей оценке на 1 марта 1941 г. в вермахте насчитывалось 8 млн человек, 260-270 дивизий (221 пехотная, 22 танковых, 20 моторизованных), 11-12 тыс. танков, свыше 52 тыс. орудий, ВВС были объединены в 5 воздушных флотов и имели на вооружении 20 700 самолетов. В действительности вермахт насчитывал 6 954 тыс. человек (на 15 марта) и располагал на 1 марта 175 дивизиями, 5 008 танками, 33 189 орудиями (на 1 апреля), а ВВС насчитывали 5 259 самолетов (на 22 февраля)¹⁰⁰⁴.

Таблица 22

Оценка боевого состава и численности вермахта¹⁰⁰⁵

Дата Дивизии Численность (тыс. чел.)

1 марта 1940 г. 190 (116)

15 апреля 1940 г. 200 (123) 7 000 (5 367)

15 июня 1940 г. 235 (157) 8 000 (5 765)

1 октября 1940 г. 255 (156)

15 марта 1941 г. 265 (191) 8 000 (6 954)

31 мая 1941 г. 290 (206)

С октября 1939 г. советская разведка занялась выявлением германской военной группировки у советских границ. Было установлено, что с окончанием активных боев в Польше германское командование начало переброску войск на Западный фронт. К сожалению, сведений о разведданных, отражающих численность германских войск на Востоке осенью 1939 г. - зимой 1940 г., не публиковалось, поэтому эффективность разведработы не ясна. Германские силы в Польше и Восточной Пруссии оценивались в марте 1940 г. в 32 дивизии, тогда как в реальности их имелось всего 10, а на конец мая 1940 г. в 20 пехотных и 2 танковые дивизии, хотя в действительности там находилось всего 7 пехотных дивизий¹⁰⁰⁶. Советская разведка верно указывала на переброску войск с Востока на Запад, но завышала количество дивизий. По оценке Разведуправления, из действовавших на Западе 170-180 дивизий в период с 25 июня по 1 августа 1940 г. 70-80 из них были рассредоточены по Центральной Европе. На Восток было переброслено 30-40 дивизий, а дислокация войск в

Германии была неизвестна. В действительности на Восток было перебросено лишь 15 дивизий¹⁰⁰⁷. Таким образом, советская разведка правильно определила переброску войск на Восток после окончания боев на Западном фронте, но преувеличивала их численность.

Каких-либо опасений в связи с этими перебросками в имеющихся документах не просматривается. Тем более что 9 июля 1940 г. германский военный атташе в Москве уведомил заместителя начальника Генерального штаба Красной Армии о предстоящей передислокации и организационных мероприятиях в вермахте¹⁰⁰⁸. Например, в разведсводке разведотдела штаба Киевского Особого военного округа (КОВО) № 20 (20-31 июля 1940 г.) делался следующий вывод: "Прибытие германских войск в пределы генерал-губернаторства объясняется, с одной стороны, стремлением Германии усилить свою восточную границу, поскольку она была значительно ослаблена в период решительных операций на Западе, с другой стороны, необходимостью размещения войск, освободившихся после заключения перемирия с Францией, на территориях, более богатых продовольственными ресурсами. Переброска германских войск на территорию бывшей Польши, начиная с 20 июля, значительно сократилась по сравнению с первой половиной июля. Вместе с прибывшими войсками численность германских войск на территории генерал-губернаторства составляет 35 дивизий"¹⁰⁰⁹.

В имеющихся материалах наблюдается определенное расхождение в оценке германских войск на Востоке. Так, по сведениям НКВД, на 16 июля 1940 г. имелось 40 пехотных и 2 танковые дивизии, а по данным Разведотдела штаба Западного Особого военного округа (ЗапОВО) - 28 пехотных. На 23 июля Разведотдел штаба КОВО оценивал германскую группировку в 50 пехотных дивизий, 2 танковые бригады и 2 танковых полка, разведка НКВД - в 50 пехотных и 4 танковые дивизии, а Разведотдел штаба ЗапОВО - в 40 пехотных дивизий и 5 танковых бригад. По одним сведениям, на 1 августа 1940 г. на территории Польши и Восточной Пруссии было 41 пехотная, 1 танковая и 1 кавалерийская дивизии, а по другим - на 8 августа там находилось 54 пехотные, 6 танковых и 2 кавалерийских дивизии¹⁰¹⁰. Почему возникли эти разночтения и каким образом они повлияли на оценку германской группировки на Востоке, к сожалению, остается неизвестным.

Германские войска пока имели на Востоке оборонительные задачи и занимались инженерным оборудованием будущего театра военных действий¹⁰¹¹. Советская разведка внимательно следила за этими работами, причем они не вызывали никаких опасений. По ее сведениям, фортификационные сооружения на территории восточнее Вислы устарели, а частично были разрушены в 1914-1918 и 1939 гг. "Все эти старые укрепления не могут являться серьезным препятствием для наступающих с востока войск без значительной модернизации", поэтому немцы и начали строить оборонительные сооружения в приграничной полосе. В начале сентября 1940 г. Разведотдел штаба КОВО сделал заключение, что "возводимые укрепления по р. Висла показывают, что р. Висла, вероятно, будет вторым оборонительным рубежом на территории генерал-губернаторства"¹⁰¹².

Сопоставление разведданных о численности германских войск, развернутых у советских границ с действительными данными (см. таблицы 23-24, цифры в скобках - реальное положение) показывает, что, правильно вскрыв факт переброски германских войск к границе СССР, советская разведка не располагала точными сведениями о количестве сосредоточенных войск и в своих оценках исходила из завышенных сведений об общей численности вермахта¹⁰¹³.

Оценка численности германских войск на границе с СССР

Дивизии 23.07.40 1.10.40 1.11.40 4.04.41 15.05.41 1.06.41

Пехотные 50 (22) 70 (25) 78 (25) 70 (43) 93 (66) 94 (79)

Танковые 1 (0) 8 (3) 5 (6) 7 (3) 13 (3) 14 (3)

Моторизованные 0 (0) 5 (1) 5 (0) 6 (0) 12 (1) 13 (1)

Кавалерийские 0 (0) 6 (1) 0 (1) 0 (1) 1 (1) 1 (1)

Всего 51 (22) 89 (30) 88 (32) 84 (47) 119 (71) 122 (84)

Таблица 24

Оценка численности германских войск по направлениям

"С первой половины октября начинается постепенное ослабление сосредоточения германских войск на наших границах за счет перебросок их на Балканы (Румыния), а также в Венгрию и Словакию..." - сообщал 5-й отдел ГУГБ НКВД 6 ноября 1940 г. Схожий вывод сделал и Разведотдел штаба КОВО, отметив, что усиленная переброска войск в Польшу в сентябре сменилась в ноябре их переброской в Румынию¹⁰¹⁴. Это привело к сокращению количества германских войск на границах СССР. К сожалению, разведанных с оценками германской группировки на Востоке в ноябре 1940 - марте 1941 г. не публиковалось, поэтому невозможно их сопоставить с действительным положением. Доступные документы относятся к периоду с апреля 1941 г. до начала войны. К ним и обратимся.

Но сначала следует сказать о воспоминаниях В.А. Новобранца о его работе в Разведуправлении в 1940-1941 гг., которые довольно широко используются в новейшей отечественной историографии для подтверждения тезиса о честных разведчиках и руководителях-конъюнктурщиках. Особенно часто встречаются ссылки на утверждения мемуариста, что разведсводка по Западу № 8 от декабря 1940 г. содержала сведения о 110 германских дивизиях (из них 11 танковых), развернутых у наших границ. При этом никто не обратил внимания на то, что ранее автор пишет, что в этой группировке на рубеже 1940-1941 гг. было 70 дивизий. Из текста следует, что в декабре 1940 г. Новобранец не был исполняющим обязанности начальника Информационного отдела и не мог готовить эту сводку по Западу, поскольку являлся заместителем начальника отдела по Востоку и занимался оценкой вероятных противников в Азии. Кроме того, разведсводка № 8 содержала сведения о группировке германских войск на 15 ноября 1940 г. и вряд ли серьезно отличалась от приведенной оценки на 1 ноября¹⁰¹⁵. Вероятно, в Разведуправлении были расхождения в оценке численности германской группировки на Востоке, и Новобранец, если он вообще занимал указанную должность, мог придерживаться отличных от мнения руководства взглядов, за что, видимо, и был снят с должности, но не в начале мая, как он уверяет, а начале в апреле 1941 г., что подтверждается документами. Эти разногласия могли иметь место в марте 1941 г., на что косвенно указывает сам мемуарист и приводимая А.Г. Хорьковым оценка германской группировки у границ СССР на 25 марта 1941 г. в 120 дивизий, которая была пересмотрена уже через 10 дней¹⁰¹⁶.

Советская разведка смогла обнаружить в феврале - марте 1941 г. новую переброску германских войск на Восток, куда, по ее данным, прибыло 6 пехотных и 3 танковые дивизии. В действительности с 20 февраля по 15 марта 1941 г. на Восток было передислоцировано 7 пехотных дивизий, и их количество увеличилось с 26 в феврале до 33 на 15 марта¹⁰¹⁷. 16 апреля Разведуправление докладывало о перебросках 3 пехотных и 2 моторизованных германских дивизий в первой половине апреля, что привело к увеличению группировки в Восточной Пруссии и Польше до 78 дивизий. Вновь правильно отметив факт переброски

войск, Разведуправление сообщал неверные данные. В действительности с 16 марта по 10 апреля на Восток были передислоцированы 18 пехотных и 1 танковая дивизии, что увеличило общее число германских войск до 52 дивизий. От внимания советской разведки ускользнуло сосредоточение в январе - первой половине апреля 1941 г. 6 995 вагонов боеприпасов и 993 вагонов горючего на Востоке¹⁰¹⁸.

Разведуправление вновь верно отмечало перегруппировку германских войск в конце апреля - начале мая 1941 г., что вело к усилению группировок у границ СССР, в Африке, на Ближнем Востоке и в Норвегии. Как отмечалось в спецсообщении Разведуправления от 5 мая, "сущность перегруппировок немецких войск, производившихся во второй половине апреля, после успешного завершения балканской кампании и до настоящего времени сводится: 1. К усилению группировки против СССР на протяжении всей западной и юго-западной границы, включая Румынию, а также в Финляндии. 2. К дальнейшему развитию операций против Англии через Ближний Восток (Турция и Ирак), Испанию и Северную Африку. 3. К усилению немецких войск в Скандинавии, где они могут быть использованы с территории Норвегии против Англии, Швеции и СССР..."¹⁰¹⁹

На 25 апреля Разведуправление оценивало группировку вермахта на Востоке в 95-100 дивизий, на 5 мая - в 103-107. По имевшимся данным, войска из Югославии возвращались в Протекторат, где воссоздавалась группировка из 10 дивизий. Докладывая эту информацию, Разведуправление делало следующий вывод: "1. За два месяца количество немецких дивизий в приграничной зоне против СССР увеличилось на 37 дивизий (с 70 до 107). Из них число танковых дивизий возросло с 6 до 12 дивизий. С румынской и венгерской армиями это составит около 130 дивизий. 2. Необходимо считаться с дальнейшим усилением немецкого сосредоточения против СССР за счет освободившихся войск в Югославии с их группировкой в районе Протектората и на территории Румынии. 3. Вероятно дальнейшее усиление немецких войск на территории Норвегии, северо-норвежская группировка которых в перспективе может быть использована против СССР через Финляндию и морем. 4. Наличные силы немецких войск для действий на Ближнем Востоке к данному времени выражаются в 40 дивизиях, из которых 25 в Греции и 15 в Болгарии. В этих же целях сосредоточено до двух парашютных дивизий с вероятным их использованием в Ираке"¹⁰²⁰. Как видим, констатация факта сосредоточения германских войск на Востоке сопровождается ожиданием действий Германии на Ближнем Востоке, а не нападением на СССР.

По данным Разведуправления, в германских ВВС имелось 8-10 парашютно-десантных дивизий, из которых 1-2 находились в Греции, 5-6 - на севере Франции и в Бельгии, 2 - в Германии. К сожалению, это была германская дезинформация, распространяемая в соответствии с директивой от 15 февраля 1941 г., в которой указывалось, что "особо важное значение имеет распространение дезинформационных сведений об авиационном корпусе, которые бы свидетельствовали о намерении использовать его против Англии". В действительности в ВВС имелась лишь 7-я воздушно-десантная дивизия, а 22-я пехотная дивизия сухопутных войск считалась авиапосадочной. Докладывая эти данные, Разведуправление делало вывод, что "увеличение германских войск на границе с СССР продолжается. Основными районами сосредоточения является: южная часть генерал-губернаторства, Словакия и северная часть Молдавии"¹⁰²¹.

31 мая 1941 г. Разведуправление представило очередной доклад о группировке вермахта на 1 июня, в котором отмечалось, что переброски войск после Балканской кампании на другие ТВД в основном завершены. Считалось, что против СССР было развернуто 120-122

германских дивизий, 44-48 находились в резерве на территории Германии, а 122-126 было развернуто против Англии. Эти данные завершались констатацией: "Что касается фронта против Англии, то немецкое командование, имея уже в данное время необходимые силы для развития действий на Ближнем Востоке и против Египта (29 дивизий, считая Грецию с островом Крит, Италию и Африку), в то же время довольно быстро восстанавливает свою группировку на Западе, продолжая одновременно переброску в Норвегию (из порта Штеттин), имея в перспективе осуществление главной операции против английских островов"¹⁰²². Советская разведка предполагала наличие у границ СССР штабов двух групп армий и шести армий, хотя в действительности к 1 июня там находились штабы трех групп армий, семи армий и трех танковых групп вермахта. Эти данные вошли в очередную разведсводку по Западу № 5, которая 4 июня была сдана в производство, а 23 июня подписана в печать¹⁰²³. Только к вечеру 21 июня состав германской группировки у границ СССР приблизительно совпал с оценками Разведуправления. Германия развернула для вторжения три группы армий, 7 армий и 4 танковые группы, в которых насчитывалось 122 дивизии, 1 бригада и 1 пехотный полк, еще 4 дивизии находились в Северной Норвегии¹⁰²⁴.

Кроме того, следует обратить внимание на ставшие доступными документы советского военного планирования, в которых оценивалась вероятная численность германских войск для войны с СССР. Так, в документах от июля и 18 сентября 1940 г. отмечалось, что Германия развернет для войны с СССР до 173 дивизий (140 пехотных, 15-17 танковых, 8 моторизованных, 5 легких и 3 авиадесантные). В документе от 11 марта 1941 г. эта оценка возросла до 200 дивизий (165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных), а согласно документу от 15 мая ожидалось развертывание 180 дивизий (137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийские и 5 авиадесантных)¹⁰²⁵. Эти расчеты были чрезмерно завышены, а их сопоставление с оценкой германской группировки у советских границ показывало, что процесс сосредоточения вермахта для войны с СССР еще далек от завершения. Как уже отмечалось, по сведениям Разведуправления, на 1 июня на Востоке было сосредоточено всего 41,6% германских дивизий, а против Англии - 42,6%. Исходя из этих показателей, никто в Москве не стал бы делать вывод о завершении подготовки удара по СССР. На самом деле к 21 июня против СССР было развернуто 62% дивизий вермахта.

Таким образом, советской разведке не удалось достоверно установить состав вооруженных сил Германии и ее группировку на Востоке, что затрудняло оценку угрозы Советскому Союзу.

Состояние войсковой разведки западных приграничных округов накануне войны показано в работе А. Прановича. Агентурная разведка была слабо укомплектована подготовленными кадрами, агентов вербовали из местных жителей, большинство из которых не имело доступа к важным сведениям, а их донесения доставлялись курьерами, что вело к потере времени. Агенты не готовились к работе в условиях войны или к диверсиям, поскольку считалось, что война будет вестись на территории противника. Германской контрразведке удалось ограничить утечку информации, ужесточив контроль на границе. Воздушную разведку осуществляли 10 разведывательных авиаполков, имевших всего 157 самолетов, и из-за нехватки фототехники и подготовленных специалистов ее эффективность была невысока. Только в мае 1941 г. было решено к 1 июля укомплектовать авиаполки квалифицированным летным составом и на 50% самолетами СБ. Войсковая и радиоразведки, будучи не укомплектованными опытными кадрами и техникой, действовали не эффективно. Агентурная разведка пограничных войск лишь с 24 мая 1941 г. была

ориентирована на выявление подготовки Германии к войне против СССР. Разведорганы округов не привлекались для подготовки планов прикрытия, взаимодействие всех видов разведки было налажено слабо, как и обмен информацией между разными ведомствами. Отсутствие агентов в штабах противника не позволяло добывать документы о планах Германии, этого не произошло даже тогда, когда 18 июня германское командование уведомило о предстоящем вторжении командный состав, до роты включительно. Низкая эффективность разведки приграничных военных округов не позволяла командованию видеть четкую картину ситуации и делать соответствующие выводы. Зачастую штабы округов ничего не знали о противостоящих группировках противника, что, естественно, сказалось на ходе боевых действий Красной Армии в условиях стратегически внезапного нападения¹⁰²⁶.

К сожалению, этот вывод подтверждают доступные документы разведотделов штабов приграничных округов, опровергающие версию о том, что на местах четко представляли складывавшуюся ситуацию. Так, Разведотдел штаба Прибалтийского Особого военного округа (ПриБОВО) в сводке № 02 от 21 июня 1941 г., в которой отмечалось дальнейшее выдвижение германских войск к границе, делал следующие выводы: "1. Продолжается сосредоточение немецких войск к госгранице и из глубины в районы Восточной Пруссии. 2. Общая группировка войск продолжает оставаться в прежних районах. 3. Требуется установить достоверность дислокации в г. Кенигсберг штаба 3-го ак, штаба 1-й армии (нашими данными в течение продолжительного времени отмечался штаб 18-й армии. Данных о его убытии не поступало). Продолжают ли оставаться части, не указанные в этой сводке, ранее нами отмечаемые?" (так в тексте М.М.)¹⁰²⁷.

Разведотдел штаба ЗапОВО в разведсводке от 21 июня 1941 г., в которой противостоящая германская группировка определялась в 45-46 дивизий, сделал заключение: "1. По имеющимся данным основная часть немецкой армии в полосе против Западного ОВО заняла исходное положение. 2. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе. 3. Всеми средствами разведки проверяется расположение войск у границы и в глубине"¹⁰²⁸.

Разведотдел штаба КОВО в сводке № 3 от 20 июня 1941 г. констатировал: "1. Движение немецких войск к нашим границам подтверждается различными источниками, главная масса прибывающих войск концентрируется на томашев-сандомирском направлении севернее Таневских лесов. [...] 3. Данные о нумерации армий требуют проверки и уточнения, но наличие двух штабов армий на люблинском и томашев-сандомирском направлениях вполне возможны. 4. Замена ранее находившихся частей на краковском направлении заслуживает внимания, тем более что вновь прибывшие части относятся к менее устойчивым частям германской армии. 5. Крупное движение всех родов войск и транспорта южнее Томашов преследует какую-то демонстративную цель или связано с проводимыми учениями"¹⁰²⁹.

К чему привело заблуждение в оценках, видно на примере боевых действий Юго-Западного и Южного фронтов, силы которых превосходили войска противника. В работе А.А. Гурова о действиях Юго-Западного фронта в начале войны отмечается, что "штаб КОВО в целом выявил сосредоточение войск противника. Однако разведка не сумела определить его главную группировку", что "в дальнейшем отрицательно повлияло на ход боевых действий". К тому же, как видно из приводимого автором материала, разведка КОВО не точно определила и общую численность войск противника, что не позволяло верно оценить грозящую опасность¹⁰³⁰. Еще более неблагоприятно разведывательные оценки повлияли на действия войск Южного фронта. На 2 июля 1941 г. численность группировки противника в

районе Стефанешты была определена в 9-10 дивизий (в том числе 5-6 танковых и моторизованных), хотя в действительности там находилось всего 5 пехотных дивизий и 5 бригад (в том числе танковая). Разведка предполагала наличие в этом районе 900-960 танков вместо имевшихся там 60. Эти сведения повлекли неправильное предположение о направлении возможного удара противника, а неправильная общая оценка его сил перед Южным фронтом в 40 пехотных и 13 танковых и моторизованных дивизий вызвала решение на отвод советских войск к Днестру. Авторы справедливо указывают, что невысокая эффективность действий войск Южного фронта вызвана ошибками разведки, которая не проясняла, а искажала реальную обстановку¹⁰³¹.

В литературе утверждается, что большую ценность представляли сообщения из Берлина источников "Старшина" и "Корсиканец", передавших советской разведке обширную и достоверную информацию о военных приготовлениях Германии¹⁰³². Действительно, в опубликованных донесениях содержится немало любопытных и важных сведений, но эти люди не имели доступа к секретным документам и поэтому их сведения о наиболее важном вопросе - сроке нападения на СССР - были противоречивыми, что значительно снижало ценность и прочей информации. Особенно наглядно в этом отношении "Календарь сообщений "Корсиканца" и "Старшины" о подготовке Германии к войне с СССР за период с 6 сентября 1940 г. по 16 июня 1941 г."¹⁰³³

Сообщая 20 марта 1941 г. о подготовке к войне с СССР, "Старшина" отметил, что "имеется лишь 50% шансов, за то, что это выступление произойдет, все это вообще может оказаться блефом". 14 апреля 1941 г., по их данным, перед началом войны, которая может начаться после поражения Югославии и Греции, следует ожидать германского ультиматума. 24 апреля они сообщили, что акция против СССР уступила место удару на Ближнем Востоке, а 30 апреля, что окончательно решено начать войну с СССР. 1 мая поступила информация о готовящемся германском ультиматуме с целью прояснить отношения с СССР до решительных операций на Ближнем Востоке, а 14 мая последовало сообщение, что нападение на СССР отложено. 11 мая они передали, что предъявлению ультиматума будет предшествовать "война нервов" для деморализации СССР. 9 июня источники вновь сообщили об ожидаемом германском ультиматуме и о том, что решение о нападении на СССР отложено до середины июня, 11 июня поступило сообщение, что решение принято, а 16 июня - что все готово к нападению. Последовательность донесений позволяет понять раздражение Сталина, отразившееся в его очень грубой резолюции на имя наркома госбезопасности на последнем из них: "Т-щу Меркулову. Можете послать ваш "источник" из штаба герм. авиации к еб-ной матери. Это не "источник", а дезинформатор"¹⁰³⁴. Конечно, теперь-то мы знаем, что их сообщения от 11 и 16 июня содержали наиболее важную информацию о нападении на СССР, но это противоречило их же недавним донесениям, что, естественно, затрудняло оценку ситуации в июне 1941 г.

Вплоть до германского нападения в сводках разведки НКГБ не было сделано вывода о непосредственной угрозе войны. Так, в сводке № 1510 от 20 июня 1941 г. отмечалось, что "продолжаются переброски войск из Франции и Греции в направлении на Люблин, Брест и Восточную Пруссию. Отмечены санитарные и бензозаправочные автоколонны", а в приграничной полосе было "официально объявлено о том, что на днях будут проводиться большие маневры германской армии, в связи с чем население призывается к соблюдению спокойствия"¹⁰³⁵. Так же как и военная разведка, разведка НКГБ верно установила факт сосредоточения германских войск, но не смогла определить его цели.

Как справедливо отмечает ряд авторов, это было результатом стремления германского командования скрыть свои военные приготовления на Востоке¹⁰³⁶. Для этого велась систематическая и целенаправленная дезинформация по всем возможным каналам. Так, в Указаниях ОКВ от 6 сентября 1940 г. по контрразведке и разведке указывалось, что "Россия должна понять, что в генерал-губернаторстве, в восточных провинциях и в протекторате находятся сильные и боеспособные немецкие войска". Следовало "1. Маскировать общую численность немецких войск на Востоке, по возможности, распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений, происходящей в этом районе. [...] 2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы генерал-губернаторства, в протекторат и Австрию и что концентрация войск на Севере сравнительно невелика. 3. Преувеличивать состояние и уровень соединений, особенно танковых дивизий"¹⁰³⁷.

В директиве ОКВ от 15 февраля 1941 г. приказывалось примерно до апреля "поддерживать в общественном мнении неопределенность относительно наших намерений". В качестве средства дезинформации предлагались "акцентирование предстоящего вторжения в Англию; широкая информация о новых средствах нападения на транспорты; преувеличение значения вспомогательных операций "Марита", "Зонненблюме", действий 10-го авиационного корпуса и количества сил, предназначенных для проведения этих операций". Развертывание сил для операции "Барбаросса" следовало "проводить под видом обмена сил между Западом, Германией и Востоком, подтягивания тыловых эшелонов для операции "Марита" или, в конце концов, под видом обеспечения тылового прикрытия со стороны России на случай перехода к обороне". На следующем этапе "стратегическое развертывание сил на Востоке должно быть представлено в свете величайшего в истории войн дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию"¹⁰³⁸.

12 мая 1941 г. штаб ОКВ распорядился начать вторую фазу дезинформации одновременно с введением 22 мая максимально уплотненного графика движения эшелонов. Основная идея маскировки осталась прежней - это маневр для прикрытия удара по Англии. Особо подчеркивалось недопущение распространения сведений о действительных намерениях в войсках. Следовало отдать войскам, развернутым на Востоке, приказы о переброске на Запад, чтобы породить волну соответствующих слухов¹⁰³⁹. Как отмечает В.А. Анфилов, "оккупация немцами Балкан, захват Крита, наступление корпуса Роммеля в Ливии, усиление действий германских агентов в Ираке, Сирии и Иране - все это давало серьезные основания сделать вывод, что следующим объектом агрессивных устремлений Германии становится Ближний Восток. На Западе это мнение было господствующим. У англичан на этот счет не было никаких сомнений. Они лишь гадали, как скоро и откуда на их войска, находившиеся в этом районе, обрушится удар: то ли с севера через Турцию и Сирию, то ли с запада через Египет", "руководители западных держав также полагали, что германская армия летом 1941 года не нападет на Советский Союз".

Развернувшаяся после оккупации Балкан кампания в западной прессе о подготовке наступления Германии на Ближнем Востоке позволяла Берлину представить сосредоточение войск на Востоке одним из ее этапов¹⁰⁴⁰. По свидетельству Г.К. Жукова, 11 июня 1941 г. в ответ на просьбу военных разрешить привести войска западных приграничных округов в полную боевую готовность Сталин заявил, что "для ведения большой войны с нами немцам, во-первых, нужна нефть и они должны сначала завоевать ее, а во-вторых, им необходимо

ликвидировать Западный фронт, высадиться в Англии или заключить с ней мир". Для большей убедительности Сталин подошел к карте и, показав на Ближний Восток, заявил: "Вот куда они (немцы) пойдут"¹⁰⁴¹. Одновременно появились слухи об ответном характере германского сосредоточения в условиях аналогичных действий Красной Армии и неясных перспектив советской политики. 15 июня по дипломатическим каналам была распространена версия, что к началу июля Германия внесет ясность в отношения с СССР, предъявив определенные требования.

В дезинформационной кампании принял участие даже германский министр пропаганды Й. Геббельс, который с согласия Гитлера в полной тайне от всех с использованием материалов ОКВ подготовил статью "Крит как пример", содержащую намек на то, что воздушно-десантная операция на Крите была своеобразной репетицией вторжения на Британские острова. Статья получила одобрение Гитлера и была помещена в газете НСДАП "Фёлькишер беобахтер" от 13 июня 1941 г. Однако рано утром большая часть тиража была изъята из продажи, но иностранные посольства в Берлине успели получить её. "Внутри страны и за границей одновременно поднимается шумиха, - записал в своем дневнике Геббельс 14 июня. - Все удастся безупречно... Огромная сенсация налицо. Английские радиостанции уже заявляют, что сосредоточение наших войск против России - блеф, которым мы прикрываем свои приготовления к высадке в Англии. Такова и была задумка!" Одновременно в Берлине распространялись слухи о стычке, якобы произошедшей между Гитлером и Геббельсом, который впал в немилость, и о подготовке визита Сталина в Германию, для чего-де изготавливаются красные знамена¹⁰⁴². В результате "к огромному сожалению, политическое руководство нашей страны вплоть до самого начала войны находилось в плену дезинформационной деятельности немецкой разведки"¹⁰⁴³.

Кроме того, Германия всеми способами распространяла версию, что война с СССР является для нее крайним средством по сравнению с переговорами, в ходе которых возможно выдвижение ультимативных требований. Не случайно с апреля 1941 г. сведения о возможном германском ультиматуме становятся непременным содержанием развединформации, поступавшей из разных источников и стран, что как бы повышало ее достоверность¹⁰⁴⁴. Английский посол в Москве Криппс так же был уверен в том, что Германия предъявит СССР ультиматум, о чем и сообщил в Лондон в конце апреля 1941 г. Сведения об ультиматуме поступали и от "Лицеиста". Под этим псевдонимом действовал О. Берлинкс, работавший и на германские спецслужбы. В своих воспоминаниях П.А. Судоплатов пишет, что в Москве знали, что это двойной агент. По материалам В. Пещерского, оценка этого агента была довольно осторожной: с одной стороны, от него поступала ценная информация, но с другой - в ней содержалось много слухов и домыслов, почерпнутых из журналистских и дипломатических кругов. Любопытно отметить, что резидент НКГБ в Берлине А. Кобулов, на связи у которого находился "Лицеист", вел с ним беседы, содержание которых докладывалось Гитлеру. В июне 1941 г. Кобулов уверял "Лицеиста", что Москва хочет мира с Германией. Доложенная Гитлеру, эта информация вызвала его негативную реакцию. Скорее всего, "Лицеиста" обе стороны использовали для дезинформации друг друга¹⁰⁴⁵.

Соответственно Берлин усиленно распространял слухи о готовящихся или уже ведущихся переговорах с СССР. Так, 26 мая советская разведка в Англии добыла документ из отдела политической разведки английского МИДа, в котором речь шла о советско-германских переговорах, которые, возможно, уже идут. 31 мая президент Финляндии Р. Рюти на заседании правительства заявил, что Германия и СССР ведут секретные переговоры, о чем

было доложено в Москву. В мае - июне 1941 г. начальник рейхсканцелярии и статс-секретарь Гитлера О. Мейснер уверял советского посла в Берлине В.Г. Деканозова, что Гитлер готовится сделать важный шаг, направленный на укрепление отношений с СССР, и намекал на его желание встретиться со Сталиным, ставшим председателем СНК СССР¹⁰⁴⁶. Контакты Деканозова и Ф. Шуленбурга в Москве 5, 9 и 12 мая 1941 г. также были связаны с вопросом о возможных советско-германских переговорах, а не были "предупреждениями" германского посла, как считают некоторые авторы¹⁰⁴⁷. В результате Москва не только ожидала начала переговоров, но и пыталась во второй половине июня инициировать их.

В итоге, как отмечает ряд авторов, советское руководство знало о неизбежности войны с Германией, но связывало момент ее начала с исходом будущих советско-германских переговоров и с возможным урегулированием вопроса о прекращении англо-германской войны¹⁰⁴⁸. В поступавших донесениях неоднократно указывалось, что нападение Германии на СССР возможно лишь после разгрома Англии или достижения с ней мира. Советские агенты в Англии и США сообщали, что "вопрос о нападении на СССР зависит от тайной договоренности с британским правительством, поскольку вести войну на два фронта было бы чересчур опасным делом"¹⁰⁴⁹. Как указывает ряд авторов, Сталин не верил в то, что Германия решится на ведение войны на два фронта¹⁰⁵⁰, тем более что она не располагала ресурсами для затяжной войны. Как уже отмечалось, экономические контакты с Германией позволили СССР достаточно хорошо изучить ее экономический потенциал и в Москве хорошо знали, что затяжная война является для Берлина непозволительной роскошью. По свидетельству Г.К. Жукова, Сталин считал, что "Германия по уши увязла в войне на Западе, и я верю в то, что Гитлер не рискнет создать для себя второй фронт, напав на Советский Союз. Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз - это не Польша, это не Франция и что это даже не Англия и все они вместе взятые"¹⁰⁵¹. Видимо, советское руководство вполне допускало, что Гитлер может предпринять определенные шаги для запугивания СССР своей военной мощью, но дальше этих достаточно аморфных угроз дело не пойдет, поскольку нападение на СССР сразу же поставило бы Германию в чрезвычайно невыгодное положение. Вряд ли Гитлер захочет отказаться от экономических и политических выгод сохранения мира с СССР, и бросит Германию в кольцо войны на два фронта.

В этих условиях советская разведка уделяла большое внимание выявлению возможных контактов между Германией, Англией и США. Не случайно полет Р. Гесса в Англию в мае 1941 г. привлек пристальное внимание Москвы. Некоторые обстоятельства ситуации конца апреля - начала мая 1941 г. затронуты в работе Л.А. Безыменского. 18 апреля английский посол С. Криппс в Москве передал советскому руководству заявление, в котором указывал, что "не исключено на случай растяжения войны на продолжительный период, что Великобритании (особенно определенным кругам в Великобритании) могла бы улыбнуться мысль о заключении сделки на предмет окончания войны на той основе, вновь предложенной в некоторых германских кругах, при которой в Западной Европе было бы восстановлено прежнее положение, Германии же не творилось бы препятствий в расширении ее "жизненного пространства" в восточном направлении". Далее британский посол писал, что "в данное время совершенно исключена возможность такого соглашения о мире", и предлагал Москве начать сближение с Лондоном¹⁰⁵². Этот документ, переданный официальным представителем Англии, был расценен Сталиным как серьезное предупреждение о возможном англо-германском сговоре. Тем более что вскоре пришло

сообщение о полете Гесса, который, по сведениям советской агентуры, был попыткой этого сговора перед войной с СССР. Автор справедливо указывает, что английское правительство, сохраняя в секрете все, связанное с миссией Гесса, старалось тем самым оказать давление на СССР с целью втянуть его в войну с Германией.

В 20-х числах мая в Москву сообщили, что переговоры с Гессом будут продолжены. Правда, Г.Л. Розанов отмечает, что от английской резидентуры Сталин получил сведения о провале новой попытки англо-германского сговора¹⁰⁵³. Тем не менее в июне советские дипломаты выясняли в Берлине перспективы англо-германских и американо-германских отношений, со своей стороны имитируя сближение с Англией и США¹⁰⁵⁴. Поскольку никаких изменений не происходило, Сталин, будучи уверенным, что Германия не нападет на СССР, не ликвидировав угрозу со стороны Англии, вероятно, окончательно перестал воспринимать "предупреждения". Вместе с тем до сих пор окончательно не прояснен вопрос, что же все-таки знали в Москве о миссии Гесса? По свидетельству В.М. Молотова, полет Гесса привел к торможению советских военных наступательных приготовлений из-за угрозы англо-германского союза¹⁰⁵⁵.

Введение в научный оборот О.В. Вишлевым¹⁰⁵⁶ материалов германских архивов поставило перед исследователями новую интересную проблему, связанную с деятельностью советской разведки по дезинформации Германии. Прежде всего речь идет о целенаправленной демонстрации советским руководством миролюбия и готовности к дальнейшим взаимовыгодным экономическим отношениям с Германией. Сюда можно отнести усиленные поставки в Германию в марте-апреле 1941 г., экономические соглашения с Германией и оккупированными ею странами, дружественный жест Сталина в адрес Германии во время проводов из Москвы 13 апреля 1941 г. министра иностранных дел Японии, закрытие дипломатических представительств оккупированных европейских стран, установление дипломатических отношений с антианглийским правительством Ирака, предложения о новых экономических соглашениях. В середине мая Германию уведомили о стремлении Сталина прибыть в Берлин для переговоров о присоединении к Тройственному пакту. В мае 1941 г. проходили советско-германские консультации по Ближнему Востоку.

Чтобы объяснить советские военные приготовления, до сведения Берлина была доведена версия о расколе между политическим и военным руководством СССР по вопросу об отношениях с Германией. Военные якобы настаивали на ужесточении советской политики, и под их нажимом Сталин был вынужден проводить некоторые военные мероприятия. Чтобы оттянуть часть германской группировки из южных районов Польши, Берлину внушалась мысль о сосредоточении основных сил Красной Армии против Восточной Пруссии, где в случае войны и развернутся главные события. Тем самым Москва, как и Берлин, использовала для дезинформации противника устаревшие военные планы. Германии намекалось, что ее военные приготовления в Восточной Европе укрепляют в советском руководстве антигерманские настроения, тогда как Сталин является гарантом прогерманского курса Кремля. В середине мая Германию уведомили о стремлении Сталина прибыть в Берлин для переговоров о присоединении к Тройственному пакту. Вместе с тем по разным каналам советская сторона доводила до Берлина свое непоколебимое намерение защищать собственные интересы. В апреле 1941 г. германской авиационной делегации для демонстрации силы были показаны советские авиапредприятия. В мае - июне были инициированы слухи о подготовке советских ВВС, в случае нападения Германии, к нанесению ударов по Берлину, о возможном применении химического и

бактериологического оружия. Демонстрируя Германии опасность войны с СССР и на два фронта, Москва пыталась усадить ее за стол переговоров.

Однако Гитлеру докладывались в основном те материалы, которые не противоречили его мнению о том, что СССР - "колосс на глиняных ногах". В результате германское руководство не представляло себе всей сложности будущего похода на Восток, ожидая быстрых побед. Германская разведка также не сумела установить численность советских войск. На 15 января 1941 г. германское командование считало, что Красная Армия располагает 20 армиями, 30 стрелковыми, 9 кавалерийскими и 6 механизированными корпусами, тогда как в действительности в декабре 1940 г. в Красной Армии имелось 16 армий, 47 стрелковых, 4 кавалерийских, 9 механизированных корпусов. 11 июня 1941 г. германское командование исходило из наличия у будущего противника 20 армий, 40 стрелковых, 9 кавалерийских и 3 механизированных корпусов, реально же Красная Армия располагала 27 армиями, 62 стрелковыми, 4 кавалерийскими, 29 механизированными и 5 воздушно-десантными корпусами. Германские разведданные о количестве дивизий в Красной Армии на 15 января и 11 июня и дислокации советских войск по направлениям на 15 января и 21 июня 1941 г. представлены в таблицах 25-26 (цифры в скобках - действительное положение)¹⁰⁵⁷.

Таблица 25

Оценка численности Красной Армии

Таблица 26

Оценка дислокации советских войск по направлениям

Советские спецслужбы занимались не только дезинформацией вероятного противника, но и готовились к действиям в условиях будущей войны. 18 апреля 1941 г. была подписана директива, согласно которой всем советским "резидентурам в Европе предписывалось всемерно активизировать работу агентурной сети и линий связи, приведя их в соответствие с условиями военного времени. Аналогичную директиву по своей линии направила и военная разведка". Планировалось усилить опытными работниками резидентуры в Германии и Польше и снабдить агентов радиотехникой. В мае-июне 1941 г. в ходе переговоров с эмигрантским чехословацким правительством была достигнута договоренность о координации разведработы и создании чехословацких частей в СССР для диверсионной деятельности на территории Чехословакии. Из Берлина были вывезены дети советских дипломатов. 16 июня 1941 г., в тот самый день, когда Сталин отказался верить в угрозу германского нападения, был отдан приказ об организации при наркомвнудел особой группы для разведывательно-диверсионных операций в тылу противника в случае войны. Особая группа должна была быть готова к действиям к 1 июля 1941 г., на нее возлагалось уничтожение складов с горючим, снабжавших немецкие танковые части, сосредоточивавшиеся у советских границ¹⁰⁵⁸.

В Москву поступали сведения о действиях английской разведки, направленных на провоцирование столкновения Германии с СССР. Стремясь отвести от Англии угрозу вторжения, ее разведка распространяла слухи о том, что "Советский Союз намерен немедленно предпринять дальнейшие агрессивные военные действия, как только Германия будет втянута в крупные операции". По сообщениям К. Филби, английское руководство всеми средствами стремилось нагнетать среди германского руководства страх перед советскими военными приготовлениями, чтобы стимулировать напряженность и конфликты в советско-германских отношениях. По мнению Ю. Бокарева, Англии удалось спровоцировать советско-

германскую войну. В США английские агенты распространяли слухи о неизбежности советско-германской войны по инициативе Советского Союза, который нанесет удар по Южной Польше¹⁰⁵⁹. В данном случае эти сведения соответствовали реальному советскому военному планированию, в котором действительно указывалось именно это направление главного удара Красной Армии.

В эту деятельность хорошо вписываются сведения о "предупреждениях" Черчилля Сталину. В отечественной историографии эта версия распространена чрезвычайно широко. Что же писал английский премьер-министр в Москву? "Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы после того, как они решили, что Югославия находится в их сетях, то есть после 20 марта, начали переброску в южную часть Польши трех из находящихся в Румынии пяти бронетанковых дивизий. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше Превосходительство легко оценит значение этих фактов"¹⁰⁶⁰. Это письмо, написанное 3 апреля, было передано Сталину 21 апреля и, как убедительно доказал В. Суворов, являлось не "предупреждением" Черчилля, а его попыткой получить помощь со стороны СССР в период боев на Балканах. Любопытно, что этот вывод полностью разделяет давнишний оппонент В. Суворова Г. Городецкий, который, опираясь на английские документы, показал, что вплоть до начала июня 1941 г. английская разведка отрицала возможность нападения Германии на СССР¹⁰⁶¹. Таким образом, "предупреждения" Черчилля в апреле мае 1941 г. были всего лишь еще одной попыткой втянуть СССР в войну с Германией для облегчения положения Англии. К. Эндрю и О. Гордиевский пишут, что советские агенты в Англии докладывали, что английское правительство иначе оценивает военную ситуацию в Европе, нежели Черчилль в своих посланиях в Москву. Даже когда в начале июня 1941 г. английское правительство пришло к выводу, что Германия готовится к войне с СССР, оно вплоть до 22 июня считало, что Берлин предъявит Москве ультиматум, подкрепленный угрозой применения силы, а не начнет внезапное вторжение¹⁰⁶².

16 июня 1941 г. английское руководство передало советскому послу в Лондоне И.М. Майскому карту со схемой германской группировки у советских границ. Согласно этим данным в Польше находилось 76 дивизий (из них 2 танковые и 2 моторизованные), в Румынии, Венгрии и Словакии - 29 дивизий (из них 4 танковые и 2 моторизованные), еще предполагалась переброска 2 дивизий по Балтике и 2 дивизий из Скандинавии в Северную Финляндию. На схеме всего показано 109 германских дивизий, что, по мнению В.Я. Сиполса, представляло собой заниженные данные. В действительности к этому времени было развернуто 104 дивизии (75 пехотных, 1 горнопехотная, 3 легкопехотных, 1 кавалерийская, 3 охранные, 10 танковых и 11 моторизованных), из которых в Румынии находилось всего 7 пехотных дивизий. С учетом 4 дивизий в Финляндии их общее количество достигало 108¹⁰⁶³. Нельзя не признать высокой точности данных британской разведки об общей численности германских войск на Востоке, но их сведения о количестве танковых и моторизованных дивизий были значительно заниженными. Кроме того, советская разведка считала, что на границах СССР сосредоточена большая группировка, поэтому вряд ли эту информацию в Москве восприняли иначе, нежели очередную английскую дезинформацию.

Одним из постоянных сюжетов отечественной историографии является версия о ценнейших материалах Р. Зорге, которые не были приняты во внимание Сталиным. Однако даже выборочно опубликованные донесения Зорге показывают, что в них много неточных и

противоречивых сведений о намерениях Германии. Получая информацию в германском посольстве в Японии, Зорге невольно стал каналом распространения германской дезинформации. К наблюдениям и выводам В. Сахарова и В. Суворова по этому вопросу¹⁰⁶⁴ следует добавить еще несколько штрихов. Так, 11 марта 1941 г. Зорге сообщил в Москву, что, по мнению германского военного атташе в Токио, "по окончании теперешней [англо-германской] войны должна начаться ожесточенная борьба Германии против Советского Союза"¹⁰⁶⁵. 6 мая было сообщено: германское руководство уверено, что "война с СССР нисколько не помешает ведению войны против Англии, а решение о начале войны против СССР будет принято Гитлером "либо уже в мае, либо после войны с Англией"¹⁰⁶⁶. 21 мая он передал в Москву, что "война между Германией и СССР может начаться в конце мая", но "в этом году опасность может и миновать"¹⁰⁶⁷. 1 июня Зорге сообщил, что "немецкое выступление против СССР начнется во второй половине июня"¹⁰⁶⁸.

17 июня было доложено о том, что "война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный атташе не знает - будет война или нет"¹⁰⁶⁹. 20 июня в Москву поступило сообщение, что, по мнению германского посла в Токио, "война между Германией и СССР неизбежна"¹⁰⁷⁰. Интересно, какие выводы о намерениях Германии должны были сделать в Москве из этих противоречивых сведений? Не ясно также, на чем основан вывод составителя новейшего сборника документов о Р. Зорге А.Г. Фесюна, что "на сообщения о близящемся нападении Германии Центр не прореагировал"¹⁰⁷¹. Ведь в этих сообщениях увидеть "близящееся" германское нападение можно лишь теперь, зная, что произошло в 1941 г. Во всяком случае, до сих пор никаких других сообщений от Зорге не публиковалось. Любые другие сведения на сегодня являются лишь легендами. Кроме того, следует учитывать, что, как указывает П.А. Судоплатов, Зорге, получивший санкцию Москвы на сотрудничество с германской разведкой в Японии, с 1937 г. не пользовался полным доверием. Кроме него на Дальнем Востоке имелись и другие агенты, например, германский консул в Шанхае или начальник службы жандармерии Квантунской армии, чьи донесения не публиковались. Наверняка в Москву поступала информация об оценке ситуации в Европе японским руководством, которое полагало, что военные приготовления Германии на Востоке являются дезинформацией для прикрытия вторжения в Англию¹⁰⁷². Таким образом, сведения, поступавшие от Зорге, по ряду причин не могут считаться наиболее ценными. Хотя, с высоты сегодняшнего дня, понятно желание многих авторов цитировать некоторые сведения из его донесений для подтверждения устоявшейся версии.

В последние годы было издано несколько работ по истории разведки, которые позволяют более подробно рассмотреть вопрос о механизме оценки в центральном аппарате спецслужб поступавшей информации. П.А. Судоплатов утверждает, что до начала Великой Отечественной войны ни разведка НКВД, ни Разведуправление Генерального штаба не имели отделов обработки и анализа поступающей информации, которые были созданы уже в ходе войны. Однако Информационно-аналитическое отделение 5-го отдела ГУГБ как раз и занималось обработкой и анализом развединформации, в его состав входила аналитическая группа, которой руководил М.А. Алахвердов. В Разведуправлении функционировал информационный отдел, докладные записки которого утверждались начальником Разведуправления и направлялись руководству страны и армии. Другое дело, что качество работы этих подразделений было невысоким, и, как отмечает Л.А. Безыменский, разведка зачастую сама дискредитировала поступавшие сведения, передававшиеся Сталину без какого-либо анализа. По мнению А.Г. Павлова, выводы военной разведки были своеобразной

данью существовавшей деспотичной атмосфере и своего рода пропуском для доклада Сталину, который мог сам делать выводы из докладывавшихся сведений, а на выводы Разведуправления не обращать внимания¹⁰⁷³.

Составители сборника документов "Секреты Гитлера на столе у Сталина" также полагают, что поступавшая информация "в своей совокупности позволяла сделать вывод, что Германия интенсивно и всесторонне осуществляла подготовку к нападению на Советский Союз". Но далее они признают, что спецслужбы "не оценили совокупность добытых сведений, не проанализировали поступившей информации, не сделали необходимого вывода", а отсутствие обобщающих докладов было минусом в их работе. В результате, "будучи доложенной руководству страны в разобленном виде, информация о военных приготовлениях не создавала убедительной целостной картины происходящих событий, не отвечала на главный вопрос: с какой целью эти приготовления осуществляются, принято ли правителями Германии политическое решение о нападении, когда следует ожидать агрессии, каковы будут стратегические и тактические цели ведения противником военных действий"¹⁰⁷⁴. Кроме того, не ясно, оценивал ли кто-либо в Москве поступавшие донесения как нарастание угрозы германского нападения. К сожалению, документы, подтверждающие это, до сих пор не известны, поэтому вряд ли правомерно возлагать ответственность за отсутствие подобных выводов только на Сталина.

По мнению Г.К. Жукова, Сталин "даже из того, что докладывалось ему по линии военной разведки, мог видеть безусловное нарастание угрозы войны, но этого им сделано не было", так как он поверил исходивший от Гитлера дезинформации и с помощью осторожной политики стремился оттянуть или избежать войны. "Так думало и все сталинское руководство страны", пишет Жуков, намекая, что военное руководство придерживалось другого мнения. Правда, далее читаем следующее: "Могло ли руководство наркомата обороны своевременно вскрыть выход вражеских войск на границу СССР непосредственно в исходные районы, откуда началось их вторжение 22 июня? В тех условиях, в которые было поставлено военное руководство, сделать это было затруднительно. Нам категорически запрещалось ведение воздушной разведки, а агентурные данные запаздывали"¹⁰⁷⁵. То есть военное руководство тоже не смогло определить момент завершения подготовки германского нападения, что несколько обесценивает обвинения в адрес Сталина.

Приведенные цитаты интересно сравнить с рукописью маршала, в которой вместо этого сказано следующее: "Я не знаю, что давала Сталину разведка, находившаяся не в руках Генштаба, но разведка, которую возглавлял перед войной генерал Голиков Ф.И., не смогла вскрыть мероприятий, которые в глубокой тайне отрабатывались в штабах немецких войск по плану войны. Разведка не сумела проникнуть в тайники, где планировались цели и задачи немецких войск в войне с Советским Союзом. Обо всем этом мы узнали только после войны, читая трофейные документы"¹⁰⁷⁶. Далее Жуков высказался еще более категорично: "Сейчас бытуют разные версии о том, что мы знали о выдвижении войск противника на исходные рубежи и даже конкретно о дне нападения немцев. Эти версии лишены основания и не могут быть подтверждены официально. Военному руководству были известны лишь общие предположительные сведения, которые были известны многим"¹⁰⁷⁷. Более того, Г.К. Жуков и А.М. Василевский свидетельствуют, что в Москве не знали не только о сроках германского нападения, но и о том, будет ли это нападение вообще¹⁰⁷⁸. Понятно, что подобные свидетельства оседали в архивах.

Нельзя забывать, что советской разведке не удалось добыть ни одного документа о

намерениях Германии на Востоке. Как справедливо отмечает П.А. Судоплатов, разведка имела источники в окружении военно-политического руководства Германии, но не имела доступа к документам германского командования. Поэтому получаемая информация во многом строилась на слухах и отражала колебания в германском руководстве по вопросу об отношениях с СССР¹⁰⁷⁹. Все это также затрудняло Москве правильную оценку обстановки. Заметим, что не только советское руководство, но и руководство других стран не имело точной информации о намерениях Германии в июне 1941 г. Ближе всех к правильной оценке действий Германии оказалась английская разведка, располагавшая системой дешифровки некоторых германских военных шифров, но и ее выводы не полностью отражали действительные планы Берлина. Подобная ситуация, безусловно, является результатом успешных действий германской контрразведки и мер по сохранению секретности и дезинформации противника. Это следует помнить исследователям, которые, как правило, исходят в своих оценках из антисталинской конъюнктуры "хрущевского" периода.

В работе А. Горянина предложен еще один вариант ответа на вопрос, почему Сталин не опасался германского нападения в июне 1941 г. Версия о том, что в конце июня Германия предъявит СССР политико-экономические требования, подкрепленные войсками на границе, - требования почти невыполнимые, но могущие стать предметом переговоров, - была воспринята в Москве. Предстоящие переговоры позволяли СССР завершить военные приготовления и опередить Германию, напав на нее. Расценивая германские мероприятия на границе как блеф ("большую игру"), советская сторона продолжала подготовку к нападению, а не к обороне. Общая обстановка в мире была неблагоприятной для Германии, которая не могла вести войну на всех фронтах, а стремилась утвердить свою гегемонию в Европе в несколько этапов. Первым этапом стал разгром Германией своих континентальных противников. Второй этап - вывод Англии из войны - был в самом разгаре. В этих условиях воевать еще и с СССР было бы слишком рискованно. Прежде следовало обезопасить Средиземноморье, усилить эффективность блокады Англии, создать прочный дипломатический блок из союзников и нейтральных стран.

Но устранить англичан из Средиземноморья не удалось, несмотря на захват Балкан и Крита, бои мая-июня 1941 г. в Сирии - Ираке закончились неудачно для Германии, Италия потеряла свои владения в Восточной Африке. Потери на море германских и итальянских ВМС делали надежды этих стран на успех все более проблематичными. Не удалось создать континентальный прогерманский блок и использовать в своих интересах французский флот. Зато Англия пользовалась все большей поддержкой США, которые усиливали контроль над Атлантикой, создавали базы в Гренландии и Исландии и всячески провоцировали Германию и Италию. В этих условиях победа Германии была невозможна, и ее положение будет только ухудшаться. Поэтому Сталин не верил, что Германия решится создать для себя еще один фронт. Но он просчитался, потому что в Берлине были уверены в слабости СССР, поскольку германская разведка не располагала надежными сведениями. Гитлер был убежден, что со стороны СССР ему ничего не грозит, и не воспринимал Москву как серьезную силу. Сталин надеялся на то, что Германия станет искать его союза. По мнению А. Горянина, неправильная оценка Сталиным ситуации дала Германии шанс на успех в советско-германской войне потому, что ничего не было сделано для обороны¹⁰⁸⁰.

Традиционно в отечественной историографии проблема внезапности практически не поднималась, поскольку и так было ясно, что Германия совершила внезапное, вероломное и неспровоцированное нападение на Советский Союз. Однако в последнее десятилетие этот

вопрос стал предметом оживленной дискуссии. Под влиянием некритически воспринятой концепции разведорганов о их деятельности накануне войны некоторые авторы утверждали, что поскольку советское руководство получало много развединформации и располагало всеми данными о подготовке Германией нападения вплоть до дня, часа и направлений ударов врага, то и говорить о внезапности германского нападения затруднительно. Тем не менее исследователи признают, что Сталин не верил в достоверность этих сведений и начало войны оказалось внезапным для войск приграничных округов¹⁰⁸¹. Более явственно эта концепция формулируется в работах представителей разведорганов, отстаивающих "честь мундира". Так, П.И. Ивашутин, изложив успехи разведки, делает вывод, что "нападение фашистской Германии на Советский Союз ни в стратегическом, ни в тактическом плане не было внезапным. Другое дело, что вторжение фашистских войск на нашу территорию застало советские войска врасплох, так как они не были заблаговременно приведены в полную боевую готовность". Схожую позицию занимает и А. Байдаков, отмечающий, что разведка не смогла убедить Сталина в скором нападении Германии, хотя при этом он возлагает вину за ошибку на политическое руководство¹⁰⁸².

В работе А.Г. Павлова утверждается, что "военная разведка свою задачу выполнила. В этих условиях не представляется правомерным утверждать, что нападение Германии на СССР было неожиданным". Но через две страницы он пишет следующее: "Некоторые авторы выражают мнение, что скоординированной дезинформацией немецкие агрессоры сумели обеспечить внезапность нападения на СССР. Но им этого удалось достигнуть также вследствие просчетов, допущенных политическим и военным руководством СССР. Трудно не согласиться с этим выводом"¹⁰⁸³. По мнению В.А. Кирпиченко, "разведка в предвоенный период свой долг выполнила. Она использовала все имевшиеся сведения о приготовлениях Германии к войне. Была масса неопровержимых материалов из очень солидных источников. То, что им не было придано должного значения, это уже от разведки не зависело". Хотя он признает, что от разведки "проскальзывала и дезинформация", тем не менее, по его мнению, приведенная позиция является окончательным словом разведки и "пересмотра нашей концепции не будет"¹⁰⁸⁴. Вместе с тем многие авторы продолжают признавать внезапный характер германского вторжения, как правило, объясняя это ошибками Сталина в оценки обстановки¹⁰⁸⁵.

Ныне страсти вокруг вопроса о внезапности германского нападения несколько поостыли. Тем более что противникам ее наличия так и не удалось доказать свою правоту, поскольку ясно, что, если даже в распоряжении руководства и имелись важные разведданные, но им не верили, то об отсутствии внезапности нападения говорить затруднительно. На сегодня ясно, что противоречивые данные советской разведки и характерное для Кремля собственное видение международной ситуации, в том числе и уверенность, что Гитлер не решится пойти на авантюру затяжной войны на Востоке, не позволили объективно оценить обстановку в мае-июне 1941 г., и советское руководство допустило роковую ошибку. Однако причины, по которым она была допущена, все еще остаются дискуссионными. Лишь решение этого вопроса позволит приблизиться к пониманию ситуации кануна войны. Наличие нескольких каналов получения развединформации, казалось, должно было способствовать высокому уровню осведомленности советского руководства. Однако, к сожалению, этого не произошло. Скорее всего, это было результатом отсутствия координации работы спецслужб и централизованной оценки поступавших разведданных. Взаимодействие разведок, которое и так было невелико,

подрывалось соперничеством между ними. При этом следует отметить, что взаимоотношения советских разведслужб все еще не стали объектом исследований.

Анализ доступных материалов по истории советской разведки накануне войны показывает, что, несмотря на наличие довольно развитой разведсети, она не смогла добыть и представить руководству материалы, которые давали бы однозначный ответ на вопрос о намерениях Германии летом 1941 г. В такой же ситуации оказались и разведки других великих держав, поэтому вряд ли стоит, как это делает Ю.А. Горьков, утверждать, что советская разведка работала плохо как до войны, так и в ее начале. Скорее, ближе к истине мнение В. Сахарова, который считает, что агенты добыли максимально возможный объем информации. Но в условиях целенаправленной дезинформации и высокоэффективных мер по сохранению секретности, проводимых германскими спецслужбами, эта информация оказалась слишком противоречивой¹⁰⁸⁶. Слабость аналитического аппарата спецслужб в Москве не позволила сузить поступление германской дезинформации в Кремль, что в итоге дезориентировало советское руководство. Гораздо больших результатов советской разведке удалось добиться в Англии, США и Японии, где существовали возможности доступа агентов к правительственным документам. Вместе с тем советским спецслужбам удалось эффективно скрыть от Германии не только наличные силы Красной Армии, но и проведение большей части военных мероприятий в мае-июне 1941 г. Не менее всеохватывающей, чем германская, была и дезинформационная деятельность советской разведки, хотя, к сожалению, ее результаты не повлияли на действия Берлина. Думается, что германским и советским спецслужбам лучше удалось скрывать свои секреты, нежели раскрывать чужие.

Красная Армия перед войной: организация и кадры

История строительства советских вооруженных сил в предвоенные годы в силу сохранения секретности документов того периода все еще недостаточно исследована. Хотя в последние годы отечественная историография пополнилась публикациями некоторых важных документов и работами, в которых значительно более подробно рассматривались различные аспекты этой темы, обобщающих работ в открытой литературе до сих пор нет. Соответственно, общие характеристики, которыми оперируют разные авторы, в основном представляют собой не основанные на тщательном исследовании выводы, а общие фразы полупропагандистского характера. Нередко в отечественной историографии используются оценки Красной Армии, данные западными наблюдателями в 1939-1941 гг., которые вряд ли могут служить примером объективности и непредвзятости. Кроме того, не следует забывать, что сравнения советских вооруженных сил с вооруженными силами других стран достаточно условны и, как правило, лишены четких критериев сопоставления. Думается, что обобщение доступных документов и данных новейшей отечественной историографии позволит более подробно показать процесс организационного развития Красной Армии перед войной.

К началу 1939 г. территория Советского Союза была разделена на 14 военных округов: Ленинградский (ЛВО), Калининский (КалВО), Белорусский особый (БОВО), Киевский особый (КОВО), Харьковский (ХВО), Орловский (ОрВО), Московский (МВО), Северо-Кавказский (СКВО), Приволжский (ПриВО), Закавказский (ЗакВО), Уральский (УрВО), Сибирский (СибВО), Среднеазиатский (САВО), Забайкальский (ЗабВО) и 1-ю и 2-ю Отдельные Краснознаменные армии (ОКА) на Дальнем Востоке. Из них 4 было сформировано в 1918 г., 3 - в 1921-1926 гг., 5 - в 1935 г., а 4 - в 1938 г.¹⁰⁸⁷ Кроме того, на территории МНР дислоцировались войска 57-го особого стрелкового корпуса (ОСК), созданного приказом наркома обороны № 0037 от 4 сентября 1937 г. и находившегося в оперативном подчинении Наркомата обороны¹⁰⁸⁸.

С окончанием Гражданской войны армейские управления в Красной Армии были постепенно расформированы (кроме Дальнего Востока), и до лета 1938 г. аналогичных военных структур не существовало. Однако в условиях Чехословацкого кризиса 1938 г., чреватого возникновением войны, в которой в силу своих союзнических обязательств в отношении Чехословакии и Франции должен был принять участие и СССР, советское руководство 26 июня 1938 г. приняло решение о формировании 6 армейских групп в Белорусском (БВО) и Киевском (КВО) военных округах. Согласно приказу наркома обороны № 0151 от 26 июля 1938 г. БВО был переименован в особый военный округ (БОВО), и в его составе были сформированы Витебская армейская группа (АГ) (на базе управления 4-го стрелкового корпуса), в которую входили войска, расположенные на территории Витебской и Минской областей, и Бобруйская АГ (на базе управления 5-го стрелкового корпуса), объединявшая войска на территории Могилевской, Гомельской и Полесской областей¹⁰⁸⁹. Согласно приказу наркома обороны № 0152 от 26 июля 1938 г. КВО был переименован в особый военный округ (КОВО), и в его составе были сформированы Житомирская АГ (на базе управления 8-го стрелкового корпуса), войска которой дислоцировались на территории Черниговской, Киевской и Житомирской областей, Винницкая АГ (на базе управления 17-го стрелкового корпуса), объединявшая войска на территории Винницкой и Каменец-Подольской областей, Одесская АГ (на базе управления 6-го стрелкового корпуса), в которую

входили войска, расположенные в Николаевской области и Молдавской АССР, и Кавалерийская АГ в составе 2-го и 4-го кавкорпусов. Эти управления являлись закамуфлированной формой обычного армейского управления¹⁰⁹⁰.

Приказом наркома обороны № 07 от 15 января 1939 г. в БОВО на базе управления 16-го стрелкового корпуса была сформирована новая Минская АГ, в состав которой включались войска, расположенные на территории Минской и Могилевской областей. Соответственно изменялся состав Витебской и Бобруйской АГ, а 23-й стрелковый корпус выделялся в подчинение управления округа¹⁰⁹¹. В соответствии с решением Главного Военного Совета (ГВС) приказом наркома обороны № 0030 от 5 июля 1939 г. на Дальнем Востоке для объединения и направления действий 1-й, 2-й ОКА, ЗабВО и 57-го ОСК в Чите было создано Управление фронтовой группы¹⁰⁹², а согласно приказу наркома обороны № 0036 от 19 июля 1939 г. 57-й ОСК был переформирован в 1-ю АГ¹⁰⁹³. 13 августа приказом наркома обороны № 0129 в ЛВО началось формирование Новгородской АГ¹⁰⁹⁴. Таким образом к началу Второй мировой войны в Красной Армии имелось 2 отдельные армии и 9 армейских групп.

Начавшееся 7 сентября 1939 г. мобилизационное развертывание Красной Армии вызвало новые преобразования управлений армейских групп. Витебская, Минская и Бобруйская АГ БОВО были переименованы соответственно в управления 3-й, 11-й и 4-й армий. Кроме того, была создана Конно-механизированная группа с использованием личного состава управления КалВО, а на базе управления МВО было сформировано управление 10-й армии. В КОВО процедура переименования армейских групп заняла больше времени. Так, Житомирская АГ была 16 сентября переименована в Шепетовскую, с 18 сентября - в Северную и с 28 сентября - в 5-ю армию. Винницкая АГ с 16 сентября стала Волочической, с 24 сентября - Восточной, а с 28 сентября - 6-й армией. Кавалерийская АГ с 16 сентября стала называться Каменец-Подольской, с 20 сентября - Южной, а с 24 сентября - 12-й армией, которая, в свою очередь, была с 28 сентября вновь разделена на 12-ю армию и Кавалерийскую АГ. Одесская АГ была переименована в 13-ю армию¹⁰⁹⁵. Выделенные 11 сентября 1939 г. для проведения Польской кампании полевые управления БОВО и КОВО, фактически являвшиеся управлениями фронтов, были в соответствии с приказом наркома обороны № 0053 от 26 сентября 1939 г. переименованы в управления Белорусского и Украинского фронтов. Вместе с тем для управления войсками на территориях обоих округов были сформированы управления БВО и КВО, которые подчинялись Военным Советам соответствующих фронтов¹⁰⁹⁶.

В ЛВО 14 сентября 1939 г. Новгородская АГ была переименована в 8-ю армию, на базе управления КалВО было развернуто управление 7-й армии, а в Мурманской области приказом наркома № 0052 от 16 сентября создавалась Мурманская АГ. Завершение Польской кампании и расширение территории СССР привело к реорганизации военно-территориальных структур в БССР и УССР. Согласно приказа наркома обороны № 0057 от 11 октября 1939 г. Белорусскому фронту были подчинены войска, расположенные на территории БССР, а Смоленская область передавалась в состав КалВО. В составе войск фронта сохранялись управления 3-й (дислокация - Молодечно), 11-й (Гродно), 10-й (Белосток) и 4-й (Кобрин) армий. В состав Украинского фронта включались территории Киевской, Винницкой, Житомирской, Каменец-Подольской областей и территория Западной Украины. В составе войск фронта сохранялись управления 5-й (Луцк), 6-й (Львов), 12-й (Станиславов) армий и Кавалерийской АГ (Проскуров). Находившиеся ранее в границах

КОВО территории Одесской, Николаевской, Кировоградской, Черниговской областей и Молдавской АССР из его состава исключались. На территории Одесской, Николаевской, Кировоградской, Днепропетровской, Запорожской областей, Молдавской и Крымской АССР формировался Одесский военный округ (ОдВО). Изменялись границы КалВО, который передавал МВО Ярославскую, а получал Смоленскую область. В свою очередь, МВО передавал Тамбовскую область в состав ОрВО, а в состав ХВО включались Черниговская, Харьковская, Полтавская, Сумская, Ворошиловградская, Сталинская области и исключались Днепропетровская, Запорожская области и Крымская АССР. Одновременно отменялось усиление управлений БВО и КВО1097 .

23 октября 1939 г. нарком обороны приказом № 0160 распорядился использовать управление КВО для формирования управления ОдВО, командующим войсками которого был назначен бывший командующий войсками КалВО комкор И.В. Болдин. Управление 13-й армии следовало передислоцировать в Станиславов и переименовать в управление 12-й армии, а личный состав находившегося там управления 12-й армии после сдачи дел следовало вернуть по месту прежней службы в управление ХВО1098 . 14 ноября приказом наркома обороны № 0177 управления Белорусского и Украинского фронтов были переименованы соответственно в управления БОВО и КОВО1099 . Тем временем основное внимание советского командования было привлечено к развитию ситуации вокруг Финляндии, на границу с которой были переброшены 26 октября управление 8-й армии, 15 ноября - управление 7-й армии, а 29 ноября нарком обороны отдал приказ № 0190 о переименовании Мурманской АГ в 14-ю армию и о формировании управления 9-й армии на Кемском направлении1100 .

В ходе советско-финской войны командованию Красной Армии пришлось совершенствовать структуру управления войсками. Поскольку фронтовое управление для руководства операциями в Финляндии не создавалось, общее руководство было первоначально возложено на командующего войсками ЛВО командарма 2 ранга К.А. Мерецкова. Однако медленное продвижение советских войск в начале операции привело к тому, что 9 декабря 1939 г. была образована Ставка Главного Командования, которая взяла на себя непосредственное руководство войсками на ТВД. Согласно директиве ГВС № 0691/оп от 25 декабря часть войск 7-й армии, действовавшей на Карельском перешейке, была выделена в новую 13-ю армию, а директивой наркома обороны № 0977/оп от 7 января 1940 г. для руководства их действиями на базе управления ЛВО было создано управление Северо-Западного фронта (командующий командарм 1 ранга С.К. Тимошенко). Для руководства тылом и снабжением армий, действовавших севернее Ладожского озера, приказом Главного Командования № 0897 от 3 января 1940 г. было сформировано Управление заместителя командующего войсками ЛВО по материальному снабжению и эвакуации в Вологде (начальник комкор М.В. Захаров). Приказом ГВС № 01663 от 11 февраля 1940 г. из части войск 8-й армии была создана 15-я армия1101 .

Завершение советско-финской войны потребовало новых организационных мероприятий. Согласно приказу наркома обороны № 0013 от 26 марта 1940 г. требовалось расформировать управления Северо-Западного фронта, 7-й, 13-й и 9-й армий. Управление 8-й армии следовало перебросить в Новгород, а 14-й армии - оставить в Мурманске. Вновь создавался ЛВО на территориях Мурманской, Ленинградской областей и Карельской АССР, а на ранее входивших в состав округа территориях Архангельской, Вологодской областей и Коми АССР создавался Архангельский военный округ (АрхВО), управление которого

формировалось на базе управления 15-й армии и Управления замкомвойсками ЛВО по материальному снабжению и эвакуации. Все управления переводились на штаты мирного времени¹¹⁰².

Новые организационные изменения в структуре управления войсками произошли в июне 1940 г. 13 июня нарком обороны просил ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердить новую организацию войск Дальнего Востока. Предлагалось на базе управления Читинской фронтовой группы создать Дальневосточный фронт в составе 1-й, 2-й Краснознаменных и 15-й армий, а в ЗабВО сформировать управление 16-й армии и переименовать управление 1-й АГ в управление 17-й армии. Управление 15-й армии формировалось на базе управлений 20-го стрелкового корпуса, а 16-й армии - на базе управления 32-го стрелкового корпуса¹¹⁰³. Это предложение было утверждено, и 21 июня нарком обороны издал приказ № 0029, согласно которому началось осуществление всех этих мероприятий¹¹⁰⁴.

Тем временем на Западе советские войска готовились к операции по освобождению Бессарабии. На базе управления КОВО было развернуто управление Южного фронта, объединявшего войска 5-й, 12-й армии, Кавалерийской АГ и созданной на базе управления ОдВО 9-й армии. После успешного окончания Бессарабской кампании с 10 июля управления Южного фронта и 9-й армии расформировывались¹¹⁰⁵. 6 июля правительство утвердило предложения наркома обороны о формировании на территории Литвы, Латвии и западных районов Калининской области Прибалтийского военного округа (ПрибВО). КалВО подлежал расформированию, а его управление обращалось на формирование управления ПрибВО в Риге. Территория Эстонии включалась в состав ЛВО, восточные районы Калининской области - в МВО, а Смоленская область - в БОВО, который переименовывался в Западный ОВО. Эти меры начали проводиться приказом наркома обороны № 0141 от 11 июля¹¹⁰⁶. Территория Бессарабии включалась в ОдВО, а Северной Буковины - в КОВО. На 29 июля 1940 г. в Красной Армии насчитывалось 14 армейских управлений¹¹⁰⁷. 13 августа 1940 г. нарком обороны издал приказ № 0184, согласно которому устанавливались единые штаты для управлений военных округов. Одинаковую организационную структуру управлений получали ЛВО, ПрибВО, ЗапОВО, КОВО, ЗабВО, ДВФ, ОдВО и ЗакВО (два последних меньшей численности). МВО получал схожую структуру, но без некоторых отделов. Это позволяло на их базе в кратчайший срок развернуть фронтовые управления. Управления АрхВО, ОрВО, ХВО, СКВО, ПриВО, УрВО, СибВО и САВО получили сокращенные штаты, позволявшие развернуть на их базе армейские управления¹¹⁰⁸.

Согласно приказу наркома обороны № 0190 от 17 августа 1940 г. в состав ПрибВО передавалась территория Эстонии и округ переименовывался в Особый (ПрибОВО), а западные районы Калининской области отходили МВО¹¹⁰⁹. 18 сентября нарком обороны отдал приказ № 0050 о формировании в Петрозаводске в составе ЛВО управления 7-й армии на базе управления 56-го стрелкового корпуса¹¹¹⁰. 27 декабря 1940 г. был издан приказ наркома обороны № 0074 о переводе с 1 января 1941 г. управления армейской кавалерийской группы КОВО на новый штат и переименовании его в управление 26-й армии¹¹¹¹. Кроме того, в составе войск ДВФ было сформировано управление 25-й армии. В мае 1941 г. согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) и постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1113-460сс от 23 апреля началось формирование управлений 13-й армии в ЗапОВО, 27-й армии в ПрибОВО и 23-й армии в ЛВО, командующие и начальники штабов которых были утверждены Политбюро 24 мая 1941 г.¹¹¹²

Управления внутренних округов по мобилизации должны были выделять по армейскому

управлению. Так, на базе управления ХВО создавалось управление 18-й армии, СКВО - 19-й армии, ОрВО - 20-й армии, ПриВО - 21-й армии, УрВО - 22-й армии, СибВО - 24-й армии, АрхВО - 28-й армии. Создание большинства этих армейских управлений началось в мае - июне 1941 г., и к 22 июня не было создано лишь управление 28-й армии. С февраля 1941 г. на базе управлений ПрибОВО, ЗапОВО и КОВО велось формирование управлений Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов соответственно, правда, до сих пор остается неизвестным, когда же именно был отдан соответствующий приказ. Одновременно на базе управления ОдВО формировалось управление 9-й армии. 14-19 июня 1941 г. нарком обороны приказал к 22-23 июня вывести на полевые командные пункты управления 9-й армии, Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов. 21 июня 1941 г. Политбюро решило создать на базе управления МВО управление Южного фронта, которое должно было объединить войска 18-й и 9-й армий, развертываемые на границе с Румынией¹¹¹³.

Таким образом, в 1939 - первой половине 1941 г. военно-территориальные структуры Красной Армии пополнились 2 военными округами и 1 фронтом, и к июню 1941 г. на территории СССР дислоцировались 16 военных округов и 1 фронт. В середине июня 1941 г. началось развертывание еще 4 фронтовых управлений на Западном ТВД, что довело количество фронтовых управлений до 5 из 8, предусмотренных схемой мобилизационного развертывания Красной Армии. Соответственно резко возросло и количество армейских управлений с 6 в начале 1939 г. до 27 к июню 1941 г., которым оставалось только перейти на штаты военного времени и сосредоточиться на Западном ТВД.

Теперь следует обратиться к организационному развитию сухопутных войск Красной Армии, которые к началу 1939 г. состояли из 25 управлений стрелковых корпусов, 98 стрелковых дивизий, 5 стрелковых бригад, 5 управлений кавалерийских корпусов, 26 кавдивизий, 4 управлений танковых корпусов, 24 легких, 4 тяжелых и 3 химических танковых бригад¹¹¹⁴. В первой половине года были сформированы управления 31-го, 56-го и 59-го стрелковых корпусов, 104-я горно-стрелковая дивизия, 1-я, 4-я и 5-я отдельные стрелковые бригады.

Кроме того, советское военное руководство разрабатывало новую систему мобилизационного развертывания войск. 5 мая 1939 г. начальник Генерального штаба командарм 1 ранга Б.М. Шапошников представил наркому обороны СССР маршалу Советского Союза К.Е. Ворошилову доклад, в котором давал оценку организационному развитию стрелковых войск в соответствии с решением Комитета Обороны при СНК СССР от 29 ноября 1937 г. Реорганизация 1938 г. имела целью ликвидировать существовавшую разнотипность стрелковых дивизий, усилить мобилизационную готовность кадровых приграничных дивизий, обеспечить равномерный подъем военнообязанных запаса при мобилизации между округами и сократить сроки мобилизационного развертывания войск. Для этого было создано четыре типа стрелковых дивизий: 14 стрелковых дивизий Дальнего Востока (штат 14 тыс. человек), 37 кадровых стрелковых дивизий (штат 6 950 человек, в том числе 36-я сд - 9 000), 10 кадровых горнострелковых дивизий (штат 4 000 человек) и 37 стрелковых дивизий тройного развертывания (штат 5 220 человек), каждая из которых по мобилизации развертывалась в три новые стрелковые дивизии (всего 111 дивизий). Кроме того, в конце 1938 г. были сформированы Камчатская и Сахалинская стрелковые дивизии по типу кадровых дивизий. На военное время было предусмотрено развертывание 172 стрелковых дивизий.

Однако, подчеркивалось в докладе, изменение политической обстановки в мире требует

усиления боевой и мобилизационной готовности наших стрелковых войск, увеличения их кадрового состава. Для этого предлагалось 14 стрелковых дивизий Дальнего Востока и 36-ю стрелковую дивизию 57-го ОСК оставить без изменений. 27 стрелковых дивизий (с учетом Камчатской и Сахалинской) перевести на штаты по 8 554 человека, 9 стрелковых дивизий укрепленных районов перевести со штата в 7 300 человек на штат 8 878 человек. В докладе высказывалось пожелание развернуть все 37 стрелковых дивизий тройного развертывания в обычные дивизии по штату 4 тыс. человек, что требовало формирования еще 74 стрелковых дивизий. Однако это мероприятие требовало расширения базы и пока было невозможно. В качестве промежуточного варианта предлагалось увеличить штат этих дивизий с 5 220 до 7 854 человек, что требовало 154 968 человек, из которых 132 тыс. покрывалось путем расформирования строительных батальонов, содержащихся за счет других ведомств¹¹¹⁵.

Изменение существующей системы мобилизационного развертывания стрелковых войск в случае войны обсуждалось 16 июля 1939 г. на совещании у наркома обороны. Было предложено отказаться от содержания дивизий тройного развертывания и развернуть 106 стрелковых дивизий, из которых 94 в мирное время содержались бы по штату в 4 тыс. человек, а 12 по штату в 3 тыс. человек. Часть кадровых дивизий, в том числе и на Дальнем Востоке, следовало перевести на 14-тыс. штат. Помимо имевшихся 37 дивизий следовало сформировать и устроить места дислокации 69 дивизиям. Кроме существовавших 30 управлений стрелковых корпусов следовало сформировать еще 20 управлений. Таким образом, все скрытые, то есть предназначенные к развертыванию в случае мобилизации дивизии, переводились в открытые. Тем самым создавалась постоянная армия, готовая к использованию при минимальном развертывании. Проведение всех этих мероприятий требовало дополнительно 297 тыс. человек, что увеличивало численность армии до более 2 млн человек¹¹¹⁶.

Созданная по решению ГВС Комиссия по организационным мероприятиям при НКО под председательством заместителя наркома обороны командарма 1 ранга Г.И. Кулика 27 июля 1939 г. приняла решение создать на базе стрелковых дивизий тройного развертывания обычные стрелковые дивизии штата 4 100 человек. Комиссия сделала вывод, что все военные округа могут разместить новые дивизии, материальных запасов также хватало, поэтому к 1 ноября 1939 г. следовало перейти на новую организацию стрелковых войск и к 1 мая 1940 г. подготовить новые мобилизационные планы¹¹¹⁷. Кроме того, обсуждался вопрос о сохранении существовавших танковых корпусов. Б.М. Шапошников, Г.И. Кулик и К.Е. Ворошилов высказывались за их ликвидацию, а С.К. Тимошенко, С.М. Буденный и М.В. Захаров - за сохранение, но с пересмотром штатной структуры. В итоге было принято компромиссное решение о расформировании стрелково-пулеметных бригад, но при сохранении танковых корпусов для совместных действий с пехотой и кавалерией¹¹¹⁸.

В соответствии с принятым решением, 15 августа 1939 г. нарком обороны отдал директивы №№ 4/2/48601-4/2/48611 ЛВО, КалВО, МВО, ОрВО, ХВО, ПриВО, СКВО, УрВО, СибВО, БОВО и КОВО, согласно которым им следовало с 25 августа по 1 декабря 1939 г. сформировать 18 управлений стрелковых корпусов, перевести кадровые дивизии на новый штат 8 900 человек и развернуть 36 дивизий тройного развертывания в 92 дивизии по 6 000 человек¹¹¹⁹. 22 августа нарком обороны докладывал в ЦК ВКП(б) и СНК СССР об обеспеченности вооружением предлагаемых организационных мероприятий. С учетом наличия вооружения в неприкосновенном запасе проводимые мероприятия были в целом

обеспечены по винтовкам, пулеметам, 82-мм минометам и 76-мм пушкам. По самозарядным винтовкам, 45-мм противотанковым пушкам, 122-мм гаубицам и 76-мм зенитным пушкам покрытие некомплекта ожидалось в течение 1939 г. на основании получения их от промышленности, а потребность по противотанковым ружьям, 12,7-мм станковым пулеметам, 50-мм, 107-мм и 120-мм минометам, 152-мм гаубицам, 37-мм и 45-мм зенитным пушкам и автомобилям удовлетворялась поступлением от промышленности в 1939-1940 гг. Нарком обороны просил разрешить использовать неприкосновенный запас, обязать промышленность выполнить план военных заказов на 1939 г. и произвести дополнительный заказ на автомобили 1120 .

1 сентября 1939 г. Политбюро утвердило предложение Наркомата обороны, согласно которому в Красной Армии предусматривалось кроме 51 ординарной стрелковой дивизии (33 стрелковые дивизии по 8 900 человек каждая, 17 стрелковых дивизий по 14 000 человек каждая и 1 стрелковая дивизия в 12 000 человек) иметь 76 ординарных стрелковых дивизий по 6 000 человек, 13 горнострелковых дивизий и 33 ординарных стрелковых дивизии по 3 000 человек 1121 . Соответственно 2 сентября 1939 г. было принято постановление СНК № 1355-279сс, утвердившее "План реорганизации сухопутных сил Красной Армии на 1939-1940 гг." Было решено дивизии тройного развертывания перевести в ординарные и иметь в Красной Армии 173 стрелковые дивизии. Предлагалось увеличить ударную силу пехотного ядра в стрелковых дивизиях, увеличить количество корпусной артиллерии и артиллерии РК, переводя ее с тройного на двойное развертывание. Следовало расформировать 4 кавалерийские дивизии и 2 отдельные кавалерийские бригады, в танковых войсках расформировывались стрелково-пулеметные бригады в танковых корпусах и стрелково-пулеметные батальоны в танковых бригадах (см. Приложение А). Следовало сократить численность обслуживающих и тыловых частей и учреждений. Штатная численность Красной Армии была установлена в 2 265 тыс. человек 1122 .

Таблица 27

Дислокация стрелковых войск 15 августа и 5 сентября 1939 г. 1123

Однако развитие международной обстановки в начале сентября 1939 г. привело к тому, что в ночь на 7 сентября было принято решение провести частичную мобилизацию Красной Армии, и войска получили приказ начать "Большие учебные сборы" (БУС). Согласно директиве наркома обороны № 2/1/50698 от 20 мая 1939 г. название БУС являлось шифрованным обозначением скрытой мобилизации. Проведение БУС по литеру "А" означало, что происходило развертывание отдельных частей, имевших срок готовности до 10 дней, с тылами по штатам военного времени. Запасные части и формирования гражданских ведомств по БУС не поднимались. Сама мобилизация проходила в условиях максимального сохранения этих мероприятий в тайне 1124 . Всего в "Больших учебных сборах" приняли участие управления 22 стрелковых, 5 кавалерийских и 3 танковых корпусов, 98 стрелковых и 14 кавалерийских дивизий, 28 танковых, 3 моторизованные стрелково-пулеметные и 1 воздушно-десантная бригады (см. таблицу 28) 1125 .

Таблица 28

Количество войск, принявших участие в БУС

ЛВО КалВО БОВО КОВО МВО ХВО ОрВО Итого

Корпуса: 5 2 9 9 2 2 1 30

стрелковые 4 2 6 5 2 2 1 22

кавалерийские - - 2 3 - - - 5

танковые 1 - 1 1 - - - 3

Дивизии: 18 4 24 30 12 15 9 112

стрелковые 17 4 18 23 12 15 9 98

кавалерийские 1 - 6 7 - - - 14

Бригады: 8 1 9 11 3 - - 32

танковые 6 1 8 10 3 - - 28

моторизованные 1 - 1 1 - - - 3

Эти события потребовали от наркома обороны уточнить проведение дальнейших организационных мероприятий, и 13 сентября УрВО, СибВО, ПриВО и СКВО получили директивы №№ 4/2/48962-4/2/48965, согласно которым вместо 32 стрелковых дивизий 6-тысячного состава округа должны были сформировать 36 стрелковых дивизий (20 по 6 тыс., 16 по 3 тыс. человек), 3 танковые бригады, 3 корпусных артполка, 1 гаубичный артполк РГК и 2 гаубичных артполка большой мощности (БМ)1126 . Мобилизационное развертывание Красной Армии в западных округах и Польская кампания 17 сентября - 12 октября 1939 г. не позволили в полной мере осуществить намеченные планы реорганизации сухопутных войск.

Произошедшие политические изменения на западной границе СССР вынудили Наркомат обороны разработать новый план реорганизации Красной Армии, который был 23 октября 1939 г. за № 81229 сс/ов направлен в ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В документе констатировалась необходимость содержать войска в Западной Украине, Западной Белоруссии и Прибалтике в усиленном составе, а намечавшееся расформирование 4 кавдивизий признавалось невозможным. Поэтому предлагалось иметь в стрелковых войсках 173 дивизии, из которых 46 содержать в штатах 14-12 тыс. человек с танковым батальоном в 54 танка, а в 24 дивизиях, содержащихся по штату в 6 тыс. человек, иметь танковый батальон в 30 танков. Из 48 управлений стрелковых корпусов мирного времени 29 располагали зенитными артиллерийскими дивизионами (из них 22 двойного развертывания). По военному времени развертывалось 58 управлений стрелковых корпусов и 51 зенитный артдивизион. Предлагалось упразднить управления укрепленных районов (УРов), кроме расположенных на Дальнем Востоке, Карельского, Каменец-Подольского и Могилев-Подольского, а имеющиеся сооружения законсервировать. Следовало иметь 14 управлений УР, 34 отдельных пулеметных батальонов, 20 отдельных артиллерийских дивизионов, 13 отдельных пулеметных рот, 187 взводов капонирной артиллерии и 4 полка УРов в 1-й и 2-й ОКА. Штатная численность войск УРов сокращалась с 75 тыс. до 48 тыс. человек.

Исходя из опыта Польской кампании, в ходе которой "действия танковых корпусов показали трудность управления и громоздкость его", а "отдельные танковые бригады действовали лучше и мобильнее", предлагалось расформировать управления 4 танковых корпусов, сократить тылы в танковых бригадах и упразднить стрелково-пулеметные бригады и стрелково-пулеметные батальоны танковых бригад. Предусматривалось создание 16 танковых бригад, имеющих на вооружении 238 танков БТ, 16 бригад по 238 танков Т-26, 3 бригады по 117 танков Т-28 и 38 танков БТ и 1 бригаду в составе 32 танков Т-35 и 85 танков Т-28. Кроме того, создавались 10 легкотанковых полков и 4 мотоциклетных батальона. В военное время предусматривалось иметь 17 танковых бригад БТ, 25 - Т-26, 3 - Т-28 и 1 - Т-35, в которых насчитывалось бы по штату 11 085 танков. В мирное время штатная численность танковых войск устанавливалась в 105 086 человек и 8 201 танков.

Предусматривалась следующая организация корпусной артиллерии. В западных приграничных округах следовало иметь во всех стрелковых корпусах по два корпусных

артполка по 36 орудий в каждом. Из 40 артполков 20, расположенных в непосредственной близости к границе, предлагалось содержать по усиленным штатам. 9 корпусов на Дальнем Востоке имели по 1 артполку по 48 орудий в каждом, а 13 корпусов внутренних округов - по 1 артполку двойного развертывания (по 48 орудий), из которых в военное время создавалось 26 артполков по 36 орудий. Для повышения боевой готовности артиллерии РКК ее полки переводились с тройного на двойное развертывание, а расположенные на Дальнем Востоке оставались ординарными. В артиллерии РКК предлагалось иметь 12 гаубичных полков 152-мм гаубиц (по 48 орудий), 4 пушечных полка 122-мм и 152-мм пушек (по 48 орудий), 17 гаубичных полков 203-мм гаубиц (по 36 орудий), 1 полк БМ (36 152-мм орудий) и отдельные дивизионы 280-мм (по 6 орудий) и 305-мм гаубиц (по 8 орудий). Штатная численность артиллерии увеличивалась на 19,8 тыс. человек. На военное время предполагалось иметь 23 152-мм гаубичных, 8 пушечных, 30 203-мм гаубичных артполков, 2 полка БМ, 3 дивизиона 280-мм и 5 дивизионов 305-мм гаубиц.

В отношении кавалерии предусматривалось усилить ее малокалиберной и зенитной артиллерией, расформировать 2 отдельные кавбригады в СКВО и ЗабВО, сохранить 4 кавдивизии и 1 управление кавкорпуса, ранее предназначенных к расформированию, и развернуть отдельный кавполк НКО в отдельную кавбригаду (см. Приложение А). В связи с увеличением общего числа стрелковых дивизий 14-тысячного состава, на 10,8 тыс. человек сокращалось количество запасных частей. Военно-Воздушные Силы предлагалось сохранить в существующей организации. Предусматривалось увеличить штатную численность военных училищ и академий на 30 тыс. человек. Численность войск ПВО возрастала до 75 тыс. человек за счет формирования 4 полков, 10 дивизионов РКК и 6 дивизионов ВВС. Предусматривалось увеличить штатную численность автомобильных, инженерных и топографических частей, а части связи, химические войска, тыловые учреждения, окружные управления и центральный аппарат НКО оставались в существующей организации. Предлагалось утвердить штатную численность Красной Армии в 2 408 583 человека и призыв на учебные сборы в течение 1940 г. 1 620 500 человек¹²⁷.

2 ноября 1939 г. нарком обороны своими директивами за №№ 4/2/49683-4/2/496686 установил организационную структуру стрелковых войск МВО, ХВО, ОрВО, которые вместо 32 стрелковых дивизий 6-тысячного состава должны были иметь 23 стрелковые дивизии (3-6-тысячного и 20-3-тысячного состава). В ОдВО было приказано иметь 1 стрелковую дивизию 14-тысячного состава, 2 стрелковые дивизии 9-тысячного состава, 1 стрелковую дивизию 6-тысячного состава и 4 стрелковые дивизии 3-тысячного состава. Кроме того, в МВО и ХВО было приказано сформировать по 1 танковой бригаде¹²⁸.

Однако представленный в правительство план не был утвержден, и 15 ноября 1939 г. за № 81306 сс/ов нарком обороны представил Политбюро и СНК СССР новый вариант плана реорганизации сухопутных сил РККА. В нем предлагалось создать 12 моторизованных дивизий по 10 тыс. человек и 240 танков в каждой, устанавливались 12-, 6- и 3-тысячные штаты стрелковых дивизий, общее количество которых сокращалось до 170 единиц. Сокращались штаты горно-стрелковых дивизий и уточнялась дислокация стрелковых войск по военным округам. Предложения по реорганизации танковых войск и артиллерии соответствовали предыдущему плану. В кавалерии следовало расформировать 2 отдельные кавбригады в СКВО и ЗабВО, переформировать 4 кавдивизии в 2 горно-кавалерийские дивизии и 2 отдельные кавбригады, за счет чего несколько сокращалась штатная численность кавалерии (см. Приложение А). Предлагалось увеличить количество местных

стрелковых войск в связи с сооружением новых складов в западных областях Белоруссии и Украины. Остальные разделы документа практически полностью соответствовали предыдущему плану. Общую штатную численность Красной Армии предлагалось утвердить в 2 300 тыс. человек и в течение 1940 г. привлечь на учебные сборы 1 600 тыс. человек¹¹²⁹.

21 ноября 1939 г. состоялось заседание ГВС, рассмотревшее в присутствии И.В. Сталина и В.М. Молотова вопрос об организации и численности Красной Армии. В результате было решено иметь в стрелковых войсках 170 дивизий, из них 15 моторизованных (8 сформировать в 1940 г. и 7 - в первой половине 1941 г.). Эти дивизии содержались по штатам 9 тыс. человек в мирное и 11,6 тыс. человек в военное время и располагали 257 танками и 73 бронемашинами каждая. Уточнялась штатная организация остальных стрелковых соединений. Было утверждено предложение о расформировании 4 управлений танковых корпусов, 4 стрелково-пулеметных бригад и стрелково-пулеметных батальонов в танковых бригадах, общее число которых соответствовало вышеуказанным предложениям Наркомата обороны, хотя общая штатная численность танковых войск несколько сокращалась. Устанавливалось три типа корпусных артполков: I - 36 орудий, 10 полков по 1 600 человек и 10 полков по 1 250 человек; II - 36 орудий, 10 полков по 1 300 человек и 10 полков по 900 человек; III - 48 орудий, 13 полков по 1 535 человек (двойного развертывания) и 9 полков по 1 535 человек в корпусах Дальнего Востока. По артиллерии РКК утверждались вышеуказанные предложения наркома обороны (см. Приложение А).

Несколько сокращалась численность кавалерии и запасных частей, принимались предложения Наркомата обороны по организации войск УРов. Устанавливалась следующая штатная численность: автомобильных войск - 35 320 человек, войск ПВО - 75 тыс. человек, инженерных войск - 25 тыс. человек, войск связи - 24 тыс. человек, химических войск - 10 470 человек, топографических частей - 3,5 тыс. человек, местных стрелковых войск - 42 810 человек, железнодорожных войск - 14 848 человек, центральных и окружных управлений и тылов - 65 тыс. человек. Общая штатная численность Красной Армии устанавливалась в 2 300 тыс. человек. Предусматривалось усилить войска ЗакВО, ОдВО, КОВО и САВО и сохранить ВВС в существующей организации¹¹³⁰. На основании решения ГВС все эти мероприятия были 1 декабря 1939 г. утверждены постановлением Комитета Обороны за № 433сс. Утверждение мероприятий по реорганизации сухопутных войск позволило наркому обороны 7 декабря 1939 г. издать директивы войскам 1-й и 2-й ОКА, ЗабВО, СибВО, УрВО, ПриВО, САВО, СКВО, МВО, ХВО, ОрВО, ОдВО за №№ 4/2/54077-4/2/54088, которые содержали указания о новой организации войск и дислокации стрелковых дивизий¹¹³¹.

Однако затяжка советско-финской войны вновь не позволила в полной мере провести реорганизацию Красной Армии. 27 декабря 1939 г. нарком обороны представил Политбюро и СНК доклад, в котором указывалось, что реорганизация войск в ЛВО, КалВО, БОВО и КОВО сорвана, а в остальных округах она завершится к 1 января 1940 г. Необходимость усиления войск на фронте привела к тому, что 40 стрелковых дивизий было развернуто по штатам военного времени (32 по 17 тыс. человек, 6 легких стрелковых и 2 горно-стрелковые - по 10,5 тыс. человек). Нарком предлагал сократить утвержденное общее количество стрелковых дивизий до 160, развернуть соответствующие запасные части и полковые школы, провести досрочный выпуск курсантов военных училищ и просил утвердить общую штатную численность Красной Армии в 4 163 400 человек¹¹³². 28 декабря нарком обороны и начальник Генштаба представили в Политбюро и СНК новый доклад, в котором предлагалось в дополнение к 40 стрелковым дивизиям развернуть по штатам военного

времени еще 5 стрелковых дивизий, а остальные соединения перевести с 6- и 3-тысячного штата на 12- и 6-тысячные штаты соответственно, сократив, однако, их общее количество до 160. Кроме того, предлагалось усилить запасные части и полковые школы младших командиров, допризвать оставшихся в излишке от призыва текущего года 505 тыс. человек, призвать 50 тыс. человек комсостава запаса¹¹³³. В тот же день эти предложения были утверждены (см. Приложение А).

31 декабря 1939 г. нарком обороны направил войскам ЗакВО, БОВО, КОВО, МВО, ОрВО, КалВО, ХВО, ОдВО, ПриВО, СКВО, УрВО, СибВО, ЗабВО, 1-й, 2-й ОКА и 1-й АГ директивы №№ 4/2/103001-4/2/103018 сс, согласно которым все стрелковые дивизии предписывалось содержать в усиленном составе, прекращалось увольнение приписного состава, призванного на БУС, предусматривалось дальнейшее уточнение дислокации войск, создавались новые запасные части и училища¹¹³⁴. Согласно директиве наркома обороны № 0/2/103687сс от 15 января 1940 г. 3 стрелковые дивизии 1-й АГ преобразовывались в мотострелковые¹¹³⁵.

1 февраля 1940 г. начальник Генштаба направил в Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР и наркому обороны доклад, в котором сообщалось, что в Действующей армии насчитывается 65 стрелковых дивизий и предусматривается переброска на ТВД еще 23 стрелковых дивизии (9 моторизованных, 12 стрелковых и 2 добровольческие) (см. Приложение А), а реорганизация других родов войск по мирному времени не проводилась¹¹³⁶. 7 февраля 1940 г. нарком обороны отдал директивы №№ 0/2/103693-0/2/103694сс Военным советам БОВО и КОВО, согласно которым предусматривалась реорганизация артиллерии, перевод стрелковых соединений на штаты мирного времени и частичная передислокация войск. Однако приписной состав предписывалось не увольнять, а собрать в запасных полках при воинских частях¹¹³⁷.

28 марта 1940 г. наркома обороны направил директивы №№ 0/5/103985-0/5/103986сс Военным Советам ЛВО и АрхВО, согласно которым устанавливался состав войск округов. В ЛВО следовало иметь 21 стрелковую, 1 моторизованную и 1 кавалерийскую дивизии, 5 танковых и 1 воздушно-десантную бригады, а в составе АрхВО - 2 стрелковые дивизии¹¹³⁸. 31 марта 1940 г. нарком обороны отдал приказ № 0015 о расформировании 1-го стрелкового корпуса, 4-го и 5-го отдельных стрелковых полков "Финской народной армии" (ФНА)¹¹³⁹.

В связи с окончанием советско-финской войны и угрозой англо-французского нападения на СССР в Закавказье нарком обороны 4 апреля направил в ЦК ВКП(б) доклад, в котором предлагал усилить состав войск СКВО, ЗакВО, КОВО и ОдВО. Предполагалось отправить в СКВО управления 34-го и 47-го стрелковых корпусов, 8-ю, 100-ю и 164-ю дивизии, что довело бы состав войск округа до 10 стрелковых дивизий. В ЗакВО предлагалось отправить управления 3-го и 23-го стрелковых корпусов, 4-ю, 136-ю и 138-ю стрелковые и 24-ю кавалерийскую дивизии, переформировать 20-ю и 63-ю горно-стрелковые дивизии в стрелковые по 12-тысячному штату, а численность 4 горно-стрелковых дивизий довести до 9 тыс. человек. Кроме того, в ЗакВО следовало передислоцировать 17-ю танковую бригаду, которая формировалась в СКВО на базе 6-го танкового полка, и сформировать на базе 11-го танкового полка 41-ю танковую бригаду. В КОВО следовало перебросить 2 гаубичных артполка и 1 артдивизион, в ОдВО - 1 корпусной, 1 тяжелый корпусной, 3 гаубичных артполка БМ и 1 артдивизион, в СКВО - 5 корпусных и 1 тяжелый корпусной артполки, в ЗакВО - 4 корпусных, 2 гаубичных, 2 гаубичных артполков БМ и 1 артдивизион. Следовало усилить части ПВО ЗакВО, сформировав 20 дивизионов среднекалиберной и 7 дивизионов

малокалиберной зенитной артиллерии, и увеличить количество частей ВВС в ЗакВО до 9 истребительных и 8 бомбардировочных авиаполков, в КОВО - до 14 истребительных, 10 бомбардировочных и штурмовых авиаполков, в ОдВО - до 6 истребительных, 7 бомбардировочных авиаполков¹⁴⁰.

7 апреля 1940 г. нарком обороны докладывал в ЦК ВКП(б) и СНК СССР, что согласно решению СНК от 4 апреля из 117 стрелковых дивизий, содержащихся по штатам военного времени, следовало 107 оставить в 12-тысячном штате, а 10 перевести на штаты мирного времени. Предлагалась некоторая передислокация сокращаемых дивизий и расформирование 32 запасных полков. Это предложение было утверждено решением Политбюро 9 апреля 1940 г.¹⁴¹ Согласно директивам наркома обороны от 10 апреля 1940 г. войска ЛВО, АрхВО, КалВО, БОВО, КОВО, ОдВО, МВО, ОрВО, ХВО, ПриВО, СКВО, ЗакВО, УрВО, САВО, ЗабВО, 2-й ОКА должны были быть переведены на штаты мирного времени. Предусматривалась передислокация войск в соответствии с предложениями наркома обороны от 4 апреля 1940 г. и предписывалось уволить приписной рядовой состав, остающейся за штатом из нестроевых частей. Остальной призванный из запаса рядовой, младший начальствующий и начальствующий состав следовало задержать до особого распоряжения¹⁴². 7 мая Военный Совет ЛВО получил директиву наркома обороны № 0/2/104204сс, согласно которой следовало на основе 1-го стрелкового корпуса ФНА сформировать 71-ю особую Карело-финскую дивизию 9-тысячного штата с дислокацией в Петрозаводске¹⁴³.

9 мая 1940 г. нарком обороны направил в Политбюро и СНК доклад № 0/1/104224 сс/ов, в котором отмечал, что реорганизация сухопутных войск Красной Армии в соответствии с решением Комитета Обороны от 1 декабря 1939 г. так и не была полностью проведена. 4 апреля 1940 г. были утверждены меры по организации и численности стрелковых войск и усилению войск КОВО, ОдВО, СКВО и ЗакВО, но по остальным родам войск никаких решений не принималось. Поэтому нарком предлагал иметь в Красной Армии 161 стрелковую дивизию 14-, 12-, 9- и 6-тысячного состава и 52 управления стрелковых корпусов. Организация корпусной артиллерии и артиллерии РКК по сравнению с решением от 1 декабря 1939 г. не менялась, несколько увеличивалась штатная численность кавалерии. Танковые войска, в которых за время войны было сформировано 3 бригады и еще 2 формировались в настоящее время, предлагалось перевести на штаты мирного времени, кроме 3 танковых бригад в Прибалтике и 2 в ЗакВО (см. Приложение А). Штатная численность ВВС сохранялась в прежнем составе. Требовалось сократить войска УРов, химические части, части ПВО, кроме расположенных в ОдВО и ЗакВО, перевести на штаты мирного времени, как и войска связи, инженерные, железнодорожные, дорожные, автомобильные, запасные части, местные стрелковые войска и т.д. Общую штатную численность Красной Армии следовало установить в 3 200 тыс. человек¹⁴⁴.

Однако смена Ворошилов на посту наркома обороны маршалом Советского Союза С.К. Тимошенко привела к переработке плана развития Красной Армии. 21 мая 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба докладывали Сталину и Молотову новый переработанный "согласно Вашего личного указания" план организации и численности Красной Армии. Предлагалось иметь 163 стрелковые дивизии и 52 управления стрелковых корпусов. Все дивизии следовало перевести на штаты мирного времени, из их состава исключить танковые батальоны, кроме 18 стрелковых дивизий Дальнего Востока. Из содержащихся по штатам военного времени 19 корпусных артполков, 4 пушечных, 9 152-мм гаубичных, 9 203-мм

гаубичных артполков и 5 280-мм отдельных артдивизионов РКК предлагалось сохранить в этом составе 6 корпусных, 3 пушечных, 4 152-мм гаубичных, 6 203-мм гаубичных артполков и 2 280-мм отдельных артдивизиона РКК в ЛВО, ЗакВО и ОдВО, а 28 корпусных, 2 пушечных, 5 152-мм гаубичных, 6 203-мм гаубичных артполков, 3 отдельных 280-мм артдивизиона и 5 305-мм отдельных артдивизионов перевести на 80% от штата военного времени. Следовало расформировать 5 кавдивизий, сократив численность кавалерии.

В танковых войсках предлагалось развернуть танковые полки 2-й ОКА, ЗабВО, СКВО и САВО в танковые бригады, оставить в штатах военного времени 2 танковые бригады в ЗакВО, 1 - в ОдВО и 2 - в КОВО, иметь в усиленном составе 3 танковые бригады в Прибалтике и 8 - на Дальнем Востоке и в ЗабВО, расформировать стрелково-пулеметную бригаду в ЛВО и учебный танковый батальон в ЗабВО, а 34-ю танковую бригаду следовало переформировать в танковый полк моторизованной дивизии и включить в состав танковых бригад огнеметные подразделения (см. Приложение А). ВВС предлагалось оставить в прежнем составе и сократить численность войск УРов, ПВО, инженерных, железнодорожных, автомобильных, дорожных, запасных, топографических частей, центральных, окружных и тыловых учреждений. Сохранялась численность местных стрелковых войск, предлагалось создать 10 дисциплинарных батальонов. Общая штатная численность Красной Армии устанавливалась в количестве 3 302 220 человек, и предусматривалось в 1940 г. пропустить через учебные сборы 1 млн человек запаса¹¹⁴⁵. В тот же день эти предложения были утверждены Политбюро, а 22 мая оформлены постановлением Комитета Оборона за № 215 сс¹¹⁴⁶.

31 мая 1940 г. нарком обороны направил в округа директивы, согласно которым устанавливались новые штаты войск, давались указания о порядке проведения оргмероприятий и приводился перечень частей и учреждений, подлежащих расформированию. Отдельные танковые батальоны стрелковых дивизий расформировывались и обращались на формирование танковых частей. Требовалось "все воинские части и учреждения полностью укомплектовать рядовым и младшим начальствующим составом по установленным для каждой части и учреждения штатам. На укомплектование частей и учреждений использовать в первую очередь имеющейся рядовой и младший начальствующий состав срочной службы призыва 1938-1939 годов, а также рядовой состав призыва 1937 года, который задерживается в рядах армии до осени текущего года, и во вторую очередь призванных из запаса, которые будут задержаны в армии впредь до замены их срочно-служащими, призываемыми в армию". Требовалось довести все части "до полного штатного состава и содержать их в полной боевой готовности", а задержанный приписной начальствующий состав было "необходимо тщательно изучить" и "на наиболее подготовленных из них, физически здоровых и проверенных представить списки в Управление по начальствующему составу Красной Армии". Призванный же "из запаса рядовой и младший начальствующий состав, остающийся в излишке после перевода войск округа на установленные для них штаты и расформирования частей и учреждений", следовало уволить в запас¹¹⁴⁷.

Одновременно весной 1940 г. комиссия ГВС предложила реорганизовать танковые войска Красной Армии (см. Приложение Б), "создав мощные танковые соединения с органическим включением в них моторизованной пехоты, артиллерии и необходимых количеств авиации"¹¹⁴⁸. Соответственно в мае 1940 г. в Наркомате обороны прорабатывался вопрос об организации танковых дивизий. 27 мая нарком обороны и начальник Генштаба

представили в Политбюро и СНК докладную записку, согласно которой предлагалось иметь в составе танковой дивизии 2 танковых полка, 1 артиллерийский полк, 1 мотострелковый полк и 1 зенитный артдивизион. По штату в дивизии должно было быть 11 343 человек, 386 танков, 108 бронемашин, 42 орудия и 72 миномета. В состав танкового корпуса предлагалось включить 2 танковые и 1 моторизованную дивизии, авиаэскадрилью в 12 самолетов, дорожный батальон, батальон связи и мотоциклетный полк, который "в руках командира корпуса явится средством преследования при наступлении, обеспечения при действиях корпуса на широком фронте и поддержкой дивизий, входящих в состав корпуса", а "для обеспечения наступательных действий танкового корпуса или при отражении контратак противника... придавать танковому корпусу не менее 1 авиабригады в составе 2 бомбардировочных и 1 истребительного авиаполков".

Следовало сформировать 6 управлений танковых корпусов и 12 танковых дивизий, обратив на их формирование управления 2 кавалерийских и 4 стрелковых корпусов, 4 танковые бригады БТ, 3 танковые бригады Т-28, 1 танковую бригаду Т-35, 3 мотоциклетных батальона, 5 кавдивизий и 1 стрелково-пулеметную бригаду, 2 моторизованные дивизии сформировать не за счет сокращения кавалерии, а за счет переформирования 2 стрелковых дивизий (по 1 в БОВО и КОВО). Проведение этих мероприятий позволяло иметь в Красной Армии 173 дивизии: 12 танковых, 6 моторизованных, 3 мотострелковых, 142 стрелковых и 10 горно-стрелковых. Предлагалось дислоцировать 1 танковую дивизию в ЛВО, 2 танковых корпуса в БОВО (1 моторизованная дивизия в МВО), 2 танковых корпуса в КОВО, по 1 танковому корпусу в ОдВО и ЗабВО. Всего в танковых войсках следовало иметь 1 260 тяжелых, 8 711 средних БТ, 7 238 Т-26 и 1 140 огнеметных танков; тогда как на 1 апреля 1940 г. имелось 468 тяжелых, 7 300 БТ, 7 985 Т-26, 1 027 огнеметных танков и 3 223 Т-38. Военное командование просило утвердить организацию и численность танковых корпусов и дивизий, предлагаемые мероприятия по их формированию и увеличение общей штатной численности Красной Армии до 3 405 512 человек¹¹⁴⁹.

Однако эти предложения не были утверждены, и 2 июня 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба представили в Политбюро и СНК переработанный план создания танковых корпусов. Были предложены некоторые изменения в организационную структуру корпусов и дивизий, что позволяло уложиться в установленную правительством штатную численность Красной Армии в 3 410 тыс. человек. Следовало сформировать 8 танковых корпусов, 18 танковых и 8 моторизованных дивизий, 4 из которых уже имелись. На их формирование обращались управления 2 кавалерийских и 5 стрелковых корпусов, 6 стрелковых, 5 кавалерийских дивизий и 17 танковых бригад. В результате проведения этих мероприятий Красная Армия имела бы 177 дивизий (18 танковых, 8 моторизованных, 3 мотострелковые, 92 стрелковые и 10 горно-стрелковых) и 25 танковых бригад. Всего танковые войска без учета мобзапаса и танков Т-37 и Т-38 будут иметь 22 398 танков, из которых на 1 мая 1940 г. имелось 16 851. Предлагалась следующая дислокация танковых корпусов: по 1 танковому корпусу в ЛВО, МВО, ОдВО и ЗабВО, по 2 танковых корпуса в БОВО и КОВО и по 1 танковой дивизии в ЗакВО и САВО. Военные просили утвердить предложенные мероприятия¹¹⁵⁰.

На формирование танковых корпусов было предложено обратить следующие части: в ЛВО - 6-я, 18-я, 20-я и 34-я танковые бригады, 163-я стрелковая дивизия, 15-я стрелково-пулеметная бригада, 25-я кавдивизия и танковые батальоны стрелковых дивизий, в БОВО - управления 3-го кавалерийского и 10-го стрелкового корпусов, 2-я и 21-я танковые бригады,

29-я и 185-я стрелковые дивизии, мотоциклетный батальон, 7-я, 11-я кавдивизии и танковый полк 36-й кавдивизии, танковые батальоны стрелковых дивизий, в КОВО управления 4-го кавалерийского и 49-го стрелкового корпусов, 5-я, 10-я, 14-я, 23-я, 24-я танковые бригады, 141-я стрелковая дивизия, некоторые части 146-й стрелковой дивизии, 81-я моторизованная дивизия, 34-я кавдивизия и некоторые части 32-й кавдивизии, танковые батальоны стрелковых дивизий, в ОдВО - управление 55-го стрелкового корпуса (из ХВО), 4-я танковая бригада, 15-я моторизованная дивизия, 173-я стрелковая дивизия, танковые батальоны стрелковых дивизий, в МВО - управление 57-го стрелкового корпуса, 39-я и 55-я танковые бригады, 1-й мотоциклетный батальон, 1-я моторизованная дивизия, танковые батальоны стрелковых дивизий, в ЗабВО управление 51-го стрелкового корпуса (из УрВО), 15-я и 37-я танковые бригады, 109-я моторизованная дивизия. В ЗакВО - 16-я кавдивизия (из КОВО), 7-я танковая бригада, танковые батальоны стрелковых дивизий ЗакВО и СКВО. В САВО - управление 25-й кавдивизии, 146-я стрелковая дивизия, 10-й танковый полк, танковые батальоны стрелковых дивизий¹¹⁵¹.

Видимо, советское руководство согласилось с этими предложениями, так как 9 июня 1940 г. нарком обороны утвердил план формирования мехкорпусов, и округа получили соответствующие директивы, согласно которым к 30 июня в ЗабВО формировался 5-й мехкорпус, в САВО - 9-я танковая дивизия, в ЗакВО 6-я танковая дивизия, в ЛВО - 1-й мехкорпус, в БОВО формировались 3-й и 6-й, в КОВО - 4-й и 8-й, в ОдВО - 2-й, а в МВО - 7-й мехкорпуса¹¹⁵². Однако подготовка и проведение Прибалтийской и Бессарабской кампаний в июне 1940 г. не позволили провести предусмотренные формирования в Европейской части СССР.

30 июня 1940 г. начальник Генштаба подготовил для наркома обороны проект новой дислокации войск в западных округах. Во вновь создаваемом ПрибВО следовало иметь 10 стрелковых дивизий, мехкорпуса, 2 кавдивизии и 1 танковой бригады. В ЛВО - 14 стрелковых дивизий, мехкорпус и 4 танковые бригады. В БОВО - 23 стрелковые дивизии, мехкорпус, 1 кавдивизию и 3 танковые бригады. В КОВО - 21 стрелковую дивизию, 2 мехкорпуса, 4 кавдивизии и 3 танковые бригады. В ОдВО - 9 стрелковых дивизий, мехкорпус и 1 танковую бригаду. При этом следовало произвести усиление приграничных округов за счет внутренних, перебросив в ЗапОВО 5 стрелковых дивизий из ЛВО, 2 - из СКВО и по 1 - из МВО, ПриВО, УрВО, ОрВО и КалВО. В ПрибВО передислоцировались бы 6 стрелковых дивизий - из БОВО и по 1 из АрхВО, ХВО, МВО, и КалВО. В ОдВО перебрасывались 1 стрелковая дивизия из ХВО, 1 кавдивизия и 1 танковая бригада - из КОВО. На месте этих стрелковых дивизий предлагалось разместить 23 вновь создаваемые дивизии 3-тысячного штата¹¹⁵³.

4 июля 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба докладывали в Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР о необходимых мероприятиях "по усилению западных военных округов (БОВО и КОВО) и общему усилению Вооруженных Сил Союза ССР". Следовало "приступить к окончанию задержанных организационных мероприятий по Белорусскому, Киевскому и Одесскому военным округам" и формированию в них механизированных корпусов. Военное руководство предлагало уточнить существующую организацию военных округов. В стрелковых войсках предлагалось перевести большинство дивизий на основной штат в 12 тыс. человек. Уменьшение числа стрелковых дивизий предлагалось компенсировать формированием 23 новых дивизий сокращенного состава (по 3 тыс. человек) с 1 пушечным артполком.

Для усиления войск западных приграничных округов предлагалось оставить в ЛВО 14 стрелковых, 2 танковые и 1 моторизованную дивизии. В ПрибВО следовало иметь 11 стрелковых дивизий, 2 танковые и 1 моторизованную дивизии, большинство которых перебрасывалось из БОВО, КалВО, МВО, ХВО и АрхВО, в ЗапОВО - 24 стрелковые, 2 танковые и 1 моторизованную дивизии, усилив его за счет переброски войск из ЛВО, СКВО, МВО, ОрВО, ПриВО, УрВО и КалВО, в КОВО - 25 стрелковых, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, а в ОдВО - 10 стрелковых, 2 танковые и 1 моторизованную дивизии (см. Приложение А). Предлагалась новая дислокация ВВС. Военные просили утвердить предложенные оргмероприятия¹¹⁵⁴. Еще 23 июня нарком обороны приказал Военному Совету ЛВО завершить формирование 1-й мехкорпуса к 31 июля, а 4 июля аналогичные приказы получили Военные Советы БОВО, КОВО, ОдВО и МВО, которые должны были завершить формирования мехкорпусов к 9 августа 1940 г. 6 июля Военный Совет ПрибВО получил приказ к 20 августа сформировать 18-ю танковую дивизию для 7-го мехкорпуса МВО¹¹⁵⁵.

Проведенные во второй половине 1940 г. учения вновь сформированных мехкорпусов позволили сделать вывод о том, что "мото-механизированные соединения, как правило, будут использоваться не для решения частных задач на отдельных направлениях, а для глубокого потрясения фронта противника. Поэтому мото-механизированные корпуса нужно рассматривать, как средство фронтового командования и лишь на отдельных главных направлениях армейского командования. Задачами мото-механизированных корпусов будут: а) Уничтожение совместно с ВВС и общевойсковыми соединениями действующими с фронта главной группировки противника. б) Уничтожение совместно с ВВС подходящих оперативных резервов и такое потрясение оперативной глубины противника, когда создание нового фронта становится невозможным. Эти главнейшие задачи требуют ввода мехкорпусов в такое положение, с которого наиболее легко и полно можно нанести уничтожающий удар по главной группировке противника. Такими положениями будут: а) Действия мото-механизированных корпусов на фланге; б) Действия мото-механизированных корпусов в тылу противника"¹¹⁵⁶.

6 июля 1940 г. СНК своим постановлением за № 1193-464сс утвердил предложенную штатную численность танковых дивизий и организацию механизированных корпусов. Следовало сформировать 8 таких корпусов и 2 отдельные танковые дивизии. Было разрешено изменить структуру военных округов. Наркомат обороны получил возможность сформировать 23 новые стрелковые дивизии 3-тысячного штата и должен был накопить запасы вооружения и имущества для формирования 30 стрелковых дивизий в первые три месяца войны и еще 30 стрелковых дивизий и 2 мехкорпусов к концу первого года войны. СНК одобрил предлагаемую дислокацию войск и разрешил приступить к ее осуществлению. Общая штатная численность Красной Армии утверждалась в количестве 3 461 200 человек¹¹⁵⁷.

В тот же день нарком обороны своими директивами довел до сведения Военных Советов состав и дислокацию войск военных округов. Требовалось начать новые формирования, утвержденные правительством, перевести войска в места постоянной дислокации, расформировать части и учреждения, созданные для проведения Прибалтийской и Бессарабской кампаний, и начать увольнение приписного состава в соответствии с директивой от 31 мая 1940 г.¹¹⁵⁸ 24-26 августа 1940 г. в ЛВО, ПрибОВО, АрхВО, СКВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, МВО, ХВО, ОрВО, ПриВО, УрВО, ЗакВО, САВО,

СибВО, ЗабВО были направлены директивы наркома обороны №№ 0/2/105192-0/2/105222сс о переводе в первой половине октября 1940 г. стрелковых дивизий на новые 12-тысячные штаты с исключением из их состава подразделений противотанковых ружей¹¹⁵⁹.

4 октября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба докладывали в Политбюро и СНК, что формирование 8 мехкорпусов, 18 танковых и 8 моторизованных дивизий в основном завершено. На их формирование было обращено 12 танковых бригад БТ, 4 бригады Т-35 и Т-28, 3 химические бригады, 2 танковых полка Т-26 и танковые батальоны стрелковых дивизий, кроме дислоцированных на Дальнем Востоке. Все это привело к сокращению танков непосредственной поддержки пехоты, а "для успешного продвижения пехоты в современном бою нужно иметь на каждый стрелковый корпус 1 танковую бригаду". Имеющихся 20 бригад Т-26 недостаточно, поэтому следует сформировать еще 32 танковые бригады. Военное командование просило разрешения сформировать 25 танковых бригад к 1 июня 1941 г., используя танки Т-37 и Т-38, что позволит готовить кадры танкистов, и утвердить штатную численность Красной Армии в 3 616 724 человека¹¹⁶⁰. Однако эти предложения были сочтены слишком радикальными, и руководство наркомата обороны получило указание разработать организационные меры, которые укладывались бы в штатную численность Красной Армии. Следовало предусмотреть формирование 18 танковых бригад Т-26, 20 стрелково-пулеметных бригад, 1 мехкорпуса и развертывание в первый месяц войны 42 стрелковых дивизий¹¹⁶¹.

14 октября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба направили в Политбюро и доклад за № орг/1/106163 сс/ов, в котором предлагали мероприятия, необходимые для усиления войск в первой половине 1941 г. Следовало сформировать 8 корпусных артполков, что позволяло довести их общее количество до 73 в мирное и до 83 - в военное время на 62 стрелковых корпуса. Для усиления артиллерии РКК предлагалось сформировать 3 пушечных 122-мм, 4 гаубичных 152-мм, 1 гаубичных 203-мм артполков, 1 пушечный 210-мм, 3 гаубичных 203-мм и 1 гаубичный 305-мм артдивизионов. Причем корпусные и артиллерийские полки РКК в ЗакВО, СКВО, ОдВО, КОВО, ЗапОВО и ПрибОВО предлагалось содержать частично по штатам военного времени, а частично в 80% от этих штатов. Следовало сформировать 20 пулеметно-артиллерийских механизированных бригад, "имеющих мощное пушечное и пулеметное вооружение, предназначенных для борьбы и противодействия танковым и механизированным войскам противника", сформировать новый мехкорпус в КОВО, реорганизовать существующие 6 авиадесантных бригад в более мощные бригады, способные к самостоятельным действиям, и сформировать 20 отдельных танковых бригад Т-26, предназначенных для усиления и сопровождения пехоты в бою, исходя из расчета по одной бригаде на стрелковый корпус.

Все эти мероприятия предлагалось провести за счет перераспределения военнослужащих в частях в связи с уточнением штатного расписания, изменения системы подготовки командных кадров запаса и сокращения тыловых подразделений. Создание частей следовало завершить к 1 мая 1941 г., а полностью обеспечить их материальной частью к 1 октября 1941 г. Кроме того, для обеспечения развертывания в первый месяц войны 42 стрелковых дивизий предлагалось реорганизовать существующие 35 запасных стрелковых полков в 42 резервных полка, которые будут развернуты в дивизии. Военное руководство просило утвердить общую штатную численность Красной Армии в количестве 3 574 705 человек¹¹⁶².

Проведение всех этих мероприятий позволило к концу 1940 г. развернуть в Красной

Армии 166 стрелковых, 10 горнострелковых, 3 мотострелковых, 20 танковых, 9 моторизованных, 20 кавалерийских дивизий, 5 стрелковых, 6 воздушно-десантных, 45 танковых и 3 мотоброневых бригад (см. Приложение А).

Новый этап организационного совершенствования Красной Армии начался с 1941 г. 12 февраля военное командование представило советскому правительству новый мобилизационный план, согласно которому в случае мобилизации советские войска должны были развернуть 198 стрелковых, 10 горнострелковых, 2 мотострелковые, 60 танковых, 30 моторизованных, 14 кавалерийских дивизий, 2 стрелковые и 6 воздушно-десантных бригад. Утверждение этого мобплана позволило начать формирование тех соединений, которых еще не существовало. В первую очередь это касалось создания 20 новых мехкорпусов (40 танковых и 20 моторизованных дивизий), которое началось в феврале - марте 1941 г. 8 марта 1941 г. Политбюро утвердило назначения командиров формируемых мехкорпусов, танковых и моторизованных дивизий¹¹⁶³. Одновременно развернулось формирование недостающих стрелковых дивизий и сокращение кавдивизий.

Кроме того, 23 апреля 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1112-459сс разрешалось к 1 июня сформировать 10 противотанковых артиллерийских бригад (5 в КОВО, 3 в ЗапОВО и 2 в ПриБОВО), 16 воздушно-десантных бригад и 5 воздушно-десантных корпусов трехбригадного состава (2 - в КОВО, по 1 - в ПриБОВО, ЗапОВО и ОдВО). С целью проведения этих мероприятий при сохранении штатной численности Красной Армии следовало расформировать 11 стрелковых дивизий и управления 29-го механизированного и 46-го стрелкового корпусов, а 10 стрелковых дивизий перевести на штаты горнострелковых¹¹⁶⁴. 4 июня 1941 г. нарком обороны отдал приказ № 0034, согласно которому в распоряжение командования воздушно-десантных корпусов передавались 1-й, 3-й, 4-й, 7-й и 250-й тяжелобомбардировочные авиаполки. При этом следовало перебросить 7-й авиаполк из ЛВО в ПриБОВО, а 250-й авиаполк - из ЗаБВО в ОдВО. Кроме того, требовалось сформировать к 1 июля 1941 г. 5, а к 15 августа еще 3 дальнебомбардировочных авиаполка за счет использования сверхштатных самолетов ТБ-3 и поступления от промышленности самолетов ПС-84 (ДС-3). Выполнение этих мер позволяло иметь по 2 авиаполка на 1 воздушно-десантный корпус и 1 авиаполк - на 1 отдельную воздушно-десантную бригаду ДВФ¹¹⁶⁵. 12 июня 1941 г. приказом наркома обороны № 0202 было создано Управление воздушно-десантных войск Красной Армии¹¹⁶⁶.

14 мая 1941 г. начальник ГАБТУ генерал-лейтенант Я.Н. Федоренко обратил внимание наркома обороны на то, что из-за неполного обеспечения механизированных корпусов танками по штатам они "являются не полностью боеспособными. Для повышения их боеспособности впредь до обеспечения их танками, считаю необходимым вооружить танковые полки мехкорпусов 76- и 45-мм орудиями и пулеметами с тем, чтобы они в случае необходимости могли бы драться, как противотанковые полки и дивизионы". Для проведения этого мероприятия имелось 1 200 76-мм орудий, 1 000 45-мм противотанковых орудий и 4 000 пулеметов "ДП", которых хватило бы на 50 танковых полков по 24 76-мм орудия, по 18 45-мм орудий и по 80 пулеметов. Для перевозки этого вооружения предлагалось выделить 1 200 машин "ЗиС" и 1 500 машин "ГАЗ". К докладной прилагалась ведомость распределения вооружения и автомашин по 19-му, 16-му, 24-му (КОВО), 20-му, 17-му, 13-му (ЗапОВО), 2-му, 18-му (ОдВО), 3-му, 12-му (ПриБОВО), 10-му (ЛВО), 23-му (ОрВО), 25-му (ХВО), 26-му (СКВО), 27-му (САВО) и 21-му (МВО) мехкорпусам, утвержденная наркомом обороны 15 мая 1941 г.¹¹⁶⁷ 16 мая 1941 г. начальник Генштаба направил в соответствующие округа

директивы о проведении в жизнь этого мероприятия к 1 июля 1941 г., которое следовало "провести таким образом, чтобы не нарушать организационный принцип полка, как танковой единицы, имея ввиду, что в последующем на вооружение будут поступать танки"1168 .

Таким образом, сухопутные войска Красной Армии во второй половине 1939 - первой половине 1941 гг. значительно возросли и организационно преобразовались. За это время были сформированы управления 42 стрелковых, 29 механизированных, 5 воздушно-десантных корпусов, 125 стрелковых, 31 моторизованная, 61 танковая дивизии, 108 артполков, 3 отдельных артдивизиона, 29 мотоциклетных полков и другие части обеспечения.

Существенное развитие в 1930-е гг. получили и советские ВВС (см. таблицы 29-30), которые в конце 1937 г. состояли из 77 авиабригад (24 тяжелобомбардировочных, 19 среднебомбардировочных, 6 легкособомбардировочных, 10 штурмовых, 14 истребительных и 4 разведывательных)1169 . В 1936-1938 гг. была создана самостоятельная стратегическая авиация - 3 отдельные авиационные армии особого назначения (АОН) двухбригадного состава1170 . В 1938 г. имевшиеся авиаэскадрильи были разукрупнены и переформированы в авиаполки. Основным моментом реорганизации ВВС явилось отделение тылов от строевых частей, повысившее в итоге их оперативную подвижность и мобилизационную готовность.

Таблица 29

Количество самолетов в ВВС1171

1.10.28 1.10.29 1.01.31 1.01.32 1.01.33

Тяжелые бомбардировщики 47 48 86 183 330

Легкие бомбардировщики,

штурмовики, разведчики 703 860 886 911 1 135

Истребители 143 232 449 408 487

Боевая авиация 893 1 140 1 421 1 502 1 952

Вспомогательные 103 145 161 142 145

Учебные заведения ВВС 352 455 500 634 1 640

Итого 1 348 1 740 2 082 2 278 3 737

Согласно "Плану развития ВВС Красной Армии", утвержденному постановлением Комитета Обороны 29 ноября 1937 г., к 1 января 1939 г. в авиации следовало иметь 38 управлений авиабригад, 115 авиаполков (10 тяжелобомбардировочных, 9 дальнебомбардировочных, 27 среднебомбардировочных, 11 легкособомбардировочных, 13 штурмовых, 43 истребительных и 2 смешанных), 8 дальнеразведывательных эскадрилий, 10 армейских разведывательных эскадрилий, 30 войсковых разведывательных эскадрилий и 22 корректировочных отряда1172 . Этот план был выполнен, а в течение 1939 г. и перевыполнен. Если к началу года в ВВС насчитывалось 3 управления АОН, 38 управлений авиабригад и 115 авиаполков1173 , то к 1 октября 1939 г. имелось 48 управлений авиабригад, 136 авиаполков и 93 авиабазы. В докладе правительству от 23 октября 1939 г. нарком обороны предлагал сохранить ВВС в штатной численности 230 тыс. человек и продолжать их перевооружение на более современные самолеты1174 . Командующий ВВС в докладной № 325778сс от 16 ноября 1939 г. на имя начальника Генштаба предлагал основное внимание в 1940 г. уделить перевооружению летных частей на новые самолеты. Предусматривалось формирование 1 дальнебомбардировочного авиаполка для 2-й ОКА, 1 истребительного авиаполка - для Украинского фронта, 3 запасных авиаполков, учебного авиаполка академии

ВВС, отдельного авиаполка особого назначения (ОСНАЗ) и авиаэскадрильи для перегонки самолетов, а также переформирование 1 истребительной эскадрильи САВО в авиаполк. Кроме того, в связи с выполнением плана развития ВВС до 1 января 1943 г. предлагалось поставить вопрос об увеличении количества боевых полков в 1941-1942 гг.1175

Таблица 30

Количество самолетов в ВВС1176

1.01.34 1.01.37 1.03.38 1.10.38 1.01.39 1.04.39 1.07.39

4 688* 10 742* 10 350* 7 022** 7 714** 10 397*** 11 167***

* С учетом ВВС ВМФ.

** Без учета военно-учебной авиации и ВВС ВМФ.

*** Без учета ВВС ВМФ.

Зимой 1939-1940 гг. в условиях советско-финской войны формировались новые части ВВС. Уже к 1 января 1940 г. в авиации насчитывалось 143 авиаполка (63 истребительных, 61 бомбардировочный, 13 штурмовых и 6 смешанных)1177 . К 1 февраля 1940 г. советские ВВС располагали 48 управлениями авиабригад, 149 авиаполками (4 тяжелобомбардировочными, 13 дальнебомбардировочными, 40 среднебомбардировочными, 4 легкособомбардировочными, 13 штурмовыми, 63 истребительными, 7 смешанными, 5 резервными), 49 отдельными эскадрильями, 22 корректировочными, 5 транспортными и 16 прочими отрядами, 101 авиабазой и 19 инженерно-аэродромными батальонами1178 . В первой половине 1940 г. началось формирование 35 новых авиаполков (20 среднебомбардировочных и 15 истребительных) и 30 авиабаз, с учетом которых общее количество авиаполков увеличивалось к 1 июля 1940 г. до 188 (178 боевых и 10 резервных)1179 . Штатная численность авиации тоже росла, что отражало процесс формирования новых авиаполков и создание новых летных училищ1180 . К маю 1940 г. в ВВС имелось 58 управлений авиабригад, 188 авиаполков, 10 дальнеразведывательных, 8 армейских, 20 войсковых разведывательных эскадрилий, 18 корректировочных отрядов и 160 авиабаз. 21 мая было решено сохранить штатную численность ВВС в количестве 291 210 человек1181 .

Образованная весной 1940 г. комиссия ГВС по вопросам ВВС 21 апреля 1940 г. предложила, учитывая значительный рост авиачастей, перейти на дивизионную структуру организации ВВС, усилить ВВС приграничных округов, увеличить количество оперативных игр с авиацией на вероятных ТВД, усилить аэрофотослужбу, сократить армейскую авиацию, сведя ее в крупные оперативные соединения для лучшего использования, усилить инженерную подготовку ТВД, особенно в ОдВО, ЗакВО и САВО, разработать порядок прохождения службы личным составом ВВС1182 . 8 июля 1940 г. начальник ВВС Красной Армии командарм 2 ранга Я.В. Смушкевич представил наркому обороны доклад, в котором предлагал создать 34 авиадивизии (25 смешанных, 5 бомбардировочных и 4 истребительных) в составе 144 авиаполков и сохранить 34 отдельных авиаполка. К докладу прилагались планы дислокации ВВС и другие документы. Эти мероприятия требовали увеличения штата ВВС на 4 370 человек1183 .

25 июля 1940 г. было принято постановление СНК СССР № 1344-524сс, согласно которому изменялась организационная структура ВВС. Отныне в авиации следовало иметь авиационные дивизии (по 4-5 авиаполков) и отдельные авиационные бригады (по 2-3 авиаполка). Создавалось три типа авиадивизий: смешанные, "имеющие своим назначением непосредственное взаимодействие с войсками и поддержку механизированных, кавалерийских и общевойсковых соединений", дальнебомбардировочные, "имеющие своим

назначением разрушение военных объектов и дезорганизацию тыла противника", и истребительные, "имеющие своим назначением борьбу за господство в воздухе и прикрытие политических и экономических центров" СССР. Требовалось к 1 сентября 1940 г. сформировать 38 авиадивизий (26 смешанных, 7 дальнебомбардировочных и 5 истребительных), в состав которых включалось 163 авиаполка. До 1 января 1941 г. следовало сформировать еще 48 авиаполков, объединив их в 12 новых авиадивизий (5 смешанных, 4 дальнебомбардировочные и 3 истребительные)¹¹⁸⁴. Кроме того, в составе ВВС АрхВО, СибВО, САВО и ДВФ сохранялись управления отдельных авиабригад¹¹⁸⁵.

В тот же день были изданы директивы наркома обороны по реорганизации ВВС. В МВО следовало сформировать управления 23-й бомбардировочной, 24-й истребительной, 46-й смешанной авиадивизий и 3 корпусных авиаэскадрильи. В КОВО формировались управления 14-й, 44-й истребительных, 15-й, 16-й, 17-й, 19-й смешанных, 18-й, 36-й бомбардировочных авиадивизий, 2 разведывательных авиаполка и 12 корпусных эскадрилий. В ОдВО формировались управления 20-й, 21-й, 22-й, 45-й смешанных авиадивизий, 1 разведывательный авиаполк и 4 корпусные эскадрильи. В ЗакВО формировались управления 25-й, 26-й, 27-й смешанных авиадивизий, 1 разведывательный авиаполк и 2 корпусные эскадрильи. В СКВО формировались управления 50-й дальнебомбардировочной авиадивизии и 2 корпусные эскадрильи. В ОрВО формировались управления 47-й смешанной, 35-й бомбардировочной, 48-й дальнебомбардировочной авиадивизий и 1 корпусная эскадрилья. В ХВО формировались управления 49-й бомбардировочная авиадивизия и корпусная эскадрилья. В ЛВО формировались управления 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 41-й смешанных, 39-й истребительной, 40-й дальне-бомбардировочной авиадивизий, 1 разведывательный авиаполк и 5 корпусных эскадрилий. В ПрибВО формировались управления 6-й, 7-й, 8-й смешанных авиадивизий, 1 разведывательный авиаполк и 5 корпусных эскадрилий. В ЗапОВО формировались управления 9-й, 10-й смешанных, 11-й, 43-й истребительных, 12-й, 13-й, 42-й бомбардировочных авиадивизий, 2 разведывательных авиаполка и 8 корпусных эскадрилий. В ЗабВО формировались управления 28-й, 30-й, 37-й смешанных, 38-й истребительной авиадивизий, 1 разведывательный авиаполк и 3 корпусные эскадрильи. В ДВФ формировались управления 29-й, 31-й, 32-й, 33-й, 34-й смешанных авиадивизий, 5-й отдельной авиабригады, 71-й смешанный, а также 1 разведывательный авиаполк и 7 корпусных эскадрилий¹¹⁸⁶.

Во второй половине 1940 г. формировалось 48 авиаполков - 13 дальнебомбардировочных, 18 среднебомбардировочных и 17 истребительных¹¹⁸⁷, с учетом которых в ВВС насчитывалось бы 50 управлений авиадивизий, 4 управления отдельных авиабригад, 249 авиаполков, 5 отдельных и 59 корпусных эскадрилий с 15 325 самолетами¹¹⁸⁸. На 1 сентября 1940 г. в составе строевых, учебных и транспортных частей ВВС имелось 22 442 самолета¹¹⁸⁹.

Таблица 31

Рост численности частей ВВС¹¹⁹⁰

23 октября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба докладывали Сталину и Молотову переработанную "по Вашему указанию программу подготовки летно-технического состава и усилению ВВС Красной Армии (доведение до 20 000 самолетов в строю)". В соответствии с решением правительства от 25 июля 1940 г. к 1 января 1941 г. следовало иметь 239 авиаполков и 62 корпусные эскадрильи - 15 672 самолета по штату. С учетом авиации военно-учебных заведений ВВС - 6 942 самолета (по списку 8 081 самолет) и

транспортной авиации - 105 самолетов по штату должно было быть 22 719 самолетов. В общем составе ВВС боевая авиация без учета разведывательных полков и корпусных эскадрилий составит по штату 14 108 самолетов. Выполнение этой программы даст следующее соотношение родов авиации: дальнебомбардировочная - 14,7%, бомбардировочная - 42,5%, истребительная - 42,8%. Предлагалось в дальнейшем иметь соотношение 60% бомбардировщиков на 40% истребителей. Для осуществления этой программы в 1941 г. требовалось сформировать 98 новых авиаполков, что было сделать затруднительно. Поэтому в качестве компромиссной меры предлагалось увеличить число самолетов в эскадрильях существующих авиаполков и сформировать 20 новых авиаполков (15 дальнебомбардировочных и 5 ближнебомбардировочных), что позволило бы иметь в строю 19 977 самолетов и 3 082 самолета во вспомогательной авиации. Авиацию военно-учебных заведений ВВС предлагалось сократить с 8 081 самолета до 7 018 самолетов, что позволяло обучать одновременно до 50 тыс. человек. Правда, это сокращение числа самолетов можно было провести лишь к концу 1941 г., поэтому пока общая численность военно-учебной авиации составит 8 202 самолета. Выполнение предложенных мер дало бы ВВС в целом 31 596 самолетов.

Одновременно следовало подготовить к концу 1941 г. 60 тыс. летчиков и 144 945 авиатехников, из которых осенью 1940 г. имелось 37 558 летчиков и 81 563 авиаспециалиста. Для этого предлагалось увеличить штаты существующих училищ на 7 680 человек и сформировать 33 новых училища. Причем в 1942 г. вновь возникнет вопрос о дальнейшем развитии сети военно-учебных заведений ВВС. Одновременно военное командование предлагало усовершенствовать подготовку ТВД путем расширения сети оперативных аэродромов, количество которых не обеспечивало нормальную работу авиации. В течение 1941 г. следовало довести численность аэродромов до 3 на 1 авиаполк, что требовало создания 16 новых инженерно-аэродромных батальонов. Для создания условий, при которых передовые аэродромы западных приграничных округов находились бы в постоянной готовности принять авиационные части, предлагалось сформировать 53 авиатехнические роты. Осуществление всех этих мероприятий требовало увеличения численности армии на 138 692 человека, что довело бы штатную численность ВВС до 502 954 человек, а общую штатную численность Красной Армии до 3 713 397 человек¹¹⁹¹.

Вместо расформированных приказом начальника Управления ВВС № 063 от 23 апреля 1940 г. согласно распоряжению Генштаба от 12 января 1940 г. трех авиационных армий особого назначения¹¹⁹² было решено создать Дальнебомбардировочную авиацию (ДБА). Подготовленный 31 октября 1940 г. проект решения СНК предлагал выделить авиаполки, вооруженные самолетами ТБ-3, ДБ-3 и ТБ-7, в отдельные авиадивизии, которые должны были именоваться авиадивизиями дальнего действия (ДД). Для управления ими вводилась должность заместителя начальника Главного управления ВВС по ДБА. Всего предлагалось сформировать 13 авиадивизий ДД, 10 из них объединить в 5 авиакорпусов, в составе которых следовало сформировать по 1 авиадивизии двухмоторных истребителей. В течение 1941 г. довести количество боевых самолетов до 20 000 при соотношении бомбардировщиков (без штурмовой, разведывательной и войсковой авиации) 45% и истребителей 55%. Сформировать в 1941 г. 2 дальнебомбардировочных, 23 ближнебомбардировочных, 22 двухмоторных и 53 одномоторных истребительных и 4 смешанных авиаполков (всего 104 авиаполка) и управления 25 авиадивизий. Выполнение этих мероприятий должно было дать ВВС к концу 1941 г. 32 432 самолета, из них 22 171 боевых. Формирование новых авиаполков

следовало начать с 1 февраля 1941 г. и закончить к 1 января 1942 г. Для подготовки в 1941 г. 32 500 летчиков и 69 тыс. авиаспециалистов создавались 33 новые авиашколы, а также соответствующие части для строительства и обслуживания аэродромов. Соответственно штатная численность ВВС возросла бы до 542 746 человек, а Красной Армии до 3 753 189 человек¹¹⁹³.

5 ноября 1940 г. Политбюро утвердило эту программу. В тот же день было принято постановление СНК № 2264-976сс "О комплектовании школ и училищ летчиков ВВС Красной Армии", согласно которому Осоавиахим к 15 мая 1941 г. должен был подготовить 20 тыс. летчиков, а ГВФ к 1 октября 1941 г. - 10 тыс. летчиков на У-2, для чего разрешалось привлекать с отрывом от производства учащихся старших классов, сельскую и служащую молодежь с выплатой стипендии в 250 рублей в месяц. Дополнительно Осоавиахим выделялось 350 самолетов, а ГВФ - 720 самолетов и соответствующее количество запасных частей, горючего и продфондов. В тот же день было утверждено постановление СНК № 2265-977сс "О военно-воздушных силах Красной Армии", согласно которому следовало сформировать 13 авиадивизий (по 3 авиаполка в каждой), объединенных в 5 авиакорпусов, и 1 отдельный авиаполк ДД. Помощником начальника Главного управления ВВС по ДБА был назначен генерал-лейтенант авиации И.И. Проскуров. Постановление утверждало вышеуказанную программу развития ВВС в 1941 г. К концу года ВВС должны были иметь 32 432 самолетов и 60 тыс. летных экипажей. Наркомат обороны должен был подготовить предложения по содержанию резерва летного состава ВВС после выполнения программы 1941 г. и поддержанию его летной квалификации. Штатная численность ВВС возрастала до 542 746 человек, а общая штатная численность Красной Армии с 1 января 1941 г. - до 3 753 189 человек¹¹⁹⁴.

7 декабря 1940 г. ГВС обсудил проект "Положения о прохождении службы летно-техническим составом ВВС Красной Армии", в котором делался вывод о том, что авиация "сильно перегружена командным составом" и предлагалось перевести весь средний начальствующий состав, занимавший должности ниже командира эскадрильи, на положение младшего начальствующего состава¹¹⁹⁵. 11 декабря ГВС утвердил предложения об изменении сроков службы в ВВС и системы комплектования военных училищ. Теперь вместо добровольного набора в летные училища они получали право набирать курсантов из очередного призыва на действительную военную службу¹¹⁹⁶. 22 декабря 1940 г. нарком обороны издал приказ № 0362, согласно которому устанавливался новый срок службы в ВВС - 4 года. Весь средний летно-технический состав, не выслуживший 4 года, переводился к 1 февраля 1941 г. на казарменное положение, а выпускники авиаучилищ получали звание "сержант"¹¹⁹⁷. 25 декабря эти новшества были узаконены Указом Президиума Верховного Совета СССР, который был объявлен 27 декабря приказом наркома обороны № 4771198. Правда, довольно быстро выяснилось, что подобная система комплектования летных школ себя не оправдывает, и 19 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение о ее сохранении лишь для набора в школы первоначального обучения авиамехаников¹¹⁹⁹.

В 1941 г. реорганизация ВВС продолжалась. Согласно мобилизационному плану от 12 февраля 1940 г. в ВВС предполагалось иметь 5 управлений авиакорпусов, 79 управлений авиадивизий, 36 тяжелобомбардировочных, 102 среднебомбардировочных, 6 тяжелобомбардировочных, 91 истребительный, 15 штурмовых, 3 смешанных, 10 резервных авиаполков, 42 отдельные разведывательные эскадрильи, 39 отдельных эскадрилий связи, 76 корпусных эскадрилий, 24 отряда аэростатов наблюдения¹²⁰⁰. На 1 января 1941 г. в ВВС

насчитывалось 26 392 самолетов, из них 14 954 боевых и 11 438 учебных и транспортных, при штате в 32 628 самолетов¹²⁰¹.

25 февраля 1941 г. было утверждено постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 368-167сс "О реорганизации авиационных сил Красной Армии", согласно которому устанавливалась новая система подготовки кадров для ВВС. Создавались Школы первоначального обучения с курсом в 4 месяца в мирное и 3 месяца в военное время с общим налетом на курсанта 30 часов, а также Школы военных пилотов с курсом в 9 месяцев в мирное и 6 месяцев в военное время с общим налетом бомбардировщиков 20 часов и истребителей 24 часа. Задачей школ было научить курсанта-пилота пилотированию и применению боевого самолета в простых метеоусловиях, групповым полетам в составе звена и дать практику в маршрутных полетах в составе звена с посадкой на незнакомых аэродромах, для чего в программу подготовки включалось 10 таких полетов. Истребителей, кроме того, требовалось научить начальным воздушным стрельбам и основам воздушного боя, а бомбардировщиков - пикированию под углом 40 градусов. Следовало к 1 июня 1941 г. сформировать 6 военных авиаучилищ для подготовки командного состава ВВС с обучением 2 года в мирное и 1 год в военное время. Первый набор должен был обучаться по одногодичному курсу. В течение 1941 г. следовало сформировать 30 школ первоначального обучения с общим годовым выпуском 45 тыс. человек. В строевых частях устанавливался общий налет 160 часов на каждого летчика, которых следовало готовить сначала в простых, а затем в сложных метеоусловиях и ночью. Для ускорения переучивания летчиков на новую технику за месяц до ее получения следовало передать 2-3 новых самолета для переучивания с первоначальным налетом 8-10 часов. Требовалось к 1 июля 1941 г. перевести авиатяглы на организацию районов авиабазирования и построить в 1941 г. 240 бетонных взлетно-посадочных полос¹²⁰².

Согласно приказу наркома обороны № 0017 от 3 марта 1941 г. следовало к 1 июня 1941 г. сформировать 5 военных авиаучилищ, а на базе аэроклубов создать 30 школ первоначального обучения. Требовалось расширить подготовку техников при Военно-Воздушной академии им. Н.Е. Жуковского и на базе Ленинградского института инженеров ГВФ¹²⁰³. В тот же день своим приказом № 080 нарком обороны установил новую систему подготовки летно-технического состава ВВС в соответствии с решением СНК от 25 февраля 1941 г.¹²⁰⁴ Приказом наркома обороны № 0020 от 11 марта 1941 г. были установлены сроки налета в строевых частях ВВС - 160 часов (140 часов на выполнение курсов боевой подготовки и 20 часов на совместные учения с наземными войсками и летно-технические учения). Переподготовку на новых самолетах следовало организовать так, чтобы к 1 июля 1941 г. командный состав изучил и облетал новую технику. Также требовалось ускорить подготовку бомбардировщиков-пикировщиков на самолетах СБ, Ар-2 и Пе-2¹²⁰⁵. Все эти меры привели к увеличению количества военно-учебных заведений ВВС с 32 в 1939 г. до 64 в 1940 г. и до 111 в середине 1941 г. К июню 1941 г. имелось 3 академии, 4 военно-авиационных училища, 2 курсов усовершенствования комсостава ВВС, 2 высшие школы штурманов, 29 школ первоначального обучения, 21 школа пилотов истребительной авиации, 22 школы пилотов бомбардировочной авиации, 12 школ стрелков бомбардировщиков, 16 школ авиамехаников. Кроме того, имелись военно-морские авиационные училища, учебные эскадрильи ГВФ и школы по подготовке младших авиаспециалистов - мотористов, оружейников, воздушных стрелков¹²⁰⁶. Только в 1940 г. в военно-учебных заведениях ВВС было подготовлено около 10 тыс. авиаспециалистов¹²⁰⁷.

Развертывание столь большого числа авиационных частей требовало увеличения производства самолетов авиапромышленностью. С середины 1939 г. началось расширение производственных мощностей НКАП за счет сооружения новых и реконструкции существующих предприятий должно было в целом завершиться в конце 1940 - первой половине 1941 г. Кроме того, в состав НКАП в 1940 г. было передано 60 предприятий из других ведомств. С августа 1940 г. начался перевод авиазаводов на суточный график выпуска продукции, завершившийся к марту 1941 г. С этого момента авиапромышленность фактически перешла на режим работы военного времени¹²⁰⁸.

История создания новых боевых самолетов в 1939-1941 гг. достаточно хорошо изучена¹²⁰⁹. К лету 1940 г. прошли летные испытания несколько образцов, большая часть из них была принята на вооружение ВВС в июне 1940 г. решением ГВС, которое было 27 августа утверждено Комитетом Обороны¹²¹⁰. На вооружение принимались истребители И-26, И-200, И-301, ближние бомбардировщики ББ-1 и ББ-22, штурмовик Ил-2, средний бомбардировщик Ар-2, пикирующий бомбардировщик ПБ-100, дальние бомбардировщики ДБ-240 и ТБ-7, а ДБ-3ф был принят на вооружение в 1939 г.¹²¹¹ 26 декабря 1940 г. приказом наркома обороны № 0365 были установлены новые обозначения самолетов: И-26 был переименован в Як-1, И-200 - в МиГ-1 (затем МиГ-3), И-301 - в ЛаГГ-3, ББ-1 - в Су-2, ББ-22 - в Як-4, ПБ-100 - в Пе-2, ДБ-240 - в Ер-2, ТБ-7 - в Пе-8, ДБ-3ф - в Ил-4¹²¹².

9 июля 1940 г. наркому обороны была представлена мобилизационная заявка ВВС, согласно которой в 1941 г. промышленность должна была выпустить 15 813 истребителей, 17 522 бомбардировщика и 2 370 учебных самолетов. 13 июля нарком обороны и начальник Генштаба предложили правительству перевести авиапромышленность на положение военного времени. 16 июля 1940 г. у заместителя председателя СНК Н.А. Вознесенского состоялось совещание по вопросам мобилизационного развертывания авиапромышленности, на котором военные предложили довести мощности авиапромышленности в 1941 г. до 36 тыс. боевых самолетов в год. 19 июля нарком обороны в соответствии с решением Политбюро о развертывании мощностей авиапромышленности для выпуска в 1941 г. 36 тыс. боевых самолетов представил председателю Комитета Обороны, заместителю председателя СНК и наркому авиапромышленности мобилизационную заявку на производство 15 820 бомбардировщиков, 13 300 истребителей, 2 800 штурмовиков, 1 680 корректировщиков и 1 400 разведчиков и 4 850 учебных и транспортных самолетов¹²¹³.

Однако заявка наркомата обороны была сочтена чрезмерной, и после ряда согласований 7 декабря 1940 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР своим постановлением № 2466-1096сс утвердили программу выпуска самолетов в 1941 г. Согласно этому постановлению НКАП должен был произвести 16 530 боевых (6 070 бомбардировщиков, 8 510 истребителей, 1 750 штурмовиков, 200 морских разведчиков) и 3 620 учебных и транспортных самолетов. При выполнении этой программы НКАП разрешалось прекратить ремонт самолетов и моторов, находящихся на вооружении ВВС, которые должны были осуществлять ремонт своими силами¹²¹⁴. Соответственно росло и производство новых самолетов, составившее в 1940 г. 1 536 машин (18,4% производства боевых самолетов), а в первой половине 1941 г. 3 601 самолет (87,2%)¹²¹⁵. Развертывание серийного выпуска новых самолетов требовало от командования ВВС перевооружения 239 авиаполков. Согласно утвержденному 23 января 1941 г. плану, в первой половине 1941 г. предполагалось перевооружить из 34 дальнебомбардировочных полков 12, из 79 ближнебомбардировочных - 19, из 11 штурмовых - 5, из 96 истребительных - 41, из 10 разведывательных - 5 и из 62 корпусных авиаэскадрилий -

В 1939 - первой половине 1941 г. произошло существенное развитие советских ВВС. За это время были сформированы управления 5 корпусов, 79 авиадивизий. В 1939-1940 гг. было сформировано 124 авиаполка, а в первой половине 1941 г. началось формирование еще 106 авиаполков, из которых к 22 июня было сформировано 19, в том числе 13 дальнебомбардировочных¹²¹⁷. В итоге советские ВВС стали крупнейшими в мире.

Среди многих слабо изученных вопросов предвоенной истории Красной Армии своей практически полной неразработанностью выделяется вопрос о ее численности в 1939-1941 гг. Обычно используются два вида статистических данных о численности личного состава: штатная и списочная. Первая является чисто расчетным показателем, а вторая отражает реальное состояние вооруженных сил. В таблице 32 приводятся лишь недавно рассекреченные данные списочной численности советских вооруженных сил в 1930-1937 гг., которые превосходят ранее публиковавшиеся цифры. Частями вне норм считались формирования, которые могли применяться в мирном производстве и содержались на бюджете гражданских ведомств. К ним относился особый железнодорожный корпус, эксплуатационные железнодорожные полки, строительный корпус, строительные батальоны и другие подобные формирования¹²¹⁸. Использование этих частей в производстве позволяло частично восполнять расходы на их содержание. Понятно, что эти части официально в статистику вооруженных сил не включались. Кроме того, в воинских частях имелись гражданские вольнонаемные работники, которые не включаются в численность Красной Армии, как и военнообязанные запаса (так называемый приписной состав), которые периодически проходили переподготовку в войсках.

Таблица 32

Численность советских вооруженных сил¹²¹⁹

Правда, следует отметить, что в связи с переписью населения 1937 г. о численности советских вооруженных сил приводились и другие данные. Так, 26 января 1937 г. начальник Административно-мобилизационного управления НКО комдив А. Вольпе сообщал начальнику ЦУНХУ Госплана СССР К.А. Ковалю, что на 6 января в вооруженных силах состояло 1 494 369 военнослужащих кадра и 191 190 солдат частей вне норм, то есть 1 685 279 человек. 11 февраля Вольпе доложил начальнику Генштаба маршалу А.И. Егорову, что на 1 января 1937 г. в войсках насчитывалось 1 447 812 человек кадра и 214 039 человек в частях вне норм; а на 6 января - 1 451 448 и 213 015 соответственно. Но в тот же день в ЦУНХУ Вольпе сообщил новые "уточненные предварительные итоги" - 1 451 448 военнослужащих кадра и 231 121 человек в частях вне норм, то есть 1 682 569 человек¹²²⁰.

30 декабря 1937 г. из состава Наркомата обороны был выделен Наркомат Военно-Морского Флота. С этого момента статистика численности Красной Армии отражает состав только сухопутных войск и авиации. Известно лишь, что "с 1930 по 1939 г. численность вооруженных сил СССР возросла более чем в 3,5 раза"¹²²¹, то есть составляла около 2 210 656 человек. Согласно материалам переписи населения СССР 1939 г., в вооруженных силах насчитывалось 2 118 777 человек¹²²². К сожалению, отыскать статистику численности ВМФ в 1938-1941 гг. не удалось, поэтому все дальнейшее изложение относится только к численности Красной Армии без учета численности флота.

Данные о списочной численности советских сухопутных войск и ВВС в 1938-1939 гг. приведены в таблице 33. Как показывает статистика, в начале 1939 г. на 1 человека комсостава приходилось 7 красноармейцев, на 1 человека политсостава - 27

красноармейцев, на 1 человека прочего начсостава - 10 красноармейцев, а на 1 человека младшего начальствующего состава - 3 красноармейца¹²²³. Общее количество военнообязанных запаса на 1 июля 1939 г. составляло 11 902 873 человек 1899-1918 годов рождения, из которых 7 892 552 человека были обучены, а 4 010 321 не обучены. Предполагалось в 1940 г. через 1-1,5-месячные сборы подготовить 3 млн человек в основном дефицитных военных специальностей¹²²⁴.

Таблица 33

Численность Красной Армии в 1938-1939 гг.¹²²⁵

Фрагментарность документации не позволяет полностью проследить динамику численности Красной Армии в 1939-1941 гг. Зачастую в документах используются округленные цифры. Тем не менее общее представление эти данные дают. Летом 1939 г. численность армии составляла 1 698,6 тыс. человек кадрового состава (видимо, части вне норм не учтены). Военный конфликт на Халхин-Голе потребовал призыва 173 тыс. человек запаса для усиления войск ЗаБВО и 1-й АГ. Формально этот контингент был призван на учебные сборы, но 16 июля 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР и приказом наркома обороны № 0035 от 17 июля он был мобилизован на период до 1 февраля 1940 г.¹²²⁶ Начало германо-польской войны и подготовка Красной Армии к походу в Польшу привели к тому, что 7 сентября 1939 г. в 7 военных округах началась частичная мобилизация (БУС). Всего было призвано 2 610 136 человек (см. таблицу 34), которые 22 сентября 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР и приказом наркома обороны № 177 от 23 сентября были объявлены мобилизованными "до особого распоряжения"¹²²⁷.

Таблица 34

Численность резервистов, призванных на БУС¹²²⁸

Округ Начсостав Младший начсостав Рядовой состав Всего

ЛВО 25 306 90 001 210 004 325 311

БОВО 15 074 37 006 327 987 380 067

КОВО 32 428 47 969 575 974 656 371

КалВО 6 249 17 939 138 662 162 850

МВО 38 359 115 831 270 392 424 632

ОрВО 8 489 19 922 191 493 219 904

ХВО 26 555 43 642 342 241 412 438

СКВО - - 15 494 15 494

УрВО - - 7 817 7 817

ПриВО - - 5 252 5 252

Всего 152 460 372 360 2 085 316 2 610 136

Одновременно согласно постановлению СНК № 1348-268 сс от 2 сентября 1939 г. с 5 сентября следовало начать очередной призыв на действительную военную службу для войск Дальнего Востока и по 1 тыс. человек для каждой вновь формируемой дивизии, а с 15 сентября и для всех остальных округов¹²²⁹. Всего в Красную Армию до 31 декабря 1939 г. было призвано 1 076 тыс. человек¹²³⁰. Кроме того, согласно новому Закону о всеобщей воинской обязанности от 1 сентября 1939 г. на 1 год был продлен срок службы 190 тыс. призывников 1937 г. К 20-м числам сентября 1939 г. численность Красной Армии превысила 5 млн человек. К сожалению, неясно, учтены ли в этой цифре части вне норм. Нормализация ситуации на западных границах СССР позволила 29 сентября начать сокращение численности Красной Армии, и к 7 января 1940 г. было уволено 1 613 803 человека¹²³¹. К 1

декабря 1939 г. войска ЛВО и КалВО оставались отобилизованными, БОВО и КОВО продолжали увольнение призванных из запаса, а МВО, ОрВО и ХВО заканчивали их увольнение и переходили на организацию мирного времени. На 27 декабря 1939 г. общая численность Красной Армии составляла до 3 568 тыс. человек (части вне норм не учтены)¹²³².

Однако начавшаяся война с Финляндией потребовала восполнения потерь и наращивания численности Красной Армии. 28 декабря 1939 г. было решено призвать в Красную Армию 546 400 человек на усиление войск западных военных округов и 50 тыс. человек комсостава запаса. Одновременно в ПриВО, УрВО и СибВО призывалось 5 младших призывных возрастов - 376 тыс. человек. Таким образом, на усиление армии потребовалось 972 400¹²³³. В период советско-финской войны в Красную Армию было призвано 550 тыс. человек. Всего же с сентября 1939 по 12 марта 1940 г. в Красную Армию было призвано из запаса 3 160 тыс. человек, из которых 1 613 тыс. было уволено, а в армии оставалось 1 547 тыс. человек¹²³⁴.

После окончания войны с Финляндией перед советским командованием вновь встал вопрос о сокращении численности армии. 14 марта 1940 г. начальник Главного Управления Красной Армии комдив М.Г. Снегов направил наркому обороны план демобилизации действующей армии и расформирования запасных частей¹²³⁵. В докладе от 29 марта 1940 г. на имя Сталина и Молотова нарком обороны сообщал, что на 1 марта 1940 г. в Красной Армии насчитывалось 4 416 тыс. человек, из которых 1 591 тыс. составляли призванные из запаса резервисты и 163 тыс. - красноармейцы призыва 1937 года. Нарком просил разрешения уволить 93 149 человек из тыловых частей и учреждений, сформированных для действующей армии, и 160 тыс. человек приписного состава, призванных в сентябре 1939 г. в БОВО, КОВО, КалВО и ОдВО. Кроме того нарком сообщал об увольнении 80 тыс. добровольцев¹²³⁶. Все эти меры были одобрены постановлением Комитета Обороны № 159 сс от 4 апреля 1940 г.¹²³⁷

26 апреля 1940 г. нарком обороны сообщил в ЦК ВКП(б) и СНК СССР, что на 1 апреля 1940 г. в Красной Армии насчитывалось 4 174 тыс. человек, из которых 2 724 тыс. кадрового состава, а 1 450 тыс. приписного состава. Для доведения Красной Армии до штатной численности мирного времени в 3 320 тыс. человек нарком предлагал уволить личный состав тыловых частей, сформированных для действующей армии, всех приписников из госпиталей и 440 тыс. человек приписного состава. После этого в Красной Армии осталось бы 540 тыс. человек приписного состава, задержанных до 15 июня 1940 г. и находящихся в частях, развернутых по штатам военного времени в СКВО, ЗакВО и ОдВО. В мае и в конце июня предлагалось призвать 345 тыс. военнообязанных 2-й категории запаса 1912- 1919 годов рождения, которых вместе с красноармейцами 3-го года службы следовало задержать до 1 октября 1940 г. Средний начсостав запаса строевых частей предлагалось уволить после выпуска курсантов военных училищ¹²³⁸. Всего по состоянию на 15 февраля 1940 г. в стране имелось 785 596 человек запасных 2-й категории, к которым относились мужчины, не служившие в армии, и состоящие на воинском учете женщины (медики, ветеринары, техники и т.п.)¹²³⁹. Считалось, что из них можно было направить в кадр Красной Армии 441 322 человека, однако было решено призвать лишь 250 тыс. человек¹²⁴⁰.

Таблица 35

Изменение численности Красной Армии¹²⁴¹

В апреле - мае 1940 г. было уволено 302 976 человек приписного состава¹²⁴². 24 мая

1940 г. нарком обороны утвердил "План комплектования Красной Армии по оргмероприятиям и увольнения приписного состава", согласно которому подлежало увольнению 691 220 человек приписного состава. В тот же день был утвержден план призыва 250 тыс. человек военнообязанных 2-й категории запаса¹²⁴³. 3 июня 1940 г. нарком обороны издал приказ № 0110, согласно которому следовало "задержать до особого распоряжения средний и старший начальствующий состав запаса", до 1 ноября 1940 г. красноармейцев призыва 1937 г., а увольнение младшего начсостава и рядовых запаса, "призванных на большие учебные сборы, производить постепенно и закончить к 15 августа"¹²⁴⁴. В тот же день Указом Президиума Верховного Совета СССР красноармейцы призыва 1937 г. задерживались в армии до 1 января 1941 г.¹²⁴⁵ В июне 1940 г. из армии было уволено всего 71 845 человек, поскольку в условиях подготовки и проведения Прибалтийской и Бессарабской кампаний сокращение личного состава было свернуто.

С начала июля 1940 г. согласно директивам наркома обороны увольнение приписного состава запаса возобновилось. Из имевшихся на 1 июля 839 400 человек приписного состава было уволено 830 299 человек, из них в июле 446 952 человека, в августе - 254 035 человек, в сентябре - 24 947 человек, в октябре - 76 719 человек, а с 1 по 10 ноября - 27 646 человек¹²⁴⁶. На 10 ноября осталось задержанными 9 101 военнослужащих, которых надлежало уволить до 1 января 1941 г.¹²⁴⁷ 20 января 1941 г. нарком обороны издал приказ № 023, согласно которому "отвечающий требованиям службы" начальствующий состав запаса, задержанный до особого распоряжения приказом от 3 июня 1940 г., следовало зачислить в кадры Красной Армии. Все остальные подлежали увольнению "в запас к 15 февраля 1941 г."¹²⁴⁸

На основании постановления СНК от 4 июля 1940 г. нарком обороны 10 июля издал приказ № 196 о переучете рядового и младшего начальствующего состава запаса и лиц с 19 до 50 лет, освобожденных от службы в армии, на территории СССР в период с 1 августа по 5 сентября 1940 г. Одновременно следовало произвести медицинское освидетельствование лиц, годных к нестроевой службе, 40-50-летних, и 19-50-летних тех национальностей, которые не состояли на воинском учете¹²⁴⁹. 6 ноября 1940 г. нарком обороны издал директиву о проведении с 5 января по 15 февраля 1941 г. приписки к призывным участкам граждан 1922 года рождения, лиц, имеющих законченное среднее образование, и учащихся 10-х классов средних школ и выпускных курсов техникумов 1923 года рождения, не приписанных граждан старших возрастов и лиц 1920-1921 годов рождения в Западной Украине и Западной Белоруссии. Приписка на территории Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины должна была проводиться позднее¹²⁵⁰.

Увольнение приписного состава привело к тому, что с осени 1940 г. списочная численность Красной Армии была ниже штатной (см. таблицу 33). К сожалению, не удалось найти документы, отражающие численность личного состава Красной Армии зимой - весной 1940-1941 гг. Известно лишь, что и штатная, и списочная численность армии росли. С 25 марта по 5 апреля 1941 г. по всем военным округам, кроме ПриБОВО и ДВФ, был произведен частичный призыв в Красную Армию граждан, родившихся после 1 сентября 1921 г. и не прошедших призыв в 1940 г. Всего было призвано 394 тыс. человек. Призыв прошел организованно, в строго установленный срок, без огласки в печати и на собраниях. О предстоящем призыве был осведомлен только узкий круг местных партийных и советских руководителей - секретари и заведующие военными отделами крайкомов, обкомов, райкомов и горкомов партии, председатели исполкомов и начальники органов НКВД и милиции. Никаких приказов о явке призывников на пункты не издавалось, извещались они только

персональными повестками. Призывные пункты были оборудованы только с внутренней стороны, никаких плакатов и лозунгов с внешней стороны не вывешивалось¹²⁵¹.

С 15 мая 1941 г. начался призыв приписного состава запаса на БУС, которые должны были продлиться до 1 июля 1941 г. Всего к 22 июня 1941 г. было призвано 805 264 человека, что составляло 24% от контингента призываемого по мобилизации, и Красная Армия насчитывала 5 080 977 человек¹²⁵².

Еще одной важной проблемой истории советских вооруженных сил накануне войны является вопрос о последствиях репрессий в офицерском корпусе. К сожалению, эта тема до сих пор широко используется в политико-идеологической борьбе, и как уже было показано в литературе¹²⁵³, несмотря на значительное количество исследований, все еще далека от окончательного решения.

Большинство привычных тезисов в литературе, посвященной этим проблемам, являются преимущественно пропагандистскими и не подтверждаются документами. Исследования судеб военачальников, осужденных по "делу Тухачевского", показали, что хотя эти люди, видимо, не совершали инкриминируемых им преступлений, они стали жертвами борьбы внутри советской военно-политической элиты. В литературе широко распространена версия бывшего шефа СД В. Шелленберга о том, что именно сфабрикованные германскими спецслужбами документы привели к репрессиям в Красной Армии. Однако современные исследования не подтверждают ее. Собственно, неизвестно даже, существовали ли эти документы вообще¹²⁵⁴. Некоторые исследователи полагают, что репрессии 1935-1938 гг. явились отражением реальных разногласий в советском руководстве по вопросам внутренней и внешней политики, что, естественно, обострило взаимоотношения между военной, с одной стороны, и бюрократической и экономической элитами - с другой¹²⁵⁵. К сожалению, эти проблемы все еще остаются слабо изученными¹²⁵⁶.

Также практически не исследованы взаимоотношения внутри офицерского корпуса. Как правило, наиболее популярной является версия о борьбе в высшем комсоставе двух тенденций: "мотористов" (М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич и др.) и "кавалеристов" (К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный и др.). Однако, поскольку армия в 1930-е годы постоянно насыщалась новыми техническими средствами борьбы, остается неясным, насколько эта версия соответствует действительности. Попытки приписать Сталину непонимание важности механизации армии наталкиваются на его собственное утверждение: "чтобы отстоять свое существование, страна должна иметь квалифицированную армию... Должна быть постоянная, обученная, квалифицированная армия, подкованная на все четыре ноги, армия, которая будет иметь первоклассную авиацию, химию, танки, артиллерию, инженеров, техников, потому что тут все решает техника"¹²⁵⁷. Кроме того, известно, что среди военных существовали разные взгляды на способы ведения боевых действий¹²⁵⁸, но эти разногласия не привели к репрессиям. Это позволяет усомниться в том, что репрессии были спровоцированы именно профессиональными дискуссиями.

Скорее всего, причиной репрессий была борьба внутри руководства Наркомата обороны за власть. Тем более что, как стало известно, в мае 1936 г. Тухачевский и его сторонники уже ставили перед Политбюро вопрос об отставке Ворошилова с поста наркома¹²⁵⁹. Таким образом, заговор в Красной Армии существовал, но не "антисоветский", а "антиворошиловский". Думается, все эти противоречия диктуют необходимость изучения вопросов о наличии разных группировок среди высшего комсостава, их влиянии на политическое и военное руководство. Это впервые довольно четко сформулированный в

работе В. Суворова аспект проблемы¹²⁶⁰ ввиду отсутствия документальных источников пока еще не может быть освещен сколько-нибудь удовлетворительно. С.Т. Минаков указывает, что в высшем комсоставе РККА имелась довольно широкая оппозиция наркому обороны Ворошилову, но не было согласия в вопросе о его преемнике. Все это вело к тому, что у каждого претендента на этот пост (Тухачевского, А.И. Егорова, И.Э. Якира) была своя группа сторонников, кроме того, их разделяли различные взгляды на военные проблемы. Военная элита, как обычно, требовала новых средств на армию, но не могла договориться об их распределении и использовании. Для Сталина снятие Ворошилова с поста наркома означало бы сокращение его власти и было совершенно неприемлемо. В итоге ситуация позволяла Сталину и Ворошилову сыграть на противоречиях среди военных, что они и сделали¹²⁶¹.

Видимо, правы авторы, считающие, что целью репрессий в армии было создать послушный и преданный Сталину военный механизм, сделав комсостав марионеткой в руках политического руководства¹²⁶². В этом случае "очевидно, что основной причиной уничтожения руководства армии явились опасения, что оно может попытаться играть самостоятельную политическую роль, угрожая тем самым положению Сталина, как единственного вождя армии и народа"¹²⁶³. Поскольку Тухачевский "осмелился поставить вопрос о смене военного руководства (Ворошилова - члена Политбюро)", это свидетельствовало о том, что "он мог создать потенциальную независимую от правительства военную силу". Если рассматривать чистку офицерского корпуса как борьбу политического руководства за полный контроль над армией, то следует отметить, что эта цель была достигнута, поскольку "репрессии приучили командование не выступать с инициативами кардинального характера, затрагивавшими политические интересы государства или расстановку сил в руководстве"¹²⁶⁴.

В литературе преобладает мнение, что именно репрессии в Красной Армии привели к ее ослаблению и были одной из главных причин неудач в начале войны. Обычно к последствиям репрессий относят снижение качества офицерского корпуса в результате устранения опытных офицеров, частых перемещений по службе, создания дефицита военных кадров, снижения образовательного уровня комсостава, особенно высшего. Правда, следует отметить, что частые перемещения по службе и дефицит военных кадров были порождены не столько репрессиями, сколько техническим переоснащением, организационным совершенствованием и форсированным развертыванием новых частей и соединений Красной Армии¹²⁶⁵. Этот процесс нарастал как минимум с 1935 г., когда начался перевод советских вооруженных сил на кадровую систему комплектования. При этом основные организационные мероприятия пришлось на 1937-1938 гг.

Широкомасштабный процесс создания новых воинских формирований продолжался и в 1939 - первой половине 1941 г. В эти годы некомплект комсостава изменялся следующим образом: 1935 г. - 17,9%; 1936 г. - 18,7%; 1937 г. - 21,7%; 1938 г. - 25,2%; 1939 г. - 31,6%; 1940 г. - 19%; 1 января 1941 г. - 13%. При том, что только за 1938-1940 гг. армия получила 271 518 офицеров¹²⁶⁶, подобный дефицит нельзя объяснить ничем иным. Он явился результатом "резкого несоответствия между потребностью армии в кадрах и их подготовкой в период 1928-1938 гг., а также огромного развертывания армии в 1938-1939 и 1940 гг."¹²⁶⁷ Правда, следует учитывать, что некомплект комсостава является чисто условным показателем и рассчитывается путем соотнесения его штатной и списочной численности. В.И. Ивкин показал, что "Красная Армия была "отягощена" средним, старшим и высшим командно-начальствующим составом", составлявшим 15,5% штатной и 13,3% списочной численности

советских вооруженных сил. Другими словами, в Красной Армии 1 офицер приходился на 6 солдат и сержантов, тогда как в английской армии этот показатель был равен 1:15, в японской 1:19, во французской 1:22, а в вермахте 1:291268 . Дальнейшее изучение этого аспекта поможет прояснить вопрос о реальной нехватке комсостава в РККА.

Оценивая репрессии, Д.М. Проэктор высказал наиболее распространенное мнение, что "это был удар, который подорвал Вооруженные Силы страны перед самой войной. Новые, неопытные малоподготовленные "выдвиженцы" должны были осваивать все сначала. На их плечи легла непосильная задача подготовки к войне..."1269 . А. Филиппов оспаривает версию об устранении наиболее опытных офицеров, отмечая, что они в лучшем случае имели опыт гражданской войны, а служба в территориально-кадровой Красной Армии 1920-х - начала 1930-х годов вряд ли способствовала получению опыта современной войны. По его мнению, подготовленные в стенах Академии Генштаба командиры и штабные работники высшего звена были "грамотной, перспективной когортой высшего комсостава, достойно восполнившей потерю репрессированных высших командиров-практиков"1270 . Ю.Ю. Юмашева считает, что "высший командный состав Советских Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны представлял собой новую, молодую (средний возраст 43 года), созданную и воспитанную за годы Советской власти, высокопрофессиональную военную элиту, занявшую руководящее положение в военной сфере в конце 1930-х годов. В это время на командные должности в РККА пришли не "зеленые лейтенанты" (как утверждает общепринятая оценка), а опытные (хотя и молодые) военачальники"1271 . Кстати говоря, версия о смене репрессированных военачальников "молодыми" офицерами не соответствует действительности. Так, в высшем комсоставе происходила не смена поколений, а замена одних военачальников другими из того же поколения. Как отмечает Г. Герасимов, "сегодня невозможно с уверенностью сказать, кто лучше командовал бы войсками: расстрелянные военачальники или те, кто в конце концов выиграл войну. Но по основным объективным показателям последние не уступали своим репрессированным предшественникам". Более того, образовательный уровень высшего комсостава даже возрос, поскольку "количество назначенных, имеющих высшее военное образование, превышает число арестованных с аналогичным образованием на 45%"1272 . Наличие диаметрально противоположных оценок свидетельствует прежде всего о слабой изученности этой проблемы, об отсутствии у исследователей четких критериев для выводов и доступного документального материала для изучения.

Популярным мотивом историографии являются утверждения о наличии к 1 января 1941 г. 12,4% комсостава, не имевшего военного образования. Авторы новейшего обобщающего труда по истории войны отмечают, что в сухопутных войсках было 15,9% офицеров, не имевших военного образования. Однако В.П. Бородин указывает, что большая часть этих офицеров находилась на политических, военно-хозяйственных, административных и военно-юридических должностях, а командные должности занимали лишь 4% из них. Причем на должностях от командира батальона до командира корпуса таковых было всего 0,1%1273 . Несмотря на расширение сети военно-учебных заведений, значительно повысить образовательный уровень комсостава не удалось, поскольку в условиях его дефицита приходилось использовать офицеров запаса, в основном не имевших высшего военного образования1274 . Поэтому количество офицеров с высшим и средним военным образованием снизилось с 79,5% на 1 января 1937 г. до 63% на 1 января 1941 г.1275 Правда, в абсолютных цифрах при увеличении офицерского корпуса в 2,8 раза количество офицеров с

высшим и средним военным образованием возросло в 2,2 раза - с 164 309 до 385 136 человек¹²⁷⁶.

Многие авторы¹²⁷⁷ считают, что репрессии сказались на уровне военно-научных разработок, и это привело к отказу от многих положений военной теории, разработанных в конце 1920-х - 1930-е годы. Так, Д.М. Проэктор полагает, что репрессии привели к отказу от теории "глубокой наступательной операции", к которой вновь вернулись лишь в 1940 г. Автор не только не объясняет, почему произошел этот поворот, но и не приводит никаких доказательств тому, что он вообще имел место¹²⁷⁸. Ведь если бы это действительно было так, то армия получила бы новые воинские уставы и наставления, кардинально отличающиеся от принятых до 1937 г., а соответственно в 1940 г. этот процесс пошел бы в обратном направлении. Однако ничего подобного не происходило, поэтому версия Д.М. Проэктора повисает в воздухе. Столь же надуманной представляется версия А.Н. Мерцалова и Л.А. Мерцаловой, считающих, что после репрессий в РККА у Советского Союза не было военной доктрины¹²⁷⁹. Поскольку военной доктриной называется "принятая в государстве на данное определенное время система взглядов на сущность, цели и характер будущей возможной войны, на подготовку к ней страны, Вооруженных Сил и на способы ее ведения"¹²⁸⁰, устранение части командного состава вовсе не отменяет ее наличия, так как ее принципы закреплены в воинских уставах и наставлениях вооруженных сил.

Л.А. Киршнер утверждает, что отказ от теории "глубокой операции" привел к гипертрофированному положению кавалерии в Красной Армии¹²⁸¹. Но с этих позиций совершенно необъяснимо сокращение конницы с 32 кавалерийских дивизий на 1 января 1937 г. до 26 на 1 января 1939 г. При том, что к началу войны в Красной Армии осталось всего 13 кавдивизий¹²⁸², утверждения о превалировании кавалерии выглядят несколько странно. Другие авторы в подтверждение своей точки зрения приводят лишь общие рассуждения. Наиболее серьезным аргументом является указание на то, что военно-научные труды "врагов народа" были изъяты из библиотек. Однако не следует забывать, что войска обучаются не по трудам отдельных военачальников, пусть даже гениальным, а по воинским уставам и наставлениям, которые никто не отменял. Как правило, из инструкций, руководств и наставлений просто изымали титульные листы или замазывали подписи репрессированных лиц и до нового издания все эти документы являлись действующими и использовались в войсках¹²⁸³. В ряде работ было показано, что теория "глубокой операции" не только не была отброшена, но, наоборот, определяла всю подготовку Красной Армии¹²⁸⁴. Тем самым нельзя не признать, что вышеприведенные версии вряд ли будут когда-либо доказаны.

Наибольшие разногласия вызвал вопрос о масштабах репрессий в Красной Армии. Так, В.С. Коваль считает, что погиб весь офицерский корпус¹²⁸⁵, а Л.А. Киршнер полагает, что лишь 50% офицеров были репрессированы¹²⁸⁶. По мнению В.Г. Клевцова, в 1937-1938 гг. было физически уничтожено 35,2 тыс. офицеров¹²⁸⁷. Д.А. Волкогонов и Д.М. Проэктор пишут о 40 тыс. репрессированных, А.М. Самсонов - о 43 тыс., Н.М. Раманичев - о 44 тыс., Ю.А. Горьков - о 48 773, Г.А. Куманев увеличивает эту цифру до 50 тыс., а А.Н. Яковлев до 70 тыс. В книге В.Н. Рапопорта и Ю.А. Геллера говорится о примерно 100 тыс. офицеров, однако при этом приводятся персональные сведения лишь о 651 репрессированном офицере, которые составляли 64,8% высшего комсостава на 1 января 1937 г.¹²⁸⁸ О.Ф. Сувениров опубликовал сначала список на 749 человек, а затем расширил его до 1 669 офицеров, погибших в 1936-1941 гг.¹²⁸⁹ Сведения об остальных репрессированных до сих пор отсутствуют.

Таблица 36

Увольнение офицеров из РККА в 1937-1939 гг. 1290

В.Д. Данилов Ф.Б. Комал А. Филиппов В.П. Бородин В.Г. Клевцов

Уволено 24 547 42 514 38 000 29 000 45 571

Из них арестовано 9 579 9 579 9 500 6 000-8 000 41 406

Восстановлено 11 178 12 070 12 000 13 000 14 160

Итого 13 369 30 444 26 000 16 000 31 411

Результаты исследования архивных материалов разными авторами приведены в таблице 36. Ф.Б. Комал совершенно справедливо указал на то, что недопустимо смешивать понятия "уволенные" и "репрессированные", к которым следует относить лишь арестованных и уволенных по политическим мотивам. Правда, и арестовывались офицеры за различные преступления, что также следует учитывать. А.Т. Уколов и В.И. Ивкин на основе данных судебных органов РККА отмечают, что в 1937-1939 гг. было осуждено за политические преступления примерно 8 624 человека, указывая при этом, что вряд ли стоит причислять к репрессированным осужденных за уголовные и морально-бытовые преступления¹²⁹¹. В своем новейшем исследовании О.Ф. Сувениров пишет о 1 634 погибших и о 3 682 осужденных военными трибуналами в 1936-1941 гг. за контрреволюционные преступления офицерах¹²⁹².

Пока же ограниченная источниковая база не позволяет однозначно решить этот ключевой вопрос. Имеющиеся материалы показывают, что в 1937-1939 гг. из вооруженных сил было уволено свыше 45 тыс. человек (36 898 в сухопутных войсках, 5 616 в ВВС и свыше 3 тыс. во флоте)¹²⁹³. Однако к репрессированным можно отнести лишь уволенных за связь с заговорщиками и по национальному признаку, а также арестованных по политическим мотивам. Но, к сожалению, именно данные о причинах увольнений до сих пор точно не известны. Видимо, в сухопутных войсках репрессированными могут считаться около 17 тыс. человек. Для ответа на вопрос о количестве погибших необходимо конкретное изучение судеб всех уволенных офицеров, чего до сих пор не сделано. Также остается неизученным вопрос о распределении репрессированных по категориям командно-начальствующего состава¹²⁹⁴, что не позволяет оценить воздействие чисток на уровень боеспособности советских вооруженных сил.

Комплексное рассмотрение исследований по вопросу о репрессиях в Красной Армии показывает, что широко распространенная версия об их катастрофических для армии последствиях так и не была доказана и требует дальнейшего тщательного изучения. Все еще остаются слабо исследованными вопросы о месте 1937-1938 гг. в системе чисток офицерского корпуса РККА, их связи с планами Сталина в отношении армии, боевой и политической подготовкой комсостава и реальной боеготовностью Красной Армии накануне войны. Пока все эти проблемы содержат гораздо больше вопросов, чем ответов. Центральный же из них - последствия репрессий для боеготовности Красной Армии - пока не может считаться окончательно решенным, поскольку не были сформулированы объективные научные критерии для его решения и исследователи не получили доступа к необходимому документальному материалу.

За два предвоенных года Красная Армия была значительно увеличена, ее численность без учета частей вне норм возросла почти в три раза. К лету 1941 г. в ее состав входили управления 4 фронтов, 27 армейских управлений, управления 62 стрелковых, 4 кавалерийских, 29 механизированных, 5 воздушно-десантных корпусов, 198 стрелковых, 13

кавалерийских, 61 танковая, 31 моторизованная дивизии, 5 стрелковых, 1 танковая, 16 воздушно-десантных, 10 противотанковых артиллерийских бригад, 94 корпусных, 14 пушечных, 29 гаубичных, 32 гаубичных артполков БМ РГК, 12 отдельных артдивизионов ОМ, 45 отдельных зенитно-артиллерийских артдивизионов, 8 отдельных минометных батальонов, 3 корпуса ПВО, 9 бригад ПВО, 40 бригадных районов ПВО, 29 мотоциклетных полков, 1 отдельный танковый батальон, 8 дивизионов бронепоездов, 34 инженерных полка и 20 отдельных инженерных батальонов. ВВС насчитывали 5 корпусов ДБА, 79 авиадивизий, 5 отдельных авиабригад, 218 боевых авиаполов¹²⁹⁵. Советские вооруженные силы были крупнейшей армией мира.

Еще в 1989 г. Д.М. Проэктор задавался вопросом: "Не готовил ли Сталин всю эту массу войск не только для обороны, но и для наступления? Есть много признаков, что да. По-видимому, у него к весне 1941 г. складывалось мнение, что мы сильны, можем опередить противника, нанести ему удар и разгромить на его территории прежде, чем он нападет на нас. Думаю, когда историки изучат все документы, то найдут подтверждение как минимум тому, что такие намерения были и в соответствии с ними начинала складываться группировка сил вблизи границы"¹²⁹⁶. Конечно, до изучения всех документов еще далеко, но и уже доступные материалы позволяют составить довольно полное представление о намерениях советского руководства. К ним и следует обратиться.

Советское военное планирование в 1940-1941 гг.

В конкретных военных приготовлениях СССР ключевое место занимала деятельность Генерального штаба по военному планированию, до сих пор содержащая, к сожалению, значительное количество "белых пятен", что связано с сохранением секретности соответствующих документов 1939-1941 гг. Ныне отечественная историография располагает довольно цельной картиной хода выработки документов военного планирования на стратегическом уровне, однако их содержание, а также связь с планированием на уровне военных округов все еще остаются слабо изученными. Содержание советских военных планов традиционно излагается в отечественной литературе по устоявшейся схеме: планы разрабатывались в ответ на рост германской угрозы и предусматривали отражение вражеского нападения, нанесение ответных контрударов и общий переход в наступление для разгрома противника. В соответствии с этим замыслом армиям прикрытия ставилась задача в течение 10-15 дней обороняться на линии госграницы, не допуская вторжения противника на советскую территорию, и готовиться к переходу в наступление вместе с армиями второго стратегического эшелона¹²⁹⁷.

Однако документальные материалы, ставшие доступными в начале 1990-х годов, и исследования последних лет существенно корректируют подобные подходы. Стало известно, что советское военное планирование боевых действий против Германии началось с октября 1939 г. и продолжалось до середины июня 1941 г.¹²⁹⁸ За этот период было разработано пять вариантов плана оперативного использования Красной Армии в войне с Германией. Это, конечно, не исключает наличия и других рабочих вариантов, которые все еще недоступны для исследователей.

Вместе с тем не следует забывать, что опубликованные документы хотя и играли ключевую роль в советском военном планировании, но не исчерпывали его. Во-первых, к этим документам имелся ряд приложений графического и текстуального характера, детализировавших их содержание. Во-вторых, кроме того, имелись записка о порядке стратегического развертывания вооруженных сил (задачи фронтов и флотов) с приложением карты и сводной таблицы распределения войсковых соединений, авиации и частей РКК по фронтам и армиям; план стратегических перевозок для сосредоточения вооруженных сил на ТВД; планы прикрытия стратегического развертывания; план устройства тыла и материального обеспечения действующей армии; планы по связи, военным сообщениям, ПВО и другие документы. Комплексное исследование всех этих материалов, в совокупности составлявших советский оперативный план, обеспечивающий организованное развертывание и вступление в боевые действия Красной Армии в соответствии с целями и задачами первых стратегических операций¹²⁹⁹, все еще остается, к сожалению, неосуществимым. Пока же мы вынуждены ограничиться рассмотрением доступных текстов четырех докладных записок на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова, содержащих основные идеи военных планов¹³⁰⁰. Непосредственной разработкой этих документов занимались заместители начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майоры А.М. Василевский (северное, северо-западное и западное направления) и А.Ф. Анисов (юго-западное и южное направления)¹³⁰¹.

Прежде чем переходить к анализу этих документов, следует хотя бы кратко остановиться на хронологии процесса их разработки. Документ под условным названием "Соображения об

основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940-1941 гг." начал разрабатываться после установления советско-германской границы согласно договору от 28 сентября 1939 г. Особую интенсивность этот процесс приобрел со второй половины марта 1940 г., и в конце июля составление этого документа было завершено. Относительно его судьбы в литературе имеется две дополняющие друг друга версии. Одни авторы считают, что изменение западных границ СССР в августе 1940 г. и формирование новых соединений Красной Армии потребовало существенной доработки документа. По мнению же других, этот план был доложен наркому обороны Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко, который не одобрил его, поскольку считал, что в нем чрезмерное значение придается группировке противника, расположенной севернее Варшавы и в Восточной Пруссии, и настаивал на более тщательной проработке варианта, когда основные силы противника развернулись бы южнее Варшавы¹³⁰².

Как бы то ни было, к 18 сентября был подготовлен новый вариант плана, который учитывал возможность использования главных сил Красной Армии, в зависимости от обстановки, на Северо-Западном или Юго-Западном направлениях. Именно эти варианты развертывания советских войск именуется в историографии соответственно "северным" и "южным". Подобная особенность планирования была своеобразной традицией советского Генштаба, поскольку в 1921-1939 гг. Западный театр военных действий (ТВД) разделялся почти точно посередине бассейном реки Припять. С сентября 1939 г. эта река полностью протекала по территории СССР, но по привычке именно эта линия, экстраполированная далее на запад, делила ТВД на два основных направления. 5 октября 1940 г. этот вариант плана был доложен Сталину и Молотову. В ходе обсуждения Генштабу было поручено доработать план с учетом развертывания еще более сильной главной группировки в составе Юго-Западного фронта. В результате было предусмотрено увеличить численность войск Юго-Западного фронта на 31,25% по дивизиям, на 300% по танковым бригадам и на 59% по авиаполкам¹³⁰³. 14 октября доработанный "южный" вариант плана был утвержден в качестве основного, но при этом было решено "иметь разработанным" и "северный" вариант. Разработку обоих вариантов на местах планировалось закончить к 1 мая 1941 г.

Тем самым советские вооруженные силы получили действующий документ, на основе которого велось более детальное военное планирование. В Генеральный штаб вызывались командующие войсками, члены Военных Советов и начальники штабов военных округов для разработки оперативных документов, которые сразу же утверждались наркомом обороны. Кроме этого документа советскому руководству докладывались планы боевых действий против Финляндии, Румынии и Турции, что, по мнению их разработчиков, придавало всему оперативному плану необходимую полноту и гибкость, давало возможность действовать в зависимости от конкретной военно-политической обстановки¹³⁰⁴. К сожалению, практически все эти документы остаются секретными, и вряд ли историки в скором времени смогут исследовать их.

Однако разработка военных планов на этом не завершилась. Военное руководство стремилось всесторонне оценить оба варианта действий Красной Армии, заложенных в оперативный план. Для проверки "северного" варианта оперативного плана на 17-19 ноября 1940 г. в Генштабе была запланирована оперативно-стратегическая игра на картах под руководством наркома обороны по теме "Наступательная операция фронта с прорывом УР", в ходе которой, наряду с проработкой основ современной операции, планировалось "изучить Прибалтийский театр военных действий и Восточную Пруссию". Позднее срок игры был

увязан с окончанием декабрьского (1940 г.) совещания высшего состава РККА, и в ходе ее было решено отработать оба варианта плана войны. Для отработки "северного" и "южного" вариантов соответственно 2-6 и 8-11 января 1941 г. в Генштабе проводились две оперативно-стратегические игры, подробности которых раскрыты в работах П.Н. Бобылева. В первой игре разыгрывались наступательные действия Красной Армии на Северо-Западном направлении (Восточная Пруссия), а во второй - на Юго-Западном (Южная Польша, Венгрия и Румыния).

Хотя в заданиях к играм отмечалось, что "западные" напали, "никаких задач, связанных с действиями "восточных" по отражению агрессии не решалось". Стороны были поставлены в известность, что "западные" были отброшены к границе, а на Юго-Западном направлении даже к линии рек Вислы и Дунайца на оккупированной немцами территории Польши, и с этих рубежей уже шла игра. Исходя из этого П.Н. Бобылев критикует мнение М.В. Захарова, что игры проводились для "отработки некоторых вопросов, связанных с действиями войск в начальный период войны". Однако, как отмечает А.М. Василевский, "в январе 1941 г. ... основные моменты оперативного плана были проверены на стратегической военной игре". Еще более категоричен командовавший 6-й армией генерал И.Н. Музыченко: "План войны мы проигрывали в январе в Генштабе". Как мы увидим далее, никаких оборонительных операций советский Генштаб и не планировал, поэтому разыгрывавшиеся наступательные операции Красной Армии и должны были стать содержанием начального периода войны. В ходе игры наступление "восточных" на территории Восточной Пруссии захлебнулось, а на Юго-Западе они добились значительных успехов, что и привело к отказу от "северного" варианта действий Красной Армии. Тем самым главным направлением советского наступления была определена Южная Польша¹³⁰⁵.

Переработку документов оперативного плана с учетом опыта январских игр возглавил новый начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков. Согласно "Плану разработки оперативных планов" требовалось уточнить документы по "южному" варианту к 22 марта, а по "северному" варианту - к 8 марта 1941 г. К сожалению, не ясно, была ли выполнена эта задача, ибо подготовленный к 11 марта 1941 г. новый вариант плана окончательно закрепил отказ от "северного" варианта и переориентировал основные усилия войск на Юго-Западное направление¹³⁰⁶.

Судьба этого варианта плана вызывает в литературе разногласия. Так, Б.Н. Петров отмечает, что 10 апреля 1941 г. была подготовлена директива на разработку плана оперативного развертывания войск приграничных округов, исходящая из идей, заложенных в плане от 11 марта¹³⁰⁷. Ю.А. Горьков же указывает, что "по данному варианту плана были подготовлены уточняющие директивы в западные приграничные округа и наркому ВМФ, но адресатам их не отправили"¹³⁰⁸. Однако, как указывает А.М. Василевский, в данном случае вновь применялась вышеотмеченная практика вызова в Москву командующих войсками и начальников штабов округов, которые получили все необходимые указания¹³⁰⁹. Поэтому вывод Ю.А. Горькова, что "уточненному в марте 1941 года плану не был дан ход"¹³¹⁰, без анализа все еще секретных документов военного планирования округов представляется преждевременным.

Как бы то ни было, работа над уточнением оперативного плана продолжалась, и к 15 мая 1941 г. был разработан еще один вариант. Вокруг этого документа в отечественной историографии развернулась дискуссия по вопросу, был ли он утвержден советским политическим руководством. Документальные данные, которые давали бы однозначный

ответ на этот вопрос, неизвестны, поэтому основные аргументы дискутирующих сторон опираются на косвенные сведения. Некоторые авторы ссылаются на то, что на этом документе отсутствуют подписи наркома обороны и начальника Генштаба¹³¹¹. Действительно, отсутствие подписей военных руководителей объяснить трудно, но Ю.А. Горьков отмечает, что "после 1938 г. все оперативные планы, разработанные Генштабом, не имеют подписей наркома и начальника Генштаба (кроме сентябрьского плана 1940 г., подписанного Тимошенко и Мерецковым)"¹³¹². То есть оформление документа от 15 мая 1941 г. вовсе не является чем-то экстраординарным. Можно предположить, что уточнения утвержденного в октябре 1940 г. плана стратегического развертывания оформлялись в рабочем порядке. Сомнения в том, что Сталин был знаком с этим планом, основываются, вероятно, на том факте, что на нем отсутствует какая-либо его резолюция. Но сведения, сообщаемые А.М. Василевским о порядке рассмотрения подобных документов советским руководством, подтверждают, что все указания Сталин давал устно¹³¹³.

Основным аргументом сторонников традиционной версии об оборонительных намерениях СССР стали материалы бесед Г.К. Жукова с некоторыми военными историками в 1960-е годы. По свидетельству В.А. Анфилова, в 1965 г. Жуков рассказал ему следующее: "Идея предупредить нападение Германии появилась у нас с Тимошенко в связи с речью Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий, в которой он говорил о возможности действовать наступательным образом. Это выступление в обстановке, когда враг сосредоточивал силы у наших границ, убедило нас в необходимости разработать директиву, предусматривавшую предупредительный удар. Конкретная задача была поставлена А.М. Василевскому. 15 мая он доложил проект директивы наркому и мне. Однако мы этот документ не подписали, решили предварительно доложить его Сталину. Но он прямо-таки закипел, услышав о предупредительном ударе по немецким войскам. "Вы что, с ума сошли, немцев хотите спровоцировать?" раздраженно бросил Сталин. Мы сослались на складывающуюся у границ СССР обстановку, на идеи, содержащиеся в его выступлении 5 мая... "Так я сказал это, чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем трубят газеты всего мира", - прорычал Сталин. Так была похоронена наша идея о предупредительном ударе..."¹³¹⁴

В 1966 г. Жуков рассказывал сотруднику Военно-исторического журнала Н.А. Светлишину, что "свою докладную я передал Сталину через его личного секретаря Поскребышева. Мне до сих пор не известны ни дальнейшая судьба этой записки, ни принятое по ней решение Сталина. А преподанный по этому поводу мне урок запомнился навсегда. На следующий день Н.А. Поскребышев, встретивший меня в приемной Сталина, сообщил его реакцию на мою записку. Он сказал, что Сталин был сильно разгневан моей докладной и поручил ему передать мне, чтобы я впредь таких записок "для прокурора" больше не писал, что председатель Совнаркома больше осведомлен о перспективах наших взаимоотношений с Германией, чем начальник Генштаба, что Советский Союз имеет еще достаточно времени для подготовки решительной схватки с фашизмом. А реализация моих предложений была бы только на руку врагам Советской власти"¹³¹⁵

Трудно не заметить полное различие обеих версий, что очень странно: ведь их автором, если верить публикаторам, был один и тот же человек, участник описываемых событий. Особенно неправдоподобной выглядит версия Светлишина. Прежде всего не ясно, почему Жуков передает совершенно секретный, особой важности документ не самому Сталину, а его секретарю. Мало того, что подобная практика не подтверждается другими материалами, она

была прямо запрещена "Инструкцией по разработке, пользованию, учету и хранению совершенно секретных документов особой важности в центральных управлениях Наркомата обороны и в штабах военных округов и армий", введенной в действие приказом наркома обороны № 0023 от 12 апреля 1941 г. Согласно инструкции, "совершенно секретным документам особой важности являются оперативные документы, относящиеся к планам оперативного развертывания войск Красной Армии", что подтверждается наличием на документе от 15 мая 1941 г. грифов "совершенно секретно/особой важности". В инструкции было четко указано, что "передача документов на подпись, на доклад и т.п. через третьих лиц (секретарей, адъютантов и т.п.) запрещается. Документы должны передаваться соответствующим должностным лицам из рук в руки"¹³¹⁶. Не ясно также, почему Сталин не мог лично сказать Жукову все то, что он якобы передал через Поскребышева, который сообщил генералу об этом в приемной (!?) Сталина.

Более правдоподобна версия Анфилова, но и в ней содержатся явно фальсифицированные сведения. Во-первых, идея предупредить нападение Германии возникла задолго до мая 1941 г. и составляла основу советского военного планирования в 1940-1941 гг. Хотя не исключено, что именно речь Сталина от 5 мая 1941 г. подтолкнула военных подготовить уточняющий документ. Во-вторых, ответ Сталина на это предложение выглядит совершенно ни к месту - при чем тут "провоцирование"? В-третьих, вряд ли стоит сводить смысл речи Сталина к опровержению утверждений зарубежной прессы, которую в СССР явно не читали. Теперь эта речь опубликована¹³¹⁷, и каждый сам может убедиться в полном расхождении ее содержания и приведенной версии. Единственно, в чем сходятся обе версии, это в отказе Сталина от утверждения этого документа. Думается, что именно это и было целью рассказов Жукова, являвшегося одним из тех, кто был заинтересован в сокрытии правды о неудавшемся нападении на Германию. К тому же Жуков был не в том положении, чтобы позволить себе сказать правду, хотя бы в силу подписки о неразглашении государственной тайны.

Ю.А. Горьков выдвигает несколько иную версию в обоснование того, что "Советский Союз не готовился к агрессии против Германии в 1941 г.", ссылаясь на "отсутствие решения на начало войны со стороны советского политического руководства и правительства... До настоящего времени документов, подтверждающих наличие такого политического решения, не выявлено"¹³¹⁸. К сожалению, авторы, любящие порассуждать о "политическом решении" о начале войны, не спешат точно определить, какой именно документ является "политическим решением". Причем разногласия существуют даже в отношении действий германского руководства. Одни авторы считают, что Гитлер принял политическое решение о начале войны с СССР в июне - июле 1940 г., когда отдал приказ о начале ее планирования, а другие утверждают, что в декабре 1940 г., когда подписал директиву № 21 "План Барбаросса". Однако известно, что даже приказ вермахту о нападении на СССР от 10 июня 1941 г. предполагал возможность его отмены, и лишь днем 21 июня войска получили окончательное подтверждение намеченной операции¹³¹⁹. Или, например, действия англо-французского руководства, которое планировало вмешательство в советско-финскую войну и удары по Баку и Багуми, но, несмотря на значительную подготовку к осуществлению этих планов, Лондон и Париж так и не приняли "политического решения" начать их реализацию¹³²⁰.

Как справедливо указывает П.Н. Бобылев, "следует различать решение о подготовке к войне и решение о ее начале. Первое могло быть принято задолго до второго"¹³²¹. Кстати сказать, опыт действий Красной Армии против Польши, Финляндии, Прибалтийских стран и

Румынии показывает, что первоначально войска получали приказ, содержащий их боевые задачи и указания о сроке сосредоточения на границе. Конкретная же дата вторжения сообщалась отдельным приказом в последние часы перед его осуществлением. Тем самым у советского руководства буквально до последнего момента оставалась возможность учесть вероятное изменение политической ситуации и не доводить дело до войны. Таким образом, "политическим решением" о начале войны может считаться лишь приказ войскам осуществить вторжение. Естественно, что до 22 июня 1941 г. советское военно-политическое руководство не отдавало и не могло отдать Красной Армии такого приказа, а поэтому вся дискуссия по этому вопросу безосновательна.

Наиболее серьезным аргументом в пользу утверждения документа от 15 мая 1941 г., по мнению В.Н. Киселева, В.Д. Данилова и П.Н. Бобылева¹³²², является процесс стратегического сосредоточения и развертывания Красной Армии в соответствии с этим планом и его последующими уточнениями, развернувшийся в апреле - июне 1941 г. Эти события явно говорят в пользу того, что план был утвержден. Правда, момент его утверждения остается неизвестным. Не исключено, что это могло произойти 19 мая 1941 г., когда на приеме у Сталина одновременно были Молотов, Тимошенко, Жуков и Ватутин¹³²³. Ю.А. Горьков, первым опубликовавший этот документ в российской научной периодике, тоже считает, что план был утвержден и "в начальном периоде войны действия советских войск на советско-германском фронте определялись стратегическим замыслом оперативного плана, разработанного в мае 1941 года"¹³²⁴. В другой своей публикации он прямо пишет, что этот план был 15 мая 1941 г. одобрен "политическим руководством государства"¹³²⁵.

Для обсуждения сложившейся обстановки и задач войск западных приграничных округов, вытекавших из этого плана, 24 мая 1941 г. в Кремле состоялось совещание Сталина и Молотова с наркомом обороны маршалом С.К. Тимошенко, начальником Генштаба генералом армии Г.К. Жуковым, его первым заместителем генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным, начальником Главного управления ВВС генерал-лейтенантом П.Ф. Жигаревым, командующими войсками, членами военных советов и командующими ВВС Прибалтийского (ПриБОВО), Западного (ЗапОВО), Киевского (КОВО) особых, Ленинградского (ЛВО) и Одесского (ОдВО) округов. В июне уточнение этого документа продолжалось. 13 июня заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин подготовил справку о развертывании вооруженных сил СССР на Западном ТВД, уточнявшую состав войск и их распределение по фронтам. В это же время прорабатывалась идея о создании еще одного фронта - Южного, который был образован согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 июня 1941 г.¹³²⁶

Такова обобщенная картина хода советского стратегического планирования 1939-1941 гг. Теперь следует обратиться непосредственно к анализу содержания доступных материалов.

Первые части документов были посвящены оценке вооруженных сил и возможных действий вероятных противников¹³²⁷. В качестве таковых фигурировали Германия, Италия, Финляндия, Венгрия, Румыния, Турция и Япония, т.е. практически все соседи СССР. Разработчики документов предполагали, что против западных границ Советского Союза Германия, Финляндия, Венгрия и Румыния смогут развернуть от 236 до 270 дивизий, более 10 тыс. танков и от 12 до 15 тыс. самолетов. В документе от 15 мая 1941 г. эта часть содержит сведения только по Германии, которая могла развернуть для войны с СССР до 180 дивизий. Вероятно, подобное сокращение связано с тем, что этот документ содержит план боевых действий в основном только против Германии. Для подготовки этой части

документов использовались оценочные данные Разведуправления Генштаба, которые были значительно завышенными, поскольку в действительности к 22 июня 1941 г. для войны с СССР были выделены намного меньшие силы (см. таблицу 37).

Таблица 37

Оценка численности вероятной группировки противника и реальные данные на 22 июня 1941 г.

Излагая "вероятные оперативные планы противников", разработчики документов постоянно подчеркивали, что "документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб Красной Армии не располагает"¹³²⁸. И далее речь идет лишь о наиболее вероятных предположениях на этот счет.

Намерения Германии оценивались в июльском плане 1940 г. следующим образом. Развернув основные силы к северу от устья реки Сан, она из Восточной Пруссии нанесет "главный удар на Ригу, на Ковно [Каунас], Вильно [Вильнюс] и далее на Минск". Одновременно в Белоруссии наносятся удары на Барановичи и Минск, а также на Дубно и Броды с целью овладения Западной Украиной. Согласно этому варианту, для нанесения главного удара будет сосредоточено до 130 дивизий, а остальные 50 будут действовать на юге. Однако не исключался и обратный вариант, когда главный удар будет наноситься на Украине, а севернее развернутся вспомогательные действия. В этом случае вермахт будет развернут в обратной пропорции. Предполагались наступательные действия с территории Румынии на Жмеринку и из Финляндии на Карельском перешейке, а позднее на Кандалакшу и Петрозаводск.

Изложив оба варианта действий Германии, авторы документа делали следующий вывод: "Основным наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, т.е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан"¹³²⁹.

В ходе дальнейшей переработки этой части документа в текст вносились лишь частные изменения относительно направлений развития германских наступательных операций и развертываемых сил. Гораздо более важным являются изменения в оценке основного варианта действий вооруженных сил Германии. Если в плане от 18 сентября 1940 г. он оставался без изменений, то в плане от 11 марта 1941 г. считалось, что главный удар вермахта будет нанесен по Украине, а на севере будут наноситься вспомогательные удары на Ригу, Двинск [Даугавпилс], Волковыск и Барановичи, правда, и северный вариант полностью не исключался. Документ от 15 мая 1941 г. исходит уже из вероятности только южного направления главного удара вермахта¹³³⁰.

Таким образом, оценка намерений противника, за исключением возможного направления главного удара, не претерпела существенных изменений. Вместе с тем нельзя не отметить, что в условиях отсутствия конкретных данных о действительных планах Германии подобные оценки исходили лишь из конфигурации советско-германской границы. Не ясно также, почему авторы документов полностью исключили вариант нанесения главного удара вермахта в Белоруссии и на каком основании ими делался вывод о северном или южном направлениях главных ударов противника. При анализе этих разделов документов постоянно возникает ощущение, что их авторы занимаются простым гаданием. Более того, А.М. Василевский указывает на отсутствие у разработчиков "прямого ответа на основной вопрос - о вероятности нападения на нас фашистской Германии, не говоря уже об

определении хотя бы примерных сроков этого нападения"¹³³¹, что прямо опровергает официальную версию о разработке планов отражения германской агрессии.

Планируя оперативное использование Красной Армии, авторы документов тщательно отработали вопросы ее стратегического развертывания. Документы военного планирования позволяют проследить динамику усиления Западного ТВД, на который предполагалось выделить основные силы советских войск. Согласно июльскому плану 1940 г., для действий на Западе выделялось 68,7% наличных сил сухопутных войск; по сентябрьскому плану - 68,9%; мартовский план 1941 г. предполагал выделение 83,5%, майский - 85,1%, а июньские документы 79,2% (см. таблицу 38)¹³³². Документы от июля, 18 сентября 1940 г., 15 мая и 13 июня 1941 г. позволяют проследить динамику изменения распределения войск по фронтам (см. таблицу 39).

Основная группировка советских войск должна была развернуться в полосе от Балтийского до Черного моря. Динамика изменения в распределении сил по двум стратегическим направлениям представлена в таблице 40, из которой видно, что основная группировка развертывалась на Юго-Западном направлении. В отечественной литературе стало общим местом утверждение, что это произошло в силу неправильного определения советским военно-политическим руководством направления будущего главного удара противника. Однако, как справедливо указал М.А. Гареев, "направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической оборонительной операции (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась - и в этом главная ошибка), а применительно совсем к другим способам действий". Однако в случае советского наступления "упомянутый вариант выбора направления сосредоточения основных усилий на Юго-Западном направлении был вполне обоснован и более выгоден, чем на западном направлении", поскольку "пролегал на более выгодной местности, отрезал Германию от основных союзников, нефти, выводил наши войска во фланг и тыл главной группировки противника", тогда как "главный удар на Западном направлении приводил к лобовому столкновению с основными силами германской армии, требовал прорыва укрепленных районов на очень сложной местности"¹³³³. "И совсем другие условия, а следовательно, и соображения могли возникать, если бы стратегическим замыслом предусматривалось проведение в начале войны оборонительных операций по отражению агрессии. В этом случае, безусловно, было выгоднее основные усилия иметь в полосе Западного фронта. Но такой способ стратегических действий тогда не предполагался"¹³³⁴.

Таблица 40

Варианты распределения советских войск по направлениям¹³³⁵

Какие же задачи возлагались на все эти войска? Согласно документу от июля 1940 г., "основной задачей наших войск является нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы; вспомогательным ударом нанести поражение группировкам противника в районе Ивангород [Демблин], Люблин, Грубешов, Томашов, Сандомир". Соответственно войскам Северо-Западного фронта (8-я, 11-я армии, 37 дивизий и 2 бригады) ставилась задача - "по сосредоточении атаковать противника с конечной целью совместно с Западным фронтом нанести поражение его группировке в Восточной Пруссии и овладеть последней".

Западный фронт (3-я, 10-я, 13-я, 4-я армии, 51 дивизия и 4 бригады) должен был "ударом севернее р. Буг, в общем направлении на Алленштейн, совместно с армиями Северо-Западного фронта нанести решительное поражение германской армии,

сосредоточивающейся в Восточной Пруссии, овладеть последней и выйти на нижнее течение р. Висла. Одновременно, ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород [Демблин], совместно с армиями Юго-Западного фронта нанести поражение Ивангород-Люблинской группировке противника и также выйти на р. Висла".

Перед войсками Юго-Западного фронта (5-я, 6-я, 12-я, 18-я, 9-я армии, Конно-механизированная группа, 57 дивизий и 4 бригады) ставилась задача "активной обороной в Карпатах и по границе с Румынией прикрыть Западную Украину и Бессарабию, одновременно, ударом с фронта Мосты-Великие, Рава-Русска, Сенява в общем направлении на Люблин, совместно с левофланговой армией Западного фронта нанести поражение Ивангород-Люблинской группировке противника, выйти и закрепиться на среднем течении р. Висла"1336 .

Согласно плану от 18 сентября 1940 г., "главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска, с тем чтобы мощным ударом в направлении Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) (так в тексте. - М.М.) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней".

Надо отметить, что, излагая два варианта использования Красной Армии, авторы документа подчеркивают, что именно "южный" вариант является основным. Интересно также обоснование этого вывода: "Удар наших сил в направлении Краков, Братислава, отрезая Германию от Балканских стран, приобретает исключительное политическое значение. Кроме того, удар в этом направлении будет проходить по слабо еще подготовленной в оборонном отношении территории бывшей Польши".

Общая задача Красной Армии на Западе была сформулирована следующим образом: "1. Активной обороной прочно прикрыть наши границы в период сосредоточения войск; 2. Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение люблинско-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер; 3. В процессе операции прочно прикрывать границы Северной Буковины и Бессарабии; 4. Активными действиями Северо-Западного и Западного фронтов сковать большую часть сил немцев к северу от Брест-Литовска и в Восточной Пруссии, прочно прикрывая при этом минское и псковское направления".

Соответствующие задачи получили и фронты. Северо-Западному фронту (8-я, 11-я армии, 23 дивизии и 2 бригады) были поставлены задачи: "1. Обороняя побережье Балтийского моря, совместно с Балтфлотом не допустить высадки морских десантов противника; 2. Прочно прикрывать минское и псковское направления и ни в коем случае не допустить вторжения немцев на нашу территорию; 3. С целью сокращения фронта 11-й армии и занятия ею более выгодного исходного положения для наступления в период сосредоточения войск во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта, овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки; 4. По сосредоточении войск ударом в общем направлении на Инстербург, Алленштейн совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии".

Западный фронт (3-я, 10-я, 13-я, 4-я армии, 42 дивизии и 4 бригады) получил задачу: "Прочно прикрывая минское направление, по сосредоточении войск одновременным ударом

с Северо-Западным фронтом в общем направлении на Алленштейн, сковать немецкие силы, сосредоточивающиеся в Восточной Пруссии. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород [Демблин] способствовать Юго-Западному фронту разбить люблинскую группировку противника и, развивая в дальнейшем операцию на Радом, обеспечивать действия Юго-Западного фронта с севера".

Юго-Западный фронт (5-я, 19-я, 6-я, 12-я, 18-я, 9-я и Конно-Механизированная армии, 96 дивизий и 5 бригад) получил задачу: "Прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, по сосредоточении войск во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта нанести решительное поражение люблинско-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в направлении Кельце, Петроков и на Краков, овладеть районом Кельце, Петроков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер".

Основными задачами "северного" варианта развертывания советских войск должны были быть: "1. Прочное прикрытие направлений на Минск и Псков в период сосредоточения войск. 2. Нанесение решительного поражения главным силам германской армии, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии, и захват последней. 3. Вспомогательным ударом от Львова не только прочно прикрыть Западную Украину, Северную Буковину и Бессарабию, но и нанести поражение группировке противника в районе Люблин, Грубешов, Томашев". Разработчики документа подчеркивали, что "разгром немцев в Восточной Пруссии и захват последней имеют исключительное экономическое и прежде всего политическое значение для Германии, которое неизбежно скажется на всем дальнейшем ходе борьбы с Германией". Однако "возникают опасения, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы и не даст надежного и быстрого эффекта, что в свою очередь сделает неизбежным и ускорит выступление Балканских стран в войну против нас". Основные задачи фронтов оставались такими же, как и в предыдущем варианте плана¹³³⁷.

В вышеприведенных документах войска Северного фронта, развертываемого против Финляндии, получали ограниченные задачи обеспечить оборону Ленинграда, прикрыть Мурманскую железную дорогу и удержать "полное господство в Финском заливе". Авторы документов предполагали, что "вступление в войну одной Финляндии маловероятно, наиболее действителен случай одновременного участия в войне Финляндии с Германией", и считали, что "наши действия на северо-западе должны свестись в основном к активной обороне наших границ". Правда, задачи Северного и Краснознаменного Балтийского (КБФ) флотов свидетельствуют, что "активная оборона" предполагалась на территории Финляндии¹³³⁸.

Мы позволили себе столь пространное цитирование, поскольку этот материал демонстрирует отсутствие всякой связи действий Красной Армии с возможными действиями противника, о которых говорилось выше. Из документа четко вырисовывается действительный сценарий начала войны, положенный в основу планирования: под прикрытием войск западных военных округов Красная Армия проводит сосредоточение и развертывание на Западном ТВД, ведя одновременно частные наступательные операции, завершение сосредоточения служит сигналом к переходу в общее наступление по всему фронту от Балтики до Карпат с нанесением главного удара по южной Польше. Немецкие войска, как и в первом варианте плана, обозначены термином "сосредоточивающиеся", а значит, инициатива начала войны будет исходить полностью от советской стороны, которая

первой начинает и заканчивает развертывание войск на театре военных действий. Этот вывод подтверждается прямым указанием в документе, что в случае сосредоточения основных сил на Северо-Западном направлении "при условии работы железных дорог в полном соответствии с планом перевозок, днем перехода в общее наступление должен быть установлен 25-й день от начала мобилизации, т.е. 20-й день от начала сосредоточения войск"¹³³⁹. То есть переход в наступление связан не с ситуацией на фронте, а с завершением сосредоточения Красной Армии.

Широко распространенное мнение о том, что СССР сначала ждал нападения врага, а уже потом планировал наступление, не учитывает того, что в этом случае стратегическая инициатива фактически добровольно отдавалась бы в руки противника, а советские войска ставились бы в заведомо невыгодные условия. Тем более что сам переход от обороны к наступлению, столь простой в абстракции, является очень сложным процессом, требующим тщательной и всесторонней подготовки, которая должна была начинаться с оборудования четырех оборонительных рубежей на 150-км глубину. Но ничего подобного до начала войны не делалось, и вряд ли стоит всерьез отстаивать тезис о том, что Красная Армия могла успешно обороняться на неподготовленной местности, да еще при внезапном нападении противника, которое советскими планами вообще не предусматривалось. Ведь "отражать агрессию мыслилось путем ведения на главных направлениях стратегических (фронтовых) наступательных операций"¹³⁴⁰. Кроме того, неясно, зачем надо планировать наступательные операции, если войскам предстоит оборона от нападающего противника. Ведь никто не знает, как сложится ситуация на фронте в ходе оборонительной операции, где окажутся наши войска, в каком они будут состоянии и т.п. К тому же ожидание нападения противника не позволит своевременно провести мобилизацию, что соответственно сделает невозможным осуществление всех этих планов.

Не следует забывать, что при разработке проблем начального периода войны внимание советской военной науки на протяжении всего межвоенного периода "было сосредоточено на том, чтобы с началом войны ввести свои главные силы в сражение раньше своего противника и в более выгодных условиях, надежно захватить стратегическую инициативу. Решение этой задачи могли обеспечить: создание сильных армий мирного времени, которые могли бы составить ядро главных сил; заблаговременная всесторонняя подготовка инфраструктуры, особенно железных и автомобильных дорог, позволяющая своевременно осуществить развертывание главных сил; детальная разработка плана мобилизации, сосредоточения и оперативно-стратегического развертывания; создание соответствующих органов управления этими процессами; формирование и сосредоточение в районе границы специальных мотомеханизированных и авиационных соединений, призванных с началом военных действий сорвать мобилизацию и сосредоточение главных сил противника; инженерное оборудование ТВД; подготовка системы ПВО территории страны; организация прикрытия Государственной границы для беспрепятственного проведения мобилизации, сосредоточения и развертывания войск; заблаговременное, скрытое проведение частичной мобилизации и сосредоточения войск"¹³⁴¹. Как известно, эти меры последовательно проводились в предвоенный период, что лишний раз опровергает версию об оборонительных намерениях советского военно-политического руководства.

Поскольку в документах были подробно расписаны именно наступательные операции советских войск, говорить об ответных действиях Красной Армии не представляется возможным. Содержание этих документов лишний раз показывает, что действия войск по

прикрытию в период сосредоточения и развертывания не связаны обязательно с отражением нападения противника, а являются своего рода боевым охранением сосредоточивающихся войск. Кроме того, не следует забывать, что операции по прикрытию предпринимались Красной Армией осенью 1939 г. при сосредоточении войск для нападения на Польшу и Финляндию и летом 1940 г. для действий против Прибалтийских стран и Румынии.

В плане от 11 марта 1941 г. был окончательно закреплён отказ от "северного" варианта, поскольку "развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на Варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям"¹³⁴², и основное внимание уделялось дальнейшей отработке "южного" варианта. В этом документе отмечалось, что "наиболее выгодным является развертывание наших главных сил к югу от р. Припять с тем, чтобы мощными ударами на Люблин, Радом и на Краков поставить себе первую стратегическую цель: разбить главные силы немцев и в первый этап войны отрезать Германию от балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на балканские страны в вопросах участия их в войне против нас"¹³⁴³. Как указывает С.Н. Михалев, в этом плане "стратегическая наступательная операция советских войск на Западном театре получила четкое оформление. Замысел ее предусматривал: 1) прочной (видимо, активной. - М.М.) обороной сковать силы противника на флангах на участках Мемель, Остроленка и вдоль границ с Венгрией и Румынией; 2) главными силами Юго-Западного фронта во взаимодействии с левым крылом Западного фронта нанести удар с целью решительного поражения люблинско-радомско-сандомирской группировки противника, овладеть Краковом и Варшавой и выйти на фронт Варшава, Лодзь, Оппель"¹³⁴⁴. "Дальнейшей стратегической целью для главных сил Красной Армии в зависимости от обстановки может быть поставлено - развитие операции через Познань на Берлин или действия на юго-запад на Прагу и Вену или удар на север на Торунь и Данциг с целью обхода Восточной Пруссии"¹³⁴⁵.

Теперь, благодаря исследованию С.Н. Михалева, мы имеем возможность познакомиться с задачами Западного и Юго-Западного фронтов по этому плану. Западному фронту "предстояло ударом левым крылом в общем направлении на Седлец, Радом способствовать Юго-Западному фронту в разгроме противника в районе Люблина, а для обеспечения действий на главном направлении нанести вспомогательный удар в направлении Варшавы, овладеть ею и "вынести оборону" на р. Нарев. Ближайшей задачей фронта являлось овладение районами Седлец, Луков и захват переправ через р. Висла. В дальнейшем имелись в виду действия в направлении Радом с целью окружения люблинской группировки противника во взаимодействии с Юго-Западным фронтом".

Юго-Западному фронту была поставлена задача "концентрическим ударом армий правого крыла во взаимодействии с Западным фронтом окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла с одновременным выносом действий подвижной группы (механизированных корпусов два) на западный берег р. Висла для овладения Кельце. Главными силами фронта по завершении разгрома люблинской группировки на десятый день операции быть готовым к форсированию р. Висла. Одновременно левым крылом главной группировки нанести удар на краковском направлении и, развивая успех силами подвижных групп (механизированных корпусов четыре), на восьмой день операции овладеть Краковом, на десятый день операции главные силы этой группировки вывести в район Мехув, Краков, Тарнов"¹³⁴⁶.

Вышеприведенный материал однозначно свидетельствует о продолжении отработки наступательных операций советских войск. Высказанное в литературе мнение о том, что "план от 11 марта 1941 г. является самым точным итоговым выражением общепринятых взглядов и наиболее точно отражает персональную позицию Сталина", можно принять лишь частично. Действительно, в этом документе изложена квинтэссенция "общепринятых взглядов" советского руководства на начало войны, но он не был итоговым, поскольку процесс разработки советского оперативного плана продолжался. Версия о том, что "в основу документа была положена оборонительная стратегия"¹³⁴⁷, не имеет никакого основания. Дело в том, что в нем было четко указано: "Наступление начать 12.6"¹³⁴⁸. Точный срок начала наступления, как известно, определяется стороной, которая планирует располагать инициативой начала боевых действий. Правда, этот срок не был выдержан, но его появление в документе очень показательное, как и то, что это единственный документ советского военного планирования, который опубликован в новейшем документальном сборнике в извлечении¹³⁴⁹.

Уточнение задач советских войск нашло свое дальнейшее развитие в документе от 15 мая 1941 г. В нем впервые открыто и четко сформулирована мысль, что Красная Армия должна "упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие войск". Эта мысль, как мы видели выше, в скрытой форме присутствовала во всех предыдущих вариантах плана. Естественно, что разработчики этого документа говорят о возможности нападения Германии на СССР лишь предположительно¹³⁵⁰.

Войскам Красной Армии ставилась задача нанести удар по германской армии, для чего следовало "первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить - разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест-Демблин и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии. Ближайшая задача - разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р.р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

- а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников;
- б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания варшавской группировки и овладеть Варшавой, а так же содействовать Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки противника;
- в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке.

Таким образом, Красная Армия начнет наступательные действия с фронта Чижов, Лютовиска силами 152 дивизий против 100 германских. На остальных участках госграницы предусматривается активная оборона".

Термин "активная оборона" не должен вводить в заблуждение, так как он означал совокупность оборонительных и наступательных операций. Поскольку в документе неоднократно подчеркивается, что именно Красная Армия будет инициатором военных действий, этот термин, скорее всего, скрывает частные наступательные операции для

сковывания противника.

Фронты получили следующие задачи. Северный фронт (14-я, 7-я, 23-я армии, 21 дивизия) должен был обеспечить оборону "г. Ленинграда, порта Мурманск, Кировской железной дороги и совместно с Балтийским военно-морским флотом обеспечить за нами полное господство в водах Финского залива". Правда, остается неясно, как могли сухопутные войска обеспечить господство в заливе без оккупации южной части Финляндии.

Северо-Западный фронт (8-я, 11-я, 27-я армии, 23 дивизии) должен был "упорной обороной прочно прикрывать Рижское и Виленское направления, не допустив вторжения противника из Восточной Пруссии; обороной западного побережья и островов Эзель и Даго не допустить высадки морских десантов противника". Правда, как отмечают авторы новейшего военно-исторического труда, войскам Северо-Западного фронта и двум армиям правого крыла Западного фронта "предписывалось при благоприятных условиях перейти в наступление, овладеть районом Сувалки, нанести удар на Инстербург и Алленштейн, сковав тем самым силы противника" в Восточной Пруссии¹³⁵¹.

Западный фронт (3-я, 10-я, 13-я, 4-я армии, 45 дивизий) должен был "упорной обороной на фронте Друскеники, Остроленка, прочно прикрывать Лидское и Белостокское направления; с переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в общем направлении на Варшаву и Седлец, Радом, разбить варшавскую группировку и овладеть Варшавой, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить люблинско-радомскую группировку противника, выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радом".

Юго-Западный фронт (5-я, 20-я, 6-я, 26-я, 21-я, 12-я, 18-я, 9-я армии, 122 дивизии) имел ближайшими задачами "а) концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблина; б) одновременно ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на краковском и сандомирско-келецком направлениях и овладеть районом Краков, Катовице, Кельце, имея ввиду в дальнейшем наступать из этого района в северном или северо-западном направлении для разгрома крупных сил северного крыла фронта противника и овладения территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии; в) прочно оборонять госграницу с Венгрией и Румынией и быть готовым к нанесению концентрических ударов против Румынии из районов Черновицы и Кишинев с ближайшей целью разгромить сев. крыло Румынской армии и выйти на рубеж р. Молдова, Яссы"¹³⁵².

Таким образом, как справедливо указывает С.Н. Михалев, майский "план представлял собой несколько трансформированную разработку идеи, заложенной ранее" в мартовском плане¹³⁵³, а достижение ближайших стратегических целей планировалось обеспечить наступательными действиями, прежде всего войск Юго-Западного направления, на котором развертывалось более половины всех дивизий, предназначенных для действий на Западе. Для обеспечения сильного первоначального удара по противнику основные силы планировалось развернуть в армиях первого эшелона, куда включалась большая часть подвижных соединений.

Наступательному характеру задач сухопутных войск соответствовали и активные задачи, которые разрабатывались командованием советского Военно-Морского Флота, о чем свидетельствуют докладные записки командования КБФ наркому ВМФ Н.Г. Кузнецову и в Главный морской штаб. Так, начальник штаба флота контр-адмирал Ю.А. Пантелеев в записке от 5 июля 1940 г., анализируя сложившуюся обстановку на Балтике, отмечал, что,

несмотря на враждебное отношение к СССР Финляндии и Швеции, "единственным противником... может быть в данной обстановке только Германия, которая для развертывания операций использует Швецию и особенно Финляндию для использования ее фланкирующего и тылового расположения в отношении наших баз в устье Финского залива". Вероятными операциями Германии на Балтийском море могли бы стать действия против Моонзундских островов, Ханко и других баз КБФ, который должен был обеспечить их оборону с моря, создать противолодочный рубеж в устье Финского залива и обеспечить свои коммуникации от Кронштадта до Таллина. Вместе с тем против Финляндии предлагалось осуществить десантные операции для захвата Аландских островов, Котки, шхер Аспэ и оккупацию северного побережья Финского залива. Против Швеции предлагалось осуществить десант на остров Готланд, где следовало создать базу подводных лодок и ВВС флота.

Против Германии предлагались активные минные постановки и действия подводных лодок на ее коммуникациях, высадка десанта и поддержка фланга сухопутных войск к югу от Лиепайи и подготовка флота к морскому сражению с германскими ВМС, прорывающимися в Финский залив. Первоочередными операциями флота Пантелеев считал "захват Аландских островов во всех случаях обстановки на Балтике и немедленно. Операции по постановке минных заграждений и по их прикрытию в устье Финского залива, Ирбенском проливе и у немецких баз. Наступление наших сухопутных сил на север от базы Гангэ [Ханко] и на запад от Выборга. Развертывание подводных лодок на коммуникациях немцев в Балтике (побережье Германии Киль-Мемель)". По мнению автора доклада, следовало "немедленно в этом же году получить Аландские острова и возможность реального контроля над всеми финскими базами в Финском заливе любыми средствами - вплоть до войны, иначе потом все эти возможности используют немцы и создадут этим для нас большие трудности". Кроме того было необходимо усилить корабельный состав флота, его ВВС, противолодочную оборону, сосредоточить необходимое количество мин и изменить структуру управления на ТВД1354.

Столь же радикальной была и докладная записка командующего эскадрой КБФ контр-адмирала Н.Н. Несвицкого от 10 июля 1940 г. в Главный морской штаб, в которой он, исходя из анализа неблагоприятной для СССР обстановки на Балтике, предлагал "в целях обеспечения как баз, так и коммуникаций, питающих их... решить вопрос самостоятельного существования Швеции и Финляндии в пользу СССР и сделать Балтийское море внутренним морем". Для обеспечения своих баз предлагалось создать ряд минных позиций в устье Ботнического и Финского заливов и в Ирбенском проливе, подготовиться к активному использованию ВВС и подводных лодок для обеспечения своих коммуникаций. В качестве наступательных операций КБФ должен был поддерживать фланги сухопутных войск на Ханко и на границе с Восточной Пруссией, захватить десантными операциями Готланд и Аландские острова, высадить десант на финском побережье Ботнического залива, "который обеспечит наступление наших сил на полуострове Ханко", в Котке и в Хельсинки, "обеспечивающий наступление со стороны Выборга". Также предлагалось осуществлять операции по нарушению коммуникаций и уничтожению флота Германии 1355.

Директивами наркома Военно-Морского Флота от 26 февраля 1941 г. были поставлены следующие задачи флотам на западных границах СССР.

Северный флот должен был уничтожить флот противника при появлении его в Баренцевом и Белом морях; совместно с 14-й армией оборонять побережье полуостровов

Средний, Рыбачий и Кольский и не допустить высадки десантов противника; содействовать 14-й армии в захвате Петсамо; не допустить прохода судов противника в Белое море, побережье которого следовало оборонять совместно с Архангельским военным округом; вести крейсерские операции подводных лодок на морских сообщениях противника у западного побережья Норвегии и в Скагерраке.

Краснознаменный Балтийский флот должен был не допустить высадку морских десантов немцев на побережье Латвийской и Эстонской ССР, на острова Моонзундского архипелага; совместно с ВВС Красной Армии нанести поражение германскому флоту при его попытках пройти в Финский залив; не допустить корабли противника в Рижский залив; содействовать сухопутным войскам на побережье Финского залива и на полуострове Ханко, обеспечивая их фланги, а также в случае выступления против СССР Финляндии уничтожать береговую оборону финнов; уничтожать боевые флоты Финляндии и Швеции при их выступлении против СССР; обеспечить в первые же дни войны переброску одной стрелковой дивизии с северного побережья Эстонии на полуостров Ханко, а также быть готовым к высадке десанта на Аландские острова; прервать морские коммуникации неприятеля в Балтийском море и Ботническом заливе.

Черноморский флот получил задачу обеспечить господство на море; активными минными постановками и действиями подводных лодок не допустить прохода флотов враждебной коалиции в Черное море; не допустить подвоза по морю войск и боевого снаряжения противником в порты Румынии, Болгарии и Турции; не допустить высадки десантов противника; не допускать действий кораблей противника по советскому побережью; в случае вступления Румынии в войну уничтожить или захватить ее флот и прервать коммуникации, блокировать побережье Румынии, включая устье Дуная; быть готовым к высадке тактических десантов; содействовать левому флангу Красной Армии при форсировании реки Дунай и при дальнейшем продвижении вдоль побережья Черного моря; обеспечить ПВО Главной базы и Керченского сектора береговой обороны. Дунайская военная флотилия Черноморского флота должна была не допускать форсирования противником Дуная от устья р. Прут до устья Килийского гирла; не допустить прохода военных и других судов на участке Рени - устье Килийского гирла; оказать содействие сухопутным войскам в отражении возможного удара противника с направления Галац на Джурджулешть.

Пинская военная флотилия получила задачу содействовать войскам Красной Армии на реках Западный Буг, Висла и Неман при ведении наступательных операций; огнем кораблей, переправой и перевозкой войск, высадкой тактических десантов, прикрытием флангов войск, упирающихся в реку; бороться с речными силами и переправами противника; обеспечить свои водные коммуникации¹³⁵⁶.

К 15 апреля 1941 г. флоты разработали оперативные планы и планы прикрытия, которые были утверждены наркомом ВМФ. Во второй половине июня 1941 г. при Балтийском морском пароходстве был создан Отряд особого назначения в составе 19 транспортов, 6 ледоколов, 5 катеров, 5 буксиров и 10 прочих гражданских судов, который был способен за один рейс поднять 14-15 тыс. человек, 300-350 автомашин и 3 тыс. лошадей, то есть одну дивизию для переброски на Ханко. На 23 июня на КБФ намечалось начало учений, поэтому с 19 июня флот перешел на готовность № 2. В это же время в северо-западной части Черного моря состоялись общефлотские учения Черноморского флота, которые обычно проводились в конце лета или осенью. Для их проведения 10 июня было мобилизовано в состав флота 6 гражданских судов. В ходе учений под видом противодесантных операций войска ОдВО, как

ранее войска Северо-Кавказского и Закавказского военных округов, отрабатывали вопросы высадки десанта. Разработанное накануне войны штабом Черноморского флота "Временное наставление по огневому взаимодействию кораблей ЧФ с сухопутными войсками Одесского военного округа", которое было взято за основу и другими округами, не предусматривало совместных действий при отражении высадки десанта. Лишь в ходе войны были разработаны Указания по противодесантным действиям¹³⁵⁷.

Так как план стратегического развертывания и замысел первых стратегических операций были рассчитаны на полное отмобилизование Красной Армии, то они были тесно увязаны с мобилизационным планом. С апреля 1940 г. началась разработка нового мобилизационного плана, который был 12 февраля 1941 г. утвержден правительством. Мобилизационное развертывание Красной Армии по плану МП-41 (официальное название "Мобплан № 23") должно было привести к созданию армии военного времени. Всего намечалось развернуть 8 фронтовых и 29 армейских управлений, 62 управления стрелковых, 29 механизированных, 4 кавалерийских, 5 воздушно-десантных и 8 авиакорпусов, 177 стрелковых, 19 горнострелковых, 2 мотострелковые, 61 танковую, 31 моторизованную, 13 кавалерийских и 79 авиационных дивизий, 3 стрелковые, 10 противотанковых артиллерийских бригад и 72 артполка РКК, а также соответствующее количество тыловых частей. После мобилизации численность вооруженных сил СССР должна была составить 8,9 млн человек, войска должны были иметь 106,7 тыс. орудий и минометов, до 37 тыс. танков, 22,2 тыс. боевых самолетов, 10,7 тыс. броневых автомобилей, около 91 тыс. тракторов и 595 тыс. автомашин.

Большая часть этих войск уже была сформирована или заканчивала формирование, поскольку по принятой летом 1939 г. системе мобилизационного развертывания количество частей и соединений доводилось до уровня военного времени, что упрощало процесс мобилизации, сокращало его сроки и должно было способствовать более высокой степени боеспособности отмобилизованных войск. Главная "особенность военного строительства в эти годы состояла в том, что проходило скрытое мобилизационное развертывание вооруженных сил"¹³⁵⁸. Только во второй половине 1940 - первой половине 1941 г. было сформировано 18 управлений армий, 16 управлений стрелковых корпусов, 29 управлений мехкорпусов, 5 управлений воздушно-десантных корпусов, 86 стрелковых, 61 танковая и 31 моторизованная дивизии, 2 стрелковые, 10 воздушно-десантных и 10 противотанковых артиллерийских бригад.

Согласно плану МП-41, отмобилизование Красной Армии предусматривалось произвести по эшелонам в течение месяца. В зависимости от обстановки мобилизацию планировалось проводить скрытно или открыто. Метод скрытого отмобилизования был разработан в деталях. Войска армий прикрытия планировалось отмобилизовывать в два эшелона. Первый эшелон, в который входили 114 дивизий, укрепрайоны на новой границе, 85% войск ПВО, воздушно-десантные войска, свыше 75% ВВС и 34 артполка РКК, должен был завершить отмобилизование в течение 2-6 часов с момента объявления мобилизации. Сокращение срока мобилизации достигалось за счет призыва личного состава и автотранспорта из близлежащих районов. Остальные войска приграничных округов заканчивали отмобилизование на 2-4-е сутки мобилизации, используя приписной состав со всей территории округов и из глубины страны.

Прочие войска завершали отмобилизование на 8-15-е сутки, а запасные части и стационарные госпитали - на 16-30-е сутки. Отмобилизование ВВС завершалось на 3-4-е

сутки, причем боевые части и обслуживающие их тылы приводились в боевую готовность уже через 2-4 часа после начала мобилизации. Войска ПВО отмобилизовывались в два эшелона. Первый имел постоянную готовность до 2 часов, а второй развертывался на 1-2-е сутки мобилизации. Развертывание вновь формируемых частей предусматривалось завершить на 3-5-е сутки. Таким образом, из 303 дивизий Красной Армии 172 имели сроки полной готовности на 2-4-е сутки, 60 дивизий - на 4-5-е сутки, а остальные - на 6-10-е сутки мобилизации. Все остальные боевые части, фронтовые тылы и военно-учебные заведения отмобилизовывались на 8-15-е сутки. Полное отмобилизование вооруженных сил предусматривалось на 15-30-е сутки, основная же часть войск развертывалась примерно на 10-15-е сутки¹³⁵⁹.

Важной проблемой вступления Красной Армии в войну был вопрос прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск. В межвоенный период считалось, чтокрытие должно осуществляться вторжением на территорию противника, что полностью исключало бы его активные действия против сосредоточивающихся и развертывающихся войск Красной Армии. Первоначально эти задачи должны были выполняться группами вторжения, однако "опыт стратегических игр и учений 1930-х годов показал, что группы вторжения не в состоянии выполнить тех задач, которые на них возлагались на первом стратегическом этапе борьбы. Они были слабы по своему составу и нацеливались на действия по изолированным направлениям, что могло привести к их последовательному разгрому. Вместо групп намечалось вначале создание армий вторжения или ударных армий, а затем выполнение задач армий вторжения признано необходимым возложить на весь первый стратегический эшелон вооруженных сил"¹³⁶⁰. В этом смысле проблема специальных операций прикрытия затрагивалась на декабрьском (1940 г.) совещании высшего состава в выступлении начальника штаба Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенанта П.С. Кленова¹³⁶¹.

К сожалению, документы по планам прикрытия за весь межвоенный период недоступны для изучения в силу их секретности. Лишь в 1996 г. были частично опубликованы планы прикрытия западных приграничных военных округов, разработанные в мае - июне 1941 г. Основой для их разработки послужили директивы наркома обороны, которые, как указывается в литературе, были направлены в ЗапОВО, КОВО и ЛВО 5 мая, в ОдВО - 6 мая, а в ПриБОВО - 14 мая 1941 г. В публикации 1996 г. почему-то указано, что директивы были направлены в ОдВО 6 мая, в ЛВО, ПриБОВО и ЗапОВО - 14 мая, а в КОВО - 15 мая 1941 г., хотя даже их делопроизводственные номера не соответствуют этому утверждению. Вместе с тем следует отметить, что опубликованные документы по ЛВО требуют прояснения противоречий в дате директивы Наркома обороны. Это тем более любопытно, что все исследователи ссылаются на одни и те же архивные документы¹³⁶². Во всяком случае сегодня известно, что директивы наркома обороны были направлены в ЗапОВО и КОВО 5 мая, в ОдВО 6 мая, а в ЛВО и ПриБОВО 14 мая 1941 г.¹³⁶³

Кроме того, следует отметить, что данная публикация, при всей своей важности, не избежала определенной тенденциозности. Прежде всего авторы выдают эти документы за оперативные планы округов, хотя это всего лишь "планы прикрытия на период мобилизации, сосредоточения и развертывания". То есть эти документы, хотя и важная, но всего лишь часть оперативного плана¹³⁶⁴. Поэтому, вопреки утверждению авторов публикации, эти документы не "позволяют определить, как реализовывался стратегический замысел войны, выяснить ее характер на начальном этапе". Вывод авторов публикации, что "анализ директив

Генштаба, датированных маем 1941 года, в целом показывает, что никаких задач наступательного порядка войскам западных приграничных военных округов не ставилось", справедлив, но при этом следует учитывать, что эти директивы были посвящены разработке планов прикрытия, а не первых операций войны. Поэтому в них и не может быть подобных указаний. Ведь, как отметил В.Б. Маковский, "оперативное прикрытие являлось составной частью стратегического развертывания вооруженных сил"¹³⁶⁵. Таким образом, авторы публикации стремятся выдать одно из направлений подготовки Красной Армии к войне за единственное. Поэтому им вряд ли стоило пользоваться заголовком "Конец глобальной лжи".

Сами авторы публикации отмечают, что публикуемые документы "грешат формализмом, отсутствием точной оценки противника, определением соотношения сил и средств. Не были разработаны варианты и способы боевых действий"¹³⁶⁶. Гораздо более детально были распланированы действия ВВС, которым, согласно директивам наркома обороны, были поставлены задачи "активными действиями... завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника". Господство в воздухе с первых дней войны следовало завоевать "внезапным ударом по авиации противника на его аэродромах и путем нанесения максимальных потерь в воздушных боях". Понятно, что наиболее эффективным для разгрома авиации противника был бы первый удар по местам ее базирования. Поэтому, после того как ВВС округов "сосредоточатся, а аэродромная сеть противника будет вскрыта, необходимо приступить к решительному уничтожению авиации противника" и других объектов в 200-км приграничной полосе¹³⁶⁷.

Запланированная группировка войск западных приграничных округов на прикрытие (см. таблицу 41) включала 15 армий, в состав которых выделялось 107 дивизий и 2 бригады, в резерве фронтов оставалось 51 дивизия, а в распоряжении Главного Командования - 8 дивизий¹³⁶⁸. Как отмечают военные историки, "сравнительный анализ последних предвоенных планов с планами лета 1940 г. показывает, что... практически стиралась грань между боевыми действиями по прикрытие и первыми операциями"¹³⁶⁹, поскольку боевой состав армий прикрытия почти полностью соответствовал плану стратегического сосредоточения и развертывания войск на ТВД. По мнению В.А. Анфилова, Б.Н. Петрова и В.А. Семидетко, запланированная группировка войск прикрытия была более приспособлена к наступлению, чем к обороне¹³⁷⁰, что не могло не сказаться в случае нападения противника, поскольку, как справедливо указывает М.А. Гареев, "невыгодное положение советских войск усугублялось тем, что войска пограничных военных округов имели задачи не на оборонительные операции, а лишь на прикрытие развертывания войск"¹³⁷¹.

Таблица 41

Планируемая группировка войск округов на прикрытие

Ввод этих планов в действие вовсе не совпадал с нападением противника. Так, в них подчеркивается, что "первый перелет и переход границы нашими частями может быть произведен только с разрешения Главного Командования"¹³⁷². То есть инициатива этого действия будет исходить от Москвы. В плане прикрытия ПрибОВО отмечалось, что "цель разведки - с первого дня войны вскрыть намерения противника, его группировку и сроки готовности к переходу в наступление"¹³⁷³. Это еще раз подтверждает, что ввод в действие планов прикрытия зависел не от действий противника, а от решения советского командования. По справедливому мнению М.А. Гареева, "накануне войны в какой-то момент было упущено из виду то важнейшее обстоятельство, что в случае начала военных действий и

в политическом и в военном отношении нельзя исходить только из собственных пожеланий и побуждений, не учитывая, что противник будет стремиться делать все так и тогда, когда это удобно и выгодно ему"¹³⁷⁴, а "идея непереносимого перенесения войны с самого ее начала на территорию противника... настолько увлекла некоторых руководящих военных работников, что возможность ведения военных действий на своей территории практически исключалась. Конечно, это отрицательно сказалось на подготовке не только обороны, но и в целом театров военных действий в глубине своей территории"¹³⁷⁵.

Этот вывод подтверждают и опубликованные документы по планам прикрытия, не предусматривавшие серьезного противодействия сосредоточению советских войск со стороны противника. Так, полное развертывание войск приграничных округов в полосах прикрытия занимало по планам до 15 дней, что, естественно, было бы крайне затруднено при наступлении противника. Причем при нападении противника войска первого эшелона не успевали бы занять свои полосы обороны на границе. Как справедливо отметил В.П. Крикунов, "характерная черта планов прикрытия состояла в том, что они исходили из такого варианта начала войны и создавшейся обстановки, при котором удастся без помех со стороны вероятного противника выдвинуться к границе, занять назначенные полосы прикрытия, подготовиться к отражению нападения, провести от мобилизацию... Особенностью всех армейских планов прикрытия было отсутствие в них оценки возможных действий противника, в первую очередь варианта внезапного перехода в наступление превосходящих вражеских сил... Сущность тактического маневра сводилась к тому, что надо быстро собраться и выйти к границе... Предполагалось, что в районах сосредоточения будет дано время для окончательной подготовки к бою"¹³⁷⁶.

Если бы войска прикрытия действительно готовились к отражению ударов противника, то это бы означало, - по справедливому мнению М.А. Гареева, что приграничные военные округа должны иметь тщательно разработанные планы отражения вторжения противника, то есть планы оборонительных операций, так как отражение наступления превосходящих сил противника невозможно осуществить мимоходом, просто как промежуточную задачу. Для этого требуется ведение целого ряда длительных ожесточенных оборонительных сражений и операций. Если бы такие планы были, то в соответствии с ними совсем по-другому, а именно с учетом оборонительных задач, располагались бы группировки сил и средств этих округов, по-иному строилось бы управление и осуществлялось эшелонирование материальных запасов и других мобилизационных ресурсов. Готовность к отражению агрессии требовала также, чтобы были не только разработаны планы операций, но и в полном объеме подготовлены эти операции, в том числе в материально-техническом отношении, чтобы они были освоены командирами и штабами. Совершенно очевидно, что в случае внезапного нападения противника не остается времени на доподготовку таких операций. Но этого не было сделано в приграничных военных округах"¹³⁷⁷.

Поскольку ведение оборонительных операций не предусматривалось, войска первого эшелона армий прикрытия получили чрезмерно широкие полосы прикрытия на границе. Так, в ПриОВО на дивизию приходилось 33 км, в ЗапОВО - 47 км, в КОВО - 50 км, в ОдВО - 90 км. Это не предусматривалось никакими нормами, согласно которым ширина фронта обороны дивизии должна была составлять 8-10 км. Полосы армий составляли в среднем 170-176 км вместо 80-100 км по предвоенным взглядам, столь же растянутыми были и полосы прикрытия стрелковых корпусов (84-92 км вместо уставных 20-25 км). Как отметил В.Б. Маковский, "планами предусматривалось относительно равномерное построение войск

прикрытия... Такое построение войск первого стратегического эшелона при внезапном нападении противника создает условия разгрома их по частям, как это и произошло в последующем"¹³⁷⁸. Естественно, что в этих условиях "способность армий прикрытия обеспечить войска от возможного внезапного удара противника в оперативно-стратегическом масштабе являлась сомнительной, так как решению этой задачи должны были предшествовать мероприятия по оперативному развертыванию армий прикрытия и инженерному оборудованию оборонительных рубежей"¹³⁷⁹. Конечно, создание тыловых оборонительных рубежей, предусмотренное этими планами, было бы невозможно в случае вражеского удара. Кроме того, если советские войска действительно готовились к проведению оборонительных операций, неясно, что мешало создать эти рубежи, например, весной 1941 г.

Не следует забывать, что планирование операций западных приграничных округов накрытие мобилизации, сосредоточения и развертывания войск происходило в соответствии с планом от 15 мая 1941 г. В нем была четко указана цель этих мероприятий, осуществлявшихся "для того, чтобы обезопасить себя от возможного внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление" (выделено мной. - М.М.). Поэтому следовало, во-первых, "организовать прочную оборону икрытие госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на западе", а во-вторых, "разработать детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО". Согласно майским директивам наркома обороны, "разработка планов обороны госграницы и ПВО полностью" заканчивалась к 1 июня 1941 г., но позднее этот срок был отодвинут, и планы прикрытия округов поступили на утверждение в Генштаб 6-19 июня 1941 г.¹³⁸⁰

Поскольку оборонительные операции не планировались, в директивах и планах прикрытия дана установка: "При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесению боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей"¹³⁸¹. В этом смысле вывод авторов публикации, что эти документы являются "логическим продолжением стратегического плана войны", который, как было показано выше, предусматривал активные наступательные действия Красной Армии, верен.

Ставя войскам приграничных округов задачу по нанесению ударов по противнику, советское военное руководство должно было отдать приказ на подготовку этих операций. Подтверждением этому служит вышеупомянутая директива наркома обороны и начальника Генштаба командующему ЗапОВО от 10 апреля 1941 г., согласно которой в соответствии со стратегическим планом Северо-Западный фронт должен был "упорной обороной прикрыть Рижское и Ковно-Виленское направления". Юго-Западному фронту ставилась задача "ударом армий правого крыла фронта, во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта окружить и уничтожить группировку противника восточнее р. Висла", рубежа которой предполагалось достичь на 10-й день наступления.

Войска Западного фронта должны были: "1. В период от мобилизации и сосредоточения войск - упорной обороной, опираясь на укрепленные районы, прочно прикрыть наши границы и не допустить вторжения противника на нашу территорию. 2. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левого крыла фронта разбить

Люблин-Радомскую группировку противника. Ближайшая задача фронта - овладеть районом Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла; в дальнейшем иметь в виду действия на Радом с целью полного окружения Люблинской группировки противника, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом. 3. Для обеспечения главного удара фронта нанести вспомогательный удар в направлении Варшавы, с задачей захватить Варшаву и вынести оборону на р. Нарев. 4. Упорной обороной армий правого крыла фронта на участке р. Неман, Щучин, Остроленка прочно прикрыть Лидское и Волковыско-Барановичское направления".

Соответствующие задачи получили и армии Западного фронта. Так, 3-я армия должна была "обороной на фронте р. Неман, Щучин, Кольно прочно прикрыть Гродно и направления на Лида и на Белосток и Волковыск". 10-й армии следовало "прочной обороной фронта иск. Кольно, Новогруд до р. Буг, прикрыть Белостокское направление. С выдвиганием левофланговых армий фронта к р. Висла, оборону левого крыла армии вынести на р. Нарев и закрепить восточный его берег за собой". 13-я армия получила задачу "одновременно с 4-й армией фронта нанести удар силами не менее семи стрелковых дивизий и двух мехкорпусов в направлении на Коссов, Воломин, с целью - выходом к р. Висла обеспечить с севера удар 4-й армии на Седлец, Люблин; в дальнейшем действиями с севера стремиться овладеть Варшавой, действия мехкорпусов, с выходом на р. Висла, перенести на юг для содействия 4-й армии". В свою очередь, 4-я армия должна была, "наносить удар в направлении Дрохичин, Седльце (Седлец), Гарволин, форсировать р. Буг, разбить противостоящего противника и подвижными частями овладеть - на 3-й день операции Седлец и на 5-й день операции переправами на р. Висла, главными силами на 8-й день выйти на р. Висла, в готовности форсировать ее. В дальнейшем иметь в виду действия на Радом".

Вместе с тем следовало, "учитывая возможность перехода противника в наступление до окончания нашего сосредоточения, прикрытия границы организовать на фронте всех армий по типу прочной, постепенно усиливающейся по мере прибытия войск, обороны с полным использованием укрепленных районов и полевых укреплений, с всемерным развитием их в период сосредоточения". Понятно, что план на прикрытия должен был вводиться в действие не вследствие действий противника, а по приказу из Москвы. Естественно, в директиве указывалось, что "первый перелет и переход государственной границы допускается только с особого разрешения Главного командования", и требовалось разработать "план выполнения первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий"¹³⁸². Как свидетельствует А.М. Василевский, "за несколько недель до нападения на нас фашистской Германии... вся документация по окружным оперативным планам была передана Генштабом командованию и штабам соответствующих округов"¹³⁸³. Все это еще раз указывает на недопустимость смешивания планов прикрытия с оперативными планами приграничных военных округов, которые все еще секретны.

Ныне известны лишь отдельные документы военного планирования в ЛВО и КОВО 1940 г.¹³⁸⁴ 18 сентября 1940 г. Генштаб подготовил план войны с Финляндией, в котором подчеркивалось, что "документальными данными о плане оперативного развертывания финской армии Генеральный штаб Красной Армии не располагает", но не исключалась возможность активных действий с ее стороны в первые дни войны с целью захвата Выборга и выхода к Ладожскому озеру. Хотя сосредоточение предназначенных для войны с Финляндией 49 дивизий и 3 танковых бригад Красной Армии требовало от 35 до 45 суток, в документе не предусматривалось никаких контрмер возможным действиям противника,

кроме операции по прикрытию. Да и трудно представить, чтобы Финляндия, воюя с СССР один на один, решилась бы на открытие боевых действий. Общая задача советских войск сводилась к тому, чтобы: 1. Прочно прикрыть наши границы в период сосредоточения войск; 2. "Ударом главных сил Северо-Западного фронта через Савонлинна на Сан-Михель [Миккели] и через Лаппенранта на Хейнола, в обход созданных на Гельсингфорском направлении укреплений, а одновременным ударом от Выборга через Сиппола на Гельсингфорс [Хельсинки] вторгнуться в центральную Финляндию, разгромить здесь основные силы финской армии и овладеть центральной частью Финляндии. Этот удар сочетать с ударом на Гельсингфорс со стороны полуострова Ханко и с действиями КБФ в Финском заливе; 3. Одновременно с главным ударом Северо-Западного фронта нанести удар в направлении Рованиеми - Кеми и на Улеборг, с тем чтобы выходом на побережье Ботнического залива отрезать северную Финляндию и прервать непосредственные сообщения центральной Финляндии со Швецией и Норвегией; 4. Активными действиями на севере в первые же дни войны лишить Финляндию порта Петсамо и закрыть для нее норвежскую границу на участке Петсамо, Наутси"1385 .

25 ноября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба направили командованию ЛВО директиву о "разработке плана" войны с Финляндией, согласно которой ЛВО преобразовывался в Северо-Западный фронт и основными задачами имел "разгром вооруженных сил Финляндии, овладение ее территорией... и выход к Ботническому заливу на 45-й день операции, для чего: 1. В период сосредоточения войск прочно прикрыть Выборгское и Кексгольмское направления, при всех обстоятельствах удержать Выборг за собой и не допустить выхода противника к Ладожскому озеру. 2. По сосредоточении войск быть готовым на 35-й день мобилизации по особому указанию перейти в общее наступление, нанести главный удар в общем направлении Лаппенранта, Хейнола, Хяменлинна и вспомогательные удары в направлениях Корниселькя, Куопио и Савонминна, Миккели, разбить основные силы финской армии в районе Миккели, Хейнола, Хамина, на 25-й день операции овладеть Гельсингфорс и выйти на фронт Куопио, Ювяскюля, Хяменлинна, Гельсингфорс. Справа Северный фронт (штаб Кандалакша) на 40-й день мобилизации переходит в наступление и на 30-й день операции овладевает районом Кеми". Понятно, что директива содержала тщательно расписанные наступательные задачи войск фронта и требовала к 15 февраля 1941 г. разработать планы "сосредоточения и развертывания войск фронта", "прикрытия", "выполнения первой операции" и другие документы, в совокупности составлявшие план "С.З-20"1386 .

В конце 1940 г. начальник штаба КОВО подготовил план военных действий войск округа в соответствии с общим стратегическим замыслом. Естественно, ближайшей стратегической задачей войск Юго-Западного фронта был "разгром, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта, вооруженных сил Германии в районах Люблин, Томашув, Кельце, Радом и Жешув, Ясло, Краков и выход на 30-й день операции на фронт р. Пилица, Петроков, Оппельн, Нейштадт, отрезая Германию от ее южных союзников. Одновременно прочно обеспечить госграницу с Венгрией и Румынией. Ближайшая задача - во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта окружить и уничтожить противника восточнее р.Висла и на 10-й день операции выйти на р. Висла и развивать наступление в направлении на Кельце, Петроков и на Краков". Соответственно, Западный фронт имел задачу "ударом левофланговой 4-й армии в направлении Дрогичин, Седлец, Демблин содействовать Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника и на 15-й день операции выйти на р. Висла.

В дальнейшем наступать на Радом"1387 .

Операция Юго-Западного фронта была разбита на три этапа. Первым этапом была "оборона на укрепленном рубеже по линии госграницы" с задачей "не допустить вторжения противника на советскую территорию, а вторгнувшегося уничтожить и обеспечить сосредоточение и развертывание армий фронта для наступления", то есть операция прикрытия. Вторым этапом было наступление для выполнения ближайшей задачи фронта на глубину 120-130 км. Причем, предусматривалось "начало наступления с утра 30-го дня мобилизации", а не "через 30 суток после нападения противника", как утверждает Ю.А. Горьков, в одной из своих работ цитировавший вышеприведенную фразу1388 . Третьим этапом операции было "завершение выполнения ближайшей стратегической задачи фронта" на глубину до 250 км, на что отводилось 20 дней. В этом случае главный удар наносился силами 6-й, 12-й, 26-й и Конно-механизированной армий в направлении Катовице-Краковского района. Остальные армии фронта обеспечивали это наступление с фронта Варшава - Лодзь и вдоль границ Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии, где должен был быть создан новый фронт. "При разгроме главных сил противника восточнее р. Висла фронт переходит к преследованию в общем направлении главных сил в район Катовице - Краков. В первом эшелоне фронта подвижные соединения. Стрелковые соединения, усиленные танками и артиллерией, в свою очередь наступают во вторых эшелонах в готовности отразить контрудары и сломить попытки к сопротивлению".

В плане были подробно расписаны задачи армий фронта. Так, 5-я армия должна была "форсировать р. Буг, разбить противостоящего противника и к исходу 3-го дня выйти на фронт - Михельсдорф, стов. Завадувка, стов. Войсловице, подвижными частями захватить Люблин. В дальнейшем, наступая в общем направлении через Люблин, на 10 день выйти на р. Висла". 19-й армии следовало "с началом наступления главных сил фронта нанести удар в направлении Томашув, Замостье. Используя успех 5-й и 6-й армий, на 12-й день операции выйти на р. Висла на участке Солец, Завихост". Войскам 6-й армии предписывалось "ударом на Тарногруд прорвать фронт противника, пропустить в прорыв конно-механизированную армию. К исходу 3-го дня операции овладеть северными выходами из таневских лесов в районе Билгорай и районом Ежеве. Подвижными частями захватить переправу у Сандомир, на 10-й день операции выйти на р. Висла". 26-й армии следовало "форсировать р. Сан и, нанося удары обоими флангами в общем направлении на Жешув, к исходу 3-го дня операции овладеть Жешув и рубежом р. Вислок, а подвижными частями захватить переправы через Вислу и Дунаец. В дальнейшем, наступая через Радомысль, на 10-й день операции выйти на фронт Щуцин, Опатовец, Тарнув". 12-я армия должна была "обеспечить ударную группу фронта с юга со стороны Венгрии и Словакии, для чего, нанося главный удар в направлении Кросно, Ясло, разбить противостоящего противника и на 3-й день выйти в район Кросно, а на 10 день операции выйти на фронт Тарнув, Грыбув". 18-я и 9-я армии получили задачу прикрывать границу с Венгрией и Румынией и быть в готовности среагировать на вступление Румынии в войну. В частности, 9-я армия должна была "немедленным ударом через Тульча на Меджидив и Констанца занять северную Добруджу и выйти на границу с Болгарией, отрезав Румынию от моря"1389 . Как видим, доступные документы как-то не слишком соответствуют версии об оборонительных приготовлениях СССР.

Не имея возможности ознакомиться с аналогичными документами 1941 г., следует обратиться к имеющимся материалам, которые показывают направленность подготовки войск Красной Армии. Исследования ряда авторов и материалы "Отчетов по боевой и

политической подготовке войск" округов за 1939-1940 гг. свидетельствуют, что войска в целом представляли свои возможные боевые задачи и формы использования в случае войны. Эти документы показывают, что войска приграничных округов отрабатывали как фронтовые, так и армейские наступательные операции, а войска внутренних округов - только армейские операции. Обучение оборонительным боям велось преимущественно на уровне корпусов, дивизий и их частей¹³⁹⁰.

Например, согласно приказу командующего войсками КОВО № 07 от 26 января 1940 г. "Задачи боевой и политической подготовки на зимний период 1940 г.", войска на уровне корпусов и дивизий должны были отрабатывать наступательные, встречные и оборонительные (с последующим переходом в наступление) бои. В оперативной подготовке армейского и окружного аппарата были запланированы следующие мероприятия. 9-12 февраля предстояла окружная оперативная игра (армейская) с привлечением командования и штабов 5-й, 6-й, 12-й армий и Кавалерийской группы, корпусов и окружного аппарата. Игра проводилась по особому плану, поэтому ее тема из документа неизвестна. 25-29 февраля - внутриштабная игра КОВО по теме "Работа фронтового управления в период сосредоточения и развертывания войск фронта". Оперативная армейская игра на тему "Наступательная операция армии" должна была проводиться в 5-й и 12-й армиях 2-5 марта, а 7-10 марта - в 6-й армии. На 14-17 марта в Кавгруппе планировалась игра на тему "Операция конной армии во взаимодействии со стрелковыми соединениями и авиацией по срыву сосредоточения и развертывания войск противника в начальный период войны". 21-22 марта внутриштабная игра штаба КОВО по теме "Работа фронтового управления по подготовке организации и при проведении наступательной операции фронта". На 7-11 апреля была запланирована окружная оперативная (фронтовая) игра с привлечением командования и штабов 5-й, 6-й, 12-й армий и Кавгруппы, корпусов и окружного аппарата. В штабах армий были запланированы игры на тему "Тыл в наступательной операции" - в 5-й и 12-й армиях 3-6 мая, в 6-й - 8-11 мая, в Кавгруппе - 14-17 мая¹³⁹¹.

23 мая 1940 г. в КОВО была издана директива по оперативной подготовке на летний период № А-1/0067. Войскам предлагалось "на полевых поездках, штабных учениях и учениях с войсками и в период маневров детально отработать следующие вопросы:

а) во фронтовом звене - наступательную фронтовую операцию с прорывом укрепленной полосы и форсированием крупных речных преград. Планирование и обеспечение операции.

б) в армейском звене - наступательную операцию армии, как правило, с прорывом долговременной укрепленной полосы, с форсированием рек и преодолением полос заграждений.

в) в корпусах и дивизиях:

1) управление встречным боем;

2) наступательный бой с прорывом долговременной укрепленной полосы форсированием реки и преодолением полосы заграждений;

3) оборонительный бой с созданием укреплений, устройством полос заграждения и с последующим переходом в наступление.

В 13-м ск, 96-й и 192-й сд все отработать в горных условиях.

г) в коннице и танковых войсках:

1) встречный бой против конницы, танковых войск и пехоты (кк, кд, тбр, ммд, КМГ);

2) действия на фланге в наступательной операции;

3) вхождение в прорыв и действия в оперативной глубине;

4) оборона на широком фронте с созданием заграждений и укреплений (кк, кд, ммд) и с последующим переходом в наступление.

д) в 204 вдбр - выброска парашютного десанта и высадка крупного авиадесанта и действия в оперативной глубине противника с целью:

1) захвата аэродромов противника и уничтожения его авиации;

2) дезорганизация управления, связи и тыла и производство диверсий;

3) окружение и уничтожение противника во взаимодействии с подвижными войсками и авиацией;

4) захвата и удержания мостов, переправ и важных объектов.

При отработке этих вопросов особое внимание обратить на управление войсками в подвижных формах боя, на планирование, организацию и взаимодействие родов войск, наземных войск с авиацией, связь и взаимодействие с соседями.

Учить и воспитывать командиров и штабы разгрому противника по частям, путем его окружения и уничтожения...

Всячески прививать внезапность, скрытность, инициативу и решительность действий и массирование сил и средств (артиллерия, танки, авиация и материальные ресурсы) на главном направлении"1392 .

А вот как в сентябре 1940 г. проигрывалось начало войны в 6-й армии КОВО. "Западные", переведя армию на военное положение, "упреждают нас в развертывании, наступление их следует ожидать с утра 12 сентября". "Восточные" вводят в действие план прикрытия и с вечера 10 сентября проводят "сосредоточение и развертывание, занятие исходного положения", с 13 сентября ведут разведку полосы прикрытия противника путем наблюдения с линии границы. С утра 14 сентября 6-я армия переходит в наступление и к 16-17 сентября уничтожает части прикрытия противника, создает условия для ввода в прорыв Конной Армии, во взаимодействии с ней и 5-й (по игре 15-й) армией наносит поражение томашевской группировке врага и выходит на рубеж Замостье - Белгорай - Жешув - река Сан. В период 17-22 сентября войска развивают успех, уничтожают подходящие резервы противника и выходят на реку Висла, "имея прочный заслон на р. Сан". После двухдневной подготовки войска должны форсировать Вислу, продолжая наступление на запад1393 . Как видим, вновь никаких действий по отражению наступления противника, которое по заданию к игре может начаться за 2 дня до удара 6-й армии, не отработывается. Командование довольно оптимистично оценивало боеспособность своих войск, которые должны были за 3 дня развернуться для наступления и за 9 дней разгромить группировку противника в 14-16 дивизий и выйти на р. Висла.

Считается, что в отличие от вермахта, в Красной Армии оперативные планы на оперативных играх не отработывались. К сожалению, большая часть документов по оперативной подготовке войск недоступна для исследования. Имеющиеся материалы показывают, что оперативно-стратегические игры января 1941 г. не были единичным эпизодом. Так, 25 января 1941 г. начальник Генштаба генерал армии К.А. Мерецков утвердил "План проведения сборов высшего начальствующего состава в округах и армиях", согласно которому следовало в Западном, Киевском, Прибалтийском особых, Ленинградском, Архангельском, Закавказском, Забайкальском, Московском военных округах и Дальневосточном фронте провести окружную фронтовую игру по теме "Наступательная операция фронта". В ходе сборов предусматривалось заслушать двухчасовые доклады на тему "Современная фронтовая операция", "Артиллерия во фронтовой операции", "Конно-

Механизированная армия во фронтовой операции", "ВВС во фронтовой операции", также планировалась военная игра на картах в течение 5 суток. В Одесском, Орловском, Приволжском, Уральском, Сибирском, Северо-Кавказском, Средне-Азиатском, Московском, Харьковском, Архангельском, Закавказском, Ленинградском военных округах и в армиях приграничных округов планировалось провести сборы для отработки армейской наступательной операции. В ходе сборов планировался четырехчасовой доклад на тему "Современная армейская наступательная операция" и военная игра на картах в течение 4 суток. На эти сборы следовало привлечь комсостав штабов и управлений округов и армий, корпусов, дивизий сухопутных войск и ВВС, танковых и мотобронебригад, артполков и командиров, окончивших Академию Генерального штаба¹³⁹⁴.

С 13 по 20 марта 1941 г. Генеральный штаб провел со штабами Ленинградского, Уральского и Орловского военных округов полевые поездки на тему "Наступательная операция зимой". Согласно приказу командующего КОВО № А/009 от 5 февраля 1941 г. от командиров 5-й, 6-й, 26-й и 12-й армий, командиров отдельных корпусов требовалось усилить оперативную подготовку комначсостава, до 1 июля 1941 г. отработать наступательную операцию, до 1 ноября - оборонительную. В марте-апреле предстояли учения стрелковых корпусов на тему "Наступательная операция". 7-10 мая во Львове была запланирована фронтовая наступательная игра под руководством командующего КОВО. 12-17 и 25-30 мая планировались командно-штабные учения армий и корпусов по отработке наступательной операции. Кроме того, был утвержден план подготовки армейских управлений по управлению армейской оборонительной операцией с устройством полевой обороны с предпольем и с последующим переходом в контрнаступление¹³⁹⁵.

7 декабря 1940 г. командующий ЛВО отдал приказ о подготовке к учебно-методическому сбору высшего комначсостава в период с 13 по 18 января 1941 г., в ходе которого требовалось отработать исключительно наступательные темы на уровне корпусов, дивизий, танковых бригад, частей ВВС. В марте 1941 г. в ЛВО заместитель наркома обороны генерал армии К.А. Мерецков провел многодневную оперативную игру, на которую привлекались командование и штабы округа и армий. Имеющееся утверждение, что это была оборонительная игра, противоречит вышеприведенным документам. Кроме того, в истории округа указывается, что "поучительно проходили полевые поездки на Карельском перешейке и Кольском полуострове, в ходе которых изучался характер современной наступательной операции и боя в условиях лесисто-болотистой местности в масштабе армии, корпуса и дивизии, отрабатывалось взаимодействие с ВМФ. Для руководящего состава систематически читались лекции с учетом опыта боевых действий в ходе второй мировой войны. Их тематика была такой: характер современной наступательной операции, взаимодействие родов войск, действия крупных группировок механизированных войск, организация и проведение десантных операций"¹³⁹⁶. О настроениях комсостава округа свидетельствует следующий факт из воспоминаний бывшего в 1941 г. начальником штаба 14-й армии Л.С. Сквирского. В начале 1941 г. он был вызван в Москву для обсуждения вопроса об участии СССР в торгах по финским никелевым рудникам южнее Петсамо. Узнав цель вызова, автор не удержался от вопроса: "Зачем покупать, если мы вскоре, воюя с Германией и ее потенциальным союзником Финляндией, и без того возвратим себе рудники?"¹³⁹⁷

В ПриОВО в феврале 1941 г. в 8-й армии проводилось командно-штабное учение на тему "Оборонительная операция фронта с последующим переходом в наступление для уничтожения противника при равенстве в силах и средствах". В марте в ходе сбора

комсостава той же армии "отрабатывались вопросы организации прорыва укрепленной полосы, ввода в прорыв механизированного корпуса". В апреле состоялась полевая поездка на тему "наступательная армейская операция". Незадолго до начала войны на штабных учениях в 8-й армии отрабатывался "вариант контрудара в тильзитском направлении"1398 .

Согласно распоряжению Генштаба от 21 сентября 1940 г. № оп/103070 сс на период с 10 по 17 октября была запланирована фронтовая полевая поездка в ЗапОВО под руководством наркома обороны, которая позднее была перенесена на 15-22 октября в связи с тем, что инспектировавший показательные учения С.К. Тимошенко не успевал прибыть к намеченному сроку. Конечно же, материалы этой поездки засекречены. Но в истории округа говорится, что в ходе учений на картах и местности "проверялись и уточнялись взгляды, выработанные к тому времени советской военной наукой, на характер наступательной операции... Особое значение имела фронтовая штабная военная игра на местности со средствами связи, проходившая в ЗапОВО в конце 1940 г. В этой игре, которой руководили представители Генерального штаба, приняли участие управление округа (в роли фронтового управления), а также управления всех общевойсковых армий"1399 .

По свидетельству бывшего начальника штаба 4-й армии Л.М. Сандалова, "все предвоенные учения по своим замыслам и выполнению ориентировали войска главным образом на осуществление прорыва укрепленных позиций". "Командно-штабные учения и выходы в поле в течение всего зимнего периода и весны 1941 г. проводились исключительно на наступательные темы... В марте-апреле 1941 года штаб 4-й армии участвовал в окружной оперативной игре на картах в Минске. Прорабатывалась фронтовая наступательная операция с территории Западной Белоруссии в направлении Белосток, Варшава". В мае 1941 г. уже в войсках 4-й армии проигрывались наступательные действия 28-го стрелкового корпуса армии совместно с Пинской военной флотилией в том же направлении. Участник мартовской игры командир 3-го дальнебомбардировочного корпуса Н.С. Скрипко вспоминал, что на корпус "возлагалась выброска воздушно-десантного корпуса в интересах фронтовой наступательной операции", которая должна была проводиться одним рейсом. "По условиям игры мы не решали и бомбардировочных задач, а прикрытие выброски десанта обеспечивалось захватом господства в воздухе"1400 .

17 июля 1941 г. в условиях разбирательства по факту поражения войск Западного фронта в начале войны член Военного Совета ЗапОВО корпусной комиссар А. Фоминых подготовил докладную записку на имя начальника Главного политуправления РККА армейского комиссара 1 ранга Л.З. Мехлиса, в которой стремился обелить работу Военного Совета округа в предвоенное время, указав на ошибки, допущенные Генштабом. Вместе с тем документ позволяет получить сведения о направленности оперативной подготовки накануне войны. Тем более что автор сопоставляет подготовку и реально произошедшие события. Как свидетельствует Фоминых, "всегда давались задания прорабатывать варианты наступательной операции при явном несоответствии реальных сил. Но откуда-то появлялись дополнительные силы и создавался, по-моему, искусственный перевес в пользу нас. Теперь при анализе совершившихся событий стало ясно, что отдельные работники Генерального штаба, зная, что в первый период войны превосходство в реальных силах на стороне Германии, почему-то проводили и разрабатывали главным образом наступательные операции и только в последнее время (в конце мая 1941 г.) провели одну игру по прикрытию границы, тогда как нужно было на первый период войны, с учетом внезапности нападения, разрабатывать и оборонительные операции"1401 . Симптоматично, что автор разграничивает

операции по прикрытию и оборонительные действия войск.

М.В. Захаров указывает, что на штабных учениях в ОдВО в начале 1941 г. проверялась возможность "вести активные действия на фокшанско-бухарестском направлении"¹⁴⁰².

Приведенные выше документы военного планирования дают довольно полное представление о ходе выработки взглядов советского руководства на способ вступления Советского Союза в войну с Германией; о том, что советская сторона не собиралась предоставлять противнику инициативу начала боевых действий. Кроме того, не следует забывать, что все эти планы не остались на бумаге, поскольку постепенно набирал темп процесс подготовки их осуществления. Особенно наглядно это можно проследить на примере документа от 15 мая 1941 г., которым Красная Армия должна была руководствоваться в начале войны. После изложения общих задач фронтов в нем сказано следующее: "Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых "невозможно нанесение внезапного удара по противнику (подчеркнуто мной. - М.М.) как с воздуха, так и на земле:

1. произвести скрытое отмотобилизование войск под видом учебных сборов запаса;
2. под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования;
3. скрытно сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать развертывать авиационный тыл;
4. постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений развертывать тыл и госпитальную базу". Военное руководство просило "разрешить последовательное проведение скрытого отмотобилизования и скрытого сосредоточения в первую очередь всех армий резерва Главного Командования и авиации"¹⁴⁰³.

Все предложенные меры стали незамедлительно осуществляться.

По пункту 1. Еще 8 марта 1941 г. было утверждено Постановление СНК СССР, согласно которому предусматривалось произвести скрытое отмотобилизование 903,8 тыс. военнообязанных запаса под видом "больших учебных сборов". Осуществление этих мер в конце мая - начале июня 1941 г. позволило призвать 805,2 тыс. человек (24% приписного личного состава по плану мобилизации). Это дало возможность усилить 99 стрелковых дивизий в основном западных приграничных округов: 21 дивизия была доведена до 14 тыс. человек; 72 дивизии - до 12 тыс. человек и 6 дивизий - до 11 тыс. человек при штате военного времени в 14 483 человека. Одновременно пополнились личным составом части и соединения других родов войск, и войска получили 26 620 лошадей¹⁴⁰⁴.

По пункту 2. В период с 13 по 22 мая 1941 г. начинается выдвижение к западной границе соединений четырех армий (16-й, 19-й, 21-й и 22-й) и готовится выдвижение еще трех армий (20-й, 24-й и 28-й), которые должны были закончить сосредоточение к 10 июля. Эти армии, объединявшие 77 дивизий, составляли второй стратегический эшелон. "Эта передислокация из внутренних округов, по сути дела, являлась началом стратегического сосредоточения советских войск на театрах военных действий. Выдвижение производилось с соблюдением строжайших мер маскировки, с большой осторожностью, постепенно, без увеличения обычного графика работы железных дорог"¹⁴⁰⁵. 12-16 июня 1941 г. Генеральный штаб приказал штабам западных округов начать под видом учений и изменения дислокации летних лагерей скрытое выдвижение войск второго эшелона армий прикрытия и резервов

западных приграничных военных округов (всего 114 дивизий), которые должны были занять к 1 июля районы сосредоточения в 20-80 км от границы. Это, кстати, опровергает распространенные утверждения о том, что "все приготовления к войне на местах пресекались сверху"1406 .

По пункту 3. Сведения о сосредоточении авиации очень скупы. Тем не менее известно, что на 1 мая 1941 г. в западных военных округах имелось 57 истребительных, 48 бомбардировочных, 7 разведывательных и 5 штурмовых авиационных полков, в которых насчитывалось 6 980 самолетов. К 1 июня прибыло еще 2 штурмовых авиаполка и число самолетов возросло до 7 009, а к 22 июня в западных округах имелось 64 истребительных, 50 бомбардировочных, 7 разведывательных и 9 штурмовых авиаполков, в которых насчитывалось 7133 самолета. Кроме того, к 22 июня 1941 г. на Западном ТВД имелось четыре дальнебомбардировочных корпуса и одна дальнебомбардировочная дивизия, в которых насчитывалось 1 339 самолетов. С 10 апреля 1941 г. по решению СНК СССР и ЦК ВКП(б) начался переход на новую систему авиационного тыла, автономную от строевых частей ВВС. Эта система обеспечивала свободу маневра боевых частей, освобождала их от перебазирования своего тыла вслед за собой, сохраняла постоянную готовность к приему самолетов и обеспечению их боевой деятельности. Переход на эту систему должен был завершиться к 1 июля 1941 г.1407

По пункту 4. О развертывании тыловых и госпитальных частей до 22 июня никаких данных не публиковалось. Накануне войны тыловые части содержались по сокращенным штатам и должны были развертываться: армейские - на 5-7-е сутки, фронтовые - на 15-е сутки мобилизации. Известно, что 41% стационарных складов и баз Красной Армии находился в западных округах, многие из них располагались в 200-километровой приграничной полосе1408 . На этих складах были накоплены значительные запасы. Как указывает А.Г. Хорьков, "окружные склады, имея проектную емкость 91 205 вагонов, были загружены на 93 415 вагонов. Кроме того, в округах на открытом воздухе хранилось 14 400 вагонов боеприпасов и 4 370 вагонов материальной части и вооружения"1409 . В июне 1941 г. Генштаб предложил перебросить в западные округа еще свыше 100 тыс. т горючего1410 . Согласно директиве Генштаба № 560944 от 1 июня 1941 г., все приграничные округа должны были к 10 июля представить заявку "на потребное количество продовольствия и фуража... в 1-м месяце военного времени"1411 . Все это, по мнению Г.П. Пастуховского, было подготовкой "к обеспечению глубоких наступательных операций"1412 . Как отмечается в исследовании состояния тыла Красной Армии, "при глубине фронтовой наступательной операции 250 км, темпе наступления 15 км в сутки и своевременном восстановлении железных дорог имелись все возможности обеспечить проведение первой операции запасами, созданными еще в мирное время в армейском тылу"1413 .

Конечно, основным процессом, позволяющим говорить о завершении подготовки к осуществлению плана от 15 мая 1941 г., является стратегическое сосредоточение и развертывание Красной Армии. Как известно, "последние полгода до начала войны были связаны уже непосредственно со скрытым стратегическим развертыванием войск, которое должно было составить завершающий этап подготовки" к войне1414 . Но именно с апреля 1941 г. начинается полномасштабный процесс сосредоточения на будущем ТВД выделенных для войны с Германией 247 дивизий, составлявших 81,5% наличных сил Красной Армии, которые после мобилизации насчитывали бы свыше 6 млн человек, около 70 тыс. орудий и минометов, свыше 15 тыс. танков и до 12 тыс. самолетов. Стратегическое развертывание

было обусловлено "стремлением упредить своих противников в развертывании вооруженных сил для нанесения первых ударов более крупными силами и захвата стратегической инициативы с самого начала военных действий"¹⁴¹⁵. Понятно, что эти меры проводились в обстановке строжайшей секретности и всеохватывающей дезинформационной кампании в отношении германского руководства, которому, в частности, внушалось, что основные усилия советских войск в случае войны будут направлены на Восточную Пруссию¹⁴¹⁶.

Поскольку стратегическое сосредоточение и развертывание войск является заключительной стадией подготовки к войне, особый интерес представляет вопрос об определении возможного срока советского нападения на Германию. В отечественной историографии эта тема начала обсуждаться с публикацией скандально известной работы В. Суворова "Ледокол", который называет "точную" дату запланированного советского нападения на Германию - 6 июля 1941 г., фактически ничем не обоснованную. Мотивировка автора сводится главным образом к тому, что 6 июля 1941 г. было воскресеньем, а Сталин и Жуков якобы любили нападать в воскресенье¹⁴¹⁷. Но вряд ли можно это принять всерьез. Не подкрепляет предположения автора и приводимая цитата из книги "Начальный период войны", смысл которой им искажен. В этой книге сказано, что "немецко-фашистскому командованию (а не "германским войскам", как у Суворова. - М.М.) буквально в последние две недели перед войной (т.е. с 8 по 22 июня, а не "на две недели", как в "Ледоколе". - М.М.) удалось упредить наши войска в завершении развертывания и тем самым создать благоприятные условия для захвата стратегической инициативы в начале войны"¹⁴¹⁸. Причем эта цитата Суворовым приводится дважды: один раз правильно, а второй - искаженно¹⁴¹⁹.

Как отмечалось выше, первоначально нападение на Германию было запланировано на 12 июня 1941 г. Видимо, не случайно приказ наркома обороны № 138 от 15 марта 1941 г., введивший в действие "Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время", требовал "к 1 мая 1941 г. снабдить войска медальонами и вкладными листками по штатам военного времени"¹⁴²⁰. Однако, как известно, 12 июня никаких враждебных действий против Германии со стороны СССР предпринято не было. Однозначно ответить на вопрос о причинах переноса этого срока в силу состояния источниковой базы не представляется возможным. Можно лишь высказать некоторые предположения на этот счет. "Не помню всех мотивов отмены такого решения - вспоминал Молотов 40 лет спустя. - Но мне кажется, что тут главную роль сыграл полет в Англию заместителя Гитлера по партии Рудольфа Гесса. Разведка НКВД донесла нам, что Гесс от имени Гитлера предложил Великобритании заключить мир и принять участие в военном походе против СССР... Если бы мы в это время (выделено мной. - М.М.) сами развязали войну против Германии, двинув свои войска в Европу, тогда бы Англия без промедления вступила бы в союз с Германией... И не только Англия. Мы могли оказаться один на один перед лицом всего капиталистического мира..."¹⁴²¹

Опасаясь возможного прекращения англо-германской войны, в Кремле сочли необходимым повременить с нападением на Германию. Лишь получив сведения о провале миссии Гесса и убедившись в продолжении англо-германских военных действий в Восточном Средиземноморье, в Москве, видимо, решили больше не откладывать осуществление намеченных планов. Как уже отмечалось, 24 мая 1941 г. в кабинете Сталина в Кремле состоялось совершенно секретное совещание военно-политического руководства, на котором, вероятно, и был решен вопрос о новом сроке завершения военных приготовлений. К

сожалению, в столь серьезном вопросе мы вынуждены ограничиться этой рабочей гипотезой, которую еще предстоит подтвердить или опровергнуть на основе привлечения новых, пока еще недоступных документов.

Была ли вообще запланирована точная дата? Только комплексное исследование документов, отражающих как процесс военного планирования, так и проведение мер по подготовке наступления, позволит дать окончательный ответ на этот вопрос. Вместе с тем известные историкам даты проведения этих мероприятий не исключают того, что все же такая дата определена была. По мнению В.Н. Киселева, В.Д. Данилова и П.Н. Бобылева, наступление Красной Армии было возможно в июле 1941 г.¹⁴²² В доступных документах, отражающих процесс подготовки Красной Армии к войне, указывается, что большая часть мер по повышению боеготовности войск западных приграничных округов должна была быть завершена к 1 июля 1941 г. К этому дню планировалось закончить формирование всех развертываемых в этих округах частей; вооружить танковые полки межкорпусов, в которых не хватало танков, противотанковой артиллерией; завершить переход на новую организацию авиационного тыла, автономную от боевых частей; сосредоточить войска округов в приграничных районах; замаскировать аэродромы и боевую технику.

Одновременно завершалось сосредоточение и развертывание второго стратегического эшелона Красной Армии. Так, войска 21-й армии заканчивали сосредоточение к 2 июля, 22-й армии - к 3 июля, 20-й армии - к 5 июля, 19-й армии - к 7 июля, 16-й, 24-й и 28-й армий - к 10 июля. Исходя из того факта, что "противник упредил советские войска в развертывании примерно на 25 суток", полное сосредоточение и развертывание Красной Армии на Западном театре военных действий должно было завершиться к 15 июля 1941 г. К 5 июля следовало завершить организацию ложных аэродромов в 500-километровой приграничной полосе. К 15 июля планировалось завершить сооружение объектов ПВО в Киеве и маскировку складов, мастерских и других военных объектов в приграничной полосе, а также поставить все имеющееся вооружение в построенные сооружения укрепрайонов на новой границе¹⁴²³. Таким образом, как следует из известных материалов, Красная Армия должна была завершить подготовку к наступлению не ранее 15 июля 1941 г. Вместе с тем выяснение вопроса о запланированной дате советского нападения на Германию требует дальнейших исследований с привлечением нового документального материала.

Таким образом, имеющиеся в распоряжении историков документы советского военного планирования 1940-1941 гг. позволяют критически отнестись к традиционной официальной версии об оборонительных намерениях советского руководства. Эти материалы свидетельствуют, что советское военно-политическое руководство занималось подготовкой преимущественно наступательных военных действий против Германии и ее союзников. В течение полутора лет советский Генштаб тщательно и всесторонне разрабатывал планы нападения на Германию. Советское военное руководство не располагало сведениями о реальных военных планах Германии, хотя конфигурация советско-германской границы позволила сделать довольно точные предположения относительно направлений возможных ударов вермахта. Однако, как показывают вышеприведенные документы, никаких мер по отражению этих ударов, многие из которых были реально запланированы и проведены в жизнь германским командованием в ходе войны, подготовлено не было. Ныне военные историки вынуждены признать, что "мероприятия по отражению первых ударов противника в оперативных планах разрабатывались Генеральным штабом недостаточно полно, и содержание оборонительных действий в оперативно-стратегическом масштабе не

отрабатывалось"1424 . Отсутствие связи между возможным ударом врага и действиями Красной Армии опровергает версию о якобы ответном характере наступательных действий советских войск, отработке которых были посвящены военные планы.

Основная идея советского военного планирования заключалась в том, что Красная Армия под прикрытием развернутых на границе войск западных приграничных округов завершит сосредоточение на ТВД сил, предназначенных для войны, и перейдет во внезапное решительное наступление, нанося главный удар по Южной Польше. В течение полугода советский Генштаб занимался решением вопроса о наиболее выгодном направлении сосредоточения основных усилий войск в войне с Германией, поскольку советская военная наука исключительно большое внимание "уделяла правильному выбору направления главного удара, при определении которого рекомендовалось всесторонне учитывать факторы политического, экономического, военного и географического порядка. На направлении главного удара требовалось сосредоточить основную массу Вооруженных Сил для нанесения решительного поражения противнику. Считалось, что от правильного выбора направления главного удара в большой степени зависит исход вооруженной борьбы"1425 . В результате был сделан вывод, что наступление на Юго-Западном направлении позволит решить несколько ключевых стратегических задач и обеспечит наиболее эффективные действия Красной Армии. Первое полугодие 1941 г. было посвящено тщательной отработке этого удара. Соответствующая подготовка велась и на уровне военных округов.

Как показывают вышеприведенные материалы, войска целеустремленно отрабатывали наступательные планы, обучались ведению маневренных наступательных действий. К сожалению, оперативные планы округов все еще остаются недоступными для исследователей, что не позволяет во всех деталях воссоздать оперативный замысел советского военного руководства. В любом случае, как справедливо отметил Б.Н. Петров, "обращает на себя внимание тот факт, что в Генеральном штабе усилия направлялись на разработку одного лишь варианта действий наших войск, а именно наступательного. Что касается другого оборонительного варианта плана, то о разработке его вопрос даже не ставился. Разработанный перед войной "План обороны государственной границы 1941 г." не являлся оборонительным вариантом плана войны, он был планом прикрытия от мобилизации и развертывания вооруженных сил"1426 .

Основное внимание исследователей привлеч документ от 15 мая 1941 г., в котором довольно откровенно изложен советский наступательный замысел. Естественно, сторонники официальной версии сделали все, чтобы доказать, что этот план не был утвержден политическим руководством СССР, а являлся лишь рабочим документом Генштаба. Однако эта точка зрения была опровергнута, и теперь следует исходить из факта, что именно этот документ являлся итоговым оперативным планом советского Генштаба, к его осуществлению готовилась Красная Армия в мае - июне 1941 г., когда подготовка советского нападения на Германию вступила в заключительную стадию. Так же, как и Германия, советская "сторона, исходя из содержания своих планов, стремилась в короткие сроки достичь ближайших стратегических целей войны наступлением развернутых к определенному сроку ударных группировок. Это и должно было явиться основным содержанием начального периода войны"1427 .

Имеющиеся материалы позволяют высказать предположение о последовательности завершающих приготовлений советских войск к войне. Скорее всего, 1 июля 1941 г. войска западных округов получили бы приказ ввести в действие планы прикрытия, в стране

началась бы скрытая мобилизация, а завершение к 15 июля развертывания намеченной группировки Красной Армии на Западном ТВД позволило бы СССР в любой момент после этой даты начать боевые действия против Германии. Невозможность полного сохранения в тайне советских военных приготовлений не позволяла надолго откладывать удар по Германии, иначе о них узнала бы германская сторона. Поэтому завершение сосредоточения и развертывания Красной Армии на западной границе СССР должно было послужить сигналом к немедленному нападению на Германию. Только в этом случае удалось бы сохранить эти приготовления в тайне и захватить противника врасплох.

Оценка советским руководством событий Второй мировой войны в 1939-1941 гг.

Для изучения проблем предыстории Великой Отечественной войны важное значение имеет вопрос о том, как советское руководство оценивало события Второй мировой войны в 1939-1941 гг., без решения которого невозможно понять политику СССР этого периода. К сожалению, документальные источники, которые давали бы прямой ответ на этот вопрос, крайне малочисленны, однако интересующие нас сведения можно почерпнуть из материалов советской пропаганды, которые готовились под контролем И.В. Сталина и его ближайшего окружения. Поскольку инициатива определения "генеральной линии" в пропаганде исходила "сверху", сводя к минимуму самостоятельность функционеров среднего звена, эти материалы дают хотя и опосредованное, но довольно верное представление о настроениях в Кремле. Так как всякая пропаганда ведется с целью подготовки общественного мнения к определенным событиям, содержание советской пропаганды в совокупности с другими материалами, отражающими взгляды советского руководства на международную обстановку на рубеже 1930-1940-х гг. и национально-государственные интересы СССР в этой ситуации, позволяет достаточно уверенно говорить о том, к чему именно готовились в Москве.

В отечественной историографии преобладает навеянное советской пропагандой мнение, что советское руководство в своей политике руководствовалось исключительно идеологическими догмами. Не случайно в последние годы в литературе дебатировался вопрос о приверженности Сталина идее "мировой революции". Так, М. Николаев и В.Э. Молодяков считают, что Сталин не руководствовался этой идеей, приводя в доказательство своего тезиса мнение Л.Д. Троцкого о страхе Сталина перед войной и революцией¹⁴²⁸. Еще более оригинальную версию выдвинул А.Д. Орлов, утверждающий, что Сталин руководствовался идеями панславизма¹⁴²⁹. Д.А. Волкогонов, наоборот, полагает, что стратегической целью советского руководства была "мировая пролетарская революция", а мышление Сталина было коминтерновским¹⁴³⁰. Это же мнение разделяет и Ю.Н. Афанасьев, полагая, что цель войны советское руководство видело в насаждении "коммунизма" в Европе¹⁴³¹.

К сожалению, дискутирующие стороны обошли стороной вопрос о том, что такое "мировая революция" и почему именно эта идея господствовала в советской пропаганде 1920-1940-х гг. Как известно, идея "мировой революции" была важной частью марксистской концепции революционного перехода от капитализма к социализму в наиболее развитых странах и сформировалась во второй половине XIX в. В начале XX в. идейная эволюция европейской социал-демократии привела к формулированию концепции, считавшей наиболее важной целью возникновение социалистической революции в Германии, которая рассматривалась как наиболее развитая европейская страна, имевшая крупнейшую социал-демократическую партию. Перспективы революции в России в силу ее отсталости без поддержки Европы считались слишком призрачными, но, если все-таки она произойдет, то единственной гарантией удержания революционной власти в России представлялась лишь революция в Германии. Однако после Октября 1917 г. российские социал-демократы (большевики) столкнулись с выбором. Либо следовало, несмотря ни на что, способствовать революции в Германии, что в случае неудачи могло привести к утрате власти в России, либо требовалось сначала удержать власть в России, но тогда было необходимо маневрировать

между ведущими Первую мировую войну странами. После определенных внутрипартийных дискуссий В.И. Ленин сделал выбор в пользу второго варианта¹⁴³².

Правда, идея "мировой революции" в Европе не была отброшена, и в 1919-1923 гг. ее не раз пытались осуществить с помощью Коминтерна. Однако эти попытки потерпели провал, и уже с 1920 г. начинается новая трансформация идеи "мировой революции". 22 сентября 1920 г. на IX партконференции РКП(б) Ленин, сделав обзор сложившейся международной ситуации, констатировал, что главным врагом остается Версальский договор и "основная наша политика осталась та же. Мы пользуемся всякой возможностью перейти от обороны к наступлению. Мы уже надорвали Версальский договор и дорвем его при первом удобном случае". Конечно, в нынешней международной обстановке "придется ограничиться оборонительной позицией по отношению к Антанте, но, несмотря на полную неудачу первого случая, нашего первого поражения (в Польше. - М.М.), мы еще раз и еще раз перейдем от оборонительной политики к наступательной, пока мы всех не разобьем до конца". Рассматривая российскую революцию с точки зрения международного коммунистического движения, Ленин заявил, что "...мы действительно идем в международном масштабе от полуреволюции, от неудачной вылазки к тому, чтобы просчета не было, и мы на этом будем учиться наступательной войне"¹⁴³³.

Спустя три месяца, 23 декабря 1920 г., на VIII Всероссийском съезде Советов Ленин, осудив выступления делегатов с идеей о том, что "мы должны вести войну только оборонительную", заявил, что, если бы в условиях враждебного империалистического окружения советское руководство должно было бы "дать зарок, что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками"¹⁴³⁴. Тем самым была заложена основа для формирования идеи относительно длительного сосуществования "капитализма" и "социализма" и концепции построения "социализма в одной стране", которая и станет базой для будущей "мировой революции".

26 января 1924 г. на первом заседании II Всесоюзного съезда Советов, посвященном памяти Ленина, прозвучала знаменитая клятва Сталина, в которой соединились идеи "мировой революции" и "социализма в одной стране". "Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять Союз республик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь!" - заявил генеральный секретарь ЦК ВКП(б). Союз ССР "имеет глубокое сочувствие и нерушимую поддержку в сердцах рабочих и крестьян всего мира", так как дает им "опору своих надежд на избавление от гнета и эксплуатации, как верный маяк, указывающий им путь освобождения". Но "Ленин никогда не смотрел на Республику Советов как на самоцель. Он всегда рассматривал ее как необходимое звено для усиления революционного движения в странах Запада и Востока, как необходимое звено для облегчения победы трудящихся всего мира над капиталом. Ленин знал, что только такое понимание является правильным не только с точки зрения международной, но и с точки зрения сохранения самой Республики Советов. Ленин знал, что только таким путем можно воспламенить сердца трудящихся всего мира к решительным боям за освобождение... Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического Интернационала. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пошадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира - Коммунистический Интернационал!"¹⁴³⁵

В дальнейшем в работах Сталина было вполне логично объяснено, что полная победа

социализма в СССР не может быть окончательной, пока существует капиталистическое окружение. 19 января 1925 г., выступая на пленуме ЦК ВКП(б), Сталин, сделав вывод о неизбежности в будущем новой войны, которая "не может не обострить кризиса внутреннего, революционного", заявил, что "в связи с этим не может не встать перед нами вопрос о нашем вмешательстве в эти дела". Однако хотя революционное движение на Западе сильно и может привести к революции в некоторых странах, "но удержаться им без нашей помощи едва ли удастся". В случае же начала войны и нарастания революционного движения "наше вмешательство, не скажу обязательно активное, не скажу обязательно непосредственное, оно может оказаться абсолютно необходимым. В этом именно надежда на то, чтобы победа могла быть для нас одержанной в данной обстановке. Это не значит, что мы должны обязательно идти на активное выступление против кого-нибудь". Однако, "если война начнется, мы, конечно, выступим последними, самыми последними, для того, чтобы бросить гирю на чашку весов, гирю, которая смогла бы перевесить"¹⁴³⁶.

Но прежде требовалось создать мощную военно-экономическую базу, которая стала бы надежным фундаментом для войны с "капиталистическим окружением". Поэтому, выступая с отчетным докладом ЦК на XV съезде ВКП(б) 3 декабря 1927 г., Сталин, анализируя международную обстановку, сделал вывод о нарастании угрозы войны и поставил задачу - "учесть противоречия в лагере империалистов, оттянуть войну, "откупившись" от капиталистов, и принять все меры к сохранению мирных отношений. Мы не можем забыть слов Ленина о том, что очень многое в деле нашего строительства зависит от того, удастся ли нам оттянуть войну с капиталистическим миром, которая неизбежна, но которую можно оттянуть либо до того момента, пока не вызреет пролетарская революция в Европе, либо до того момента, пока не назреют вполне колониальные революции, либо, наконец, до того момента, пока капиталисты не передерутся между собой из-за дележа колоний"¹⁴³⁷.

Выполнение этой задачи требовало дальнейшего лавирования между великими державами с тем, чтобы воспрепятствовать их возможной консолидации на антисоветской основе и использовать их технические возможности для модернизации советской экономики. Активная антикоммунистическая и антисоветская пропаганда нового национал-социалистического правительства Германии и опасения, что Берлин и далее будет сближаться с западными странами, потребовали уточнения тактики советской дипломатии, и в декабре 1933 г. Москва поддержала французскую идею коллективной безопасности в Европе. И тогда, и теперь многие воспринимают этот шаг СССР как стремление к сближению с Западом против Германии. Однако это была все та же политика лавирования, примененная в новых условиях. Уже 26 января 1934 г. в Отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) Сталин объяснил, что "у нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идем на это дело без колебаний", поскольку заинтересованы в расширении деловых связей для развития экономической базы, ведь "в наше время со слабыми не принято считаться, считаются с сильными"¹⁴³⁸.

Ныне некоторые авторы полагают, что в 1921-1924 гг. советское руководство отказалось от своих революционных намерений на международной арене, и к началу 1930-х гг. Сталин "стал теперь упорно стремиться к налаживанию отношений с ближайшими соседями и странами Запада, отодвигая революционную активность на второй план"¹⁴³⁹. Почему-то в

данном случае исследователи забыли широко известную истину о том, что реальная политика и обеспечивающая ее пропаганда далеко не одно и то же, и стали всерьез воспринимать любые официальные заявления Москвы, не желая непредвзято взглянуть на ее реальные действия. Сделав ставку на ускоренное военно-экономическое развитие СССР, советское руководство было вынуждено налаживать экономические связи со странами Запада, что, естественно, требовало определенной маскировки своих намерений. В этих условиях снижение "революционной активности" было связано лишь с дипломатической тактикой, а не с отказом советского руководства от идеи "мировой революции". В этой связи трудно не согласиться с мнением А.Н. и Л.А. Мерцаловых, считающих, что мышление Сталина стало в конечном счете обычным имперским, чем бы оно ни прикрывалось¹⁴⁴⁰.

В данном случае идеологическая догма о "мировой революции" оказалась тесно связанной с национально-государственными интересами Советского Союза, руководство которого оказалось перед следующим выбором. Либо Москва должна была согласиться со своим второстепенным статусом региональной державы на мировой арене с перспективой дальнейшего ослабления советского влияния, либо СССР должен был вступить в борьбу за возвращение в клуб "великих держав". Сделав выбор в пользу второй альтернативы, советское руководство пошло по пути любой страны, стремившейся стать "великой державой", чего можно добиться лишь путем подчинения какой-либо части мира, и использовало идею "мировой революции" для обоснования этих своих притязаний. Естественно, что, как везде и всегда, пропаганда говорила о глобальных задачах. И в данном случае идея "мировой революции" стоит в одном ряду с такими, например, идеями, как "защита культуры от варваров" в Древнем Риме, "свобода, равенство и братство" на рубеже XVIII - XIX вв. во Франции, "бремя белого человека" в эпоху колониальной экспансии европейских стран, "открытых дверей" в США конца XIX - начала XX вв., "борьба за жизненное пространство" в Германии и "создание Великой Восточной Азии" в Японии 1930-1940-х гг. или "борьба за демократию" в современных США.

Кроме того, важно отметить, что идея "мировой революции" трансформировалась из надежды на абстрактную революцию в лозунг расширения границ социализма, то есть расширения влияния СССР на мировой арене. Задача возвращения в клуб великих держав самая сложная из всех международных задач любого государства, поскольку требует от него быть сильнее тех, кто станет объектом захвата, и их потенциальных союзников. Как правило, это невозможно в силу ограниченности ресурсов, поэтому в такой ситуации активно используется дипломатия с целью разобщить возможных противников, а еще лучше помочь им вступить в открытый конфликт друг с другом. Как уже было показано, именно эту задачу и решала советская дипломатия в 1920-1930-е гг. И в данном случае идея "мировой революции" дополнялась идеей борьбы за "социализм - светлое будущее всего человечества". Это важное пропагандистское дополнение было нужно для морального оправдания любых действий СССР на мировой арене и вполне вписывалось в характерное, особенно для XX в., стремление прятать реальную политику за благообразной моральной ширмой. Поэтому любые рассуждения об отказе советского руководства от идеи "мировой революции" основаны на элементарном непонимании закономерностей развития международных отношений. Вот если бы советская внешняя политика на протяжении 1920-1940-х гг. по степени своей активности находилась бы на уровне какой-либо Норвегии или Аргентины, то тогда можно было бы констатировать отказ советского руководства от борьбы за статус "великой державы", но все было как раз наоборот.

Советская пропаганда широко популяризировала основную цель советской внешней политики - борьбу за социализм во всем мире. Проанализировав литературу "оборонной тематики" 1930-х годов, Н.Ю. Кулешова приходит к выводу, что "на главный вопрос, к какой войне готовилось сталинское руководство, она давала ясный ответ: к революционно-классовой, по типу гражданской, во всемирном масштабе", которая "в конечном счете направлена на коренное изменение господствующей у [противника] социально-политической системы. А именно это и составляло основную цель внешнеполитических устремлений советской страны, показанных в литературных произведениях. [...]" Соответственно, защита социализма, наряду с узкой, получила более широкую трактовку - как готовность не только стоять на страже собственных границ, но и бороться за уничтожение капитализма на всем земном шаре". Кроме того, важно отметить, что подобные произведения имели широкий общественный резонанс, восторженно встречались читателями и зрителями спектаклей и фильмов, что, конечно же, отражает общественные настроения в СССР¹⁴⁴¹.

Как и руководство остальных великих держав, советское руководство активно действовало на международной арене и стремилось достичь своих собственных целей, рассматривая Вторую мировую войну как уникальный шанс для реализации идей "мировой революции". Тем более что теперь СССР располагал мощной автаркичной экономикой, развитым ВПК и хорошо вооруженной Красной Армией. Не случайно 1 октября 1938 г. на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда Сталин объяснял, что "бывают случаи, когда большевики сами будут нападать, если война справедливая, если обстановка подходящая, если условия благоприятствуют, сами начнут нападать. Они вовсе не против наступления, не против всякой войны. То, что мы кричим об обороне - это вуаль, вуаль. Все государства маскируются"¹⁴⁴². В это объяснение прекрасно вписывается следующее утверждение в передовой статье газеты "Красная звезда" от 17 ноября 1938 г.: "В тот миг, когда фашисты посмеют нас тронуть, Красная Армия перейдет границу вражеской страны... Наша оборона это наступление. Красная Армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей войны. С того мгновения, когда агрессор попытается нарушить наши границы, для нас перестанут существовать границы его страны"¹⁴⁴³.

В условиях политического кризиса 1939 г. Москва лавировала между англо-французскими союзниками и Германией, стараясь добиться наиболее выгодного для себя соглашения¹⁴⁴⁴. Согласно воспоминаниям Н.С. Хрущева, руководивший из-за кулис действиями советской дипломатии Сталин летом 1939 г. откровенно заявлял, что "тут идет игра, кто кого перехитрит и обманет", прекрасно понимая, что "Гитлер хочет нас обмануть, просто перехитрить. Но полагал, что это мы, СССР, перехитрили Гитлера, подписав договор"¹⁴⁴⁵. Интересные оценки событий 1939-1941 гг. содержатся в ставшем лишь недавно доступным исследователям дневнике писателя В.В. Вишневского, хотя и не причастного к выработке важнейших военно-политических решений, но тем не менее в силу своих должностных обязанностей и политических функций хорошо осведомленного о настроениях "наверху", имевшего возможность получать достоверную, широкую и разнообразную информацию о деятельности советского руководства, о подготовке к войне.

Оценивая советско-германский пакт о ненападении, писатель 1 сентября 1939 г. заносит в дневник: "СССР выиграл свободу рук, время... Ныне мы берем инициативу, не отступаем, а наступаем. Дипломатия с Берлином ясна: они хотят нашего нейтралитета и потом расправы

с СССР; мы хотим их увязания в войне и затем расправы с ними". Передавая распространенные настроения: "Мы через год будем бить Гитлера", Вишневецкий отмечает, что "это наиболее вероятный вариант... Для СССР пришла пора внешних мировых выступлений... Гадать, как сложится игра, трудно. Но ясно одно: мир будет вновь перекроен. В данной войне мы постараемся сохранить до конца свои выигрышные позиции. Привлечь к себе ряд стран. Исподволь, где лаской, где силой. Это новая глава в истории партии и страны. СССР начал активную мировую внешнюю политику"1446 .

1 сентября Германия напала на Польшу, а 3 сентября Англия и Франция объявили Германии войну. Оценивая начавшуюся войну в Европе, Сталин в беседе с руководством Коминтерна 7 сентября 1939 г. заявил, что "война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.д.) за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент - подталкивать другую сторону"1447 . Это сталинское высказывание не осталось в тайне, и 10 ноября 1939 г. начальник Политуправления РККА армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис на совещании с писателями заявил, что "Германия делает в общем полезное дело, расшатывая британскую империю. Разрушение ее поведет к общему краху капитализма - это ясно"1448 .

Схожие идеи были высказаны в беседе Председателя СНК и наркома иностранных дел СССР Молотова с заместителем премьер-министра и министром иностранных дел Литвы В. Креве-Мицкявичусом в ночь на 3 июля 1940 г. в Москве. "Сейчас, - сказал Молотов своему собеседнику, - мы убеждены более чем когда-либо еще, что гениальный Ленин не ошибался, уверяя нас, что вторая мировая война позволит нам завоевать власть во всей Европе, как первая мировая война позволила захватить власть в России. Сегодня мы поддерживаем Германию, однако ровно настолько, чтобы удержать её от принятия предложений о мире до тех пор, пока голодающие массы воюющих наций не расстанутся с иллюзиями и не поднимутся против своих руководителей. Тогда германская буржуазия договорится со своим врагом, буржуазией союзных государств, с тем чтобы объединенными усилиями подавить восставший пролетариат. Но в этот момент мы придем к нему на помощь, мы придем со свежими силами, хорошо подготовленные, и на территории Западной Европы... произойдет решающая битва между пролетариатом и загнивающей буржуазией, которая и решит навсегда судьбу Европы"1449 .

10 февраля 1941 г. эта идея в несколько иной формулировке попала и в дневник Вишневецкого: "Мы пользуемся старым методом "разделяй и властвуй". Мы вне войны, кое-что платим за это, многое получаем. Ведем торговые сношения с различными странами, пользуемся их техникой, кое-что полезное приобретаем и для армии, и для флота и пр. Помогаем вести войну той же Германии, питая ее по "порциям", на минимуме. Не мешаем империалистам вести войну еще год, два... Выжидаем их ослабления. Затем - выступаем в роли суперарбитра, "маклера" и т.п."1450 .

Понятно, что подобные идеи не афишировались советским руководством, наоборот, было сделано все, чтобы убедить общественное мнение как в стране, так и за рубежом, что СССР занимает нейтральную позицию в начавшейся войне в Европе. Поэтому осенью 1939 г.

характерная для советской пропаганды второй половины 30-х гг. антифашистская кампания была свернута. В средствах массовой информации началось педалирование темы улучшения советско-германских отношений, однако независимо от официальных славословий по поводу "дружбы" с Германией в общественном мнении господствовало убеждение, что все делалось из тактических соображений. Этому способствовало то, что одновременно советской пропаганде для объяснения договора о ненападении пришлось трактовать его как некую передышку, аналогичную Брестскому миру 1918 г., ссылаясь на, как ныне известно¹⁴⁵¹, мифическую угрозу советско-германской войны летом 1939 г., которую пытались спровоцировать Англия и Франция. В этой ситуации, для того "чтобы оттянуть войну с Германией и использовать время для еще большего укрепления экономической, и в особенности военной мощи СССР", советское правительство заключило договор с Германией, поставив Англию и Францию "перед войной с тем противником, которого готовили против нас"¹⁴⁵².

В советской пропаганде 1939-1940 гг. большое место занимало обеспечение внешнеполитических действий СССР в Восточной Европе. В данном случае широко использовались лозунги "освобождения" и "расширения фронта социализма", которые были тесно взаимосвязаны. Так, 9 сентября 1940 г. в ходе совещания в ЦК ВКП(б) Сталин заявил, что "мы расширяем фронт социалистического строительства, это благоприятно для человечества, ведь счастливыми себя считают литовцы, западные белорусы, бессарабцы, которых мы избавили от гнета помещиков, капиталистов, полицейских и всякой другой сволочи"¹⁴⁵³. То есть речь шла об освобождении от гнета капитализма. Столь емкая формула позволяла советской пропаганде приспособливаться к любой международной ситуации и давать объяснения любым действиям СССР. Вместе с тем война с Финляндией показала, что таких абстрактных лозунгов недостаточно для воздействия на советских солдат, и в ход пошел традиционный лозунг "защиты северо-западных границ и Ленинграда". В результате именно лозунг "защиты границ и интересов СССР" был положен в основу советской пропаганды, а лозунги "освобождения" и "расширения фронта социализма" давали дополнительное обоснование действиям советского руководства на мировой арене.

Эти внешнеполитические акции воспринимались в Кремле в определенном идеологическом контексте. Так, 21 января 1940 г. Сталин заявил: "Мировая революция как единый акт - ерунда. Она происходит в разные времена в разных странах. Действия Красной Армии - это также дело мировой революции"¹⁴⁵⁴. Естественно, советское руководство прекрасно понимало, что присоединение новых территорий возможно лишь в ходе европейской войны. Так, выступая 17 апреля 1940 г. на совещании начальствующего состава РККА при ЦК ВКП(б) по опыту войны в Финляндии, Сталин заявил, что срок этой войны зависел "от международной обстановки. Там, на западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло, когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить. Было бы большой глупостью, политической близорукостью упустить момент и не попытаться поскорее, пока идет там война на западе, поставить и решить вопрос о безопасности Ленинграда"¹⁴⁵⁵.

Выступая 20 ноября 1940 г. на объединенном пленуме Ленинградского горкома и обкома ВКП(б), А.А. Жданов заявил, что "сейчас нас стараются использовать и та, и другая воюющие стороны как самого крупного туза". Далее, сравнив Германию с дровосеком, а СССР с медведем, он заявил, что "пока дровосек деревья ломает, мы ходим по лесу и требуем

попенную плату", поскольку "политика социалистического государства заключается в том, чтобы в любое время расширять, когда представится это возможным, позиции социализма. Из этой политики мы исходили за истекший год, она дала... расширение социалистических территорий Советского Союза. Такова будет наша политика и впредь, и тут вам ясно по какой линии должно идти дело"1456 .

С весны 1940 г. пока еще в узких, но довольно высокопоставленных аудиториях стали все громче раздаваться голоса о необходимости модернизации военной пропаганды. Тон этим высказываниям задал сам Сталин. Выступая на заседании комиссии Главного Военного Совета 21 апреля 1940 г., он предложил "коренным образом переделать нашу военную идеологию. Мы должны воспитывать свой комсостав в духе активной обороны, включающей в себя и наступление. Надо эти идеи популяризировать под лозунгами безопасности, защиты нашего отечества, наших границ"1457 . Практическим воплощением этого пожелания вождя стало совещание по военной идеологии 13-14 мая 1940 г.

Начальник Политуправления РККА армейский комиссар 1 ранга Л.З. Мехлис выступил с основным докладом, в котором заявил, что "Красная Армия, как и всякая армия, есть инструмент войны. Весь личный состав Красной Армии должен воспитываться в мирное время, исходя из общей цели - подготовки к войне. Наша война с капиталистическим миром будет войной справедливой, прогрессивной. Красная Армия будет действовать активно, добиваясь полного сокрушения и разгрома врага, перенося боевые действия на территорию противника. В соответствии с этим надо воспитывать весь личный состав армии и всю нашу страну в том духе, что всякая наша война, которую поведет армия социализма, будет войной прогрессивной, будет самой справедливой из всех войн, которые когда-либо были. На этот счет у Ленина недвусмысленно сказано: "Это была бы война за социализм, за освобождение других народов от буржуазии. Энгельс был совершенно прав, когда в своем письме Каутскому от 12 сентября 1882 г. прямо признавал возможность "оборонительной войны" уже победившего социализма. Он имел в виду именно оборону победившего пролетариата против буржуазии других стран" (Т.19. С.325).

И второе высказывание товарища Ленина.

"Победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, стал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстания против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств" (Т.18. С.232-233).

Речь идет об активном действии победившего пролетариата и трудящихся капиталистических стран против буржуазии, о таком активном действии, когда инициатором справедливой войны выступит наше государство и его Рабоче-Крестьянская Красная Армия. В этом духе нам нужно воспитывать нашу Красную Армию и весь пролетариат, чтобы все знали, что всякая наша война, где бы она не происходила, является войной прогрессивной и справедливой"1458 .

Говоря о военной доктрине, командарм 2 ранга Д.Г. Павлов заявил, что "военная доктрина у нас была выработана в чисто наступательном духе, но она выработана в наступательном духе в последние 3-4 года", а до этого был культ защиты своих границ. По его мнению, "все наши войны совершенно справедливы, но военная идеология у нас, военных, начиная от командира полка и ниже до бойца, должна быть сформулирована так, чтобы наши начальники и бойцы понимали, что независимо от справедливой или несправедливой

[войны], наши войска должны бить противника, и приказы военного командования всегда справедливы и всегда должны быть выполнены"1459 .

По мнению командарма 2 ранга К.А. Мерецкова, "можно сказать, что наша армия готовится к нападению и это нападение нужно нам для обороны. Это совершенно правильно... Мы должны обеспечить нашу страну не обороной, а наступлением и что мы сможем дать более сильный удар по врагу. [...] Наша армия существует для обеспечения нашего государства, нашей страны, а для того, чтобы обеспечить это, надо разгромить, разбить врага, а для этого надо наступать. Исходя из политических условий, мы должны наступать, и Правительство нам укажет, что нам нужно делать"1460 .

В своем выступлении комкор Д.Т. Козлов указал на то, что "наша армия должна быть воспитана, а также и наше население должно быть воспитано в духе наступательной доктрины. Ни в одном журнале, ни в одной газете не должно быть записано, что мы будем только обороняться и бить противника на своей собственной территории. У нас должно быть записано, что мы будем обороняться только наступлением и бить противника и этим самым оборонять свое социалистическое отечество, и его границы, но это не значит, что мы не должны заниматься другими вопросами. В отношении обороны, я предполагаю, что достаточно сделано, но в наступлении мы проделали не все. Если мы дадим такую установку, то необходимо пересмотреть все мероприятия, и в первую очередь, нужно поставить пересмотр всего организма, всей нашей армии. В штатах стрелковых дивизий существующей и сейчас создаваемой преобладают тенденции оборонительного характера, ибо пехота настолько тяжела, что она не в состоянии будет давать те темпы наступления, которые будут необходимы... Если мы хотим, чтобы у нас армия могла быть легкой и маневренной, могла выполнять задачи, которые перед ней стоят, надо организационную структуру пересмотреть строго под этим углом"1461 .

Майор А.И. Самойлов предложил тщательно изучать противника. "Ведь когда-то наши командиры займут в мире положение британских офицеров. Так должно быть и так будет. Мы будем учить весь мир... Следующий недостаток пропаганды. Мне приходилось сталкиваться с обывательским, социал-демократическим, пацифистским пониманием нашей политики мира. [...] У нас слишком много мирных настроений. Нет особой любви к спорту, строю, к оружию. Между тем вся современная обстановка требует, чтобы наш народ и наши бойцы были людьми воинственными. [...] Наша эпоха есть эпоха войн, справедливых - революционных и несправедливых - империалистических. На нас могут напасть, но нам нечего скрывать, что придет время, когда и мы будем нападающей стороной. Товарищи, мы по самому существу нашего строя и по своему историческому призванию должны уметь воевать и любить военное дело"1462 .

Высказанные идеи уже 25 июня были преподнесены в качестве директивных указаний на созванном по инициативе редакций газеты "Красная звезда", журнала "Знамя" и Оборонной комиссии Союза советских писателей совещании писателей, разрабатывающих военную тематику. Главный редактор "Красной Звезды" полковник Е.А. Болтин следующим образом инструктировал "инженеров человеческих душ": "Говоря об идеологии Красной Армии я должен начать с ее доктрины. Вам известно, что военная доктрина Красной Армии это наступательная доктрина, исходящая из известной ворошиловской формулировки - "бить врага на его территории". Это положение остается в силе и сегодня. Однако, тот боевой опыт, который приобрела Красная Армия за последние два года, вносит в наше представление о войне ряд существенно новых черт. Вплоть до 1939 г. Красная Армия была армией по

существованию необстрелянной, и те положения, на которых воспитывался ее командный состав, в значительной мере базировались на опыте гражданской войны. В этом опыте есть много ценного, очень много такого, что и сегодня, и в дальнейшем будет для нас служить руководством. Но в то же время этот опыт не мог учитывать подлинного характера современной войны, ибо в тот период при слабой технике врага мы имели сплошь и рядом технику слабейшую. [...] Наша тактика и оперативное искусство вплоть до 1938 г., т.е. до того, как мы начали осваивать опыт войны в Испании, базировались преимущественно на опыте гражданской войны", теперь же этого недостаточно и следует на основе опыта боев у Хасана, на Халхин-Голе и в Финляндии пересмотреть наши взгляды на будущую войну.

"Как это ни странно, но мы воспитываем в людях своеобразный советский пацифизм. Часто в "Красной Звезде" и в литературе можно было встретить выражение, что Красная Армия есть орудие мира. Вместо того, чтобы учить людей, что армия есть инструмент войны, орудие активной защиты нашей родины, мы говорили, что это армия мира. С другой стороны, мы однобоко пропагандировали лозунг о непобедимости нашей армии", что порождает шапкозакидательские настроения. Поэтому в ходе советско-финской войны пришлось заменить лозунг об "освобождении Финляндии", который ничего не говорил нашим солдатам, на лозунг о "защите северо-западных границ и Ленинграда". "Мы все прекрасно отдаем себе отчет в огромной исторической правоте и непобедимости нашего дела. Но в то же время мы должны отдать себе отчет, что наша победа в современной войне может быть достигнута только ценой напряжения всех сил. Опыт войны в Финляндии показал, что нам понадобились серьезные усилия, чтобы даже потенциально слабого врага сломить. В будущих столкновениях нам предстоит решать более трудные задачи, и поэтому сейчас надо воспитывать Красную Армию и весь наш народ не в духе голых лозунгов о непобедимости и сплошном героизме, а нужно воспитывать в духе тех трудностей, которые вызывает современная война, в духе готовности послужить родине всем, если понадобится, в том числе и своей жизнью". Следует внимательно изучать опыт войны в Европе и гибко подходить к его усвоению.

"Прежде всего, надо воспитывать людей в понимании того, что Красная Армия есть инструмент войны, а не инструмент мира. Надо воспитывать людей так, что будущая война с любым капиталистическим государством будет войной справедливой, независимо от того, кто эту войну начал. У нас были такие настроения, что будем обороняться, а сами в драку не полезем. Это неверно. Наш народ должен быть готов к тому, что когда это будет выгодно, мы первыми пойдем воевать, ибо опыт войны в Бельгии и Голландии показывает, что значит стратегическая пассивность. Мы должны быть готовы, если понадобится, первыми нанести удар, а не только отвечать на удар ударом". Вместе с тем "нельзя воспитывать людей в духе огульного наступления, как это было до сих пор. У нас части воспитывались так, что само слово "отступление" считалось позором. Мы должны учитывать, что нам придется иногда и обороняться, придется даже переходить к позиционной войне, отступать, чтобы пожертвовать частью, выиграть целое". В качестве практических задач Болтин назвал изучение военной истории, усиление боевой подготовки и обсуждение проблем военной науки.

Выступивший в прениях Вишневецкий заявил: "С кем не встретишься, возникает разговор о Прибалтике, о процессе закрепления нашего исторического правого фланга, о перспективах на Черном море - на южном фланге и т.д." Было бы хорошо широко и гласно обсудить эти проблемы, конечно, "я вовсе не советую в передовой "Красной Звезды" кричать,

что мы если понадобится - будем ломать хребет Гитлеру, но надо думать, как мы будем готовиться к этой войне. [...] Иной постановки вопроса быть не может. Все мое субъективное мнение - его я могу высказать здесь, мы будем биться с немцами - это большая историческая перспектива. В народе это чувствуют..."

Однако излишняя откровенность в данном вопросе не поощрялась, и Болтин задал риторический вопрос: "...Почему обязательно нам нужно прямо говорить - кто наш будущий враг? Разве нам это полезно? Политически это вредно. Изыщем методы, гибкие, которые позволили бы нам добиться нужного эффекта и в то же время соблюсти внешний декорум", поскольку к нашим военным обзорам внимательно присматриваются за рубежом. "Мы должны говорить внушительно, прямо, откровенно, но весьма осторожно и спокойно, потому, что мы живем в очень сложной международной обстановке. Пишите так, чтобы ни тех, ни других не обижать и не дразнить. Зачем нам сейчас вооружать против себя Германию или Францию? Мы всегда будем делать так, как выгодно нашему делу"1463 .

Определенную трансформацию претерпела и пропаганда Коминтерна. Осенью 1939 г. она была переориентирована на борьбу с поджигателями войны (Англией и Францией) и разъяснение массам, что лишь ликвидация капиталистической системы способна обеспечить "подлинный мир". Однако уже в апреле 1940 г. в коминтерновской пропаганде вновь возникает идея "народного фронта" для борьбы населения оккупированных Германией стран за свободу и независимость. В дальнейшем пропаганда Коминтерна в континентальной Европе все более ориентировалась на необходимость борьбы с оккупантами и их пособниками. С декабря 1940 г. ИККИ требовал от европейских компартий усилить пропаганду национального и социального освобождения, независимости и социализма. 21 февраля 1941 г. в московском отеле "Люкс", где проживали зарубежные коммунисты, состоялось "информационное заседание" членов КПГ. В. Ульбрихт ознакомил соратников с оценками хода войны, которые, видимо, были высказаны на заседании президиума Коминтерна. Констатировав, что победа одной из сторон пока невозможна и лишь общее истощение воюющих стран может подтолкнуть их к компромиссу, Ульбрихт подчеркнул, что затягивание войны ведет к росту недовольства населения и может вызвать революционный взрыв, который будет поддержан СССР. В этих условиях основными задачами компартий должно было стать дальнейшее усиление влияния на массы, пропаганда дружбы с СССР и осуждение английского империализма1464 .

Конечно, советское руководство понимало, что наступление Красной Армии под лозунгами социальных перемен могло привести к сплочению капиталистических государств в единый антисоветский блок. Поэтому в апреле 1941 г. в ИККИ была разработана идея национального антифашистского народного фронта, которой должны были руководствоваться компартии в оккупированных Германией странах. Первой целью народного фронта должно было стать решение вопроса о национальной независимости, а затем и о новом социальном устройстве. С мая 1941 г. европейские компартии приступили к осуществлению этой идеи. Для того чтобы лучше маскировать влияние СССР на зарубежные компартии и способствовать расширению их социальной базы, Сталин 20 апреля 1941 г. предложил распустить Коминтерн. По его мнению, было "важно, чтобы они (зарубежные компартии. - М.М.) внедрились в своем народе и концентрировались на своих особых собственных задачах...", после решения которых можно будет вновь создать международную коммунистическую организацию. Ф.И. Фирсов отмечает, что осуществить это намерение помешало германское нападение, но не указывает, когда же именно планировалось

распустить Коминтерн. Уже в первые часы войны Сталин указал на необходимость убрать вопрос о социальной революции и сосредоточиться на пропаганде отечественной войны¹⁴⁶⁵. Сам этот лозунг был позаимствован из работы В.И. Ленина "Главная задача наших дней", где указывалось, что "Россия идет теперь... к национальному подъему, к великой отечественной войне", которая "является войной за социалистическое отечество, за социализм, как отечество, за Советскую республику, как отряд всемирной армии социализма" и ведет "к международной социалистической революции"¹⁴⁶⁶. Вполне вероятно, что именно под этим лозунгом и планировалось вести войну с Германией, но не ту, которая началась.

Тем временем, по мере охлаждения советско-германских отношений, особенно после Берлинских переговоров в ноябре 1940 г., которые продемонстрировали, что Германия заняла в отношении СССР более неуступчивую позицию, советские пропагандистские структуры все активнее стали собирать "негатив" в отношении Германии. С конца 1940 г. пропагандистская машина СССР начала тайную подготовку к работе в условиях будущей войны с Германией и ведения антифашистской пропаганды. Уже весной 1941 г., как вспоминает живший до войны в Хабаровске А.Ф. Рар, "люди стали приносить с лекций по международному положению дозированную критику по адресу Германии... В то же время упорные слухи о приближающейся войне с Германией стали ходить и в народе"¹⁴⁶⁷.

Схожие настроения отразились и в упоминавшемся дневнике Вишневого, записавшего 31 января 1941 г.: "Позиция СССР выжидательна, мы, если будет целесообразно, сможем бросить и свою гирю на весы войны... Решит, вероятно, ближайшее лето". 9 апреля он делает следующую запись: "Решают ближайшие месяцы. Мы подходим к критической точке советской истории. Чувствуешь все это ясно". Наконец 14 апреля: "Правда вылезает наружу. Временное соглашение с Гитлером трещит по всем швам"¹⁴⁶⁸. В это же время на политзанятиях в войсках все большее место требовалось отводить изучению военно-политической обстановки в Европе, раскрытию агрессивной сущности империализма и захватнической политики Германии. 30 апреля 1941 г. в западные приграничные округа было направлено директивное письмо Главного управления политической пропаганды (ГУПП) РККА "Об итогах инспекторской проверки политзанятий", в котором отмечалось, что "красноармейцам и младшим командирам недостаточно разъясняется, что вторая мировая война обеими воюющими сторонами ведется за новый передел мира... Германия... перешла к завоеваниям и захватам... Недостаточно разъясняется, что расширение второй мировой войны создает непосредственную военную угрозу нашей стране"¹⁴⁶⁹.

Переломным моментом в подготовке советской пропаганды к действиям в новых условиях стало выступление Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий¹⁴⁷⁰. Это своего рода программная речь Сталина, произнесенная на следующий день после решения Политбюро о его назначении на должность председателя СНК СССР, произвела неизгладимое впечатление на слушателей, которые единодушны в том, что она носила антигерманский характер. Помимо констатации захватнических действий Германии в Европе, Сталин прямо возложил на нее ответственность за развязывание мировой войны. При том, что с осени 1939 г. в СССР довольно широко пропагандировалась идея, что "поджигателями войны" являются Англия и Франция, это было озвучиванием явно нового курса. Секретарь исполкома Коминтерна Г. Димитров отметил в дневнике: "Наша политика мира и безопасности есть в то же время политика подготовки войны. Нет обороны без наступления. Надо воспитывать армию в духе наступления. Надо готовиться к войне".

Вишневский оценил эту речь более эмоционально: "Речь огромного значения. Мы начинаем идеологическое и практическое наступление... Речь идет о мировой борьбе: Гитлер тут просчитывается [...] Впереди - наш поход на Запад. Впереди возможности, о которых мы мечтали давно"1471 .

Изменение направленности советской пропаганды было четко сформулировано Сталиным 5 мая 1941 г. На банкете в Кремле после торжественного заседания по случаю выпуска курсантов военных училищ был провозглашен тост за мирную сталинскую внешнюю политику. В ответ на него Сталин взял слово. "Разрешите внести поправку, - сказал он. - Мирная внешняя политика обеспечила мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры, до времени проводили линию на оборону - до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны - теперь надо перейти от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия - армия наступательная"1472 .

Это выступление Сталина было взято за основу при составлении нижеследующих документов директивного характера. В мае 1941 г. в Главном Управлении политической пропаганды (ГУПП) Красной Армии был подготовлен ряд проектов директивных документов, из которых нас интересует проект директивы "О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время"1473 . Этот документ после обсуждения 4 июня 1941 г. на Главном военном совете был 9 июня направлен начальником ГУПП армейским комиссаром 1 ранга А.И. Запорожцем начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову. Одновременно в самом Управлении пропаганды и агитации был подготовлен проект директивы ЦК "О задачах пропаганды на ближайшее время", который Александров 28 мая направил секретарям ЦК А.А. Жданову и А.С. Щербакову, по поручению которых и был составлен этот документ1474 . Проект не удовлетворил секретарей ЦК, и в первых числах июня сам Щербаков составил новый проект директивы "О текущих задачах пропаганды", который явно более логичен и точен, нежели текст Александрова1475 . Проект директивы ГУПП был 20 июня утвержден Главным Военным Советом1476 , а о судьбе проекта директивы ЦК пока ничего не известно.

В середине мая 1941 г. лекторской группой ГУПП для закрытых военных аудиторий был подготовлен доклад "Современное международное положение и внешняя политика СССР", который был 26 мая направлен в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и секретарям ЦК Жданову и Щербакову. На документе, посланном Александрову, имеется его резолюция от 19 июня: "В архив. По докладу даны указания т. Запорожцу"1477 . Мы не располагаем данными, позволяющими судить о характере этих указаний, однако идеи этого доклада перекликаются с идеями директивы ГУПП от 15 мая 1941 г., вышеуказанных проектов директивных документов, и были использованы, судя по приводимым И. Хоффманом данным, в докладе, сделанном, видимо, в войсках 15 июня 1941 г. "одним авторитетным политработником"1478 . Все это позволяет утверждать, что доклад не был отвергнут руководством. Кроме того, следует обратить внимание на выступления о международном положении М.И. Калинина на партийно-комсомольском собрании работников аппарата Верховного Совета СССР 20 мая и перед выпускниками Военно-

политической академии им. В.И. Ленина 5 июня, а также на речь Жданова на совещании работников кино в ЦК ВКП(б) 15 мая 1941 г.1479

Особую ценность этим материалам придает то, что они готовились на уровне и по распоряжению членов и кандидатов в члены Политбюро, руководства пропагандистского аппарата страны и армии. Следовательно, инициатива их подготовки исходила "сверху", сводя к минимуму самостоятельность функционеров среднего звена. Все эти документы, в значительной степени повторяющие и дополняющие друг друга, позволяют, несмотря на наличие в них идеологических и пропагандистских штампов, дать в целом объективную оценку настроений в советском руководстве в последние предвоенные месяцы.

Составители этих документов вслед за прозвучавшими 5 мая 1941 г. высказываниями Сталина уделили внимание вопросу о причинах военных успехов Германии, увязывая этот вопрос с необходимостью развенчания мифа о "непобедимости вермахта". Руководствуясь тезисом о том, что начавшаяся война показала неподготовленность к ней Англии и Франции, Щербаков следующим образом излагал причины поражения Франции: "Франция - победив в первой империалистической войне - зазналась, почилла на лаврах, проявила полную беспечность в деле подготовки к войне... Её военная мысль, вследствие самодовольства, не двигалась вперед, оставалась на уровне уроков войны 1914-1918 гг.

Французская авиация, которая когда-то была сильнейшей - отодвинулась на одно из последних мест. Танковые и мотомеханизированные соединения оказались в загоне". В армии "не только не хватало артиллерии, особенно зенитной и противотанковой, но не хватало даже пулеметов и пистолетов. Французское правительство, пожалев денег, не продолжило линию Мажино до Ла-Манша, что обесценило всю укрепленную часть фронта и дало возможность немецкой армии обойти французские укрепления". "К военным относились пренебрежительно... Военный аппарат оказался в руках людей или мало понимающих в военном деле, или людей, застывших на уроках и традициях войны 1914-1918 гг. Правящие круги Франции боялись не столько победы Гитлера, сколько своего народа... Среди высшего командного состава и руководящих политических деятелей было широко распространено пораженчество и прямое предательство. Такова первая причина военного разгрома Франции.

Поражение Франции объясняется не только её военной слабостью. Начиная войну, Франция и Англия не только не приобрели новых друзей и союзников, но и растеряли тех, кто был с ними. Гнилая, торгашеская политика "невмешательства" и "умиротворения"... предательство, учиненное в отношении своего прямого союзника - Чехословакии... легкомысленное отношение к вопросу о роли и удельном весе Советского Союза в делах Европы - все это оттолкнуло от Франции и Англии часть их союзников, привело их к изоляции и укрепило позиции Германии. Такова вторая причина военного поражения Франции"1480 .

Оценивая причины успехов Германии, Щербаков писал, что "немецкая армия, будучи разбитой в 1918 г. - извлекла из этого факта необходимые военные и политические уроки. В Германии в течение многих лет, особенно начиная с 1933 года, с приходом к власти национал-социалистов, началось формирование и обучение большой армии. Народное хозяйство, перестроенное на военные рельсы, было целиком подчинено задачам войны... Военные руководители Германии разрабатывали оперативные планы войны, основанные на стремительном наступлении на слабого и неподготовленного противника, при массовом применении современной военной техники... Военное превосходство Германии на первом

этапе войны было безусловным и подавляющим. Такова первая причина военных успехов германской армии.

Но исход войны решает не только вооружение и организация армии. Для победы мало иметь хорошую военную технику и организацию, войну готовят также и политически, а это прежде всего означает привлечь одни государства на свою сторону в качестве союзников, другие попытаться нейтрализовать. О правильности этого положения говорит весь опыт прошлых войн. В 1870-1871 гг. в войне с Францией Германия одержала победу, благодаря нейтралитету России, в результате, таким образом, - войны на одном фронте. В войне 1914-1918 гг. - в результате войны на два фронта Германия потерпела поражение.

Вот почему, готовясь к второй мировой войне, Германия постаралась установить мирные и дружественные отношения с СССР". Кроме того, Германии удалось "оторвать союзников от своих противников и привлечь некоторые страны в качестве союзников на свою сторону... и запугать некоторые малые нейтральные страны", предупредив их переход на сторону Англии и Франции¹⁴⁸¹.

"Военные победы Германии и поражения ее противников вызвали известное распространение взглядов о якобы непобедимости германской армии. Подобные взгляды в корне ненаучны и противоречат историческому опыту, а также ходу военных действий в современной войне. В мире не было и нет непобедимых армий, а были и есть армии хорошие и слабые... Победы германской армии объясняются тем, что немцы до сих пор имели военные столкновения со слабым "противником" и немецкая армия подавляла их огромным численным превосходством и техникой... На почве таких легких побед, - в армии и политических кругах Германии получили распространение хвастовство, самодовольство и зазнайство, которые прямо ведут к отставанию.

Все то новое, что внесено в оперативное искусство и тактику германской армии, не так уж сложно и теперь воспринято и изучено её противниками, так же, как не является новостью и вооружение германской армии. На почве хвастовства и самодовольства военная мысль Германии уже не идет, как прежде - вперед. Германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники. Если в начале войны Германия обладала новейшей военной техникой, то сейчас... военно-техническое преимущество Германии постепенно уменьшается"¹⁴⁸².

По мере расширения войны Германия сталкивается с рядом трудностей, отмечалось в докладе ГУПП. Прежде всего, это нехватка нефти, а значит, "горючее - это первое слабое место германской экономики. Продовольствие это второе слабое место германской экономики. Оно уже дает себя чувствовать чрезвычайно остро... Перспективы снабжения продовольствием все более ухудшаются... Третьим слабым местом германской экономики является положение с сырьем. Несмотря на то, что Германия получает некоторое сырье из оккупированных стран, всеми видами сырья она не обеспечена. Созданные в свое время запасы иссякают, а английская блокада закрывает для Германии внеевропейские рынки. Чем дольше продолжается война, тем больше будет истощаться Германия.

По мере раскрытия империалистических, захватнических целей Германии, меняется и отношение к войне народных масс самой Германии"¹⁴⁸³. "Подготовка войны и война на первом этапе велись под лозунгом освобождения страны от гнета Версальских цепей, - писал Щербаков. - Этот лозунг был популярен и встречал известную поддержку и сочувствие в немецком народе, поскольку народ немало натерпелся в результате грабительского Версальского мира. Этот лозунг нашел известное сочувствие и в других странах, которые

считали Версальский договор унижительным и несправедливым. Но в ходе войны обстановка коренным образом изменилась.

Лозунг - "долой Версальские цепи" - отпал. Сейчас германская армия, пользуясь военной слабостью ряда стран, перешла к прямому захвату и порабощению чужих территорий. Фашистская Германия ведет захват чужих территорий под лозунгом - установления так называемого "нового порядка" в Европе. Этот лозунг означает подавление национальной независимости оккупированных стран, превращение их в вассальные, эксплуатируемые государства, в аграрный придаток Германии.

Завоевательный характер лозунга - установление "нового порядка" в Европе немецкими политиками маскируется болтовней о необходимости продолжения борьбы с "международной плутократией", необходимостью "выкурить англичан отовсюду, где бы они не появились". Однако эта маскировка плохо скрывает программу порабощения народов, и широкие массы начинают все яснее видеть и понимать грабительский характер" этого лозунга. Он, "во-первых, не встречает сочувствия и поддержки в широких массах самой Германии. Во-вторых, этот лозунг вызывает огромное недовольство и озлобление народов оккупированных стран и постепенное нарастание сопротивления захватчику. Захватническая, завоевательная политика Германии восстанавливает против нее не только народы оккупированных стран, но и лучшую часть немецкого народа... Понятно, что успехи германской политики и немецкой армии под лозунгом захватнической и империалистической войны, под лозунгом покорения и порабощения других народов, не могут быть сколько-нибудь прочными"¹⁴⁸⁴. "Германская армия большая сила, которую нельзя недооценивать. Однако, по мере затягивания войны, военная мощь Германии ослабевает", - делался вывод в проекте директивы ГУП¹⁴⁸⁵. Все это развеивает миф о непобедимости германской армии.

Советское руководство в целом довольно верно оценивало военно-экономическое состояние Германии, чему способствовало посещение германских предприятий советскими военно-техническими комиссиями в 1939-1941 гг. Собственное обеспечение Германии такими видами стратегического сырья, как уголь, железная руда, нефть, медь, свинец, сера и серный колчедан, алюминий (бокситы), марганцевая руда, хромовая руда, шерсть, фосфаты, ртуть, слюда, составляло в 1939 г. всего 17,1-18,3%, тогда как для СССР этот показатель составлял 82,5%¹⁴⁸⁶. Добыча нефти и сырьевые ресурсы Германии, хотя и пополнились после разгрома Франции и определенного наращивания производства, были ограничены. Например, созданных запасов горючего и каучука могло хватить лишь до осени 1941 г., а запасы цветных металлов не покрывали даже потребления, не говоря уже о действительных потребностях¹⁴⁸⁷. Столь же напряженное положение сложилось в Германии с продовольствием. По данным германских исследователей, на период с 7 апреля по 29 июня 1941 г. (84 дня) каждый взрослый получил по 27 кг хлеба, 2,175 кг круп и макаронных изделий, 1,2 кг эрзацкофе, 5,6 кг мяса, 3,233 кг жиров, 0,75 кг сыра, 0,375 кг творога, 29 яиц, 4,05 кг сахара, картофель до 2 июня продавался свободно, после - по 7 кг на взрослого (на 28 дней). Средняя калорийность ежедневного пайка на человека снизилась с 3 000 калорий в 1936-1938 гг. до 2 445 калорий в 1940-1941 гг.¹⁴⁸⁸ Экономика Германии в силу своих ограниченных возможностей не могла служить надежным фундаментом для борьбы за мировое господство в условиях затяжной войны¹⁴⁸⁹.

Определенное проникновение в советскую печать утверждений германской пропаганды об успехах германской экономики и мощи вермахта вызвало в мае-июне 1941 г. негативную

реакцию советского руководства. Прежде всего это коснулось работ сотрудников Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР и редакции одноименного журнала этого института, которые, по мнению секретариата ЦК ВКП(б), "в оценке важнейших вопросов современной мировой политики и мирового хозяйства занимает теоретически ошибочную и политически вредную позицию". Это выражалось в том, что эти сотрудники и редакция журнала "подхватили и популяризировали распространяемые фашистской пропагандой мифы об идеальной организации и непобедимости германской армии, о якобы организованном, плановом характере германского хозяйства, об улучшении продовольственного положения в Германии и увеличении в ходе войны ее экономических и военных ресурсов" и, "в известной мере, оказались на поводу у буржуазной пропаганды". Поэтому следовало реорганизовать институт¹⁴⁹⁰ и устранить подобные недостатки в советской пропаганде, усилив критику идеологии фашизма и измышлений германской пропаганды¹⁴⁹¹.

Не подтверждается вышеприведенным материалом и версия о страхе советского руководства перед Германией и ее вооруженными силами, бытующая в отечественной историографии¹⁴⁹². В Москве считали Германию равноценным противником, который с военной точки зрения не имеет ничего особенного ни в танках, ни в артиллерии, ни в авиации. По мнению Сталина, военная техника Германии "отстает не только от нашей", но в отношении авиации ее начинает обгонять Америка¹⁴⁹³. Подобный вывод отражает определенную недооценку состояния вермахта. Однако нельзя не отметить, что в отношении качества военной техники, за исключением самолетов старых конструкций, Красная Армия действительно не уступала своему будущему противнику¹⁴⁹⁴.

"Основным фактором, определяющим современное международное положение, - отмечалось в докладе ГУПП, - является война между крупнейшими капиталистическими державами, которая длится уже около двух лет и стала мировой, затяжной и тотальной. Важнейшим итогом второй империалистической войны на современном ее этапе - является значительный военный успех Германии на сухопутных фронтах, и изгнание Англии с европейского континента. В результате этого со всей остротой встал вопрос о дальнейшем направлении войны.

Англия еще далеко не разбита, продолжает сопротивление и ввиду возрастающей помощи со стороны США укрепляет свои военные силы. В этой обстановке у Германии нет перспектив в ближайшее время разбить Англию и закончить войну, так как она, располагая крупной сухопутной силой, не имеет сильного морского флота. В то же время и Англия, имея господство на море, не имеет сильной сухопутной армии и также не может рассчитывать на победу в скором времени. Все это создает обстановку бесперспективности в войне, что она не может быть закончена в ближайшее время победой той или другой стороны...

Время, выигранное Германией в начале войны, сейчас поворачивается против нее. По мере затягивания войны разница военного потенциала двух воюющих сторон будет выступать с неумолимой силой... Поэтому особое значение приобретает для Германии позиция США. Борьба за мировое господство, дополненная жаждой военных прибылей, с неудержимой силой толкает Америку в войну... Формально США еще не воюют", но фактически все более вползают в войну, что значительно осложняет положение Германии¹⁴⁹⁵. По мнению Калинина, "эта война на истощение принимает длительный, ожесточенный характер, который, скорее всего, будет изнурительным для обеих сторон. Предсказать же кто из них победит сейчас еще трудно"¹⁴⁹⁶.

Авторы доклада ГУПП считали, что "в правящих кругах воюющих стран растет боязнь революционных последствий затяжной войны. Особенное беспокойство вызывает у империалистов рост могущества СССР. Буржуазия империалистических стран с большой тревогой взирает на Советский Союз, который стоит вне войны, и в то время как война расшатывает и ослабляет капиталистические страны, СССР растет и крепнет, усиливая свою экономическую и военную мощь... В этих условиях среди некоторых кругов буржуазии воюющих стран усиливается стремление договориться между собой с тем, чтобы заключить мир и направить острие войны против СССР. В этом смысле "бегство" Гесса в Англию - серьезное предупреждение для Советского Союза. И если в данном случае попытку сговора можно почти считать провалившейся, то почва для таких попыток в дальнейшем остается. Эта почва - бесперспективность войны с одной стороны и боязнь революционных последствий затяжной войны - с другой. Вот почему Советский Союз должен быть готов к любым неожиданностям со стороны империалистических держав, должен быть готов в любое время сорвать всякий сговор империалистов против нас". Хотя классовая ненависть может толкнуть буржуазию воюющих стран к заключению мира, но Англия и США понимают, что мир сегодня - это уступка Германии, а значит, этот процесс затруднен¹⁴⁹⁷.

В мире наблюдается кризис буржуазной демократии, поскольку "буржуазия скучает по диктатуре... - отмечал Калинин в речи от 5 июня. - Если мы сейчас проанализируем те социальные процессы, которые наблюдаются в демократических странах мира как воюющих, так и невоюющих, то мы заметим, что там идет усиление политической диктатуры, усиление диктатуры того или иного лица... Да иначе и быть не может. Во время войны все силы должны быть сконцентрированы, иначе масса средств останется неиспользованной или будет использована противником. Итак, усиление диктатуры становится характерной чертой капиталистического мира. Разумеется, сам процесс войны ускоряет созревание таких диктатур. Если бы войны не было, то капитализм двигался бы по этому пути крошечными шагами, а теперь, в процессе войны, он делает семимильные шаги... Итак, во время войны идет усиленное созревание диктатуры во всем капиталистическом мире, концентрация материальных средств в руках государства, концентрация капитализма. Все это во время войны ускоряется и обостряется.

Нужно отметить и второй процесс, который мы наблюдаем во время войны... - идет усиление роста политического сознания масс. Во время войны ярче выявляется перед трудовыми массами эгоизм капиталистов и он скорее доходит до сознания этих масс. И надо сказать, что рост классового сознания трудовых масс безусловно ускоряется в большей степени, чем растет диктатура капитала". Сама "война должна способствовать более быстрому созреванию классового сознания вообще". Вряд ли эта война безнаказанно сойдет капиталистам Европы, поскольку "чувствуется, что это богатая школа для трудовых масс не пропадет зря" и они "извлекут должные уроки и обрушат свой гнев на буржуазию"¹⁴⁹⁸.

Советское руководство довольно точно оценивало ход и перспективы Второй мировой войны, отмечая её затяжной характер, что рано или поздно обрекало Германию на поражение. Затяжка войны действительно питала те силы в противостоящих лагерях, которые выступали за прекращение войны и создание так называемого "единого фронта империалистических держав" против СССР¹⁴⁹⁹. Не случайно Москва пристально следила за подобными попытками, хорошо понимая имевшиеся на пути заключения мира трудности. Документы свидетельствуют, что советское руководство было довольно хорошо осведомлено о результатах "миссии Гесса", что подтверждается и другими данными¹⁵⁰⁰.

Рассуждения о нарастании диктатуры и политической сознательности масс в капиталистических странах, несмотря на явный отпечаток заидеологизированности, имеют под собой определенную почву. Нельзя не признать, что война и связанный с ней кризис общества способствовали радикализации общественных настроений и тем самым расширяли социальную базу коммунистических партий, увеличивая опасность социального взрыва. Интересно отметить, что эту опасность еще в 1939 г. предвидел бывший президент Чехословакии Э. Бенеш, который, правда, считал, что подобные надежды Москвы вряд ли сбудутся в полном объеме, поскольку "Западная Европа в социально-экономическом отношении еще достаточно сильна и будет весьма решительно сопротивляться социальной революции... в то время как Польша, Германия и Центральная Европа находятся в ситуации, гораздо более опасной"¹⁵⁰¹. Правда, в своем прогнозе Бенеш не учитывал возможность "экспорта революции" на штыках Красной Армии, что в значительно большей степени способствовало бы свержению "ига капитала", а, как мы увидим далее, именно на это и делало основную ставку советское руководство.

Значительная часть доклада ГУПП была посвящена советско-германским отношениям. "Если учесть всю совокупность экономических и стратегических факторов международного положения СССР, то совершенно очевидно, что наиболее реальную опасность для нас представляет та капиталистическая страна, которая имеет крупные сухопутные силы и наибольшую протяженность сухопутных границ с СССР. Сильная морская держава не столь опасна для СССР, как крупная сухопутная держава. Ни блокадой, ни десантом нельзя нанести сильного удара СССР, ибо Советский Союз обладает огромными пространствами, мощной армией, всеми необходимыми видами стратегического сырья, продовольствием и развитой машинной индустрией. Наиболее серьезным противником СССР является только крупная сухопутная держава. Такой страной в настоящее время является Германия. [...] В последнее время положение стало тем более напряженным, что точек соприкосновения между Германией и СССР стало значительно больше, нежели 2-3 года тому назад"¹⁵⁰².

Хотя между Германией и Советским Союзом заключен пакт о ненападении, "было бы глубоко ошибочным питать иллюзии относительно этого пакта и считать, что столкновение между СССР и Германией невозможно и, что, якобы, германские национал-социалисты отказались от своих антисоветских планов. [...] Никакие пакты и договоры не могут и не должны ослаблять бдительности советских граждан, создавать иллюзии о вечности наших мирных взаимоотношений с империалистическими державами... События последних лет показывают нам с отчетливой ясностью, что всякий пакт может быть в любую минуту превращен капиталистическим государством в клочок бумаги. Нельзя забывать ни на одну минуту, что все без исключения капиталистические государства - потенциальные враги СССР.

Внешняя политика СССР - это классовая политика. Борьба двух систем является решающим моментом в наших взаимоотношениях со всеми без исключения капиталистическими странами. Эта борьба делает все и всякие пакты и договоры СССР с империалистическими государствами временными, неустойчивыми. То или иное капиталистическое государство, идущее по целому ряду причин на заключение договоров с СССР, не отказывается от своих антисоветских планов, а лишь откладывает их осуществление до наиболее благоприятного момента. Развитие наших отношений с Германией показывает это совершенно недвусмысленно именно сейчас.

Раньше Советский Союз непосредственно не граничил с Германией, а теперь граничит.

От Нарвика и до Черного моря мы в настоящее время имеем только одного соседа - Германию. Раньше СССР отделял от Германии ряд мелких "буферных" стран, которые теперь либо совершенно исчезли с политической карты Европы как самостоятельные государства, либо, сохранив призрачную независимость, подверглись германской оккупации. На протяжении последнего года Германия, фактически нарушая пункт советско-германского договора о консультациях, без всякого согласования с нами, предприняла ряд мер на северо-западе и юго-востоке, которые не могли не затрагивать жизненные интересы СССР в этих районах Европы. На границах с Литовской ССР, в Польше, Германия концентрирует большое количество войск, разумеется, не для мирных целей. В Финляндии, которая в последнее время значительно подпала под экономическую и политическую зависимость Германии, также введены германские войска. Кроме того, в самой Финляндии, а также и в Швеции немцы ведут усиленную антисоветскую пропаганду.

В целях насаждения на нашей территории шпионских и диверсионных групп, Германия широко использует против нас враждебные нам элементы польского, украинского и белорусского населения оккупированной Польши, молдавского населения Румынии, литовского населения Сувалькской области", и других националистических групп эмиграции.

"Изредка, особенно в провинциальной печати, все же помещаются явно враждебные нам статьи. В своей устной агитации и пропаганде национал-социалисты полностью сохранили наглый антисоветский тон. Населению и солдатам внушается, что дружба с СССР - временная, что Германия обязательно должна воевать против СССР.

В юго-восточной Европе, на Балканах, Германия в последнее время предприняла меры, идущие вразрез с интересами СССР... Германия, нарушив пункт договора о консультациях с СССР, ввела свои войска в Румынию, Болгарию и разожгла пожар войны на Балканском полуострове. Захват Германией Балканского полуострова несомненно затрагивает наши важнейшие интересы...

В целом ряде последних заявлений Наркоминдела по поводу балканских событий советское правительство ясно продемонстрировало свою крайнюю заинтересованность в разрешении вопросов юго-восточной Европы и Ближнего Востока... Всеми этими актами советское правительство фактически осудило политику Германии, направленную к втягиванию в войну балканских государств, и давало недвусмысленно понять, что действия Германии идут вразрез политике СССР. Тем самым советское правительство фактически заявляло, что оно не признает "новых порядков", устанавливаемых державами оси на Балканах, и сохраняет за собой свободу рук в этом отношении...

Политика Германии на Ближнем Востоке, в особенности по отношению к Турции, также идет вразрез с государственными интересами СССР... Безопасность в районе проливов - Босфора и Дарданелл - играет для нас огромную роль, ибо это единственный выход для великой черноморской державы, какой являемся мы. Свою крайнюю заинтересованность в безопасности черноморских проливов советское правительство еще раз продемонстрировало последним заявлением турецкому правительству", которым "СССР дал понять, что будет всячески препятствовать разжиганию войны на Ближнем Востоке и втягиванию Турции в войну"1503 .

Вышеприведенный материал показывает, что советское руководство весной 1941 г. считало Германию основным противником. Версия о чрезмерном доверии Сталина в силу пакта о ненападении, распространенная в отечественной историографии1504 , не подтверждается, поскольку в Москве хорошо знали, что ни на какие договоры полагаться

нельзя. Документы лишней раз показывают, что советское руководство знало о сосредоточении германских войск у границ Советского Союза, но, судя по общей тональности документов, не опасалось скорого германского наступления. Перечисление антисоветских акций германского руководства имеет не только пропагандистское значение, но и свидетельствует о реальных узлах советско-германских противоречий. Как уже отмечалось, война между Германией и СССР была порождена борьбой за господство в Европе, ускорили же ее столкновения советских и германских интересов на Балканах, в Финляндии и на Ближнем Востоке. Если в 1939 г. Берлин и Москва смогли согласовать свои территориальные устремления и к осени 1940 г. в основном осуществить эти договоренности, то с конца 1940 г. экспансионистские устремления Германии и Советского Союза пришли в столкновение. Урегулировать их на основе компромисса не удалось, что и продемонстрировали переговоры между в Берлине в ноябре 1940 г.¹⁵⁰⁵ Компромисс был затруднен тем, что стороны уже не нуждались в нем, рассчитывая достичь своих целей военными средствами, и с ноября 1940 г. советско-германские отношения вступили в новую фазу - фазу непосредственной подготовки к войне.

"СССР живет в капиталистическом окружении, - писал Щербаков. Столкновение между миром социализма и миром капитализма неизбежно. Исходя из неизбежности этого столкновения - наше, первое в мире социалистическое государство, обязано изо дня в день, упорно и настойчиво готовиться к решающим боям с капиталистическим окружением с тем, чтобы из этих боев выйти победителем и тем самым обеспечить окончательную победу социализма. Внешняя политика Советского Союза ничего общего не имеет с "пацифизмом", со стремлением к достижению мира во что бы то ни стало"¹⁵⁰⁶ .

"Противоречие между миром социализма и миром капитализма является наиболее острым противоречием нашей эпохи, - отмечалось в докладе ГУПП. - Внешняя политика СССР исходит из того непререкаемого положения, что столкновение между миром социализма и миром капитализма неизбежно. Основная цель внешней политики СССР - своими особыми средствами обеспечить все необходимые предпосылки для победоносного решения вопроса "кто кого" в международном масштабе. Нам далеко не безразлично, в каких условиях произойдет неизбежное столкновение СССР и капиталистического окружения. Мы кровно заинтересованы в том, чтобы эти условия были для нас максимально благоприятными.

Главный успех ленинско-сталинской внешней политики мира состоит в том, что благодаря ей уже удалось отсрочить войну между империалистическими странами и СССР, во-первых, до того как в нашей стране победил социализм... и, во-вторых, до того, как сами империалистические державы передрались между собой из-за мирового господства... Тем самым ленинско-сталинская политика мира успешно разрешила стоявшие перед ней задачи. Неверно было бы однако расценивать нашу мирную политику, как вечную и неизменную. Это временная политика, которая вызывалась необходимостью накопить достаточные силы против капиталистического окружения. Теперь мы такие силы накопили и вступили в новый, наступательный период внешней политики СССР, который возлагает на нас большие и ответственные обязанности...

Не исключена возможность, что СССР будет вынужден, в силу сложившейся обстановки, взять на себя инициативу наступательных военных действий... В современной, исключительно напряженной международной обстановке, СССР должен быть готов ко всяким неожиданностям и случайностям и держать порох сухим против каждого

империалистического государства, несмотря на наличие пактов и договоров с этим государством". При анализе ближайших перспектив мирового капитализма следует исходить из нарастания "революционного кризиса", при этом отчетливо "вырисовывается роль СССР, как вооруженного оплота мировой социалистической революции... Это, разумеется, не исключает того, что возможны наступательные действия СССР против отдельных империалистических стран, угрожающих нашей безопасности, в обстановке, когда еще нет налицо революционной ситуации в капиталистических странах. Но и в том и в другом случае СССР может перейти в наступление против империалистических держав, защищая дело победившего социализма, выполняя величайшую миссию, которая возложена историей на первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян по уничтожению постоянно угрожающего нам капиталистического окружения"1507 .

"Ленинизм учит, - писал Щербаков, - что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма. До поры до времени СССР не мог приступить к таким действиям ввиду военной слабости. Но теперь эта военная слабость отошла в прошлое. Опираясь на свое военное могущество, используя благоприятную обстановку - СССР освободил Западную Украину и Западную Белоруссию, вернул Бессарабию, помог трудящимся Литвы, Латвии и Эстонии организовать советскую власть"1508 . "Если бы, конечно, присоединить Финляндию, то положение еще более улучшилось с точки зрения стратегии", - откровенно заявил 20 мая Калинин1509 . "Таким образом капитализму пришлось потесниться, а фронт социализма расширен. Международная обстановка крайне обострилась, военная опасность для нашей страны приблизилась, как никогда. В этих условиях ленинский лозунг "на чужой земле защищать свою землю" может в любой момент обратиться в практические действия", - предупреждал Щербаков1510 .

Как свидетельствуют документы, "миролюбивая политика СССР" трактовалась в Москве довольно своеобразно. "Большевики - не пацифисты, отмечалось в тезисах к речи Калинина от 20 мая 1941 г. - Они всегда были и остаются противниками только несправедливых, грабительских, империалистических войн. Но они всегда стояли, стоят и будут стоять за справедливые, революционные, национально-освободительные войны. Пока социализм не победит во всем мире или, по крайней мере, в главнейших капиталистических странах, до тех пор неизбежны как те, так и другие войны. Капиталистический мир полон вопиющих мерзостей, которые могут быть уничтожены только каленым железом священной войны.

Нельзя безотчетно упиваться миром - это ведет к превращению людей в пошлых пацифистов... Если мы действительно хотим мира, - и не зыбкого, не кратковременного, не как момента войны, а прочного и надежного, - то для этого мы должны изо всех сил готовиться к войне. Мы должны готовиться не к такой войне, какая идет сейчас, - ведь это же не война, а игра в бирюльки, - а к такой войне, в которой капиталисты уже не остановятся ни перед какими, самыми дьявольскими средствами в борьбе за свое существование. Чтобы представить себе хотя бы приблизительное представление об этой войне, достаточно вспомнить, например, войну с Финляндией. Вот к какой войне мы должны готовиться"1511 .

Подобные идеи перекликаются с запиской Запорожца на имя Жданова от 22 февраля 1941 г., содержащей "некоторые соображения о военной пропаганде среди населения", в которой четко определено, "что наша партия и Советское правительство борются не за мир

ради мира, а связывают лозунг мира с интересами социализма, с задачей обеспечения государственных интересов СССР"1512 .

Все это лишний раз подтверждает тот факт, что так называемая "миролюбивая внешняя политика СССР" являлась не более чем пропагандистской кампанией, под прикрытием которой советское руководство стремилось обеспечить наиболее благоприятные условия для "сокрушения капитализма" военным путем. Эти условия, судя по приводимым документам, заключались в создании военно-промышленного комплекса, способного обеспечить наступательные действия Красной Армии, и в возникновении войны между остальными великими державами. В этих условиях можно было под прикрытием лозунгов о "миролюбии СССР" начать "экспорт революции" в страны Европы, первым этапом которого стала агрессия Советского Союза против своих западных соседей и аннексия территорий в Восточной Европе в 1939-1940 гг. Только в силу сложной международной обстановки Москве не удалось захватить Финляндию, которая рассматривалась как стратегический плацдарм для действий в Скандинавии и на Балтике.

Интересно отметить, что вопрос о новом расширении "фронта социализма" встал именно в мае - июне 1941 г. Как заявил 15 мая Жданов на совещании работников кино в ЦК ВКП(б), "если обстоятельства нам позволят, то мы и дальше будем расширять фронт социализма"1513 . "Если вы марксисты, говорил Калинин в речи от 20 мая, - если вы изучаете историю партии, то вы должны понимать, что это основная мысль марксистского учения - при огромных конфликтах внутри человечества извлекать максимальную пользу для коммунизма"1514 . 5 июня он сформулировал эту мысль более кратко: "ведь война такой момент, когда можно расширить коммунизм"1515 . Выступая на Главном Военном Совете в ходе обсуждения директивы ГУПП 4 июня 1941 г., Жданов заявил, что "мы стали сильнее, можем ставить более активные задачи. Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики"1516 . Однако в 1941 г. расширять "фронт социализма" далее на Запад можно было лишь сокрушив Германию, которая, по мнению советского руководства, являлась главным противником СССР и была его единственным западным соседом. Для этой цели был готов достаточно серьезный инструмент - Красная Армия, которая еще осенью 1939 г. была удостоена эпитета "армия-освободительница"1517 .

"Мудрая внешняя политика партии и советского правительства обеспечила народам СССР вот уже на протяжении 20 лет мирный труд, - писал Щербаков. На этой основе наша страна добилась дальнейшего неуклонного роста политического, экономического и военного могущества... Красная Армия, широко использовав достижения отечественной и мировой военно-технической мысли, перестроилась организационно и серьезно перевооружилась на основе опыта современной войны"1518 . "Она располагает могучей артиллерией, мощными танками и скоростными самолетами в количестве, превосходящем любую капиталистическую армию, - отмечалось в докладе ГУПП. - Перестройка в методах обучения всех родов войск, с максимальным приближением к боевой обстановке, значительно подняла боеспособность Красной Армии. Значительно укрепилась и воинская дисциплина. Красная Армия крепка своим политико-моральным состоянием, своей преданностью Родине, своей готовностью не щадить своих сил и самой жизни во имя торжества коммунизма"1519 .

Красная Армия действительно представляла собой летом 1941 г. гигантский военный инструмент, что давало советскому руководству уверенность в успехе удара по Германии. Как

уже отмечалось, в 1939-1941 гг. была проведена колоссальная работа по совершенствованию советских вооруженных сил. Соответственно возросли и прямые военные расходы, рост которых в 1938-1940 гг. почти в 2 раза превысил общий рост расходов¹⁵²⁰. В эти годы произошло следующее перераспределение бюджетных расходов: если в 1938 г. на народное хозяйство (в том числе на промышленность) расходовалось 41,7% (19%), а на оборону 18,7%, то в 1939 г. эти показатели составили соответственно 39,4% (20,3%) и 25,6%, а в 1940 г. - 33,4% (16,4%) и 32,6%¹⁵²¹. Если же учесть общие расходы на вооруженные силы, НКВД, военно-промышленные наркоматы, Главное управление государственных материальных резервов, Главное управление гражданского воздушного флота и другие военизированные организации, общая доля расходов на военные нужды в 1940 г. достигнет 52% расходов бюджета, или 24,6% национального дохода¹⁵²². В 1940 г. на военные нужды было израсходовано 26% промышленной продукции (к примеру, в США этот показатель составлял 10,8%, а в Германии в 1939 г. первом военном году - 23%)¹⁵²³.

Ежегодной прирост военной продукции в 1938-1940 гг. составлял 39%, втрое (!) превосходя прирост всей промышленной продукции¹⁵²⁴. Соответственно, доля военной продукции в валовом промышленном производстве (в ценах 1926/27 гг.) возросла с 8,7% в 1937 г. до 18,7% в 1940 г. и до 22,5% в первой половине 1941 г.¹⁵²⁵ В первой половине 1941 г. советская промышленность выпускала 100% танков и 87% боевых самолетов новых типов, завершая переход на выпуск только этих образцов¹⁵²⁶. Всего за 1939 первую половину 1941 г. войска получили от промышленности 92 492 орудий и минометов, 7 448 танков и 19 458 боевых самолетов¹⁵²⁷. Производство боеприпасов только в первом полугодии 1941 г. выросло на 66,4%, а принятым 6 июня мобилизационным планом на вторую половину 1941 г. и 1942 г. предусматривался его дальнейший рост¹⁵²⁸. После XVIII партийной конференции (15-20 февраля 1941 г.) предприятия оборонной промышленности стали переводиться на режим работы военного времени¹⁵²⁹. 6 июня 1941 г. Сталин подписал ряд постановлений, согласно которым промышленные наркоматы должны были провести мероприятия, позволявшие "подготовить все предприятия... к возможному переходу с 1 июля 1941 г. на работу по мобилизационному плану"¹⁵³⁰ (выделено мной. - М.М.). Советские вооруженные силы, рост которых показан в таблице 42, действительно превосходили армию любой другой страны по количеству боевой техники.

Таблица 42

Развитие вооруженных сил СССР в 1939-1941 гг.¹⁵³¹

На 1.01.1939 На 22.06.1941 В % к 1939 г.

Личный состав (тыс.чел.) 2 485 5 774 232,4

Дивизии расчетные 131,5 316,5 240,7

Орудия и минометы (тыс.) 55,8 117,6 210,7

Танки (тыс.) 21,1 25,7 121,8

Боевые самолеты (тыс.) 7,7 18,7 242,8

Правда, советское руководство преувеличивало боееспособность Красной Армии. Вместе с тем имеющиеся в отечественной историографии¹⁵³² утверждения о якобы низкой боееспособности Красной Армии в 1941 г. представляются недостаточно обоснованными. Этот вывод основывается на неудачах начала Великой Отечественной войны, но при этом не учитывается тот факт, что советским войскам пришлось вести оборонительные бои, к которым они не были подготовлены, что, естественно, не могло не сказаться на их результатах. К тому же войска не успели завершить сосредоточение и развертывание,

провести мобилизацию и были захвачены германским нападением врасплох, что также отрицательно сказалось на их боеспособности¹⁵³³. По нашему мнению, вопрос о реальной боеспособности Красной Армии накануне войны еще ждет своего исследователя.

"Новые условия, в которых живет наша страна, современная международная обстановка, чреватая неожиданностями, и задачи, поставленные партией Ленина - Сталина и Советским правительством перед Красной Армией, отмечалось в проекте директивы ГУПШ, - требуют решительного поворота в пропагандистской работе, большевистского воспитания личного состава в духе пламенного советского патриотизма, революционной решимости и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага". [...] "Весь личный состав Красной Армии должен проникнуться сознанием того, что возросшая политическая, экономическая и военная мощь Советского Союза позволяет нам осуществлять наступательную внешнюю политику, решительно ликвидируя очаги войны у своих границ, расширяя свои территории. Эта наступательная политика выразилась в освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины, в разгроме белофинской авантюры. Советский Союз сейчас сильнее, чем прежде, а завтра будет еще сильнее. Красная Армия и советский народ, обороняя нашу страну, обязаны действовать наступательным образом, от обороны переходить, когда этого потребуют обстоятельства, к военной политике наступательных действий"¹⁵³⁴. По мнению авторов доклада ГУПШ, "современная международная обстановка является исключительно напряженной. Война непосредственно подошла к границам нашей родины. Каждый день и час возможно нападение империалистов на Советский Союз, которое мы должны быть готовы предупредить своими наступательными действиями. [...] Опыт военных действий показал, что оборонительная стратегия против превосходящих моторизованных частей (Германии. - М.М.) никакого успеха не давала и оканчивалась поражением. Следовательно, против Германии нужно применить ту же наступательную стратегию, подкрепленную мощной техникой (выделено мной. - М.М.). Задача всего начсостава Красной Армии - изучать опыт современной войны и использовать его в подготовке наших бойцов. Вся учеба всех родов войск Красной Армии должна быть пропитана наступательным духом".

"Германская армия еще не столкнулась с равноценным противником, равным ей как по численности войск, так и по их техническому оснащению и боевой выучке. Между тем такое столкновение не за горами". Интересно отметить, что Александров сделал к этому предложению следующее примечание: "Этакой формулировки никак нельзя допускать. Это означало бы раскрыть карты врагу"¹⁵³⁵.

Подобные рассуждения в директивных документах ЦК ВКП(б) наряду с данными о непосредственных военных приготовлениях Красной Армии к наступлению недвусмысленно свидетельствуют о намерении советского руководства совершить летом 1941 г. нападение на Германию. Подобные замыслы, естественно, приходилось держать в строгой тайне, чем и объясняется вышеприведенное примечание начальника Управления пропаганды и агитации ЦК. В этом контексте понятна резко негативная реакция ЦК ВКП(б) на публикацию 21 мая 1941 г. в "Комсомольской правде" статьи полкового комиссара И. Баканова "Учение Ленина - Сталина о войне", привлекая внимание английской прессы. В ней в несколько смягченной форме были изложены некоторые идеи вышеприведенных документов - о борьбе с пацифизмом, подготовке молодежи к службе в армии, усилении оборонной мощи и боевого наступательного духа советского народа, постоянной подготовке к войне, поскольку только уничтожение капитализма приведет к миру без войн, а пока этого не случилось, большевики

выступают за прогрессивные, справедливые войны¹⁵³⁶ .

В постановлении Политбюро, посвященном этой публикации, указывалось на необходимость более жесткого контроля со стороны Управления пропаганды и агитации за статьями на внешнеполитические темы, а непосредственные виновники ее появления в газете были сняты с работы¹⁵³⁷ . Единственно, что допускалось в прессе, были туманные намеки "Правды" на возможность "всяких неожиданностей" в сложившейся международной обстановке¹⁵³⁸ . Одновременно планировалась серия публикаций в антигерманском духе во всех основных изданиях¹⁵³⁹ . Режим строгой маскировки распространялся даже на Коминтерн, которому было отказано в публикации воззвания к 1 мая 1941 г. с обстоятельным анализом международного положения, поскольку это "могло раскрыть наши карты врагу"¹⁵⁴⁰ . Вообще в апреле - июне 1941 г. советское руководство вело столь осторожную внешнюю политику, что это дало ряду авторов повод говорить о политике умиротворения Германии¹⁵⁴¹ . Однако известные на сегодня материалы не подтверждают эту версию.

"В связи с напряженным положением, сложившимся для СССР на Западе, отмечалось в докладе ГУПП, - огромное значение приобретает заключенный советским правительством пакт о нейтралитете с Японией. Этот пакт, временно предотвращающий столкновение СССР с Японией, и в известной мере гарантирующий наши дальневосточные границы, является новой победой мудрой сталинской внешней политики. Заключение пакта со стороны Японии является несомненно попыткой обеспечить безопасность своих северных границ с тем, чтобы с большей силой ударить на юге, очевидно, в направлении Британской Малайи, Сингапура, Филиппин и т.д. [...] На данном историческом этапе интересы СССР и Японии в отношении сохранения мира на их совместных границах совпали, правда, по различным, диаметрально противоположным соображениям. СССР не намерен вмешиваться в драку Японии с США и обещает Японии соблюдать строгий нейтралитет. В свою очередь Япония отказывается от антисоветских авантюр на наших границах. В этом основа пакта Японии и СССР на данном этапе"¹⁵⁴² .

Оценка Москвой советско-японского договора о нейтралитете от 13 апреля 1941 г. показывает, что советское руководство было хорошо знакомо с обстановкой на Дальнем Востоке и знало о приготовлениях Японии к войне с Англией и США. Япония была заинтересована в нейтралитете СССР на период войны на Тихом океане¹⁵⁴³ . Советский Союз, в свою очередь, был заинтересован в отвлечении внимания Англии и США от европейских проблем и в нейтралитете Японии на период разгрома Германии и "освобождения" Европы от капитализма. Таким образом интересы Японии и СССР действительно совпали, но не по "диаметрально противоположным", а по одинаковым причинам: советско-японский договор должен был сыграть для Дальнего Востока ту же роль, какую сыграл для Европы советско-германский пакт о ненападении, а главное - он должен был обеспечить советскому руководству свободу рук в Европе.

Одновременно с разработкой всех этих директив началась целенаправленная переориентация советской пропаганды на воспитание населения в духе "всесокрушающей наступательной войны", на серьезное идеологическое противоборство с Германией и ее союзниками. Картина этих приготовлений подробно освещена в исследовании В.А. Невежина¹⁵⁴⁴ . Самое важное, что эта деятельность не ограничивалась кабинетами руководящих работников пропагандистских структур, а затрагивала пропаганду, которая велась в войсках и среди населения.

Перестройка пропаганды в армии с задачей "воспитывать личный состав в

воинственном и наступательном духе, в духе неизбежности столкновения Советского Союза с капиталистическим миром и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление" началась в соответствии с решением Главного военного совета от 14 мая 1941 г. На следующий день в войска была отправлена директива "О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной Армии на летний период 1941 года", в которой указывалось, что "о войнах справедливых и несправедливых иногда дается такое толкование: если страна первая напала на другую и ведет наступательную войну, то это война считается несправедливой, и наоборот, если страна подверглась нападению и только обороняется, то такая война якобы должна считаться справедливой. Из этого делается вывод, что Красная Армия будет вести только оборонительную войну, забывая ту истину, что всякая война, которую будет вести Советский Союз, будет войной справедливой"¹⁵⁴⁵. Со второй половины мая 1941 г. в войсках началась демонстрация антифашистских фильмов, снятых с проката осенью 1939 г.¹⁵⁴⁶, были записаны песни о войне с фашистами, начавшейся с наступления Красной Армии¹⁵⁴⁷.

Для поддержания боевого наступательного духа командного состава Красной Армии в мае 1941 г. (подписана в печать 5 мая) была переиздана брошюра В.М. Фрунзе "Единая военная доктрина и Красная Армия", содержание которой перекликалось с вышеприведенными документами. Анализируя доктрины Германии, Франции и Англии 1914 г., автор делал вывод, что военная доктрина любого государства "определяется характером общей политической линии того общественного класса, который стоит во главе его" и должна соответствовать "общим целям государства и тем материальным и духовным ресурсам, которые находятся в его распоряжении". Поскольку главной целью СССР является построение коммунизма во всем мире, необходимо сокрушить враждебное капиталистическое окружение, а значит, предстоит упорная и непримиримая борьба. "И нужно вполне осознать и открыто признать, - писал Фрунзе, - что совместное параллельное существование нашего пролетарского Советского государства с государствами буржуазно-капиталистического мира длительное время невозможно... Это противоречие может быть разрешено и изжито только силой оружия в кровавой схватке классовых врагов. Иного выхода нет и быть не может". Для этого необходимо крепить советскую военную мощь, учитывая, что "самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти в наступление на капитал, когда для этого сложится благоприятная обстановка... Отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, готовить ее к завершению задач революции путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций"¹⁵⁴⁸.

В конце мая - начале июня 1941 г. огромным тиражом был издан и отправлен в войска западных приграничных округов "Русско-немецкий разговорник для бойца и младшего командира", содержание которого должно было помочь советским воинам действовать среди немецкоязычного населения и облегчить тем самым "освободительную миссию"¹⁵⁴⁹. Согласно воспоминаниям члена Военного совета 16-й армии А.А. Лобачева, находившегося 10-14 июня 1941 г. в Москве, "при Военно-политической академии имени В.И. Ленина только что закончили работу специальные курсы членов Военных Советов и начальников Политуправлений. Я встретил здесь много старых друзей и товарищей. Большинство из них считало военный конфликт неизбежным, схватки не миновать. Начальник Управления политической пропаганды А.И. Запорожец пригласил на беседу группу руководящих политработников. Он заявил, что, по-видимому, работать придется в новой обстановке,

ознакомил с директивой об усилении политической пропаганды в войсках и, в частности, о необходимости разоблачения реакционной сущности фашизма". Командующий 16-й армией генерал-лейтенант М.Ф. Лукин также "считал, что война вот-вот начнется"1550 .

Естественно, что все это порождало слухи о предстоящей войне с Германией, которые были зафиксированы "компетентными органами" уже в середине мая 1941 г. 3-е Управление НКО (Особые отделы) неоднократно информировало начальника ГУПП и другие заинтересованные инстанции о "нездоровых политических настроениях и антисоветских высказываниях" среди населения западных районов страны и военнослужащих Красной Армии. Так, в ходе сосредоточения 75-й стрелковой дивизии ЗапОВО к границе 12-13 мая были зафиксированы следующие высказывания. Красноармеец Радинов во время марша сказал: "Нас ведут на войну и нам ничего не говорят". Лейтенант Дашкевич заявил по поводу опровержения ТАСС от 9 мая, что "Советское правительство занимается обманом и действительность опровергает". По мнению лейтенанта Кондакова, "если кончится вторая империалистическая война, то Советскому Союзу будет конец"1551 . 15 мая красноармеец 337-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона АрхВО Зюзин полагал, что "если сейчас войны нет между СССР и Германией, Англией, то это потому, что СССР еще не готов к войне, а если будет готов, то объявит Вам, дуракам, пойдем освобождать братьев Англии и Германии, и Вы все, дураки, пойдете"1552 .

20 мая 1941 г. 3-е Управление НКО докладывало о настроениях в войсках КОВО. Среди вольнонаемного персонала частей циркулировали следующие слухи. "Приезд советских генералов в г. Ровно говорит за то, что Россия скоро будет воевать с Германией... Раз советские войска начали устраивать радиостанции и конспирировать их, то скоро будет война России с Германией" (повар военного госпиталя Сорокин). "Советские войска усилено подбрасываются в г. Ровно, очевидно готовится война с Германией" (бывший работник военного госпиталя Вишг). "В г. Ровно приехало много генералов Красной Армии, скоро будет война с Германией" (электромонтер Бекер). "...Здесь стоит штаб, много генералов, полковников, все ведут подготовку к войне" (мастер городской аккумуляторной мастерской Рожок). "Война с Германией будет обязательно. В настоящее время в СССР проходит мобилизация. Из Ровно отправили большую партию допризывников. Кроме того, из Дальне-Восточного края (ДВК) на Запад перебрасывается много войск... Теперь ясно, что было в японской газете целиком соответствует действительности" (зубной техник военного госпиталя Тошман).

Схожие высказывания позволяли себе и военнослужащие. "Высшие командиры приехали не просто для учений, а для начала войны с Германией" (курсант курсов младших командиров Жуков). "В Ровно прибыло много генералов и политработников, значит скоро будет война" (фельдшер срочной службы Суриков). "К нам прибыло 60 человек генералов и как будто все они на игру. Ну какая может быть игра, если все говорят, как поседем и пойдем воевать с немцами. Хотя правительство и занимается обманными опровержениями, но самому надо понимать, что будет война. Я сегодня сам получил пополнение из ДВК" (врач в/ч 2811 Дворников). "Опровержение ТАСС не соответствует действительности. Части прибывают из ДВК, высшее командование съезжается и надо полагать в ближайшее время будет война" (солдат в/ч 2906 Воронков). "В долгосрочный отпуск теперь уйти не придется, так как нужно тщательно готовиться к войне, которая будет с Германией и готовиться надо тщательно, ибо Германия, это не Польша" (писарь 2-го батальона в/ч 2806 Шабанов)1553 .

25 мая 1941 г. 3-е Управление НКО сообщало о новых фактах. "Теперь международная

обстановка чревата всякими неожиданностями. Приезд генералов в Ровно это не случайное явление... переброска войск с ДВК, а также переброска германских войск в Финляндию, которых там уже насчитывается 60 тыс., выпуск командиров из училищ и академий Генштаба тоже не случайно. Есть приказание обеспечить в скором времени бойца полным снаряжением" (политрук в/ч 2806 Трофимов). "Советский Союз ведет усиленную подготовку к войне с Германией, поэтому генералы и приехали в Ровно" (младший сержант в/ч 2806 Амелькин). "Говорят, что генералы съехались на учения, но мы не верим в это потому, что такое количество высшего начсостава съезжалось в Проскуров перед наступлением на Польшу" (лейтенант в/ч 2811 Цаберабый). "За последнее время пахнет чем-то нехорошим. Вот в штаб корпуса привезли эшелон медсестер, это ведь не спроста" (старшина 6-й батареи в/ч 2806 Полищук). "В Ровно много машин. Проводят телефоны, прибыло много летчиков, война с Германией неизбежна" (местный житель Литовченко). "О том, что будет война это факт. Но почему СССР так долго не наступает на Германию" (местный житель Долгий)1554 .

Естественно, советское руководство старалось всячески пресекать подобные слухи, и не исключено, что именно их распространение привело к тому, что 14 июня 1941 г. было опубликовано известное заявление ТАСС и антифашистская пропаганда в войсках была несколько приглушена, но не свернута. В результате даже после 22 июня 1941 г. продолжалась циркуляция слухов о том, что инициатором войны был СССР. Подобные высказывания были зафиксированы уже в первые дни войны. Как вспоминает А.Ф. Рар, 23 июня 1941 г. в Хабаровске, узнав о начале войны, его мать и ее подруга (обе учительницы) высказали мысль: "Да это, наверное, мы и начали войну, сами и города наши бомбили"1555 . Те же мысли 23 июня 1941 г. высказал в Москве некто Спунд (бывший эсер): "Война с Германией начата нашими. Это война начата нашим правительством с целью отвлечения внимания широких народных масс от того недовольства, которым охвачен народ, - существующей у нас диктатурой"1556 .

Однако гораздо более показательны, что схожие настроения имели место и среди военнослужащих. Так, слушатель военно-ветеринарной академии Потапов, прослушав по радио речь Молотова, заявил, что "это, видимо, провокация с нашей стороны вынудила немцев пойти на СССР войной". Преподаватель академии Бреусенко заявил, что "войну начали не они (немцы), а мы"1557 . По мнению слушателя интендантской академии старшего лейтенанта Прокофьева, "вероятнее всего, войну начала не Германия, а СССР. Мы начали молотить Румынию, а отсюда уже бои разгорелись. Не знаю как это немцы могли прорваться в СССР, что это вредительство или что-нибудь другое"1558 . Начальник 3-го отдела Управления вещевого довольствия Главного интендантского управления Красной Армии Палеев полагал, что "ускорение войны с Германией вызвано нашими провокационными действиями, то есть сосредоточением войск на Западной границе, а главное выступлением тов. Сталина на выпуске Академиков, где он заявил, что вступление СССР в войну - есть вопрос выбора момента. Кроме того, на всех докладах по международному вопросу, особенно закрытых, также говорилось, что война с Германией неизбежна, поэтому было бы странным со стороны Германии ожидать нашего сосредоточения. Надо признать, что удар немцев на нас, с их точки зрения, был единственно правильным решением в сложившейся обстановке"1559 . Помощник начальника Военно-политической академии по материально-техническому обеспечению генерал-майор Петров говорил, что "война началась не в 4 часа утра 22 июня, а раньше, о чем ему известно из разговора с каким-то родственником Вадимом, который знал, что Советский Союз начал

войну еще до 22 июня 1941 г."1560

Как известно, в условиях германского нападения советской пропаганде пришлось вновь перестраиваться, на этот раз на обеспечение оборонительной войны, и бороться с вышеприведенными слухами.

Вышеприведенные материалы показывают, что советское руководство, вступив в борьбу за достижение Советским Союзом статуса "великой державы", рассматривало Вторую мировую войну как благоприятную возможность для решения этой задачи. Именно этим объясняется политика Москвы летом 1939 г., когда, убедившись, что Англия и Франция не готовы к уступкам СССР, советское руководство пошло на соглашение с Германией. Тем самым СССР избежал участия в европейской войне и получил возможность присоединить новые территории в Восточной Европе. Но это была лишь промежуточная задача, основной целью СССР являлось расширение "фронта социализма" на максимально возможную территорию. По мнению советского руководства, обстановка благоприятствовала осуществлению этой задачи. Оккупация Германией большей части континента, затяжная, бесперспективная война, рост недовольства населения оккупированных стран, распыление сил вермахта на разных фронтах, близкий японо-американский конфликт - все это давало советскому руководству уникальный шанс внезапным ударом разгромить Германию и "освободить" Европу от "загнивающего капитализма". В преддверии этого удара советская пропаганда получила задачу плавно подвести общественное мнение к убеждению, что сложившаяся международная обстановка подталкивает "первое в мире социалистическое государство" к нанесению сокрушительного удара по "оплоту самой реакционной буржуазии" - Германии, что не только позволит обезопасить СССР, но и кардинально скажется на судьбах капитализма в целом.

Место "Восточного похода" в стратегии Германии 1940-1941 гг. и силы сторон к началу операции "Барбаросса"

Вопрос о начале советско-германской войны всегда был одним из центральных в отечественной историографии и рассматривался преимущественно в идеологическом аспекте борьбы фашизма и коммунизма. Важная роль, которую сыграл Советский Союз в разгроме Германии во Второй мировой войне, ретроспективно использовалась в историографии для доказательства тезиса о том, что война на Востоке была для германского руководства главной целью, определявшей все остальные действия Берлина. Объясняя неудачное для Красной Армии начало войны, отечественная историография, вслед за сформулированной в речи И.В. Сталина от 6 ноября 1941 г. идеей о "нехватке у нас танков и отчасти авиации"¹⁵⁶¹, делала упор на количественное и качественное превосходство вооружений противника, подгоняя под этот тезис все статистические данные. Лишь в конце 1980-х гг. в литературе появились более объективные сведения на этот счет, и в начале 1990-х годов традиционная точка зрения была окончательно опровергнута. Однако наметилась тенденция: пользуясь неясностью вопросов качественного состояния вооружений, под этим предлогом сводить на нет советское количественное превосходство, и тем самым в новом виде реанимировать старую версию о немецком превосходстве¹⁵⁶². Ныне имеется возможность непредвзято рассмотреть вопросы о месте войны с СССР в стратегии Германии 1940-1941 гг. и о соотношении сил сторон на советско-германском фронте к началу войны.

В мае - июне 1940 г. Германии удалось кардинально изменить стратегическую ситуацию в Европе, вывести из войны Францию и изгнать с континента английскую армию. Естественно, что победы вермахта породили в Берлине надежды на скорое завершение войны с Англией, что позволило бы Германии бросить все силы на разгром СССР, а это, в свою очередь, развязало бы ей руки для борьбы с США. Не случайно именно в июне - июле 1940 г. традиционные антисоветские намерения германского руководства стали приобретать конкретное оформление. Однако в ходе "мирного" наступления на Англию в июле 1940 г. стало ясно, что скорого прекращения войны ожидать не следует. По мере развития военно-политических событий летом 1940 г. германскому руководству пришлось решать чрезвычайно сложный стратегический вопрос: следует ли сначала до конца разгромить Англию или же надо двинуться на Восток, сокрушить СССР, а потом уже сосредоточиться на войне с Англией и США.

Подготовка германским командованием операции "Морской лев" показала, что вермахт не располагает силами, способными обеспечить выполнение десантной операции на Британские острова. Цена же неудачного десанта была бы в политическом плане чрезвычайно велика. Кроме того, основные военно-политические события постепенно смещались в бассейн Средиземного моря и в Юго-Восточную Европу, что также привлекало внимание Берлина. Поэтому если в июле - августе 1940 г. германское командование практически не занималось планированием действий за пределами Европы, то по мере роста сомнений в осуществимости скорого вторжения в Англию и в эффективности применения против нее других средств военного воздействия периферийная стратегия приобретает все больший вес в германских планах войны против англичан. 12 августа 1940 г. ОКВ отдало распоряжение подготовиться к возможной переброске танковых сил в Северную Африку для наступления на Суэцкий канал, если "операция "Морской лев" не будет

проводиться в этом году". 13 августа 1940 г. начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал-полковник А. Йодль подготовил для Гитлера докладную записку с оценкой обстановки, в которой предлагал для достижения капитуляции Англии пойти на "значительно более тесное военное сотрудничество держав оси, чем то, какое было до сих пор". Для этого следовало:

а) продолжать воздушную войну до ликвидации в Южной Англии военно-промышленной базы страны. Все итальянские военно-воздушные силы, не введенные в действие в настоящее время в эти воздушные бои, должны быть использованы в них;

б) расширить подводную войну, ведущуюся с французских баз, введя в действие половину всех итальянских подводных лодок;

в) захватить Египет, если потребуется, с немецкой помощью;

г) овладеть Гибралтаром по согласованию с испанцами и итальянцами;

д) отказаться от проведения операций, без которых можно обойтись для победы над Англией и которые преследуют лишь военные цели, легко достижимые после победы над Англией (Югославия)"1563 .

Однако на практике все эти предложения оказались благими пожеланиями, поскольку они не вызвали особого энтузиазма ни у итальянского, ни у испанского, ни тем более у вишистского правительств. Руководство Италии пока еще надеялось вести собственную параллельную войну с Англией, а Испания и Франция не спешили слишком тесно сближаться с Германией, выжидая развития событий. Таким образом, Германии не удалось в 1940 г. выполнить основную стратегическую задачу войны на Западе - полностью вывести из войны Англию и развязать себе руки для борьбы на других направлениях.

Германское руководство не могло не учитывать и все возрастающей помощи Англии со стороны США, которые постепенно переходили с позиции дружественного Лондону нейтралитета на позицию "невоюющего союзника" Англии. Правда, в Берлине не опасались возможности прямого военного вмешательства США в европейскую войну в скором времени, но вполне осознавали важность экономической поддержки Вашингтоном военных усилий Лондона. Стремясь удержать США от дальнейшего сближения с Англией, создать благоприятные условия для действий на периферийных ТВД и не допустить формирования антигерманской коалиции, Берлин приступил к созданию антибританского континентального блока, первым шагом к чему стало возобновление германо-японских переговоров о союзе. Для создания угрозы Англии в Средиземноморье следовало использовать вступившую в войну в июне 1940 г. Италию, которая, однако, нуждалась в определенной военно-экономической поддержке. В итоге 27 сентября 1940 г. Германия, Италия и Япония подписали Тройственный пакт, который должен был стать основой для создания более широкого континентального блока во главе с Германией, подчиненного задаче окончательного сокрушения Англии. По достижении этой цели Германия могла бы сосредоточить все силы на осуществлении похода на Восток.

В октябре 1940 г. Германия предприняла попытки привлечь в состав этого блока Испанию и Францию, а также инициировала переговоры с СССР. Москва, естественно, была обеспокоена продвижением Германии на Балканы, заключением Тройственного пакта и германо-финским сближением и не замедлила высказать Берлину свои претензии. Это наглядно показало, что СССР не собирается ограничиваться ролью пассивного зрителя, а стремится активно участвовать в европейских делах. Правда, эта позиция не соответствовала интересам Германии, но германское руководство решило все же путем переговоров выяснить

возможность нового компромисса с Москвой и постараться использовать ее против Англии, не допустив русских далее в Европу.

Советско-германские переговоры ноября 1940 г. показали, что СССР готов присоединиться к Тройственному пакту, но выставленные им при этом условия были совершенно неприемлемы для Германии, поскольку требовали ее отказа от вмешательства в Финляндии и закрывали ей возможность продвижения на Ближний Восток через Балканы. Согласие Берлина на эти условия означало бы, что ему оставалась лишь возможность продолжения затяжной войны против Англии на Западе Европы или в Африке при постоянном усилении Советского Союза в тылу Германии. И хотя германское руководство не видело пока реальной опасности в позиции СССР, но и потенциальная угроза, исходящая со стороны столь мощного соседа, не позволяла просто игнорировать его позицию. Даже отказ от соглашения с СССР и продвижение на Ближний Восток через Балканы без согласия Москвы ставил бы германские войска в уязвимое положение, так как их коммуникации проходили бы в 800-км коридоре вдоль советских границ. Если же учесть, что советская граница находилась в 700 км от Берлина, тогда как с севера, запада и юга все побережье Европы контролировалось Германией, вся ближневосточная экспедиция становилась слишком авантюристичным предприятием.

По мере смещения центра англо-германской войны в Восточное Средиземноморье Германия расширяла свое проникновение в Юго-Восточную Европу, что в перспективе выводило вермахт на подступы к Ближнему Востоку. В германском командовании имелись сторонники более решительного наступления на этом стратегическом направлении, где в случае успеха Германия смогла бы получить контроль над крупнейшими нефтяными месторождениями и полностью обезопасить Средиземноморье от английского флота, что, в свою очередь, вело к укреплению позиций Италии и снятию внешней угрозы для всего юга Европы. Причем Германия располагала силами, которые вполне обеспечивали выполнение этой задачи, а антибританские настроения в арабском мире позволили бы Берлину иметь активную "пятую колонну" и поддержку в регионе.

Однако реализация этой стратегии требовала создания политических условий для доведения войны против Англии до конца. Причем этот вопрос был тесно связан с проблемой войны на два фронта в случае, если Лондону удастся найти себе союзника на континенте. Еще 30 июля 1940 г. командование сухопутных войск пришло к заключению: "На вопрос о том, как выйти из положения, если не будет достигнута решающая победа над Англией и возникнет опасность сближения Англии с Россией, что заставит нас вести войну на два фронта, и в первую очередь против России, может быть один ответ укрепление дружбы с Россией. Желательна встреча со Сталиным. На Балканах, которые экономически входят в нашу сферу влияния, мы можем пойти на уступки. Италия и Россия могут договориться о Средиземном море. При этом условии мы сможем нанести англичанам решающий удар на Средиземноморском театре, отрезать их от Азии, помочь Италии создать средиземноморскую империю и с помощью России укрепить свои владения, захваченные нами в Западной и Северной Европе. Тогда мы окажемся в состоянии вести длительную войну с Англией" 1564 .

Схожий выход из стратегического тупика, в котором оказалась Германия, предлагал и главнокомандующий ВМС гросс-адмирал Э. Редер. "Мы должны, говорил он Гитлеру 24 сентября 1940 г., - постараться всеми средствами усилить нашу войну против Англии, и без промедления, пока Соединенные Штаты еще не вступили в борьбу. При этом я еще раз указал

на Гибралтар, Суэц, а также Ближний Восток и Канарские острова. Ослабление английских имперских позиций могло бы иметь решающее значение. Мы ни в коем случае не должны нарушать заключенного с Россией пакта, так как он спасет нас от войны на два фронта. Нельзя же себе представить, - сказал я Гитлеру, - чтобы он решился развязать войну на два фронта: ведь ранее он постоянно подчеркивал, что не повторит ошибки правительства 1914 г. По моему мнению, заявил я, ни при каких обстоятельствах нельзя брать на себя такую ответственность. Наоборот, мы должны сконцентрировать все силы на разгроме Англии... Для этого нам надо с величайшей энергией вести морскую войну, опираясь на порты Атлантики, расширить во взаимодействии с французами систему опорных пунктов до западного побережья Африки и завоевать с помощью Италии и Франции господство на Средиземном море и над африканским побережьем до Суэцкого канала. Тем самым для Англии путь в Индию окажется отрезанным, а Северная Африка будет подключена к европейской экономической системе, что важно для снабжения Европы. Проблема продовольственного обеспечения Европы за счет Востока отпадает сама собой"1565 .

Кроме того, от Суэцкого канала "можно двигаться на Палестину и Сирию. Тогда Турция у нас в руках. В этом случае русская проблема приобретает иной вид. Россия постоянно будет бояться Германии. Сомнительно, что в этом случае окажется еще необходимым действовать против России на Севере"1566 . 14 ноября 1940 г. Редер заявил Гитлеру, который все более склонялся к необходимости войны с СССР, что рекомендует отсрочить ее "до победы над Англией, поскольку силы Германии слишком напряжены, а конца войне не видно... Россия, по его мнению, в ближайшие годы не будет стремиться к конфликту, поскольку собирается совершенствовать с помощью Германии свой флот (ожидает от нас поставки 380-мм орудий в башнях для линейных кораблей), и, следовательно, в течение ряда лет будет зависеть по-прежнему от поддержки Германии"1567 .

Даже после подписания директивы № 21 ("План Барбаросса") Редер пытался отговорить Гитлера от "Восточного похода". На совещании в ставке 27 декабря он отстаивал свой план сосредоточения всех усилий для сокрушения Англии. Нецелесообразно, говорил Редер, начинать войну против Советского Союза, не обеспечив полностью свой тыл на западе. В Греции, Албании, Ливии и в Восточной Африке англичане завладели инициативой; они укрепили свои позиции на Средиземном море. В этих условиях еще большее значение приобретает захват Гибралтара. Достижение этой цели улучшит положение Италии, обеспечит господство держав "Оси" в западной части Средиземного моря, лишит Англию важнейшего звена в системе ее мировых коммуникаций и затруднит ей ведение военных действий в Киренаике и Греции, даст Германии возможность развернуть наступление в Африку через Испанское Марокко. Все это надо сделать как можно быстрее, до активного выступления США в поддержку Англии. Для этого необходимо развернуть максимальное производство самолетов и подводных лодок1568 .

Поэтому Редер выразил "самые серьезные сомнения в возможности войны против России до того, как будет разгромлена Англия". Гитлер согласился с необходимостью увеличения производства подводных лодок, но заявил, что, "учитывая нынешнюю политическую обстановку (склонность России к вмешательству в балканские дела), необходимо в любом случае устранить последнего противника на континенте, прежде чем удастся заняться Англией. Поэтому сухопутные войска должны получить необходимую мощь. Лишь после этого можно будет полностью сосредоточить все усилия на военно-морских и военно-воздушных силах"1569 . Последняя попытка повлиять на стратегию Гитлера была

предпринята Редером 6 июня 1941 г., когда он представил фюреру основные соображения о стратегической обстановке в восточном Средиземноморье после Балканской кампании и овладения Критом. Предлагалось быстро и насколько это возможно энергично использовать сложившуюся на Ближнем Востоке ситуацию, пока Англия с помощью США не успела снова укрепить там свои позиции. Операции на Ближневосточном ТВД для вытеснения оттуда англичан следовало вести наряду с операцией "Барбаросса"¹⁵⁷⁰. Однако все эти предложения не нашли поддержки со стороны политического руководства Германии, да и вермахт не располагал силами, достаточными для решения столь сложных задач на двух разных ТВД.

После войны многие бывшие генералы вермахта высказали мнение, что Гитлер упустил очень благоприятные возможности, открывшиеся для Германии в итоге Балканской кампании, для усиления борьбы и разгрома Англии, после чего можно было бы решить военно-политические задачи на Востоке. Так, по мнению бывшего сотрудника оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск генерал-майора А. Филиппи, "Гитлер не удосужился серьезно рассмотреть выдвинутую командованием сухопутных войск и флота и поддержанную штабом оперативного руководства идею поразить совместно с Италией основную артерию Британской империи на Средиземном море и тем самым в сочетании с наступлением на английскую метрополию добиться решающего исхода войны... В сущности говоря, Гитлер, скованный континентальным мышлением, боялся вообще всякого риска в операциях на периферии Европы. Поэтому он выбрал другой путь из стратегического тупика, в который сам завел германское военное руководство своей государственной близорукостью и отсутствием военных планов"¹⁵⁷¹.

Обратив внимание на то, что германские ВВС позволяли свести на нет превосходство англичан в акватории Средиземного моря, К. Типпельскирх считал, что "если бы Гитлер не был так скован планом "сокрушения Советской России в скоротечной военной кампании", то он должен был бы признать, что это обстоятельство открывает новые перспективы для решительного ведения войны против Англии в бассейне Средиземного моря. Но, учитывая немощь Италии и сомневаясь в возможности установить господство на Средиземном море, он боялся этих перспектив. Между тем державы "Оси" могли сохранить воздушное господство в Восточном Средиземноморье, захватить в качестве первой цели остров Мальта, обеспечить морские коммуникации в Северную Африку и потрясти позиции Англии на Среднем Востоке, затем, вероятно, снова вернуться к плану овладения Гибралтаром, т. е. в целом направить ведение войны против Англии в русло, которое обрисовал Редер в своем докладе 27 декабря"¹⁵⁷².

Сторонники этой основанной на чисто военных факторах точки зрения не учитывают общей сложной военно-политической обстановки, в которой оказалась Германия. Затяжная война с Англией, поддерживаемой США, требовала сближения с СССР, но цена такого сближения была, по мнению Берлина, слишком велика. Наступление на Ближнем Востоке также было связано с позицией Советского Союза, что тоже требовало уступок. Нежелание, да и невозможность нахождения новой основы для советско-германского компромисса убедили германское руководство в необходимости военного решения восточной проблемы, что должно было открыть перед Германией новые перспективы. В результате, как писал А. Хильгрубер, "все военные мероприятия Гитлера на Западе, на Балканах и в районе Средиземного моря в первой половине 1941 г. должны рассматриваться под углом зрения одной большой идеи - что они должны были служить в период операции "Барбаросса"

закреплению захваченного в 1940 г. континентально-европейского бастиона. С точки зрения этой очередной фазы общего планирования войны они мыслились как стратегически оборонительные даже там, где речь шла о наступательных операциях, как в Балканской кампании или при действиях в Северной Африке. Правда, они должны были одновременно создать предпосылки для последующего развертывания стратегических операций - на юго-восток против британских ближневосточных позиций, на юго-запад с целью создания немецкого плацдарма в северо-западной Африке против Великобритании и США. Несмотря на все искушения использовать слабые места британского противника и преждевременно проникнуть в районы, которые можно было по всей видимости или вполне определенно захватить быстрыми ударами с использованием небольших немецких сил, Гитлер сохранял приоритет за своим планом "Барбаросса" даже тогда, когда дело касалось заманчивых перспектив наступления на британские позиции на Ближнем Востоке"1573 .

В ряду побудительных мотивов, которыми руководствовались в Берлине, принимая решение о начале войны с СССР, не последнее место занимали идеологические соображения. Традиционный антикоммунизм, являвшийся одной из основ национал-социалистической идеологии, объявившей себя единственной силой, способной противостоять коммунизму, разгром коммунистического движения в Германии и идеологическая борьба с ним в оккупированных странах Европы, казалось, подталкивали национал-социалистическое руководство к сокрушению центра коммунистической пропаганды в Москве. Конечно, не следует забывать, что антикоммунистическая и антисоветская основы национал-социалистической идеологии отражали более фундаментальное противостояние "Западной" и "Российской" цивилизаций и очередной этап в борьбе "Запада" с любой социально-экономической альтернативой его господству над миром. Не случайно расистские и националистические идеи НСДАП никогда не вызывали в Европе всеобщего отторжения - ведь на них основано европоцентристское восприятие мира. В этом смысле национал-социализм являлся всего лишь следующим шагом в развитии западного либерализма и своеобразным испытательным полигоном для будущей концепции "золотого миллиарда"1574 .

Антикоммунистическая и антисоветская составляющие идеологии Третьего рейха естественным образом дополнялись идеей борьбы за "жизненное пространство", которое было необходимо для создания мощной империи с автаркической экономикой. Поскольку Восточная Европа, в том числе и Европейская часть СССР, рассматривалась как одна из важнейших составляющих этого "жизненного пространства", чисто идеологическое обоснование новой экспансии сочеталось с экономическими требованиями идеологов национал-социализма и руководителей германской экономики. Причем в данном вопросе германское руководство не посчиталось с тем, что советские поставки по торговым договорам и особенно транзит через территорию СССР играли важную роль в германской внешней торговле. Опираясь на опыт войны в Европе, в Берлине полагали, что молниеносный разгром Красной Армии позволит беспрепятственно захватить большую часть советской промышленности и наладить производство в интересах Германии.

В стратегическом плане все эти соображения смыкались с реальной проблемой тупиковой ситуации в войне с Англией. Оказалось, что Германия не имеет возможности немедленно вывести ее из войны, и война все явственнее становилась затяжной. Причем в Берлине предполагали, что сопротивление Англии связано с ее надеждами на вступление в войну США или СССР. В данном случае не так важно, насколько это мнение реально

отражало побудительные мотивы политики английского правительства во второй половине 1940 - начале 1941 г. Гораздо важнее то, что в результате упорства Великобритании Германия оказалась в стратегическом тупике, а потеря темпов вела к утрате времени, наверстать которое было уже невозможно. Поскольку Германия не могла заставить США отказаться от помощи Англии, Гитлер сделал вывод, что разгром СССР подтолкнет Лондон к уступкам и мирным переговорам. Причем эта стратегическая идея, впервые в общей форме высказанная Гитлером 13 июля 1940 г.¹⁵⁷⁵, в дальнейшем постоянно развивалась и уточнялась. 31 июля 1940 г. Гитлер заявил, что "надежда Англии - Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии". Поэтому следовало одним ударом сокрушить СССР, так как "если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия"¹⁵⁷⁶.

Рассматривая войну с СССР как один из эпизодов войны с Англией, Гитлер и в дальнейшем развивал свою идею о важности победы на Востоке для достижения победы на Западе. 9 января 1941 г. в ходе обсуждения обстановки с военным руководством Гитлер вновь коснулся вопроса о надеждах Англии, стремившейся "сколотить большой континентальный блок против Германии", на помощь со стороны США и СССР. Как полагал фюрер, "властитель России Сталин умен, он не станет открыто выступать против Германии, но необходимо считаться с тем, что в тяжелых для Германии ситуациях он будет создавать нам все большие трудности. Он хочет вступить во владение наследством обедневшей Европы, ему тоже нужны успехи, его воодушевляет "Дранг нах Вестен". Ему также совершенно ясно, что после полной победы Германии положение России станет очень трудным.

Англичан поддерживает надежда на возможность вмешательства русских. Они лишь тогда откажутся от сопротивления, когда будет разгромлена эта их последняя континентальная надежда... Если же они смогут продержаться, сформировать 30-40 дивизий, и если США и Россия окажут им помощь, тогда создастся весьма тяжелая для Германии обстановка. Этого допустить нельзя... Поэтому теперь необходимо разгромить Россию. Тогда либо Англия сдастся, либо Германия будет продолжать борьбу против Англии при самых благоприятных условиях. Разгром России позволит также и Японии обратить все свои силы против США. А это удержало бы последние от вступления в войну.

Особенно важен для разгрома России вопрос времени. Хотя русские вооруженные силы и глиняный колосс без головы, однако точно предвидеть их дальнейшее развитие невозможно. Поскольку Россию в любом случае необходимо разгромить, то лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо подготовлена и когда русским приходится преодолевать большие трудности в военной промышленности, созданной с посторонней помощью. Тем не менее и сейчас нельзя недооценивать русских. Поэтому немецкое наступление должно вестись максимальными силами. Ни в коем случае нельзя допустить фронтального оттеснения русских. Поэтому необходимы самые решительные прорывы... Цель операции должна состоять в уничтожении русских вооруженных сил, в захвате важнейших экономических центров и разрушении остальных промышленных районов, прежде всего в районе Екатеринбурга; кроме того, необходимо овладеть районом Баку.

Разгром России будет для Германии большим облегчением. Тогда на Востоке необходимо будет оставить лишь 40-50 дивизий, численность сухопутной армии можно будет сократить и всю военную промышленность использовать для вооружения военно-воздушных

и военно-морских сил. Затем необходимо будет создать надежное зенитное прикрытие и переместить важнейшие промышленные предприятия в безопасные районы. Тогда Германия будет неуязвима.

Гигантские пространства России таят в себе неисчислимы богатства. Германия должна экономически и политически овладеть этими пространствами, но не присоединять их к себе. Тем самым она будет располагать всеми возможностями для ведения в будущем борьбы против континентов, тогда никто больше не сможет ее разгромить. Когда эта операция будет проведена, Европа затаит дыхание"1577 .

В беседе с Муссолини и Чиано 20 января 1941 г. Гитлер заявил, что "общее положение на Востоке можно правильно оценить только с точки зрения положения на Западе. Нападение на Британские острова является последней целью. Здесь мы находимся в положении человека, у которого в винтовке остался всего один патрон: если он промахнется, ситуация станет еще хуже, чем прежде. Высадку не повторить, так как в случае неудачи будет потеряно слишком много техники. Тогда Англии больше уже не придется ничего опасаться, и она сможет направить свои главные силы на периферию, куда ей вздумается. А пока высадка все еще не состоялась, англичанам приходится считаться с ее возможностью... Америка, даже если она вступит в войну, большой опасности не представляет. Самая большая угроза - огромный колосс Россия. Хотя Германия подписала с Россией весьма выгодные политические и экономические договоры, все же лучше полагаться на свои силовые средства. Но при этом весьма значительные силы связаны на русской границе, не позволяя направить достаточное число людей в военную промышленность, чтобы до предела усилить производство вооружения для авиации и военно-морского флота. Пока жив умный и осторожный Сталин, никакой опасности нет. Но когда его не станет, евреи, которые сейчас отошли на задний план, могут вновь выдвинуться на первый план.

Следовательно надо проявлять осторожность. Русские выдвигают все новые и новые требования, которые они вычитывают из договоров. Потому-то они и не желают в этих договорах твердых и точных формулировок. Следовательно, надо иметь в виду такой фактор, как Россия, и подстраховать себя силой и дипломатической ловкостью. Раньше Россия никакой угрозы для Германии не представляла, но теперь, в век военной авиации, из России или со Средиземного моря румынский нефтяной район можно в один миг превратить в дымящиеся развалины, а он для Оси жизненно важен"1578 .

30 марта 1941 г. Гитлер заявил, что "ныне существует возможность разбить Россию, имея свободный тыл. Эта возможность так скоро не появится вновь. Я был бы преступником перед немецким народом, если бы не воспользовался этим"1579 . Еще раз Гитлер изложил свое видение стратегической ситуации в письме Муссолини от 21 июня 1941 г., в котором информировал дуче о том, что принял решение начать войну против СССР, так как "уже нет иного пути для устранения этой опасности. Дальнейшее выжидание приведет самое позднее в этом или в следующем году к губительным последствиям". Оценивая обстановку, Гитлер утверждал, что "Англия проиграла эту войну. С отчаяньем утопающего она хватается за каждую соломинку, которая в ее глазах может служить якорем спасения". В данном случае этой надеждой является "Советский Союз. Оба государства, Советская Россия и Англия, в равной степени заинтересованы в распавшейся, ослабленной длительной войной Европе. Позади этих государств стоит в позе подстрекателя и выжидающего Североамериканский Союз. После ликвидации Польши в Советской России проявляется последовательное направление, которое - умно и осторожно, но неуклонно - возвращается к старой

большевистской тенденции расширения Советского государства. Затягивания войны, необходимого для осуществления этих целей, предполагается достичь путем сковывания немецких сил на Востоке, чтобы немецкое командование не могло решиться на крупное наступление на Западе, особенно в воздухе".

Поскольку битва за Англию требует использования всех германских ВВС, Германия должна быть застрахована "от внезапного нападения с Востока или даже от угрозы такого нападения. Русские имеют громадные силы... Собственно, на наших границах находятся все наличные русские войска. С наступлением теплого времени во многих местах ведутся оборонительные работы. Если обстоятельства вынудят меня бросить против Англии немецкую авиацию, возникнет опасность, что Россия со своей стороны начнет оказывать нажим на юге и севере, перед которым я буду вынужден молча отступать по той простой причине, что не буду располагать превосходством в воздухе. Я не смог бы тогда начать наступление находящимися на Востоке дивизиями против оборонительных сооружений русских без достаточной поддержки авиации. Если и дальше терпеть эту опасность, придется, вероятно, потерять весь 1941 год, и при этом общая ситуация ничуть не изменится. Наоборот, Англия еще больше воспротивится заключению мира, так как она все еще будет надеяться на русского партнера. К тому же эта надежда, естественно, станет возрастать по мере усиления боеготовности русских вооруженных сил. А за всем этим еще стоят американские массовые поставки военных материалов, которые ожидаются с 1942 г." В случае начала войны на Востоке "мое отступление принесло бы нам тяжелую потерю престижа. Это было бы особенно неприятно, учитывая возможное влияние на Японию. Поэтому после долгих размышлений я пришел к выводу, что лучше разорвать эту петлю до того, как она будет затянута. Я полагаю, дуче, что тем самым окажу в этом году нашему совместному ведению войны, пожалуй, самую большую услугу, какая вообще возможна".

По мнению Гитлера, воля Англии к борьбе основывается "исключительно на двух факторах: России и Америке. Устранить Америку у нас нет возможностей. Но исключить Россию - это в нашей власти. Ликвидация России будет одновременно означать громадное облегчение положения Японии в Восточной Азии и тем самым создаст возможность намного затруднить действия американцев с помощью японского вмешательства. В этих условиях я решился, как уже упомянул, положить конец лицемерной игре Кремля". Сообщая Муссолини, что в войне против СССР примут участие Финляндия и Румыния, Гитлер просил его усилить операции итальянских вооруженных сил в Средиземноморье и заверял, что Германия в состоянии оборонять Европу от любых возможных действий Англии. Признавая, что борьба на Востоке "будет тяжелой", Гитлер не сомневался "в крупном успехе" и надеялся, что "нам в результате удастся обеспечить на длительное время на Украине общую продовольственную базу. Она послужит для нас поставщиком тех ресурсов, которые, возможно, потребуются нам в будущем... Вполне допустимо, что Россия попытается разрушить румынские нефтяные источники. Мы создали оборону, которая, я надеюсь, предохранит нас от этого. Задача наших армий состоит в том, чтобы как можно быстрее устранить эту угрозу...

Что бы теперь ни случилось, дуче, наше положение от этого шага не ухудшится; оно может только улучшиться. Если бы я даже вынужден был к концу этого года оставить в России 60 или 70 дивизий, то все же это будет только часть тех сил, которые я должен сейчас постоянно держать на восточной границе. Пусть Англия попробует не сделать выводов из грозных фактов, перед которыми она окажется. Тогда мы сможем, освободив свой тыл, с

угроенной силой обрушиться на противника с целью его уничтожения"1580 . Таким образом, идея достижения победы на Западе через победу на Востоке вплоть до 22 июня 1941 г. была основой стратегии Германии. Вышеприведенные высказывания Гитлера лишний раз свидетельствуют, что германское руководство, принимая решение напасть на СССР, руководствовалось своими собственными стратегическими установками, а не страхом перед скорым советским нападением, поскольку восточный сосед расценивался лишь как потенциальная угроза Германии в будущем. Скорее, в данном случае германское руководство стремилось претворить в жизнь сформулированный Гитлером еще в "Майн кампф" основной закон внешней политики Германии: "Никогда не миритесь с существованием двух континентальных держав в Европе! В любой попытке на границах Германии создать вторую военную державу или даже только государство, способное впоследствии стать крупной военной державой, вы должны видеть прямое нападение на Германию. Раз создается такое положение, вы не только имеете право, вы обязаны бороться против него всеми средствами, вплоть до применения оружия. И вы не имеете права успокоиться, пока вам не удастся помешать возникновению такого государства или же пока вам не удастся его уничтожить, если оно успело уже возникнуть"1581 .

Затяжная война на Западе, постепенное усиление английской экономической блокады Европы создавали реальную угрозу экономического краха Германии, поэтому в Берлине было решено завоевать такое "жизненное пространство", чтобы Германия, "устойчивая от блокады, сплоченная территориально и экономически независимая от ввоза стратегического сырья континентально-европейская империя", была бы в состоянии выдержать длительную войну с Англией и США1582 . Укоренению идеи "Восточного похода" в германском руководстве способствовало и то, что германская разведка имела чрезвычайно скудные данные о советских вооруженных силах и оценивала Красную Армию по результатам боев советско-финской войны. В условиях переоценки собственных сил вермахта, столь быстро сокрушившего французскую армию, был сделан вывод о слабости советских вооруженных сил. В ходе обсуждения плана "Восточного похода" 5 декабря 1940 г. Гитлер заявил, что "следует ожидать, что русская армия при первом же ударе германских войск потерпит еще большее поражение, чем армия Франции в 1940 г."1583 То есть в Берлине сложилось мнение, что СССР является не только ключевым звеном в стратегии будущей победы в войне с Англией, но и довольно слабым противником, разгром которого позволил бы Германии переломить ход войны в свою пользу.

Помимо чисто стратегических соображений важной проблемой для Германии оставались ее экономические возможности в затягивавшейся войне. Еще до начала Второй мировой войны было ясно, что Германия не располагает экономическими возможностями для ведения продолжительной войны с одной или несколькими великими державами. По мнению германского руководства, выходом из этой ситуации могла стать стратегия "молниеносной войны", которая должна была обеспечить разгром любого противника до того, как он был способен в полной мере развернуть свой военно-экономический потенциал. Исходя из этой идеи в Берлине делали ставку на максимально эффективное использование наличных экономических возможностей для подготовки вооруженных сил к отдельным молниеносным кампаниям, паузы между которыми позволяли накопить новые резервы для следующего удара. Любые попытки начать перестройку экономики для обеспечения боевых действий в условиях затяжной войны резко пресекались Гитлером, который считал, что это ударит прежде всего по жизненному уровню населения и будет стимулировать недовольство

Другой проблемой был вопрос ограниченности ресурсов Германии, которая пополняла их благодаря своей внешней торговле. В условиях войны и английской экономической блокады возможности Берлина использовать неевропейские рынки значительно сузились, и хотя в 1939-1940 гг. Германии за счет оккупации большей части Европы удалось увеличить свои военно-экономические ресурсы, она не могла одновременно поддерживать относительно высокий жизненный уровень населения и развивать свои вооруженные силы. В итоге Германия оказалась перед дилеммой: либо в кратчайший срок многократно усилить орудие блицкрига - вермахт и продолжать громить противников поодиночке, либо расширять военно-промышленную базу и тем самым упустить время, чем воспользовались бы противостоящие великие державы, с объединенной экономической мощью которых Германия соперничать не могла. Сделав ставку на молниеносный разгром СССР, германское руководство надеялось добиться этого при максимальном использовании наличной экономической базы, а в дальнейшем, используя захваченные советские ресурсы, интенсивно развивать промышленность для борьбы с Англией и США.

Если первоначально после завершения боев во Франции приоритет военного производства отдавался развитию ВВС, ВМС и танковых войск, то с 28 сентября 1940 г. была поставлена задача обеспечения "военной техникой 180 полевых дивизий и соответствующего количества оккупационных дивизий к весне 1941 г." 1585 При этом уже в то время германским военно-экономическим инстанциям была ясна нереальность этого решения, поскольку недостаточные мощности германской экономики, в свою очередь, лимитировали выполнение военных программ. По политическим соображениям Германия неохотно шла на развитие военного производства в оккупированных странах, особенно во Франции, что также сужало ее экономические возможности. Существовала и проблема нехватки рабочих рук. Мобилизация новых контингентов в вермахт сопровождалась расширением использования иностранной рабочей силы, численность которой возросла с 1 154 тыс. человек в мае 1940 г. до 3 033 тыс. человек в мае 1941 г. Стремясь восполнить недостаток рабочей силы, германское командование пошло на предоставление временных долгосрочных отпусков военнослужащим, что позволило до 1 апреля 1941 г. использовать в промышленности около 500 тыс. человек. Однако общая нехватка рабочих рук не позволяла перевести военное производство на двух- и трехсменную работу, поэтому подавляющее большинство военных предприятий работали в одну смену при удлиненном рабочем дне.

Оккупация большей части Европы позволила Германии получить значительные запасы стратегического сырья, что в определенной степени облегчило положение германской экономики, но сужало возможности использования для военных нужд промышленности оккупированных стран. Кроме того, годовое поступление стратегического сырья не покрывало даже потребления, не говоря уже о действительных потребностях. Уже весной 1941 г. стало ясно, что запасов горючего и каучука хватит лишь до осени. Особенно острой была проблема снабжения нефтью, хотя с 1940 г. Германия практически полностью контролировала нефтедобычу в Румынии. Не случайно важное место в стратегических планах Берлина занимали надежды на захват Ближнего Востока, без овладения которым, вообще говоря, была невозможна победа в войне. Тем не менее ценой значительных усилий Германии удалось существенно увеличить свои сухопутные войска, на которые возлагалась основная стратегическая задача 1941 г. - разбить СССР в ходе молниеносной кампании еще до вывода из войны Англии.

Подводя итоги работы германской военной промышленности за декабрь 1940 - июнь 1941 гг., начальник управления военной экономики и вооружений штаба ОКВ генерал Г. Томас писал 10 июля 1941, что "благодаря крайнему напряжению всех производительных сил как в экономическом пространстве Великой Германии, так и в оккупированных областях было достигнуто мощное повышение материальной оснащённости вооружённых сил... Достигнутое повышение показателей как непосредственно в области военного производства, так и в смежных областях оказалось возможным только благодаря целому ряду мер, как-то: привлечение к военному производству большого числа военнопленных и иностранных рабочих, откомандирование из вооружённых сил квалифицированной рабочей силы, переброска заказов с перегруженных предприятий на другие, самое широкое использование производственных ресурсов оккупированных областей и строжайшее ограничение в выпуске всех изделий, не имеющих военного значения. Следует констатировать, что несмотря на все эти усилия никогда не удавалось целиком выполнить требования, предъявлявшиеся к военной промышленности. Понятно, что в соответствии с обстановкой на каждый данный момент эти требования претерпевали многочисленные изменения, а в общем неуклонно повышались. Для их удовлетворения не хватало даже производственных возможностей в расширившемся великогерманском пространстве. Поэтому каждый раз удавалось целиком выполнить только те части программы, которые оказывались в данной военной обстановке наиболее важными"1586 .

Этот отчет Томаса подтверждает, что экономические возможности Германии не соответствовали целям и задачам войны против Советского Союза, который обладал развитым военно-промышленным комплексом, большими преимуществами в сфере мобилизации и использования экономического потенциала страны для ведения войны и не испытывал стольких проблем в обеспечении экономики необходимыми ресурсами. Итоги военного производства Германии и СССР в 1940 г. и первой половине 1941 г. представлены в таблице 43, при рассмотрении которой следует учитывать, что германская промышленность работала при максимально возможном напряжении, тогда как советская только начала переходить на режим работы военного времени.

Таблица 43

Военное производство в Германии и СССР1587

* Рассчитано по среднемесячному производству.

Теперь необходимо обратиться к вопросу непосредственного военного планирования Германией войны с СССР. Эта тема в целом довольно хорошо изучена в историографии1588 , что позволяет ограничиться упоминанием лишь основных моментов.

Основная военная цель "Восточного похода" должна была заключаться в "быстром выведении из строя одного противника в войне на два фронта, чтобы можно было с полной силой обрушиться на другого противника [Англию]". При разработке оперативно-стратегического плана войны на Востоке германское командование исходило "из следующих предпосылок:

а) исключительные размеры территории России делают абсолютно невозможным ее полное завоевание;

б) для достижения победы в войне против СССР достаточно достигнуть важнейшего оперативно-стратегического рубежа, а именно линии Ленинград Москва - Сталинград - Кавказ, что исключит для России практическую возможность оказывать военное сопротивление, так как армия будет отрезана от своих важнейших баз, в первую очередь от

нефти;

в) для разрешения этой задачи необходим быстрый разгром Красной Армии, который должен быть проведен в сроки, не допускающие возможности возникновения войны на два фронта"1589 .

Разработка операции против СССР началась после того, как германское командование 21-22 июля 1940 г. получило соответствующий приказ, и велась параллельно в ОКХ и ОКВ. Всего, по неполным данным, было подготовлено около 12 вариантов плана и оперативных набросков. Одним из первых 26 июля свой вариант предложил начальник отдела иностранных армий Востока полковник Э. Кинцель, считавший, что основной удар следует наносить "на Москву (сохраняя примыкание к Балтийскому морю), после чего предполагалось нанести удар в тыл советской группировке, находящейся на Украине и Черноморском побережье, которая будет вынуждена действовать с перевернутым фронтом"1590 . 27 июля начальник оперативного отдела Генштаба ОКХ полковник Х. фон Грейфенберг и прикомандированный к Генштабу для разработки оперативных планов подполковник Фейерабенд предложили альтернативный вариант: основная группировка из 100 дивизий нанесет главный удар на Украине, разгромит там советские войска и далее станет развивать наступление на Москву1591 . Однако эти варианты своего рода "плана Шлиффена", приспособленного для Восточного ТВД, не нашли поддержки в силу сложности их осуществления.

5 августа начальник штаба дислоцированной на Востоке 18-й армии генерал-майор Э. Маркс представил начальнику генштаба ОКХ оперативно-стратегическую разработку ("План Фриц"), согласно которой 147 германских дивизий, развернутые в двух группах армий на московском и киевском направлениях, должны были наносить главный удар на Москву, после занятия которой следовало повернуть часть сил для поддержки войск, действующих на Украине. Операция должна была завершиться выходом войск на линию Архангельск - Горький - Ростов-на-Дону. В начале сентября первый обер-квартирмейстер генштаба сухопутных сил вермахта генерал Ф. Паулюс получил задачу на основе плана Маркса составить общий план кампании, что было им выполнено к 29 октября 1940 г. Однако дальнейшее изучение вопросов войны с СССР привело к появлению еще нескольких вариантов. Так, 15 сентября 1940 г. в оперативном отделе штаба ОКВ был подготовлен оперативный вариант подполковника Б. фон Лоссберга, согласно которому предусматривалось развернуть против СССР три группы армий. Две группы армий развертывались к северу от Полесья и наносили удары в Прибалтике и Белоруссии. Центральная группа армий при достижении района Смоленска должна была получить оперативную паузу и, в случае необходимости, помочь северной группе армий в наступлении на Ленинград. Южная группа армий двумя ударными группировками от Люблина и из Румынии наносила бы удары на Днепропетровск с целью окружить и уничтожить советские войска на Украине. Общей целью кампании считался рубеж Архангельск - Горький - Сталинград - Ростов-на-Дону1592 .

Начальник штаба группы армий "Юг" генерал Г. фон Зоденштерн предложил создать три группы армий. Северная группа армий из Восточной Пруссии и северных районов Польши должна была наступать на фронте Витебск - Могилев и далее на Москву. Южная группа армий, развернув силы в южной Польше и Румынии, должна была наступать на Киев и далее на северо-восток и в сторону Харькова. Между ними следовало создать третью группу армий, которая должна была охватить Полесье и прикрыть фланги остальных войск.

Командующий группы армий "Юг" фельдмаршал Г. фон Рундштедт предлагал следующий вариант. Северная группа армий наступает на Ленинград и, взяв его, устанавливает связь с финнами. Центральная и южная группы армий в это время достигают линии Ильмень - Орша - Киев - Одесса и закрепляются на ней до следующей весны. В случае благоприятной ситуации на фронте можно было предпринять наступление на Москву силами северной и центральной групп армий, а все остальные операции откладывались на 1942 г. Начальник штаба группы армий "Б" генерал Г. фон Зальмут предлагал наносить главный удар севернее Полесья с целью захвата Ленинграда и Москвы. Схожий вариант рассматривал начальник штаба 4-й армии генерал Г. Блюментрит, а командующий 3-й танковой группой генерал Г. Гот предлагал сосредоточить все танковые группы в Восточной Пруссии, откуда они должны были наступать на Ленинград, после чего на Москву и далее на Украину. В это же время остальные войска должны были достичь рубежа Днепра¹⁵⁹³.

Наряду с общим планированием в генеральном штабе сухопутных войск 29 ноября, 3 и 7 декабря проводились штабные игры, на которых отрабатывались следующие вопросы: развертывание сил в начале операции; координация действий двух группировок группы армий "Юг", развернутых в южной Польше и Румынии; разграничительная линия между группами армий "Север" и "Центр"; распределение сил и снабжение после достижения первой цели на линии рек Западная Двина и Днепр; наличие резервов; задачи ВВС; взаимодействие с ВМФ. В результате германское командование пришло к выводу о необходимости действий на трех стратегических направлениях: Ленинградском, Московском и Киевском. Правда, как отмечал позднее А. Филиппи, "изучение всех этих вопросов подтвердило прежде всего мнение, что в ходе операций на все более расширяющейся, подобно воронке, к востоку территории не хватит немецких сил, если не удастся решающим образом сломить силу русского сопротивления до линии Киев - Минск - Чудское озеро"¹⁵⁹⁴. Тем не менее была сделана ставка на то, что германские войска смогут нанести решающее поражение основным силам Красной Армии в приграничной зоне до линии рек Западная Двина и Днепр, а это, возможно, приведет к краху СССР и позволит в дальнейшем избежать напряженных боев.

В итоге изменилась целевая установка "Восточного похода". Отдавая приказ о начале разработки плана "Барбаросса", Гитлер считал, что "операция будет иметь смысл только в том случае, если мы одним стремительным ударом разгромим все государство целиком. Только захвата какой-то части территории недостаточно"¹⁵⁹⁵. Тем самым фюрер признал, что в любом другом случае весь поход на Восток не имеет смысла. Однако, когда 5 декабря ему был доложен итоговый стратегический вариант операции против СССР, Гитлер согласился с тем, что "наступление следует вести так далеко на восток, чтобы русская авиация не могла больше совершать налеты на территорию германского рейха и чтобы, с другой стороны, немецкая авиация могла наносить удары с воздуха против русских военно-промышленных районов"¹⁵⁹⁶. Поэтому в директиве № 21 от 18 декабря было указано, что "конечной целью операции является создание заградительного барьера против азиатской России по общей линии Волга Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации"¹⁵⁹⁷. Правда, Гитлер все еще надеялся, что "если русские потерпят поражения в результате ряда наших ударов, то начиная с определенного момента, как это было в Польше, из строя выйдут транспорт, связь и тому подобное и наступит полная дезорганизация"¹⁵⁹⁸.

Согласно плану "Барбаросса" предполагалось к 15 мая 1941 г. завершить подготовку нападения на СССР силами трех групп армий, действующих на Ленинградском, Московском и Киевском направлениях. Вместе с тем германское командование понимало, что наличных сил вермахта может не хватить для успешных действий сразу на всех стратегических направлениях, и поэтому в план операции была заложена идея остановки наступления группы армий "Центр" на рубеже Днепра для переброски части ее войск на север, чтобы разгромить советские войска в Прибалтике и взять Ленинград. Хотя все эти маневры еще больше усложняли задачу молниеносного разгрома СССР, считалось, что максимум за 5 месяцев германские войска выйдут на линию Архангельск-Волга, что должно было обезопасить Германию с Востока. Правда, в Берлине старались не задумываться над вопросом, приведет ли осуществление этого плана к разгрому СССР, который в этом случае сохранил бы значительные людские ресурсы и определенную экономическую базу для продолжения войны.

Тем не менее по мере военной подготовки кампании на Востоке в германском военном командовании возникли определенные опасения, которые Гальдер 28 января 1941 г. зафиксировал в своем дневнике следующим образом. "Операция "Барбаросса": Смысл кампании не ясен. Англию этим мы нисколько не затрагиваем. Наша экономическая база от этого существенно не улучшится. Нельзя недооценивать рискованность нашего положения на Западе. Возможно даже, что Италия после потери своих колоний рухнет и против нас будет образован южный фронт на территории Испании, Италии и Греции. Если мы будем при этом скованы в России, то положение станет еще более тяжелым"¹⁵⁹⁹. Однако эти сомнения не породили в германском командовании какого-либо серьезного сопротивления политической линии на войну с СССР, как это было в период подготовки наступления во Франции, когда в германском военно-политическом руководстве шли споры "по поводу принятия основополагающего решения, а затем оперативного плана в целом"¹⁶⁰⁰.

Таблица 44

Сосредоточение вермахта у границ СССР

Выработка и утверждение стратегического замысла "Восточного похода" позволили германскому командованию со второй половины февраля 1941 г. приступить к непосредственному развертыванию своих войск у границ СССР. В течение 4 месяцев на границу с СССР было переброшено 95 дивизий (см. таблицу 44). В трех так называемых "эшелонах развертывания" до 21 мая 1941 г. на Восток прибыло 42 пехотные и 1 танковая дивизии (45,3%). С 22 мая железные дороги Германии были переведены на график максимального движения, и сосредоточение войск на Востоке резко ускорилось. В последний месяц перед нападением туда прибыло 16 пехотных, 14 танковых, 13 моторизованных и 9 охранных дивизий (54,7%). Кроме того, к 22 июня прибыло полностью 2 пехотные дивизии и почти полностью - 1 моторизованная дивизия и 1 моторизованная бригада резерва ОКХ. В первой половине июня одновременно с завершением стратегического сосредоточения начался вывод войск в 30-км приграничную полосу в исходные районы для наступления. График развертывания предусматривал выход основных сил ударных группировок на линию границы в ночь перед нападением, чтобы они задержались здесь всего лишь на несколько часов. Пехотные соединения начали выдвижение к границе за 12, а танковые и моторизованные за 4 дня до нападения. В феврале - мае 1941 г. на Восток были переброшены тыловые части и службы ВВС, а 22 мая - 18 июня - летные части. В течение 21 июня летные части первого удара заняли аэродромы западнее р. Висла, а

к вечеру перелетели на полевые аэродромы у границы 1601 . В ночь на 22 июня 1941 г. германское командование завершило все подготовительные мероприятия для осуществления операции "Барбаросса".

Какими же силами располагала Германия для выполнения плана "Барбаросса"? На 15 июня 1941 г. вермахт насчитывал 7 329 тыс. человек: 3 960 тыс. - в действующей армии, 1 240 тыс. - в армии резерва, 1 545 тыс. в ВВС, 160 тыс. - в войсках СС, 404 тыс. - в ВМФ, около 20 тыс. - в инонациональных формированиях. Кроме того, до 900 тыс. человек приходилось на вольнонаемный состав вермахта и различные военизированные формирования 1602 . Вермахт располагал 208 дивизиями, 1 боевой группой, 3 моторизованными и танковыми бригадами и 2 пехотными полками. Эти войска имели 88 251 орудие и миномет, 6 292 танка и штурмовых орудия и 6 852 самолета 1603 . Пользуясь отсутствием сухопутного фронта в Европе, Германия смогла развернуть наиболее боеспособную часть своих вооруженных сил на границе с СССР.

Основу "Восточной армии" Германии составляли, естественно, сухопутные войска, которые выделили 3 300 тыс. человек. Для операции "Барбаросса" из четырех имевшихся штабов групп армий было развернуто три ("Север", "Центр" и "Юг"), 8 из 13 штабов полевых армий (61,5%), руководивших действиями 34 штабов армейских корпусов из 46 (73,9%), имевшихся в вермахте. Всего для Восточной кампании было выделено 101 пехотная, 4 легкопехотных, 4 горнопехотных, 10 моторизованных, 19 танковых, 1 кавалерийская, 9 охранных дивизий и 5 дивизий и 1 боевая группа СС, а также 1 моторизованная бригада, 1 моторизованный пехотный полк и сводное соединение СС - всего свыше 155 расчетных дивизий, что составляло 73,5% их общего количества. Большая часть войск имела боевой опыт, полученный в предыдущих военных кампаниях. Так, из 155 дивизий в военных действиях в Европе в 1939-1941 гг. участвовали 127, а остальные 28 были частично укомплектованы личным составом, также имевшим боевой опыт. В любом случае это были наиболее боеспособные части вермахта 1604 .

Здесь же, на Востоке, было развернуто 92,8% частей Резерва Главного Командования (РГК), в том числе все дивизионы и батареи штурмовых орудий, 3 из 4 батальонов огнеметных танков, 11 из 14 бронепоездов, 92,1% пушечных, смешанных, мортирных, гаубичных дивизионов, железнодорожных батарей, батарей привязных аэростатов, установок "Карл", дивизионов АИР, дивизионов и полков химических минометов, моторизованных разведывательных, пулеметных, зенитных батальонов, зенитных батарей, истребительно-противотанковых и зенитно-артиллерийских дивизионов РГК, а также 94,2% саперных, мостостроительных, строительных, дорожно-строительных, самокатных батальонов, дегазационных и дорожно-дегазационных отрядов. Из этих частей РГК 23% было развернуто в группе армий "Север", 42,2% - в группе армий "Центр", 31% - в группе армий "Юг", 3% - в германских войсках, действующих в Финляндии, и 0,8% находилось в резерве ОКХ 1605 .

Основной ударной силой войск на Востоке были 11 моторизованных корпусов из 12 имевшихся в вермахте (91,7%). 10 из них были к 22 июня 1941 г. объединены в четыре танковые группы, состав которых указан в таблице 45. Кроме того, в составе 11 дивизионов и 5 батарей штурмовых орудий насчитывалось 228 боевых машин, и 18 штурмовых орудий имелось на вооружении моторизованного полка "Великая Германия", лейбштандарта СС "Адольф Гитлер" и 900-й моторизованной бригады (всего 246 штурмовых орудий). Для действий в Финляндии было выделено два танковых батальона (40-й и 211-й), в которых насчитывалось 106 танков, а в составе трех батальонов огнеметных танков (100-го, 101-го и

300-го) имелось до 116 боевых машин. Таким образом в составе "Восточной армии" к 22 июня 1941 г. насчитывалось до 3 865 танков и штурмовых орудий, а резерве ОКХ в Германии находилось 2 танковые дивизии (около 350 танков)1606 .

Таблица 451607

К 22 июня 1941 г. на границе с СССР из 155 дивизий в трех группах армий и армии "Норвегия" находилось 127 дивизий, 2 бригады и 1 полк (см. таблицу 46). В этих войсках насчитывалось 2 812 тыс. человек, 37 099 орудий и минометов, 3 865 танков и штурмовых орудий1608 .

Военно-Воздушные силы Германии развернули для обеспечения операции "Барбаросса" 60,8% летных частей, 16,9% войск ПВО и свыше 48% войск связи и прочих подразделений. Каждая группа армий получила по одному воздушному флоту. Группу армий "Север" поддерживал 1-й воздушный флот в составе 1-го авиакорпуса, воздушного командования "Балтика" и воздушного округа "Кенигсберг". 2-й воздушный флот в составе 8-го и 2-го авиакорпусов, 1-го зенитного корпуса и воздушного округа "Позен" поддерживал группу армий "Центр". Для поддержки группы армий "Юг" был выделен 4-й воздушный флот в составе 5-го и 4-го авиакорпусов, 2-го зенитного корпуса, двух воздушных округов - "Бреслау" и "Вена" и миссии ВВС в Румынии. Действия армии "Норвегия" поддерживались частью сил 5-го воздушного флота, подчиненных "Генерал-инспектору ВВС Северной Норвегии" и воздушному командованию "Киркенес"1610 . Кроме того, 51 самолет находился в распоряжении Главного командования ВВС (ОКЛ). Состав воздушных флотов показан в таблице 47.

Таблица 471611

Всего для нападения на Советский Союз германское командование выделило 4 050 тыс. человек (3 300 тыс. в сухопутных войсках и войсках СС, 650 тыс. в ВВС и около 100 тыс. в ВМФ). "Восточная армия" насчитывала 155 расчетных дивизий, 43 812 орудий и минометов, 4 215 танков и штурмовых орудий и 3 909 самолетов1612 . Из этих сил на 22 июня 1941 г. на Восточном фронте было развернуто 128 расчетных дивизий, и германская группировка насчитывала 3 562 тыс. человек, 37 099 орудий и минометов, 3 865 танков и штурмовых орудий и 3 909 самолетов.

Вместе с Германией к войне с СССР готовились ее союзники: Финляндия, Словакия, Венгрия, Румыния и Италия, которые выделили для ведения войны следующие силы (см. таблицу 48).

Таблица 481613

Личный состав Дивизии Орудия и Танки Самолеты

расчетные минометы

Финляндия 340 600 17,5 2 047 86 307

Словакия 42 500 2,5 246 35 51

Венгрия 44 500 2,5 200 160 100

Румыния 380 400 17,5 3 255 60 423

Италия 61 900 3 925 61 83

Итого 869 900 42,5 6 673 402 964

Кроме того, Хорватия выделила 56 самолетов и до 1,6 тыс. человек1614 . К 22 июня 1941 г. на границе не было словацких и итальянских войск, которые прибыли позднее. Следовательно, там в войсках союзников Германии находилось 765 500 человек, 37 расчетных дивизий, 5 502 орудия и миномета, 306 танков и 886 самолетов.

Всего же силы Германии и ее союзников насчитывали 4 327,5 тыс. человек, 166 расчетных дивизий, 42 601 орудий и минометов, 4 171 танков и штурмовых орудий и 4 846 самолетов (из которых 51 находился в распоряжении главного командования ВВС и вместе с 8,5 тыс. человек личного состава ВВС в дальнейших расчетах не учитывается).

Вооруженные силы Советского Союза в условиях начавшейся войны в Европе продолжали расти, и к лету 1941 г. были крупнейшей армией мира. К началу войны советские вооруженные силы насчитывали 5 774 211 человек: 4 605 321 в сухопутных войсках, 475 656 в ВВС, 353 752 в ВМФ, 167 582 в пограничных и 171 900 во внутренних войсках НКВД¹⁶¹⁵. В сухопутных войсках имелось 303 дивизии, 16 воздушно-десантных, 1 танковая и 5 стрелковых бригад. Войска располагали 117 581 орудием и минометом, 25 784 танками и 24 488 самолетами¹⁶¹⁶. Из этих войск в пяти западных приграничных округах дислоцировались 174 расчетные дивизии (см. таблицу 49).

Войска НКВД состояли из 14 дивизий, 18 бригад и 21 отдельного полка различного назначения, из которых в западных округах находилось 7 дивизий, 2 бригады и 11 оперативных полков внутренних войск, на базе которых в ПриБОВО, ЗапОВО и КОВО перед войной началось формирование 21-й, 22-й и 23-й мотострелковых дивизий НКВД¹⁶¹⁸. Пограничные войска состояли из 18 округов, 94 погранотрядов, 8 отдельных отрядов пограничных судов и других частей. К лету 1941 г. на западной границе СССР находилось 8 округов, 49 погранотрядов, 7 отдельных отрядов пограничных судов и другие части¹⁶¹⁹.

Группировка советских войск на Западе насчитывала 3 088 160 человек (2 718 674 в Красной Армии, 215 878 в ВМФ и 153 608 в войсках НКВД), 57 041 орудие и миномет, 13 924 танков (из них 11 135 исправных) и 8 974 самолета (из них 7 593 исправных). Кроме того, авиация Северного, Балтийского, Черноморского флотов и Пинской военной флотилии имела 1 769 самолетов (из них 1 506 исправных). К сожалению, техническое оснащение войск НКВД до сих пор неизвестно. Кроме того, с мая 1941 г. началось сосредоточение 77 дивизий второго стратегического эшелона из внутренних военных округов и с Дальнего Востока. К 22 июня в западные округа прибыло 16 дивизий (10 стрелковых, 4 танковые и 2 моторизованные), в которых насчитывалось 201 691 человек, 2 746 орудий и 1 763 танка¹⁶²⁰. Группировка советских войск на западных границах была достаточно мощной. Общее соотношение сил к утру 22 июня 1941 г. представлено в таблице 50, судя по данным которой противник превосходил Красную Армию лишь по численности личного состава, ибо его войска были отобилизованы.

Таблица 50

Красная Армия Противник Соотношение

Дивизии 190 166 1,1: 1

Личный состав 3 289 851 4 327 500 1: 1,3

Орудия и минометы 59 787 42 601 1,4: 1

Танки и штурмовые орудия 15 687 4 171 3,8: 1

Самолеты 10 743 4 846 2,2: 1

Теперь рассмотрим вопрос о соотношении сил сторон на различных стратегических направлениях в масштабе округ (фронт) - группа армий, и на отдельных оперативных направлениях (армия - армия). При этом учитываются только сухопутные войска и ВВС, а для советской стороны и пограничные войска. Начнем с Северо-Западного направления, где друг другу противостояли группа армий "Север" и Прибалтийский особый военный округ (Северо-Западный фронт) (см. таблицу 51).

Вермахт имел довольно значительное превосходство в живой силе и некоторое в артиллерии, но уступал в танках и авиации. Однако следует учитывать, что непосредственно в 50-км приграничной полосе располагалось лишь 8 советских дивизий, а еще 10 находились в 50-100 км от границы. С середины июня началось выдвижение советских войск к границе, но к 22 июня завершить этот процесс не удалось. В результате на направлении главного удара группе армий "Север" удалось добиться более благоприятного соотношения сил (см. таблицу 52).

На Западном направлении противостояли друг другу группа армий "Центр" и войска Западного особого военного округа (Западного фронта) с частью сил 11-й армии ПриБОВО. Для немецкого командования это направление было главным в операции "Барбаросса", и поэтому группа армий "Центр" была сильнейшей на всем фронте. Здесь было сосредоточено 40% всех германских дивизий, развернутых от Баренцева до Черного моря (в том числе 50% моторизованных и 52,9% танковых). Группу армий поддерживал крупнейший воздушный флот люфтваффе. В полосе наступления группы армий "Центр" в непосредственной близости от границы находилось лишь 15 советских дивизий, а 14 располагались в 50-100 км от нее. Остальные войска начали в середине июня сосредоточение к границе, и к 22 июня в движении находились войска 2-го (100-я, 161-я стрелковые дивизии), 47-го (55-я, 121-я, 143-я стрелковые дивизии), 44-го (64-я, 108-я стрелковые дивизии) и 21-го (17-я, 37-я, 50-я стрелковые дивизии) стрелковых корпусов. Кроме того, на территории округа в районе Полоцка сосредоточивались войска 22-й армии из УрВО, из состава которой к 22 июня 1941 г. прибыло на место 3 стрелковые дивизии, и 21-й мехкорпус из МВО - общей численностью 72 016 человек, 1 241 орудие и миномет и 692 танка¹⁶²³. В итоге содержащиеся по штатам мирного времени войска ЗапОВО уступали противнику только в личном составе, но превосходили его в танках, самолетах и незначительно в артиллерии (см. таблицу 53). Однако, в отличие от войск группы армий "Центр", они не завершили сосредоточение, что позволяло громить их по частям.

Группа армий "Центр" должна была осуществить двойной охват войск Западного округа, расположенных в Белостокском выступе, ударом от Сувалок и Бреста на Минск, поэтому основные силы группы армий были развернуты на флангах. С юга (от Бреста) наносился главный удар. На северном фланге (Сувалки) была развернута 3-я танковая группа вермахта, которой противостояли части 11-й армии ПриБОВО (см. таблицу 54).

Таблица 54¹⁶²⁵

Части 11-й армии 3-я танковая группа Соотношение

Дивизии 3 12 1: 4

Личный состав 34 700 265 000 1: 7,6

Орудия и минометы 646 3 060 1: 4,7

Танки 102 1 057 1: 10,4

В полосе советской 4-й армии были развернуты войска 43-го армейского корпуса 4-й немецкой армии и 2-я танковая группа. На этом участке противник также смог добиться значительного превосходства (см. таблицу 55).

Таблица 55

4-я армия Части 4-й армии Соотношение

и 2-я танковая группа

Дивизии 7 20,5 1: 2,9

Личный состав 71 349 461 680 1: 6,5

Орудия и минометы 1 657 5 953 1: 6,5

Танки 520 1 021 1: 1,9

На Юго-Западном направлении группе армий "Юг", объединявшей германские, румынские, венгерские и хорватские войска, противостояли части Киевского особого и Одесского военных округов (Юго-Западного и Южного фронтов). Советская группировка на Юго-Западном направлении была сильнейшей на всем фронте, поскольку именно она должна была наносить главный удар по противнику. Однако и здесь советские войска не завершили сосредоточение и развертывание. Так, в КОВО в непосредственной близости от границы находилось лишь 16 дивизий, а 14 располагались в 50-100 км от нее. С середины июня началось выдвижение к границе войск 31-го (193-я, 195-я, 200-я стрелковые дивизии), 36-го (140-я, 146-я, 228-я стрелковые дивизии), 37-го (80-я, 139-я, 141-я стрелковые дивизии), 49-го (190-я, 198-я, 109-я стрелковые дивизии) и 55-го (130-я, 169-я, 189-я стрелковые дивизии) стрелковых корпусов. В ОдВО в 50-км приграничной полосе находилось 9 дивизий, а 6 располагались в 50-100-км полосе. Кроме того, на территорию округов прибывали войска 16-й и 19-й армий, из состава которых к 22 июня сосредоточилось 10 дивизий (7 стрелковых, 2 танковых и 1 моторизованная), общей численностью 129 675 человек, 1 505 орудий и минометов и 1 071 танк¹⁶²⁶. Даже не будучи укомплектованными по штатам военного времени, советские войска превосходили группировку противника (см. таблицу 56), однако они не завершили сосредоточение и развертывание.

Таблица 56¹⁶²⁷

КОВО и ОдВО Группа армий "Юг" Соотношение

Дивизии 91,5 63,5 1,4: 1

Личный состав 1 412 136 1 530 800 1: 1,1

Орудия и минометы 26 580 16 008 1,7: 1

Танки 8 069 1 144 7: 1

Самолеты 4 696 1 829 2,6: 1

Войска противника имели лишь некоторое превосходство в живой силе, но значительно уступали в танках, самолетах и несколько меньше в артиллерии. Но на направлении главного удара группы армий "Юг", где советской 5-й армии противостояли части 6-й немецкой армии и 1-я танковая группа, противнику удалось добиться лучшего для себя соотношения сил (см. таблицу 57).

Таблица 57¹⁶²⁸

5-я армия 6-я армия и Соотношение

1-я танковая группа

Дивизии 8 15 1: 1,9

Личный состав 93 368 339 340 1: 3,6

Орудия и минометы 2 215 4 035 1: 1,8

Танки 712 521 1,4: 1

Самым благоприятным для Красной Армии было соотношение на фронте Ленинградского военного округа, где ему противостояли финские войска и части немецкой армии "Норвегия" (см. таблицу 58). На Крайнем Севере войскам советской 14-й армии противостояли германские части горно-пехотного корпуса "Норвегия" и 36-го армейского корпуса (см. таблицу 59), и здесь противник имел превосходство в живой силе и незначительное в артиллерии. Правда, следует учитывать, что, поскольку военные действия на советско-финляндской границе начались в конце июня - начале июля 1941 г., обе стороны

наращивали свои силы, и приведенные данные не отражают численности войск сторон к началу боевых действий.

Таким образом, германское командование, развернув на Восточном фронте основную часть вермахта, не смогло добиться подавляющего превосходства не только в полосе всего будущего фронта, но и в полосах отдельных групп армий. Однако Красная Армия не была отмобилизована и не закончила процесс стратегического сосредоточения и развертывания. Вследствие этого части первого эшелона войск прикрытия значительно уступали противнику, войска которого были развернуты непосредственно у границы. Подобное расположение советских войск позволяло громить их по частям. На направлениях главных ударов групп армий германскому командованию удалось создать превосходство над войсками Красной Армии, которое было близко к подавляющему. Наиболее благоприятное соотношение сил сложилось для вермахта в полосе группы армий "Центр", поскольку именно на этом направлении наносился главный удар всей Восточной кампании. На остальных направлениях даже в полосах армий прикрытия сказывалось советское превосходство в танках. Общее соотношение сил позволяло советскому командованию не допустить превосходства противника даже на направлениях его главных ударов. Но в действительности произошло обратное.

Так как советское военно-политическое руководство не ожидало германского нападения, Красная Армия, начав в мае 1941 г. стратегическое сосредоточение и развертывание на Западном ТВД, которое должно было завершиться к 15 июля, оказалась 22 июня 1941 г. застигнута врасплох и не имела ни наступательной, ни оборонительной группировки. Советские войска не были отмобилизованы, не имели развернутых тыловых структур и лишь завершали создание органов управления на ТВД. На фронте от Балтийского моря до Карпат из 77 дивизий войск прикрытия Красной Армии в первые часы войны отпор врагу могли оказать лишь 38 не полностью отмобилизованных дивизий, из которых лишь некоторые успели занять оборудованные позиции на границе. Остальные войска находились либо в местах постоянной дислокации, либо в лагерях, либо на марше. Если же учесть, что противник сразу бросил в наступление 103 дивизии, то понятно, что организованное вступление в сражение и создание сплошного фронта советских войск было крайне затруднено. Упредив советские войска в стратегическом развертывании, создав мощные оперативные группировки своих полностью боеготовых сил на избранных направлениях главного удара, германское командование создало благоприятные условия для захвата стратегической инициативы и успешного проведения первых наступательных операций.

Теперь обратимся к вопросу о качественном соотношении военной техники сторон. Основную ударную силу армий того времени составляли танковые войска. Однако каждая великая держава имела свою систему классификации бронетанковой техники. В Красной Армии танки классифицировались по боевой массе (масса заправленного танка с полным боекомплектом и экипажем). Соответственно на вооружении имелись легкие (Т-27, Т-37, Т-38, Т-40, Т-26, БТ-2, БТ-5, БТ-7, БТ-7м), средние (Т-28, Т-34) и тяжелые (Т-35, КВ-1, КВ-2) танки. В механизированном корпусе по штату должно было быть 71,4% легких танков (из них 43% БТ)1631 . В вермахте существовала своя собственная классификация танков, основанная на калибре танковой пушки. К легким относились Т-I и Т-II, Т-III считался средним танком сопровождения, а Т-IV - тяжелым танком огневой поддержки1632 . Кроме того, на вооружении вермахта находились трофейные чешские танки Т-35(t) и Т-38(t). Таким образом, прямое сопоставление техники сторон, как это обычно имеет место в

историографии, невозможно.

Обративший внимание на этот факт В. Суворов предложил использовать для сопоставления американскую классификацию бронетехники, которая основывалась на том, что все танки до 20 тонн считались легкими, до 40 тонн - средними, а свыше 40 тонн - тяжелыми. Учитывая разницу в компоновке танка в СССР и Германии, он сделал вывод о том, что все германские танки являлись легкими¹⁶³³. В принципе подобный подход является вполне возможным вариантом решения этого непростого вопроса, однако следует учитывать, что американская классификация все же ближе к советской, нежели к германской. Поэтому в таблице 60 приводятся не только количественные данные по типам танков в Красной Армии и вермахте, но и в скобках указаны вес и вооружение (количество и калибр орудий и пулеметов), что, по нашему мнению, позволяет более объективно сопоставить бронетанковую технику сторон. В течение 38 лет отечественная историография утверждала, что к 15 июня 1941 г. 29% советских танков старых типов нуждалось в среднем, а 44% - в капитальном ремонте¹⁶³⁴. Однако доступные ныне материалы полностью опровергают эту версию, и в таблице 60 в скобках указано количество исправных танков обеих армий.

Для полной картины состояния танкового парка вермахта и Красной Армии следует помнить, что в июне 1941 г. в СССР было произведено 305 танков, а в Германии - 312. Потери вермахта в Африке до 22 июня составили 16 танков¹⁶³⁶.

В отечественной историографии широко распространены утверждения о том, что, кроме Т-34 и КВ, все остальные танки были устаревшими¹⁶³⁷. Однако сопоставление тактико-технических данных советских и германских танков показывает, что никакого существенного превосходства германская техника не имела. Какие-то параметры были лучше у танков противника, а какие-то - у советских танков. Большая скорость и лучшая проходимость позволяли использовать советские "устаревшие" танки для борьбы с немецкими на равных. Ход боевых действий в 1941 г. показал, что если советские "устаревшие" танки примерно соответствовали германской технике, то Т-34 и особенно КВ существенно превосходили все типы танков вермахта. Более того, оказалось, что германские войска вообще не располагают средствами, которые позволили бы на равных бороться с этими типами танков Красной Армии. Однако нельзя не отметить, что танковые войска вермахта имели опыт современной маневренной войны, четкого взаимодействия с другими родами войск на поле боя, что позволило им получить определенное качественное превосходство над советскими танковыми войсками, которые не закончили очередную реорганизацию и были вынуждены зачастую вступать в бои без поддержки не только авиации, но и пехоты или артиллерии.

Сопоставление качественных показателей артиллерии обеих сторон показывает, что ни о каком качественном превосходстве немецкой артиллерии не может быть и речи. Если же учесть, что большинство орудий противника были модернизированными образцами эпохи Первой мировой войны, а советские создавались в 1930-е гг., то необходимо признать, что задел для совершенствования советской артиллерии был существенно немецкого. Кроме того, Красная Армия получила на вооружение БМ-13 - знаменитую "катюшу", ликвидировав германскую монополию на реактивные системы залпового огня в сухопутных войсках. Так что говорить о превосходстве немцев в качестве артиллерии нет никаких оснований. Другое дело, что артиллерийские части вермахта имели боевой опыт и отработанное взаимодействие с другими родами войск на поле боя. Используя свой опыт современной

войны, германские артиллеристы в начале войны действовали более умело и добивались серьезных успехов.

С авиацией дело обстояло несколько иначе. Сопоставляя тактико-технические данные авиационной техники, нельзя не отметить, что советские самолеты, принятые на вооружение в первой половине 1930-х гг., существенно уступали однотипным самолетам противника, которые были модернизированы с учетом опыта войны в Европе. Советские самолеты новых конструкций, принятые на вооружение в 1939-1941 гг., не только не уступали самолетам люфтваффе, но и имели значительно больший потенциал для дальнейшего совершенствования. Но в советских ВВС новые самолеты составляли около 25% общего количества и не были еще освоены личным составом. Нужно также отметить и лучшую организацию ВВС Германии, которые располагали крупными авиационными соединениями. Советская авиация была раздроблена между армиями, фронтами и авиацией дальнего действия. Кроме того, подготовка летного состава люфтваффе была лучше, и он имел в массе боевой опыт. Подготовка же советских летчиков была слабее, у большинства из них не было и боевого опыта. Так, летная подготовка советских летчиков составляла 30-180 часов, а немецких - 450 часов. Следовательно, немецкие ВВС имели качественное превосходство.

Таблица 61

Численность самолетов в ВВС Германии и СССР 1638

Германия СССР Соотношение

Бомбардировщики 2 642 6 887 1: 2,6

Разведчики 823 1 934 1: 2,3

Истребители 2 249 9 881 1: 4,4

Штурмовики - 57

Прочие 1 138 5 729 1: 5

Итого 6 852 24 488 1: 3,6

По мнению современных германских исследователей, анализ состояния Восточной армии вермахта к 22 июня 1941 г. показывает, что "дивизии с лучшим оснащением были сосредоточены вокруг танковых групп, в то время как между ними и на флангах использовались преимущественно менее боеспособные и малоподвижные дивизии. В целом Восточная армия производила впечатление скорее "лоскутного одеяла", вопреки очень распространенному в послевоенной литературе суждению, что Гитлер, благодаря гибкой экономике молниеносной войны и ограблению оккупированных территорий, смог мобилизовать против СССР мощную однородно оснащенную армию. Этот сам по себе довольно неожиданный факт объясняется не только имевшимися тогда материальными возможностями германского военного командования, но также и тем, что решение напасть на Советский Союз не было обеспечено соответствующими энергичными мерами в области вооружения. Его производство не было соотнесено с потенциалом противника, поскольку германское руководство исходило из того, что сможет имеющимися силами уничтожить военный потенциал СССР в течение нескольких недель"1639 .

Таким образом, явного качественного превосходства техники, как и ее количественного превосходства, у вермахта не было. Однако подготовка личного состава и эксплуатация этой техники в вермахте были более высокими, чем в Красной Армии. Явным преимуществом вермахта было то, что сосредоточенные для нападения на СССР войска находились в развернутом состоянии и полной боевой готовности, а Красная Армия еще только начала

сосредоточение и развертывание войск на Западе. Германские войска имели достаточно высокий боевой дух и рассчитывали еще на одну молниеносную войну. К лету 1941 г. вермахт был сильнейшей армией мира, что делало его очень серьезным противником. И если советским конструкторам удалось еще до войны создать технику, которая стала базой для будущего качественного превосходства над германской, то Красной Армии еще только предстояло научиться бить врага этой техникой, и учеба эта была долгая и трудная.

Все это лишний раз показывает, что попытки отечественной историографии объяснить вслед за Сталиным поражения советских войск в начале войны то количественным, то качественным превосходством германской техники недостаточно обоснованы. Существенного качественного превосходства немецкой техники не было, а количественного немцы смогли добиться лишь в личном составе и на отдельных направлениях в артиллерии. Однако общее соотношение сил позволяло Красной Армии не допустить и этого перевеса. Поэтому на первое место выходит вопрос об использовании наличных сил Красной Армии, об умении ими правильно распорядиться. Именно этого умения и не хватило советскому военно-политическому руководству, что и привело к столь трагическому началу войны. Отсутствие у советского командования четко проработанной стратегии оборонительной войны и недостатки в боевой выучке войск стали главными причинами, предопределившими поражения Красной Армии в начале войны. Войска, не будучи развернутыми и укомплектованными, должны были с ходу вступать в сражение с превосходящими их в каждом отдельном бою силами противника, который действовал в целом более профессионально. К сожалению, героизм воинов Красной Армии не мог заменить четкую и продуманную систему обороны и руководства войсками.

Доступные исследователям материалы показывают, что, оказавшись летом 1940 г. в стратегическом тупике, германское руководство было вынуждено изыскивать новые возможности выиграть войну с Англией. Однако вскоре выяснилось, что у вермахта не хватает сил для высадки на Британских островах, которая и так слишком рискованна, а расширение боевых действий против Англии на периферии Европы требовало определенной подготовки, а главное, создания политических условий путем более тесного сотрудничества с Италией и другими заинтересованными сторонами - от Испании до Японии. Однако переговоры показали, что нейтральные страны не спешат втягиваться в войну, выжидая развития событий. Не последнее место в этих политико-стратегических расчетах Берлина занимал и СССР, переговоры с которым показали, что Москва не прочь продолжить политику сотрудничества с Германией, но при этом требует от Берлина новых территориальных уступок в отношении Финляндии, Балкан и Ближнего Востока. Все это ясно продемонстрировало, что Советский Союз не только является политически независимым мощным соседом Германии, но и стремится проводить политику обеспечения собственных интересов в Европе, что совершенно не отвечало замыслам Берлина. Исход советско-германских переговоров ноября 1940 г. явно подтолкнул германское руководство сделать ставку на военное сокрушение СССР.

Первоначально в Берлине задумались о реализации идеи "Восточного похода" в эйфории от победы над Францией. Однако неудачные попытки вывести из войны Англию привели к тому, что в германском руководстве стали рассматривать будущую войну с СССР как реальный шанс достичь победы на Западе. Считалось, что быстрый разгром Советского Союза позволит Берлину получить широкую сырьевую базу, использование которой сделает Германию способной противостоять в затяжной войне Англии и США. Подобному

восприятию проблемы "Восточного похода" способствовала недооценка военно-экономической мощи и политической стабильности СССР и крайняя переоценка сил вермахта. Даже когда в ходе подготовки войны на Востоке выяснилось, что Германия не располагает силами, способными нанести гарантированное поражение Советскому Союзу, германское руководство вместо поисков иного выхода из стратегического тупика решило по опыту войны в Европе сделать ставку на максимально сильный первоначальный удар, который, вероятно, должен был привести к краху Советского государства. Более того, зная об ограниченности германских сил, в Берлине всерьез планировали победоносно завершить "Восточный поход" самое позднее в ноябре 1941 года, поскольку, как отмечают современные германские исследователи, "германское командование было уверено в том, что, если не в материальном отношении, то в оперативном искусстве ведения войны, оно сможет достичь решающего военного превосходства"¹⁶⁴⁰ .

Ретроспективное рассмотрение этой проблемы показывает: все военное планирование "Восточного похода" было настолько авантюристичным, что невольно возникают сомнения, руководствовалось ли вообще германское военно-политическое руководство здравым смыслом. Во-первых, с самого начала было ясно, что разгром СССР в рамках краткосрочной молниеносной кампании неосуществим хотя бы в силу географических причин. Во-вторых, затяжная война на Востоке поставила бы Германию в ситуацию войны на два фронта, что означало бы ее неизбежное поражение. Не представляя себе реальной мощи СССР и стабильности советской политической системы, германское руководство приняло совершенно невыполнимое решение. Причем разгромить СССР собирались за 5 месяцев с мая (позднее - июня) по октябрь (ноябрь) 1941 г. Даже если бы вермахту удалось оккупировать советскую территорию до линии Архангельск - Астрахань, это не означало разгрома СССР, который в этом случае сохранил бы значительные людские ресурсы и определенную экономическую базу для продолжения войны. В результате все расчеты Берлина на быструю победу над СССР были построены на ожидании чуда. Чуда не произошло, сухопутные войска Германии оказались скованными на Востоке в то время, как Англия получила передышку и время для наращивания своих военно-экономических усилий. Германия утратила инициативу в войне и теперь ее поражение было лишь вопросом времени.

В-третьих, как осторожно сформулировал эту мысль А. Филиппи, "действовавшие на Восточном фронте германские сухопутные войска и выделявшиеся для их поддержки средства из состава других видов вооруженных сил едва ли были в состоянии выполнить такого рода задачи"¹⁶⁴¹ . Иными словами, у Германии просто не было сил для разгрома Красной Армии. И, кстати, германский Генштаб прекрасно знал о том, что в случае войны русские могли мобилизовать до 12 млн человек, но, исходя из ошибочных сведений о советском военном производстве, полагал, что у Красной Армии не хватит вооружения для столь большой численности войск. При том, что вермахт имел резерв для восполнения потерь всего лишь в 475 тыс. человек, разрыв в мобилизационных возможностях, не говоря уже о том, что на Восток были брошены буквально все боеспособные части, лишь подтверждает вывод германского генерала. Если же еще учесть, в-четвертых, то, что советский военно-промышленный комплекс был гораздо более приспособлен для снабжения армии в ходе затяжной войны необходимой техникой, то весь "Восточный поход" нельзя расценить иначе как самоубийственную авантюру германского руководства. Или, как отметил после войны ее участник генерал Г. Блюментрит, "приняв это роковое решение, Германия проиграла войну"¹⁶⁴² .

Заключение

Рассмотрение на широком фоне военно-политических проблем кануна Великой Отечественной войны с учетом новейшей историографии и ставших доступными для исследователей документов показывает, что созданная еще в советский период концепция событий 1939-1941 гг. нуждается в существенной модернизации. Прежде всего следует отрешиться от навешанной советской пропагандой совершенно фантастической идеи о некоем патологическом миролюбии СССР. Возникшие еще в 1970-1980-е гг. по этому поводу шуточные афоризмы типа: "Кто над нашим миролюбием насмеется, тот кровавыми слезами обольется" и "Нам нужен мир, желателен весь!" показывают, что население уже в то время относилось к этой идее довольно иронично. Конечно, в историографии никаких вольностей не допускалось, и в результате сложилась довольно оригинальная картина. Если все прочие государства в своей международной политике руководствовались собственными интересами, то Советский Союз занимался лишь тем, что демонстрировал свое миролюбие и боролся за мир. В принципе, конечно, признавалось, что у СССР также есть собственные интересы, но обычно о них говорилось столь невнятно, что понять побудительные мотивы советской внешней политики было практически невозможно.

Однако отказ от такого идеологизированного подхода делает советскую внешнюю политику столь же понятной, как и политику любой другой страны. Рассмотрение международной ситуации в рамках историко-политологического анализа развития систем международных отношений показывает, что советское руководство в начале 1920-х гг. столкнулось со сложной, но довольно традиционной проблемой. В годы Революции и Гражданской войны Советская Россия утратила завоеванные Российской империей позиции на международной арене и территории в Восточной Европе. По уровню своего влияния в Европе страна оказалась отброшенной на 200 лет в прошлое. В этих условиях советское руководство могло либо согласиться с региональным статусом СССР, либо вновь начать борьбу за возвращение в клуб великих держав. Сделав выбор в пользу второй альтернативы, советское руководство взяло на вооружение концепцию "мировой революции", совмещавшую новую идеологию и традиционные задачи внешней политики по усилению влияния страны в мире. Стратегической целью внешней политики Москвы стало глобальное переустройство системы международных отношений, что делало основными противниками Англию, Францию и их союзников.

В 1920-е гг. Советскому Союзу удалось добиться дипломатического признания, но попытки усилить свои позиции в Европе и на Дальнем Востоке не дали заметных результатов. Кроме того, события конца 1920-х гг. высветили целый ряд внутренних проблем СССР, ограничивавших внешнеполитическую активность страны. Поэтому период мирового экономического кризиса был в целом удачно использован советским руководством для начала радикальной экономической модернизации с опорой на новейшие технологические достижения Запада.

В 1930-е гг. международная ситуация существенно изменилась в связи с началом открытой борьбы ряда великих держав за пересмотр Версальско-Вашингтонской системы. Сделав ставку на неизбежность возникновения нового межимпериалистического конфликта, СССР стремился не допустить консолидации остальных великих держав, справедливо воспринимая это как главную угрозу своим интересам. Советское руководство умело

использовало официальные дипломатические каналы, нелегальные возможности Коминтерна, социальную пропаганду, пацифистские идеи, антифашизм, помощь некоторым жертвам агрессоров для создания имиджа главного борца за мир и социальный прогресс. Борьба за "коллективную безопасность" стала внешнеполитической тактикой Москвы, направленной на усиление веса СССР в международных делах и на недопущение консолидации остальных великих держав без своего участия. Однако события 1938 г. наглядно показали, что СССР не только все еще далек от того, чтобы стать равноправным субъектом европейской политики, но и продолжает рассматриваться европейскими великими державами как объект их политики. В этих условиях только новое обострение кризиса в Европе позволяло СССР вернуться в большую политику в качестве великой державы.

Этим устремлениям Москвы способствовало то, что в ходе политических кризисов 1930-х гг. Версальско-Вашингтонская система в Европе и на Дальнем Востоке оказалась практически разрушенной, что не могло не привести к очередному столкновению между великими державами. В этом смысле можно говорить о том, что Вторая мировая война была закономерным явлением в период смены систем международных отношений и вряд ли могла бы быть предотвращена, поскольку неравномерность экономического развития вела к изменению баланса сил великих держав, каждая из которых в той или иной степени оказалась заинтересованной в реорганизации Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Германия, США и СССР стремились к полному переустройству системы международных отношений, Англия и Франция были готовы на некоторые изменения, не затрагивающие их ведущего положения в мире, а Италия и Япония старались расширить свое влияние на региональном уровне.

В ходе политического кризиса 1939 г. в Европе сложилось два военно-политических блока: англо-французский и германо-итальянский, каждый из которых был заинтересован в соглашении с СССР. Со своей стороны, Москва получила возможность выбирать, с кем и на каких условиях ей договариваться, и максимально ее использовала, балансируя между различными военно-политическими блоками. Международные отношения весны - лета 1939 г. в Европе представляли собой запутанный клубок дипломатической деятельности великих держав, каждая из которых стремилась к достижению собственных целей. События параллельно развивались по нескольким направлениям: шли тайные и явные англо-франко-советские, англо-германские и советско-германские переговоры; происходило оформление англо-франко-польской и германо-итальянской коалиций. Москва в своих расчетах исходила из того, что возникновение войны в Европе - как при участии СССР в англо-французском блоке, так и при сохранении им нейтралитета - открывало новые перспективы для усиления советского влияния на континенте. Союз с Англией и Францией делал бы Москву равноправным партнером со всеми вытекающими из этого последствиями, а сохранение Советским Союзом нейтралитета в условиях ослабления обеих воюющих сторон позволяло ему занять позицию своеобразного арбитра, от которого зависит исход войны. Исходя из подобных расчетов был определен советский внешнеполитический курс.

Ход англо-франко-советских переговоров показал, что Англия и Франция не готовы к равноправному партнерству с СССР. В этих условиях предложения Германии оказались более привлекательными, и 23 августа 1939 г. в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении, ставший значительной удачей советской дипломатии. СССР удалось остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе,

более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах, и при этом свалить вину за срыв англо-франко-советских переговоров на Лондон и Париж. Благодаря соглашению с Германией, СССР впервые за всю свою историю получил признание своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы. В 1939 г. Европа оказалась расколотой на три военно-политических лагеря: англо-французский, германо-итальянский и советский, каждый из которых стремился к достижению собственных целей, что не могло не привести к войне.

Начало европейской войны позволило СССР приступить к ревизии своих западных границ, навязанных ему в 1920-1921 гг. Тем самым Москва получила возможность вернуть контроль над территориями, большая часть которых ранее входила в состав Российской империи. 17 сентября 1939 г. Красная Армия вторглась в Польшу, что означало фактическое вступление СССР во Вторую мировую войну в качестве самостоятельной военно-политической силы, пока более лояльной в отношении Германии. Советское военно-политическое проникновение в Прибалтийские государства прошло два этапа. На первом из них этим странам были навязаны договоры о взаимопомощи и советские военные базы, а на втором - летом 1940 г. Прибалтика была присоединена к СССР. Военно-дипломатические успехи СССР по установлению советского контроля над сферой интересов в Восточной Европе оказались прерванными Финляндией, которая ценой войны с СССР в условиях угрозы вмешательства Англии и Франции сумела сохранить независимость, хотя и уступила некоторые территории. Во второй половине июня 1940 г. была довольно быстро решена Бессарабская проблема.

Таким образом, к середине 1940 г. Советский Союз в результате Польской, Финской, Прибалтийской и Бессарабской кампаний смог присоединить большую часть территории Восточной Европы, которая была отнесена к его сфере интересов согласно советско-германским договоренностям 1939 г.¹⁶⁴³ (в международно-правовом плане эти территории были закреплены в составе СССР благодаря договорам 1945-1947 гг.). Это значительно улучшило его стратегические позиции и укрепило обороноспособность. Не следует забывать, что большая часть этих территорий оказалась отторгнута от России в результате внешней агрессии. Поэтому события 1939-1940 гг. были в определенном смысле советским реваншем за поражения времен Гражданской войны. Поэтому, как справедливо отметил А. Тэйлор, "права России на балтийские государства и восточную часть Польши (а также Бессарабию. М.М.) были гораздо более обоснованными по сравнению с правами Соединенных Штатов на Нью-Мексико"¹⁶⁴⁴. В этом смысле невозможно не присоединиться к мнению Н.М. Карамзина: "Пусть иноземцы осуждают раздел Польши: мы взяли свое"¹⁶⁴⁵. В итоге Советскому Союзу вновь удалось совместить политическую и геополитическую границы между "Западной" и "Российской" цивилизациями, как это уже имело место в конце XVIII века¹⁶⁴⁶.

Советско-английские и советско-французские отношения осенью 1939 г. ухудшились, так как Англия и Франция были недовольны тем, что им не удалось использовать СССР в своих интересах, и русские осмелились предпочесть какие-то свои собственные интересы "общему делу" защиты западных демократий. В Лондоне и Париже были склонны рассматривать Москву в качестве невоюющего союзника Берлина, нанесение ущерба которому было формой косвенного давления на Германию. Противодействуя этим настроениям, советское руководство вело осторожный внешнеполитический курс, всячески демонстрируя свой нейтралитет в европейской войне. Однако советско-финская война и

обострение борьбы за Скандинавию зимой 1939-1940 гг. поставило СССР перед реальной угрозой возникновения войны с Англией и Францией. Советское руководство попыталось избежать возможного конфликта, предприняв в то же время ряд военных мер, которые позволили бы дать адекватный ответ на англо-французское нападение. В этих условиях в Москве с облегчением узнали о вторжении Германии в Скандинавию, а позднее и во Францию, что полностью устранило угрозу столкновения СССР с западными союзниками. Вместе с тем советское руководство, хотя и заняло более твердую позицию на переговорах с Англией, не собиралось окончательно портить отношения с ней. Москва продолжала лавировать между Берлином и Лондоном, который стремился любыми способами ухудшить советско-германские отношения, чтобы отвлечь Германию на Восток. Со своей стороны, Кремль рассматривал Германию в качестве силы, способной подорвать позиции Англии, расшатать "капиталистическую систему". Затем в подходящий момент Красная Армия разгромит Германию и освободит Европу и от фашизма, и от "загнивающего капитализма".

Советско-германские отношения в 1939-1941 гг. развивались довольно неоднозначно. В них было и военно-экономическое сотрудничество, при котором стороны твердо отстаивали свои интересы, но все же находили компромисс. Случались и затяжные споры по целому ряду проблем. Конечно, ни одна из сторон не забывала о вероятности военного столкновения между ними и внимательно следила за действиями партнера-соперника. Взаимная подозрительность сторон явно стала нарастать с лета 1940 г., когда после неожиданно быстрого разгрома Франции Германия стала гегемоном Западной Европы и освободилась от сухопутного фронта, хотя продолжение войны с Англией сковывало ее военно-морские и военно-воздушные силы. Правда, хотя победы вермахта в Западной Европе и произвели сильное впечатление на мировое общественное мнение, они не решили главную задачу Германии вывести из войны Англию. Уже летом 1940 г. стало окончательно ясно, что война приняла затяжной характер, а положение Германии оставалось сложным. В этих условиях германское руководство, поставленное перед необходимостью ведения затяжной войны с Англией, попыталось создать континентальный антибританский блок с участием СССР. В Москве, видимо, были заинтересованы в ослаблении руками Германии английского влияния в континентальной Европе, но вовсе не собирались отдавать ее в безраздельное господство Берлину. Наоборот, советское руководство намеревалось получить от Германии новые территориально-политические уступки в Скандинавии, на Балканах и Ближнем Востоке, но советско-германские переговоры в ноябре 1940 г. показали, что Берлин рассматривает Европу как сферу своего безраздельного влияния, и новый компромисс оказался невозможным.

В последние годы в некоторых, особенно публицистических работах, можно встретить утверждение, что создание полноценного союза между Германией и СССР, к которому могли примкнуть Италия и Япония, позволило бы выиграть войну и полностью перестроить систему международных отношений в собственных интересах, поскольку Англия и США ничего не смогли бы противопоставить Евро-Азиатскому блоку. В принципе такой вывод справедлив, однако он слишком умозрителен. Как правило, совершенно не учитывается, что интересы Москвы и Берлина были противоположны. Обе стороны стремились к мировому господству, следовательно, партнеру заранее отводилась подчиненная роль. Понятно, что ни Гитлер, ни Сталин не могли пойти на подобную уступку. В результате такого союза СССР должен был бы оказать военную помощь Германии, то есть воевать за ее интересы, усиливая своего старшего партнера. Как известно, даже гораздо более реальный франко-русский союз

1807-1812 гг. окончился войной между Францией и Россией. Что уж говорить о советско-германских отношениях 1939-1941 гг., никогда не выходящих за ограниченные рамки внешней нормализации, которая для обеих сторон была лишь временным маневром.

Кроме того, СССР должен был бы отказаться от любых попыток проникновения в Европу, которая полностью передавалась бы под контроль Германии и Италии. Поскольку этот континент в течение нескольких последних веков считался политическим центром мира, главным очагом технического прогресса, отказ от борьбы за Европу отодвигал Москву на обочину мирового развития, вынуждал бы получать любые технические новинки из рук Германии. То есть второсортный статус СССР только закреплялся. Даже если бы советское руководство и согласилось стать второстепенным партнером Германии, это вовсе не гарантировало бы от новых разногласий, недовольства, обид и т.п., что в итоге вело бы к новой схватке за передел мира, но в менее благоприятных для СССР условиях. Если же учесть, что все вышесказанное не учитывает идеологических разногласий между СССР и Германией, субъективных оценок, господствовавших в Кремле и рейхсканцелярии, то вполне очевидно, что советско-германский союз в конкретных исторических условиях 1940 г. не мог быть реализован.

С ноября 1940 г. стало ясно, что именно Берлин является основным препятствием для советского проникновения в Европу, и советско-германские отношения вступили в новую фазу - фазу непосредственной подготовки к войне, которая была порождена борьбой Германии и СССР за господство в Европе, ускорили же ее столкновения советских и германских интересов по конкретным политическим вопросам. Формально Москва и Берлин сохраняли нормальные отношения, но вели нарастающую дипломатическую борьбу, особенно на Балканах. Советское руководство, не доводя дело до открытого конфликта, твердо отстаивало свои интересы в Болгарии и Югославии. Результатом советско-германской дипломатической борьбы за влияние на невоюющие малые страны Северной и Юго-Восточной Европы стало их сближение с Германией, поскольку их правящие элиты видели в ней единственную защиту от "красной опасности". Военные действия на Балканах в апреле - мае 1941 г. были в целом на руку Москве, поскольку подтверждали невозможность германо-английского компромисса. Соответственно советское руководство всячески демонстрировало Берлину свое понимание действий Германии в Восточном Средиземноморье¹⁶⁴⁷, так как расширение боевых действий на Ближнем Востоке могло отвлечь наиболее боеспособные части вермахта из Восточной Европы. В этих условиях Советский Союз мог спокойно и последовательно проводить подготовку к войне с Германией.

Это требовало от советского руководства определенных дипломатических шагов в отношении Англии и США для того, чтобы предстать в качестве их союзника и затруднить возможность прекращения англо-германской войны. О позиции Лондона в Москве было известно, что там заинтересованы во вступлении СССР в войну, поскольку надеялись на облегчение собственного положения. Никакой реальной поддержки Советскому Союзу в войне с Германией в Лондоне оказывать не собирались, рассматривая любую войну на востоке Европы как передышку. Вашингтон тоже был заинтересован в столкновении Германии и Советского Союза, что значительно снизило бы германскую угрозу для США. Конечно, Москву больше интересовала позиция Англии, но и с США обострять отношения не собирались. Исходя из собственных расчетов, Лондон, Вашингтон и Москва в июне 1941 г. стали в большей степени учитывать вероятность необходимости налаживания определенного

взаимодействия в войне с Германией¹⁶⁴⁸. В апреле 1941 г. началась нормализация советско-французских отношений, прерванная в середине июня французской стороной в связи с усилившимися слухами о возможной войне Германии с СССР¹⁶⁴⁹.

Кроме того, советское руководство стало налаживать контакты с восточноевропейскими странами, оккупированными Германией. Со второй половины 1940 г. начались контакты с польским эмигрантским правительством в Лондоне на предмет взаимодействия в войне с Германией, велась заброска агентов в оккупированную Польшу для антифашистской работы, согласно решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 июня 1941 г. началось укомплектование поляками и лицами, знающими польский язык, 238-й стрелковой дивизии, которое должно было завершиться к 1 июля¹⁶⁵⁰. Одновременно налаживались тайные контакты с чехословацким эмигрантским правительством Э. Бенеша. Вплоть до нападения Германии велись глубоко законспирированные как от немцев, так и от англичан переговоры о сотрудничестве советской и чешской разведок на случай войны СССР с Германией и создании чехословацкой воинской части на советской территории. В Протекторате Богемия и Моравия все шире распространялись просоветские и прорусские настроения, ширилась деятельность КПЧ, которая с осени 1940 г. по настоянию Москвы начинает отходить от пропаганды социальных перемен, выдвигая на первый план лозунг национального освобождения. Чехословацкая компартия заговорила даже о сотрудничестве с Э. Бенешем, хотя ранее отвергала любое взаимодействие с буржуазными кругами¹⁶⁵¹.

В преддверии войны с Германией советское руководство пыталось отколоть от нее восточноевропейских союзников, но эти попытки не дали результатов, потому что и в Финляндии, и в Румынии слишком хорошо помнили советскую "дружбу" 1939-1940 гг. Подготовка к войне в Европе требовала обезопасить советские дальневосточные границы. Зная о подготовке Японии к войне с Англией и США и ее заинтересованности в нейтралитете СССР на период войны на Тихом океане, советское руководство, стремившееся отвлечь внимание Англии и США от европейских проблем и обеспечить нейтралитет Японии на период разгрома Германии и "освобождения" Европы от капитализма, 13 апреля 1941 г. пошло на заключение советско-японского договора о нейтралитете¹⁶⁵². С середины июня 1941 г. советская сторона стала усиленно предлагать новые советско-германские переговоры, используя намеки Берлина на возможность таковых¹⁶⁵³. Осуществление этого предложения позволило бы СССР прозондировать намерения Германии, завершить последние военные приготовления, а срыв этих переговоров дал бы Москве хороший повод для начала военных действий.

В предвоенные годы советские вооруженные силы получили определенную практику боевых действий, мобилизации, сосредоточения и развертывания на театре военных действий (ТВД), на основе которой проходил процесс их организационного совершенствования и технического перевооружения. С учетом опыта кампаний 1939-1940 гг. советские войска с лета 1940 г. обучались ведению маневренных наступательных операций в условиях, приближенных к боевым, развернулась напряженная работа по инженерному оборудованию Западного ТВД, подготовка исходных районов для наступления, накопление материальных запасов. С начала 1941 г. в западных приграничных округах проводились меры по повышению боеготовности войск, большая часть которых должна была завершиться к 1 июля 1941 г.

Развитие Красной Армии в 1939-1941 гг. было фактически скрытым мобилизационным развертыванием, поскольку по принятой летом 1939 г. системе мобилизационного

развертывания количество частей и соединений еще в мирное время доводилось до уровня военного времени, что упрощало процесс мобилизации, сокращало его сроки и должно было способствовать более высокой степени боеспособности отмобилизованных войск. Большая часть войск, развертывание которых было предусмотрено мобилизационным планом, уже была сформирована или заканчивала формирование, и к лету 1941 г. Красная Армия была крупнейшей армией мира, имевшей на вооружении целый ряд уникальных систем военной техники. Проанализировав более 30 показателей материального обеспечения мобилизационного развертывания вооруженных сил СССР, Г.И. Герасимов пришел к выводу, что "никогда еще наша армия не была так хорошо укомплектована, обеспечена материальными средствами, как в предвоенный период. Конечно, не обошлось и без недостатков, но по основным видам техники, боеприпасов и запасов материальных средств РККА была обеспечена не хуже, чем в период проведения своих победоносных операций во второй половине войны. Имевшиеся материальные запасы и система мобилизации обеспечивали развертывание армии, значительно превосходящей армию фашистской Германии по количеству вооружения и боевой техники, в основном обеспеченной другими материальными средствами в количестве, позволяющем эффективно вести боевые действия в начальный период войны. Поражения начального периода объясняются тем, что армию не успели развернуть"¹⁶⁵⁴.

Введенные в последние годы в научный оборот советские дипломатические и военные документы 1939-1941 гг. показывают, что никакие внешнеполитические зигзаги не мешали советскому руководству рассматривать Германию в качестве вероятного противника и тщательно готовиться к войне. С октября 1939 г. Генштаб Красной Армии начал разработку плана на случай войны с Германией. Особую интенсивность этот процесс приобрел со второй половины марта 1940 г., и в 1940-1941 гг. было разработано минимум четыре варианта оперативного плана Красной Армии, содержание которых свидетельствует о подготовке лишь наступательных действий советских войск. Основная идея советского военного планирования заключалась в том, что Красная Армия под прикрытием развернутых на границе войск западных приграничных округов завершит сосредоточение на ТВД сил, предназначенных для войны, и перейдет во внезапное решительное наступление. Отсутствие каких-либо упоминаний о возможных оборонительных операциях Красной Армии показывает, что речь идет не о подготовке "ответного удара", а о нападении на Германию и ее союзников. Особенно четко эта идея выражена в документе от 15 мая 1941 г., которым Красная Армия должна была руководствоваться в начале войны.

В течение полугода советский Генштаб занимался решением вопроса о наиболее выгодном направлении сосредоточения основных усилий войск в войне с Германией. В результате был сделан вывод, что нанесение главного удара на Юго-Западном направлении при одновременном сковывании противника путем частных операций на Северо-Западном направлении и в Румынии позволит решить несколько ключевых стратегических задач и обеспечит наиболее эффективные действия Красной Армии. Столкновение советско-германских интересов на Балканах, ставшее очевидным в начале 1941 г., подтолкнуло Москву к необходимости начать конкретную подготовку к удару по Германии. Первое полугодие 1941 г. было посвящено тщательной отработке этого удара, а в мае - июне 1941 г. подготовка советского нападения на Германию вступила в заключительную стадию, когда начался полномасштабный процесс сосредоточения на будущем ТВД 81,5% наличных сил Красной Армии, обусловленный "стремлением упредить своих противников в развертывании

вооруженных сил для нанесения первых ударов более крупными силами и захвата стратегической инициативы с самого начала военных действий". Всего для войны с Германией из имевшихся в Красной Армии 303 дивизий было выделено 247, которые после мобилизации насчитывали бы свыше 6 млн человек, 62 тыс. орудий и минометов, 14,2 тыс. танков и 9,9 тыс. самолетов.

Определенную трансформацию в 1939-1941 гг. претерпела и советская пропаганда, которая не была некой застывшей догмой, а чутко реагировала на изменения международной ситуации. Во второй половине 1930-х гг. в советском общественном мнении был сформирован устойчивый антифашистский стереотип образа врага. Однако политика СССР в условиях начала войны в Европе осенью 1939 г. требовала изменений в пропаганде, и вместо Германии советская пропаганда обрушилась на Англию и Францию, которые были выдвинуты на роль "поджигателей войны". Вместе с тем продолжалось использование тезиса о враждебном "капиталистическом окружении", что в определенной степени компенсировало свертывание антифашистской пропаганды. Со второй половины 1940 г. началась новая трансформация советской пропаганды, когда в коминтерновской пропаганде вновь проявилась антифашистская составляющая. Завуалированная критика Германии постепенно усиливалась и во внутрисоюзной пропаганде, а с зимы 1940-1941 гг. советские пропагандистские структуры занялись подготовкой обеспечения войны с Германией. После выступления И.В. Сталина 5 мая 1941 г. началась явная перестройка пропаганды с задачей осторожно подготовить советское общественное мнение к "неизбежности столкновения Советского Союза с капиталистическим миром и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление".

С марта 1941 г. начался перевод советской промышленности на условия работы военного времени. 6 июня 1941 г. советское правительство решило провести все мероприятия, чтобы с 1 июля промышленность могла перейти на работу по мобилизационному плану.

Содержание советских оперативных планов, директивных идеологических документов ЦК ВКП(б) и военной пропаганды наряду с данными о непосредственных военных приготовлениях Красной Армии к наступлению недвусмысленно свидетельствует о намерении советского руководства совершить летом 1941 г. нападение на Германию. Поскольку стратегическое сосредоточение и развертывание войск является заключительной стадией подготовки к войне, особый интерес представляет вопрос об определении возможного срока советского нападения на Германию. Первоначально нападение на Германию было запланировано на 12 июня 1941 г. Однако, как известно, этого не произошло. Однозначно ответить на вопрос о причинах переноса этого срока в силу состояния источниковой базы не представляется возможным. Можно лишь высказать предположение, что, узнав 12 мая 1941 г. о полете Р. Гесса в Англию и опасаясь возможного прекращения англо-германской войны, в Кремле сочли необходимым повременить с нападением на Германию. Лишь получив сведения о провале миссии Гесса и убедившись в продолжении англо-германских военных действий в Восточном Средиземноморье, в Москве, видимо, решили больше не откладывать осуществление намеченных планов. Скорее всего, вопрос о новом сроке завершения военных приготовлений был решен 24 мая 1941 г. на секретном совещании военно-политического руководства в Кремле. Доступные ныне источники показывают, что полное сосредоточение и развертывание Красной Армии на Западном ТВД должно было завершиться к 15 июля 1941 г., поэтому эта дата может служить

нижней границей в поисках точного ответа на вопрос о сроке готовившегося советского нападения на Германию. Вместе с тем окончательное выяснение вопроса о запланированной дате советского нападения на Германию требует дальнейших исследований с привлечением нового документального материала.

Темп сосредоточения Красной Армии на западных границах нарастал. Наряду с переброской 77 дивизий второго стратегического эшелона, 12-16 июня 1941 г. началась передислокация войск второго эшелона армий и резервов западных приграничных военных округов (всего 114 дивизий), которые должны были занять к 1 июля районы сосредоточения в 20-80 км от границы. Все эти передвижения войск проводились в условиях чрезвычайной секретности и сопровождались всеохватывающей дезинформационной кампанией в отношении будущего противника. Вместе с тем командование Красной Армии опасалось, что полностью скрыть процесс сосредоточения и развертывания войск на Западном ТВД не удастся. Тем самым возникала опасность того, что германское руководство в силу более развитых путей сообщения и меньшей территориальной емкости ТВД успеет отреагировать на эти действия СССР и нанесет упреждающий удар в условиях незавершенности развертывания Красной Армии. Поэтому военные настаивали на введение в действие планов прикрытия в полном объеме. Однако Сталин был вынужден учитывать не только чисто военную целесообразность этого решения, но и общую политическую обстановку. Будучи уверен, что Германия не станет воевать с СССР до вывода из войны Англии, он опасался, что развертывание войск прикрытия на границе привлечет внимание Берлина и спровоцирует войну до того, как советские войска завершат все приготовления к ней. Тем более что Москва стремилась к переговорам с Берлином, срыв которых дал бы прекрасный повод для удара по Германии. Поэтому военным в ночь на 22 июня удалось добиться согласия Сталина лишь на проведение ряда мер по повышению боеготовности войск приграничных округов, но не на ввод в действие планов прикрытия¹⁶⁵⁵.

Сторонник традиционной версии А.С. Орлов полагает, что о подготовке Советского Союза к нападению на Германию свидетельствовало бы выполнение Москвой ряда условий:

1. Заблаговременно принятое решение политического руководства на подготовку и ведение такой войны;
2. Разработанный план войны с указанием политических целей войны, а также задач стратегического наступления;
3. Наличие полностью отмобилизованной армии, укомплектованной по штатам военного времени и хорошо подготовленной к выполнению поставленных задач;
4. Военная экономика, способная эффективно обеспечить ведение боевых действий;
5. Поддержка политического и военного руководства со стороны народа.

Сам А.С. Орлов считает, что поскольку не все эти условия были выполнены, то и о подготовке СССР к нападению на Германию говорить нельзя¹⁶⁵⁶.

Эта интересная идея требует обсуждения. Вряд ли кто-либо будет оспаривать тот факт, что условия под № 4 и 5 были выполнены. Что касается условия № 1, то, на наш взгляд, начавшаяся с осени 1939 г. разработка плана войны с Германией свидетельствует о заблаговременном принятии советским руководством решения "на подготовку и ведение такой войны". Как уже было показано выше, условие № 2 также было выполнено. Формально лишь условие № 3 не было выполнено к 22 июня 1941 г. Правда, следует иметь в виду, что отмобилизование Красной Армии предполагалось на первую половину июля 1941 г., поэтому состояние советских вооруженных сил к 22 июня, на которое ссылается А.С. Орлов,

никакого отношения к обсуждаемой проблеме не имеет. Однозначно ответить на вопрос, хорошо ли была подготовлена Красная Армия к наступлению, невозможно, так как в реальной действительности ей пришлось отражать германское нападение. Правда, то, что советским войскам удалось не только выстоять в 1941 г., но и переломить ход боевых действий и выиграть войну, безусловно, свидетельствует в пользу хорошей подготовки Красной Армии. Таким образом тезис А.С. Орлова вовсе не опровергает факт подготовки Советского Союза к нападению на Германию.

Со своей стороны германское руководство, разгромив Францию, освободившись от сухопутных фронтов в Европе и надеясь на скорое прекращение войны с Англией, решило приступить к разработке плана войны с СССР. Однако быстро выяснилось, что Англия продолжает войну, а Германия не располагает необходимыми силами для ее разгрома. В результате Германия оказалась в зависимости от позиции Англии и СССР¹⁶⁵⁷, и германское руководство стало рассматривать будущий "Восточный поход" как реальный шанс выиграть войну на Западе. Считалось, что быстрый разгром СССР позволит захватить Ближний Восток и даст Германии необходимые ресурсы для победы в затяжной войне с Англией и США. Совершенно не представляя реальный военно-экономический потенциал СССР и крайне переоценивая силу вермахта, в Берлине были уверены, что "Восточный поход" будет очередной молниеносной победой. Эти стратегические расчеты тесно смыкались с антикоммунистической, антисоветской и расистской составляющей нацистской идеологии, что было дополнительным обоснованием необходимости войны с СССР¹⁶⁵⁸.

18 декабря 1940 г. Гитлер своей директивой № 21 утвердил окончательный вариант плана войны на Востоке, согласно которому намечалось 16 мая 1941 г. внезапно напасть на Советский Союз и разгромить его в ходе молниеносной кампании. В начале 1941 г. в этот замысел вносились отдельные изменения относительно задач войск и срока нападения, перенесенного, как известно, из-за войны на Балканах на 22 июня. Для осуществления плана "Барбаросса" были созданы три группы армий для наступления по трем стратегическим направлениям (Ленинград, Москва, Киев), главным из которых было центральное. Хотя Германия выделила для войны с СССР 74,5% своих сухопутных войск - практически все наиболее боеспособные части - и привлекла к участию в Восточном походе Финляндию, Румынию и Венгрию, их общие силы уступали по численности советским войскам в западных военных округах. Учитывая военно-мобилизационные и экономические возможности сторон, следует сделать вывод, что Германия и ее союзники не располагали силами, способными нанести гарантированное поражение Красной Армии. Ограниченность ресурсов Германии, крайняя переоценка боеспособности вермахта и недооценка военно-экономической мощи СССР привели к тому, что план "Барбаросса" стал планом войны без резервов, без больших материальных запасов, планом одноактной кампании. Все было подчинено идее сильного первоначального удара, который, по расчетам Берлина, должен был решить исход войны, самое позднее к началу осени 1941 г.¹⁶⁵⁹ С февраля 1941 г. началось сосредоточение и развертывание вермахта у границ СССР, которое завершилось вечером 21 июня.

Сосредоточивая у советских границ столь крупную группировку войск, германское командование вело массивную дезинформационную кампанию для маскировки своих намерений. Это позволяло добиться внезапности нападения и, усыпив бдительность советского руководства, не дать ему возможности предпринять упреждающие действия. В Берлине хорошо понимали опасность для развертываемых войск в случае перехода Красной

Армии в наступление. Еще 7 апреля 1941 г. начальник генштаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Ф. Гальдер отметил в своем дневнике, что группировка русских войск "вполне допускает быстрый переход в наступление, которое было бы для нас крайне неприятным"¹⁶⁶⁰. Несколько позднее схожие опасения доверил своему дневнику и германский министр пропаганды Й. Геббельс, записавший 14 июня: "Восточная Пруссия так насыщена войсками, что русские своими превентивными авиационными налетами могли бы причинить нам тяжелейший урон. Но они этого не сделают. На это у них не хватит смелости!"¹⁶⁶¹ В своих планах германское командование также исходило из того, что советское руководство не успеет верно оценить опасность нападения.

В связи со всем вышесказанным возникает вопрос, не было ли германское нападение на СССР в таком случае "превентивной войной", как об этом заявляла германская пропаганда. Поскольку превентивная война - это "военные действия, предпринимаемые для упреждения действий противника, готового к нападению или уже начавшего таковое, путем собственного наступления"¹⁶⁶², она возможна только в случае, когда осуществляющая их сторона знает о намерениях противника. Однако германские документы свидетельствуют, что в Берлине воспринимали СССР лишь как абстрактную потенциальную угрозу, а подготовка "Восточного похода" совершенно не была связана с ощущением "непосредственной опасности, исходящей от Красной Армии"¹⁶⁶³. Германское командование знало о переброске дополнительных сил в западные округа СССР, но расценивало эти действия как оборонительную реакцию на обнаруженное развертывание вермахта. Группировка Красной Армии оценивалась как оборонительная, и никаких серьезных наступательных действий со стороны Советского Союза летом 1941 г. не предполагалось¹⁶⁶⁴. Поэтому сторонники тезиса о "превентивной войне" Германии против СССР попадают в глупое положение, пытаясь доказать, что Гитлер решил сорвать советское нападение, о подготовке которого он на деле ничего не знал.

К сожалению, советская разведка не смогла представить в Кремль доказательства того, что Германия летом 1941 г. нападет на СССР. Советское руководство знало о наличии довольно крупной группировки вермахта у западных границ СССР, но не опасалось скорого германского нападения, считая, что Германия, связанная войной с Англией, будет продолжать наступление на Ближнем Востоке или попытается высадиться на Британские острова, а не начнет войну на два фронта. Поскольку ни Германия, ни СССР не рассчитывали на нападение противника летом 1941 г., значит, и тезис о "превентивных" действиях неприменим ни к кому из них. В этом случае версия о "превентивной войне" вообще не имеет ничего общего с исторической наукой, а является чисто пропагандистским тезисом Гитлера для оправдания германской агрессии. В результате того, что в своих расчетах стороны исходили из разных сроков начала войны, германскому командованию в силу случайного стечения обстоятельств удалось упредить советские войска в завершении развертывания и тем самым создать благоприятные условия для захвата стратегической инициативы в начале войны. В результате Красная Армия, завершавшая сосредоточение и развертывание на ТВД, была застигнута врасплох и в момент нападения Германии оказалась не готова к каким-либо немедленным действиям - ни оборонительным, ни тем более наступательным, что самым негативным образом сказалось на ходе боевых действий в 1941 г.

Однако картина будет неполной, если мы не попытаемся хотя бы гипотетически представить, как могли бы развиваться события, если бы советское руководство осуществило свой первоначальный замысел и 12 июня 1941 г. нанесло бы удар по Германии. В это время

германские войска завершали подготовку к операции "Барбаросса" и сосредоточение у советских границ, где в полосе от Балтийского до Черного морей уже было развернуто 81,6% дивизий из тех, которые предусматривалось развернуть к вечеру 21 июня 1941. 10 июня дивизии первого эшелона начали скрытно выводиться в 30-км приграничную полосу. Остальные войска либо находились в движении на Восток, либо ждали своей очереди переброски в лагерях. Люфтваффе также завершали передислокацию после Балканской кампании. Вермахт не имел ни оборонительной, ни наступательной группировки, и советское нападение в этот момент ставило бы его в очень сложное положение, что позволяло громить его силы по частям.

В соответствии с советским оперативным планом основные события должны были развернуться на фронте от Остроленки до Карпат, где войска Юго-Западного и левого крыла Западного фронтов наносили главный удар по войскам противника. Соотношение сил сторон на фронте Остроленка - Карпаты указано в таблице 62, данные которой свидетельствуют, что советские войска располагали силами, способными обеспечить выполнение поставленных перед ними задач. Войска Северо-Западного и правого крыла Западного фронтов должны были частными наступательными операциями сковать германские войска, развернутые в Восточной Пруссии, и занять Сувалкский выступ и Мемельскую область. Войска Северного фронта готовились к наступлению в Финляндии, а Южного фронта - в Румынии. Однако первоочередными мерами были действия Красной Армии на советско-германской границе от Балтики до Карпат.

Таблица 62

Красная Армия Вермахт Соотношение

Дивизии 128 55 2,3: 1

Личный состав (млн.) 3,4 1,4 2,1: 1

Орудия и минометы (тыс.) 38,5 16,3 2,4: 1

Танки (тыс.) 7,5 0,9 8,7: 1

Самолеты (тыс.) 6,2 1,4 4,4: 1

Военные действия начались бы внезапным ударом большей части советских ВВС по аэродромам противника на территории Восточной Пруссии, Польши и Румынии. Общее советское превосходство в авиации позволяло подвергнуть аэродромы люфтваффе в 250-км приграничной полосе многочасовому непрерывному авиационно-штурмовому воздействию, что привело бы к значительному ослаблению ВВС противника и облегчило бы действия сухопутных войск Красной Армии. Радиус действия советских ВВС позволял обеспечить надежное истребительное прикрытие бомбардировочных операций в 350-км зоне. При необходимости зону гарантированного воздушного воздействия можно было увеличить до 500 км, используя новейшие самолеты МиГ-3. Потери советской авиации можно было довольно быстро восполнить за счет переброски летных соединений из внутренних военных округов, что позволяло использовать еще свыше 2,3 тыс. самолетов. Восполнить потери люфтваффе было значительно сложнее, поскольку они были задействованы на разных фронтах. На территории Германии в составе сил ПВО имелось всего 282 самолета. Германские ВВС в Западной Европе (861 самолет) были связаны отражением английских налетов, а на Средиземном море (423 самолета) обеспечивали действия германо-итальянских войск в Ливии 1941. Подобная дислокация германской авиации давала советским ВВС определенную перспективу завоевания господства в воздухе.

Нанесение удара по вермахту с рассветом 12 июня 1941 г., когда германские войска

завершали сосредоточение и развертывание, позволило бы захватить противника, не имевшего планов оборонительных действий, врасплох в группировке, совершенно не приспособленной к обороне. Удар Юго-Западного и левого крыла Западного фронтов пришелся бы по 55 дивизиям противника, сразу же сковав 55,6% развернутых на Востоке войск, что значительно затруднило бы его контрдействия. Используя конфигурацию границы, Красная Армия повела бы операции на охват и окружение войск противника, исход которых решался бы способностью сторон наращивать свои силы. В полосе от Перемышля до Карпат против развернутых там 2 пехотных, 2 легко-пехотных и 2 охранных дивизий вермахта, советское командование развернуло бы не менее 28 дивизий (из них 6 танковых и 3 моторизованные), что открывало советским войскам дорогу на Сандомир и через Тарнов - на Краков. Этот прорыв отвлекал бы дополнительные силы вермахта, которому, вероятно, пришлось бы создавать новый фронт западнее Вислы, где и развернулись бы основные сражения.

Советское командование могло использовать для наращивания удара на Юго-Западном направлении 24 дивизии, развернутые в тылу Юго-Западного фронта, а также еще 15 дивизий резерва Главного Командования, которые можно было использовать в Южной Польше или на Балканах. Германское командование могло первоначально использовать для отражения внезапного удара 22 дивизии (из них 6 охранных, не пригодных для действия на фронте), не успевшие развернуться на советской границе, и 26 дивизий резерва ОКХ, из которых почти сразу же можно было начать переброску к фронту 14 дивизий, которые по первоначальному плану германского командования должны были быть отправлены на фронт до 4 июля 1941 г. Остальные 12 дивизий (из них 2 танковые) пришлось бы спешно готовить к передислокации, при этом следует учитывать, что 2-я танковая дивизия только в начале июня прибыла на отдых в центральные районы Германии после боев на Балканах и не успела восполнить понесенные потери, а 5-я танковая дивизия находилась в процессе передислокации из Греции в Германию. К тому же переброска этих войск к фронту тормозилась бы воздействием советских ВВС по железным дорогам. Кроме того, германское командование могло попытаться перебросить 5-6 пехотных дивизий из Восточной Пруссии, что было бы затруднено в результате действий войск Северо-Западного и правого крыла Западного фронтов и значительного воздействия советских ВВС.

Развитие наступления Красной Армии в юго-восточной Польше давало возможность войскам Южного фронта перейти в наступление в Румынии, не опасаясь удара с тыла. В Румынии имелось всего 6 дивизий вермахта, а румынская армия не являлась серьезным противником, что обрекало удар Южного фронта на успех. Разгром северного крыла фронта противника открывал Красной Армии дорогу в центральные районы Румынии и ставил под угрозу господство Германии на Балканах. Парировать эту угрозу германскому командованию было просто нечем: 10-12 германских дивизий, разбросанных по территории Югославии и Греции, не могли надолго задержать продвижение советских войск. Прорыв Красной Армии в Румынию, скорее всего, подстегнул бы национально-освободительное движение на Балканах и прежде всего в Югославии, что еще больше осложнило бы положение расположенных там германских войск. Необходимость заткнуть брешь на Балканах вынуждала бы германское командование перебросить туда часть войск из тех 24 дивизий, которые находились в резерве, что еще больше ослабило бы фронт в Польше.

Из 38 германских дивизий, несущих оккупационную службу в Западной Европе, можно было использовать на фронте лишь 14, которые еще предстояло подготовить к переброске на

Восток. Использование остальных 24 дивизий было затруднено потому, что это были в основном стационарные соединения, не располагавшие необходимым автотранспортом, содержащиеся по сокращенным штатам и имевшие ограниченный комплект тяжелого вооружения¹⁶⁶⁷. Конечно, можно было свести по две дивизии в одну более полнокровную, но это требовало немалого времени, что также играло на руку Красной Армии. Кроме того, следовало учитывать необходимость сохранения достаточного количества войск для поддержания оккупационного режима и отражения возможных английских десантов.

Германия просто не располагала силами, способными отразить внезапный удар Красной Армии. Это признавал после войны начальник штаба вермахта фельдмаршал В. Кейтель, который считал, что советское нападение на Германию в 1941 г. могло "поставить нас в стратегическом и экономическом отношениях в исключительно критическое положение. [...] В первые же недели нападение со стороны России поставило бы Германию в крайне невыгодные условия"¹⁶⁶⁸.

Конечно, не следует рассматривать боевые действия советских войск в случае нанесения внезапного удара по Германии как "прогулку до Берлина". Безусловно, это была бы тяжелая, кровопролитная борьба с серьезным противником. Однако сила и инерция внезапного удара позволила бы Красной Армии если и не разгромить, то значительно ослабить германские соединения на фронте Остроленка - Карпаты. При наиболее благоприятном ходе событий войска Западного и Юго-Западного фронтов смогли бы выполнить основную задачу и вышли бы на фронт Остроленка - Варшава - Лодзь - Оппельн Оломоуц. Наименее благоприятным результатом наступления советских войск могла бы стать стабилизация фронта по рекам Нарев и Висла, т.е. примерно там, где советско-германский фронт стабилизировался в конце 1944 г. На Балканах же стабилизировать фронт германскому командованию вообще было нечем, и глубина продвижения Красной Армии лимитировалась бы лишь инерцией удара.

Конечно, это наступление Красной Армии не вело бы к немедленному решению исхода войны, но советское нападение привело бы к срыву германского вторжения в СССР и облегчило бы победу в войне, сохранив нашей стране миллионы жизней и значительные материальные ценности. Красная Армия могла бы быть в Берлине не позднее 1942 г., что позволило бы поставить под контроль Москвы гораздо большую территорию в Европе, нежели это произошло в 1945 г. Разгром Германии и советизация Европы позволяли Москве использовать ее научно-технический потенциал, открывали дорогу к "справедливому социальному переустройству" европейских колоний в Азии и Африке. Созданный в рамках Старого Света социалистический лагерь контролировал бы большую часть ресурсов Земли. Соответственно, даже если бы Новый Свет и не был захвачен, он скорее всего вряд ли смог бы значительно превзойти Старый по уровню жизни. В результате там сохранялось бы значительное количество недовольных, с надеждой смотревших на помощь из-за океана. В случае же полного охвата Земли социалистической системой была бы полностью реализована сформулированная в либеральной европейской традиции задача создания единого государства Человечества. Это, в свою очередь, позволяло создать достаточно стабильную социальную систему и давало бы большие возможности для развития. Сегодня совершенно очевидно, что создание подобного Государства на основе русской советской традиции всеединства и равенства разных народов в гораздо большей степени отвечало интересам подавляющего большинства человечества, нежели реализуемая ныне расистская по своей сути модель "нового мирового порядка" для обеспечения интересов "золотого миллиарда"¹⁶⁶⁹.

Естественно, возникает вопрос, как бы отреагировали Англия и США на советское нападение на Германию? Мнение официальной российской историографии выразил М.А. Гареев, утверждающий, что в этом случае "Советский Союз предстал бы перед всем миром в качестве агрессора, и в той же Англии могли взять верх силы, выступающие за союз с Германией"¹⁶⁷⁰. Однако такой подход полностью игнорирует как многовековую традицию военно-политических действий в подобной ситуации, так и реальную политику Англии в 1939-1941 гг. Вся военная история человечества свидетельствует, что вмешательство в войну между двумя государствами третьей страны никогда не приводило к немедленному объединению воюющих стран против нее. К тому же неясно, что могло побудить Англию нарушить эту закономерность? Если же обратиться к реальной политике Англии в начале Второй мировой войны, то невозможно отрицать общепризнанный факт, что в одиночку выиграть войну с Германией она не могла. Именно поэтому в 1939-1940 гг. Англия всячески стремилась сохранить и расширить свой союз с Францией путем включения в него других европейских стран. С лета 1940 г. после разгрома и капитуляции Франции английское руководство сделало ставку на возможное втягивание в войну с Германией США и ухудшение советско-германских отношений: это могло бы привести к войне на Востоке Европы или хотя бы к тому, что Германия была бы вынуждена держать там внушительную военную группировку, что исключало ее использование против Англии.

Известные материалы показывают, что английское руководство активно стремилось претворить в жизнь обе эти возможности. Уже к началу 1941 г. ему удалось заручиться материальной поддержкой США. В отношении СССР политика Англии сводилась к тому, чтобы заставить советское руководство занять менее благожелательную позицию в отношении Германии. Для этого в Москву постоянно и методично передавалась информация об угрозе СССР в случае победы Германии. Весной 1941 г. попытки Англии втянуть СССР в войну стали принимать характер шантажа: если Москва не вступит в войну, то Лондон будет вынужден пойти на соглашение с Германией, которая в результате этого получит возможность осуществить *Drang nach Osten*. Когда в начале июня 1941 г. английская разведка сделала вывод о том, что сосредоточение вермахта у советских границ указывает на подготовку Германии к оказанию нажима на СССР для удовлетворения требований экономического, а то и политического характера, Лондон, заинтересованный в неуступчивой позиции Москвы, решил подготовить операцию для нанесения авиаудара по нефтеочистительным предприятиям Баку. Это позволило бы оказать нажим на СССР, чтобы он не уступал германским требованиям. Одновременно Англия по дипломатическим каналам обещала Москве свою помощь в случае возникновения войны с Германией. С другой стороны, в Берлин по всевозможным каналам передавалась информация об угрожающих Германии намерениях и действиях СССР. Поэтому представляется совершенно невероятным, чтобы Англия, всячески заинтересованная в возникновении советско-германской войны, вдруг сразу бы бросилась на помощь Германии.

Исходя из этих целей Черчилль еще 15 июня 1941 г. телеграфировал президенту США Ф. Рузвельту, сообщая ему о возможности нападения Германии на СССР и о том, что "если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, - это Гитлер"¹⁶⁷¹. Тут следует отметить: в этот момент никто не был полностью уверен, что Германия все-таки нападет на СССР, и не мог предсказать, какой именно оборот примут события на советско-германском фронте. 21 июня Рузвельт ответил, что он поддерживает эту позицию Черчилля

и США окажут "России всемерную помощь"1672 . Как сообщает личный секретарь Черчилля Колвилл, во второй половине дня 21 июня он обсуждал с премьер-министром его позицию и спросил: "Не будет ли это для него, злейшего врага коммунистов, отступлением от принципа". "Нисколько, ответил Черчилль. - У меня лишь одна цель - уничтожить Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин"1673 . Эту же позицию Черчилль повторил в своем знаменитом выступлении по радио вечером 22 июня. "Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма, - заявил он. -...За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем". Тем не менее основную угрозу Англии в настоящее время представляет Гитлер и его режим, которые "мы полны решимости уничтожить", поэтому "любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь"1674 .

Все это лишний раз подтверждает, что для английского руководства основной целью оставалась победа в войне с Германией с помощью кого угодно, и в принципе ему было совершенно безразлично, как именно начнется советско-германская война. То же самое можно сказать и о США, которые в первой половине 1941 г. все больше втягивались в необъявленную войну с Германией. На секретных англо-американских переговорах 21 января - 29 марта 1941 г. было решено, что Германия является главным противником, и была сформулирована общая стратегия войны с ней. Одновременно 11 марта американский Конгресс принял закон о ленд-лизе, дающий президенту право предоставлять военную и иную помощь любой стране, защита которой считалась жизненно важной для безопасности США. 24 марта Англии была предоставлена возможность ремонтировать свои военные корабли на американских верфях. 30 марта все германские и итальянские суда, находившиеся в американских портах, были захвачены США и через некоторое время переданы Англии. 10 апреля Рузвельт объявил Красное море "невоенной зоной", что позволяло американскому торговому флоту беспрепятственно снабжать английские войска в Северной Африке. 13 апреля американские войска стали разворачиваться на базах в Гренландии. 24 апреля "зона безопасности" США в Атлантическом океане была расширена до 30 градуса западной долготы. 27 мая Рузвельт объявил "неограниченное чрезвычайное положение" на территории США. 14 июня была "заморожена" (т.е. фактически захвачена) германская и итальянская собственность на американской территории. 16 июня были закрыты все германские консульства и бюро различных германских агентств, действовавшие в США1675 .

Естественно, ни о какой военной помощи Германии в случае советского нападения Вашингтон и не помышлял. Это полностью шло бы вразрез с политикой США, не говоря уже о том, что там существовала влиятельная оппозиция курсу на вовлечение страны в войну, и, как известно, администрации Рузвельта пришлось приложить немало усилий, чтобы спровоцировать Японию на нападение, что позволило США вступить во Вторую мировую войну. Уже 23 июня 1941 г., когда еще никто не мог знать о том, что события на советско-германском фронте примут столь тяжелый для Красной Армии оборот, государственный департамент США выступил с официальным заявлением, осуждавшем "принципы и доктрину" коммунизма, но подчеркивавшим опасность германской экспансии, которая "в настоящее время более всего затрагивает нашу собственную национальную оборону и безопасность Нового света, где мы живем. Поэтому, по мнению нашего правительства, всякая защита от гитлеризма, всякое объединение противостоящих гитлеризму сил, каково

бы ни было их происхождение, приблизит низвержение нынешних германских лидеров и тем самым будет служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности". В тот же день сенатор от штата Миссури Г. Трумэн (будущий президент США) довольно откровенно выразил мнение правящей элиты: "Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах"¹⁶⁷⁶. То есть американское руководство рассматривало советско-германскую войну в качестве благоприятного фактора, снижавшего опасность германской экспансии для самих Соединенных Штатов.

Таким образом для Советского Союза существовала благоприятная возможность нанести внезапный удар по Германии, скованной войной с Англией, и получить, как минимум, благожелательный нейтралитет Лондона и Вашингтона (а скорее всего, их помощь, хотя и ограниченную). Конечно, по мере продвижения Красной Армии вглубь Европы эти настроения могли бы измениться, но было бы уже поздно: Германия была бы на пороге поражения. Оказать ей реальную поддержку в войне с СССР Англия и США просто не имели бы возможности. США вообще не располагали сухопутными войсками, которые можно было бы послать в Европу, а войска Англии были слишком рассредоточены: от Британских островов до Дальнего Востока. Для переброски в Европу достаточной для обороны от Красной Армии группировки английских войск требовалось слишком много времени. В любом случае противодействие Красной Армии, освобождающей Европу от фашизма, вряд ли было бы слишком популярной мерой в Англии. Если же учесть долгосрочные цели внешней политики и США и Англии, в чьих интересах было столкновение Германии и СССР и их затяжная война с последующим ослаблением обоих противников, то представляется наиболее вероятным, что первоначально Лондон и Вашингтон заняли бы выжидательную позицию. А потом все решали бы масштабы военных успехов Красной Армии.

Политические условия для удара по Германии со стороны СССР были достаточно благоприятными. К сожалению, Сталин, опасаясь англо-германского компромисса, как минимум на месяц отложил нападение на Германию, которое, как мы теперь знаем, было единственным шансом сорвать германское вторжение. Вероятно, это решение "является одним из основных исторических просчетов Сталина"¹⁶⁷⁷, упустившего благоприятную возможность разгромить наиболее мощную европейскую державу и, выйдя на побережье Атлантического океана, устранить вековую западную угрозу нашей стране. В результате германское руководство смогло начать 22 июня 1941 г. осуществление плана "Барбаросса", что в условиях неготовности Красной Армии к обороне привело к трагедии 1941 года.

Таким образом, и Германия, и СССР тщательно готовились к войне, и с начала 1941 г. этот процесс вступил в заключительную стадию, что делало начало советско-германской войны неизбежным именно в 1941 г., кто бы ни был ее инициатором. Первоначально вермахт готовил вторжение на 16 мая, а Красная Армия - на 12 июня 1941 г. Затем Берлин отложил нападение, перенес его на 22 июня, месяц спустя то же сделала и Москва, определив новый ориентировочный срок - 15 июля 1941 г. Как ныне известно, обе стороны в своих расчетах исходили из того, что война начнется по их собственной инициативе. К сожалению, то, что известно сегодня, было тайной в 1941 г., и советское руководство допустило роковой просчет. Внезапное нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. и первые неудачи на фронте оказали на советское руководство ошеломляющее воздействие. Наиболее образно эту ситуацию изложил в своих воспоминаниях тогдашний нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, отметив,

что "государственная машина, направленная по рельсам невероятности нападения Гитлера, вынуждена была остановиться, пережить период растерянности и потом повернуть на 180 градусов. Последствия этого пришлось исправлять на ходу ценою больших жертв"1678 .

События 1941 года на советско-германском фронте являются, пожалуй, наиболее изученным периодом Великой Отечественной войны с обеих сторон. Однако в последние годы начало войны рассматривалось, особенно в научно-популярных и публицистических работах, преимущественно лишь как период бесконечных поражений Красной Армии и побед вермахта. В результате создается впечатление, что СССР не был разгромлен лишь по счастливой случайности. Однако советские и германские документы и исследования показывают, что дела обстояли намного сложнее. Кроме того, события на советско-германском фронте во второй половине 1941 г. оказали огромное воздействие на развитие ситуации всей Второй мировой войны. Поэтому следует хотя бы вкратце остановиться на основных этапах "Восточного похода" вермахта, завершившегося крушением всех стратегических расчетов германского руководства.

В 3.15 утра 22 июня 1941 г. 637 бомбардировщиков и 231 истребитель германских ВВС нанесли массированный удар по 31 советскому аэродрому. Всего в этот день авиаударам противника, в которых участвовало 1 765 бомбардировщиков и 506 истребителей, подверглось 66 советских аэродромов, на которых находилось 70% ВВС приграничных округов1679 . По германским данным, первый удар привел к уничтожению 890 советских самолетов (668 на земле и 222 в воздушных боях), потери люфтваффе составили всего 18 самолетов. Но советские ВВС вовсе не были разгромлены и практически сразу же начали ответные действия по германской территории. К сожалению, эти довольно разрозненные налеты при наличии развернутой системы ПВО не смогли нанести противнику значительного ущерба. К вечеру 22 июня потери советских ВВС, по германским данным, достигли 1 811 самолетов (1 489 уничтоженных на земле и 322 сбитых в воздушных боях), а люфтваффе потеряли 35 самолетов и около 100 самолетов было повреждено1680 .

Перейдя границу, ударные группировки вермахта стали развивать наступление вглубь советской территории. К сожалению, будучи застигнутыми врасплох, советские войска не имели возможности организованно вступить в сражение и не смогли создать сплошного фронта обороны. Хотя некоторым советским частям удалось остановить продвижение противника, общая обстановка на фронте складывалась в пользу вермахта, захватившего стратегическую инициативу. Уже к исходу 22 июня германские войска продвинулись в Прибалтике на 60-80 км, в Белоруссии - на 40-60 км, а на Украине - на 10-20 км. Неорганизованному вступлению советских войск в сражение способствовало и шоковое состояние советского руководства, которое совершенно не ожидало германского вторжения. Не случайно в первые часы войны Москва запретила ответные действия против вторгшегося врага и лишь после формального объявления войны Красная Армия получила приказ "действовать по боевому", а в 7.15 утра была издана директива № 2, которая ставила задачу изгнать врага с советской территории1681 . Как отмечало германское командование, лишь после 9 часов утра действия советских войск стали носить более целенаправленный характер.

Советское военно-политическое командование, плохо представляя ситуацию на фронте, попыталось вырвать из рук противника стратегическую инициативу, и вечером 22 июня войска получили разработанную на основе предвоенных планов директиву № 3, которая предусматривала переход войск Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов в

наступление с целью разгрома германских группировок в районах Сувалок и Люблина 23-24 июня 1941 г. . Столь несоответствующее сложившейся обстановке решение лишней раз подтверждает, что никаких оборонительных планов у советского Генштаба не было, в результате поспешно подготовленные контрудары имели минимальный успех. Так, контрудары войск Северо-Западного (23-24 июня) и Западного фронтов (23-25 июня) привели лишь к значительным потерям, но практически не повлияли на развитие операций ударных группировок противника. Лишь на Юго-Западном фронте, где 26-29 июня в районе Луцк - Ровно - Броды произошло крупнейшее танковое сражение начала Второй мировой войны 1939-1941 гг., советским войскам удалось остановить продвижение германских войск, но понесенные потери в танках привели к фактическому прекращению существования большей части мехкорпусов фронта.

В результате переломить ход боевых действий не удалось, и 25 июня советское командование приняло решение отвести войска на рубеж Западной Двины и линии старых укрепленных районов. Однако это решение запоздало. Германские войска уже форсировали Западную Двину и развивали наступление на Псков, который был занят 9 июля. В Белоруссии 28 июня танковые группы противника соединились в районе Минска, окружив 26 дивизий 3-й, 10-й и 13-й армий в Налибокской пуще. На Западном направлении образовалась 400-км брешь. Сделав вывод, что противник наносит главный удар на Западном направлении, советское командование еще 26 июня приняло решение передислоцировать в Белоруссию войска 16-й и 19-й армий с Украины и перебросить из внутренних округов и других направлений 70 дивизий. Все эти переброски требовали времени, а пока отдельные советские части пытались задержать продвижение германских танковых частей к Днепру. К исходу 9 июля войска группы армий "Центр" вышли на фронт Полоцк - Витебск - Орша - Жлобин, продвинувшись на 450-600 км. На Юго-Западном фронте советские войска с 1 июля начали отходить на линию старых УР, но части 1-й танковой группы противника успели преодолеть эти укрепления до их занятия советскими частями. К 9 июля группа армий "Юг" в Западной Украине продвинулась на 300-350 км. Так закончился первый этап летне-осенней кампании 1941 г.

Таблица 63

Потери сторон к 10 июля 1941 г. 1941

Красная Армия Вермахт

Личный состав 815 700 79 058

Орудия и минометы 21 500 1 061

Танки 11 783 350

Самолеты 4 013 826

Понятно, что произошедшие события по-разному воспринимались в Москве и Берлине. Узнав 28 июня, что противник захватил Минск, Сталин заявил: "Ленин нам оставил пролетарское Советское государство, а мы его просрали" - и уехал на ближнюю дачу, где и пребывал до 1 июля 1941 г. Германское руководство, наоборот, было полно восторгов и оптимистических ожиданий. 3 июля Гальдер так оценил обстановку на фронте: "В целом теперь уже можно сказать, что задача разгрома главных сил русской сухопутной армии перед Западной Двиной и Днепром выполнена... Поэтому не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней. Конечно, она еще не закончена. Огромная протяженность территории и упорное сопротивление противника, использующего все средства, будут сковывать наши силы еще в течение многих недель... Когда мы форсируем

Западную Двину и Днепр, то речь пойдет не столько о разгроме вооруженных сил противника, сколько о том, чтобы забрать у противника его промышленные районы и не дать ему возможности, используя гигантскую мощь своей индустрии и неисчерпаемые людские резервы, создать новые вооруженные силы"1685 . 4 июля Гитлер заявил: "Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл"1686 .

В эйфории первоначальных успехов "Восточного похода" Гитлер 14 июля 1941 г. отдал приказ о подготовке реорганизации вермахта в предвидении перенесения основных усилий на борьбу с Англией и США, которая должна была вновь выйти на первый план ввиду разгрома СССР. Предусматривалось увеличить численность ВВС и ВМФ за счет сокращения сухопутных войск, в составе которых, тем не менее, следовало увеличить количество танковых и моторизованных дивизий. Так как Германия не обладала экономическими возможностями для выполнения этой программы в условиях сохранения темпов производства вооружений для сухопутных войск, было решено переориентировать производство на нужды авиации и флота. В результате военное производство для сухопутных войск стало снижаться. Так, производство боеприпасов сократилось (с августа по декабрь 1941 г.) на 13,6%, а вооружений (с июля по декабрь 1941 г.) - на 29%, что не позволяло одновременно накапливать запасы и восполнять потери на фронте. В 1941 г. германская промышленность произвела 540 тыс. тонн боеприпасов, а вермахт израсходовал на Востоке 583 тыс. тонн, и "в результате боевая мощь немецкой артиллерии была подорвана"1687 . Развитие событий на советско-германском фронте в августе 1941 г. привело к тому, что германское руководство было вынуждено отложить на будущее планы реорганизации вермахта.

4 июля 1941 г. будущее развитие операций на Восточном фронте представлялось Гальдеру следующим образом: "В целом следует считать, что противник больше не располагает достаточными силами для серьезной обороны своего нового рубежа, проходящего от прежней русско-эстонской границы по Западной Двине и Днепру и далее на юг.. В ходе продвижения наших армий все попытки сопротивления противника будут, очевидно, быстро сломлены. Тогда перед нами вплотную встанет вопрос о захвате Ленинграда и Москвы"1688 . Гитлер также был уверен, что к концу августа "он как-нибудь справится" с СССР1689 . Однако прошло чуть более недели, и оказалось, что, вопреки предвоенным предположениям, успехи вермахта в приграничном сражении не привели к краху сопротивления Красной Армии, и германское командование вновь столкнулось с проблемой нехватки сил для одновременного наступления на трех стратегических направлениях. Если группа армий "Центр" смогла прорваться в район Смоленска, то наступление группы армий "Север" завязло на Лужском рубеже, а группа армий "Юг" оказалась втянута в затяжные бои между Киевом и Винницей. В этой ситуации германское военно-политическое руководство все более склонялось к тому, чтобы за счет группы армий "Центр" усилить фланговые группировки Восточного фронта.

Впервые эта идея была оформлена директивой № 33 от 19 июля, а уже 23 июля в дополнении к этой директиве Гитлер утвердил, по его мнению, "идеальный" план: пехотные дивизии группы армий "Центр" должны были самостоятельно наступать на Москву, а "танковые соединения развертываются на расходящиеся направления"1690 . В тот же день, докладывая Гитлеру обстановку на фронте, Гальдер отметил, что, "хотя противник решительно ослаблен, окончательно он еще не разгромлен"; правда, все еще считалось, что

вермахт в начале октября сможет выйти на рубеж Волги¹⁶⁹¹. Со своей стороны советское командование решило предпринять новую попытку вырвать у противника стратегическую инициативу, и с 23 июля Красная Армия начала контрнаступление на Смоленск. Хотя слабо подготовленные контрудары не привели к прорыву фронта противника, войска группы армий "Центр" оказались скованными, а затяжные упорные бои продолжались до начала сентября. Все это привело к тому, что германское командование было вынуждено отказаться от далеко идущих планов и сосредоточиться на решении насущных проблем. Поэтому уже 30 июля 1941 г. задачи войскам Восточного фронта были опять изменены. Согласно директиве № 34, группа армий "Север" должна была продолжить наступление в Эстонии и на Ленинград. Группе армий "Центр" следовало перейти к обороне и подготовиться к операции по поддержке группы армий "Юг", которой ставилась задача захватить Правобережную Украину¹⁶⁹².

Август стал временем, когда у германского командования начали проявляться сомнения относительно возможности завершить "Восточный поход" до зимы 1941 г. Так, 4 августа Гитлер, отметив, что "в целом операции на Восточном фронте развивались до сих пор более удачно, чем этого можно было бы ожидать, учитывая неожиданно большое число танков и самолетов, которое имели русские", признал, что если бы он "был информирован об этом перед началом войны, то ему было бы значительно труднее принять решение о необходимости нападения"¹⁶⁹³. 11 августа Гальдер сделал примечательный вывод: "Общая обстановка все очевиднее и яснее показывает, что колосс Россия, который сознательно готовился к войне со всей безудержностью, свойственной тоталитарным странам, был нами недооценен. Это утверждение распространяется на организационные и экономические усилия, на средства сообщения, но прежде всего на чисто военную боеспособность [русских]"¹⁶⁹⁴. Как видим, лишь месяц потребовался начальнику штаба ОКХ, чтобы полностью пересмотреть свою оценку ситуации на Восточном фронте. Дневниковые записи Геббельса в августе 1941 г. также свидетельствуют о сомнениях в возможности "завершить "Восточный поход", по крайней мере, до зимы". 10 сентября, "после того как выяснилось, что Восточная кампания не может быть закончена в короткий срок", Геббельс сделал вывод о необходимости "постепенно приготовить народ к продолжительной войне"¹⁶⁹⁵.

Тем не менее германское командование еще надеялось, что ему удастся захватить Украину и Москву, "ибо в противном случае мы не сможем разгромить противника до наступления осени"¹⁶⁹⁶. Однако развитие обстановки на фронте не позволяло надеяться на быструю победу, так как до конца августа СССР не потерял ни одного жизненно важного рубежа. На севере продолжались упорные бои на подступах к Ленинграду, на юге германские войска с боями продвигались по Правобережной Украине к Днепру, о наступлении на Москву или в Донбасс нечего было и думать до тех пор, пока советские войска удерживали фронт Брянск - Гомель - Киев - Днепропетровск. Так как этот выступ не позволял развивать наступление далее на восток, а по одиночке группы армий "Центр" и "Юг" не могли его срезать, 6 сентября было решено, что эти группы армий, действуя смежными флангами, должны наконец-то установить прямую связь и обеспечить себе свободу маневра. В сентябре вермахту удалось блокировать Ленинград и нанести поражение Киевской группировке советских войск. Правда, еще 27 августа ОКВ сделало вывод, что, так как СССР, видимо, не будет полностью разгромлен "в течение 1941 года, на первом месте стоит продолжение Восточной кампании в 1942 году. Захват территории на южном крыле [Восточного фронта] будет иметь большие политические и экономические последствия"¹⁶⁹⁷.

Таким образом, в ходе второго этапа летне-осенней кампании 1941 г., несмотря на новые тяжелые потери, Красная Армия смогла затормозить продвижение противника и в значительной степени истощить его силы. Советское руководство получило время для развертывания военного производства, создания новых резервов, ввод в действие которых должен был переломить ход войны. Вместе с тем следует отметить, что увлечение советского командования частыми и слабо подготовленными контратаками вело к излишним потерям и затрудняло подготовку оборонительных операций. Тем временем успехи вермахта в боях за Киев породили в германском руководстве новые надежды на возможность все-таки добиться победы на Восточном фронте еще в 1941 г. Для этого, помимо главной операции на Московском направлении, было решено на севере соединиться с финнами восточнее Ладожского озера, а на юге захватить Крым, Донбасс и прорваться на Кавказ. Считалось, что лишь под Москвой возможно серьезное сопротивление советских войск, разгром которых приведет к победе Германии. Фактически готовящееся наступление было последней попыткой выполнить план кампании или хотя бы захватить максимально возможную территорию, чтобы использовать ее для операций в 1942 г. Все войска, какие только можно было использовать, были стянуты в группу армий "Центр", получившую 26 сентября приказ начать операцию "Тайфун"1698 .

Правда, в сентябре начальник управления военной экономики и вооружений штаба ОКВ генерал Г. Томас, анализируя военно-экономические результаты операций на Восточном фронте, пришел к выводу, что лишь захват Уральского промышленного района приведет к краху СССР1699 . Тем не менее германские войска 30 сентября - 2 октября начали наступление на Москву. Со своей стороны советские войска, лишь 27 сентября получившие приказ на переход к обороне и не сумевшие вскрыть группировку противника, не смогли сдержать мощного удара группы армий "Центр", и противнику удалось окружить до 77% войск Западного и Брянского фронтов. Общее положение осложнялось тем, что для восстановления фронта на Левобережной Украине советское командование было вынуждено израсходовать почти все свои резервы, а снижение военного производства по мере расширения зоны эвакуации промышленности затрудняло как вооружение новых резервных формирований, так и восполнение потерь действующих войск. Поэтому советское руководство было вынуждено перебросить на фронт войска из Средней Азии и Дальнего Востока, но на это требовалось время. В середине октября у германских войск была возможность прорваться к Москве, но необходимость разгромить окруженные советские группировки, которые сражались почти две недели, и нарастающее сопротивление на подступах к столице сковали действия вермахта. Кроме того, по мере продвижения на восток германские войска отвлекались на прикрытие флангов, что также ослабляло их группировку. Если в первой половине октября вермахт наступал со средним темпом 16 км в сутки, то во второй половине месяца темп наступления упал до 5 км в сутки1700 . В конце октября на Московском участке фронта установилось некоторое затишье. Блицкриг потерпел крах.

В полосе группы армий "Север" германские войска 16 октября форсировали Волхов и попытались прорваться к реке Свирь на соединение с финскими частями. 8 ноября они заняли Тихвин, но уже 10 ноября советские войска контратаковали и к 30 декабря отбросили противника в исходное положение. На южном участке советско-германского фронта 29 сентября войска группы армий "Юг" вновь перешли в наступление и прорвались в Донбасс. Не имея возможности перебросить резервы на Юго-Западное направление, советское командование было вынуждено отводить войска. В октябре германские войска ворвались в

Крым и осадили Севастополь. 17 ноября начались бои за Ростов-на-Дону, который был 21 ноября захвачен противником. Однако контрудар советских войск привел 29 ноября к освобождению города, а 2 декабря фронт стабилизировался на реке Миус. Таким образом, задачи вермахта на флангах Восточного фронта были выполнены лишь частично, а его войска были скованы боями, что не позволяло германскому командованию перебросить с этих участков фронта ни одного соединения в группу армий "Центр". Со своей стороны советское командование развернуло на Московском направлении до 99 новых расчетных дивизий, воссоздав фронт обороны.

В условиях срыва наступления германское военно-политическое руководство, уверенное, что Красная Армия после стольких поражений пребывает на грани окончательного краха, продолжало настаивать на необходимости нового рывка к Москве, хотя командование войск на фронте скептически относилось к возможности нового наступления. 13 ноября 1941 г. на совещании командования в Орше был сделан вывод, что война с СССР будет продолжена в 1942 г., а общая обстановка в мире благоприятствует победе Германии в войне с Англией¹⁷⁰¹. Тем не менее второе наступление вермахта на Москву началось 15-18 ноября. Противник пытался окружить столицу, но ему удалось прорваться лишь к Яхроме, Крюково, Кашире. Правда, вместо усиления войск Восточного фронта 5 ноября началась переброска 2-го воздушного флота на Средиземноморский ТВД, где 18 ноября английские войска перешли в наступление в Киренаике. Уже 20 ноября стало ясно, что прорыв к Москве не удался, а 30 ноября командующий группой армий "Центр" сделал вывод, что войска не располагают силами для наступления, которое "не имеет ни смысла, ни цели"¹⁷⁰². В первых числах декабря 1941 г. германские войска фактически перешли к обороне, и тут выяснилось, что никаких планов на этот случай у германского командования нет, поскольку в Берлине господствовало мнение, что противник не располагает силами для контрудара¹⁷⁰³.

"Восточный поход", несмотря на значительные успехи вермахта, провалился. Даже в самых благоприятных оперативно-стратегических условиях 1941 г. задача разгрома СССР оказалась не по силам Германии, бросившей на Восток все свои наиболее боеспособные соединения. Сделав ставку на молниеносный разгром Советского Союза, тщательно подготовив нападение, выбрав наиболее удобный момент для вторжения и с самого начала войны захватив стратегическую инициативу, германское командование не сумело использовать свои преимущества, поскольку совершенно не представляло, с каким противником придется столкнуться на Востоке. Как признал после войны генерал Г. Блюментрит, "нам противостояла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя"¹⁷⁰⁴. К концу ноября 1941 г. Германия оказалась на пороге крупнейшего военно-экономического кризиса, разразившегося в декабре 1941 г.¹⁷⁰⁵ Уже 24 ноября в беседе с Гальдером командующий армией резерва генерал-полковник Ф. Фромм, обрисовав "общее военно-экономическое положение", сделал вывод, что "необходимо перемирие"¹⁷⁰⁶. 29 ноября министр по делам вооружений и боеприпасов Ф. Тодт заявил Гитлеру, что "в военном и военно-экономическом отношении война уже проиграна" и необходимо политическое урегулирование¹⁷⁰⁷.

Таблица 64

Потери сторон на советско-германском фронте к 31 декабря 1941 г.¹⁷⁰⁸

* Из них 244 744 стали трофеями вермахта.

** Из них 30 275 стали трофеями вермахта.

*** Из них 13 405 стали трофеями вермахта.

**** Из них 52 247 стали трофеями вермахта.

***** Данные только по германским войскам.

Несмотря на тяжелые потери (см. таблицу 64) советским вооруженным силам удалось сорвать германский план молниеносной войны и, измотав противника, создать условия для перехода в контрнаступление под Москвой, которое началось 5-6 декабря. Германские войска были застигнуты врасплох и, не сумев удержать фронт, начали отступать. 8 декабря германское командование разрешило войскам перейти к обороне на всем советско-германском фронте, окончательно признав провал "Восточного похода". Советским войскам удалось захватить стратегическую инициативу и в течение месяца отбросить противника южнее и севернее Москвы на 250 км. В январе 1942 г. Красная Армия перешла в общее наступление на всем фронте, продолжавшееся до конца апреля 1942 г. Зимнее контрнаступление Красной Армии наглядно показало, что германская ставка на "блицкриг" окончательно провалилась, и Германия оказалась перед перспективой затяжной войны на два фронта. Поэтому неудача "Восточного похода" была не просто поражением вермахта на одном из театров военных действий, а явилась полным и окончательным крахом германской стратегии ведения войны, потребовала коренной перестройки военно-экономического организма Германии для ведения затяжной войны. Произошедшее в то же время нападение Японии на Пёрл-Харбор и объявление Германией и Италией войны США ознаменовали превращение европейской войны в глобальную мировую, принявшую характер постоянной напряженной и затяжной борьбы, выиграть которую Германия не могла¹⁷⁰⁹. События декабря 1941 - января 1942 г. ознаменовали собой начало коренного перелома во Второй мировой войне.

Приложение А

Таблица 1А

Развитие стрелковых войск Красной Армии
1934 - 1938 гг.

Подразделения 1934 1935 1936 1937 1938

Кадровые СД 18 17 38 48 87

Смешанные СД 16 16 4 -

Территориальные СД 42 38 35 25

Кадровые ГСД 5 5 5 10 11

Смешанные ГСД 3 3 4 -

Колхозные СД 3 3 - 3

Уровские СД - 1 11 12

Территориальные "Б" СД - 4 - -

Всего 87 87 97 98 98

Отд. стрелковые бригады - - - - 5

Отд. стрелковые полки - 2 2 -

Источник: РГВА. Ф.40442. Оп.2. Д.180. Л.93.

Таблица 2А

Развитие танковых войск Красной Армии
1934-1939 гг.

Подразделения 1934 1935 1936 1937 1938 1939

Танковые бригады 12 18 30 30 29 31

Мотоброневые бригады - - - 1 2 3

Стрелково-пулеметные бригады 3 3 3 3 3 4

Танковые полки 5 2 2 - - 10

Мотоброневые полки - - - 1 1

Танковые батальоны РГК 9 4 6 6 6

Источник: РГВА. Ф.7. Оп.15. Д.152. Л.122.

Таблица 3А

Развитие кавалерии Красной Армии
1934-1938 гг.

Подразделения 1934 1935 1938

Кадровые КД 17 24 18

Кадровые ГКД 5 5 5

Территориальные КД - 3

Казачьи КД - - 2

Кавалерийские бригады - - 2

Источник: РГВА. Ф.40442. Оп.2. Д.121. Л.1 - 12.

Таблица 4А

Развитие стрелковых войск в 1939-1940 гг.

Примечание: 1. В графах указаны предложения НКО по организации стрелковых войск.

2. Знаком * отмечены утвержденные правительством предложения НКО.

3. В графах на 1.02.40 и 1.12.40 указано фактическое состояние Красной Армии,

в квадратных скобках - предложения НКО.

Таблица 5А

Развитие артиллерии в 1939-1940 гг.

Примечания: 1. В графах показаны предложения НКО по организации артиллерии.

2. Знаком * отмечены утвержденные правительством предложения НКО.

3. В графах на 1.02.40, 9.05.40, 1.09.40 и 1.12.40 указано фактическое состояние артиллерии.

Таблица 6А

Развитие танковых войск в 1939-1940 гг.

Примечания: 1. В графах указаны предложения НКО по организации танковых войск.

2. Знаком * отмечены утвержденные правительством предложения НКО.

3. В графах на 1.02.40 и 1.12.40 указано фактическое состояние танковых войск.

Таблица 7А

Развитие кавалерии в 1939-1940 гг.

Примечания: 1. В графах указаны предложения НКО по организации кавалерии.

2. Знаком * отмечены утвержденные правительством предложения НКО.

3. В графе на 1.02.40 указано фактическое состояние кавалерии.

Красная Армия в начале Второй мировой войны
(1939-1941 гг.)

Перечень управлений фронтов, армейских групп и армий

1) Управления фронтов

Белорусский фронт. Управление фронта создано 6-11 сентября 1939 г. на базе управления БОВО для использования в Польской кампании. Расформировано 14 ноября 1939 г.

Дальневосточный фронт. Управление создано 21 июня 1940 г. на базе управления Читинской фронтовой группы для руководства войсками на Дальнем Востоке.

Западный фронт. Управление создано в июне 1941 г. на базе управления ЗапОВО.

Северо-Западный фронт. Управление создано 7 января 1940 г. на базе управления ЛВО для руководства войсками на Карельском перешейке в Финской кампании. Расформировано 26 марта 1940 г.

Северо-Западный фронт (новый). Управление создано в июне 1941 г. на базе управления ПриБОВО.

Украинский фронт. Управление фронта создано 6-11 сентября 1939 г. на базе управления КОВО для использования в Польской кампании. Расформировано 14 ноября 1939 г.

Юго-Западный фронт. Управление создано в июне 1941 г. на базе управления КОВО.

Южный фронт. Управление создано 9 июня 1940 г. на базе управления КОВО для использования в Бессарабской кампании. Расформировано 10 июля 1940 г.

2) Управления армейских групп

1-я армейская группа. Управление сформировано в июле 1939 г. на базе управления 57-го особого стрелкового корпуса, дислоцированного в МНР. 21 июня 1940 г. переименовано в управление 17-й армии.

Бобруйская армейская группа. Управление сформировано в июле 1938 г. на базе управления 5-го стрелкового корпуса в БОВО. В сентябре 1939 г. переименовано в управление 4-й армии.

Винницкая армейская группа. Управление сформировано в июле 1938 г. на базе

управления 17-го стрелкового корпуса в КОВО. С 16 сентября 1939 г. называлось Волочической АГ, с 24 сентября - Восточной АГ, 28 сентября переименовано в управление 6-й армии.

Витебская армейская группа. Управление сформировано в июле 1938 г. на базе управления 4-го стрелкового корпуса в БОВО. В сентябре 1939 г. переименовано в управление 3-й армии.

Дзержинская конно-механизированная группа. Управление сформировано в сентябре 1939 г. на базе управления КалВО. В сентябре 1939 г. участвовало в Польской кампании. Расформировано 26 сентября 1939 г.

Житомирская армейская группа. Управление сформировано в июле 1938 г. на базе управления 8-го стрелкового корпуса в КОВО. С 16 сентября 1939 г. называлось Шепетовской АГ, с 18 сентября - Северной АГ, 28 сентября переименовано в управление 5-й армии.

Кавалерийская армейская группа. Управление сформировано в июле 1938 г. в КОВО. С 16 сентября 1939 г. переименовано в Каменец-Подольскую АГ. Воссоздано с 28 сентября 1939 г. В июне - июле 1940 г. участвовало в Бессарабской кампании. 1 января 1941 г. переименовано в управление 26-й армии.

Каменец-Подольская армейская группа. Управление сформировано 16 сентября 1939 г. путем переименования Кавалерийской АГ, с 20 сентября называлось Южной АГ, с 24 сентября переименовано в управление 12-й армии.

Минская армейская группа. Управление сформировано в январе 1939 г. на базе управления 16-го стрелкового корпуса в БОВО. В сентябре 1939 г. переименовано в управление 11-й армии.

Мурманская армейская группа. Управление сформировано в сентябре 1939 г. на базе управления 33-го стрелкового корпуса в ЛВО. 29 ноября 1939 г. переименовано в управление 14-й армии.

Новгородская армейская группа. Управление сформировано в августе 1939 г. в ЛВО. 14 сентября 1939 г. переименовано в управление 8-й армии.

Одесская армейская группа. Управление сформировано в июле 1938 г. на базе управления 6-го стрелкового корпуса в КОВО. В сентябре 1939 г. переименовано в управление 13-й армии.

Северная армейская группа. Управление сформировано в октябре 1939 г. для руководства войсками на нижнем Амуре, Камчатке и Сахалине с подчинением военному совету 2-й Отдельной Краснознаменной армии. В июне 1940 г. переформировано в управление Особого стрелкового корпуса.

3) Управления армий

1-я Краснознаменная армия. Управление дислоцировалось в августе 1939 г. на Дальнем Востоке. С июня 1940 г. в ДВФ.

2-я Краснознаменная армия. Управление дислоцировалось в августе 1939 г. на Дальнем Востоке. С июня 1940 г. в ДВФ.

3-я армия. Управление сформировано в сентябре 1939 г. путем переименования управления Витебской АГ. В сентябре - октябре 1939 г. участвовало в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В июне 1940 г. участвовало в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

4-я армия. Управление сформировано в сентябре 1939 г. путем переименования управления Бобруйской АГ. В сентябре - октябре 1939 г. участвовало в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

5-я армия. Управление сформировано 28 сентября 1939 г. путем переименования управления Северной АГ. В сентябре - октябре 1939 г. участвовало в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовало в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

6-я армия. Управление сформировано 28 сентября 1939 г. путем переименования управления Восточной АГ. В сентябре - октябре 1939 г. участвовало в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

7-я армия. Управление сформировано в сентябре 1939 г. на базе управления КалВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовало в Финской кампании. Расформировано 26 марта 1940 г.

7-я армия (новая). Управление сформировано в сентябре 1940 г. на базе управления 56-го стрелкового корпуса в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

8-я армия. Управление сформировано 14 сентября 1939 г. путем переименования управления Новгородской АГ. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовало в Финской кампании. С марта 1940 г. в ЛВО. В июне 1940 г. участвовало в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ПриБОВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

9-я армия. Управление сформировано в ноябре 1939 г. на базе управления Особого стрелкового корпуса в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовало в Финской кампании. Расформировано 26 марта 1940 г.

9-я армия (новая). Управление сформировано в июне 1940 г. на базе управления ОдВО. В июне - июле 1940 г. участвовало в Бессарабской кампании. Расформировано 10 июля 1940 г.

9-я армия (новая). Управление сформировано 14 июня 1941 г. на базе управления ОдВО.

10-я армия. Управление сформировано в сентябре 1939 г. на базе управления МВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовало в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

11-я армия. Управление сформировано в сентябре 1939 г. путем переименования управления Минской АГ. В сентябре - октябре 1939 г. участвовало в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В июне 1940 г. участвовало в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ПриБОВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

12-я армия. Управление сформировано 24 сентября 1939 г. путем переименования управления Южной АГ. В сентябре - октябре 1939 г. участвовало в Польской кампании. Расформировано 23 октября 1939 г.

12-я армия (новая). Управление сформировано 23 октября 1939 г. путем переименования управления 13-й армии. С октября 1939 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовало в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

13-я армия. Управление сформировано в сентябре 1939 г. путем переименования управления Одесской АГ. 23 октября 1939 г. переименовано в управление 12-й армии.

13-я армия (новая). Управление сформировано 25 декабря 1939 г. на базе управлений группы комкора В.Д. Грендаля и 3-го стрелкового корпуса. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовало в Финской кампании. Расформировано 26 марта 1940 г.

13-я армия (новая). Управление сформировано в мае 1941 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

14-я армия. Управление сформировано 29 ноября 1939 г. путем переименования Мурманской АГ. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовало в Финской кампании. С марта

1940 г. в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

15-я армия. Управление сформировано 11 февраля 1940 г. в ЛВО. В феврале - марте 1940 г. участвовало в Финской кампании. Расформировано 26 марта 1940 г.

15-я армия (новая). Управление сформировано в июле 1940 г. на базе управления 20-го стрелкового корпуса в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

16-я армия. Управление сформировано в июле 1940 г. на базе управления 32-го стрелкового корпуса в ЗабВО. С мая 1941 г. в составе войск РГК в КОВО.

17-я армия. Управление сформировано 21 июня 1940 г. путем переименования управления 1-й АГ. С июня 1940 г. в ЗабВО. В июне 1941 г. в ЗабВО.

18-я армия. Управление сформировано в июне 1941 г. на базе управления ХВО.

19-я армия. Управление сформировано в мае 1941 г. на базе управления СКВО. В июне 1941 г. в составе войск РГК в КОВО.

20-я армия. Управление сформировано в июне 1941 г. на базе управления ОрВО. В июне 1941 г. в составе войск РГК в МВО.

21-я армия. Управление сформировано в июне 1941 г. на базе управления ПриВО.

22-я армия. Управление сформировано в мае 1941 г. на базе управления УрВО. В июне 1941 г. в составе войск РГК в ЗапОВО.

23-я армия. Управление сформировано в мае 1941 г. в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

24-я армия. Управление сформировано в июне 1941 г. на базе управления СибВО.

25-я армия. Управление сформировано в январе 1941 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

26-я армия. Управление сформировано 1 января 1941 г. на базе управления Кавалерийской АГ в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

27-я армия. Управление сформировано в мае 1941 г. в ПрибОВО. В июне 1941 г. в ПрибОВО.

Перечень дивизий Красной Армии в 1939-1941 гг.

Ниже приведены сведения обо всех стрелковых, горнострелковых, мотострелковых, моторизованных, кавалерийских и танковых дивизиях, имевшихся в Красной Армии в период с 1 сентября 1939 по 22 июня 1941 гг. Для дивизий, существовавших к августу 1939 г., срок формирования не указан. В отношении вновь сформированных или переформированных дивизий указывается примерный срок проведения этих мероприятий, исходя из приказов наркома обороны.

1) Стрелковые, мотострелковые и горнострелковые дивизии

1-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в МВО. В декабре 1939 г. переформирована в моторизованную.

2-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

3-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в СибВО. С октября 1939 г. во 2-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

4-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЗакВО. В июне 1941 г. в ЗакВО.

5-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. дислоцировалась в Литве. С июля 1940 г. в ПрибОВО. В июне 1941 г. в ПрибОВО.

6-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ОрВО. В сентябре октябре 1939 г.

участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

7-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В январе - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В августе 1940 г. переформирована в моторизованную.

8-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В январь - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в СКВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

9-я горнострелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЗакВО. В июне 1941 г. в ЗакВО.

10-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в МВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ПриБВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

11-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЛВО. В январе марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ПриБВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

12-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 2-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

13-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

14-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

15-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. С октября 1939 г. в ОдВО. В декабре 1939 г. переформирована в моторизованную. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в ОдВО, где переформирована в моторизованную.

16-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЛВО. С октября 1939 г. в Эстонии. С июля 1940 г. в ПриБВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

17-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в МВО. В январе 1940 г. переформирована в мотострелковую. В январе - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в МВО, где переформирована в стрелковую. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

18-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании, в ходе которой была разгромлена противником. В марте 1940 г. расформирована.

18-я стрелковая (новая). Сформирована в апреле 1940 г. в ПриВО путем переименования 111-й стрелковой дивизии. В июне 1941 г. в 20-й армии.

19-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ОрВО. В июне 1941 г. в ОрВО.

20-я горнострелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЗакВО. В июне 1941 г. в ЗакВО.

21-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

22-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

23-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ХВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в ХВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ПриБВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

24-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

25-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ХВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в ХВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

26-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

27-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

28-я горнострелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в СКВО. В июне 1941 г. в СКВО.

29-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В январе 1940 г. переформирована в моторизованную. В апреле 1940 г. переформирована в стрелковую. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В августе 1940 г. переформирована в моторизованную.

30-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ХВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в ОдВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в ОдВО. В мае 1941 г. переформирована в горнострелковую. В июне 1941 г. в ОдВО.

31-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в СКВО. С января 1940 г. в ЗакВО. В июне 1941 г. в ЗакВО.

32-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

33-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В январе 1940 г. переформирована в моторизованную. В апреле 1940 г. переформирована в стрелковую. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ПриБВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

34-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 2-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

35-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 2-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

36-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й АГ. В феврале 1940 г. переформирована в мотострелковую дивизию. В июне 1941 г. в ЗаБВО.

37-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в СибВО, где переформирована в мотострелковую. В феврале - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО, где переформирована в стрелковую. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

38-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в СКВО. В июне 1941 г. в 19-й армии.

39-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

40-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

41-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ХВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

42-я стрелковая. Сформирована в январе 1940 г. в ЛВО. В феврале - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

43-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

44-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В мае 1941 г. переформирована в горно-стрелковую. В июне 1941 г. в КОВО.

45-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

46-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. С сентября 1939 г. в ЗаБВО. В июне 1941 г. в 16-й армии.

47-я горнострелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЗакВО. В июне 1941 г. в ЗакВО.

48-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КалВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ПриБВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

49-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

50-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В январе - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в БОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

51-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. С октября 1939 г. в ОдВО. В январе - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ОдВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

52-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

53-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ПриВО. В июне 1941 г. в 21-й армии.

54-я горнострелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО, где переформирована в стрелковую. В июне 1941 г. в ЛВО.

55-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ОрВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в ОрВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

56-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

57-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й АГ. В феврале 1940 г. переформирована в мотострелковую. В июне 1941 г. в ЗабВО.

58-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В январе 1940 г. переформирована в моторизованную. В апреле 1940 г. переформирована в стрелковую. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В мае 1941 г. переформирована в горнострелковую. В июне 1941 г. в КОВО.

59-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

60-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В январе - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В мае 1941 г. переформирована в горнострелковую. В июне 1941 г. в КОВО.

61-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ПриВО. В июне 1941 г. в 21-й армии.

62-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В январе - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

63-я горнострелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЗакВО. В июне 1941 г. в ЗакВО.

64-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КалВО. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

65-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в УрВО. С декабря 1939 г. в ЗабВО. В январе 1940 г. переформирована в моторизованную. В апреле 1940 г. переформирована в стрелковую. В июне 1941 г. в ЗабВО.

66-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

67-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КалВО. С октября 1939 г. в Латвии. С июля 1940 г. в ПрибВО. В июне 1941 г. в ПрибОВО.

68-я горнострелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в САВО. В июне 1941 г. в САВО.

69-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 2-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В марте 1941 г. переформирована в моторизованную.

70-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

71-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в СибВО. В январе 1940 г. расформирована.

71-я стрелковая (новая). Сформирована в мае 1940 г. в ЛВО на базе 1-го стрелкового корпуса ФНА. В июне 1941 г. в ЛВО.

72-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В январе - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В мае 1941 г. переформирована в горнострелковую. В июне 1941 г. в КОВО.

73-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в СибВО. С октября 1939 г. в ПриВО. В ноября 1939 г. расформирована.

73-я стрелковая (новая). Сформирована в июле 1940 г. в МВО. В июне 1941 г. в 20-й армии.

74-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в СКВО. В июне июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

75-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

76-я горнострелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЗакВО. В июне 1941 г. в ЗакВО.

77-я горнострелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЗакВО. В июне 1941 г. в ЗакВО.

78-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в СибВО. С декабря 1939 г. в 2-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

79-я горнострелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 2-й ОКА. В апреле 1940 г. переформирована в стрелковую. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

80-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ХВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В январе - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

81-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В январе 1940 г. переформирована в моторизованную.

82-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й АГ. В феврале 1940 г. переформирована в мотострелковую. В марте 1941 г. переформирована в моторизованную.

83-я горнострелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в САВО. В июне 1941 г. в САВО.

84-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в МВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в МВО. В январе 1940 г. переформирована в мотострелковую. В январе - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в МВО, где переформирована в стрелковую. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ПриВО. В августе 1940 г. переформирована в моторизованную.

85-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в УрВО. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

86-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ПриВО. В январе 1940 г. переформирована в мотострелковую. В январе - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ПриВО, где переформирована в стрелковую. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в

ЗапОВО.

87-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

88-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в АрхВО. В июне 1941 г. в АрхВО.

89-я стрелковая. Сформирована в июле 1940 г. в ОрВО. В июне 1941 г. в ОрВО.

90-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ПрибВО. В июне 1941 г. в ПрибОВО.

91-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в СибВО. В январе 1940 г. переформирована в мотострелковую. В феврале - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в СибВО, где переформирована в стрелковую. В июне 1941 г. в 24-й армии.

92-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

93-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЗабВО. В июне 1941 г. в ЗабВО.

94-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в СибВО. С декабря 1939 г. в ЗабВО. В июне 1941 г. в ЗабВО.

95-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. С октября 1939 г. в ОдВО. В январе - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ОдВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

96-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В январе 1940 г. переформирована в горнострелковую. В июне 1941 г. в КОВО.

97-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В январе - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

98-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в УрВО. В июне 1941 г. в 22-й армии.

99-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

100-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в СКВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

101-я горнострелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 2-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

102-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в СибВО. В январе 1940 г. расформирована.

102-я стрелковая (новая). Сформирована в июле 1940 г. в ХВО. В июне 1941 г. в ХВО.

103-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в СКВО. В марте 1941 г. переформирована в моторизованную.

104-я горнострелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО, где переформирована в

стрелковую. В июне 1941 г. в ЛВО.

105-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й ОКА. С июня 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

106-я стрелковая. Сформирована в ноябре 1939 г. в ЛВО. В декабре 1939 г. переформирована в 1-й стрелковый корпус ФНА.

106-я стрелковая (новая). Сформирована в июле 1940 г. в СКВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

107-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в СибВО. В июне 1941 г. в 24-й армии.

108-я стрелковая. Сформирована в июле 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

109-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЗабВО. В январе 1940 г. переформирована в моторизованную.

110-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в УрВО. В январе 1940 г. расформирована.

110-я стрелковая (новая). Сформирована в июле 1940 г. в МВО. В июне 1941 г. в 20-й армии.

111-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ПриВО. В апреле 1940 г. переименована в 18-ю стрелковую дивизию.

111-я стрелковая (новая). Сформирована в июле 1940 г. в АрхВО. В июне 1941 г. в АрхВО.

112-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в УрВО. В июне 1941 г. в 22-й армии.

113-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в БОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в БОВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

114-я стрелковая. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й АГ. С октября 1939 г. в ЗабВО. В июне 1941 г. в ЗабВО.

115-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в МВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ПрибВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

116-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ХВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

117-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ПриВО. В июне 1941 г. в 21-й армии.

118-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в СКВО. В январе 1940 г. расформирована.

118-я стрелковая (новая). Сформирована в июле 1940 г. в МВО. В июне 1941 г. в МВО.

119-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в СибВО. В январе 1940 г. переформирована в мотострелковую. В феврале - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в СибВО, где переформирована в стрелковую. В июне 1941 г. в 19-й армии.

120-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ОрВО. В январе 1940 г. расформирована.

120-я стрелковая (новая). Сформирована в июле 1940 г. в ОрВО. В июне 1941 г. в ОрВО.

121-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в БОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В июне 1940 г. участвовала в

Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

122-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ОрВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

123-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

124-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в КОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарбской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

125-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в УрВО. В январе 1940 г. переформирована в мотострелковую. В феврале - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в БОВО, где переформирована в стрелковую. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ПриБВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

126-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в МВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ПриБВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

127-я стрелковая. Сформирована в июле 1940 г. в ХВО. В июне 1941 г. в 19-й армии.

128-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в УрВО. В январе 1940 г. переформирована в мотострелковую. В феврале - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в АрхВО, где переформирована в стрелковую. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ПриБВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

129-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ПриВО. В январе 1940 г. расформирована.

129-я стрелковая (новая). Сформирована в июле 1940 г. в СКВО. В июне 1941 г. в 19-й армии.

130-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в КОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарбской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

131-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в КОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В декабре 1939 г. переформирована в легкую мотострелковую. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в КОВО, где переформирована в стрелковую. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарбской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В ноябре 1940 г. переформирована в моторизованную.

132-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ХВО. С октября 1939 г. в ОдВО. С апреля 1940 г. в ХВО. В июне 1941 г. в ХВО.

133-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в СибВО. В июне 1941 г. в 24-й армии.

134-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ХВО. В июне 1941 г. в 19-й армии.

135-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ХВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

136-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в МВО. С октября 1939 г. в БОВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЗакВО. В

июне 1941 г. в ЗакВО.

137-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в МВО. В июне 1941 г. в МВО.

138-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в КалВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЗакВО. В июне 1941 г. в ЗакВО.

139-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в БОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в БОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарбской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

140-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в КОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарбской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

141-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ХВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарбской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

142-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1930 г. в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

143-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в БОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. С апреля 1940 г. в ОрВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

144-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в МВО. В январе 1940 г. переформирована в добровольческую мотострелковую. В марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в МВО, где переформирована в стрелковую. В июне 1941 г. в 20-я армия.

145-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в БОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. С апреля 1940 г. в ОрВО. В июне 1941 г. в ОрВО.

146-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в КОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарбской кампании. В июле 1940 г. расформирована.

146-я стрелковая (новая). Сформирована в июле 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

147-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ХВО. С октября 1939 г. в ОдВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарбской кампании. С июля 1940 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

148-я стрелковая. Сформирована в сентбяре 1939 г. в ПриВО. В июне 1941 г. в 21-й армии.

149-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ОрВО. В июне 1941 г. в ОрВО.

150-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в БОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в БОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарбской кампании. С июля 1940 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

151-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ХВО. С октября 1939 г. в ОдВО. С апреля 1940 г. в ХВО. В июне 1941 г. в ХВО.

152-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ЗабВО. В июне 1941 г. в 16-й

армии.

153-я стрелковая. Сформирована в июле 1940 г. в УрВО. В июне 1941 г. в 22-й армии.

154-я стрелковая. Сформирована в июле 1940 г. в ПриВО. В июне 1941 г. в 21-й армии.

155-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в КалВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

156-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ХВО. С октября 1939 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

157-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в СКВО. В июне 1941 г. в СКВО.

158-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в СКВО. В июне 1941 г. в 19-й армии.

159-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в УрВО. В январе 1940 г. расформирована.

159-я стрелковая (новая). Сформирована в июле 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

160-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в СКВО. В январе 1940 г. расформирована.

160-я стрелковая (новая). Сформирована в июле 1940 г. в МВО. В июне 1941 г. в МВО.

161-я стрелковая. Сформирована в июле 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

162-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ХВО. В январе 1940 г. расформирована.

162-я стрелковая (новая). Сформирована в июле 1940 г. в ХВО. В июне 1941 г. в 19-й армии.

163-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в МВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. В августе 1940 г. переформирована в моторизованную.

164-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в БОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в СКВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарбской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

165-я стрелковая. Сформирована в июле 1940 г. в СКВО. В июне 1941 г. в СКВО.

166-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в СибВО. В июне 1941 г. в 24-й армии.

167-я стрелковая. Сформирована в июле 1940 г. в ПриВО. В июне 1941 г. в 21-й армии.

168-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ЛВО. В декабре 1939 - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

169-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в КОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарбской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

170-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в УрВО. В июне 1941 г. в 22-й армии.

171-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в СКВО. В июне 1941 г. в 19-й армии.

172-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в МВО. В январе 1940 г. переформирована в добровольческую мотострелковую. В марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в МВО, где переформирована в стрелковую. В июне

1941 г. в 20-й армии.

173-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ПриВО. В январе 1940 г. переформирована в мотострелковую. В январе - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ОдВО, где переформирована в стрелковую. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарбской кампании. В июле 1940 г. расформирована.

173-я стрелковая (новая). Сформирована в июле 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

174-я стрелковая. Сформирована в июле 1940 г. в УрВО. В июне 1941 г. в 22-й армии.

175-я стрелковая. Сформирована в июле 1940 г. в СКВО. В июне 1941 г. в СКВО.

176-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в КОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в ОдВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарбской кампании. С июля 1940 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

177-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

178-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в СибВО. В июне 1941 г. в 24-й армии.

179-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1940 г. в ПриБОВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

180-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ОрВО. В январе 1940 г. расформирована.

180-я стрелковая (новая). Сформирована в сентябре 1940 г. в ПриБОВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

181-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1940 г. в ПриБОВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

182-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в МВО. В январе 1940 г. расформирована.

182-я стрелковая (новая). Сформирована в сентябре 1940 г. в ПриБОВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

183-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1940 г. в ПриБОВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

184-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1940 г. в ПриБОВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

185-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ОрВО. С апреля 1940 г. в БОВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ПриБОВО. В марте 1941 г. переформирована в моторизованную.

186-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в УрВО. В июне 1941 г. в 22-й армии.

187-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в КОВО. В сентябре октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в ХВО. В июне 1941 г. в ХВО.

188-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ПриБОВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

189-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ПриБОВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

190-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

191-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

192-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в ХВО. В ноябре 1939 г. переформирована в горнострелковую. С января 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

193-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

194-я стрелковая. Сформирована в сентябре 1939 г. в СибВО. В декабре 1939 г. переформирована в моторизованную. С января 1940 г. в САВО. С апреля 1940 г.

переформирована в стрелковую. С мая 1941 г. переформирована в горнострелковую. В июне 1941 г. в САВО.

195-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

196-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

197-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

199-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

200-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

201-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в СибВО. В мае 1941 г.

расформирована.

203-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в УрВО. В мае 1941 г. расформирована.

206-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

207-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в СКВО. В мае 1941 г. расформирована.

211-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ОрВО. В мае 1941 г. расформирована.

214-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ХВО. В июне 1941 г. в ХВО.

217-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ОрВО. В июне 1941 г. в ОрВО.

222-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ОрВО. В июне 1941 г. в ОрВО.

223-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в УрВО. В мае 1941 г. расформирована.

224-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в МВО. В мае 1941 г. расформирована.

225-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в СибВО. В мае 1941 г.

расформирована.

226-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ОрВО. В мае 1941 г. расформирована.

227-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ХВО. В июне 1941 г. в ХВО.

228-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

229-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в МВО. В июне 1941 г. в МВО.

230-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ХВО. В мае 1941 г. расформирована.

231-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в МВО. В мае 1941 г. расформирована.

232-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ХВО. В июне 1941 г. в ХВО.

233-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в МВО. В июне 1941 г. в МВО.

234-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ПриВО. В мае 1941 г.

расформирована.

235-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в МВО. В июне 1941 г. в МВО.

237-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.

238-я стрелковая. Сформирована в марте 1941 г. в САВО. В июне 1941 г. в САВО.

2) Моторизованные дивизии

1-я. Сформирована в декабре 1939 г. в МВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской операции. С июля 1940 г. в МВО. В июне 1941 г. в 20-й армии.

7-я. Сформирована в августе 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

15-я. Сформирована в августе 1940 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

29-я. Сформирована в августе 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

69-я. Сформирована в марте 1941 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

81-я. Сформирована в январе 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

82-я. Сформирована в марте 1941 г. в ЗабВО. В июне 1941 г. в ЗабВО.

84-я. Сформирована в августе 1940 г. в ПриБОВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.

103-я. Сформирована в марте 1941 г. в СКВО. В июне 1941 г. в 19-й армии.

109-я. Сформирована в январе 1940 г. в ЗабВО. В июне 1941 г. в 16-й армии.

- 24-я. Сформирована в марте 1941 г. в ЛВО. В июне 1941 г. в ЛВО.
- 25-я. Сформирована в марте 1941 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.
- 26-я. Сформирована в марте 1941 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.
- 27-я. Сформирована в марте 1941 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.
- 28-я. Сформирована в марте 1941 г. в ПриБОВО. В июне 1941 г. в ПриБОВО.
- 29-я. Сформирована в марте 1941 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.
- 30-я. Сформирована в марте 1941 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.
- 31-я. Сформирована в марте 1941 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.
- 32-я. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.
- 33-я. Сформирована в марте 1941 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.
- 34-я. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.
- 35-я. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.
- 36-я. Сформирована в марте 1941 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.
- 37-я. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.
- 38-я. Сформирована в марте 1941 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.
- 39-я. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.
- 40-я. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.
- 41-я. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.
- 42-я. Сформирована в марте 1941 г. в МВО. В июне 1941 г. в 22-й армии.
- 43-я. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.
- 44-я. Сформирована в марте 1941 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.
- 45-я. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.
- 46-я. Сформирована в марте 1941 г. в МВО. В июне 1941 г. в 22-й армии.
- 47-я. Сформирована в марте 1941 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.
- 48-я. Сформирована в марте 1941 г. в ОрВО. В июне 1941 г. в ОрВО.
- 49-я. Сформирована в марте 1941 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.
- 50-я. Сформирована в марте 1941 г. в ХВО. В июне 1941 г. в 21-й армии.
- 51-я. Сформирована в марте 1941 г. в ОрВО. В июне 1941 г. ОрВО.
- 52-я. Сформирована в марте 1941 г. в СКВО. В июне 1941 г. в 19-й армии.
- 53-я. Сформирована в марте 1941 г. в САВО. В июне 1941 г. в САВО.
- 54-я. Сформирована в марте 1941 г. в ЗакВО. В июне 1941 г. в ЗакВО.
- 55-я. Сформирована в марте 1941 г. в ХВО. В июне 1941 г. в 21-й армии.
- 56-я. Сформирована в марте 1941 г. в СКВО. В июне 1941 г. в 19-й армии.
- 57-я. Сформирована в марте 1941 г. в ЗабВО. В июне 1941 г. в ЗабВО.
- 58-я. Сформирована в марте 1941 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.
- 59-я. Сформирована в марте 1941 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.
- 60-я. Сформирована в марте 1941 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.
- 61-я. Сформирована в марте 1941 г. в ЗабВО. В июне 1941 г. в ЗабВО.

4) Кавалерийские дивизии

3-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

4-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В марте 1941 г. расформирована.

5-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

6-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

7-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В феврале - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в БОВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. В июле 1940 г. расформирована.

8-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й ОКА. С июля 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

9-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

10-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в СКВО. В марте 1941 г. расформирована.

11-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В июле 1940 г. расформирована.

12-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в СКВО. В марте 1941 г. расформирована.

14-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне 1941 г. в КОВО.

15-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЗабВО. В марте 1941 г. расформирована.

16-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. В июле 1940 г. расформирована.

17-я горнокавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЗакВО. В июне 1941 г. в ЗакВО.

18-я горнокавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в САВО. В июне 1941 г. в САВО.

19-я горнокавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в САВО. В марте 1941 г. расформирована.

20-я горнокавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в САВО. В июне 1941 г. в САВО.

21-я горнокавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в САВО. В июне 1941 г. в САВО.

22-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЗабВО. В марте 1941 г. расформирована.

24-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В январе 1940 г. переформирована в мотокавалерийскую. В феврале - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЗакВО, где переформирована в кавалерийскую. В июне 1941 г. в

ЗакВО.

25-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в ЛВО. В январе 1940 г. переформирована в мотокавалерийскую. В январе - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в ЛВО, где переформирована в кавалерийскую. В июле 1940 г. расформирована.

31-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в 1-й ОКА. С июля 1940 г. в ДВФ. В июне 1941 г. в ДВФ.

32-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. С июля 1940 г. в КОВО. С мая 1941 г. в ОдВО. В июне 1941 г. в ОдВО.

34-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в КОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в КОВО. В июне - июле 1940 г. участвовала в Бессарабской кампании. В июле 1940 г. расформирована.

36-я кавалерийская. В августе 1939 г. дислоцировалась в БОВО. В сентябре - октябре 1939 г. участвовала в Польской кампании. С октября 1939 г. в БОВО. В феврале - марте 1940 г. участвовала в Финской кампании. С апреля 1940 г. в БОВО. В июне 1940 г. участвовала в Прибалтийской кампании. С июля 1940 г. в ЗапОВО. В июне 1941 г. в ЗапОВО.

Приложение Б

Развитие бронетанкового парка РККА
в 1930-1941 гг.

По истории зарождения и развития советских бронетанковых войск, их организационного совершенствования и перевооружения написано немало исследований. Однако отличительным признаком советской историографии было практически полное отсутствие сведений по главному вопросу - каким парком бронетанковой техники располагали советские вооруженные силы в межвоенный период. Весной 2001 г. в Российском государственном военном архиве (РГВА) были рассекречены некоторые описи фонда Автобронетанкового управления РККА. Содержащиеся в них материалы позволяют ответить на вопрос о наличии бронетехники в Красной Армии в 1930-е гг.

Как правило, статистические данные содержатся в различных справках или сводках наличия бронетехники на разные даты, составлявшиеся как в военных округах, так и в Автобронетанковом управлении РККА. Прежде всего бросается в глаза несовпадение сведений этих разных инстанций. Однозначно ответить на вопрос о причинах подобного расхождения пока не представляется возможным. Поэтому создание полной и точной статистики наличия бронетехники в РККА потребует напряженного труда исследователей с привлечением еще более широкого круга источников, отражающих как производство и поступление техники в Красную Армию, так и ее распределение в войсках. Пока же на основе материалов РГВА можно показать относительную статистику, которая все же дает общее представление по столь важному вопросу истории советских бронетанковых войск. Поскольку пока не представляется возможным определить какие именно сведения наиболее точны, ниже приводятся имеющиеся варианты конкретных данных по наличию танков и бронемашин в Красной Армии.

Развитие советских бронетанковых войск берет свое начало в 1920-е годы, когда Красная Армия имела на вооружении преимущественно трофейную технику времен Гражданской войны. Так, на 1 января 1928 г. в РККА насчитывалось 79 танков (45 "Рикардо" Mk V, 28 "Рено" FT17, 6 "Тэйлор" Mk A) и 7 только что ставших производиться в СССР бронемашин БА-27 [РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.979. Л.5, 8]. 1929 год стал переломным в истории советских бронетанковых войск. Было создано Управление моторизации и механизации (УММ) Красной Армии, а 25 ноября 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило структуру танковых войск и производства бронетанковой техники по всему спектру: танкетки, малые, легкие, средние, тяжелые танки и бронемашины. Наличие бронетанковой техники в Красной Армии на 1 января 1930 и 1 мая 1931 г. показано в таблице 1Б.

Таблица 1Б

Тип 1 января 1930 г. 1 мая 1931 г.

МС-1 (Т-18) 76 715

Т-24 - 7

Танки "большие" 44 44

Всего 120 766

Бронемашины 129 167

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.62. Л.16

Однако имеются и другие данные, согласно которым на 1 января 1930 г. советские

бронетанковые войска насчитывали 75 танков МС-1, 17 - "Больших", 1 - "Средний" (Т-24) и 7 - "Малых" (Т-27) танков [РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.979. Л.5]. Иные сведения на 1 мая 1931 г. приведены в таблице 2Б.

Таблица 2Б

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 мая 1931 г.

Тип ЛВО БВО УВО МВО ПриВО СКВО СибВО САВО ККА ОКДВА Итого

МС-1 334 24 2 352 - 1 - - - 16 729

Т-24 13 - - 12 - - - - - 25

Большие 2 - - 13 - - - - - 15

Т-27 15 - 15 15 - - - - - 45

Итого 364 24 17 392 - 1 - - - 16 814

БА 28 24 37 56 - 7 - - - 4 168

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.65. Л.92.

В ходе подготовки первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР и Красной Армии советское руководство взяло курс на моторизацию и механизацию вооруженных сил. Были подготовлены расчеты необходимого количества танков и бронемашин на случай войны, на основе которых создавались мобилизационные заявки промышленности. Одновременно промышленность приступила к крупносерийному производству бронетехники. Конечно, это новое и сложное производство имело свои проблемы и 1931-1932 гг. стали периодом становления танковой промышленности в СССР.

Имеющаяся статистика производства и поставок танков Красной Армии, приведенная в таблицах 4Б и 5Б, имеет ряд противоречий. Часть машин, неполностью укомплектованных в 1932 г., достраивалась в 1933 г., но при этом они не попадали в статистику текущего года. И наоборот, военная приемка техники на заводах учитывала машины по факту их сдачи РККА. Это утверждение можно проиллюстрировать следующими данными по производству Т-26 в 1931-1933 гг. (см. таблицу 3Б). Значительно менее понятно расхождение данных по Т-27, которых советские вооруженные силы получили больше, чем их было произведено промышленностью. Таким образом, как уже отмечалось, точное установление масштабов производства и поставок бронетехники в Красную Армию потребует скрупулезного исследования статистики заводов-изготовителей и органов военной приемки.

Таблица 3Б

Год Произведено Принято

1931 123 19

1932 1 341 1 032

1933 993 1 405

Итого 2 457 2 456

Источник: РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.13. Л.16об. - 18об.

Таблица 4Б

Производство бронетанковой техники в СССР в 1930-1944 гг.

Источник: РГАЭ. Ф.4372. Оп.91. Д.1198. Л.71об; Д.1265. Л.83-85; Д.1643. Л.107-108; Д.1676. Л.109; Д.1751. Л.20, 125; Д.2511. Л.5-11; Д.2835. Л.196-198; Ф.1562. Оп.329. Д.6. Л.81; Д.13. Л.16об. - 18об.; Ф.8752. Оп.4. Д.728. Л.157об. - 164.

Таблица 5Б

Поставки танков РККА 1931-1940 гг.

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.521. Л.330-331; Д.602. Л.10; Д.1064. Л.198; Д.1083.

Л.5.

Таблица 6Б

Количество танков и бронемашин в Красной Армии 1932-1939 гг.

Тип 1.01.32 1.01.33 1.01.34 1.01.35 1.01.36 1.01.37 1.01.38 1.01.39

T-35 - - - 10 17 32 42 53

T-28 - - 41 91 123 224 263 359

Всего - - 41 101 140 256 305 412

BT-2 - 396 620 620 620 620 620 620

BT-5 - - 781 1 884 1 884 1 884 1 884 1 884

BT-7 - - - 2 502 1 471 2 249 3 351

BTхим. - - - - - 80 80 80

Всего - 396 1 401 2 506 3 006 4 005 4 833 5 935

МС-1 953 953 953 - - - -

T-26 (2) 100 1 050 1 626 1 627 1 627 1 627 1 627 1 627

T-26 - - 712 1 680 2 969 4 277 4 827 5 544

ХТ-26 - 53 168 598 605 616 616 906

T-26 (сап.) - - 1 45 65 65 65 65

T-26 (теле.) - - - - - - 55

Всего 1 053 2 056 3 460 3 950 5 266 6 585 7 135 8 197

T-37 - - 125 1 076 2 182 2 552 2 552 2 552

T-37 (хим) - - - - 34 75 75 75

T-38 - - - - - 1 046 1 228 1 228

Всего - - 125 1 076 2 216 3 673 3 855 3 855

T-27 393 2 086 2 547 2 547 2 547 2 547 2 547 2 547

T-27 (хим) - - - - 164 164 164 164

Всего 393 2 086 2 547 2 547 2 711 2 711 2 711 2 711

Итого 1 446 4 538 7 574 10 180 13 339 17 280 18 839 21 110

БА (л) 50 60 60 162 663 713 967 1 268

БА (ср) 163 184 266 302 370 715 834 1 326

Всего 213 244 326 464 973 1 428 1 801 2 594

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.602. Л.14; Д.979. Л.83.

Таблица 7Б

Количество танков и бронемашин в Красной Армии 1934-1940 гг.

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.420. Л.9; Д.446. Л.12, 13; Д.574. Л.385; Д.582. Л.166; Д.521. Л.603; Д.1199. Л.56.

Таблица 8Б

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 января 1934 г.

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.446. Л.16-30.

Таблица 9Б

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 января 1935 г.

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.446. Л.16-30.

Таблица 10Б

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 января 1936 г.

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.531. Л.48-60.

Таблица 11Б

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 января 1936 г.

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.582. Л.192, 194, 196, 198, 200, 202, 204, 206, 208, 210, 214, 216, 218.

Таблица 12Б

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 января 1936 г.

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.602. Л.7-8.

Таблица 13Б (начало)

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 января 1938 г.

Таблица 14Б

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 января 1938 г.

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.979. Л.1.

Таблица 15Б

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 января 1939 г.

В том числе учтены находившиеся вне округов 100 БТ-2-5, 70 Т-28, 10 БТ-7, 43 БХМ и 1 БА (с).

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.979. Л.133.

Таблица 16Б

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 июня 1939 г.

Примечание: * Данные на 25 мая 1939 г.

** Данные на 1 июля 1939 г.

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.926. Л.2, 7, 12, 17, 22, 27, 32, 37, 42, 47, 52, 57, 62, 67, 72, 77, 82.

Таблица 17Б

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 сентября 1939 г.

Примечание: * Данные на 1 августа 1939 г.

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.926. Л.2, 7, 12, 17, 27, 32, 37, 42, 47, 52, 57, 62, 67, 72, 77, 82; Д.980. Л.26-28.

Таблица 18Б (начало)

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 июня 1940 г.

Таблица 19Б

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 сентября 1940 г.

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.1086. Л.57.

Таблица 20Б (начало)

Наличие бронетехники в Красной Армии на 15 сентября 1940 г.

В том числе учтены находившиеся на складе 2 ХТ-26, 1 Т-38, 6 Т-27, 8 БА-6, 4 БА-20 и 8 Д-8-13.

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.1195. Л.141-142.

Таблица 21Б (начало)

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 декабря 1940 г.

Таблица 21Б (окончание)

В том числе учтены находившиеся на складе 2 ХТ-26, 1 Т-38, 6 Т-27, 8 БА-6, 4 БА-20 и 8 Д-8-13.

Источник: РГВА. Ф.31811. Оп.2. Д.1195. Л.141-142.

Таблица 22Б

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 января 1941 г.

Источник: РГАСПИ. Ф.71. Оп.25. Д.4133. Л.1-17.

Таблица 23Б

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 апреля 1941 г.

Источник: РГАСПИ. Ф.71. Оп.25. Д.4133. Л.1-17.

Таблица 24Б

Наличие бронетехники в Красной Армии на 1 июня 1941 г.

Примечание: Кроме того, на складах и ремонтных базах имелось 39 Т-28, 5 БТ-2, 94 БТ-5, 39 БТ 7, 78 Т-26 (2), 216 Т-26, 76 ХТ-26, 84 Т-38, 61 Т-37, 188 Т-27, 29 БА (л) и 20 БА (ср), с учетом которых общее количество танков составляло 25 479, а бронемашин - 5 260.

Источник: РГАСПИ. Ф.71. Оп.25. Д.4134. Л.1-8.

Таблица 25Б

Укомплектованность мехкорпусов танками.

* Управление корпуса расформировано весной 1941 г.

** Общее количество танков в войсках ДВФ.

Источник: РГВА. Ф.40442. Оп.2. Д.171. Л.116-146, 254-290; Крикунов В.П. "Простая арифметика" В.В.Шлыкова//Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С.42; 1941 год. Документы. Кн.1. С.676-677; 1941 год - уроки и выводы. М.,1992. С.29.

Приложение В

Таблица 1В

Доля великих держав в производстве вооружений (%)

1938 1939 1940 1941 1942

Германия 46 43 40 31 27

СССР 27 31 23 24 17

Англия 6 10 18 20 17

США 6 4 7 14 30

Италия 6 4 5 4 3

Япония 9 8 7 7 6

Источник: Кнорр К. Военный потенциал государств. М.,1960. С.67.

Таблица 2В

Военная продукция в ценах 1944 г. (млрд \$)

1935 - 1939 1939 1940 1941 1943

Германия 12 3,4 6 6 13,8

СССР 8 3,3 5 8,5 13,9

США 1,5 0,6 1,5 4,5 37,5

Англия 2,5 1 3,5 6,5 11,1

Япония 2 ? 1 2 4,5

Источник: Duic M. Die Achsenpartner und der Krieg im Mittelmeerraum//Österreichische Militärische Zeitschrift. 1996. № 2. S.196.

Таблица 3В

Производство самолетов великими державами в 1930 - 1944 гг.

Год СССР США Англия Германия Япония Италия Франция

1930 1 149 3 437 1 434 - 445 ? ?

1931 1 489 2 800 ? 13 368 ? ?

1932 2 490 1 396 ? 36 691 ? ?

1933 4 1161 324 1 102 368 766 ? ?

1934 4 354 1 615 1 108 1 968 688 ? ?
1935 2 529 1 710 1 807 3 183 952 ? ?
1936 4 270 3 010 1 830 5 112 1 181 ? 569
1937 6 039 3 773 2 218 5 606 1 511 ? 743
1938 7 727 3 623 2 828 5 235 3 201 1 850 1 382
1939 10 362 5 856 7 940 8 295 4 467 1 750 3 163
1940 10 565 12 813 15 049 9 869* 4 768 3 257 2 441***
1941 15 735 26 289 20 094 10 940* 5 088 3 503
1942 25 436 47 836 23 672 14 664* 8 861 2 813
1943 34 884 85 898 26 263 24 365* 16 693 1 930**
1944 40 261 96 318 26 461 40 482* 28 180 -

Примечания: * Без учета производства планеров.

** До 1 сентября 1943 г.

*** До 1 июля 1940 г.

Источник: РГАЭ. Ф.4372. Оп.91. Д.1221. Л.25; Д.1643. Л.107 - 108; Д.2101. Л.46 - 47; Groehler O. Geschichte des Luftkrieges 1910 bis 1980. Berlin. 1981. S.207, 213, 494; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart. 1979 - 1983. Bd.1. S.242, Bd.3. S.71; Historikal Statistik of United States. Washington. 1975. P.768; 1941 год. Документы. М.,1998. Кн.2. С.490 - 491; Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. М.,1973. Т.2. С.645; Самолетостроение в СССР. 1917 - 1945. М.,1992. Кн.1. С.431 - 435.

Таблица 4В

Количество самолетов в ВВС РККА на 1 июня 1940 г.

* Имеется ввиду транспортный самолет ПС-84 (американское обозначение Дуглас DC-3).

Примечание: Данные в таблице приведены по двум разным документам.

Источник: РГВА. Ф.29. Оп.73. Д.21. Л.1 - 4, 14 - 18.

Таблица 5В

Планы развития ВВС РККА к концу 1941 г.

Источник: РГВА. Ф.40442. Оп.2. Д.169. Л.321 - 335, 351 - 358.

Таблица 6В

Динамика численности командно-начальствующего состава сухопутных войск в 1935 - 1939 гг.

Источник: РГВА. Ф.37837. Оп.18. Д.886. Л.64 - 65, 66, 67, 70.

Таблица 7В

Укомплектованность мехкорпусов западных приграничных округов на 22 июня 1941 г.

Источник: Glantz D. Stumbling Colossus. The Red Army on the Eve of World War. Lawrence. 1998. P.551.

Таблица 8В

Производство вооружения во второй половине 1941 г.

Германия СССР

Винтовки и карабины 535 152 1 567 141

Автоматы 115 150 89 665

Пулеметы 31 662 53 813

Орудия 8 498 15 737

Минометы 3 840 40 784

Танки 2 253 4 742

Самолеты 5 470* 9 777

* Рассчитано по среднемесячному производству.

Источник: Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. М.,1961. С.196, 265; История второй мировой войны 1939 - 1945 гг. М.,1975. Т.4. С.150; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart. 1983 - 1988. Bd.4. S.974 - 975; Bd.5/1. S.633.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)